

Иван Ильич

**МИР ПЕРЕД
ПРОПАСТЬЮ**

Часть III

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ
И ПУБЛИЦИСТИКА**

*

(1928-1941)

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
2001

И.А.ИЛЫИН

Собрание сочинений

**МИР ПЕРЕД
ПРОПАСТЬЮ**

Часть III

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ
И ПУБЛИЦИСТИКА
(1928–1941)**

Москва
РУССКАЯ КНИГА
2001

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.

И 46 Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть III. Аналитические записки и публицистика (1928—1941)/ Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 2001. — 592 с.

Настоящий том — это органическое продолжение предыдущего. Основу его составляет часть III книги «Мир перед пропастью». В него также вошли материалы, которые тематически связаны с указанной книгой, дополняют и развивают затронутые в ней проблемы: публицистические работы берлинского периода жизни Ильина, его аналитические записки в различные министерства Германии и сборник статей «Вера, Родина, Семья».

В приложении даются отзывы в немецкой печати на книгу «Мир перед пропастью», библиография ильинских работ на немецком языке, а также ряд документов, касающихся жизни и творчества философа.

Все материалы печатаются впервые.

ISBN 5 — 268 — 00419 — 0

УДК 1/14
ББК 87.3

© Лисица Ю. Т., 2001 г., составление и комментарии.
© Шканов Л. Ф., 2001 г., оформление.
© Издательство «Русская книга», 2001 г.

**МИР ПЕРЕД
ПРОПАСТЬЮ**

Часть III

КУЛЬТУРА

Проф. Н. С. Арсеньев¹

БОЛЬШЕВИЗМ И РЕЛИГИЯ

Большевизм — это мировоззрение

Большевизм в первую очередь мировоззрение, отрицающее Бога и душу. Он отрицает религию не только потому, что воспринимает ее как союзницу своих политических и социальных противников, т. е. не из одних лишь тактических и практических соображений, он отрицает ее *для себя, как таковую, абсолютно*. Сила и мощь большевизма заключается в том, что он есть нечто большее, чем просто политическая и социальная программа, — он *мировоззрение*, и это мировоззрение принципиально *антирелигиозно*, не просто нерелигиозно, т. е. индифферентно по отношению к религии, но прямо враждебно религии. Коммунизм есть целеустремленный план, который предполагает устройство на земле без Бога, без признания любых высших, абсолютных связей, будь то связи религиозного или морального порядка; поэтому *агрессивное неверие* — его характерная черта. Суть большевистско-коммунистического мировоззрения в том, что большевизм и вера в Бога — *друг с другом принципиально несовместимы*. Большевики знают, признают и громко провозглашают это; в этом они совершенно единодушны. «Религия и коммунизм непримиримы как теоретически, так и практически», — пишут, например, Бухарин и Преображенский в «Азбуке коммунизма». Бог, по выражению Ленина, — *«заклятый враг коммунистического общества»*. «Каждая религиозная идея, — пишет Ленин в своем знаменитом письме к Горькому, — любая идея о любом Боге, даже любое заигрывание с подобными мыслями есть невыразимая низость, подлейшая зараза»¹.

¹ См.: Мысли Ленина о религии (русско-советское издание), с. 130. На русском языке в издевательском тоне. Ср. у Ленина там же, с. 23, 25, 26, 90, 112, 114, 115, 117—118, 132, 137 и др., ср. у Луначарского об «отвратительном фантоме Божества» в первых выпусках «Безбожника».

И эти воззрения непрерывно и неустанно вдалбливаются людям. «Религия и коммунизм, — читаем мы, например, в большевистском сборнике «Антирелигиозная пропаганда среди женщин»^I, — это две силы, два мира, которые враждебно противостоят друг другу и непримиримо борются друг с другом, это два врага, причем коммунизм никогда не протянет руку религии...» Согласно § 13 Устава Коммунистической партии, каждый коммунист *обязан* заниматься антирелигиозной пропагандой. Из уст отдельных коммунистов постоянно слышишь признания такого рода: «Коммунисту следует *проявить* свою партийную принадлежность в *наиглавнейшем*, он должен окончательно и стопроцентно порвать с религией»^{II}. Пафос, восторг, рвение, даже самоотвержение заключены в этом принципиальном отречении от Бога. Они могут охватить человека целиком, овладеть всеми его чувствами; люди доходят до страстного выражения ненависти, ненависти не случайной, а принципиальной. «Мы ненавидим христианство и христиан! — говорил в своем известном публичном выступлении в Москве нарком просвещения Луначарский. — Надо рассматривать даже лучших из них как своих злейших врагов. Они провозглашают любовь к ближнему и милосердие, что противоречит нашим принципам».

Ненависть к религии

Можно подумать, эта ненависть к религии в достаточной степени объясняется проповедуемой коммунизмом классовой борьбой, ибо религия стремится нейтрализовать и сгладить классовую борьбу и становится, таким образом, в глазах коммунистов оплотом существующего капиталистического общества^{III}. Как ча-

^I 1926 г., с. 16.

^{II} Сборник «Антирелигиозная пропаганда среди женщин», с. 61.

^{III} Ср., например, статью большевика Антона Логинова «День тысячелетнего заблуждения» (в вечернем выпуске московской «Красной газеты» от 3 мая 1929 г.) о Пасхе. Там среди прочего читаем: «С точки зрения сознательного пролетария, пасхальное лобызание в его среде — предательский удар по революции. *Ведь Христов праздник Пасхи — это же празднование братания классов.* Пасха — противореволюционный маневр, с помощью которого мировая буржуазия пытается отвести классовую ненависть рабочих, готовую в революционном наступлении обрушиться на голову мировой буржуазии».

стичное, но не исчерпывающее, подобное обоснование ненависти к религии вполне правомерно, однако ее корни гораздо глубже. *Человек-большевик не желает признавать над собой никакой высшей божественной власти, перед которой он должен был бы добровольно склоняться* — вот последняя, метафизическая подоплека всего коммунистического мировоззрения, которая его определяет. Поэтому, как уже сказано, борьба против Бога не случайное, просто исторически обусловленное явление в истории и развитии большевизма, она относится к самой сути дела. На ней зиждется и с ней падет большевизм. *Большевизм без борьбы с Богом уже не большевизм*. Эти мировоззренческие амбиции и придают большевизму соблазнительную и притягательную силу (не в одних только кругах коммунистов).

Это проливает также свет на исключительную важность религиозной духовной борьбы в нынешней жизни Советской России, ибо *здесь противостоят друг другу два духовных мира*. Борьба затрагивает последние принципы человеческого существования, первопричины, вообще последние корни существования, последний фундамент всей картины мироздания и всего жизненного устройства. То, что это именно так, явствует из того чрезвычайно принципиального значения, которое придает этой борьбе большевизм, и из постоянного напоминания о том, что примирение невозможно. Так что эта борьба — самое глубокое и значительное из всего, что разыгрывается на земле Советской России.

Подавление

В какой же форме ведется эта борьба? Религию в Советской России преследуют, хотя и сохраняется видимость, что она «терпима» «законом». Нам приходится говорить «преследуют», ибо эта видимость «терпимости» на самом деле связана с сильнейшим угнетением, чрезвычайным бесправием и многочисленными мучениями¹.

¹ Выражение «преследование» для определения советской политики по отношению к различным сектам *употребляется самими коммунистами*. «Это преследование остановило в 1924 году образование новых сектантских общин». См. также пример Бонч-Бруевича и Ярославского (На антирелигиозном фронте, с. 68.).

Советское правительство старается, насколько это ему удастся, просто искоренить религию.

Сами коммунисты не делают тайны из подавления и преследования религии (лицемерие здесь возможно лишь по отношению к наивным иностранцам). Так, например, у Ленина мы читаем: «Нам надо бороться с религией. Это азбука всего материализма, а следовательно, и марксизма». Необходимо создание «воинствующего атеизма», «воинствующего материализма». «Глупо было бы думать, что в обществе, основанном на бесконечном притеснении и ожесточении рабочих масс, религиозные предрассудки исчезнут просто под влиянием проповедования»^I. Нет, за дело следует взяться *государству* и проводить его *официально*. «У нас есть ведомства, или по крайней мере государственные учреждения, которые занимаются этой работой» (воинствующим атеизмом). «Но эта работа проводится слишком вяло и слишком неудовлетворительно»^{II}. Бухарин обосновывает весь план борьбы в деталях: подавление церкви и религиозности, антирелигиозная борьба за детей, антирелигиозное завоевание семьи и т. д.^{III}

Принципиально высказывается и Ярославский², возглавляющий эту борьбу: «Религия стоит у коммунизма поперек пути». «Там, где побеждает религия, слабеет коммунизм. Коммунистический строй жизни можно осуществить только там, где народ будет освобожден от религии...» «Мы обязаны разрушить всякое религиозное мировоззрение»^{IV}. По сути это означает «войну религии»^V; и о войне здесь говорится вовсе не «образно» — «если для победы определенного класса потребуется убить десять миллионов человек, как это

^I Ленин. См.: Мысли Ленина о религии (на русском, советское издание), с. 25, 118, 115.

^{II} Там же, с. 117—118.

^{III} Бухарин и Преображенский. См.: Азбука коммунизма, русско-советское издание, с. 184, 185, 186, 188—190.

^{IV} Ярославский. См.: На антирелигиозном фронте (русско-советское издание), с. 93, 47, 66.

^V Там же, с. 44, 59 и др.

сделала последняя война, то это надо сделать и это будет сделано...»¹

Что же касается точного изложения советских законов о церкви, то суть изложенного становится предельно ясной после ознакомления с дословно приведенной выше точкой зрения. Необходимо во всех областях ослабить церковь как живую и животворную организацию. Для начала ограничились повсеместным проведением секуляризации жизни.

В § 4 первой советской Конституции читаем: «Чтобы предоставить трудящимся истинную свободу совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви; за всеми гражданами признается свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды». Но характерно, что в противоположность этому в последней, новой редакции этого закона весной 1929 года речь идет лишь о «свободе *религиозных отправлений и антирелигиозной пропаганды*», т. е. *свобода религиозной пропаганды больше не допускается*. И еще законодательство первых лет теоретически поставило религию в возможно более невыгодное положение. Церкви, церковной общине и вообще религиозным объединениям отказано в праве юридического лица, этот отказ действует и поныне¹¹. Поэтому ни

¹ Ярославский. См.: На антирелигиозном фронте, с. 132.

¹¹ Ср., например: «Религиозные сообщества как таковые не обладают правом юридического лица» (циркулярное предписание Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел от 15 августа 1921 года, § 5—6); «Религиозные союзы, согласно декрету об отделении церкви от государства, не обладают правом на владение и не имеют прав юридического лица» (циркуляр Народного комиссариата юстиции от 18 мая 1920 г., циркуляр Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел, Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции от 15 июля 1921 г.). А в новейшей редакции: «Религиозные общества и группы верующих не обладают правом юридического лица» (распоряжение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г., § 3; ср. § 1, 4, 5, 11, 12, 17, 18, 19, 22, 25, 39, 40).

церковь как целое, ни отдельные церковные общины не могут обладать какой-либо собственностью. В соответствии с этим все прежнее имущество (включая культовые здания и предметы культа) *экспроприировано*. С этих пор культовые здания и предметы культа предоставляются государством религиозным общинам *лишь для использования впредь до отмены*^I. Однако они могут использоваться ведомствами и с другой целью, как это довольно часто и происходит.

Еще большее закабаление представляет собой узаконенное планомерное подавление религиозного обучения. Остается абсолютно под запретом^{II} не только религиозное обучение общеобразовательного характера в общественных и частных школах, вообще не разрешается религиозное обучение лиц моложе 18 лет^{III}; не разрешается даже в церковных помещениях^{IV}, так же как и в частных домах; исключение составляет домашнее обучение, если его получают не более чем трое детей одновременно^V. По тексту закона разрешается организация специальных религиозных учебных заведений для лиц старше 18 лет, но лишь в губернских городах (т. е. провинциальных столицах) и лишь с дозволения соответствующего губернского исполкома, который, со своей стороны, должен поставить об этом в известность цент-

^I Ср., например, § 25 последней, уже упомянутой формулировки закона о религии (от 8 апреля 1929 г.): «Имущество для отправления культа, переданное религиозным обществам по договору, а также вновь ими приобретенное или подаренное для культовых целей, есть *национальная собственность* и подлежит присмотру со стороны соответствующих ведомств, контролирующих использование его верующими». Ср. заявление Народного комиссариата юстиции от 24 июня 1925 г. о том, что *государственной собственностью являются* не только церкви, национализированные в 1918 году, *но и те*, что были *построены* верующими после этого года.

^{II} Инструкция Народного комиссариата юстиции 1918 г., ст. 33.

^{III} Указ ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) от 13 июня 1921 г.

^{IV} Заявление отдела культов (5-го отдела) Народного комиссариата юстиции от 16 июля 1924 г.

^V Заявление 5-го отдела Народного комиссариата юстиции от 1 сентября 1924 г.

ральные ведомства¹. Между тем можно хорошо себе представить, как обращались с этими законами и как их применяли вступившие в войну с религией коммунистические ведомства.

Закон 1929 года

Это и без того резко антицерковное законодательство еще более усилилось с принятием нового закона от 8 апреля 1929 года. Хотя число верующих, необходимое для образования религиозного объединения, по новому закону было снижено с 50 до 20 и по-прежнему сохранялось право на отправление культа (*nudum jus*³), однако вопреки этому мы читаем:

«§ 17. Религиозным объединениям *запрещено*:

а) образование касс вспомоществования, кооперативных товариществ, трудовых сообществ, а также вообще использование имеющегося имущества в каких-либо иных целях, кроме удовлетворения религиозных потребностей;

б) оказание материальной помощи своим членам;

в) организация специальных собраний для детей, женщин и юношества. Далее: проведение молитвенных собраний, уроков библии, литературных собраний, собраний для занятий домашней работой и трудовых собраний, неважно, в группах или в узком кругу, и в особенности религиозное обучение, экскурсии, детские сады, открытие библиотек и читален, создание больниц и санаториев, оказание медицинской помощи...»

Теперь в этом законе частью настоятельно подтверждается запрет на все то, что советские ведомства уже ранее старались побороть на практике и подавлять чисто административным путем, но частью содержатся также кодифицированные и ужесточенные отдельные прежние указы. Таким образом, все это — именно через обобщение и абсолютизацию прежних запретов — означает значительное ужесточение существовавшего донныне положения.

Государство и церковь

Но самое важное и главное в отношении советского государства к религии заключается в том, что это отношение никоим образом — даже приблизительно — не соотносится с дословным содержанием законов. Факти-

¹ Заявление 5-го отдела Народного комиссариата юстиции от 2 мая 1923 года.

чески не существует действительного разделения государства и вероисповедания; ибо большевистское государство вступило в тесную связь с *атеистическим вероисповеданием* и теперь использует государственную власть, чтобы если не прямо, то иным образом угнетать, побороть, подорвать и затруднить *всякое религиозное вероисповедание*. Позиция советского государства по отношению к религии, и особенно к христианской церкви, характеризуется поэтому сознательной *неискренностью*. Не может быть и речи о настоящем отделении вероисповедания от государства, о настоящем уравнивании религии и нерелигии; с религиозной пропагандой ведется борьба и ей препятствуют — теперь в точном соответствии с текстом нового закона, а нерелигиозная пропаганда *поощряется государством*, и не только поощряется, но и востребуется им. *Своеобразие религиозных отношений в России заключается в следующем: советское государство со всеми своими властными полномочиями сознательно, принципиально и активно поставило себя на службу неверию, т. е. агрессивному богоотступничеству*¹.

¹ Сравним с этим следующие цитаты, по большей части распоряжений и решений официальных советских органов:

«Следует укрепить в школьных программах элемент классового сознания, интернационального и антирелигиозного воспитания». (Решение XIV съезда Советов. См.: «Народное просвещение», № 6, 1929 г.)

«В связи с ростом религиозных общин и сект Совнарком (Совет народных комиссаров) признает необходимым предоставить в распоряжение департаментов народного образования краевых и районных исполнительных комитетов опытных инструкторов, задачи которых будут включать и усиление антирелигиозной пропаганды». (См.: «Красная газета», 16 мая 1929 г.)

«Во исполнения решения Совнаркома Наркомпросом (Народный комиссариат просвещения) принято решение о назначении инспекторов антирелигиозной пропаганды». (См.: «Учительская газета», 15 мая 1929 г.)

«Сборник антирелигиозных текстов для крестьян, составленный по программе антирелигиозного крестьянского кружка и одобренный Государственным исследовательским советом». (См.: Сборник антирелигиозных текстов для крестьян, 1928 г. Из предисловия.)

Подобных цитат можно по желанию найти во множестве, как, например, по поводу *навязанного* государством антирелигиозного воспитания в Красной Армии.

«Меньшая» или «большая» строгость или мягкость в предписаниях и мерах советского правительства по отношению к религии не имеет поэтому ничего общего с терпимостью или индифферентностью, а диктуется одними лишь *тактическими* соображениями сообразно сложившемуся положению.

Как мы видим из уже приведенных цитат, новая, в высшей степени значительная фаза развития наступила весной—летом 1929 года и продолжается и поныне. Как мы уже дали понять, она характеризуется усилением наступления и ухудшением положения. Политика советского государства, особенно с весны 1929 года, решительно приобрела черты преследования религии. На практике давление сделалось более систематическим, принципиальным и беспощадным, так как теперь оно опирается на новый текст закона. Особое значение имеет уже упомянутое изменение § 4 Конституции советского государства. Это изменение в кругах большевистского руководства трактуется как настоятельный *запрет* религиозной пропаганды. Очень характерны в этом отношении следующие разглагольствования в коммунистическом журнале «Безбожник» от 6 февраля 1930 года, которые выражают мнения руководящих кругов: «XIV съезд Советов изменил 18 мая 1929 г. § 4 Конституции, касающийся религиозной пропаганды, и тем самым отменил двусмысленность, которая еще присутствовала как в старом законе, так и в законе от 8 апреля 1929 года... С этой поры всякая пропаганда или агитация настроенных в пользу религии или церкви людей не может больше рассматриваться как разрешенная законом, а напротив, должна признаваться *деятельностью, выходящей за пределы свободы вероисповедания, предоставляемой законом и потому подпадающей под действие уголовного законодательства*... Новая редакция рассматриваемого параграфа означает, что с этой поры деятельность религиозных кругов должна ограничиваться лишь исполнением культа. Никакая иная деятельность... не допускается. Не разрешается даже религиозная пропаганда. Вероисповедание, но никакой пропаганды». Это очень удобная формулировка; ведь любое высказывание при желании можно счесть «религиозной пропагандой». Тем самым

религия уже как таковая, сама по себе, просто по причине ее существования, определяется как контрреволюция. Отсюда ее следует угнетать; и при этом председатель Совета народных комиссаров Рыков пользуется возможностью утверждать перед корреспондентами иностранных газет, что *казнят и ссылают лишь тех священнослужителей, которые являются «контрреволюционерами»*. Однако во многих процессах, которые позднее, несмотря на все это, были устроены по делу впоследствии казненных священнослужителей, *нельзя было доказать политического преступления*. Доказательство было невозможно; ибо церковь ведет себя по отношению к насилию без сопротивления и политикой не занимается. Но уже сам *факт ее существования* означает «контрреволюцию», ибо *ее существование уже есть «пропаганда»*; религиозная же пропаганда теперь подавляется и по закону, она незаконна и поэтому контрреволюционна. Об этом недвусмысленно высказался в своей статье в газете «Известия» (8 июня 1929 г.) и бывший народный комиссар Луначарский: «...*Церковь — враг не только в области культуры, но благодаря этому и в области политики; она неизменна, неизбежна и, как бы она ни называлась, всегда есть определенный политический враг*». Нравственные проповеди двух казненных священнослужителей, Пряхина и Журавлева (выступавших против моральной распущенности и призывавших к покаянию), — я привожу большевистский текст дословно — «признаны судом тяжелейшим и *ловко замаскированным преступлением*, совершенным во время обострения классовой борьбы» (газета «Безбожник», 18 августа 1929 г.). Это характерный дословный текст: «*ловко замаскированное преступление*», а еще, как дальнейшая мотивация, «во время обострения классовой борьбы»... В отношении этих священнослужителей воистину нельзя было доказать никакого политического преступления. Однако душераздирающая нравственная проповедь, призыв к покаянию, по мнению большевиков, *сами по себе — контрреволюционны («религиозная пропаганда!»)*. Поэтому она наказуема; ее следует подавлять силою. Вследствие этого наказуема и церковь; ее «вина» в

том, что она «вредит делу пролетариата», что она на свой лад воздействует на человеческие сердца. Она должна исчезнуть^I.

С этой целью — уничтожения религии и церкви — применяются разные средства.

Ссылка

В первые годы революции советское государство вновь и вновь пыталось победить церковь кровью^{II}. Наряду с принятием законодательства об отделении религии от государства и свободе вероисповедания происходило настоящее преследование религии. Особенно хотели дать наглядный устрашающий урок верующим, принявшись за руководящих лиц — самых уважаемых представителей клироса. Среди клира очень велико число кровавых жертв — только за первые пять лет большевистской власти оно превысило 8000^{III}.

В последующие годы советской власти, вплоть до недавнего времени (с осени 1929-го политика советского правительства по отношению к церкви вновь стала более кровавой) *кровавые* методы борьбы с религией отступили на второй план. И все же и в этот период приходится говорить о преследованиях, и вовсе не всегда в завуалированной форме. Ибо воистину казнь — не единственная форма преследования. Жертвами ее становятся в первую очередь особенно заметные личности церковной иерархии, обладающие большими заслугами в подъеме религиозного вероисповедания. А многие сотни, даже тысячи, поныне томятся в тюрьмах и концентрационных лагерях или в суровой ссылке на далеком сибирском севере; среди них не менее 100 православных

^I См. более подробное описание всей борьбы с религией в «Книге бедствий русского христианства», изд-во «Эккарт», 2-е издание, Берлин, 1930 г.

^{II} Это открыто признается Ярославским. См.: На антирелигиозном фронте, с. 83, 102.

^{III} Приблизительные цифры служителей церкви, казненных большевиками в первые годы их власти, приведены по докладу прежнего епископа так называемой «живой церкви» Николая Соловья: на конец 1924 года — 2691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь и послушниц; итого вместе — 8100.

епископов (т. е. *половина общего числа* епископов русской православной церкви). Что часто приходится выносить заключенным и ссыльным епископам, можно уяснить из подлинных писем (нашедших свой путь в Западную Европу через Финляндию). Эти письма написаны примерно два-три года назад, но описываемые в них события не претерпели существенных изменений. «В Пасхальный вторник, — читаем мы в одном из них, — были отправлены в ссылку епископы из нашего города, причем один из них был болен. Это произошло совершенно внезапно, им даже не позволили проститься с близкими и общиной. Несмотря на секретность, которой окружили их отъезд, на вокзале все же собралась изрядная толпа людей, желавших еще раз их увидеть. Красные солдаты находились на месте. Было запрещено приближаться к вагону, окна которого намеренно замазали сажей. Когда поезд тронулся, епископы благословили верующих одной свечой, больше сквозь запачканные окна ничего не было видно. Из писем мы знаем, что дорогой их осыпали бранью. Когда они въехали в Н., их повели к коменданту города, который в их присутствии заявил, что тюрьма переполнена и он не может позволить этим «обманщикам» торчать в городе. Он приказал отправить их дальше, в Иркутск. Епископов вернули в тот же поезд, который теперь был полон подлых преступников. Преступники напали на епископов, охранники не могли этому помешать. Епископ Ю. до сих пор оправляется от полученных им ран. Бог знает, какие новые испытания им еще предстоят». Дополнением пусть послужит письмо заключенного епископа: «После моего прибытия в К., — пишет он, — началась ужасная жизнь. Нас подвергали военной муштре и часами вынуждали в полный голос орать солдатские приветствия; нашими инструкторами были два жестоких молодых коммуниста. Они не могли и слова сказать, чтобы не изрыгнуть ужаснейшие, богохульные ругательства. Меня поселили в деревянном бараке, битком набитом заключенными. Место, определенное мне на нарах, настолько тесно, что я могу лежать только на боку. Мои товарищи по заключению — воры и убийцы, очень

опустившиеся и очень грязные. Мы страдаем от недостатка воды, ибо воду нам привозят по железной дороге из соседнего города. Неделями мы не получали горячей воды, чтобы приготовить себе чай. В сравнении с местом нашего пребывания самая страшная тюрьма покажется дворцом. На меня напала целая армия вшей, и теперь они ни на минуту не оставляют меня в покое. Трижды в день мне приходилось снимать рубашку и вытряхивать вшей. Все тело у меня еще кровоточит от сильного расчесывания. В шесть часов утра начинается работа, и что за работа! — самая тяжелая и грязная, какую только можно придумать. Мой товарищ по несчастью — епископ Р., больной чахоткой в последней стадии; в больнице для него места не нашлось — ему приходится мучиться и умирать в этом ужасном окружении».

Казни

Как мы уже давали понять, в последние месяцы — в конце 1929 и первой половине 1930 года — вновь произошли особенно многочисленные аресты, а также немало казней служителей церкви. Приведем лишь несколько имен! По сообщениям большевистских газет, в течение прошедшей осени (1929 г.) и зимы (1929/30 г.) среди прочих расстреляны: священники Силецкий и Помрясинский («Учительская газета», 26 октября 1929 г.); священники Рымарев и Сладкопевцев («Известия», 26 января 1930 г.); священник Модестов («Известия», 26 января 1930 г.); священники Кудрявцев и Виноградов («Безбожник», 3 января 1930 г.); их обвиняли в поджоге дома коммунистической ячейки!; священники Павленко и регент хора Диденко («Безбожник», 6 февраля 1930 г.); священник Войнов и регент Мухотин («Вечерняя красная газета», 11 февраля 1930 г.). По сообщению газеты «Советская Сибирь» (№ 3, 1930 г.), священник Габриель Лепаринский был казнен (расстрелян) за то, что в одной своей проповеди сказал: «Религиозная вера усиливается за границей, так будет и у нас! Скоро во всей нашей стране одержит победу слово Божье». Это признали «контрреволюцией». Этот список можно продолжить.

Казни священников осенью 1929 и зимой 1929/30 года часто непосредственно связаны с начавшимся с

осени в Советской России частым насильственным закрытием церквей.

Церкви

Уже в предыдущие годы закрывалось все больше церквей. Так, в 1928 году по данным московских «Известий» (от 22 марта 1929 г.) в Советской России были закрыты 354 церкви, 38 монастырей, 59 синагог, 38 мечетей и 43 других молитвенных дома. Начиная с осени 1929 года, когда усиление «антирелигиозного курса» становится явным и все более ощутимым, массовое закрытие церквей превзошло все, что доселе имело место в этой области.

Начало было положено насильственным разрушением (за одну ночь! конец июля 1929 года) особо почитаемой в народе часовни Богоматери, в которой находилась икона знаменитой Иверской Богоматери (вблизи Красной площади в Москве). Не менее взбудоражило умы насильственное разрушение построенного в XIV веке великолепного и прекрасного Симонова монастыря (в одном из пригородов Москвы) — это огромное строение было взорвано 22 января 1930 года, к дню памяти Ленина. Подробная статья в советской газете «Вечерняя Москва» (27 января 1930 года), в которой с триумфом и подробно описано это разрушение, завершается ликующими словами: «Симонов монастырь мертв!»...

Одновременно последовало закрытие бесчисленного количества других церквей. В коммунистическом журнале «Труд» за декабрь 1929 года читаем: «Религия мечется, как зверь, обложенный со всех сторон. Она беспощадно преследуется и будет преследоваться и впредь. В Москве насчитывалось 675 церквей, сейчас осталось лишь 287. В 1928 году в Советском Союзе было закрыто 542 молитвенных дома, 445 церквей, 59 синагог и 38 мечетей; к 1 января наверняка закроют еще 1000. Печально позвякивают колокола, но пощады нет и не будет».

Следующие данные также взяты из коммунистической печати. В Москве, «в бывшей церкви у Никольских ворот открыта чайная и закусочная»; в Скорбященском монастыре теперь созданы клуб, театр и место отдыха; «церковь Спасителя превращена в ресторацию УСПО» (московского союза потребителей обществ);

снесены церковь Трех Святителей у Красных ворот, церковь Николая Чудотворца у Мясницких ворот и церковь Рождества Богородицы в Столешниковом переулке. Храм Христа Спасителя — так предлагают — будет превращен в «храм культуры и науки» («Безбожник у станка», № 20, 1929 г.)¹. По официальным коммунистическим сведениям, в одной только Москве в течение 1929 года закрыто 73 церкви. На заседании московского Союза воинствующих безбожников (состоявшемся в помещении Московского комитета Коммунистической партии, июнь 1929 года) председатель антирелигиозного комитета товарищ Полидоров сделал следующее сообщение: «Если в вопросе разрушения церквей мы до сих пор действовали очень осторожно, то теперь можем смело идти вперед. Политика коллективизации (в деревне) облегчила нашу работу. Кулаков мы из деревни изгоняем, а почти все церковные старосты — кулаки».

В *Петербурге* (Ленинграде) снесены или разрушены: «церковь Георгия Победоносца, Елисеевская церковь, Митрофановская церковь, церковь Великомученицы Екатерины, храм Благовещения, церковь на Волковском кладбище, церковь Иоанна Крестителя на Выборгской стороне будет переделана под клуб физкультуры» («Безбожник у станка», № 18, 1929 г.). Петербургский Совет принял решение уничтожить колокола Исаакиевского собора, произведения искусства с барельефами великих мастеров Монферрана и Витали. Так как оказалось трудно удалить колокола целиком, то сначала их разбили на куски (см. «Правду» от 14 января 1930 г.). Колокола Исаакиевского собора, по официальной оценке, должны были дать более 6000 пудов меди и серебра. Собор предполагалось превратить в антирелигиозный музей. Президиум Петербургского Совета распорядился закрыть хоральную синагогу на Большой Мастерской улице, а также лютеранскую и реформатскую церкви и

¹ См. еще «Вечернюю Москву» от 22.04.29 г.; «Правду» от 14.11.30 г.; «Правду» от 12.10.29 г. — о многочисленных церквях и соборах (в Киеве, Новгороде и Петербурге), превращенных в антирелигиозные музеи.

еще 4 православных церкви в центре города. (Эта новость относится уже к 1930 году, предшествующая заметка «Безбожника у станка» — к осени 1929 года.)

Особенно энергично при уничтожении «религиозных символов» действовали в *Воронеже* и *Брянске*. Один из номеров «Безбожника» (1930 г.) сообщает следующее о *Смоленске*: Авраамьевский монастырь превращен в местный архив, церковь Вознесения — в рабочий клуб печатников, церковь Богоматери — в клуб электрических путей, верхняя церковь Благовещения — в музей Союза безбожников, нижняя церковь Николая Угодника — в Дом крестьянина, Николо-Введенская — в склад Госфонда, Богославская — в библиотеку, Духовская — в рабочий клуб, Одигитриевская — в пионерский клуб и церковь Спасителя — в местный музей.

Как сообщает «Красная газета», в середине февраля 1930 года закрыли собор в *Кронштадте*. На Большой площади в Кронштадте по этому поводу был проведен антирелигиозный митинг с участием представителей советского правительства.

Приведем еще несколько фактов. Особенно сильно волна закрытия церквей прокатилась по России в феврале и начале марта 1930 года. Так, например, в городе *Орле* закрыли последние 24 церкви; Союз безбожников Орла похвалялся тем, что их город — первый крупный центр, в котором закрыты *все* церкви. Большевистский журнал «Безбожник у станка» (№ 7, 1930 г.) сообщает, что, например, только в *Рязанском* районе за короткий срок закрыли 192 церкви, лишь 31 из них используется «для культурных потребностей»; 83 «просто заколочены». «Антирелигиозник» (тоже большевистский антирелигиозный журнал, № 3, 1930 г.) повествует, что в *Бежецком* районе с 1 октября 1917 по 1 сентября 1929 года из 320 церквей были закрыты лишь 12. Между тем во время рождественской кампании (1929 год) было закрыто 100 церквей. В округе *Молоково* из 22 церквей закрыли 17. В *Тульском* районе за время с октября 1929 до конца января 1930 года из 760 церквей было закрыто 200, в *Серпуховском* районе — 100 церквей из 278».

Одновременно большинство церквей в России, в том числе и тех, которые еще не закрыты, лишились своих колоколов.

«По желанию населения»

Кстати, эти церкви «должны закрывать или подвергать запрету по желанию населения», как категорически утверждал с оглядкой на границу председатель Совета народных комиссаров Рыков.

Это утверждение можно было бы принять, если понимать под «населением» ту ничтожную часть его (не достигающую даже одного процента)^I, которая входит в Союз безбожников. Его члены, разумеется, также относятся к «населению». Но можно ли и верно ли определять их как «население»? И как может ничтожно малое меньшинство^{II} или, скорее, мальчишки-подростки либо дети, а нередко также и люди, лишь какое-то время находящиеся в данном месте, говорить и решать от имени всего населения? Потому что так называемое «желание населения» в подавляющем большинстве случаев — *лишь театральное представление*, в котором истинная воля населения подвергается жесточайшему насилию. Приведем лишь несколько большевистских сообщений, которые дадут нам представление о том, как это делается. Так, мы читаем в «Учительской газете» от 25 ноября 1929 года, что по инициативе школьников и учителей, которые обратились к руководству Ленинградского Совета, закрыта церковь Кирилла и Мефодия, а помещение церкви отдано школе № 103. «Тысячи рабочих Московско-Нарвского квартала Ленинграда потребовали закры-

^I Согласно докладу центрального комитета Союза безбожников, прочитанному на заседании Союза в июле 1929 г. неким товарищем Олешуком, число членов Союза составляло в 1928 г. 240—250 тысяч, а в 1929 г. — примерно 1 000 000; в 1929 г. в газете «Правда» тот же Олешук назвал цифру 600 000. Но численность населения России составляет 150 млн. (По большевистским сообщениям, в апреле 1930 г. число «безбожников» якобы выросло уже до 2,5 млн. — см. «Красную газету» от 19 апреля 1930 г.)

^{II} См. у Ярославского: «95% населения привержены» у нас «различным религиозным конфессиям». (На антирелигиозном фронте, с. 94, 109.)

тия латвийской лютеранской церкви на Загородном проспекте» («Безбожник» от 3 января 1930 г.), т. е. это все люди, ничего общего не имеющие с данной лютеранской церковью. Или, например, солдаты Н-ской дивизии потребовали «незамедлительного снятия всех колоколов в городе Чернигове» («Безбожник» от 11 февраля 1930 г.).

«Первомайск. Организованные городские дети потребовали экспроприации церкви. Они устроили демонстрацию с участием более 3000 человек. Ими было поддержано решение городского Совета о создании детского кинотеатра, для претворения этого решения в жизнь они потребовали немедленного закрытия церкви. В церкви должны быть размещены кинотеатр и читальня для детей». («Комсомольская правда», № 57, 1930 г.).

Все последующие, как и вышеприведенные сообщения взяты из коммунистических источников и даются дословно.

«В деревне Городище на собрание явились всего 128 из 1572 полноправных граждан. Несмотря на то что за снятие колоколов проголосовали лишь немногие, сельсовет принял решение о конфискации колоколов...»

В деревне Песчонка сельсовет принял решение убрать колокола вопреки тому, что *против* проголосовало все собрание.

«Закрыли церковь» в станице Нагаевская «вопреки многочисленным протестам, исходящим не от одних только кулаков» («Безбожник», № 14, 1930 г.).

«Порою случалось, что ударные отряды безбожников обыскивали один за другим крестьянские дома и забирали иконы» («Безбожник», № 18, 1930 г.).

«В селе Реммле по решению сельского актива закрыта церковь¹. За закрытие проголосовали 23, против 13, воздержались 9» («Безбожник», № 18, 1930 г.). Этот пример характерен.

В том же номере «Безбожника» читаем: «Снятие церковных колоколов иногда производится во время церковных праздников или богослужения. В городе Моршанске пришедшие для конфискации колоколов были пьяны» («Безбожник», № 18, 1930 г.).

¹ Подразумеваются сельские коммунисты.

Еще поучительней представляется дословный текст Указа Всесоюзного Центрального Исполкома (ВЦИК) от 15 марта 1930 года, в котором публично отмечается, что «практикой» выработан метод: *«закрывать церкви административным путем и маскировать это сфабрикованным добровольным волеизъявлением населения»* («Известия» от 15.03.30 г.). Этот годами применяемый и общеизвестный метод теперь порицался: указ появился в тот момент, когда приходилось учитывать недовольство, распространяющееся среди рабочего класса, и немного идти навстречу его истинным пожеланиям... Однако эти пожелания выражались в попытках населения *защитить* церкви от насильственного закрытия. Такое сопротивление где-то было пассивным и вполне лояльным по отношению к советским ведомствам, а где-то дело доходило и до выступлений. Тогда вся ответственность взваливалась в первую очередь на священников, и их казнили как «контрреволюционеров». Длинный список подобных расстрелов священнослужителей зимой 1929/30 года известен нам из коммунистической печати.

Такие процессы проходили, например, в селе *Пески* Николаевского района, в городе *Венёве* Тульской губернии, в *Кимрах* (в мае 1929 года, однако судебный приговор был вынесен только в конце ноября 1929 года) и т. д. Более подробную и очень поучительную информацию об отдельных процессах можно найти, например, в большевистском журнале «Безбожник у станка» в № 21 и № 18 за 1929 год и в большевистской «Красной газете» от 29 ноября 1929 года.

Кстати, для того чтобы добиться желанной цели, т. е. закрытия церквей, существуют — в соответствии с действующими правовыми нормами советского государства — и иные возможности. Церковь может быть закрыта «законно»:

1) если по свидетельству советских ведомств церковное здание «потребуется в государственных или социальных целях»;

2) если не объявятся верующие, готовые взять церковь в пользование (например, по причине непомерно высоких налогов или ареста всех членов церковной общины, способных на религиозную инициативу и т. д.);

3) по причине «ведомственно» установленной «ветхости» церкви.

Мы видим, какое здесь открывается широкое поле «законной» деятельности. Например, достаточно небольшой небрежности при ремонте, чтобы объявить церковь «обветшавшей». Так как местные власти совершенно фантастически и произвольно обложили церковь разнообразными налогами и страховыми поборами, то не удивительно, что верующим часто не под силу нести это непосильное бремя. Но в таком случае церковь у верующих просто отнимают.

Пропаганда

Не будем касаться прочих средств антирелигиозной пропаганды — выпуска невероятной массы антирелигиозной литературы, создания красных «изб-читален» в селах и т. д. Остановимся лишь на антирелигиозных карнавальных праздниках, которые проводятся антирелигиозными союзами и комсомолом при поддержке властей на Рождество и Пасху (Святая ночь!), чтобы удержать население от религиозного празднования и, по возможности, помешать молитвам верующих. Коммунисты уже несколько лет трудятся в этом направлении; с особым рвением они принялись за работу, к примеру, в 1929 году. Несколько выдержек из советских газет показывают нам, как серьезно и с каким размахом это осуществляется. Так, например, в газете «Рабочая Москва» от 4 мая 1929 года мы читаем следующий призыв:

«Рабочий, рви с религией! За смердящим звоном пасхальных колоколов стоит лишь хитрая личина врага революции.

Становись в ряды организованных безбожников!»

За этим следует долгое перечисление всевозможных увеселений, которые состоятся в пасхальную ночь, чтобы отвлечь рабочих от церковного пасхального праздника; и тут же характерное примечание: «Все театральные представления 4 мая (накануне пасхальной ночи) начнутся в 10 часов вечера и окончатся около 2 часов ночи. В 10 часов вечера начинают работу все кинотеатры города Москвы. Киносеансы продлятся до 4 часов утра». Такой была *подготовка* к «антирелигиозной битве»; а вот несколько описаний того, каким получился этот антипасхальный праздник.

«Антирелигиозные битвы на площадях и улицах Москвы». Так выразительно и сенсационно крупной прописью озаглавлено в газете «Вечерняя Москва» (в номере от 7 мая 1929 года) описание «сражения пасхальной ночи». Далее следует еще и второй заголовок — «Как на войне».

«Многое этой ночью, — так начинается статья, — заставляло вспомнить о войне. Всеми снарядами гремел и взрывался фейерверк. Дымились факелы, проходили батальоны. На самом деле это и было битвой. Необычной битвой — битвой с церковью. Она разворачивалась по всей Москве, на ее бульварах, улицах и площадях... При приближении к храму Христа, на площади, уже издали были видны неопишуемые народные массы. Все было заполнено людьми. Разыгрывалось два спектакля: один там, внутри мраморных церковных стен, другой здесь, под звездным небом, на импровизированных площадках, в свете факелов и фейерверка. Все внимание многотысячной толпы приковано к сценам и карнавалному шествию. Здесь и танцуют; собрание сопровождается антирелигиозными песнями, высмеивающими религию; внезапно на площадь въезжает огромная машина с карикатурными фигурами попов и эксплуататоров...» и т. д. По всему городу до четырех часов утра друг за другом непрерывно идут представления, сцены из варьете, кинофильмы и т. д. В Охотном ряду (рынок дичи и птицы) группа «безбожников» торжественно сожгла множество «изображений Бога». На государственные средства распространено 145 000 экземпляров антирелигиозной брошюры Румянцева «Пасха, ее значение и происхождение». Еще 24 апреля «Комсомольская правда» сообщила, что 500 фабрик решили не прерывать работу в пасхальные дни.

Антипасхальная кампания 1930 года ознаменовалась тем, что умолкли все колокола Москвы и большинства городов и местностей Советской России. Борьба с христианскими праздниками все чаще ведется средствами *принуждения*. Чиновников и рабочих заводов и фабрик, не являющихся на работу в праздничные дни, подвергают наказанию: они должны выплачивать денежные штрафы и им грозят увольнением. Весной 1930 года московские газеты печатают обзор с цифрами о выходе

на работу в первый день Пасхи: на некоторых заводах и фабриках явка на работу была полной, на других составляла 98% и т. д.¹

Принуждение проявляется также во *введении пятидневной недели и отмене воскресного дня*, во враждебном отношении к *религиозной литературе* и во всей принудительной системе большевистского *школьного образования и воспитания*. Часто во время обысков конфискуют и уничтожают Библии и вообще религиозную литературу. Не разрешают новые издания Священного писания и книг религиозного содержания^{II}. Не позволяют также присылать религиозную литературу из-за границы — ее просто уничтожают либо, если бандероль заказная, отсылают обратно отправителю, сопроводив штампом со следующей надписью на французском языке: «Retour comme interdit a l'entrée par l'Administration des ouvrages de presse⁴». Соответственно и дирекция знаменитой Государственной публичной библиотеки Ленинграда (Петербурга) приняла решение изъять из библиотечных справочных фондов и хранилищ всю религиозную литературу и впредь давать пользоваться ею лишь по особым «рекомендациям» для специальной «исследовательской работы».

Школа

Советская школа в вопросах религии никоим образом *не нейтральна*, наоборот, она всеми средствами стремится прививать детям атеизм. Поэтому по своей главной идее она — *школа для детей единого вероисповедания* (как и советское государство — государство одного вероисповедания), а именно школа *атеистического*

¹ Вообще эти меры принуждения не везде возымели одинаковое действие. Так, из Нижнего Новгорода сообщают, что на Истевской фабрике на работе в пасхальные дни отсутствовала 1000 рабочих («Комсомольская правда», 27 апреля 1930 г.). 20 апреля (первый день Пасхи) на Балтийском заводе в Ленинграде из 1000 рабочих не вышли на работу 495; на Красном Путиловском заводе 20 апреля из 2400 рабочих отсутствовали 602 человека и т. д.

^{II} Очень редко отмечаемые исключения всегда указывают на *особое взаимопонимание с коммунистической государственной полицией (ГПУ)*, чья *благосклонность в политическом отношении никогда не бывает безвозмездной*.

вероисповедания. Характерны в этом отношении слова, которые произнес по поводу преодоления веры в советской школе на Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в середине мая 1929 года, бывший народный комиссар просвещения Луначарский: «С удовлетворением прочел в эмигрантских газетах о том, что известный садист культуры Луначарский занялся сейчас тем, что отнимает у советских детей веру в Бога. С удовольствием заявляю, что хочу садистским образом вырвать и выполоть этот сорняк с наших полей и из наших садов». Это знаменательное заявление. За прошедший год и в этой области произошел дальнейший сдвиг и наступила окончательная ясность. В № 7 за 1929 год журнал «Безбожник» так описывает этот поворот:

«Теперь комиссариат народного просвещения следует вместо *нерелигиозного исключительно антирелигиозного* принципу воспитания в школе. В Конституцию СССР внесена поправка касательно прав религиозных организаций. Съезд безбожников должен отметить оба эти факта как большую победу антирелигиозного движения».

Детей привозят в Москву на специальные антирелигиозные курсы. В школе они также получают особенно обстоятельное антирелигиозное воспитание. Ноябрьский номер (№ 11) журнала «Безбожник» за 1929 год сообщает о том, что учителя-коммунисты во многих московских школах приказали своим ученикам по очереди посещать близлежащие церкви, запоминать тех, кто приходит туда молиться, и дважды в день давать об этом отчет коммунистическим ведомствам. Советский журнал рекомендует и остальным педагогам последовать сему примеру и с удовлетворением отмечает, что этот новый метод доносительства приносит большие успехи.

Коллективизация

Коллективизация крестьянских хозяйств также имеет чрезвычайно антирелигиозную направленность. Ярославский утверждал в середине января в написанной им передовице, что знаменитый «пятилетний план» приведет к «окончательной гибели религиозных предрассудков» в сельской местности¹. «Беднота» пишет: «При

¹ «Правда», 15 января 1930 г.

ликвидации кулачества как класса необходимо разорвать на куски и его идеологическую подоплеку — религиозные организации»^I.

Духовное сословие

Это непрекращающееся и многостороннее давление чрезвычайно сильно отражается на духовном сословии. У служителей культа (а также предстоятелей и руководящих членов советов церковных общин) *отбирают права*: их лишают избирательных и тем самым всех советских гражданских прав, в результате чего они не получают продовольственных карточек и теряют право на жилую площадь в городах; поэтому их снова и снова вышвыривают из жилищ; наряду с этим на них налагают невероятное налоговое бремя, а если они не могут платить налоги, то конфискуют все их имущество. Лишение продовольственных карточек в сегодняшней России равнозначно медленной голодной смерти. Ибо в частной торговле продовольственные продукты можно купить лишь по головокружительно высоким ценам.

Искоренение веры путем доведения до нищеты, обречения служителей культа, а также верующих, активно участвующих в церковной жизни, на голодание, — пожалуй, самое жестокое, но и самое действенное оружие. Приведем несколько примеров, взятых из советской печати.

«На Шлиссельбургском заводе работал дьякон Травников: после закрытия местной церкви он остался без места. Безбожники завода обратились в управление с просьбой об увольнении дьякона. Просьба была незамедлительно исполнена. Дьякон, который остался без работы, бросился в ледяную полынью на Неве»^{II}.

«В местечке Егорьевское в Московской области по требованию местной группы безбожников был уволен 24-летний слесарь Леденев, так как он исполнял обязанности старосты общины»^{III}.

^I «Беднота», 16 февраля 1930 г.; ср. также в «Безбожнике у станка», № 2, 1930 г.: «Воинствующий безбожник сам довольно хорошо знает, что колхоз с церковью и попом — это принадлежность юмористического журнала».

^{II} «Безбожник», № 391.

^{III} Там же.

«В Рыбинске была уволена врач Марицкая, так как она бесплатно оказывала медицинскую помощь монахам местного, теперь закрытого монастыря»¹.

Человек, прибывший из России весной 1930 года, рассказывает, что несколько раз собственными глазами видел священников, которые рылись в помойных кучах, стараясь найти что-нибудь съестное и т. д.

Преследования продолжаются

Вслед за несколько смягчающим выступлением Сталина (начало марта 1930 года) и упомянутым Указом ВЦИК от 15 марта 1930 года поумерились *темп и вызывающая откровенность* процесса ликвидации. Однако *борьба продолжается*; она лишь не так поспешна и не так бросается в глаза. Кое-где в деревнях крестьянам даже возвращают церкви. Но только во многих местах уже нет священников, так как они казнены или сосланы в ссылку в ушедшем году... Дезорганизующий удар был подобен землетрясению, а разрушенное не так легко восстанавливается из предоставленного «*nudum jus*»; коммунисты, нанося этот удар, наверняка с самого начала *уверенно просчитали* его последствия.

Между тем закрывали и взрывали все новые и новые церкви, например, прекрасный собор Николая Угодника в Харькове (середина мая 1930 года). Епископы и священники по-прежнему томились в концентрационных лагерях и тюрьмах и занимались рабским трудом в теперь хорошо известном Соловецком концентрационном лагере; сословие священнослужителей остается бесправным и по-прежнему предано обнищанию. В интервью нынешнего советского комиссара просвещения Бубнова, опубликованном 17 августа 1930 года в газете «Обсервер», на вопрос, ведется ли в школе антирелигиозная пропаганда, Бубнов отвечает: «Советская школа покоится на научной основе и поэтому должна быть антирелигиозной». В одной только советской Центральной Азии на государственные средства основаны и, соответственно, начнут свою деятельность 10 новых «антирелигиозных университетов» (см. «Вечернюю красную газету» от 12 августа 1930 г.).

¹ «Безбожник», № 394.

Согласуются с этими фактами и материалы коммунистической печати о продолжении антирелигиозной борьбы. 25 апреля 1930 года «Безбожник» сообщает о том, что «необходимо взять твердый курс на усиление дальнейшей борьбы с религией».... В передовице от 30 мая 1930 года «Безбожник» утверждает, что главная задача заключается в том, чтобы «усиливать борьбу на антирелигиозном фронте». А в передовице от 25 мая 1930 года мы читаем, что «линия Коммунистической партии есть линия решительной и беспощадной борьбы с религией... Продолжение борьбы с религией — одна из самых ответственных задач...»

Пока коммунисты остаются коммунистами, они никогда не смогут отказаться и не откажутся от борьбы с религией. *А праведники всех религий и конфессий будут своими страданиями утверждать веру в Бога и в свободу человеческого духа.*

А. фон Бунге

БРАК И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Военный поход против семьи

В своем разрушительном военном походе против всего буржуазного мира коммунисты с самого начала обратили особое внимание на семью, «этот особенно крепкий остаток проклятого старого режима»¹. «Революция бессильна до тех пор, пока существует понятие семьи и семейные отношения», — было заявлено в одном из постановлений Коминтерна от 16 ноября 1924 года. Следуя этой линии, большевики начали настоящую борьбу против семьи. Путь этому военному походу был в определенной мере уже подготовлен. Основы семьи подвержены в настоящее время тяжкому кризису во всех странах. Общеизвестно, насколько сильно разрушительному влиянию войны и революции подверглась семейная жизнь и ее внешние формы во всей Европе: даже чисто механически: из-за разделения в пространстве,

¹ Бухарин. См.: Стенографический отчет XIII съезда Коммунистической партии, с. 545.

жилищной нужды, из-за господствующей в настоящее время материализации и индустриализации жизни, из-за обнищания среднего сословия и, наконец, из-за разрушения всех нравственных и моральных понятий. А в Советской России ко всему этому добавился еще один, совершенно неизвестный в остальных странах и к тому же, пожалуй, самый серьезный и самый вредоносный по своим последствиям фактор — стремление коммунистического правительства к полному разрушению брака и семьи. «Прежнюю семью надо заменить новым семейным порядком», — пишет Троцкий в своей книге «Вопросы повседневной жизни». Как же выглядит этот порядок?

Семейное законодательство

В начале своего владычества коммунисты отменили церковное обручение и заменили его записью в загсе. И с этих пор положения о браке постоянно изменялись, так как законодатели прилагали все усилия к тому, чтобы как можно больше расшатать семью. Отношение коммунистов к браку определяется следующей характеристикой брачного союза, предложенной известным экспертом в этом вопросе профессором Гойхбаргом: «Брак есть институт для более удобного и менее опасного удовлетворения сексуальных потребностей»¹.

По закону о браке и семье, опубликованному 1 января 1927 года и кодифицировавшему прежние изменения, следует различать «зарегистрированный» и «незарегистрированный» («фактический») брак. Однако эта разница не касается правовой защиты, которой пользуются супруги и их дети. Право берет под свою защиту и «фактический брак» (§11 и 16); но он должен быть признан «существующим» советским судьей. В этом вопросе суду следовало исходить из «признаков действительного бытового окружения» данного лица (§11): так, например, достаточно было простого факта совместного проживания, совместного ведения хозяйства, взаимной финансовой поддержки, совместного воспитания детей и т. д. Судья решает вопрос по своему разумению и в том случае, если один из предполагаемых супругов отрицает брак.

¹ Гойхбарг. См.: Материалы и статьи по брачному праву, Москва, 1925 г., с. 33.

Тот факт, что незарегистрированный брак пользуется такой же правовой защитой, как и зарегистрированный, имеет большое значение. Регистрация производится лишь в том случае, если есть «взаимное согласие»; если оба желающих зарегистрироваться совершеннолетние (18 лет); если предъявлены необходимые документы; если с обеих сторон имеется письменная декларация — о физическом и духовном здоровье, о числе до сих пор заключенных браков и произведенных на свет детей и т. д. Регистрация не производится, если о ней ходатайствуют психически больные, кровные родственники по восходящей и нисходящей линии или уже состоящие в браке, но еще не разведенные лица. *«Фактический брак», напротив, совершенно свободен от всяческих положительных и отрицательных условий. Здесь все разрешено и ничто не наказуемо; правовая защита оказывается в любом случае. Или, как выразился коммунист, член ВЦИК (Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета) СССР: «все кошки серы, делайте, что хотите»^I, «надо поощрять всякое взаимное сближение»^{II}; и еще: «разрешено все, что не запрещено»^{III}.*

Поэтому ненаказуемыми, незапрещенными и тем самым разрешенными остаются двоеженство, многоженство и многомужество^{IV}. Таким же ненаказуемым остается и кровосмесительный брак; его лишь нельзя зарегистрировать.

В 1926 году один отец ходатайствовал о регистрации его брака с собственной дочерью, от которой у него уже было трое детей. Его ходатайство было отклонено и

^I См. «Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву» под редакцией народного комиссара Курского: раздел «Стенографический отчет пленарных заседаний ВЦИК», с. 127.

^{II} Там же, с. 175.

^{III} Авторитетная формулировка генерального прокурора Крыленко. См.: «Стенографический отчет...», с. 130.

^{IV} Ср. у Гойхбарга: «Двоеженство само по себе у нас не наказуемо»; «тем более» не наказуема и измена в браке. См.: Сравнительное семейное право, Москва, 1925 г., с. 204. У Крыленко: «Бороться с двоеженством наказанием — для нас нелепость». См.: Сборник статей и материалов..., с. 67.

возник вопрос о наказуемости этого брака. Верховный суд, которому было передано это дело, потребовал свидетельства компетентных медицинских ведомств Наркомздрава (Народного комиссариата здравоохранения). Ответ Наркомздрава гласил, что с точки зрения социальной гигиены половые отношения отца с дочерью менее опасны, чем таковые между не состоящими в родстве туберкулезными больными. На основании этих соображений от наказания кровосмешения воздержались, «поскольку», как заявил главный российский прокурор Крыленко, «нам не подобает маршировать в арьергарде буржуазных предубеждений и предрассудков»^I.

В решении Верховного суда РСФСР, опубликованном некоторое время назад, было признано правомочным рассматривать «фактическую жену» после смерти «фактического супруга» как вдову и его наследницу, даже в том случае, если покойник ранее был женат на другой женщине и этот первый брак не был расторгнут. Даже если первая жена жила в одной квартире со своим мужем до самой его смерти, где вторая делила с ним комнату. «Фактический брак» возлагает на мужчину те же материальные обязательства в отношении содержания жены и ребенка, что и зарегистрированный. Коммунистическое государство как таковое не заинтересовано ни в прочности, ни в продолжительности брака^{II}. Законодатель заботится лишь о том, чтобы каждому половому сношению и его последствиям соответствовали определенные материальные обязательства, с тем чтобы государству не пришлось самому брать на себя заботы о жертве.

Развод

Развод по законам советского государства очень легок. Для того чтобы расторгнуть брак, достаточно волеизъявления одного из супругов^{III}. Это облегчение естественно привело к невероятным злоупотреблениям. Упомянем здесь как особенно яркий пример дело о разводе некоего Сигова, коммуниста из Одессы, о котором много го-

^I «Известия», № 241, 1926 г.; ср. «Сборник статей и материалов...», с. 53, 130.

^{II} См. упомянутый выше стенографический отчет в «Сборнике статей и материалов...», с. 140 и др.

^{III} §18 закона от 1 января 1927 г.

ворилось в конце 1927 года. После многократных безуспешных попыток соблазнить понравившуюся ему девушку Сигов в конце концов попросил ее руки и однажды в 3 часа пополудни брак был, как обычно, заключен в загсе. После торжественного пиршества в доме родителей жены Сигов с ней отправился в свою квартиру и воспользовался своими супружескими правами. В 7 часов тем же вечером он объявил своей жене, что должен ехать на важную партийную конференцию и что она ему больше не нужна: он уже убедился, что они не подходят друг другу, и она может возвращаться к своим родителям. После этого он еще дал ей 10 копеек на трамвай, простился с ней и в тот же вечер подал в загс заявление о разводе. Когда ошеломленные родители жены подали на него в суд, было установлено, что он ни в коей мере не погрешил против уголовного законодательства. Не предписано никакого срока продолжительности брака; его можно расторгнуть в любой момент.

В многочисленных бракоразводных случаях вторая сторона остается в полном неведении, пока не получит соответствующее известие из загса. Число разводов, естественно, сильно увеличилось. «Красная газета» сообщает, что до опубликования нового законодательства, например, в Петербурге в первой половине 1926 года на 100 браков приходилось 26 разводов. В тот же период в 1927 году *после* публикации нового закона процент разводов почти утроился, составив более 75% всех браков. Это явление стабилизируется. По переписи, проведенной в двух районах Петербурга, на 14 555 браков произошло 9757 разводов. Из 1535 браков, зарегистрированных в декабре 1928 и январе 1929 года, на 1 февраля 1929-го были снова разведены 980 пар¹. В загсе (регистрационное ведомство, примерно соответствующее бюро записи актов гражданского состояния) уже существуют определенные выражения, характеризующие тот или иной вид заключения брака; так, например, существуют «красноармейский брак» — брак на время военной службы, «сезонный брак» — брак между сезонными рабочими, «клубный брак» — результат клубной встречи и т. д. В

¹ Ленинградская «Красная газета», 26 февраля 1929 г.

качестве курьеза коммунистического законодательства следует еще упомянуть тот факт, что в законе о браке советской республики Украины (каждая автономная советская республика имеет собственное брачное законодательство) предусмотрено даже заключение брака без ведома второй стороны¹. Для того чтобы зарегистрировать брак, человеку надо лишь сообщить в загс, что он хочет сочетаться браком с определенным лицом. «Так старая русская песня «Без меня меня женили, меня дома не было» некоторым образом превратилась в суровую действительность», — сказал председатель Республики немцев Поволжья Курц на обсуждении этого закона на заседании ВЦИК. «Да, похоже на то», — ответил после краткого раздумья тогдашний народный комиссар юстиции Курский².

Что же касается заботы о детях, то каждая беременная женщина, замужняя или нет, имеет право обратиться в местный загс с заявлением, в котором указывает имя, фамилию и место проживания того, кого она считает отцом своего ребенка. Если этот мужчина в течение одного месяца не опротестовал ее заявления, то его регистрируют как отца данного ребенка, и в этом случае он обязан материально принимать участие в расходах по родам и воспитанию ребенка, а также по содержанию матери в период беременности и в течение первых шести месяцев после родов. Если же суд установит, что эта женщина в период зачатия имела половые сношения с другими мужчинами, то суду предоставляется право признать «настоящим отцом» любого из этих мужчин и возложить на него соответствующие обязательства. До 1927 года советский закон говорил иное, а именно, что алименты возлагаются на всех возможных «отцов» и распределяются подушно. В этом случае ребенка в советской литературе называют «коллективным ребенком». На генеральном заседании ВЦИК раздавались голоса протеста: «вместо отца выступает акционерное общество», «тем самым вводится «коллективное отцовство», а

¹ Статья 133 соответствующего Свода законов Украины.

² См. в вышеупомянутом «Стенографическом отчете пленарных заседаний ВЦИК» 17—19 октября 1925 года.

ребенку из-за этого придется называться «сыном товарища Иванова и компании»^I.

Последствия коммунистического законодательства

Как далеко может в данных обстоятельствах зайти развал семьи и брака, доказывают очень ясно наблюдения статистиков в период всеобщей народной переписи декабря 1926 года. Так, «Известия» пишут по этому вопросу: «Народная перепись установила в Москве многочисленные случаи ярко выраженного многоженства и многомужества. Случаи, когда две или даже три женщины называют одного и того же мужчину своим законным супругом, можно считать совершенно обычным явлением. Случалось даже, что сам зарегистрированный открыто признавался в том, что у него две или более жены. Подобные явления наблюдались и в Ленинграде. Во время народной переписи очень часто регистрировались так называемые «семьи без главы семьи», т. е. женщины, у которых нет супруга и которые кормят своих детей на деньги, зарабатываемые собственным трудом, или на алименты, получаемые с того или иного «отца» данного ребенка. Очень часто отмечают случаи настоящей полигамии. Так, было установлено, что две женщины сравнительно мирно живут с одним мужчиной в одной квартире. Бывает также, что у мужчины одна, у женщины другая, а у ребенка третья фамилия. Это означает, что: 1) женщина не сочеталась браком и не регистрировалась в загсе; 2) что отцом живущего с ней ребенка не является мужчина, с которым в данное время живет эта женщина»^{II}. Не стоит удивляться тому, как описывает семейные отношения в Советской России немецкий профессор Хуго Зельхайм: «Это совершенное возвращение к сексуальному порядку далекого прошлого, из которого в течение тысячелетий развился подобающий сексуальный порядок».

Пропаганда

На брак и семейную жизнь ведется наступление и провозглашением полной свободы половых сношений. Эта свобода объявляется протестом против тирании

^I См. вышеупомянутый стенографический отчет, с. 159.

^{II} «Известия», 23 декабря 1926 г.

прежнего, законного брака. Создается великолепный тезис о том, что удовлетворить сексуальный инстинкт в коммунистическом обществе так же просто и так же необременительно, как выпить стакан воды. «Эта «теория стакана воды» совершенно свела с ума коммунистическую молодежь. Для многих молодых парней и девушек она стала роковой», — писал позднее Кларе Цеткин сам Ленин. Известная коммунистка Смидович⁵ кратко изложила суть сексуальной морали, царившей в то время среди коммунистической молодежи: «Кажется, наша молодежь уверена в том, что она призвана решать все вопросы, связанные с любовью, самым грубым и грязным способом; иначе она нанесет ущерб достоинству коммуниста. Нынешняя мораль нашей молодежи в кратком изложении состоит в следующем: 1. Каждый, даже несовершеннолетний, комсомолец и каждый студент «рабфака» (рабочий факультет) имеет право и обязан удовлетворять свои сексуальные потребности. Это понятие сделалось аксиомой, и воздержание рассматривают как ограниченность, свойственную буржуазному мышлению. 2. Если мужчина вожделеет к юной девушке, будь она студенткой, работницей или даже девушкой школьного возраста, то девушка обязана подчиниться этому вожделению, иначе ее сочтут буржуазной дочкой, недостойной называться истинной коммунисткой...»¹

Правильность этих формулировок подтверждалась письмами, пришедшими в ответ на ее статью. Так, например, одна студентка пишет: «Студенты косо смотрят на тех комсомолок, которые отказываются вступить с ними в половые сношения. Они считают их мелкобуржуазными ретроградками, которые не могут освободиться от устаревших предрассудков. У студентов господствует представление, что не только к воздержанию, но и к материнству надо относиться как к буржуазной идеологии»². Другая студентка, по фамилии Рубцова, рассказывает, что коммунисты рассматривают любовь как нечто очень скоро преходящее, долгую любовь они считают скучной; а понятие «супруга» для них — буржуаз-

¹ «Правда», 21 марта 1925 г.

² «Правда», 7 мая 1925 г.

ный предрассудок. В ответ на вопрос: «Где работает ваша жена?» — они рассмеялись и спросили: «Какая?» «Один известный коммунист сказал мне: «В каждом городе, куда я езжу по работе, у меня есть временная жена». «Муж моей подруги, — продолжает Рубцова, — предложил мне провести с ним ночь, так как его жена больна и этой ночью не может его удовлетворить. Когда я отказалась, он назвал меня глупой гражданкой, которая не способна постичь все величие коммунистического учения»^I.

Следует заметить, что все эти женщины — настоящие коммунистки, которые никоим образом не сомневаются в правоте коммунистических взглядов, а жалуются лишь на ужасный цинизм в поведении коммунистов и ущемление их женского достоинства^{II}. Характерны для соответствующих взглядов коммунистической молодежи результаты опроса, проведенного в 1927 году в Петербурге в технических высших учебных заведениях. Этот опрос содержал вопрос, нужна ли при сексуальной общности общность идейная. 36% студентов ответили на него встречным вопросом: «При чем тут идеология?», а 20% ответили: «С идеологией хорошо, но можно и без нее». Один студент писал: «Меня мало заботит идеология; я хочу, чтобы женщина было здорова и готова меня удовлетворить. Я требую от нее только одного, и это никак не связано с идеологией»^{III}. У коммунистической молодежи преобладает мнение, что между полами могут существовать лишь сексуальные отношения. Так, «Правда» пишет^{IV}: «Между мужчиной и женщиной у нас существуют только сексуальные отношения». И героиня популярного рассказа известного писателя Пантелеймона Романова «Без фигового листка» говорит: «Мы не признаем любви. Мы знаем только сексуальные отношения, потому что любовь презираема как нечто психологическое, а у нас имеет право на существование только физиология. Всех, кто видит в любви что-то

^I «Правда», 7 мая 1925 г.

^{II} См. также вышеупомянутый стенографический отчет, с. 155, 169.

^{III} «Смена» (Ленинград), с. 73.

^{IV} «Правда», 9 января 1928 г.

кроме физиологии, высмеивают и считают импотентами и ненормальными».

Изнасилование женщин

Согласно этим взглядам коммунистов каждая женщина и каждая девушка, как говорилось, «обязана» удовлетворять сексуальный инстинкт мужчины. Конечно, это не всегда происходит беспрепятственно. В таком случае иногда прибегают к изнасилованию. Изнасилование стало просто бедствием в советском государстве. Суды полнятся соответствующими исками, число таких исков постоянно растет. Одним лишь Московским судом рассмотрено в 1926 году 547 случаев изнасилования; в 1927 году это число (для Москвы) увеличилось до 726; в 1928 году — до 849. В других судах — то же самое. Это явление в советской жизни получило особое наименование — «чубаровщина», по названию Чубаровского переулкa в Петербурге, где в 1926 году двух женщин насильовала целая банда молодых коммунистов. Тогда этот случай вызвал большой резонанс, так как в этом принимали участие исключительно рабочие и преимущественно члены партии и комсомольцы. Этот процесс был весьма характерным для нравов коммунистов и их отношения к женщине. По показаниям обвиняемых и свидетелей на процессе было установлено, что у молодежи в Петербурге существует следующее главное мнение относительно женщин: «Женщина — не человек, а всего лишь самка. Каждая женщина — девка, с которой можно обходиться, как вздумается. Ее жизнь стоит не больше, чем она получает за половое сношение»^I. Главные обвиняемые упорно твердили, что ничем не отличаются от остальных членов комсомола. «Все комсомольцы так же настроены и живут таким же образом, как мы». «Самым скверным, — замечает по этому поводу «Комсомольская правда», — является то обстоятельство, что этот ужасный случай не представляет собой в нашей жизни никакого особого преступления, ничего исключительного, он — всего лишь обычное, постоянно повторяющееся происшествие»^{II}.

^I «Комсомольская правда», 18 декабря 1926 г.

^{II} Там же.

Обыденность этого судебного дела ярко характеризуется и показаниями одного комсомольца, который видел, как совершается насилие, но спокойно прошел мимо. Вопросы прокурора, почему он не позвал на помощь, он просто не мог понять... Казалось, ему вполне достаточно, что он сам не участвовал в деле. Один из обвиняемых даже утверждал, что изнасилования и вовсе не было: дело происходило лишь без согласия женщины... Страницы коммунистической печати полны материалами о подобных случаях, красноречиво свидетельствующих о невероятном цинизме большевистских взглядов по отношению к женщине.

«Освобождение женщины»

«Освобождение женщины» есть то, чем чаще всего кичатся большевики. Знаток дореволюционной России всегда сможет утверждать, что русская женщина, собственно, и не нуждалась в каком-то особом освобождении. Российское законодательство с давних пор закрепляло за русской женщиной все личные и материальные права. Русская женщина в любом отношении была гораздо свободней, чем женщина в Западной Европе. Хотя она не имела никаких политических прав, нельзя забывать о том, что до войны женщины и других стран почти нигде не принимали участия в политической жизни. Право коммунистического государства теперь совершенно уравнило женщину и мужчину во всех областях. Так, например, вдова Ленина, Крупская, пишет: «Советская республика первой дала женщинам полное равноправие. Во всех, даже самых прогрессивных демократиях, женщина стонет под двойным игом — политическим и домашним. Советская власть освободила женщину от домашнего рабства, от тяжелейшей и грубейшей домашней работы. Советская власть создала образцовые детские сады и ясли и тем самым освободила женщину от домашних обязанностей». Между тем «Труд», газета коммунистических профсоюзов, так оценивает достижения большевиков в этой области, но не по отношению ко всем женщинам, а лишь по отношению к привилегированной касте работниц: «Что предпринято для облегчения жизни работниц? Почти ничего. На 1000 работниц текстильных фабрик приходится всего

20 яслей. У работниц-металлистов эта цифра увеличена до 45. Нет специальных помещений для детей. На них дают 3 метра на душу и ничего более.

Постоянно составляются и принимаются блестящие решения об освобождении женщины от домашней работы. Но в действительности ничего не делается»^I.

Положение освобожденной и уравненной во всем с мужчиной женщины в советском государстве и вправду тяжело и унижительно. Общее обнищание, безработица и тяжелейшие условия труда привели к возникновению в стране нового явления — *полной зависимости женщины от начальства* и вследствие этой зависимости — *«взятке натурой»*, или как это там называют, «женским чаевым». Мы часто встречаем в советской печати описания таких требований и печальные последствия отказа в удовлетворении подобных амбиций^{II}. Коммунистические начальники стараются полностью использовать экономическую зависимость женщины и теорию свободного удовлетворения сексуального инстинкта. Верховный суд принимает в апреле 1929 года решение возбудить уголовные дела против тех мужчин, которые требуют от женщин «из благодарности» вступать с ними в половые отношения. По этому решению против председателя исполкома в Дербенте было возбуждено уголовное дело по 14 искам за принуждение к сожителству женщин, которые обратились к нему за работой^{III}. Один директор больницы, коммунист Гульбатов, под угрозой увольнения требовал от женщин, своих подчиненных, вступать с ним в половые отношения^{IV}. Особенно тяжелым здесь представляется *положение учительниц*. «Следует положить конец «чубаровщине» на ниве народного образования. Работники комиссариата просвещения нередко забывают о своей ответственности, своей должности и своем авторитете и без всякого стыда накидываются на молодых учительниц. *Вначале они пытаются уговари-*

^I «Труд», 15 и 16 декабря 1928 г.

^{II} См. раздел «Коммунизм как господство чиновников» в ч. I данной книги.

^{III} «Известия», 6 июля 1929 г.

^{IV} Там же.

вать, затем требуют под угрозой увольнения; а если все это не помогает, прибегают к насилию. Так поступают все, от молодых комсомольцев до поседевших членов партии. Всякая юная учительница считается блудницей: это входит в ее обязанности. Коммунистическая партия по этому поводу отмалчивается, а отдельные ее члены участвуют в этих делах и требуют от молодых учительниц беспрекословного исполнения *этой естественной повинности*^I. Еще одна, «Рабочая газета», сообщает, что в Сибири внезапно уволено много учительниц. Восемнадцать из них удалось доказать, что их увольнение последовало *лишь по причине непокорности домогательствам начальства*; вслед за этим их вновь приняли на работу^{II}. «Мы отмалчивались, так как жили в нужде и не хотели лишиться своего куска хлеба. Так как мне известно, что приходится выносить моим товаркам по несчастью, я, чтобы предотвратить новые жертвы, решила открыто написать обо всем», — пишет учительница Тарасова, руководитель начальной школы в Рязанской губернии^{III}.

Немногим лучше и положение работниц, женщин, принадлежащих к классу людей, которым в советском государстве оказывается особое предпочтение. На фабрике «Катушка» Смоленской губернии целому ряду мастеров и рабочих, а также председателю профсоюза, сплошь коммунистам, предъявлено обвинение в злоупотреблении служебным положением. Они требовали от женщин, чтобы те вступали с ними в половые отношения, а непокорных увольняли^{IV}. Женщины, посещающие биржу труда, чтобы получить работу, должны соглашаться на сексуальные домогательства председателя^V. Коммунисты пытаются даже ввести кое-где феодальное право «первой ночи». Главная коммунистическая газета повествует о том, как директор одной из фабрик в Туркестане, коммунист Петровский, потребовал от вахтера фабрики, узбека, который собирался же-

^I «Труд», 23 декабря 1928 г.

^{II} «Рабочая газета», 12 сентября 1929 г.

^{III} «Известия», 6 июня 1929 г.

^{IV} «Труд», 22 мая 1928 г.

^V «Труд», 15 июня 1928 г.

ниться, предоставить ему невесту на первую ночь после свадьбы. Так как он предупредил, что не простит и не забудет отказа, то жених после недолгого сопротивления согласился. Труднее было, пишет «Правда», получить согласие невесты, но в конце концов и это удалось¹.

Проституция

Коммунисты любят указывать на то, что результатом свободных сексуальных отношений в советском государстве стало полное исчезновение совершенно позорного социального явления проституции. Это утверждение наивно повторяется и иностранцами. Однако официальные данные Советов полностью опровергают это утверждение. Да, исследованиями, проведенными Институтом венерических болезней, установлено, к сожалению, без приведения точных цифр, что проституция неизменно растет; это легко объяснить при чрезвычайно тяжелом положении в СССР вообще и женщин в частности. На вопрос, что, собственно, побудило их пойти на улицу, 95% этих женщин дали один и тот же ответ: *безысходная нужда в результате долгой безработицы, сокращение, развод, бедственное положение родственников* и т. п. Среди проституток — до 40% дочерей прежней аристократии, купечества и чиновников. В то же время до 27% здесь составляют дочери рабочих^{II}.

Резюме

Так выглядят итоги освобождения женщин и коммунистической борьбы с семьей. Эти итоги вынуждены признавать сами коммунисты. Так, например, центральная газета среди прочего пишет: «Есть люди, которые утверждают, что подобные итоги вызваны именно нами через нашу пропаганду свободных сексуальных отношений. Эти люди заявляют: «Вы пожинаете именно то, что сами посеяли! Вот вам ваша молодежь! Посмотрите на ваших молодых коммунистов». Вслед за этим газета смущенно заключает:

^I «Правда», 25 апреля 1928 г.

^{II} Данные Исследовательского института венерических болезней; см. также у Залкинда: Новая половая мораль, Москва, 1927 г.

«Надо признать, что в здоровой пролетарской атмосфере подобные явления недопустимы»^I.

Еще более характерна критика, высказанная на вышеупомянутом пленарном заседании ВЦИК работницами и крестьянками — участницами пленума. Все переговоры создавали впечатление *борьбы здорового народного чувства против руководящего слоя коммунистов* — борьбы за сохранение и поддержание семейной жизни. Надо лишить «фактический брак» правовой защиты и положить конец «освободительному» развалу семейной жизни. «Положить конец этой проституции...» «В законе должно говориться о недопустимости многоженства, многожества и множественных браков...» «Параграф 27 предоставляет женщинам право устройства мужского гарема...» «Каждый год у нас рождается один миллион детей», за которых надо платить алименты... С увеличением числа «фактических браков» увеличивается и число «беспризорных детей»... «Посмотрите, сколько у нас бегают беспризорных детей...»

«Наше государство не в состоянии прокормить и опекать этих детей...» «В нынешней беспризорности детей большей частью виноваты развал и разрушение семьи...» «Вступив на этот путь, боюсь, мы превратим всю Россию в непрерывный всеобщий брак. Не знаю, возможно, товарищу Курскому в его преклонные годы хочется ввести этот порядок или, может быть, это желание главным образом товарища Крыленко...»^{II} и т. д. Заседание подошло к концу и новый закон все же был введен. Проявляет определенную озабоченность даже бывший народный комиссар Луначарский, говоря: «Надо все же понять, что сама по себе семья *не только* буржуазный предрассудок. При нынешнем положении, когда государство еще не может воспитывать всех детей, семья должна остаться»^{III}.

Коммунисты ведут упорную пропаганду среди женщин на Западе и Востоке. Они постоянно призывают,

^I «Известия», 6 июня 1928 г.

^{II} См. упомянутый стенографический отчет в «Сборнике статей и материалов», с. 135, 130, 164, 96, 180, 191, 143, 141, 154—155.

^{III} «Красная звезда», 28 февраля 1928 г.

особенно женщин, вступать в их организации и союзы, которые создаются «для защиты революции». Они знают, что всякая революция, если ее не поддерживают женщины, осуждена на неудачу. Они придают особое значение успехам пропаганды среди женщин. Пусть же судьба женщин в Советском государстве будет предостережением для женщин всех стран!»¹

д-р Л. Аксенов⁶

БЕСПРИЗОРНЫЕ ДЕТИ

Проблема

«Самая большая наша беда — беспризорные дети», — так высказываются советское правительство и советская печать об этом несчастье, жертвой которого вот уже десять лет является молодое поколение России.

Когда народ страдает социальной болезнью, будь то волнения, гражданская война или революция, то переносить страдания, вызванные этой болезнью, приходится и старым и малым. Но сильнее всего последствия этих социальных заболеваний сказываются на той части населения, которая еще не набрала полной силы, которой требуется интенсивная и постоянная опека, т. е. на невинных детях. Эти беды вызывают беженство, голод, гражданскую войну, бедность и общее ожесточение; а оставляют они после себя множество сирот, покинутых и потерянных детей. Так или иначе большое количество детей лишается заботы своих близких. Так было всегда и так будет всегда. Во всех культурных странах мира в таких случаях умерших родственников заменяет буржуазное общество или правительство страны. Таким образом, не допускается, чтобы дело дошло до беспризорности в истинном значении этого слова. Так было и в дореволюционной России. Советской России довелось поста-

¹ Читатель найдет дополнительные высказывания по обсуждаемой теме в статье проф. д-ра И. Ильина «Разрушение семьи в советском государстве» в «Книге бедствий русского христианства» (изд-во «Эккарт», Берлин, 1930 г.).

вить перед миром проблему до сих пор неведомой и невиданной *массовой* детской *беспризорности*. Здесь речь идет не об отдельных случаях бродяжничества, преступности молодежи или подобных вещах, а скорее о массовом явлении, которое тысячекратно регистрируется в каждом городе и в конце концов сделалось миллионным явлением во всей России. Такое положение длится вот уже 11 лет, причем все меры, предпринимаемые против этого правительством, остаются безуспешными. Явление тем более печальное и постыдное, что число беспризорных детей действительно постоянно растет. Это надо отметить вопреки громогласным заверениям советского правительства, которое время от времени пытается похвастаться своими большими успехами в борьбе с детской беспризорностью. Данное явление вызвало в России, да и за ее пределами, появление обширной литературы. Ведь речь идет о событии настолько всеобщего значения, что его нельзя замолчать.

Таким образом, «беспризорник» — существо, о котором никто не беспокоится и никто не заботится. О нем не заботятся родители, потому что если они еще живы, то утратили всякое чувство любви к собственному ребенку. Зачастую и условия жизни настолько тяжелы, что родители просто не в состоянии заботиться о своих детях. Буржуазного общества, которое позаботилось бы об этих детях, больше не существует. К тому же советское правительство запретило создание групп и союзов в целях милосердия. Государство, со своей стороны, не проявляет достаточной заботы об этих детях, так как оно не склонно или не в состоянии противопоставить этому широкому, хаотичному и трагическому процессу достаточную заботу. Короче — о таком ребенке никто не заботится, и он буквально *погрязает в беспризорности*. Это значит, что предоставленный самому себе ребенок становится жертвой разлагающего влияния своего окружения. Он вырастает как существо, которое вряд ли можно назвать «человеком». Это человечек, который прозябает без воспитания и образования и не подготовлен ни к одной разумной социальной функции. Он подрастает подобно маленькому зверенышу, которому чужды все понятия долга, морали, честности и приличия. Такой

ребенок развивается в юного преступника, но не в мелкого воришку, а при соответствующих обстоятельствах — и в убийцу или пособника других тяжких преступлений. Он становится физически и духовно нездоровым существом, которое никак не может служить целям государства и на которого это государство никак не может рассчитывать; он становится хилым созданием, уже в первые годы жизни познавшим алкоголь, наркотики, сексуальную распущенность и венерические болезни с их последствиями, холод и голод.

Как живут дети

Прежде чем осветить причины этой беспризорности, борьбу с ней и ее последствия, позвольте мне обрисовать то, как живет такой беспризорный ребенок, что он делает и чем заполняет свой день.

Каждому ребенку в первую очередь нужна квартира, питание и одежда. «Беспризорник» лишен всего этого. У «беспризорника» нет дома, нет постели или, по крайней мере, квартиры на продолжительный срок. Такой ребенок ночует в подвале, в разрушенном здании, в незаконченной новостройке, в пустом сарае, в железнодорожном вагоне, за кучей песка, в асфальтовом котле, в мусорном ящике, под мостом, в земляной норе, — короче, в любом месте, которое может предоставить ему хотя бы малую защиту от непогоды.

Одна советская газета¹ рассказывает о мальчике, который *спал* на вокзале, стоя за шкафом, и спал так не одну ночь, а месяцами. Этому мальчику еще посчастливилось спать в отапливаемом помещении. В больших мусорных ящиках ночуют не отдельные беспризорные, а целые группы в 10 и более мальчиков. На чердаке большого московского дома ночевали более 200 беспризорников. Домоуправление боролось с ними всеми возможными средствами, — облавами, обысками, угрозами и уговорами. Наконец отпилили большую часть лестницы, ведущей на чердак. Детям все же удавалось, как акробатам, вскарабкаться на чердак. Под конец они, со своей стороны, выставили домоуправлению ультиматум: «Не оставите нас в по-

¹ «Правда», 9 марта 1926 г.

кое, подожжем дом». Домоуправление было вынуждено уступить, и дети добились своего¹.

Все эти пристанища летом пригодны для сна; но ужасны зимой. Поэтому с началом зимы начинается массовое переселение беспризорных детей из северных мест на юг, к теплу и солнцу. По этой же причине дети зимой гораздо охотней посещают детские приюты и детские колонии и в них остаются. Из боязни холода можно увидеть этих беспризорников и в ночлежках, где они за 5—10 копеек, заработанных, вернее, украденных днем, приобретают себе постель. За эти деньги ребенку разрешают переночевать в омерзительной грязи, к которой он, кстати, привык; ему разрешают вдыхать неопишимо вонючий воздух, слушать грубые ругательства и видеть то, что детским глазам видеть не полагается, — ведь в ночлежке они спят вместе с взрослыми.

Ночлежка

Левитан описывает в своем произведении ночлежку в Ленинграде, на Международном проспекте, дом 77.

«Первое, что бросается в глаза, — это грязь, вонь и драки картежников — обитателей ночлежки. Загляните в туалет и общую спальню за 10 копеек. Между туалетом и спальней вообще нет никакой разницы. Я предложил бы вам надеть противогаз и рассмотреть всю картину из одного угла этого помещения. Вашим глазам представится сарай, внутренность которого полна живыми трупами, копошащимися в тлене, от которых исходит неопишемый запах. Тут вы видите старика, лежащего на заплыванном полу, там мальчика, уже больного сифилисом. Вы еще видите, как один из обитателей встает и совершенно спокойно снимает со своего спящего соседа сапоги, которые еще вполне пригодны и потому их можно продать. Другой спешит в туалет, наступив на спящего на полу человека и высморкавшись ему в лицо. Третий вытряхивает свою рубаху так, что вши падают на спящих под ним обитателей...»^{II}

^I Куфаев. Юные правонарушители, Москва, 1925 г., с. 241.

^{II} Левитан. См.: Беспризорные, Москва, 1925 г., с. 102, на русском. Подлинный советский источник.

Одежду беспризорник получает лишь по воле случая. Зарегистрированы случаи, когда дети ходят совершенно голыми.

Жалкая одежда, чаще состоящая из тряпья, надевается на голое тело: белье считается роскошью и имеется лишь в отдельных, очень редких случаях. Защитой от холода нередко служит старый женский жакет или платок, рваное пальто, рогожа или мешок — всё, что попадет в руки беспризорника. Об обуви вообще нечего и говорить — обувь имеется лишь в абсолютно редких случаях и считается исключительной роскошью^I.

Далее в упомянутой статье мы читаем: «... 8 часов утра. Всем полагается покинуть ночлежку. Начался холодный зимний день с сильным морозом и холодным, по выражению обитателей ночлежки, пронизывающим до костей ветром. На дворе стоит мальчик в рубаше, без какой бы то ни было теплой одежды; на одной его ноге — старая галоша, другая завернута в старую меховую шапку, из-под которой сочится кровь. Эти фигуры, как муравьи, расползаются по городу, рассматривают витрины продовольственных магазинов, плюют в лицо проходящим и крадут все, что плохо лежит»^{II}.

Нередко случается, что дети добровольно отправляются в детский приют лишь по одной причине: для того, чтобы получить там одежду и обувь; после этого они вновь сбегают, прихватывая с собой одежду и белье своих соседей.

Даже эту нищенскую одежду беспризорнику чаще всего приходится красть. Но воровством он добывает себе не одну только одежду; так же ему приходится добывать и съестное.

Пропитание и зарабатывание хлеба

О регулярном питании беспризорного ребенка, конечно, не может быть и речи, т. е. у беспризорника нет настоящего завтрака, обеда и ужина. Никто не заинтересован в том, чтобы прокормить беспризорника, поэтому о пропитании ему приходится заботиться самому. Не удалось украсть — он голодает, нередко в течение

^I «Правда», № 37, 1926 г.

^{II} Левитан. См.: Беспризорные.

одного-двух дней и более; украл в недостаточном количестве — наелся, но только не досыта. По-настоящему сытым беспризорник становится лишь после особенно удачной кражи. Для одиночного беспризорника ловкая кража у зазевавшейся торговки на базаре или уличного лотошника — лишь «счастливый случай». Для прочного успеха кража должна быть *организованной*. Беспризорники очень хорошо это поняли и собираются в банды, которые занимаются воровством, делая набеги на целые рынки, магазины, чужие сады и т. д. Тут бывают настоящие сторожа и дозорные, обходные маневры и атаки основными силами, одним словом — из нужды и опыта образовалась настоящая стратегия. Но нападают не на одни только рынки и сады, а и на отдельных пешеходов; особенно туго приходится женщинам в том случае, когда они прилично одеты и неосторожно сворачивают в дальний и пустынный переулок. Укус в руку — и сумка у женщины вырвана; оружие — бросок камня, уличной грязи или песка; достаточно мгновения, чтобы овладеть корзинкой, шапкой или чем-то еще. Это обычные поступки беспризорников. Если для кражи соединились трое или четверо, то чаще всего бороться с ними бесполезно. Украденное съестное пожирается (не съедается, а пожирается) на месте; украденный ценный предмет немедленно продается особо организованной банде укрывателей, а на выручку покупается хлеб и еда, но нередко и водка.

Наличные деньги беспризорники добывают чаще всего кражами, но бывает, конечно, и попрошайничеством. Однако они получают милостыню, не только попрошайничая и вызывая сочувствие, а часто и прямыми угрозами. В таких случаях звучит: «Дай копейку или я забросаю тебя уличным дерьмом» либо: «Порву твоё пальто»; и прохожий рад откупиться несколькими медными монетами.

Бывает, что беспризорники ходят от дома к дому и просят хлеба; обычно встречаются и сострадающие, которые дают такому голодному ребенку поесть. Никогда не бывает лишь одного — чтобы беспризорник просил работу. Работу они не любят.

И вот мы подходим к вопросу, чем же занимаются беспризорники и чем они заполняют свой день.

Состояние души

Все помыслы беспризорников изо дня в день направлены на две вещи: днем — на поиски пищи и вечером — на поиски ночлега. И там и тут большую роль играет случай. Повезло — и он сыт. Не повезло — ходит голодным. Постоянных занятий, деятельности или работы у них нет. Ребенок предоставлен сам себе, он сам себя развлекает, сам занимает и сам заполняет чем-то свое свободное время. А свободного времени у него много и еще больше соблазнов. Не стоит забывать, что бывают беспризорники самого разного возраста, от пяти- и шестилетних до подростков шестнадцати лет и старше. Естественно, их интересы сильно отличаются. Если малышу достаточно мелкого воровства у торговки, то у парня-подростка совершенно другие интересы и потребности. Приведу характерное описание, сделанное госпожой Е. Д. Кусковой: «...От нескольких вещей нам пришлось совершенно отказаться, например, от зачисления (в детскую колонию) детей старше 14 лет. Наша детская колония в районе Дмитровска (вернее сказать, наша колония для подростков в возрасте от 14 до 16 лет) стала ужасом для всего Дмитровска. Колонисты убегали, напивались, нападали на жителей и т. д. Мы много раз заменяли персонал и тем не менее не могли справиться с колонистами, и наконец нам пришлось отказаться от приема детей старше 14 лет»¹.

Наряду с этим существует много преступных элементов, прекрасно умеющих ловко использовать в своих целях несовершеннолетие и частичную (50%) вменяемость детей. Использовать для укрывательства краденого, организованного воровства, нападений, грабежей и даже убийства. Советская печать переполнена подобными сообщениями.

Пребывая в ночлежках и на улице, среди отбросов городского населения, дети знакомятся с самыми уродливыми сторонами и явлениями жизни. Подобное окружение никогда не приводило к добру. Не удивительно поэтому, что беспризорник рано познает табак, алкоголь,

¹ Сенсинов. См.: Беспризорные, 1929 г., с. 26, на русском; 1930 г. на немецком.

морфий, кокаин, карты и грубые ругательства, разврат и венерические болезни. Не удивительно также, если девочки с 9 до 10 лет занимаются проституцией и зарегистрированы случаи, когда 13-летние девочки рожают¹.

Беспризорника влечет к себе свобода от работы и настоящих занятий, иными словами, безделье; это происходит по большей части в тех случаях, когда его насильственно определяют в детский приют или колонию и он таким образом получает правильный распорядок дня, подчиненный дисциплине. В большинстве случаев это приходится ему не по вкусу, и воспитанник убегает, покидает надежную крышу над головой, тепло, ежедневное питание и одежду — какой бы скудной она ни была, — лишь бы только вновь обрести себе полную свободу и никому не подчиняться. Эта свобода для беспризорника — самое большое счастье.

Выглядит беспризорник примерно так: исхудавший, голодный, бледный, жалкий, одет в лохмотья, непричесанный, немытый, нестриженный, в высшей степени грязный, совершенно обовшивевший, настолько вонючий, что сидеть рядом с ним невозможно, грубый, злонамеренный, употребляющий грубые ругательства, дерзкий и бесстыдный, склонный к совершенно неожиданным поступкам, например, к укусам и брани, к бросанию камней и воровству. Он в любом отношении социально опасный элемент, который, однако, *полностью осознает свою власть*; ведь беспризорник совершенно точно знает, что он такой не один, что *за ним стоит целая армия его товарищей по несчастью*. Он знает, что правительство бессильно в борьбе с ними, что он по меньшей мере — несовершеннолетний и что по этой причине не несет полной ответственности перед законом. Все это он взвешивает и этим пользуется.

Как появилось это бедствие?

Далее надо отметить, что ряды беспризорных детей непрерывно расширяются и пополняются, поскольку *и поныне* имеются причины и основания, приводящие к этому трагическому бродяжничеству. Неохотно сообщают об этой мрачной стороне жизни советское прави-

¹ «Красная панорама» (Ленинград), 27 мая 1927 г.

тельство и советская печать. Однако беспризорники стали в советской жизни такой угрозой и таким бременем, что обойти их молчанием невозможно.

Еще до 1925 года советское правительство пыталось утверждать, что беспризорные дети представляют собой наследство проклятого прежнего режима, продукт роста и дальнейшего развития капитализма¹. Лилина (жена Зиновьева) даже писала в 1926 году: «Капиталистические государства никогда не занимались вопросом детской беспризорности в буквальном смысле слова, как это умеют делать советское правительство и Коммунистическая партия. Детская беспризорность для капитализма нормальное явление, о котором особо не говорят»^{II}. Некий профессор Залкинд пишет в Большой советской энциклопедии, изданной в 1927 году в Москве: «...Причины детской беспризорности — исключительно социального характера. Беспризорность появляется как в результате капиталистической эксплуатации масс, так и в силу других факторов, постоянно мешающих трудовому порядку и трудовому образу жизни... По этой причине она постоянно увеличивается как во всех государствах Европы, так и в Америке, пока продолжается капиталистическая эксплуатация».

Пожалуй, было бы неверно искать истоки этого явления в мировой войне. Хотя при том отступлении, которое происходило в России, были брошенные дети. Население бежало со своих родных мест, оставляло свои дома, свое имущество и свои поля. На повозки грузилось лишь самое необходимое, чтобы как можно скорее убежать на восток от места боев, грома канонады, пожаров и смертельной опасности. Это было поспешное бегство, полное ужаса и без планов на будущее. И не удивительно, что в таком хаосе и такой панике дети оставались, терялись, их бросали. Но здесь не шло еще речи ни о какой беспризорности. Этими детьми занимались как организации социального самоуправления, так и царское правительство. В первые годы войны суще-

^I Н. Крупская (вдова Ленина). См.: «Правда», 2 декабря 1925 г.

^{II} С. Лилина. См.: Беспризорные, Ленинград, 1926 г.

ствовала масса организаций, комитетов и обществ, занимавшихся помощью беженцам и детьми беженцев. Публиковались также списки найденных детей с их фотографиями, так как среди них были и такие, которые не могли назвать ни своего имени, ни своего происхождения и т. п.

Хотя мировая война и оставила после себя покинутых детей, но они вовсе не стали *беспризорными*.

Гражданская война

Однако мировая война в России сменилась в 1918 году *гражданской войной*. И в ней число покинутых детей значительно увеличилось. Гражданская война намного более жестока и сурова, чем война регулярная. Целые территории становились местами сражений. Советское правительство думало лишь об экспроприации, войсках и снабжении их оружием. А частная инициатива тем временем в любом отношении все более подавлялась. Так что собственно *беспризорность* возникла с Октябрьской революцией и началом гражданской войны.

Голодные годы

В 1920 году закончилась гражданская война. Но пришла новая беда — голод 1921—1922 годов и неурожай последующих двух лет. Голодало почти 2/3 всего населения; голод захватил 16 губерний^I, по площади превосходивших примерно в шесть раз территорию Германии. Все амбары пустовали, ибо коммунисты в течение трех предыдущих лет вели *продовольственную войну* с крестьянами и *экспроприировали все «излишки»*. Транспорт работал с перебоями, всякая частная инициатива была подавлена. Советское правительство по политическим причинам долгое время отрицало голод^{II}, так что действительная помощь вовсе и не могла быть оказана. Катастрофа стала неопишуемой. Началось переселение наугад; были случаи людоедства и поедания трупов^{III}. Были зарегистрированы случаи, когда родители топили своих детей в Волге^{IV}; другие покидали своих детей и сбежали.

^I «Правда», 25 июля 1924 г.

^{II} См. общеизвестную книгу Василевского, Петроград, 1922 г.

^{III} См. у Василевского.

^{IV} «Правда», № 168, 1925 г.

Были люди, которые заявляли, что за определенную сумму денег они готовы поместить детей из деревни в детский приют в городе. Когда же собиралась достаточно большая группа в 10—30 детей, они гнали ее в город и просто оставляли на улице. Были «ловцы лассо», т. е. люди, ловившие детей на сельских улицах с помощью лассо, умерщвлявшие их и пускавшие их мясо на продажу^I. В своих данных о числе жертв этого голода советское правительство называет 5,3 млн. человек. Поволжье, центр тогдашней голодной территории, до сей поры — главный очаг беспризорных детей.

Эпидемии

Вся эта нужда, но в особенности голод, привели к эпидемиям такого масштаба, какой до сей поры был неизвестен в истории медицины. Достаточно напомнить, что, как сообщал профессор Тарасевич, только сыпным тифом болело 30 млн. человек, т. е. $\frac{1}{5}$ всего населения России. Смертность достигла 15%; это значит, что тогда в результате эпидемий умерло около 5 млн. человек. Пять лет подряд продолжалась холера, смертность от которой достигла 40%. Около 7 млн. заболело малярией; юго-западную территорию постоянно посещала цинга. Этих данных достаточно, чтобы показать, сколько беспризорных детей оставили после себя эти эпидемии.

Экспроприация

Четвертой причиной, наряду с гражданской войной, голодом и эпидемиями, было еще и всеобщее обеднение в стране. Экспроприированные имущие классы, безвозмездно потерявшие все, переживали истинное обнищание, вымирали целыми семьями от голода и безработицы. Но и городскому пролетариату пришлось лишиться настолько многого и так много страдать, что Ленин описывал их нужду и жертвы как «исторически неслыханные»^{II}.

Террор

Пятой причиной можно считать всеобщий террор, который развился в политическую систему^{III}. Число казненных, сосланных и умерших в тюрьмах людей было

^I Вечерняя «Красная газета», 7 мая 1922 г.

^{II} Ленин. Сочинения. Т. XVIII, ч. 1, с. 329; ч. 2, с. 45.

^{III} См. раздел «Система террора» в ч. I настоящей работы.

огромным, особенно в 1918—1921 годах; целые семьи стали жертвами системы и вымерли; однако в могилу сошла лишь часть старшего поколения в преклонном возрасте, так что народившиеся дети снова остались беззащитны и обречены на жестокую участь.

Безработица

Советское правительство и советские писатели, со своей стороны, тоже стремятся найти и предать гласности причины, объясняющие беспризорность. Так, некоторые писатели пробуют свести появление и растущее количество беспризорных детей к «безработице малолетних»^I. В этой связи указывают на то, что 30% беспризорников — это дети в возрасте 13 лет и что этих детей трудно поместить в колонии и детские приюты, где и так нет работы, тем более что этих элементов уже непременно надо приучать к работе^{II}.

Далее указывают, что основная масса беспризорных — дети рабочих, т. е. источник их пополнения — привилегированный класс пролетариев^{III}. И теперь советское правительство утверждает, что в детской беспризорности виновна безработица и лишь этим обстоятельством обусловлено дальнейшее увеличение числа беспризорных^{IV}.

Так ли это? Ведь безработные есть везде; однако беспризорных детей нет нигде, кроме Советской России. Кроме того, какая такая работа может быть у детей от 7 до 12 лет? А среди беспризорников существует бесчисленное множество детей этого возраста. Следовательно, объяснения советского правительства и советской печати вряд ли можно счесть удовлетворительными.

Истинную причину детской беспризорности следует видеть в следующем: 1) распад семейной жизни в Советской России^V; 2) слабая и беспомощная борьба с беспризорностью со стороны советского правительства, и

^I Так, например, Куфаев. См.: Юные правонарушители, Москва, 1924 г.

^{II} Богуславский. См.: «Красная новь», июль 1927 г.

^{III} «Труд», 15 июля 1927 г.; «Комсомольская правда», 19 февраля 1927 г.

^{IV} «Правда», 22 ноября 1926 г.

^V См. выше раздел «Брак и положение женщины».

особенно также — недостаточный отпуск средств для осуществления этой цели; 3) растущее обнищание населения страны, и особенно бедного крестьянства¹; 4) дальнейшее существование системы террора и 5) подавление любой частной инициативы, в том числе на ниве благотворительности и обеспечения (например, роспуск в 1918 году соответствующих организаций детского призрения г-жи Е. Кусковой и в 1919-м — г-жи Л. Канцель-Дан; запрещение в 1922 году скаутских организаций и арест членов детского съезда в Москве и т. п.).

Что же касается борьбы с детской беспризорностью, то следует отметить следующее.

Борьба с нуждой

Создана на бумаге совершенно новая область управления. Созываются съезды, проводятся переговоры и теоретические обсуждения, много говорится и принимаются наигуманнейшие решения. Очень много уже написано о детских клубах, детских домах, ночлежках, учреждениях опеки, рабочих коммунах и патронаже. Наконец, приняты особые законы в защиту несовершеннолетних. Это привело к бесконечной межведомственной переписке и к невероятной неразберихе. Сначала одновременно нагрузили четыре народных комиссариата — по делам религии, юстиции, общественного призрения и внутренних дел. Лишь в 1926 году все было отдано в руки народного комиссара общественного призрения.

Между тем эта ведомственная бумажная работа никак не способствует прекращению нищеты². Неспособность правительства наглядно проявляется в вечно меняющихся методах борьбы: в первые годы, когда казалось неизбежным создавать представление о проблеме путем индивидуального обоснования причин беспризорности, предлагалось применение лишь абстрактных коммунистических теорий. С 1925 году окончательно отказались от этих «идеологических» мер и перешли к принципу «твердой руки».

¹ См. разделы «Судьба русских крестьян», «Хозяйственная дифференциация класса крестьян» и «Немецкие колонисты» в ч. II настоящей работы.

² См. раздел «Коммунизм как господство чиновников».

Детские дома

В предлагаемой ниже таблице дается число детских домов и количество детей, находящихся там в разные годы^I.

1922 г.	6063	детских дома	для 540 000	детей
1923 г.	3971	«	«	252 317 «
1924 г.	3377	«	«	239 776 «
1925 г.	2836	«	«	228 127 «

В апреле 1922 года, когда число беспризорных детей сильно увеличилось, было закрыто 50%, а в некоторых городах даже 75% всех детских домов. В 1927 году коммунист М. Богуславский писал: «За огромным уменьшением количества детей (в детских домах) следует увеличение числа беспризорных на улице»^{II}. Отсюда мы видим, что, как отмечают сами коммунисты, *по причине недостаточного отпуска денежных средств* для обуздания зла оно еще более разрослось^{III}.

Но успех борьбы зависит не от одного только количества детских домов, а и от их состояния. Детские дома бедны и плохо оснащены, имеют в своем распоряжении совершенно недостаточно помещений и переполнены до отказа; дети не только плохо одеты, но в отдельных случаях ходят совершенно голыми; питание скудно, надзор слаб, а руководящий персонал зачастую состоит из совершенно неподходящих, нередко нечестных и неполноценных лиц. Короче, все устройство, весь дух таких детских домов таковы, что дети неохотно находятся там и особенно летом бегут оттуда толпами^{IV}. Таким образом, этот, возможно, самый разумный метод борьбы приносит чрезвычайно незначительные результаты.

^I См.: Детская беспризорность и детский дом, Москва, 1926 г.

^{II} Богуславский. См.: «Красная новь», август 1927 г.

^{III} «Правда», 7 и 22 апреля 1927 г.

^{IV} Ср. у Бухарина: «Если бы вам однажды пришлось прочесть о том состоянии, в котором находятся «воспитательные дома» для беспризорных детей, то у вас бы волосы встали дыбом». См.: Стенографический отчет XII съезда Коммунистической партии, с. 545—546.

В последующие годы была предпринята попытка пойти менее дорогими путями, что равнозначно возврату к дилетантскому подходу ко всему вопросу. Так, например, были привлечены различные коммунистические организации, которые должны были «добровольно» заняться борьбой с детской нуждой. А в 1926 году даже предпринята попытка зачислять беспризорных в Красную Армию^I.

Беспризорных также передавали лицам, работающим на дому, ремесленникам и крестьянам. Все эти меры впоследствии были названы острословами *«рыночным распределением детей»*. Позже отовсюду начали поступать сообщения о том, что испорченных и нелюбимых чужих детей истязают и эксплуатируют на тяжелых работах. Снова стали слышны голоса с требованиями отдавать детей в хорошо организованные и хорошо руководимые детские дома, где они найдут все необходимое. И все вернулось на круги свои.

Число беспризорных детей

Совершенно невозможно точно установить, сколько вообще существует беспризорников. Эта трудность легко объяснима: беспризорный ребенок не дает себя зарегистрировать, не дает о себе никаких сведений и никого не просит установить, действительно ли он беспризорный и какова продолжительность его мученичества. Следовательно, для того чтобы провести перепись этого слоя населения, необходимы особые мероприятия. Нельзя рассчитывать на сведения из одних только детских домов, так как их довольно мало и вследствие этого туда принимают лишь небольшое количество беспризорных, большая же их часть по-прежнему остается на улице. Первого февраля 1926 года в России состоялась всенародная перепись населения. Казалось, что наконец-то можно будет получить точные данные. Но беспризорные воспротивились всенародной переписи и не дали себя зарегистрировать: в день проведения переписи они каждый раз бесследно исчезали из тех мест, где обычно находились^{II}. Там, где им не удавалось убежать, они сопротивлялись по-иному. Так, в Екатерино-

^I «Известия», 2 марта 1926 г.

^{II} «Правда», 17 декабря 1926 г.

славе счетчиков встретил град камней^I. Аналогичные сведения поступили из Одессы, Харькова, Москвы, Ленинграда и пр. Правительство и в этом вопросе проявило свое бессилие.

Из советских источников можно почерпнуть следующие противоречивые сведения о числе беспризорных. Луначарский определил в 1922 году число беспризорных в 9 миллионов. Год спустя Крупская сказала, что их всего 7 миллионов. На конгрессе по социальной защите детей в 1924 году говорилось лишь о 250 000 беспризорных^{II}. Советская энциклопедия (изданная в Москве в 1927 году) приводит число 334 000. На 1928 год была даже обнародована цифра 25 000.

Все это, конечно, малонадежные данные. Если бы они были верны, то следовало бы предположить, что коммунистическое правительство в 1922—1928 годах дало умереть 9 миллионам беспризорных. Но так как само советское правительство предоставило в 1928 году 60 млн. руб. для борьбы с детской беспризорностью, причем, рассчитывая расход в сумме 140 руб. на одного ребенка в год, оно тем самым само призналось в том, что тогда беспризорных, требующих устройства, насчитывалось 400 000. Между тем одобрили без сомнения гораздо менее значительные средства, и поэтому число беспризорных следует значительно повысить. Таким образом, получается, что утверждение лишь о 25 000 беспризорных было чистой неправдой, но тем не менее его распространило советское правительство, для того чтобы показать, что здесь полный порядок. Если же поинтересоваться у советских исследователей, чьи утверждения осмотрительнее и осторожнее, то придется установить, что в общем речь может идти примерно о 2—2,5 миллиона беспризорных.

Вымирание

Эти же данные заставляют нас считаться с тем фактом, что число беспризорных в 1927—1928 годах примерно на 200 000—300 000 уменьшилось. Эти дети просто

^I Вечерняя «Красная газета», 17 декабря 1926 г.

^{II} Сравни с этим у Бухарина: «Детская беспризорность приняла воистину гигантские размеры». См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, с. 814.

умерли. Сама смерть в известном смысле помогла коммунистам. Дети заболевают, чахнут и умирают в неописуемой нужде. Зато надо подчеркнуть, что большая экспроприация и ссылка зажиточных крестьян (мнимых «кулаков»), которая началась в 1929 и продолжилась в 1930 году (осень), должна была сделаться новым источником детской беспризорности. Серьезные исследователи считают, что в одном только 1929 году было ликвидировано 600 000 кулацких хозяйств. Это означает, что 600 000 семейств вновь подверглись обнищанию. Тяжелее всего в таких условиях страдают дети.

Возраст

Было бы чрезвычайно интересно с большой точностью установить, каков возраст беспризорных детей, к какому социальному слою они принадлежат, есть ли у них где-нибудь родители и т. д. Некоторые данные об этом можно получить из детских домов, однако в них принимают лишь ничтожную часть беспризорных. В качестве другого источника для прояснения этого вопроса можно привлечь статистику молодежной преступности, источник которой — главным образом беспризорные дети. По данным двух этих источников, основная масса беспризорных (более 50%) — *крестьянские дети*. Беспризорные *дети рабочих* составляют примерно 25%, дети *государственных служащих* — около 10% общего числа и примерно такой же процент приходится на детей представителей всех других профессий, включая красноармейцев. И получается, что преобладающее число беспризорных детей в «рабоче-крестьянском государстве», а именно более 75%, составляют дети этих основных сословий¹.

Родители

Семейное положение детей можно описать примерно следующим образом: *большинство из них*, до $\frac{2}{3}$ от общего числа, — *круглые сироты*. Около 30% — наполовину сироты; у примерно 4% беспризорных детей есть родители. У полусирот соотношение между теми, у которых есть только отец, и теми, у кого осталась только

¹ Богуславский. О детской беспризорности. См.: «Правда», 20 февраля 1926 г.: Детская беспризорность, Москва, 1926 г., издание народного комиссариата по делам религий.

мать, — 4:1; отсюда можно сделать вывод, что ребенок, у которого осталась *мать*, сильнее привязан к семье, чем ребенок, оставшийся без матери. Далее можно с уверенностью утверждать, что наибольшее количество беспризорных составляют мальчики, ведь число мальчиков вшестеро превышает число беспризорных девочек.

Возраст детей сильно различается. На улицах можно увидеть *даже трехлетних беспризорных...* Большинство беспризорных (примерно 60%) находятся в возрасте от 8 до 13 лет; около 20% — в возрасте от 13 до 16 лет; старше 16 лет, по подсчетам, примерно 7% беспризорных.

Народный комиссар Луначарский произнес 14 апреля 1927 года на съезде Советов речь, в которой он среди прочего сказал: «Надо еще целый ряд лет вести борьбу, чтобы освободить страну от напасти беспризорничества. Дети в детских домах достигли 17- и 18-летнего возраста, а мы не знаем, что с ними делать... Они по-прежнему от нас зависят, и нам грозит то, что придется иметь дело с бракосочетаниями, результатом которых будет новое поколение — поколение коренных жителей детских домов...» «В детских домах, — пишет вдова Ленина Крупская, — воспитывают прямо-таки бандитов; там живут почти что женатые лодыри, которые шляются там без дела и бесчинствуют»^I. «Сколько уже раз, — пишет жена Калинина, — улицы Москвы очищали от беспризорников, а они по-прежнему торчат везде. На каждом углу — как в дурном сне. И число банд все растет»^{II}. Объективный советский исследователь Богуславский пишет: «Для нынешнего состояния беспризорности характерно то, что она *становится постоянной*, и это чревато опасностью того, что образуется неизменный состав беспризорных».

Между тем это предположение кажется даже слишком оптимистичным; ибо обнищание новых слоев крестьян, как уже говорилось, позаботится о новом пополнении многочисленных несчастных детей. В последние годы (1929—1930) становится, к сожалению, все труднее находить в советской печати точные данные о

^I «Правда», № 275, 1925 г.

^{II} «Правда», 20 мая 1927 г.

детской беспризорности. Кстати, это молчание является атрибутом сталинской системы официального коммунистического оптимизма... Что же касается духовной стороны этой проблемы, то Луначарский в своем признании прав до конца: «Нам никогда не простят одного — падения нравственности, которым останутся затронуты души нашей молодежи, той молодежи, что должна прийти нам на смену и которая представляет собой наше будущее»^I.

Такова истинная картина величайшего бедствия в истории. И в этом описании нет ни единого факта, ни единой детали, которая не была бы взята из подлинных советских источников.

А. фон Бунге

МОЛОДЕЖЬ

Надежды

Коммунисты всегда возлагали надежды на молодежь. Они постоянно признавали необходимость иметь молодежь на своей стороне. «Задача молодежи — построить коммунистическое общество. Поколение, воспитанное при капитализме, в лучшем случае способно снести старое здание; построить новое призвана молодежь, воспитанная в новых, лучших условиях. Молодежь должна направить судьбы мировой революции в нашу сторону»^{II}.

«Судьба коммунизма зависит от настроений молодежи»^{III}. По этим причинам Ленин и его соратники с самого начала своей власти всячески старались привлечь на свою сторону молодежь и воспитывать и поучать ее в своем духе.

Комсомол, его задачи и его успехи

Когда был образован комсомол (Коммунистический союз молодежи), он был задуман как *начальная школа коммунизма*. «Задачи комсомольцев состоят в том, чтобы

^I См. у Василевского: Детская преступность, Тверь, 1925 г.

^{II} Ленин. Из выступления на III съезде комсомола.

^{III} «Инпрекор», январь 1925 г., с. 29. («Internationale Presse-Korrespondenz» — «Интернациональная пресс-корреспонденция», издаваемый коммунистами выпуск.)

обучиться коммунизму. Необходимо, чтобы комсомол соединял свою учебу и свое воспитание с работой крестьянина и рабочего», — говорил Ленин на том же съезде комсомола в 1920 году. В комсомоле молодежь должна готовиться к будущей государственной, партийной и общественной работе. Комсомол в определенном смысле — «кладовая новых сил», «теплица для выращивания смены старого коммунистического поколения». Комсомольцы призваны быть носителями коммунистической культуры, передовыми, активными и образцовыми представителями этой культуры. В комсомол сразу же хлынул большой поток людей. В него устремились бесчисленные массы молодежи. Не подлежит сомнению, что в первые годы революции большая часть русской образованной и полуобразованной молодежи была очень расположена к большевизму. Она *верила в сам миф социальной революции и коммунизма*, в победу справедливости, в необходимость всеобщего уравниения. Эти идеи нашли в мечтательных, нетронутых душах русской молодежи весьма благодатную почву. Однако были и другие причины, которые объясняют успехи комсомола. Так, на XII съезде Коммунистической партии Бухарин говорил: «В комсомол вступают: а) из юношеского энтузиазма, б) чтобы как можно скорее получить должность и окопаться в ней и в) из-за ряда дополнительных удовольствий»¹.

Комсомол стал также для буржуазной молодежи в определенной мере тем «политическим чистилищем», в котором она могла «очиститься» от «буржуазных грехов» своих отцов. Для детей духовенства, аристократии, чиновников и других преследуемых сословий, перед которыми закрылись все двери, которым было запрещено учиться и служить и которые нигде не могли найти пристанища, — для них комсомол стал единственным выходом из нужды. Вступление в комсомол скрывало прошлое, освобождало от «вины» за «непролетарское происхождение», давало возможность учиться и существовать, все это — до первой «чистки». По этой причине в комсомол обратилась и часть буржуазной молодежи. Для того чтобы получить разрешение вступить в комсомол, она до-

¹ См.: Стенографический отчет XII съезда партии, с. 147.

бывала фальшивые документы и выставляла фальшивых свидетелей.

В целом не удивительно, что в конце второго года своего существования комсомол насчитывал уже более одного миллиона членов, что «ячейки» и «клубы» комсомольцев имелись во всех городах, а несколько тысяч «сельских ячеек» были рассыпаны по всей стране. Комсомол зажил «активной» жизнью. Бесперывно устраивались заседания, обсуждения, «походы» против религии, против Бога, церкви, духовенства, против неграмотности, одним словом, «против всех невзгод государственной жизни». Комсомольцы стали даже *вмешиваться в государственную жизнь*. Создали боевые отряды, так называемую «легкую кавалерию», которой было поручено *контролировать работу правительства* и партийных организаций и вмешиваться в дела государственной и экономической жизни, не останавливаясь ни перед авторитетом старых коммунистов, ни перед властью контролируемых ими ведомств. Старые коммунисты жаловались: «от комсомольцев нигде не избавишься». Комсомолец, подобно лейб-гвардейцам господствующей клики, превратился в одно из самых ярких явлений советской жизни. Комсомольцев перегрузили заданиями и требованиями. Сразу же после выполнения одного «бремени» появлялось новое. У комсомольцев не было времени даже для того, чтобы отдохнуть, переодеться и уразуметь исторические события. Они сделались механическими исполнителями, перегруженными до грани физического и духовного изматывания. И скоро комсомол постигла участь всех коммунистических организаций: за громогласным бахвальством агитационных фраз стали заметны признаки измельчания и отмирания всяких политических идей.

Число комсомольцев

Быстрый прирост комсомола скоро прекратился. По сообщениям, сделанным на съезде комсомола, на 1 июня 1929 года в нем насчитывалось 2 250 000 членов, что составляло *лишь около 7% всей молодежи Советского Союза*. По подсчетам советской печати, в комсомол записалось более 40% рабочей молодежи; зато *сельская молодежь послала в комсомол только 4% своего состава*. На всей территории Советского Союза, где имеется

примерно 600 000 деревень и поселков, было всего лишь 40 000 сельских ячеек комсомола. Как тяжело агитировать *в деревне за вступление в комсомол*, описывает корреспондент «Правды», рассказывая о своей агитационной поездке по южной России. Его предложения вступить в комсомол наталкивались на следующие возражения: «В партию и комсомол вступают только лодыри и дураки», «Записывайте быков и волов в ваш комсомол». От молодой девушки он услышал: «Не могу вступить в комсомол; *тогда меня будут считать заблудшей, и никто, даже комсомолец, не возьмет меня замуж*». Корреспондент также заметил, что молодых бычков часто называют комсомольцами^I.

Комсомольская жизнь

Советская печать, встретившая образование комсомола хвалебными гимнами, скоро начала жаловаться на поведение комсомольцев. Безответственность и привилегированное положение внесли в комсомол зерна разложения. Для комсомольца типичны грубость, пьянство, предубеждения и хулиганство^{II}. «У комсомольцев очень часто встречается пьянство, непотребное отношение к девушкам, сплетни и разврат»^{III}. «На фабриках они пьянствуют, воруют и насилюют; во время работы они спят у станков и играют в рабочее время в пинг-понг»^{IV}. «Что касается упущений, драк и скандалов, своеволия и недисциплинированности, то тут комсомольцы на первом месте»^V. «Комсомол, — заявил на XIII съезде партии Бухарин, — испускает отвратительный запах».

Чистка

Для борьбы с этими явлениями были предприняты *чистки*, о которых дают представление следующие цифры: перед чисткой в 1929 году в Смоленске насчитывалось 22 580 комсомольцев. После чистки осталось только 10 800, т. е. исключили 52,2%. 21% был удален за пьянство и разврат, а 22,9% — за «идейные отклонения от

^I «Правда», 17 сентября 1929 г.

^{II} «Комсомольская правда», № 187, 1928 г.

^{III} Там же, № 17, 1929 г.

^{IV} «Торгово-промышленная газета», 12 марта 1929 г.

^V «Комсомольская правда», № 58, 1929 г.

комсомола». В отдельных ячейках — почти всегда за пьянство — было исключено до 70% членов комсомола^I.

Массовый выход из комсомола и его причины

Не удивительно, что при таком положении вещей начался массовый выход из комсомола. Этот добровольный выход достиг таких размеров, что были запрещены публикации об этом. В заявлениях о причинах, побудивших к выходу, проглядывалось разочарование молодых людей: «Скучно. Надо всегда высидывать на собраниях»^{II}. «Я покинул комсомол, потому что ничего не видел, кроме задирания девушек»^{III}. «Парни ничего не хотят. Надо всем висит непонятная тоска и недовольство. Парни живут бес-содержательно, а самое скверное то, что ни у кого нет цели. Отсутствует восхищение, энтузиазм, отсутствуют идеалы», — горько сокрушается комсомольский орган^{IV}. В комсомоле, в этом резерве коммунистов, «скучно, нет свежего воздуха». «Мы окончательно утомились от собраний, заседаний, протоколов, планов и резолюций». «Одними только протоколами мы отчуждены от жизни». Партийная работа не только наскучила комсомольцу, но и мешает его учебе. «Чем активнее комсомолец, тем меньше у него времени для чтения. Раньше мы очень много читали, а теперь, активно участвуя в партийной работе, мы вынуждены совсем отказаться от чтения»^V. У комсомольца не хватает времени не только для чтения, но и для учения. По данным статистического исследования о жизни высших учебных заведений в 1927 году, на первых курсах было 60% коммунистов и комсомольцев. Зато на последних курсах их число уменьшилось в 15 раз и составило *всего* 3,9%^{VI}. Приведенные в этом «Статистическом обозрении» таблицы показывают

^I «Комсомольская правда», № 85, 1929 г.

^{II} Там же, № 58, 1929 г.

^{III} Там же, № 126, 1929 г.

^{IV} Там же, № 142, 1929 г.

^V Там же, № 58, 1929 г.

^{VI} «Статистическое обозрение», № 76, 1927 г., с. 26.

скорое уменьшение числа студентов-коммунистов за время обучения^I:

Курс	1	2	3	4	5
Коммунистическая молодежь	60,1%	42,8%	20,2%	8,5%	3,9%
Беспартийные	39,9%	57,2%	79,8%	91,5%	96,1%

В результате того, что партийная и комсомольская жизнь сильно отвлекает коммунистическую молодежь, которая, по завету Ленина, должна «зубами грызть гранит науки», ей эта задача не по плечу. На факультетах социальных наук число «неуспевающих» студентов-коммунистов достигало 80%. «Кроме того, — говорил Бухарин, — нередко профессор ставит оценку «удовлетворительно» совершенным невеждам, так как у нас на профессора обычно оказывают «социальное давление». И получается следующее. У того, кто действительно хочет учиться, не остается времени для партийной работы. С другой стороны, если он занимается партийной работой, то не может учиться и не соответствует больше той цели, с которой был послан в вуз»^{II}. «Создалась ситуация, при которой большая часть коммунистической молодежи (членов партии и комсомольцев) вынужденно поставлена перед перспективой — уйти из вуза или оставить партийную работу. Общеизвестно, что комсомолец предпочитает партийную работу научной. Это приведет к тому, что те, кто далеки от коммунизма или по меньшей мере без энтузиазма относятся к партийной работе, будут обладать большими знаниями и лучшей подготовкой»^{III}. «Комсомольская правда» характеризует средний интел-

^I Обучение в высших учебных заведениях России продолжается 4—5 лет. Каждый год обучения называется курсом, каждый курс состоит из двух семестров: осеннего семестра (с сентября по декабрь) и весеннего (с января по апрель). В таблице дается количество студентов-коммунистов и беспартийных в процентах по отношению к общему числу зачисленных на каждый курс студентов.

^{II} См.: Стенографический отчет XII съезда партии, с. 503.

^{III} «Правда», 25 марта 1925 г.

лектуальный уровень нынешних комсомольцев следующим образом: «Постоянное сидение на бесчисленных собраниях и выслушивание бесконечных, нередко трехчасовых докладов и дискуссий отнимает у комсомольцев все время. Они совершенно разучились заниматься умственной работой. В их головах — сумятица из старых лозунгов, новейших партийных резолюций и газетных цитат. И поэтому ясно, что в дискуссиях беспартийные всегда одерживают верх над коммунистами, потому что последние ни о чем не имеют представления, ничего не читают, ничего не знают, потому как они путают Бебеля с Бабелем и Гегеля с Гоголем, потому как они ни на что больше не способны, кроме слепого повторения вколоченной в них партийной коммунистической фразеологии»^I.

Результаты экзаменов студентов-коммунистов полностью подтверждают такую оценку их знаний. Так, в сообщениях, сделанных на съезде пролетарских студентов, мы находим следующие ответы по «политической азбуке» (политграмоте), этому основному и обязательному предмету на всех факультетах: «Кто диктатор в Испании?» — «Форд⁷». «Кто председатель Коминтерна?» — «Гинденбург⁸». «Кто такой Чемберлен⁹?» — «Английский принц». Бриана¹⁰ возвели даже в ранг американского императора^{II}.

Различные течения в комсомоле

Не только разочарование самих комсомольцев, не только их безмерное невежество озабочивает старых коммунистов в связи с их пригодностью и способностью «сменить старых вождей»; гораздо большую озабоченность им доставляют различные *интеллектуальные течения* внутри самого комсомола, не только не отвечающие катехизису коммунизма, но и диаметрально противоположные ему. «Комсомол утрачивает свою идейность», — утверждают теоретики коммунизма. Комсомольцы утратили всякое понятие о классах. Они знают о них только по слухам и из пропаганды. Ведь капиталисты уничтожены, так же как и помещики. Молодежь *не видит более перед собой никакого классового врага*. Поэтому у нее нет

^I Ср. с этим: «Комсомольская правда», № 120, 1929 г.

^{II} «Труд», 29 марта 1928 г.

более революционного пафоса и она не может более воодушевиться. «Нас ведь не может воодушевить сбор металлолома, как этого требует «Комсомольская правда», даже если именно его не хватает в стране», — пишет один из разочаровавшихся.

Религиозные течения

Сильно озабочено старое поколение коммунистов и различными *религиозными течениями* внутри комсомола. Как бы сильна ни была в СССР пропаганда, убеждающая, что религия свидетельствует о духовной отсталости и невежестве, что она — лишь средство для одоления пролетариата буржуазией, сколько бы «антирелигиозных походов» уже ни провел и в скольких бы ни участвовал комсомол, все же в его рядах *не покончено с религией*. Например, комсомольцы-мусульмане остались верны религиозным праздникам и обычаям; комсомольский секретарь вместе с секретарем коммунистической ячейки в Туркестане собирали средства на строительство мечети; в Вязниках (Владимирская губерния) 35% вышедших из комсомола *объясняли свой выход религиозными соображениями*. Следует отметить далее, что в Союз безбожников вошли лишь 100 000 из 2 250 000 комсомольцев^I. Сильно распространен среди комсомольцев интерес к сектантству; он, как и само вступление в секты, объясняется отвратительно грубой средой комсомола. «Я перешла к сектантам, — поясняет молодая девушка, активная комсомолка, — потому что нашла там людей, гораздо больше предрасположенных к идеалу, чем мои товарищи. Там я нахожу стремление к правде и добру»^{II}. «В комсомоле царят грязь, брань, пьянство и т. п., зато у баптистов — чистота и порядок. Мы собираемся, поем и слушаем хорошую музыку, я никогда оттуда не уйду»^{III}. «Правда» взволнованно пишет, что религия тысячами разных путей проникает в сознание подрастающей молодежи, а также коммунистов. «Совершенно ясно, что на этом фронте подрастает не наша, а почти что вражеская смена»^{IV}. Растут среди комсомольцев и *нацио-*

^I «Комсомольская правда», № 32, 1929 г.

^{II} Там же, № 142, 1929 г.

^{III} Там же, № 26, 1929 г.

^{IV} «Правда», 23 декабря 1928 г.

нальные устремления. Русская молодежь, которую в отдельных республиках СССР считают почти что изгоями, начинает проникаться сильным русским национальным чувством, порою граничащим с шовинизмом. К примеру, когда в Туркестане после одного доклада потребовали перевести его на местный язык, русские комсомольцы заявили: «Для чего этот перевод? Что это за господа? Все должны учить русский язык!»^I Девушки-комсомолки отказываются танцевать с иноплеменными мужчинами и выбирают только русских. Среди комсомольцев, особенно в последнее время, растет и *антисемитизм*. В 1928 году одними только московскими судами за антисемитизм было осуждено 32 комсомольца^{II}. В Орле, где в комсомоле состояло несколько евреев, другие из него вышли. Ряд комсомольцев педагогического техникума исключен за травлю евреев^{III}. Советская печать переживает по поводу того, что рабочие-комсомольцы на фабриках обращаются со следующими вопросами: «В армии не увидишь евреев, почему же им разрешают работать на фабриках?»^{IV} или: «Почему евреи надругаются над христианской кровью?»^V Распространяются также листовки с надписью: «Где бы ты ни был, гони евреев». Время от времени этот антисемитизм принимает грубые и жестокие формы. В Белоруссии, Смоленске и других местах в последнее время нередко процессы в связи с антиеврейскими выступлениями, издевательствами и избиениями евреев и т. п. Комсомолец Трофимов, недавно убивший еврея Большеменникова, объяснил свой поступок тем, «что убитый был евреем, а он, убийца, — русский...»

Дельцы

Советская печать отмечает еще один типаж из рядов комсомола, а именно «дельца», «американца». Это молодые люди, которые не занимаются теорией. Они далеки от всякой политики, и все их интересы сосредоточены на практике. Они прежде всего стремятся получить

^I «Комсомольская правда», № 26, 1929 г.

^{II} «Труд», № 229, 1928 г.

^{III} «Комсомольская правда», № 42, 1929 г.

^{IV} Там же, № 53, 1929 г.

^V Там же, № 54.

«квалификацию». После достижения цели они забрасывают всю партийную работу. «Эти деловые люди одинаково презирают как политику, так и классовую борьбу. Это люди в огромных американских очках, сквозь которые они видят одну только технику»^I. Они абсолютно ослеплены Америкой, этой страной инициативы, сказочных карьер и неограниченных возможностей. Их любимый герой — Форд. «Если рабочий у буржуя Форда ездит на работу на машине и работает лишь 5 дней в неделю, — почему это не социализм?» Эти «дельцы» стараются выделиться из комсомольской массы и образовать некую фабричную аристократию. Они хотят взять от жизни все, что могут, и рассматривают жизнь как чисто личное дело. «Заниматься общественной работой означало бы терять один рабочий час в день. Когда от меня требуют работу, мне должны также ее оплатить. Я зарабатываю более рубля в час; почему я должен работать на тех, кто в час не может заработать и 30 копеек?»^{II} Журнал «Молодой коммунист» так характеризует такого «дельца»: «В комсомоле подрастает совершенно новый тип, так называемый «делец». Он враждебно относится ко всем фразам, дискуссиям и теориям. Обычно это молодой рабочий, насквозь пропитанный мелкобуржуазной, антикоммунистической идеологией. Он блистает своим отсутствием на всех партийных собраниях. Газеты ему скучны. Его главный принцип и жизненное кредо заключается в том, что сытая, спокойная жизнь лучше всякой политики. От него слышишь: «Вы наскучили мне со своей политикой, квалификация у меня уже есть, к чему мне теперь еще и ваш комсомол?» — и т. п.»^{III}

Такова пестрая картина сегодняшних настроений и течений в комсомоле. Следует согласиться с журналом «Юный большевик», который пишет: «Комсомол находится в тяжелом кризисе. Мы не двигаемся с места. Никакого движения. Налицо — спад интереса к политике, к заветам коммунизма, к партийной работе. *Лучшая молодежь не идет в комсомол.* Там объявляются только ма-

^I «Комсомольская правда», № 139, 1929 г.

^{II} Там же, № 73, 1929 г.

^{III} «Юный коммунист», № 28, 1928 г.

локвалифицированные подростки, которые хотят сделать карьеру, или быть принятыми в учебное заведение, или переехать из деревни в город»^I.

Здоровье комсомольцев

Не лучшим образом выглядят комсомольцы и в физическом отношении. После медицинского освидетельствования выяснилось, что 57,2% комсомольцев, работающих в химической промышленности, отличаются плохим здоровьем. У рабочих-металлистов эта цифра составляет даже 70%. Народный комиссар здравоохранения (Наркомздрав) Семашко сообщает следующий результат обследования комсомольцев — студентов университетов^{II}: «В Покровском народном университете были:

Курс обучения	1	2	3
здоровы	57,9	27,7	19,3
больны	42,1	72,3	80,7

Официальный советский консультант по всем психоневрологическим вопросам д-р А. Залкинд рисует чрезвычайно волнующую картину *нервного состояния* молодой смены: «Героический период революции, НЭП (новая экономическая политика), социалистическое строительство, непосильная для молодежи «зубрежка», опасности и трудности нынешней жизни в Советской Республике совершенно подорвали нервную систему активных комсомольцев». Основные типы среди них, по мнению Залкинда, «фантаст», «нервный брюзга» и «охотник за легкой, пустой и полной наслаждений жизнью»^{III}.

Таким на основе советской информации представляется состояние здоровья сегодняшних комсомольцев. Эта картина не может вызвать у большевиков большой радости. Дела с вопросом подрастающего поколения и смены обстоит не лучшим образом. Плохо подготовленная, слишком мало знающая, лишенная энтузиазма, раздражаемая сомнениями, нервная и физически ослабленная — так выглядит та часть комсомольцев, которая еще привержена коммунистическому движению. В то же

^I «Юный большевик», № 11, 1928 г. Курсив автора.

^{II} «Известия», 28 августа 1929 г.

^{III} «Известия», 20 февраля 1927 г.

время в рядах комсомольцев все чаще обнаруживаются иные элементы, так называемые дельцы, которые являются типичными представителями той мелкой буржуазии, в которой большевики видят своего главного врага. После достижения своей личной цели они, как ношу, сбрасывают с себя коммунизм.

По человеческим меркам, это подрастающее поколение не захочет строить никакой социализм и не сможет воссоздать никакой коммунистический идеал.

Молодежь вне комсомола

Однако комсомол — лишь небольшая частица русской молодежи. Он охватывает не более 7% ее. Что же представляет собой другая ее часть, которая, по мнению самой большевистской печати, включает в себя *лучших* представителей русской молодежи? О ней известно гораздо меньше, ибо в Советской России разрешено внимать лишь одному голосу — голосу коммунистов. Инакомыслящие должны быть тише воды, а еще лучше *и вовсе молчать*. Нет ни одного журнала, ни одной организации, которая отражала бы взгляды некоммунистической молодежи. Картину происходящего и взгляды *беспартийной молодежи* можно представить себе лишь по отдельным высказываниям коммунистической печати и коммунистических вождей.

Мы видим, что коммунисты сильно обеспокоены настроениями беспартийной молодежи и что советская печать постоянно возвращается к этим вопросам. Мы видим, что среди этой молодежи происходит оживленное движение к сплочению. Повсюду втайне создаются разнообразные клубы, лиги и объединения. Какие цели они преследуют и в чем заключается их деятельность, точно неизвестно. Однако названия подобных объединений, сообщаемые советской печатью, как, например, «Клуб идеалистов», «Клуб сторонников буржуазной науки», «Союз борьбы со злом и несправедливостью», «Беспартийная молодежь», «Фашисты», «Черная блуза», «Юный борец за свободу» и т. д., говорят сами за себя. Сообщают, «что в Урюпино (на Дону) старшекласники пели национальный гимн»¹, «что стены школ исписаны

¹ «Комсомольская правда», 25 июля 1929 г.

антикоммунистическими лозунгами». «Молодежь во многих учебных заведениях» ушла «в ультранаучное течение, в своего рода академизм», и «не хочет ничего слышать о политике и партийности»^I. «У всех этих объединений легко обнаруживается *общая черта — ненависть к советской власти*. Эта ненависть сплотила их в единый блок»^{II}. «У молодежи растут и крепнут антисоветские настроения»^{III}. «Мы — непримиримые враги советского правительства в области идеологии», — было отмечено на собрании евангелической молодежи^{IV}.

Широко распространены среди беспартийной молодежи религиозные течения. В различных сектах насчитывается до двух миллионов молодых. Если сюда прибавить приверженцев христианского, иудаистского и магометанского вероисповедания, то получится число, намного превышающее число членов комсомола. В некоторых, хотя и немногочисленных, местностях в различных молодежных религиозных организациях принимает участие до 90% молодежи. Сильное распространение получило и *движение трезвости*. Повсюду трезвые «вечеринки», брудершафты, объединения трезвенников. В коммунистической пропаганде постоянно говорится о том, что воздержание от алкоголя и чистые отношения между мужчиной и женщиной — буржуазный предрассудок и признак «кулацкой идеологии». Тем не менее молодежи присуща очевидная тяга к тихой и чистой жизни. Рядом с цинизмом, грубостью и развратом одной части на другой стороне заметна *склонность к духовной, высшей жизни*. Очень велик интерес к философии и религии, хотя удовлетворять эти потребности очень трудно. Постоянно растет число ушедших в монастыри и вступивших в различные религиозные организации. Многие ждут из эмиграции своих женихов и пропавших возлюбленных и по этой причине не выходят замуж. Таковые попадают под подозрение советской власти и причисляются к контрреволюционерам. В от-

^I «Комсомольская правда», 27 апреля 1929 г.

^{II} Там же, № 97, 1929 г.

^{III} «Труд», № 134, 1929 г.

^{IV} «Комсомольская правда», № 60, 1929 г.

дельных местах их даже лишают избирательного права под предлогом того, что они якобы монашки. Как у комсомольцев, так и у беспартийных очень сильна тяга к реальным наукам, особенно к техническому образованию. Широко распространено среди молодежи *чувство частной собственности* и стремление к индивидуализму и благосостоянию. «Жизнь многое у нас отняла; мы тоже хотим получить что-то от жизни», — говорит эта молодежь, перенесшая все ужасы гражданской войны, террор ГПУ, голод и холод в период «военного коммунизма» и остальные тяготы жизни в Советской России. Очень характерен для настроения этих людей и *вид чтения*. По сообщениям руководителей фабричных и сельских библиотек, молодежь не хочет читать новых писателей. Новые книги часто возвращают непрочитанными: «Я нахожу здесь те слова, которые ежедневно слышу дома». Симпатии большей части молодежи отданы старым писателям. Всегда берут классиков (Пушкин, Толстой, Достоевский, Тургенев). Совсем не читают книг по социальным вопросам: «Все это нам наскучило»¹.

Короче, в Советском Союзе подрастает новая, совершенно особенная молодежь. Те условия, в которых она растет и развивается, совершенно непонятны для людей, не знающих советской жизни. Молодежь Советской России растет как бы в культурной пустыне. Она отделена от остального мира китайской стеной. Ей объясняют всю жизнь с точки зрения узкой теории и преподают с той же опошляющей точки зрения всю науку. У нее нет непосредственного прошлого. Все уничтожено, высмеяно и опозорено. Эта молодежь вынуждена *сама создавать* свои идеалы; и она их создает, считая идеалом то, что противоположно ее реальной жизни. Вполне возможно, что часто ей неизвестно, кого ей, собственно, почитать; однако она определенно знает, *кого и за что ненавидит*... Она разочарована всеми этими «планетарными переворотами», этими поисками того, как «осчастливить человечество». Она вынуждена собственным трудом пробивать себе дорогу в жизни. Она бесконечно проще и бесконечно трезвее, но зато, вероятно,

¹ «Комсомольская правда», № 60, 1929 г.

гораздо деловитей, чем прежняя молодежь России. Сложно предсказать, какую же форму государства и какие формы общественной жизни она вообще создаст. Между тем одно кажется твердо установленным: идеального коммунистического государства она не построит.

Б о р и с Н и к о л ь с к и й¹¹

ШКОЛА

Иностранцы, которые составляют себе впечатление о советской школе из посещения России, обычно забывают принять во внимание ее прошлое. Они считают сегодняшнюю русскую школу составной частью нынешней системы, а все ее положительные качества просто творческими достижениями Советов. Плохие же стороны, не мудрствуя лукаво, объясняют трудностями, с которыми столкнулись теперешние ведомства, или относят на счет «проклятого царизма». Возникшие таким образом картины не только лишены верной перспективы, но в них прямо-таки отсутствует истинная правда жизни. Совершенно ясно, что представление о заслугах и прогрессе или же о вине и регрессе советского правительства на поприще образования может дать лишь сопоставление учебных программ и факторов советского времени и соответствующих факторов прошедшей эпохи.

Историческая основа русской школы

Немецкая школа родилась из реформации, после освобождения от средневековых, схоластических воззрений. Русская школа возникла благодаря реформам 60-х годов, и в особенности благодаря происшедшей в 1861 году отмене крепостного права. Только с этого времени — всего за пятьдесят лет до начала мировой войны — русский народ смог свободно следовать своей растущей жажде знаний. Тогда наряду с созданными Петром Великим государственными школами для подготовки нужных специалистов появились городские и приходские школы, на которые возлагалась прежде всего забота о предоставлении хорошего общего образования.

Здесь следует искать корни обоих направлений, появившихся на ниве народного образования: во-первых,

служебного направления, возникшего по принципу петровской «Табели о рангах» и поставившего аттестацию (диплом) на место сословных привилегий, и, во-вторых, *гуманитарного направления*, предшественников и представителей которого следует искать среди идеологов свободной русской школы (1860—1917 годы) (Ушинский, Пирогов, граф Толстой, Лесгафт и др.). Главную задачу школы они видели в «воспитании человека» (Пирогов).

Определенный внутренний антагонизм, присущий обоим этим направлениям, уже с 1861 года постепенно принял характер политической борьбы. *Правительство* с растущей тревогой наблюдало за появлением в естественно-гуманитарном направлении революционного духа и русского нигилизма 60-х годов. Этой тревогой объясняется ряд мероприятий, ограничивающих свободное развитие народного образования и давших повод противной партии упрекнуть правительственные ведомства в реакционном обскурантизме. Этот упрек касался и предпочтения, отдаваемого классицизму и церковно-приходским школам в противовес естественно-гуманитарному и революционно-нигилистическому течению. Эта религиозная и консервативная тенденция позднее рассматривалась как «проклятое наследие царизма». Было бы определенно некорректно по отношению к исторической правде забывать о пассивном моменте применительно к итогам русского народного образования дореволюционного времени. С другой стороны, было бы также грубым искажением действительности напоминать только о нем, не замечая тех значительных культурных ценностей, которые накопила российская государственность и свободная буржуазная инициатива, начиная с отмены крепостного права и благодаря этой великой реформе. Выделим здесь лишь следующие активные моменты вышеупомянутых итогов.

Система

1. *Здоровая система всеобщего народного образования*, базирующаяся на начальной школе разного типа, подтвержденная в 1912 году российской Думой, — система, которая до 1922 года должна была планомерно охватить всех детей в государстве в возрасте от 8 до 12 лет. Для практического осуществления этой программы предус-

матривался ежегодный кредит на строительство новых школ в сумме 10 млн. рублей. Введением в 1912 году основной школы начального обучения высшего порядка была установлена связь между нижней ступенью народной школы и средней школой (гимназия и реальное училище) и тем самым создана возможность автоматического перехода из такой начальной школы в среднюю школу определенной категории. А окончание последней позволяло вступить без экзамена в высшее учебное заведение — университет или специальное техническое учебное заведение. В это же время было создано большое количество высших и низших профессиональных школ с высоким качеством обучения. Образование не было связано с принадлежностью к определенному общественному классу или сословию и формально оставалось доступным каждому. Стараниями общественных организаций и объединений «демократичная» по своему духу школа все более приближалась к народу. *Таким образом, поколения, начиная с 1914 года, более не были бы отмечены безграмотностью.*

Качество

2. Русская школа по своим качествам характеризовалась непрерывным подъемом. В отношении качества и уровня академического преподавания Россия до войны не уступала ни одной из передовых культурных стран. Средняя школа, возможно, несколько страдала от влияния небольшого избытка классицизма, но частная инициатива вдохнула в нее новую жизнь. Частные школы (среди них и немецкие «реформатские» школы) нередко были лучшими. Слабым местом русского образования была народная школа, но и она в предшествующие войне десять лет подверглась важным реформам. Частная и общественная инициатива (особенно со стороны органов местного самоуправления — городского и «земств») добилась и здесь очень хороших результатов. Венцом всего была реформа 1912 года.

В России, где к основателям и лучшим представителям общественного образования можно причислить таких мужей, как Ушинский, Пирогов и Толстой, внимательно следили за развитием воспитания в других странах и активно старались применять новые, прове-

ренные и правильные методы активной трудовой школы в практической жизни. Об этом факте красноречиво свидетельствует работа созывавшихся до войны крупных педагогических конференций. Так, например, проходивший с 22 декабря 1913 года по 4 января 1914 года съезд по вопросам народного образования выработал, в частности, такие директивы:

«С целью принципиального осуществления всестороннего и гармоничного развития личности съезд считает необходимым провести перестройку системы внутренней организации школы и осуществить ее в обучении и воспитании на основе широкого применения практического принципа труда. Принцип практического трудового воспитания должен, по мнению участников съезда, стать необходимой составной частью системы общего воспитания личности. Съезд решительно отвергает все попытки придать школе профессиональный или узко-утилитарный характер»^I.

«Задачами воспитания в народной школе являются: *воспитание в учащихся нравственной личности и сильной воли*. ...Съезд рекомендует придавать особое значение воспитанию сознания общего благосостояния и человеческого достоинства»^{II}.

Учителя

3. *Великолепные учителя*, которые лишь теперь оценены по достоинству. Учитель народной школы — это, так сказать, продукт освободительного времени 60-х годов, того времени, когда в школу двинулись лучшие силы молодежи с академическим образованием, с восторгом и по убеждению. Особенно здесь выделяются *русские женщины*. Так возник тот особый, отличительный и ярко выраженный тип русского учителя народной школы, который с убежденностью в высокой миссии учительства бескорыстно, за низкую оплату и с глубоким воодушевлением поставил себя на службу делу и усердно продолжал неустанно расширять и дополнять собственные знания.

^I Резолюция 30.

^{II} Резолюция 47.

Материальная основа

4. *Постоянно улучшающаяся материальная основа.* Следует отметить большую заслугу царской Думы в том, что благодаря ей постоянно увеличивались расходы на школьное образование. За пять лет — 1898—1903 годы — расходы на народные школы выросли с 29,1 до 39,4 млн. руб., т. е. на 39%. С 1908 по 1912 год, т. е. после введения российской Конституции, эти расходы увеличились с 53 до 114 млн. руб., т. е. на 116%. Бюджет министерства народного просвещения за 20 лет (1894—1914 годы) вырос более чем на 600%.

Последние десять довоенных лет в педагогическом, а также и в административном отношении были отмечены активной творческой работой. Успехи этой работы заключались в усиленном притоке детей из народа в школу, в быстром увеличении ее материального положения и в огромном подъеме энергии у всех работающих на ниве школьного образования, которые придерживались мнения, что пришло время для качественных и количественных реформ русской школы.

Для осуществления этих реформ следовало *лишь сохранить и использовать тот накопившийся богатый наличный состав*, которым русская школа располагала до войны.

Народное образование в Советском государстве

«Система народного образования, — пишет один из ведущих коммунистических журналов, — в буржуазных государствах возникает стихийно, по тем же рыночным законам, что и все народное хозяйство. У нас же эта система возникает *по твердой программе*. Объявленная советским правительством в 1917/18 году программа народного образования, которая с тех пор постоянно расширялась и улучшалась, *теоретически и практически превосходила все созданное в этом направлении за границей уже потому*, что в противоположность всему этому была хотя и несовершенной, но все же программой»¹.

Единая школа

Советская Социалистическая Республика «поставила перед собой задачу дать рабочим и крестьянам-беднякам полное, всестороннее и бесплатное образование». Так

¹ «Народное просвещение», 1928 г., т. 6, с. 88. Курсив автора.

гласит пункт 17 постановления, принятого на V съезде Советов в 1918 году. На практике воплощение предполагалось осуществить с помощью декрета «О единой рабочей школе», который тотчас же снабдили нимбом исторического события.

Этот декрет превратил все существовавшие до той поры типы низшей и средней школы в «единую трудовую школу» с пяти- и четырехлетним циклом обучения. Все дети с 8 до 17 лет обязаны были закончить эту школу. С шести лет (школьным считался возраст с 6 до 17 лет) дети должны были посещать так называемые «детские дома».

Одновременно с увеличением контингента детей, обязанных учиться в школе, норма школьников, приходящихся на одного учителя, была снижена до 25, т. е. примерно наполовину. Обучение называлось «политехническим» и с этого времени должно было создавать всесторонне образованного, «интегрального» человека. Считалось, что после окончания такой школы дети *приобретали все нужные знания*.

Однако в этой первой советской программе удивительным образом не было и следа каких-либо усилий по созданию нового и отвечающего высоким требованиям контингента учителей или строительству новых школьных зданий. *Ограничились постановкой школе заведомо невыполнимых задач*. Поэтому «исторический декрет» был обречен на то, чтобы остаться не более чем поныне неосуществленным памятником анархистско-коммунистических утопий. Практическое значение декрета было чрезвычайно проблематичным, более того, представлял *разрушительным силам* того времени возможность *неограниченных действий*. Он уничтожал весь прежний порядок, школьную дисциплину и религиозное обучение и давал широчайшие возможности для разрушения всего того, что выходило за рамки новых школ, превращенных в *революционные клубы школьников*. Единственным реальным «достижением» этого декрета было закрытие превосходных учебных заведений, например, профессиональных школ, которые нельзя было втиснуть в рамки «единой политехнической трудовой школы». Наряду с этим средняя школа (особенно гимназия) утратила много ценного, т. к. новый порядок выбивал у педагоги-

ческой деятельности почву из-под ног. Допущение в образование всех и каждого вскоре привело к тому, что в высших учебных заведениях прежний высокий уровень скоро понизился до уличного уровня.

Первый, продлившийся до введения НЭПа (1921 год) советский период в развитии русской школы в конечном результате оказал на нее такое же опустошающее воздействие, как и на всю хозяйственную жизнь страны. Поэтому не удивляет, что отрезвление, происшедшее с введением НЭПа, почувствовалось и в области образования. Хотя не была отменена идея «политехнического образования» и оно оставалась^I, однако его старались понимать и осуществлять по-иному. Теперь по преимуществу еще больше применяли директивы Коммунистической партии. Основной задачей стала *пролетаризация школы* и подготовка учителей из проверенных коммунистов.

Обучение коммунизму

«Нам нужны не просто школы, а *«школы коммунизма»*, — утверждал год тому назад один из ведущих коммунистов в официальном журнале московского комитета народного образования^{II}. В этих нескольких словах выражена суть всей той системы советского образования, которая возникла после введения НЭПа. Первым шагом в новом направлении стало начавшееся в 1920 году восстановление низших и средних профессиональных технических учебных заведений, сильно пострадавших от первых экспериментов. После этого в 1921 году произошел резкий поворот в отношении высших школ. Все без исключения высшие учебные заведения начали называть профессиональными учебными заведениями, стали соответственно к ним относиться и поставили перед ними задачу поставлять необходимых государству специалистов. Университетское образование было задвинуто в угол как не соответствующее марксизму, а новые «научно-исследовательские институты» оказались большей частью подчинены политическим целям диктатуры пролетариата.

^I См. новое решение ЦИК Коммунистической партии от 25 июля 1930 г.: «Правда», 25.07.1930 г.

^{II} «Вестник просвещения», апрель 1929 г., с.9.

Новая структура школьного образования

Затем 18 декабря 1923 года последовал новый декрет о «единой трудовой школе», сохранивший из предыдущего лишь старые названия. Снизили возраст обязательного школьного обучения (8—17 лет). «Детские дома» были отделены от школы. Так называемую «единую школу» разделили на две «группы». А в школах второй группы ввели два цикла. Начиная со второй группы школьное образование не являлось больше обязательным и, как и прежде, за него в городах надо было платить. Сама жизнь очень скоро разрушила существующее лишь на бумаге «единство» советской школы, а с введением трех типов — «четырехлетней», «семилетней» и «девятилетней» — школы практически восстанавливалась прежняя система начальной школы, начальной школы более высокого типа и средней школы. Однако численное соотношение между этими типами школ значительно сдвинулось к невыгоде средней школы.

В «Рабочей газете» от 29 марта 1929 года читаем: «Ежегодно в наши школы первой ступени поступают 3,5 млн. детей в возрасте 7—8 лет. *Даже десять тысяч* из них не достигают школы следующей ступени. Примерно *пол-миллиона* заканчивают школу низшей ступени (начальную школу). Школу второй ступени заканчивают ежегодно менее *сотни тысяч детей*».

Судя по этим данным последнего отчетного года, чем выше пирамида советской школы, тем она менее доступна, да, она менее доступна, она, так сказать, выше, чем в буржуазных странах: начальную школу заканчивают лишь 14 процентов поступивших в нее детей и лишь 2,5% заканчивают среднюю школу. А до порога высшей школы добирается только 1/4%. Ввиду всего этого вряд ли можно говорить об осуществлении ранее упомянутой программы 1917/1918 года, по которой «Советская Социалистическая Республика поставила перед собой задачу дать рабочим и крестьянам-беднякам полное, всестороннее и бесплатное образование».

Школьная монополия государства

Эти неудовлетворительные достижения на ниве среднего школьного образования нельзя объяснить нежеланием населения учиться. Напротив, средние школы страдают от прямо-таки страшной переполненности,

которая осложняет обучение. Да, наблюдаются случаи, когда родители, чтобы подвести детей к поступлению в школу более высокой ступени, стараются на собственные средства организовать подготовительные курсы. Всякая организация частных курсов по советским законам — *государственное преступление*, так как в Союзе Советских Социалистических Республик все виды обучения являются государственной монополией.

Также несправедливо было бы объяснять все недостатки школьного дела лишь отсутствием средств у советского правительства. Ведь всегда хватает средств на содержание гигантского и очень дорогого полицейского аппарата, да и на политическую пропаганду Коминтерна за границей расходуются гораздо большие суммы, чем нужно для действительного осуществления школьной программы. Причины, конечно, надо искать в другом месте. Заслуживает внимания в связи с этим декрет от 25 августа 1925 года о введении в «Российской Социалистической Федеративной Республике» всеобщего обязательного школьного образования. Этим декретом устанавливалось соотношение средних школ к начальным школам как 1:20. Подобное нормирование, которое хотя и названо «стабилизацией средней школы», в действительности означало ее *относительное угнетение*, потому что в то время, когда приняли этот декрет, страна была больше обеспечена средними, чем начальными школами, а спрос на среднешкольное образование по-прежнему возрастал. В результате появления декрета большая часть школьников не получила места в средних школах. Но так как этот вид школы представляет собой звено, связывающее начальную школу с высшей школой, конечно же, был затруднен доступ и в последнюю.

С тех пор высшей школы достигали лишь немногие избранные. Доступ к ней определяется вовсе не мерой усердия и трудолюбия, а *зависит исключительно от политических взглядов*. Политическому протекционизму и кумовству были открыты все двери.

Пролетарский отбор

Не без основания пишет следующие строки автор статьи «Каких инженеров должны обучать наши вузы?»¹

¹ «Москва», 1928 г., с. 11.

«По крайней мере, в течение нескольких лет нельзя больше рассчитывать на исключительный отбор талантливых и одаренных молодых людей, ибо этот принцип был бы равнозначен закрытию вузов для пролетариата и крестьянства». Характерен известный факт «чистки» в высших школах — меры, с помощью которой примерно 20 000 студентов были изгнаны из вузов только по причине *недостаточно пролетарского происхождения*, нередко незадолго до окончания многолетнего обучения. Но и здесь жизнь не дала советской власти себя согнуть.

Какое бы предпочтение ни отдавали коммунисты, по их понятиям, «самым надежным» элементам, они не могут превратить их в самых одаренных и трудолюбивых, и *pignus clausus*¹² коммунистических ведомств в конечном результате ведет лишь к непродуктивному расходованию народных средств, к обучению таких школьников и студентов, которые нередко *сходят с дистанции* задолго до достижения цели. Приведем следующие слова из доклада московских делегатов на съезде работников народного образования:

«Из 31 человека, окончившего «рабочий факультет» и начавшего учиться на «математическом факультете», лишь один-единственный закончил последний. Соотношение на медицинском факультете 148:80, и лишь немногим благополучнее выглядят дела на общем отделении»¹.

Значение этих цифр становится ясным, если учесть, что «*рабочие факультеты*» представляют собой оригинальное творение рук Советов и предназначаются ими для подготовки исключительно пролетарских детей в высшую школу. Далее надо обратить внимание на то, что «*общие отделения*» с их *сравнительно лучшими результатами в научном отношении ничего не стоят*, так как они не предлагают ничего, кроме *учебного курса марксизма* вкупе с коммунистической пропагандой.

Уже приведенные высказывания дают право сделать следующий вывод в отношении большевистской системы школьного обучения. Единственной помехой для получения более высокого образования до революции было материальное положение. Однако тогда со сторо-

¹ «Народное просвещение», 1928 г., т. 5.

ны государства и особенно со стороны общественных организаций очень многое предпринималось для того, чтобы оказать помощь в этом затруднительном положении и добиться истинной демократизации школы, сделав ее доступной любому способному и талантливому человеку. А советское правительство вновь создало строгую классовую привилегированность, хотя и в пользу пролетариата. Оно сделало все, чтобы воздвигнуть препятствия на пути *даже самого одаренного человека, если его предки не были пролетариями*. Такова коммунистическая «единая школа», по поводу которой утверждают, что она основана на программе, намного превосходящей все созданное в этом направлении за границей.

Дух эксперимента

Ни одна область жизни государства так сильно не нуждается в системе и последовательности, как школьное образование. Нигде так дорого не обходятся фантастические планы и дерзкие эксперименты, как в этой области, потому что они могут испортить целое поколение подрастающей молодежи. А чего только не устраивали с русской школой в течение последних 13 лет! Направление школьного обучения за это время три раза радикально менялось. В первый период — до введения НЭПа — школа должна была (ни больше ни меньше) создать «единую политехническую культуру», которая расширяла бы узкий горизонт всякого пастуха овец, всякого слесаря и всякого истопника и таким образом безо всяких яких повышала бы его уровень до уровня правителя государства. Подумать о том, как этот смелый план сможет воплотиться в жизнь, тогда не было времени. Поэтому основная директива, которая давалась школе, по своей сути заключалась в том, что ей предоставлялась полная свобода действий. Декрет о введении «единой трудовой школы» сам по себе вовсе не был продуктом творческих достижений коммунистов, а просто *плагиатом самых радикальных пунктов различных буржуазных педагогических программ*. Основная идея новой активной трудовой школы, таким образом, не являлась оригинальной, а ее программа была просто неясной. Никаких инструкций по ее практическому воплощению не было вообще. Вскоре школу заполнил всеобщий

хаос и полная анархия. Упадок дисциплины и явное поощрение беспардоннейшей распушенности вскоре окончательно подорвали всякий авторитет учителей.

Комплексный метод

Поворот, происшедший после введения НЭПа, поставил перед школой другую задачу. Был введен новый, так называемый «комплексный метод» обучения, который советская печать приветствовала как самобытное и оригинальное создание коммунистов. На самом деле Государственный учебный совет — сокращенно ГУС — взял за основу известный «буржуазный» принцип, базирующийся на индуктивном методе обучения с помощью наблюдения, и разделил все обучение в начальной и средней школе на три комплекса. *Эти три «столпа» советской школы — 1) природа, 2) труд и 3) общество* — и стали теми осями, вокруг которых с той поры вертелось все, о чем вообще шла речь в школе.

Отбор тем обучения, рекомендованных в качестве образцов, преследовал скрытую цель, придуманную изобретателями «комплексного метода». К самым распространенным и излюбленным темам принадлежали: «Октябрьская революция», «Ленин как вождь пролетариата» и «Советская республика и капитализм». Абсолютно ясно, что для 12—13-летнего деревенского паренька, с его примитивным умом, все это было слишком высокой материей и все то, что от него с этих высот требовал учитель, надо было зазубривать наизусть. Так труд, вместо того, чтобы быть конкретным методом для практического воспитания в душе ребенка активности и инициативы, становился абстрактным объектом обучения. Ранее уяснив себе, что советским учебным заведениям никак не подходит название «единой школы», после только что сказанного мы можем также уверенно утверждать: еще меньше она заслуживает названия «трудовой школы». По утверждениям авторов «реформы» 1923 года, эти школы должны воспитывать «сознательных борцов за идеалы коммунизма». И перед «комплексным обучением», без устали пропагандируемым в печати, стояла задача — учить школьную молодежь видеть все события окружающего мира сквозь красные очки большевистской нетерпимости и марксистской классовой борьбы.

Реальное обучение

Грезы руководящих органов о «комплексном обучении» и одновременно их пренебрежение естественными занятиями в начальной школе, такими, как чтение, письмо и счет, которыми, похоже, должны были заниматься лишь «мимоходом», привело к тому, что главной цели школьного обучения — подготовке будущих членов партии и специалистов — достичь оказалось вообще невозможно. Школьным учителям, засыпанным сверху «директивами», безо всяких практических инструкций, не оставалось ничего иного, как в меру своего умения, на свой страх и риск вести преподавание на старый, «буржуазный» манер. Лишь благодаря преданности учительского персонала своим задачам, достойной всяческого восхищения, русская школа «донэповского периода» смогла преодолеть заполонившую ее анархию и даже пережить «комплексный» эксперимент 1923 года. Все же результаты школьного воспитания свидетельствовали о таком опасном упадке всегда само собой разумеющихся и элементарных средних знаний, что советское правительство вынуждено было уже в 1926 году радикально переменить курс.

На этот раз не прибегали даже к барабанному бою пропаганды. Предпочли прикрыть на самом деле бесспорное отступление формальным сохранением методов, осужденных самой жизнью. И снова как «вспомогательные ветви обучения» ввели преподавание географии, естественных наук, математики и даже осторожно отобранных частей истории. В то же время для повышения уровня школьного обучения в высшей школе были введены вступительные экзамены. Преподавание в учебных заведениях (за исключением нескольких «образцовых школ») теперь медленно переходило от радикальных советских методов к методам обучения, уже давно отброшенным довоенной педагогикой.

Последствия и их оценка

Иностранные наблюдатели порою восхищаются «смелостью большевистских педагогических экспериментов». В России в последние годы на самом деле производились очень интересные педагогические опыты, но никоим образом не коммунистическими ведомствами, а

частью педагогами старой школы, частью учениками или духовными наследниками старых педагогов. Благодаря анархистской свободе школ в первые годы большевизма и его стремлению, объясняемому неким тщеславием, сохранить несколько культурных оазисов в качестве рекламных школ, так называемых «объектов для иностранцев», некоторым позитивным русским силам удастся незаметно и вопреки коммунистическому режиму все еще вершить плодотворную работу. Здесь похвалы критики и внимание иностранцев вполне понятны. И все же странно, что большинство совсем ничего не замечает или не понимает и попадает на старый, вновь применяемый в пропагандистских целях большевистский трюк — за несколькими рекламными щитами скрывать безмерную нищету и горе. Интересна и другая, не менее умелая уловка большевиков: советское правительство терпит довольно откровенную критику своих школ в органах печати. Во-первых, оно знает, что иностранцы, которые посещают Россию и описывают свои впечатления, никогда эту критику не читают. Кроме того, эта хитрость — благодаря надежности ГПУ — никак не может повредить, напротив, она создает впечатление, будто бы еще существует истинная свобода слова. Приведем следующие неприукрашенные характеристики положения в русских школах, которые мы почерпнули из большевистской педагогической литературы.

«В наших школах невероятно плохо обстоит дело с обучением чтению, письму и счету, а также с элементарными знаниями естественной истории, географии, физики и других предметов. Этим болеют как начальные школы, так и школы более высокого типа»^I. «Существует еще другой, очень критический симптом: среди новобранцев Красной Армии год от года увеличивается число неграмотных»^{II}. «Итак, произошла стабилизация безграмотности»^{III}.

^I См. официальный журнал «Народное просвещение», № 1, 1926 г., с. 67.

^{II} Там же, № 5, 1928 г., с. 106.

^{III} Госпожа Крупская. См.: «Правда», 10 апреля 1929 г.

«Продукция нашей школы не отличается высоким качеством. Особенно плохо обстоят дела со всяким конкретным знанием и умением»^I.

«Острой проблемой сделалась угроза упадка нашей высшей школы. Это видно уже по тому факту, что во всех вузах созданы курсы, по своему объему и характеру относящиеся к средней школе»^{II}.

«Товарищ Микоян (народный комиссар торговли) сказал — и я совершенно с ним согласен, — что квалифицированные силы для труда и техники надо выписать из-за границы», — высказался сам Луначарский после 12-летнего руководства коммунистическим экспериментом на школьном поприще^{III}.

Наши «школы находятся в явно неудовлетворительном состоянии» — докладывал на заседаниях XVI съезда Коммунистической партии новый народный комиссар просвещения Бубнов. Не хватает школьных зданий, школьных учебников, учителей... И снова, как 13 лет назад, речь идет о борьбе с элементарной неграмотностью, причем отмечается, что последние два-три года *три миллиона детей* совсем не посещали школу (этих детей называют «переростками»)^{IV}. В текущем году в школу должны быть приняты от 17 до 18 миллионов детей: это часть большого плана «борьбы с неграмотностью» в стране^V. Для этого надо *найти* и принять на работу 50 000 новых школьных учителей^{VI}. Надо совершить невыполнимое. Надо наверстать упущенное. «Однако что означает тот факт, что в 1930 году нам приходится повторять то же самое, что мы уже говорили 10 лет назад? Это означает, что эти 10 лет мы мало достигли в области народного образования...»^{VII}

^I «Народное просвещение», № 6, 1928 г., с. 119.

^{II} Там же, с. 101.

^{III} Там же, № 1, 1928 г., с. 11. Высказывания по поводу XV съезда работников народного образования; ср. также статью профессора О. Шмидта в «Правде» от 5 мая 1930 г.

^{IV} «Правда», 3 июля 1930 г. Большая речь Бубнова.

^V См.: «Правда», 3 июля, 1930 г.

^{VI} Там же.

^{VII} Из речи Бубнова. См.: «Правда», 3 июля 1930 г.

Воистину не надо никаких больше описаний, чтобы представить себе положение русской школы.

Тем не менее можно задать вопрос, почему же в сочинениях, написанных иностранцами о русских школах, мы не находим ничего об этих фактах? Почему мы не встречаем в этих описаниях столь важного для сегодняшней советской школы изложения ответов, которые воспитанники учебных заведений дают на самые элементарные экзаменационные вопросы, предполагающие лишь сами собой разумеющиеся знания. Приведем лишь несколько примеров: «Какие государства заключили между собой Брестский договор? — Англия и Франция». «Для чего нужен термометр? — Для измерения расстояния». «Какие единицы служат для измерения электрического тока? — Калории». и т. п.»¹ В какой буржуазной школе найдутся юноши, которые, стоя на пороге высшей школы, вооружены такими «знаниями»? К сожалению, надо отметить, что эти данные, приведенные официальным учительским органом, вовсе не анекдоты, а типичные примеры результата сегодняшнего советско-русского школьного образования. Например, назначение термометра было неизвестно 75% выпускников одной средней школы.

Воспитание и мораль

Еще хуже обстоит с воспитательной и моральной стороной советской школы. Здесь достаточно вспомнить о тяжелом влиянии коммунистических школьных ячеек. Согласно единой политической системе коммунистов каждая школа, а особенно средняя и высшая, получает одну или несколько коммунистических ячеек (сокращенно «комячеек»). Эти школьные ячейки предназначены исключительно для надзора за всей школой, за учителями, за преподаванием и за школьниками и для воплощения в жизнь принципов коммунизма. Однако их главная задача заключается в том, чтобы подорвать авторитет некоммунистически настроенных учителей, преследовать их и на них доносить. Разумеется, из всего этого возникает сумятица и деморализация. Ячейки становятся для учителей вечным источником страданий и унижений; но их члены с детства привыкают к высоко-

¹ «Учительская газета», № 223, 1928 г.

мерному и дерзкому поведению, к выслеживанию и доносительству, к безответственным притязаниям и к разлагающей деятельности. Это делает всю атмосферу в школе безобразной и мрачной. Разнуздываются и беспрепятственно разыгрываются злые страсти.

В одном коммунистическом журнале мы находим следующие описания: «Что мы наблюдаем в городских школах? Эотику, эгоизм, совершенное отсутствие идеалов... Наши школьники отличаются жестокостью по отношению к слабым... Наши школы не дают прочных моральных устоев. Наша молодежь, вступающая в жизнь, недостаточно тверда, чтобы противостоять вредному влиянию. Отсюда у нашего подрастающего поколения и все эти печальные явления: пьянство, самоубийства, беспутный образ жизни и т. д. Защитить женщину считается симптомом буржуазных тенденций»¹ и т. д.

Эти специальные данные, к сожалению, полностью соответствуют фактам, о которых сообщает сама советская печать, и в совокупности они дают ужасную картину трагедии нынешней русской молодежи.

Подведем итоги нашего повествования. В культурном мире действует принцип: задача школы — расширять горизонт и облагораживать инстинкты вступающей в жизнь молодежи. Но советское правительство, которое придерживается принципа: «нужны не просто школы, а школы коммунизма», — не заботится о расширении горизонта школьников, оно заботится о *воспитании фанатиков классовой борьбы*. Тем самым оно не только не способствует получению действительно ценных знаний, но и отравляет мозги и душу подрастающего поколения. Молодые люди становятся жестокими и разнузданными. Девизом дореволюционной школы было воспитание человека (Пирогов), практика сегодняшней школы — воспитание хулигана.

Школьный учитель

К счастью, усилия коммунистов по превращению русской школы в рассадник человеческой ненависти до сих пор разбивались *об одно* препятствие — о русского учителя. Учителя как раз остались *русскими*, а не стали

¹ «Вестник образования», 1928—1929 гг.

коммунистически-интернациональными. Коммунистическая «смена» у них до сих пор едва ли была возможна. Хотя и предполагалось по прошествии 12 лет обновить 50% состава профессиональных учителей, но сегодня в их рядах все еще не более 9% членов Коммунистической партии. Теперешний социальный состав советско-русских учителей так описывается в центральной коммунистической газете: «До 35% учителей происходит из духовного сословия и до 45% из зажиточных крестьян»^I.

Заслуги русского школьного учителя следует оценить особенно высоко ввиду того, что условия, в которых ему приходится работать, чрезвычайно тяжелы. Стоит представить себе один лишь конфликт совести у этих педагогов, которых принуждают воспитывать доверенных им детей на принципах, находящихся в противоречии с их собственными убеждениями. Советского учителя вынуждают прививать детям безбожие. Авторитетно сформулировала это вдова Ленина госпожа Крупская: «Да, — сказала она однажды на заседаниях XIII съезда Коммунистической партии, — мы *требуем* от учителей антирелигиозной пропаганды и преподавания в марксистском направлении»^{II}. Руководитель атеистической пропаганды Ярославский так комментирует это: «Учителю у нас нельзя иметь в этой области никакого собственного мнения»; «сельский школьный учитель должен знать и уметь объяснить, что не Бог создал человека, а человек создал своего Бога»^{III}. Так *духовно и политически закабаляют* учителя и используют его как орудие Коммунистической партии.

Тяжелое положение учителей, явившееся результатом уже одного только отмеченного насилия над их совестью, усугубляется еще и тем, что своим обращением с ними коммунистические ведомства подрывают их *авторитет* и этим совершенно деморализуют школьников. Ленин объявил правильным заманивание школьных учителей в Коммунистическую партию, повышая им оклады и идя им во всем навстречу. Однако в действи-

^I «Известия», 4 апреля 1929 г.

^{II} Ярославский. См.: На антирелигиозном фронте, с. 115 и 119, советское издание.

^{III} См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, с. 480.

тельности школьный учитель, как и все остальные слои народа, сделался жертвой жестокого террора. «Мы можем привести сотни случаев, — пишет одна руководительница-коммунистка, — когда растаптываются ленинские директивы по отношению к школьным учителям: их во множестве увольняют, причем у них отбирают право в дальнейшем заниматься педагогической деятельностью и даже не пытаются объяснить им причины этого увольнения (Московский округ); учителей травят, как, например, в Бежецком округе, где одна учительница покончила жизнь самоубийством; случается, что головотяпы-коммунисты подвергают учителей радикальной экспроприации...»^I Сюда же следует отнести и порочный обычай принуждать подчиненных женщин к сожительству, широко распространившийся среди советской бюрократии. Страшно приходится страдать от этого и учительницам. Недавно одна коммунистическая учительская газета поместила об этом обобщающую статью и назвала это явление «нередко происходящей у нас охотой на живых людей»^{II}.

Материальное положение учительского сословия убого. По компетентным данным комиссара просвещения Луначарского, школьный учитель средней полосы России (РСФСР) получал в конце 1926 года «лишь $\frac{2}{3}$ средней заработной платы рабочего и вообще лишь *чуть более половины своего собственно скудного жалованья* в царское время»^{III}. По результатам специального обследования, проведенного в том же году Рабоче-крестьянской инспекцией, оклад учителей достигал лишь 47% довоенного уровня. С 1927 по 1929 год учительский оклад повысился в среднем на 34,7%; в городских школах он едва составлял 80 советских рублей в месяц, в сельских — едва 50. Журнал коммунистических профсоюзов замечает по этому поводу, что простой продавец галантерейной лавки получает больше, чем учитель городской

^I Статья г-жи Любимовой в «Правде» от 6 июля 1930 г.

^{II} См. более точные данные в разделах данной работы «Брак и положение женщины» (ч. III) и «Коммунизм как господство чиновников» (ч. I).

^{III} «Известия», № 224, 1926 г.

начальной школы^I. Чтобы представить себе материальную нужду, в которой находилось учительское сословие, следует еще учесть, что покупательная способность одного рубля-червонца в сентябре 1929 года равнялась лишь 45,9% довоенного рубля, а в частной торговле составляла не более 23—35 копеек^{II}. К тому же зарплата еще и нерегулярно выплачивалась и значительно уменьшалась из-за разных обязательных вычетов. Что же касается последнего повышения учительских окладов (с 1 октября 1930 года), то это чисто *инфляционное повышение* и по сути оно ничего не меняет. Прибавка настолько ничтожна, что номинальное жалование сельского школьного учителя как прежде, так и теперь ниже зарплаты наемного рабочего в металлургической промышленности или на транспорте. Соответствующее же реальное жалование при неудержимо растущих ценах частного рынка и удовлетворительном снабжении в государственной торговой сети останется на катастрофическом уровне. Учительскому сословию Советского Союза придется и в дальнейшем героически бороться со своей нищетой.

Результатом является постоянно постоянно растущий *отток учителей*. Все чаще учителя подают прошения об увольнении; на рынке труда существует огромная диспропорция между высоким спросом на них и ничтожным предложением; вновь созданные «учительские курсы» в состоянии заполнить лишь треть пустующих мест^{III} и т. д. Учителя предпочитают зарабатывать на хлеб себе и своей семье физической работой...

Как обстоят дела с *бюджетом школы*, видно из того, что возможность выполнения высоких цифр расходов, заложенных в проекте пятилетнего плана, не оценивается оптимистически даже самими коммунистами. Даже если будет выполнен этот завышенный и бесперспективный проект расходов на 1928—1932 годы, то добьют-

^I «Вопросы труда», № 5, 1930 г.

^{II} «Экономическое обозрение», № 8, 1929 г. Подсчет советского Института исследования конъюнктуры.

^{III} Ср. речь Бубнова в «Правде» от 03.07.1930 г. и статью г-жи Любимовой в «Правде» от 06.07.1930 г.

ся лишь следующих «достижений»: «В конце пятилетнего периода расходы на обучение и ремонт помещений в начальной школе составят лишь 81% довоенных; а расходы на среднеобразовательные школы, рассчитанные подушно, — лишь 50% довоенного уровня. Эти цифры означают, что наша образовательная школа, которая называется у нас политехнической... не получит возможности дать школьникам необходимые навыки... для того чтобы вскорости сделать их технически подготовленными рабочими»¹.

И злейший враг не мог бы вынести более сурового приговора системе коммунистического народного образования. Факты говорят сами за себя.

Проф. Н. Тимашев

ВЫСШАЯ ШКОЛА

Благосостояние народа

Даже очень смелая государственная власть предпринимает реформы не для того, чтобы реализовать и подтвердить теоретические положения, а для того, чтобы поднять благосостояние нации, при этом, естественно, могут случиться и серьезные ошибки. Государственная власть в нормальном государстве не может поступать иначе; ведь она — составная часть данного народного организма; благо и недуги этого *организма* для нее решают все, у ее носителей даже не возникает мысли изобретать для иной государственности или даже для человечества в целом путем «*experientum in corpore vilij*»¹³ лучшее будущее.

Совсем по-иному обстоят дела в Советской России. Русский народный организм значит для существующей там интернационалистской государственной власти ни больше и ни меньше, чем любой другой. По воле исторического случая именно здесь должна была начаться коммунистическая революция. Эта государственная власть *потому чужда и противостоит* народному организму,

¹ «Известия», 10 мая 1929 г.

что она принципиально отрицает деление человечества на нации и видит ядро интернациональной власти в себе. То, что она творит в России, не определяется представлением о благе и недугах русского народа. Русский народ для нее — лишь трамплин, для того чтобы попасть в будущую всемирную пролетарскую империю по как бы а priori установленным принципам марксизма.

Эти общие качества большевистской государственной власти характерны для любой области деятельности. Очень удачным полем для наблюдения представляется высшая школа.

Высшая школа в современном государстве

Высшая школа должна выполнять в современном государстве чрезвычайно важную социальную функцию. Существующий в каждом обществе господствующий слой обычно считает необходимым предоставить своим детям возможность посещать высшую школу, а огромный наплыв в высшую школу из стремящихся наверх кругов общества объясняется не столько жадой знания, сколько пониманием того, что значит диплом высшей школы для социальной карьеры. Можно было бы соорудить лестницу и расположить на ее ступенях государства по степени доступности в них высшей школы для элементов из негосподствующих социальных слоев. Эту лестницу со ступенями можно было бы рассматривать и использовать как некий критерий «демократизма» соответствующих государств. Тонкость господствующего слоя в России в совокупности с совершенно исключительным, американским темпом подъема в последние довоенные годы сделали необходимостью прием в высшую школу значительного количества молодых людей, не принадлежащих к данному господствующему слою, чьи родители не имели высшего образования. Массовое освобождение студентов от платы за обучение и предоставление многочисленных стипендий создало для этих молодых людей возможность обратиться к учению и после окончания вуза пополнить ряды господствующего слоя.

Но высшая школа еще и кое-что иное. Она то место, где культивируют свободную научную мысль — будь то чистая теория или практика. Современное государство, которое исходит из идеи относительности человеческого

познания истины, предоставляет служителям науки поощрять данное познание истины через свободную борьбу мнений и побуждать к этому подрастающее поколение. Для того чтобы работа была по-настоящему свободной, современное государство предоставляет преподавателям высшей школы такую независимость, которая напоминает независимость судей (удалить из университета ординатора почти так же трудно, как сместить судью), а самой высшей школе — широкую автономию.

Русская высшая школа и ее отрицание

Русская высшая школа в течение XIX века достигла той ступени, на которой должна находиться высшая школа современного государства. С середины XIX века была практически получена свобода научных исследований, а в начале XX века завоевана давно и страстно желаемая автономия. Противодействие ей со стороны отдельных представителей правительства было признано нарушением прав, и признано не только обществом, а и таким высоким государственным органом, как Государственный совет^I.

Демократически настроенная, автономно организованная и созданная по принципу свободы исследований высшая школа ни в коей мере не устраивала коммунистов. Они с самого начала чувствовали, что подобная высшая школа не может служить их целям. И довольно скоро занялись экспериментами, которые становились все губительней, так как разрушали и экспериментировали без всякого плана. Задача для большевиков прояснилась лишь со временем. Как выразился в феврале 1927 года, по случаю Дня ученых, народный комиссар просвещения Луначарский, перед советским правительством стоит задача приспособления старых вузовских преподавателей к новым условиям и их замены молодыми пролетариями, пролетаризации студенчества и замены «буржуазной лженауки» единственно верным марксистским учением^{II}. Соответственно эксперименты советского правительства в области высшей школы

^I Это случилось в знаменитом деле Гримма, который был противоправно смещен Министерством народного просвещения.

^{II} См. «Народное просвещение», № 2, 1927 г., с. 6—7.

можно разделить на три группы: 1) эксперименты со студенчеством; 2) эксперименты с учебными планами и программами и 3) эксперименты с профессорами.

Студенчество

Как сказал выше Луначарский, существовавшее ко времени революции хотя и довольно демократичное и политически чаще всего радикально настроенное студенчество для целей нового правительства было просто непригодно. Сначала предприняли попытку просто отменить существовавшую в дореволюционной России форму отбора и сделать высшую школу общедоступной. Знаменитый декрет от 8 августа 1918 года позволял каждому гражданину РСФСР, достигшему 16 лет, поступить в любую высшую школу. Больше не требовались аттестаты; запрещались любые вступительные экзамены.

Главная мысль распоряжения была ясна. Знания средней школы составляли «привилегию» господствующих и стремящихся наверх слоев прежнего общества. Рабочие и крестьянские массы насчитывали в своем подрастающем поколении относительно ничтожное количество юношей и девушек, знания которых соответствовали требованиям для поступления в высшую школу. Но *официально* к власти пришли именно «рабочие» и «крестьяне». Их дети хотели как можно скорее попасть в «настоящую власть». Естественно, что решение проблемы путем массового введения рабоче-крестьянских детей в среднюю школу (*в народную школу большинство попадало еще в дореволюционное время*) не соответствовало политическим намерениям экспериментирующей государственной власти. Результатов здесь надо было ждать годами, а новые носители государственной власти тогда вовсе не верили, что у них еще будет достаточно времени для экспериментов.

Ликвидация подготовительного обучения

Так были составлены убогоприличные положения: длительное подготовительное обучение нужно лишь избалованным детям из буржуазных классов; энергичные парни и девушки из пролетарских классов не нуждаются ни в какой подготовке к высшей школе; то, чего им не хватает, они смогут выучить и во время обучения. Так естественно предпочитаемое молодое пролетарское

поколение победит в ходе свободной конкуренции буржуазную молодежь.

Этот первый эксперимент оказался полной неудачей. Декрет от 6 августа 1918 года почти не оказал влияния осенью 1918 года просто по причине того, что было невозможно сообщить затрагиваемым им кругам населения о новых «льготах». Однако осенью 1919 года общее положение вещей оказалось таково, что вообще не стоило и думать об ученье, и аудитории высшей школы стояли пустыми. Не произошло массового наплыва неграмотных и полуобразованных элементов, которого с тревогой ожидала профессура и на который рассчитывало правительство. Отдельным юнцам, желающим воспользоваться новыми правами, очень скоро пришлось признать, что *академическое обучение без среднешкольного образования невозможно*. Тем не менее присутствие совершенно неподготовленных элементов стало помехой. Представления профессуры побудили правительство к частичному отступлению. Не отменяя декрета от 6 августа 1918 года, оно выпустило (неопубликованную) инструкцию, разрешавшую высшим школам провести экзамен на общую степень образованности для молодых людей, подавших заявление о приеме. Большинство высших школ воспользовалось этим разрешением. Однако уровень требуемых знаний далеко не равнялся прежним, так что *высшие школы постепенно начали заполняться плохо подготовленными элементами*.

Рабочие факультеты

Между тем правительство не отказалось от своей главной идеи. Первый эксперимент не удался; но рабочие и крестьяне непременно должны были получить доступ в высшую школу. И правительство додумалось до «революционной школы», которая должна была в кратчайший срок подготовить взрослых пролетариев к обучению в высшей школе. Так появились рабочие факультеты (рабфаки). Как указывает уже название, эти заведения были задуманы как составные части высшей школы и в 1920 году их организовали при некоторых, преимущественно технических высших школах. Профессорам недвусмысленно наметнули на необходимость читать лекции на рабфаках; и так как эта педагогическая деятельность

оплачивалась отдельно, а профессура уже давно голодала, кое-где этим намекам следовали. Но постепенно появились и самостоятельные рабфаки^I.

Эти факультеты предназначались для пролетариев и бедных крестьян. Первым и главным условием приема считается принадлежность к соответствующей социальной группе, определенная подготовка — только вторым. Так как число претендентов явно недостаточно, соответствующие требования — самые низкие. Они *ниже, чем требования при окончании народной школы*; но и от этих требований иногда отступают, ибо в противном случае нельзя будет найти достаточное количество кандидатов из привилегированных социальных слоев^{II}.

Курс обучения на рабфаке вначале продолжался всего три года, причем надо учесть, что какое-то количество рабфаков имело вечернее обучение и посещалось рабочими, продолжавшими трудиться на заводах и фабриках. Лишь осенью 1927 года у части рабфаков продолжительность обучения была повышена до 4 лет. Но абитуриентам рабфаков с самого начала был обеспечен свободный доступ в высшую школу. Поперву на рабфаках не было даже выпускных экзаменов. В 1927 году последовали изменения: теперь вводились выпускные экзамены при участии представителей высшей школы. Часть абитуриентов (около одной восьмой) в ближайшие годы будет доведена не до высшей, а до средней технической школы.

Социальный состав

Теперь абитуриенты рабфаков составляют 33,3% контингента молодых студентов^{III}. Но неверно думать, что остальные две трети принимаются на основе свободной конкуренции. С осени 1920 года при утверждении списка студентов обращается внимание на наличие рекомендации Коммунистической партии или профсоюзных организаций. А с 1923 года в РСФСР существует систе-

^I 24 из 65 существовавших в 1926 году рабфаков были самостоятельны. См.: Народное просвещение в 1925—1926 годах, Москва, 1926 г., с. 123, на русском.

^{II} «Народное просвещение», № 11—12, 1927 г., с. 126.

^{III} «Революция и культура», № 4, 1929 г., с. 18.

ма «классового отбора», которая утвердилась в главном, хотя и подвержена некоторым колебаниям в деталях.

По этой системе 10% свободных мест, обычно остающихся после зачисления абитуриентов рабфаков^I, оставляют для свободного конкурса, а 90% распределяют между Коммунистической партией, Коммунистическим союзом молодежи и несколькими советскими учреждениями: эти места они должны заполнить кандидатами из привилегированных социальных групп; дети вузовских преподавателей и «незаменимых специалистов»^{II} в виде исключения уравниваются с детьми рабочих. Всех аспирантов подвергают вступительному экзамену, который частично устанавливает их общую подготовку и частично — знания официальной «политической грамоты», вернее, партийной коммунистической догмы.

На осень 1930 года предусмотрены определенные изменения условий приема. Выпускники средней школы принимаются без вступительных экзаменов. Вместо этого им потребуется рекомендация средней школы, которую получают лишь те, кто подтверждает свою «здоровую пролетарскую идеологию»^{III}.

Так высшее образование в СССР постепенно сделалось *привилегией определенных социальных слоев*: но обращаются с этой привилегией таким образом, что в действительности она превратилась не в привилегию рабочих и крестьян, а в *привилегию коммунистов*. Правильность этого утверждения подкрепляется следующими цифрами.

При поступлении в 1927 году^{IV}:

	рабочие	крестьяне	служащие	остальные
подали заявления	15 438	12 956	33 602	5 806
из них были	6 166	4 307	4 445	352
приняты	40%	33%	13%	6%

^I Число студентов, принимаемых во все высшие школы, с 1923 года определяется заранее.

^{II} Название, придуманное советским правительством.

^{III} «Учительская газета», № 12, 1929 г., на русском.

^{IV} «Народное просвещение», № 12, 1927 г., с. 90.

В 1927/28 учебном году распределение студентов по социальным группам выглядело следующим образом:

рабочие	26,9%
крестьяне	24,2%
служащие	39,6%
остальные	9,5%

24,8% от числа принятых осенью 1928 года были членами партии, 31,8% комсомольцами и 43,3% беспартийными^I.

Для того чтобы оценить эти цифры, следует указать, что коммунисты составляли примерно 1%, а комсомольцы около 1,5% всего населения. Но эти результаты показались большевистскому правительству неудовлетворительными. В июле 1928 года Пленум ЦК Коммунистической партии ввел в вузы отдельно 1000 коммунистов; такое же решение было повторно принято и в 1929 году. Руководство партии рассчитывало получить таким образом в свое распоряжение отборных образованных и надежных людей. Но, как сообщает советская печать, на местах не приняли этой идеи всерьез и отчислили первых попавшихся молодых людей, которые показали себя совершенно неподготовленными^{II}.

Результат классового отбора

Однако система классового отбора, которая чем дальше, тем большее распространение получает и в средней школе, может проводиться лишь за счет предварительной подготовки студентов. Уже в 1924 году правительству стало ясно, что новое студенчество в основном не подходит для восприятия научных знаний. Декретом от 16 мая 1924 года назначалась «академическая чистка», которая должна была освободить высшую школу от непригодных элементов. Но этот декрет не вызвал значительного улучшения по двум причинам: во-первых,

^I «Революция и культура», № 4, 1929 г., с. 19.

^{II} Там же, с. 21. Халатность местных ведомств вообще представляется отдушиной против суровости идеи классового отбора; справки, удостоверяющие принадлежность к привилегированному классу, порою составлялись крайне легкомысленно. См. там же, с. 17.

обстоятельства кое-где были таковы, что при строгом выполнении указаний следовало бы удалить фактически всех студентов^I. И во-вторых, с самого начала было приказано учитывать при чистке пролетарское происхождение студентов и не предъявлять к соответствующим молодым людям слишком высоких требований.

С тех пор положение, собственно, не изменилось. Представление о сегодняшней степени образованности молодых студентов дают высказывания профессоров, участвовавших в приемных экзаменах. Эти высказывания *безотрадны*. В одном отчете говорится, что аспирантам иногда удается сформулировать геометрическую теорему, но с доказательством они, как правило, не могли ничего поделать. Они знакомы с алгебраическими формулами, но не с тем, как с ними обращаться. Сочинения русских классиков, кажется, знакомы им не из непосредственного чтения, а по их изложению в учебниках. Об исторических фактах они не имеют никакого представления. Аспиранты не особенно сведущи даже в советской Конституции, довольно важном предмете сегодняшней средней школы^{II}.

Поскольку правительство в последние годы придает особое значение классовому отбору, возникают новые правила, которые лишь ухудшают положение. В некоторые вузы принимают молодых людей из рабочих и крестьян даже в том случае, если они не выдержали все экзамены, что при мизерности требований свидетельствует о совершенном незнании^{III}.

Результаты эксперимента с приемом в вузы неподготовленных абитуриентов ясны; *высшая школа в действительности превращается в среднюю школу*, потому что в ней преподают то, что повсюду относится к средне-школьному образованию; или же на лекциях о высоких материях расходуется безумно много времени на объяснение вещей, которые полагается знать каждому абитуриенту^{IV}. Эти наблюдения подводят нас к очередной

^I «Правда», № 110, 1924 г.

^{II} «Народное просвещение», № 11—12, 1927 г., с. 117—118.

^{III} «Учительская газета», 24 марта 1929 г.

^{IV} «Народное просвещение», № 6, 1928 г., с. 101; «Учительская газета», 24 марта 1929 г.

серии экспериментов советского правительства с высшей школой, т. е. к экспериментам с программами.

Программа

Довольно долго коммунисты воздерживались от всяких экспериментов с программами. До 1920 года учебные планы высшей школы в общем оставались прежними. Изменившиеся обстоятельства, естественно, потребовали переработки программ юридических и национально-экономических предметов. Эта переработка была произведена в рамках тогда формально еще не ущемленной автономии высшей школы.

В 1920 году под влиянием профессора Осадчего, занимавшего при царской власти пост руководителя почтового и телеграфного ведомства, но претерпевшего позднее такую эволюцию, которая позволила ему на известном Шахтинском процессе (май—июль 1928 года)¹⁴ выступить общественным обвинителем против собственных коллег, советское правительство посетила несчастливая мысль о сокращении срока обучения. Этот срок в дореволюционной России, как правило, составлял 4 года на медицинских факультетах и 5 лет в большинстве технических высших школ. Теперь, чтобы лучше использовать преподавателей высшей школы и сами учебные заведения, советское правительство решило сократить срок обучения до 3 лет. Для этого надо было пересмотреть все программы и сделать это, исходя из более узкой специализации. С этого времени высшая школа должна была готовить не научно образованных, а *натасканных на технические предметы* молодых людей. Дело зашло так далеко, что серьезно взвешивалась идея об исключении преподавания математики из технических вузов.

Надо заметить, что понятию «трехлетнее обучение» в тогдашних условиях соответствовало совсем иное значение, чем тому же понятию в других странах, как, например, в Германии. В ней трехлетнее обучение значит лишь то, что после названного времени студенту пришлось бы сдавать государственный экзамен. Но «трехлетнее обучение» в Советском Союзе означало максимальный срок выдачи стипендии, без которой студенту в те годы было просто не выжить, так как немыслимы были как поддержка из дома, так и самостоятельная работа.

Через год эксперимент окончился абсолютным провалом. Зачисленные осенью 1920 года студенты лишь в исключительных случаях кое-как смогли до осени 1921 года справиться с учебным планом первого года обучения.

Большинство выдержало едва ли половину предусмотренных экзаменов. Не отменяя реформу, правительству пришлось признать, что обучение могло бы продолжаться и долее трех лет. Однако бессмысленное перераспределение учебных предметов продолжалось еще несколько лет и немало способствовало усугублению обстоятельств, вызванных вышеописанной академической чисткой 1924 года. Согласно организованному газетой «Правда» опросу, молодым студентам надо было одновременно прорабатывать от 15 до 19 предметов¹.

Между тем правительство приняло решение лишить профессуру права составлять учебные программы и взять это дело в свои руки. При Народном комиссариате просвещения образовали Государственный научный совет, в который вошли почти исключительно одни коммунисты. Этому совету была определена задача составлять не только учебные планы, но и подробные программы. Научный совет начал с социальных (юридических и национально-экономических) предметов и подготовил детально проработанные программы, естественно и исключительно выдержанные в духе марксизма. О строгом соблюдении этих программ заботятся коммунистические ячейки, сообщающие компетентным организациям о всяком отступлении.

В этом суть второй реформы учебных планов, которую называют «реформой 1923 года». В 1926 году произошла третья реформа, которая в большей своей части кажется противоречащей реформе 1920 года. Продолжительность обучения вновь доведена до 4 или 5 лет. От идеи узкой специализации отказались. Зато реформа 1926 года кажется никоим образом не противоречащей реформе 1923 года.

В наше время дело, кажется, движется к новому, четвертому эксперименту в области программ. С середины 1928 года советская печать вынашивает мысль о соединении обучения с производством. Всплыла идея о

¹ «Правда», № 101, 1924 г.

«непрерывной практике», которая означает как раз противоположность своему названию. За воплощение ее принялись зимой 1928/29 года. Теперь каждому студенту, как правило, надо было две недели учиться, а затем проводить одну неделю на заводе или фабрике, затем снова заниматься и снова работать и т. д. О реализации этой идеи советская печать пишет совершенно удивительные вещи. Говорится, что так называемых практикантов используют для переноски мешков, мытья полов, на вахтерской службе и т. п., причем часто ими распоряжаются 16—17-летние рабочие.

Эта «непрерывная практика» должна была в высшей степени мешать обучению. В данных обстоятельствах было бы естественным увеличить продолжительность обучения. Но, как сообщает советская печать, советское правительство снова думает о его сокращении.

Профессура

Постоянная смена учебных планов и программ должна была необычайно усложнить работу профессуры. Но жизнь преподавателя вуза при советском режиме и так осталась сплошным мученичеством.

Первый эксперимент, касавшийся профессуры, был предпринят согласно декрету от 5 октября 1918 года. Этим декретом отменялась вся дореволюционная система подготовки к академической карьере, вместо нее не предлагалось никакой другой. Кроме того, он отменял иерархию академических рангов и делил всех преподавателей на две категории: профессоров и доцентов, причем ранг профессора присваивался каждому преподавателю вуза, самостоятельно читавшему лекции не менее трех лет.

В то же время было приказано подвергнуть процедуре перевыборов преподавателей вузов, проработавших на своем посту более десяти лет.

Все распоряжения декрета от 5 октября 1918 года были продиктованы одной мыслью: освободить дорогу *молодым*. Ученые советы, которые по статусу состояли из одних профессоров, следовало обновить и омолодить. Освобожденных от давления «стариков» «молодых» следовало таким образом *положительно настроить по отношению к правительству* и создать возможность для проведения нужных ему реформ.

Во время первого эксперимента еще существовала автономия высших учебных заведений. Руководящие посты — ректоров и деканов — повсюду еще занимали «настоящие» профессора (а не так называемые «советские»). Поэтому новые выборы привели к переизбранию исключительно этих лиц.

Постепенно правительство поняло, что его любимая система «внутреннего взрыва» (*прежние корпорации подпрыгивают собственными членами, перешедшими на сторону правительства*) не принесет успеха в академических кругах. Профессура сомкнула ряды, спокойно и с готовностью пожертвовать собой утверждая свое академическое достоинство и свободу. За первые пять революционных лет потери среди вузовских преподавателей в России составляют более 50 профессоров, расстрелянных по разным причинам, и более 100 ученых, умерших в голоде и холоде; арестов не подсчитать. После краткой попытки ограничить автономию высшей школы, не отменяя ее целиком, после беспримерной чистки в вузах и ссылки значительного числа преподавателей, особенно мужественно отстаивавших свои независимые убеждения, в 1922 году (осень) был принят новый устав высшей школы, полностью уничтожавший ее автономию.

Конец автономии

С этого момента вузы стали возглавлять дирекции из 3—5 человек, которые *назначаются* народным комиссариатом просвещения. Несмотря на то что коллегии профессоров имеют право предлагать свои кандидатуры, их предложения не имеют обязательной силы.

Что означает власть народного комиссариата, становится ясно из следующих цифр. В 71 вузе РСФСР 30 ректоров (правление дирекций) являются коммунистами, 122 члена дирекций — так же коммунисты, 133 — беспартийны^I, и это несмотря на то, что среди профессоров лишь 4,6%, а среди молодых работников вузов лишь 8,6% коммунистов^{II}. На рабфаках коммунисты занимают все места в дирекции, несмотря на то что члены партии составляют не более 11% от числа преподавателей^{III}.

^I «Народное просвещение в 1925—1926 году», с. 110.

^{II} «Народное просвещение», № 2, 1929 г., с. 11—12.

^{III} «Народное просвещение в 1925—1926 году», с. 125.

Вновь созданные дирекции обладают поистине диктаторской властью в вузах; кроме всего прочего они назначают президиумы факультетов и академических преподавателей низшего ранга — назначение профессоров относится к функциям вышеупомянутого Государственного научного совета. В состав учебных советов вузов, в прежние времена формировавшихся исключительно из профессоров, теперь входят члены дирекций, деканы факультетов, по 5 представителей профессуры, доцентов и студентов, а также многочисленные члены, назначаемые разными ведомствами и учреждениями; они превратились в чисто декоративные органы, так как их решения подлежат утверждению со стороны дирекций или народного комиссариата. По тем же принципам образуются и учебные советы факультетов. *Факультетов как научных органов больше не существует.*

С введением нового порядка в высшей школе профессура подвергнута медленному перемалыванию. Многочисленные вузовские преподаватели, которые выступали более независимо и все-таки не попали в списки сосланных в 1922 году, смещаются дирекцией и принуждаются к уходу тем, что им больше не предоставляют учебных часов. Чем дальше, тем больше проявляется принцип: для сохранения поста вузовского преподавателя *недостаточно политически нейтральной позиции*, необходима активная деятельность на поприще «нового социалистического строительства». Профессоров постепенно вынудили вступить в красный «профсоюз работников народного просвещения», чему они годами сопротивлялись. Так был создан новый способ их подчинения, ибо члены «красных профсоюзов» обязаны следовать строгой дисциплине и выполнять определенные действия¹. Только объединение профессоров в профсоюзные организации дало возможность сообщить удивленному миру, что академические преподаватели России оплакивают смерть Ленина как тяжелую утрату, что они отвергают всякие критические высказывания о советской стране в иностранной печати, что они выступают за суровое наказание «шахтинских предателей» и т. д.

¹ Так, например, они по уставу обязаны помогать при подготовке коммунистической революции во всем мире и т. п.

Очень характерны и новые выборы в Академию наук, состоявшиеся в январе 1929 года. В списки кандидатов под давлением правительства записали многих видных коммунистов (например, Бухарина и помощника Луначарского — Покровского). Несколько таких кандидатов были избраны тайным голосованием, но трое провалились. И президиум Академии наук испросил разрешения повторить выборы (что по статусу недопустимо); на повторных выборах три правительственных кандидата все же стали российскими академиками.

Внутренняя ценность такого образа действий и таких высказываний хорошо известна в стране. Между тем это вовсе не пустяк. Принуждая профессоров к участию в подобных демонстрациях, правительство подавляет у профессуры остатки оппозиционного духа; ведь известно, что унижение, к которому кого-то принудили, влечет за собой некоторую депрессию, чрезвычайно неблагоприятно отражающуюся на всякой оппозиционной деятельности.

Чистка

Эти успехи, достигнутые путем унижения профессоров, кажутся правительству все же недостаточными. И в начале 1929 года оно решает подвергнуть профессуру тщательной чистке. Вновь вернулись к мысли, возникшей в 1918 году, устроить перевыборы. Этой процедуре должны были подвергнуться все вузовские преподаватели со стажем работы более десяти лет. Однако при этом учли неудачи 1928 года. Так что всю процедуру поделили на серии, и первая серия коснулась нескольких высших школ Москвы, Ленинграда и Воронежа. Гораздо важнее, однако, была новая комплектация избирательных органов. Тогда, в 1918 году, ими являлись коллегии профессоров, которые, естественно, не согласились с мыслью о «профессорской чистке». Теперь для проведения перевыборов создали коллегии довольно неопределенного состава. В них могли принимать участие студенты, члены профсоюзов и преподаватели вузов. Подвергаемый перевыборам ученый должен был выступить перед подобной коллегией с докладом, в котором ему следовало описать свою научную деятельность и участие в общественной жизни. Вслед за этим каждый член коллегии мог критиковать ученого, а под конец коллегия откры-

тым голосованием определяла, рекомендовать или оставить, или изгнать подвергаемого чистке ученого. Окончательное решение остается за Государственным научным советом или дирекциями вузов (в зависимости от ранга ученого).

Девизом перевыборов стали слова некоего Вышинского, который в свое время вместе с Осадчим выступил общественным обвинителем на Шахтинском процессе¹⁵, а затем был повышен до руководителя ведомства высшей школы внутри Народного комиссариата просвещения. В одной из своих речей в Москве он выдвинул тезис о том, что сегодня недостаточно политического нейтралитета профессуры; профессора должны принимать активное участие в строительстве социалистического общества или отказаться от своих постов¹. Чисто академические точки зрения следует учитывать лишь во вторую очередь; в этом отношении необходима чистка и удаление тех профессоров, которые из «пассивности или даже враждебности к новому режиму не хотят заботиться или слишком мало заботятся о подготовке *социалистически* настроенной научной смены»¹¹.

Эта чистка действительно состоялась и привела ко многим драматическим последствиям. Лишь немногие профессора имели мужество, сказав «нет», отвергнуть навязываемое им унижение. Остальные подчинились, что нельзя поставить им в вину, ибо в *коммунистическом государстве* освобожденному от своей работы ученому остается лишь умереть с голоду. На «собраниях-чистках» порою выступали студенты, которые пытались отомстить ученым за собственные неудачи, вызванные общей необразованностью или ленью. Реже выступали вузовские преподаватели, некоторые вели себя совершенно недостойно, обвиняя коллег в приверженности запрещенному идеалистическому мировоззрению и неподчинении директивам Вышинского. Совершенно пассивно вели себя рабочие.

Но массовый успех заставил себя ждать, что и было открыто признано ведущими объединениями, входящими в профсоюз работников народного просвещения¹¹¹.

¹ «Вечерняя Москва», 20 июня 1929 г.

¹¹ «Экономическая жизнь», 25 мая 1929 г.

¹¹¹ «Труд», 26 июля 1929 г.

Надо учесть, что речь шла лишь о первой серии и что процедура перевыборов продолжается. Трудно представить себе, какое угнетающее влияние она оказала на всю профессию.

Резюме

Обобщая вышесказанное, неизбежно приходишь к выводу, что большевистскому правительству удастся беспощадно осуществить свои эксперименты. Студенчество в большей своей части пролетаризировано; старая профессура смещена или настолько запугана и находится под таким надзором, что антиправительственные лекции едва ли возможны, а программы переделаны с точки зрения одного лишь всеисцеляющего марксизма.

Советское правительство может быть довольным и в другом отношении: количественно по сравнению с до-революционным временем «высшее образование» сильно выросло. Вместо 97 высших школ с 10 000 студентов, которые существовали в 1915 году, сегодня в Советском Союзе — 139 высших школ со 164 000 студентов. Правда, этот численный прирост, а также завершение трюка с «пролетарской высшей школой» дорого обошлись, они стоили *неслыханного качественного упадка*.

Д-р А. М е л к и х

СУДОПРОИЗВОДСТВО. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Истоки классовой юстиции

История советско-русского судебного производства и соответствующего советско-русского законодательства началась с устранения всех прежних судов и ликвидации всех до той поры действующих законов (декрет № 1 от 24 ноября 1917 года). Популярный в народе институт мировых судей не был ликвидирован, его деятельность была лишь «временно прекращена», прекращена до его замены «местными судами, состоящими из постоянного местного судьи и двух заседателей, которые попеременно привлекались на каждое судебное заседание из рядов заседателей, внесенных в особые списки»; им разрешалось даже пользоваться прежними законами, поскольку они «не

были изменены революцией и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию».

Избрание судьи местными Советами, собственно, противоречило партийной программе коммунистов, разработанной еще на II съезде партии в 1903 году, а также декрету от 24 ноября 1917 года, который вслед за программой партии провозглашал «демократическую» основу выборов; но «демократический принцип», казавшийся большевикам до прихода к власти необходимым и желанным, «оказался», по заявлению известного советского юриста¹, «не только бесполезным, но и вредным для революции» и был полностью вычеркнут из программы партии решением ее VIII съезда в 1919 году. «Сама жизнь, — сказал известный юрист, — смела эту демократическую систему, потребовав классового суда, который должен был проявить стойкость, твердость и решительность в борьбе с классовыми врагами при защите интересов революции. Этот суд не мог быть зеркалом, отражающим борьбу, он должен был сделаться оружием».

По этой причине ко всем тем судам, которые слишком напоминали институт мирового судьи, уже по декрету от 24 ноября 1917 года относились с недоверием. В соответствии с декретом создавались «революционные рабоче-крестьянские трибуналы» из председателя и шести заседателей, избираемых губернскими и городскими Советами (п. 8). Кстати, заседателей позднее признали бесполезными. Эти *революционные трибуналы* должны были «вести борьбу с контрреволюционными силами для защиты революции и ее завоеваний — борьбу с мажордерами, расхитителями, с саботажем и другим вредительством, а также со злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и других лиц».

Революционные трибуналы, которые возникли в первое время повсюду — в губерниях, районах, городах и т. д., — да и почти в каждом крупном советском ведомстве, в своей дальнейшей деятельности все отчетливей преобразовывались в *инструмент классовой юстиции*, которому логически предназначалось увенчать систему

¹ Д. Рубинштейн. Уголовный суд РСФСР, Москва, Государственное издательство, с. 17, на русском.

«диктатуры пролетариата». Вскоре они образовали всепроникающую сеть «чрезвычайных судов», тесно связанных с ВЧК¹, и помогли большевикам распространить свою власть на всю страну.

Дальнейшее обучение

Положение о создании революционных трибуналов от 12 мая 1919 года подчиняло их властным полномочиям *все проступки, направленные против завоеваний Октябрьской революции и власти и авторитета советского правительства*, причем в том случае, если суд принимал на рассмотрение то или иное дело, были недопустимы никакие возражения относительно его компетентности; на меру наказания ничто не могло повлиять или ее ограничить.

Но так как в трибуналы, по декрету от 23 июля 1921 года, избирались «исключительно» ответственные, политические члены партии, то вскоре оказалось, что эти органы особенно подходят «для скорых и беспощадных репрессий против врагов революции». В период так называемого «военного коммунизма» «привилегированная позиция трибуналов является абсолютной необходимостью». «Поскольку эта эпоха вообще позволяла строительство в области судопроизводства, все силы должны были быть отданы революционным трибуналам. Они являлись дальнобойными орудиями на фронте гражданской войны; их приговоры врагам давали не менее жестокий ответ на их отчаянные атаки»^{II}. Органы «нормальной юстиции» не смогли бы наносить такие удары. Местные суды «не были приспособлены» для того, чтобы наносить врагам жестокие удары, которые им наносили революционные трибуналы, так как первые до известной степени сохранили видимость объективных судов. Им предоставлено *право* судить по закону, и даже — «постольку — поскольку» — по прежним законам, хотя и с приведенными ограничениями. Правда, и для местных судов «революционная совесть и революционное правосознание» значат более, чем закон, но «тогда», по мнению теперешнего председателя Верховного суда РСФСР Стучки, «еще не было особого революционного

^I См. раздел «Система террора» в ч. I данной работы.

^{II} Д. Рубинштейн. Цит. соч., с. 19.

правосознания»^I, и «продолжало без разрешения, как бы подпольно, существовать буржуазное право. Оно, конечно же, продолжало оставаться в мозгах у любого коммуниста»^{II}.

Местные суды, которые во время гражданской войны и «военного коммунизма» мало подходили для целей советской власти, оказались весьма полезными при переходе к так называемой «новой экономической политике», которая — по словам Ленина — была задумана как «стратегическое отступление» перед капитализмом.

Суть «новой экономической политики»

Новизна «новой экономической политики» заключалась, главным образом, в том, что советская власть в определенных, узко очерченных границах легализовала не только «частнохозяйственный элемент», с которым она до сих пор вела безуспешную борьбу, но и попыталась привлечь частнохозяйственные силы для так называемого «социалистического строительства» в России и за ее пределами.

Попытка привлечения частнохозяйственных, «буржуазных» сил для хозяйственного строительства имела, конечно, некоторый шанс на успех лишь после введения такого правопорядка, который походил бы на здоровый буржуазный правопорядок хотя бы тем, что был построен на писаных правовых нормах и мог предоставить определенную минимальную личную и хозяйственную свободу. Такой «кажущийся» буржуазный правопорядок и был тогда создан рядом «кодексов»; они укрепляли «завоевания революции» и оставляли достаточно пространства для дальнейшего «углубления» революции.

Из числа этих «кодексов» следует здесь особо выделить уголовный и гражданский, так как советские суды работают преимущественно с ними.

Уголовно-правовой кодекс и критерий «общественной опасности»

Уголовно-правовой кодекс был введен 1 июня 1922 года и, как разъяснялось в декрете, введен «для защиты

^I П. Стучка. Курс советского гражданского права, ч. I, 1927 г., с. 36. (Учебник по советскому гражданскому праву, на русском.)

^{II} Там же, с. 37.

рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от их нарушителей и для создания твердых основ революционного правосознания». Критерием уголовно-правовой ответственности являлась теперь не вина, а «социальная опасность» поступка или преступления «в данных условиях места и времени». Преступлением же считалось «любое активное или пассивное действие, которое может нанести вред основам советского государства и революционного правопорядка» (§ 6). А для того чтобы иметь возможность назвать «любое активное или пассивное действие», а равно и виновника, «общественно опасным» «в данных условиях места и времени», даже если в кодексе не содержится прямых на то указаний, предписывалось применять те параграфы кодекса, которые предусматривают ответственность за *действия, схожие* «по важности и виду преступления» (§ 10). Тем самым была полностью растоптана основополагающая аксиома «*nullum crimen sine lege*»¹⁶. Позднее, с введением разработанного уголовного права, эти предоставленные советским судам полномочия были еще более расширены, § 5 этого нового, разработанного уголовного права (1926 года) *запрещает* судам, если имеется «общественно опасное» действие, уклоняться от уголовно-правового процесса вообще или прекращать уголовное преследование лишь по той причине, что уголовный кодекс не содержит признаков этого действия. Так советское правительство оставляло за собой право и неограниченные возможности начинать уголовное преследование там, где *не имеется никаких действий, запрещенных законом*. Сохраняя «классовый дух» советского уголовного права¹, оно предоставляет судам выбирать репрессивные меры и выносить приговор, руководствуясь своим общественным правосознанием (§ 9 Гражданского кодекса 1925 года).

Регулирование гражданско-правовых отношений

После того как Советская власть таким образом защитила рабоче-крестьянское государство от нарушений «революционного правопорядка» (под которые подпада-

¹ См. статью М. Исаева «Уголовное право» в сборнике «Основы советского права», с. 436, на русском.

ют также различные правонарушения, регулируемые в большинстве случаев Гражданским кодексом, например, ряд так называемых «экономических преступлений»), оно приступило к *реформе гражданско-правовых отношений*, причем и тут стремилось непременно защитить «революционные завоевания», чтобы, по выражению Стучки^I, «поставить также буржуазное право эквивалентности» на службу целям коммунизма. Для достижения этого оно, с одной стороны, оставляет в своих руках так называемые общественные «командные высоты», с другой, *делает условным и зависимым* так или иначе неохотно предоставленный ею минимум экономической свободы.

«Командные высоты»

«Командные высоты», призванные укрощать и удерживать в определенных границах частнохозяйственный элемент в стране, перечислены самими коммунистами: а) диктатура пролетариата; б) единоличное право собственности государства на средства производства; в) монопольное право внешней торговли и, по причине тесной связи с ней, также внутренней торговли (вообще монополия внутренней торговли была введена несколько позже).

Некий минимум частно-экономической свободы признавался Советской властью по декрету от 22 мая 1922 года «Об основных частных и имущественных правах граждан». Но уже и в этом декрете была сделана оговорка относительно того, что этот минимум признается лишь с целью развития производственных сил страны. Эта на первый взгляд кажущаяся невинной оговорка, по разъяснению советских юристов^{II}, должна была подчеркнуть, что «гражданская правоспособность» рассматривается Советской властью «вовсе не как нечто необходимое и само собой разумеющееся, как свойство, присущее гражданам от природы или необходимое ниспосланное естественное право» и что власть *мирится с гражданской правоспособностью лишь* в ограниченных пределах и для достижения точно определенных целей. Эта мысль выражена также в спешно написанном совет-

^I Стучка. Цит. соч., с. 142.

^{II} См. статью Раевича «Хозяйственное право» в сборнике «Основы советского права», с. 154, на русском.

скими юристами Гражданском кодексе (введен 1 января 1923 года; ср. § 4 Гражданского кодекса). Основопологающим в этом кодексе, который, отражая намерение авторов, охватывал лишь узко ограниченную область правовых отношений (почти что одно имущественное и обязательственное право), являлся принцип: *«запрещено все, что специально не разрешено»*^I. В более поздней практике надлежало также, руководствуясь «общими политическими директивами рабоче-крестьянского правительства», т. е. Коммунистической партии, более точно определить область «специально разрешенного», чем это сделано в законах, закрепляющих «основные личные и имущественные права граждан». Целый ряд параграфов Гражданского кодекса и разработанного вслед за ним *Гражданско-процессуального кодекса* открывал перед советскими судами самые широкие возможности...

Как говорится в § 5 вводной части Гражданского кодекса, «более свободное истолкование Гражданского кодекса разрешается лишь в том случае, когда это кажется необходимым для защиты интересов рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс». «Гражданские права защищаются законом за исключением случаев, когда ими пользуются вопреки их общественно-экономическому назначению», — гласит § 1 Гражданского кодекса, получивший очень широкое применение.

«Если для вынесения решения в судебном деле недостаточно законов и постановлений, то суд выносит решение, руководствуясь общими принципами советского законодательства и общей политикой рабоче-крестьянского правительства», — предписывает § 4 Гражданско-процессуального кодекса, ставя точку над «i».

Гражданско-процессуальный кодекс, предполагающий «общественного судью, судью-политика» и свободный от «всякого юридического фетишизма», *«дает этому судье право преступать формальные рамки законов в тех случаях, когда законы не соответствуют целям рабоче-крестьянского правительства. В этих случаях закон уступает место социалистическому сознанию»*^{II}. Так

^I П. И. Стучка. Цит. соч., с. 170. Ср. его статью в сборнике «Основы советского права», с. 156.

^{II} См. сборник «Основы советского права», с. 501.

поясняли § 4 Гражданско-процессуального кодекса советские юристы.

Но так как не хотелось полностью полагаться на политическую интуицию и «социалистическое правосознание» одного лишь судьи, законодатель предоставлял прокурору полномочия *каждый раз, когда, по его мнению, шла речь об интересах трудящихся масс или рабоче-крестьянского государства, вступаться в каждой фазе процесса или за обвиняемого, или за обвинителя (§ 2 Гражданско-процессуального кодекса).*

Критерий классовых интересов

Все это создало легальную возможность устанавливать *изменчивый* объем советских гражданских прав по «методу регулирования права» — и каждый раз применительно к целям и общей политике советского правительства. И здесь советские юристы поспешили изготавить теоретическое обоснование, ссылаясь на необходимость защиты *«интересов класса в его целостности»*¹. Эти «интересы» класса, по их объяснению, не только противоположны интересам буржуазии и каждого отдельного буржуа, но и могут не совпадать с реальными интересами отдельных крестьян и рабочих, что в действительности и происходит.

Возможно, что классом эти интересы еще не осознаны, что они лишены целевого назначения, *поскольку целью становится лишь сознательный интерес*. Тем не менее объективно интересы присутствуют. Довести их до сознания, сформулировать и тем самым превратить в цель — *задача государственной власти или, что то же самое, классовой Коммунистической партии*. Возвести в цель «интересы класса в его целостности» и тем самым вообще поставить цель праву — означает примерно то же, что создание «правовой политики» и основ для вероятного «регулирования права». Однако проведение политики *в правовой жизни*, что, по Стучке, «не означает ничего иного, кроме осуществления *государственной целесообразности, а значит и классовой целесообразности*», предполагает не только совершенно особую восприимчивость законодателя по отношению ко всем жизнен-

¹ Стучка. Цит. соч., с. 12—17, 131—142.

ным вопросам, но и *послушный политическим классовым вождям судебный аппарат*.

Пояснения к законам периода НЭПа

В этих условиях эпоха НЭПа характеризовалась необычайно оживленной деятельностью советского правительства в области законодательства и толкований законов. Подобно Фигаро — то тут, то там — ему удается разъяснить, дополнить и усовершенствовать правовые нормы, ставшие основой проводившейся тогда новой экономической политики, и в то же время одолеть «фетишизм права», который, по выражению одного из авторов Гражданского кодекса¹, представляет собой «еще более пьянящий и одурманивающий опиум для народа, чем даже религия».

Чтобы дать представление о законодательной и разъяснительной деятельности Советской власти в период НЭПа, достаточно сказать, что «Свод законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства» *только для РСФСР* (Раздел 1) содержит следующее невероятное количество дополнений: в 1923 году — 1057, в 1924-м — 916, в 1925-м — 690, в 1926-м — 668, в 1927-м — 838, в 1928-м — 940 и в первой половине 1929 года — 457. Наряду с этим Свод законов и распоряжений *для всего СССР* (Раздел 1) содержал в 1924 году — 265, в 1925-м — 643, в 1926-м — 629, в 1927-м — 696, в 1928-м — 645 и в первой половине 1929 года — 353 дополнения.

Нынешняя система судебных ведомств

Создание чутко относящегося к приказам государственной власти и послушного судебного аппарата — было второй важной задачей советского правительства.

Такая попытка была предпринята в 1922 году: именно тогда взялись за слияние народных судов и революционных трибуналов и образование единой системы судебных ведомств.

Эта система, не претерпевшая значительных изменений до нынешнего времени, состоит из трех ступеней:

- а) народного суда,
- б) губернского суда,
- в) Верховного суда РСФСР.

¹ См.: Гойхбарг. Основы частного имущественного права, с. 1, на русском.

В 1923 году эта «единая система» увенчалась *Верховным судом СССР*. На его долю выпала задача следить за «революционной законностью» во всем Советском Союзе и приводить к единообразию правосудие всех Верховных судов отдельных республик.

Характерные признаки «единой судебной системы»

Характерными признаками этой «единой судебной системы» являются:

1. Суд первой инстанции образует низовое звено «единой системы», решая вопросы, входящие в его компетенцию. Он состоит из постоянного, выборного судьи и двух непостоянных, выборных народных заседателей.

2. «Единая система» не знает *апелляционных инстанций*; они заменены *кассационными и ревизионными инстанциями*. Такими кассационными инстанциями для народных судов являются губернские суды, а для губернских судов — Верховный суд. Одновременно в компетенцию Верховного суда входит высший судебный контроль за всеми судами данной республики. Кассационно-ревизионные инстанции работают коллегиально и состоят из трех постоянных судей.

3. Верховным ведомством управления всеми судами является *комиссариат юстиции*.

«Народные заседатели»

Первой особенностью советских судов, которую следует подчеркнуть особо, является участие в них «выборных народных заседателей», но лишь в первой инстанции. Между тем было бы *неверным* сравнивать этих народных заседателей советских судов с присяжными заседателями или судебными заседателями немецких судов.

Советский юрист Рубинштейн так отзывается о роли и значении народных заседателей в системе советских судов¹: «Главная мысль законодателя, построившего нашу юрисдикцию по принципу широчайшего участия народных представителей, никоим образом не состояла в признании исторического значения этого института. У нас этому образованию приписывается *политико-судебное значение*. Это, с одной стороны, *обеспечивает необходимую высоту классового принципа*, а с другой, пропускает

¹ Д. Рубинштейн. Цит. соч., с. 74. Курсив автора статьи.

в течение года через наши суды десятки тысяч рабочих, дает им возможность защищать пролетарское государство и одновременно *пройти школу «пролетарского права»*. Так суд становится организующим фактором социалистического хозяйства». Таким образом, народные заседатели — ни в коей мере не «судьи совести», какими являются присяжные. По тем же причинам они не имеют ничего общего и с судебными заседателями немецких судов. Они также ни в коем случае не представители народа, а скорее, *представители класса* или; вернее, Коммунистической партии и защищают ее интересы. В выборах этих народных заседателей могут принимать участие исключительно «классово сознательные» и политически надежные люди. Для соблюдения этого главного принципа: 1) активное и пассивное избирательное право поставлено в зависимость от ряда условий, которые необходимо соблюдать, для того чтобы обеспечить принадлежность данных людей к *привилегированному классу* (§ 18 судоустройства); 2) кроме того, от кандидатов на место народного заседателя требуется определенная «политическая подготовка» — требование, которое особенно категорично высказывается при отборе и выборах в губернские суды и 3) инстанциям, задачей которых является окончательное составление или утверждение списка народных заседателей, предоставляется право вычеркивать отдельных лиц.

Чрезвычайно просто и открыто составляются списки народных заседателей в Верховный суд. Особо регламентированный способ *вовсе не предусмотрен* законом, и поэтому председатель ВЦИК, в чью компетенцию это входит, получает здесь полную свободу. Так же *не предписана законом очередность вызова народных заседателей на заседания губернских судов и Верховного суда*. Так, по толкованию советских юристов, «суду предоставляется возможность вызывать народных заседателей по принципу *целесообразности*, исходя из утвержденного списка»¹. Другими словами, Верховному суду и губернским судам предоставляется право выискивать особо подходящих для определенных целей народных заседателей. Что же касается народных заседателей народных судов,

¹ Д. Рубинштейн. Цит. соч., с. 73.

то их на специально организованных курсах *наставляют*, что понимать под «интересами правящего класса в его целостности». Так обстоит дело с народными заседателями. А теперь перейдем к народным судьям!

Народные суды

«Пролетарский судья призван к судебной работе своим классом. Он осуществляет классовое право и считает своим долгом не только быть членом Коммунистической партии, но и активно работать для нее. Гражданин или гражданка, в течение двух лет посещавшие школу коммунизма, т. е. принимавшие участие в профессиональной или партийной работе, — без сомнения, хорошо подготовленные кандидаты на пост судьи. Они уже обладают качествами, которые обеспечивают величайшую надежность верного функционирования уголовного суда»¹.

Способ назначения судей и последствия этого

Таков идеальный кандидат на пост судьи, о котором мечтают советские юристы. Соответственно для них важно не столько то, каким требованиям должны отвечать претенденты на пост судьи, сколько *способ их выборов*, который на практике равнозначен *назначению судьи комиссариатом юстиции*.

Последствия такой «системы выборов» ясны. На 1 января 1929 года 91,6% из 878 «ответственных служащих» губернских и областных судов были, по официальным данным, членами Коммунистической партии и лишь 8,4% — беспартийными².

Из 3063 народных судей РСФСР 85,9% — коммунисты и 14,1% — беспартийные. Наличие, хотя и ничтожного процента, беспартийных, но, конечно, близких к Коммунистической партии судей следует объяснить не недостатками системы выборов, а скорее тем, что *нет достаточного числа коммунистов*, которые годились бы для данного поста и хотели бы его занять. Тем самым мы еще раз категорически отмечаем, что отбор судей находится целиком в руках комиссариата юстиции и Коммунистической партии. Те же инстанции определяют и дальнейшую карьеру уже назначенных судей.

¹ Д. Рубинштейн. Цит. соч., с. 48.

² См. «Еженедельник советской юстиции», № 6, 1929 г.: Статья А. Штальмаховица, на русском.

Зависимость и сменяемость советских судей

Принцип независимости и несменяемости судей совершенно чужд правосознанию советских юристов. По их мнению, «оба эти принципа представляют собой одну из нитей в искусной паутине буржуазной лживости и лицемерия, укоренившихся под прикрытием различных областей права». «Представим себе на миг, что эти принципы можно осуществить: судейское сословие в этом случае наверняка вырождается, т. к. не будет притока новых сил. Эти судьи образуют закрытую касту из погрязших в своих предрассудках и невероятно эгоистичных людей»¹. Для предотвращения этих ужасных последствий советские законодатели: 1) предписывают краткосрочность службы судейского сословия — лишь один год; 2) предоставляют советским исполнительным комитетам право по собственному разумению или по желанию комиссариата юстиции в любой момент отзывать действующих судей; 3) наделяют также непосредственное судебное начальство правом производить дисциплинарным путем увольнение или перемещение судей на более низкую должность. Допустимой причиной для открытия дисциплинарного дела против судьи среди прочих указывают: «кассацию одного из его приговоров Верховным судом; приговор, вынесенный судьей в явном *несоответствии с законами РСФСР или с интересами трудящихся масс*» (§ 192 судоустройства).

Кассационная процедура

Чтобы в полной мере оценить мотивы подобных дисциплинарных наказаний, следует учесть определенные особенности *советского кассационного суда* и его практики. В противоположность принципам, обычным для кассационных инстанций остального мира, советский кассационный суд не ограничивается рассмотрением формальных нарушений. Советский кассационный суд в ходе ревизионной процедуры обязан непременно проверить суть дела (§ 412 судоустройства), не придерживаясь границ, очерченных жалобой. Он имеет право изменить приговор первой инстанции, не передавая дела для нового рассмотрения другому суду (§ 419 Уголовно-процес-

¹ Д. Рубинштейн. Цит. соч., с. 49.

суального кодекса и § 246 Гражданско-процессуального кодекса). И наконец, — что самое существенное — советский кассационный суд может *при отсутствии кассационной жалобы* по собственному разумению и собственной инициативе *отменить* и изменить любой приговор первой инстанции, *даже если он уже вступил в законную силу* (§§ 426—430 Уголовно-процессуального кодекса, § 254 Гражданско-процессуального кодекса).

Допустимой причиной для отмены или изменения приговоров нижестоящей инстанции среди прочих считается: «исключительная несправедливость приговора» (§ 413 Уголовно-процессуального кодекса), «*несоответствие* приговоров основам советского законодательства или *общей политике правительства*» (§§ 4 и 237 Гражданско-процессуального кодекса) и т. д.

Предельно последовательно и даже похвально откровенно председатель Гражданской кассационной коллегии Верховного суда отмечает в своем докладе, что «принцип революционной законности в судебной практике будет лучше всего соблюден, если суд в каждом отдельном случае будет судить, не службистски выполняя формальные требования какого-нибудь устаревшего закона»... «и не по букве закона, а *исходя из существующих требований политики партии и правительства*». Конечно же, советский судья должен подчиняться таким требованиям. Их возможное несоблюдение может навлечь на него дисциплинарную процедуру или даже увольнение со службы. И из чувства долга он преклоняется перед требованиями своего начальства, от которого зависит его судьба и карьера. Итак, он чувствует себя вынужденным «устанавливать тесную связь с партийными комитетами, чтобы иметь возможность своевременно докладывать им о всех мерзостях, нарушающих порядок и наносящих вред советскому государству»¹.

Судья и партия

И вот судья отправляется в партком, чтобы «установить связь», причем одновременно он получает указа-

¹ См. «Еженедельник советской юстиции», № 9—10, 1929 г.: доклад народного комиссара юстиции Янсона на V съезде прокуратуры.

ния, какой приговор выносить в том или ином деле. Сам народный комиссар юстиции Янсон отмечает, что судебные органы Советского Союза демонстрируют склонность к тому, чтобы «стать молчаливыми исполнителями полученных директив в каждом самом ничтожном деле» и что судьи обуреваемы «лишь одним желанием — побежать к тому или другому, чтобы переложить часть своей ответственности на других»^I.

Особенно ясное представление о царящей атмосфере зависимости и подчинения, в которой работают советские судьи, дает циркуляр того же народного комиссара юстиции Янсона, в котором местным судебным начальникам предписывается «строжайшим образом следить за тем, чтобы в будущем с момента получения этого циркуляра судьями не был бы вынесен *ни один судебный приговор*, наказывающий коротким сроком лишения свободы». «Судьям следует особо строго внушить, — говорится далее в циркуляре, — что в случае, если будет доказано подобное нарушение, самого судью, вынесшего этот приговор, *обвинят* в невыполнении распоряжения центрального правительства и *он на собственном опыте узнает, что такое принудительные работы*»^{II}. Вряд ли этот циркуляр требует дополнительных разъяснений.

Нравственный уровень

Как нам уже известно, советские судьи в подавляющем большинстве — коммунисты. Их классовая оценка безупречна, однако степень образованности едва достаточна. Относительно сносно обстоят дела с образованием у народных следователей, 45% которых имеют среднее школьное, а 6% даже высшее образование. Среди народных судей лишь 4% имеют среднее школьное, 2% закончили областные юридические курсы (т. е. популярную юридическую школу), остальные 94% закончили начальную школу, либо вовсе не имеют образования. В губернских судах 74,8% закончили народную школу и лишь 48% — областные или высшие юридические курсы^{III}.

^I «Еженедельник советской юстиции», № 9—10, 1929 г., доклад Янсона.

^{II} Там же, № 2, 1929 г., циркуляр № 5 от 14 января 1929 г.

^{III} Там же, № 6 и 27, 1929 г., статьи Штальмаховица.

Вряд ли оправданно предъявлять необразованным людям высокие требования. Их юридическая беспомощность, их неспособность к анализу и решению самых элементарных правовых вопросов, их недостаточные умственные способности (если рассматривать все это с юмористической стороны, то можно обнаружить уникальные комические перлы) делают их положение чрезвычайно тяжелым. Этому судейскому сословию, высококвалифицированному по партийной линии, разумеется, в любом отношении не хватает самостоятельности, и поэтому на все судопроизводство страны распространилась атмосфера тягостного политического угодничества.

«Наши «выдвиженцы»^I сталкиваются с томами законов, ведомственных инструкций и циркуляров и приходят к выводу, что сначала надо учиться и лишь после этого работать. Потому так мало людей, *которые хотят у нас работать*»^{II}. Так описывают положение вещей советские чиновники, которые отдают себе отчет в том, насколько трудна работа судьи. Другие же стараются лишь обеспечить себе расположение начальства, неукоснительно следуя его директивам. Такие судьи нередко скрытно занимаются неблагоприятными делами. Поэтому начальство вынуждено отметить, что в советский судейский аппарат «берут на работу случайных людей без достаточной подготовки. И получается, что из 1911 человек (24% общего состава), ежегодно покидающих ведомства комиссариата юстиции, 35% увольняют за порочащие поступки, связи с классово чуждыми элементами, пьянство, моральное разложение и уголовные преступления; 25% за непригодность, а остальных — по разным причинам». В конечном итоге «у нас никто не отвечает за свои действия. У нас можно тащить человека на допрос, без всякой причины посадить его в исправительное заведение, а затем снова освободить... Можно бессмысленно обвинить человека, потребовать с него гарантии и

^I Под ними подразумевают членов новой, «выдвинутой» советской бюрократии, новых чиновников. См. разделы «Цели и надежды» и «Коммунизм как господство чиновников» в ч. I данной работы.

^{II} См.: «Еженедельник советской юстиции», № 9—10, 1929 г.: VI съезд судебных чиновников, с. 214.

отменить его выезд за границу, можно обесчестить его... Для того чтобы убедиться, что это на самом деле так, достаточно нескольких цифр: 70% дел, прошедших через следственные органы, и 35% тех, над которыми поработали следователь и прокурор, *прекращают, 20% заканчиваются оправданием*. В тюрьмы бросают 40% всех обвиняемых»^I.

Это свидетельство одного из высших чиновников комиссариата юстиции о качествах судебных чиновников и оценок их работы, пожалуй, не нуждается в пояснениях.

Проф. Н. Кульман¹⁷

ЛИТЕРАТУРА

Разрушение

Каждая революция в своем неодолимом стремлении к новому сначала считает все и считает старое или, по меньшей мере, часть прежнего несправедливым, отвратительным, бесполезным и вредным, а новое, напротив, — прекрасным, многообещающим и плодотворным. Но и у революции проходит «медовый месяц». Когда страсти улягутся и наступает отрезвление, в свои права вновь вступает разум. Подводится итог потерь и приобретений, при этом ценность «революционных завоеваний» чересчур часто предстает в сомнительном свете.

Пожалуй, нигде и никогда, ни в какой другой революции безумная толпа не разбивала в слепой ненависти все материальные и духовные блага так, как это случилось во время русской революции. В этой страсти разрушения было что-то дикое; хочется сказать, в ней была радость самого разрушения. Герой одного советского романа заявляет: «Мы не можем пройти мимо пустого дома, чтобы не разбить в нем окна»^{II}.

Это разрушение производилось внешне и внутренне невероятно жестоким образом. В официозной советской газете читаем: «матерные слова» составляют ныне 75% всех

^I «Еженедельник советской юстиции», 1929 г., с. 594, статья Штальмаховица.

^{II} «Новая скрижаль» Романова.

слов, высказываемых коммунистами; даже дети, учась говорить, усваивают прежде всего ругательства»¹.

Восторженной верой в революцию в действительности была охвачена лишь горстка людей. Большие массы просто отдавались наслаждению претворения в жизнь своих подавленных инстинктов. Но чем тяжелее опьянение разрушением, тем больней и ужасней становится отрезвление.

Русская революция еще не закончилась, но уже по всему ошутимо приближение ее катастрофы. Пусть вожди — по убеждению или по расчету — все еще бьют в набат революции, народ их не слышит и не хочет слышать. То ли с тоской, то ли с раскаянием он видит перед собой горы руин, вовсе не верит в жизнеспособность нового, коммунистического «строительства» и вспоминает о бесчисленных, теперь погребенных богатствах, которые создавались целым рядом поколений, и инстинктивно ищет выхода. Час возрождения русского народа, несомненно, недалек. Вскоре можно будет приняться за настоящее воссоздание разрушенного и создание новых ценностей, и делать это на основе того здорового, ценного и прекрасного, что было в прошлом. Набат революции звучит день ото дня глуше, и его когда-то победоносные призывные звуки уже превращаются в погребальный звон.

Разумеется, будущее неясно и вообще трудно предсказуемо. Но если мы попробуем представить себе итоги коммунистической деятельности в различных областях культуры, то уже сегодня сможем сделать совершенно определенные выводы. Во всяком случае, в области литературы все очевидно: нам ведь известно, что хотели разрушить или ликвидировать коммунисты, а также известна новая, так называемая «пролетарская», или советская, литература; мы можем также определить направление, в котором обещает развиваться русская литература.

Коммунистическое строительство

В литературе, так же как и во всех других областях, коммунисты и их попутчики стремились выполнить завет Ленина: сначала разрушить, а затем построить заново. Этот лозунг в определенной мере выполнялся, и

¹ «Правда» от 30.09.1920 г.

сразу же в первые годы революции началось своеобразное литературное экспериментирование с явным намерением порвать с литературной традицией. Между тем в этих опытах содержались элементы прежних, искусственно созданных модных направлений. Появился ряд недолговечных течений под многозначительными названиями — презентизм, имажинизм, ницшеанство, биокосмизм, супердивизм и др. Каждое из этих течений старалось перешеголять других в радикализме своего разрыва с духовным и национальным наследием. Речь при этом шла о почти исключительно молодых людях, чьи попытки представляли собой смесь из незнания, озорства и намеренного искажения. В этих сочинениях не было заметно никакой, а уж тем более марксистской, программы. Это было лишь отображением в области литературы психоза разрушения, охватившего массы. И ничего более.

Позднее возникла также «программная» литература, литература «эпохи», «пролетарская литература». По мысли вождей, она должна была повергнуть мир в изумление¹. «Пути земного круга засверкают песнями пролетариата», — провозгласил коммунистический поэт Радов. И в самом деле вокруг советско-русской литературы поднялся большой шум. Луначарский гордо заявил два года назад, что в Советском Союзе «поднимается огромная волна широко размахнувшейся коммунистической культуры» и что «талантливые литературные произведения ручьями хлынут из земли»².

В большей или меньшей мере эта рекламная шумиха отзывалась эхом во всем культурном мире. Особенно большим вниманием советская литература пользовалась в Германии, что выразилось как в переводах советско-русских писателей, так и в статьях о них. Значительно меньше внимания уделяют советской литературе во

¹ Сама идея особой «пролетарской» литературы не нова. Еще в 1914 году вышел сборник бесталанных «пролетарских» писателей под редакцией Максима Горького. В предисловии к этому сборнику М. Горький писал, что однажды вспомнят об издании сборника, как о первой попытке «русского пролетариата создать прекрасную собственную литературу».

² «Тезисы о задачах марксистской критики». См.: «Новый мир», № 6, 1928 г., на русском.

Франции и меньше всего — в англоязычных странах. Однако пробудить к ней интерес старались и некоторые американские критики. Как характерную особенность советской литературы они отмечают ее полнейший отказ от мира Толстого, Достоевского, Гончарова, Андреева (кстати, странный подбор имен!) и тшятся видеть в ней выражение энергии и избытка сил, призыв к новым идеалам, новые формы стиля и обогащение словарного запаса¹.

Нелегко установить, к чему отнести подобное внимание и подобную оценку советской литературы — к простому и естественному любопытству, к наивному восхищению или дружескому желанию оказать услугу коммунистам. Вероятно, в отдельных случаях играют роль все три побудительных мотива. Как бы то ни было, после 13-летнего существования коммунистической власти мы можем спокойно, *sine ira et studio*¹⁸, приняться за характеристику литературной жизни в советской стране.

Эмигранты

После того как сформировалась коммунистическая власть, выяснилось, что все значительные русские писатели, блеск русской литературы, постепенно оказались по ту сторону русской границы (Бунин, Бальмонт, Шмелев, Куприн, Мережковский, Ремизов, Борис Зайцев, Амфитеатров, ныне умерший Арцыбашев, Зинаида Гиппиус, Тэффи, Б. Лазаревский, Немирович-Данченко, Евг. Чириков; здесь даже не перечислены молодые литераторы). Одни раньше, другие позже — все они предпочли горечь прозябания беженца на чужбине рабскому состоянию на родине. Примечательно также, что большинство писателей выехало в то время, когда (в 1921 году) прозвучал заманчивый призыв: «Кризис закончился. Положение прояснилось. Вам придется или признать эту ненавистную вам Россию, или совсем ее потерять». И писатели поняли, что Россию они скорее потеряют в *России*, и один за другим покинули родину. И воистину, как могли приглашать в *Россию* те, кто уничтожили ее

¹ Calverton в «The Modern Quarterly», июнь—сентябрь 1927 г.; Elias Tobenkin в «Bookman», январь 1928 г.; John Cournos, англо-американский писатель, переводчик Сологуба на английский язык, в «Monthly Criterion», 1928 г.

название и без обиняков объявили, что новая эпоха «отдает Россию на заклятие» и что «Россия больше не территория, а лишь функция ускорения культуры человечества, связующее звено отдельных частей мира, мировая интеллигенция в системе народов»¹.

Оставшиеся в России немногие действительно одаренные писатели оказались перед выбором: отказаться от собственного человеческого и поэтического достоинства или *молча дожидаться смерти*. Тем, кто не захотел предать свой поэтический идеал, пришлось смириться с мрачным существованием. Кое-кто стал молчуном, судьба других закончилась воистину ужасно.

Мученичество

Гумилев, талантливый лирик, был арестован и расстрелян самым жестоким образом, без всякого суда, по простому подозрению.

Розанов в предвидении голодной смерти продикувал дочери «последние мысли». Европейцу, вероятно, будет тяжело представить себе меру русских страданий — ту атмосферу рабства, холода и голода, в которой очутился этот известный критик и философ... «От лучинки к лучинке, Надя¹⁹, опять зажигай лучинку, скорей¹¹, некогда ждать, сейчас потухнет. Пока она горит, мы напишем еще на рубль. <...> И никакой надежды согреться!.. Все раскаленное, горячее, представляется каким-то неизреченным блаженством, совершенно недоступным смертному и судьбе смертного. Поэтому «ад» или пламя не представляют ничего грозного, а скорее, желанное. Это все для согревания. А согревание только и желаемо. <...> Состояние духа — его — никакого. Потому что и духа нет. Есть только материя изможденная, похожая на тряпку, брошенную на какие-то крючки. <...> Хотя странным образом тело так измождено, что духовного тоже ничего не приходит на ум»²⁰. *Розанов* умирает от истощения — скелет в отрепье, изъеденный голодом и холодом.

¹ Лежнев в № 5 «России» за 1924 г.

¹¹ У некоммунистов тогда не было никакого иного освещения. Даже знаменитому физиологу Павлову приходилось работать при свете лучины. Гениальную московскую актрису Ольгу Садовскую также в последний раз осматривал врач на смертном одре при свете лучины.

Талантливый поэт и писатель *Федор Сологуб* в стихотворении, написанном перед смертью для самого себя (для других при коммунистах он мог только молчать), высказывается с безнадежностью фаталиста:

Застывшего в суровом недомогании,
Подобного разбитой бурей лодке,
Меня уносит огромный поток,
Игра и безумие свирепых волн²¹.

Поэт *Александр Блок*, в своей поэме «Двенадцать» певший «осанну» революции, вскоре сам отказался от этой идеи. Коммунистический «рай» показался ему могилой живого духа, и он покинул этот свет в странном состоянии трагической покорности — умер в холоде и голоде от цинги.

Есенина коммунисты признали своим поэтом. Им они похвалялись и использовали его для рекламы. Однако Есенин хотел оставаться русским. Автор «Инонии» любил Россию и не хотел отрекаться от своего Отечества в пользу коммунизма. Это сразу же отметили, и вот от него неотступно стали требовать, «как провозвестника эпохи, идти с эпохой плечом к плечу». Он должен был воспеть «Ленинскую Инонию»¹. Есенин, певец революции, все же на это не пошел. В одном из своих последних стихотворений он в отчаянии восклицает:

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах,
Что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен²².

Есенин завершил свою жизнь, покончив с собой.

Одаренный писатель *Андрей Соболев* извелся под давлением материальных обстоятельств. Суровой зимой 1925 года ему пришлось по причине отсутствия иного топлива топить печь мебелью и книгами; со своеобразным кладбищенским юмором он рассказал при этом, что сочинения Гейне горели лучше других книг. Но он и морально страдал. Соболев был готов «прислушаться к революции»,

¹ «Красная новь», № 1—2, 1924 г.

но требовал лишь одного — права писать без определенных указаний, без того, чтобы спрашивать: «Чего изволите?». Он утверждал, что художественная литература без этой элементарной свободы художественного творчества становится своего рода «подразделением профессионального вспомогательного цеха», а творец «в лучшем случае — профагитатором», в худшем — «барабанщиком». «И будь мы лишь подвластными пальцами некой железной руки, — пробовал аргументировать Соболев, — нам нужна была бы хотя бы возможность отказаться совершать движения по мановению одного лишь указательного пальца». Это был вызов отчаявшегося человека. Вскоре Соболев совершил самоубийство.

Среди прежде известных писателей, разумеется, нашлись и такие, которые превратили свой талант в орудие угодничества (покойный В. Брюсов, А. Белый, С. Городецкий, А. Н. Толстой, Максим Горький, хотя последний и предпочел поселиться в Сорренто и восхвалять методы террора издалеко). Однако к чести русской литературы следует отметить, что речь идет лишь об отдельных исключениях. То, что эти случаи происходили, не удивительно, ибо во все времена и при всех возможных политических режимах находились, возможно в виде исключения, писатели с рабской душой. А при диктатуре коммунистов у писателя еще и чересчур узкий выбор — погибнуть или уехать в другую страну, умолкнуть или как-то приспособиться. Если, например, в Советском Союзе профессор общей патологии, чтобы сохранить за собой кафедру, вынужден доказывать, что он сам «соответствует эпохе социалистической реконструкции народного хозяйства» или если лингвист с академическим образованием в своей книге «Языкознание и материализм» должен, предаваясь коммунистическому правительству, писать, «что не бывает общенационального языка, а есть лишь язык классов», — то тут вполне возможно, что кое-кто из поэтов — по слабости ли душевной или по недостатку нравственного сопротивления — не может уклониться от того направления, которое предписано коммунистами...

Что поощряется?

Марксизм в Советском Союзе — как бы обязательная «религия»; кто не верит в ее догмы, не следует ее

ритуалам, не поклоняется ее жрецам и не унижается перед ее богами, тот отторгается или берется под подозрение. Пролетарские «рифмоплеты» (назвать их поэтами нельзя при самом большом желании) хотя и поют о том, что с Лениным, этим «вождем», этим «гением» и «творцом нового мира», «солнце засияло по-новому» и «взошла заря свободы», в действительности русская литература попала в такую беду, какой не случалось *нигде и никогда*, даже в странах с самой суровой деспотией. *К писателям предъявляются такие требования, каких не предъявляло ни одно правительство или цензура в мире.*

Свободы печати в Советском Союзе не может быть вообще, а на поэтическое творчество там, как на любое свободомыслие, надеты оковы. К этому принуждает сама сущность советской литературы. Литература должна выполнять определенную официальную задачу — она должна быть *классовой литературой*. Литература, с точки зрения советской власти, — лишь инструмент общественной организации; в данный момент она должна служить интересам пролетарской литературы и социалистического строительства. Если, на взгляд коммунистов, каждый класс обладает особой собственной классовой правдой, то современная русская литература должна выражать «правду пролетариата». Так же, как пролетариат проходит свое победное шествие в три этапа — завоевание власти, восстановление экономики, строительство социализма, так должна шагать в ногу с этими этапами и литература. Писатель «обязан усвоить точку зрения класса и марксизм не только как социологическую систему, а и как великолепное движение культуры»¹.

«Социальный заказ»

По мнению коммунистов, литература не может существовать без «социального заказа», писатель же должен обладать «классовым чутьем» и «актуальностью темы», а также уметь «всегда ставить в центр своего повествования значительное явление общественной жизни». Его даже делают ответственным *за его героев*. Этот постулат может нам показаться совершенно противоречащим здравому смыслу, но с точки зрения большеви-

¹ «Новый мир», № 7, 1928 г., на русском.

ков, это совершенно естественно. Соответственно ортодоксальная советская критика делает, например, самому талантливому писателю советской литературы Леонову следующее замечание: «Когда мы слышим, как его герои сомневаются в целесообразности проливать кровь в пользу «недостижимого» социалистического идеала, у читателя нет достаточных оснований полагать, что не сам автор говорит устами соответствующего действующего лица»¹. По тем же причинам писателя Пильняка упрекают в отсутствии «ясности в его воззрениях» и в том, что в своих сочинениях он нередко отвлекает внимание от условий в Советском Союзе.

Этот взгляд, согласно которому перед писателем стоит задача выполнять «социальные заказы», находит красноречивое подтверждение в одном стихотворении *Демьяна Бедного*, носящего почетный титул «барабанщик революции»:

О, множество рифмоплетов — примерно не сосчитать!
И никто им не скажет — то, чего не скроешь,
Что «чистое» сочинительство — лишь иллюзия;
Что, к примеру, советская муза в своих взглядах
Лишь член с красным нутром,
Член, и притом подлый...²³

Коммунистическое правительство, его задачи, его идеология и его методы управления, конечно, должны стать для поэтов предметом особого поклонения и воодушевления.

¹ Д. Горбов. См.: «Новый мир», № 10, 1928 г. В том же упрекали Бахметьева, автора художественно слабого романа «Преступление Мартина», который тем не менее привлек к себе внимание в России. Мартин — не обычный коммунист и не простой пролетарий: его отец рыбак, а мать происходит из богатой семьи помещиков. По основной мысли автора, он обладает выдающейся индивидуальностью, тягой ко всему необычному и непреодолимому и склонностью к одиночеству. Коммунистический критик так высказывается о нем: «Когда проблема просцируется на личность в высшей мере индивидуализированную, когда проблема скросна под человека, которого в таком виде очень редко среди нас встретишь, т. е., можно сказать, под белую ворону в стае галок, — то справедливо подвергнуть сомнению полезность проблемы и ее демократический характер». См. статью Штейнмана в «Звезде», № 4, 1928 г.

Иногда это восхваление доходит до удивительного бесстыдства. Так, например, один рифмоплет восклицает:

Эта чепуха!.. «голод»... «ЧК»...
Негодяи умеют лгать...¹

Это было написано в то время, когда успехи ЧК были известны всем и каждому, в то время, когда даже официальная «Правда» сообщала, что из-за голода «массовым явлением» «становятся людоедство и трупоедство», и когда в сочинении русского советского писателя Мариенгофа «Циники» можно было прочесть следующие строки: «В Словенке, округ Пугачев, крестьянка Голодкина распределила поровну между своими еще живыми детьми труп своей умершей дочери. Но руки покойницы были украдены сиротами Селивановыми».

К писателю в Советском Союзе предъявлялись и другие требования: он обязан «иметь социалистическое сознание, ненавидеть буржуазный капиталистический мир, поклоняться не индивидууму, а коллективу — властелину жизни и судье морали». Личность следует вообще преодолевать и искоренять *все* личное во имя общественного целого. Эта особенность коммунистического строя наглядно показана в превосходно написанном романе Замятина «Мы», запрещенном советским правительством; она раскрывается здесь во всех своих смешных и ужасных проявлениях.

Конечно, не все живущие в России писатели дали превратить себя в слепое орудие коммунистов. Вскоре после начала Октябрьской революции те писатели, которые не хотели отказываться от литературной деятельности, постепенно сами по себе разделились на две группы. Одна охватывает действительно просоветски настроенных «пролетарских» писателей. Они стараются строго следовать марксистским указаниям, берут и выполняют так называемый «социальный заказ», превращают свои литературные сочинения в гимны и похвалы коммунистической власти и пролетариату и внимательно следят за тем, чтобы другие не отклонялись в сторону «буржуазно-капиталистической» литературы. Они счи-

¹ Михаэль Данилов в стихотворении «Негр Джим».

тают себя солью земли. Их орган «На посту» образован с особой целью — исключать из литературы те течения, в которых может проявляться «открыто белогвардейская идеология», а также те из них, которые под прикрытием революционной «протаскивают реакционную и контрреволюционную идеологию». Редакция заявила напрямик: «Абсолютно недопустимы любые идеологические колебания, которые всегда будут нами раскрыты... Мы мобилизуем внимание нашей партии и призываем к бдительности, мы покönчим с ними». Писатели этой группы называют себя «напостовцами», т. е. стоящими на посту.

Попутчики

Другая группа советских русских писателей, которым еще как-то удалось напиться духом истинного, свободного поэтического творчества, исходит из прежних традиций русской литературы. Они не коммунисты, но вынуждены как-то приспособливаться и в своих произведениях не могут непосредственно выступать против притязаний коммунистов. Это так называемые «попутчики».

«Напостовцы», без сомнения, — чистой воды коммунисты; но как писатели они поразительно бесталанны. Правительство поддерживает их, и они чувствуют себя на гребне, атакуют, обвиняют и доносят. «Попутчики», среди которых определенно есть художественно одаренные люди, плетутся в хвосте коммунизма и стараются защититься и оправдаться. «Напостовцы» — не только своеобразные коммунистические цензоры, но и литературно-политические детективы и как таковые — усердные слуги коммунистической диктатуры.

Интересны соображения Луначарского по вопросу литературной слежки: «Нас спрашивают, действительно ли дело критики — вообще выносить приговор политическим проступкам, политической неблагонадежности, вредительству или неполноценности тех или иных писателей? Нам приходится решительно отвергать подобные протесты... Безалаберен и легкомыслен тот критик, который иногда необдуманно и невзвешенно бросает такие обвинения. Но тот, кто боится громко провозгласить результаты своего добросовестно проведенного

социального анализа, искажает суть марксистской критики и должен быть назван слабым и политически пассивным человеком... Ни один последовательно мыслящий и честный коммунист не может отказаться от борьбы в современной литературе и ее оценки»^I. Как мы видим, *литературная слежка возведена в принцип. Литературное доносительство вменяется в обязанность каждому коммунистическому литературному критику.*

Хотя коммунистическая власть и признала «попутчиков», но по известным причинам никогда не одаривала их доверием. Их терпят, временами даже признают их полезность, но никогда не отпускают из под ярма надзора и угрозы. С этими «попутчиками» коммунисты обращаются так же, как и с попутчиками во всех других областях^{II}. Время от времени им напоминают о недопустимости любых антикоммунистических тенденций или «новобуржуазного» направления. А для писателей, имеющих склонность к этому течению, как, например, талантливые Замятин и Булгаков, найдено презрительное и грозное определение «внутренняя эмиграция». Значение этого определения объяснять не нужно.

Подозреваемые

В последнее время коммунисты установили, что многие «попутчики» «все сильнее сходят с позиции попутничества и сближаются с новобуржуазной литературой»^{III}. Этот факт заслуживает особого внимания: в данный момент советский русский писатель, вообще имеющий хотя бы искру таланта, инстинктивно тоскует по элементарной свободе мысли и чувства и жаждет по

^I А. Луначарский. Тезисы о задачах марксистской критики. См.: «Новый мир», № 6, 1928 г., на русском.

^{II} Особенно сильно это проявляется в отношении Академии наук и университетов.

^{III} Под подозрением находятся также Леонов, Мандельштам, коммунистка Сейфуллина, Вс. Иванов, Эренбург и Пильняк. Даже у некоторых «пролетарских» писателей, например, у А. Новикова и коммуниста Артема Весёлого, отмечается склонность к «новобуржуазной» литературе.

меньшей мере иллюзии независимости. Коммунисты, конечно же, не могут допустить возникновения даже подобной иллюзии. Когда русский физиолог Павлов, известный во всем мире, заявил, «что невозможно жить и творить без свободы», Бухарин доказал ему, по мнению коммунистов, блестящим образом, что свободы вообще не существует и что в основе творческого процесса ученого и художника всегда лежат классовые предпосылки и определенные экономические условия. Соответственно «напостовцы» требуют, чтобы колеблющиеся писатели перестроились в течение суток или улетучились, в то время как другие товарищи предлагают обращаться с ростом «новобуржузных тенденций» по крайней мере так же серьезно, как когда-то с порнографией и другими явлениями разложения^I.

Робкое стремление покинуть назначенные советской властью «позиции» видно не только у писателей из группы «попутчиков», но даже у некоторых коммунистов. Это убийственное доказательство того, что коммунистам не удалось привести литературу к коммунистическому знаменателю. Если вообще трудно превратить человека в автомат, в бездушную машину, то попытку такую в отношении писателя, особенно если он обладает талантом, можно с самого начала считать безнадежной. Пример советской русской литературы заставляет нас понять, насколько верны слова знаменитого русского поэта:

Над вольной мыслью Богу неуютны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!^{II}

Советские русские писатели, хотя и робко, пытаются немного дать волю чувствам. Луначарский видит в этом продолжение классовой борьбы: по его мнению, старое и новое ведут борьбу в литературе друг против друга; чувствуется влияние ненавистной европейской культу-

^I Жизнь и революция, на русском.

^{II} Граф А. К. Толстой в поэме «Иоанн Дамаскин».

ры, прошлого, остатков когда-то господствующего класса. Он говорит: «Эти обстоятельства возлагают на искусство, но особенно на литературу, задачу часового и придают ей исключительно большое значение. Наряду с появлением пролетарской или близкой к ней литературы те же обстоятельства вызывают к жизни также литературу, отражающую враждебные нам силы, под которыми я подразумеваю не только сознательные враждебные элементы, но и неосознанно враждебные, например, такие, которые являются таковыми в результате своей пассивности, своего пессимизма и индивидуализма или своих преубеждений и т. д.»¹

Коммунисты, конечно, полагают, что подобная пассивность (т. е. недостаток страстной любви писателей к коммунизму), подобный пессимизм (т. е. недостаточная вера в плодотворность коммунистического строительства), подобный индивидуализм (т. е. утверждение самоценности личности) — временное явление, которое исчезнет с укреплением коммунистического строя. Однако они упускают из виду, что это неосознанное стремление писателей к свободе есть лишь одно из проявлений *вечного* стремления человеческого духа к свободе творчества, симптом *вечной* борьбы личности за *право* свободной духовной работы и что нет такой силы, которая была бы способна окончательно подавить это стремление.

Традиция

Противостоял намерениям коммунистов и закон литературной традиции. Все выдающиеся писатели Советской России находятся под влиянием Толстого, Достоевского, Лескова или даже Мельникова-Печерского, а из современников — под влиянием Бунина, Шмелева, Ремизова и некоторых других писателей эмиграции. Это загадка для певцов революции. Один из них (Касаткин) все же признает (однако предварительно с удовольствием отметив, что коммунизм «сломал хребет многим литературным кенгуру и носорогам»):

¹ Луначарский. Тезисы о задачах марксистской критики, на русском.

«Теперь мы видим, что огромное здание нашего литературного наследия опрокинуто нами безо всякой пользы... Отрезвев, мы выползаем из-под развалин и видим — перед нами все еще стоит обкатанная на старых путях классическая колесница».

В связи с этим порою в советской литературе слышен призыв к возвращению на стезю старой литературы или приглашение поучиться у так ненавистного коммунистам «гнилого» Запада. Один советский русский писатель^I пишет: «Надо многому учиться у западной культуры и серьезно усвоить ее дисциплину творчества». Другой^{II} высказывается еще определеннее: «Надо признать, что мы немного необразованны, что мы слишком легко и скоро разделяемся с Западом, так же как и с нашим собственным наследием, доставшимся нам от наших собственных «европейцев».

Эта неудача коммунистических экспериментов в области литературы — явление не случайное; обреченные на провал в строительстве противоестественного общественного и хозяйственного строя, они *точно так же проиграют битву и в борьбе с литературой, потому что хотели принудить искусство пойти путями, противоречащими его сокровенной сути*. Так должно было произойти вопреки их беспощадности в выборе средств борьбы и вопреки страшной силе гнета их деспотии.

Читатель

Литературная жизнь предполагает, однако, не только писателя, но и читателя. По мнению коммунистов, литература — лишь средство классовой борьбы, лишь инструмент пропаганды коммунистических идей. По этой причине особый интерес приобретает вопрос о советском русском читателе и о его литературных пристрастиях.

Подавляющее большинство советских писателей пишет понятным образом не специально для рабочих и крестьянских масс, а обращается преимущественно к образованному читателю. В этом отношении советская

^I Лидин.

^{II} Соболев.

русская литература осталась на прежних позициях. Правда, культурный уровень молодого поколения образованных слоев в Советской России значительно снизился, и нынешний молодой читатель в целом по своему образовательному уровню ниже тех, для кого писали Пушкин, Тургенев, Достоевский, Л. Толстой, Чехов, Бунин, Шмелев, Куприн и др.; тем не менее есть и образованные читатели. Кроме того, появился и новый слой читателей из более образованных рабочих и крестьянских кругов. Что же читает этот новый читатель, чей литературный вкус должен был пройти обучение на «пролетарской» литературе, и как он оценивает прочитанное?

Материал для ответа на этот вопрос вы найдете в статистической выкладке библиотечного спроса, затем в результатах опросов среди рабочих и, наконец, в наблюдениях учителей народных школ.

Городские читатели из кругов интеллигенции, по данным библиотечной статистики, по-видимому, предпочитают дореволюционную русскую литературу¹. Из современных писателей любят больше тех, кто обладает определенным талантом и в то же время определенным образом связан с русской литературной традицией, таких, как Замятин, Леонов, Булгаков и некоторых других. Современную поэзию не читают вообще. Бесчисленным количеством бездарных и бездуховных стихотворцев издано в годы коммунизма такое огромное количество безвкусных, пошлых, совершенно ничего не стоящих и частично совершенно бессмысленных стихов, что у читателей пропала всякая охота к чтению подобных сочинений.

Особый интерес вызывают у нас читатели из рабочих и крестьянских кругов. Ведь это те самые рабочие и крестьяне, от чьего имени коммунисты, по их собственному утверждению, совершили революцию; те самые, с чьей помощью коммунисты хотят разжечь «пламя мировой революции»; те самые, которым в первую очередь

¹ Дореволюционная литература лишь частично доступна читателю.

прививается «социалистическое сознание». Собственно «пролетарская» литература должны была бы пользоваться особой любовью рабочих. На самом деле все обстоит совсем иначе.

Что читается и ценится

Пролетарские сочинения совершенно непопулярны в рабочем и крестьянском кругу. Коммунисты объясняют это тем, что низкий уровень образования широких масс народа не справляется с накопившимся за века богатством «достижений» поэтической техники¹. Но о технических достижениях здесь не может быть и речи. Если прежнее поэтическое искусство могло быть недоступным духовно неразвитому читателю из-за своего богатейшего *идейно-художественного* содержания, то поэзия советской эпохи представляется ему просто бессмысленной игрой слов без всякого содержания. Проза советской эпохи также пользуется ничтожным интересом. Вообще-то сами подлинные высказывания читателей из рабочих и крестьянских кругов лучше всего покажут, что и почему им нравится или не нравится.

При просмотре ответов рабочих на опрос по поводу литературы ясно видно, как вопреки анонимности ответов многие из них во что бы то ни стало хотят показать себя истинными коммунистами. Они, например, заявляли, что роман Гладкова «Цемент» лучше «Войны и мира» Толстого, или что «Комсомолка» Безыменского стоит выше пушкинского «Евгения Онегина». Однако голоса этих ортодоксальных коммунистов тонут в обилии признаний другого рода.

«Я пробовал читать новых писателей, — отвечает один рабочий, — но они никак не доходили до моего сознания; я никак не мог ничего понять; очень-очень редко до меня в промежутках что-то доходит; а вот Пушкин идет как по маслу и Лермонтов идет как по маслу». Другой рабочий пишет: «Старые писатели писали интересней. Новые книги чаще написаны грубо». Третий замечает: «Старые писатели работали над своими вещами, отшлифовывали их и лишь затем отдавали на

¹ «Звезда», № 10, 1928 г., на русском.

суд читателя. Новые слишком торопятся. Конечно, интересно читать о жизни и творчестве рабочего, но абсолютно неинтересно читать, как он грубо ругается». Четвертый выражается еще категоричнее: «Плохо у новых писателей то, что они вечно пишут о том же самом: о революции и гражданской войне. 99,999% всех книг написаны о гражданской войне, которая непременно приводит к победе коммунизма; остальные книги посвящены другим темам, но и здесь чаще всего пишут о том, как побеждают коммунисты. Я должен сказать, что рабочие по горло сыты этой темой». Пятый заявляет: «Прошло уже десять лет с тех пор, как произошла революция; пора бы уже прекратить агитацию: тех, кого можно было сагитировать, уже сагитировали». Шестой пишет о советской поэзии: «Что же это за пролетарская поэзия, если мы ее не понимаем»^I. И т. д. и т. п.

Такое же отторжение советской литературы можно наблюдать и у крестьян. По свидетельству учителя народной школы Топорова, крестьяне больше склонны к старым классикам. Они слушают, затаив дыхание, не только «Ревизора» и «Мертвые души» Гоголя, но и «Палату № 6» Чехова и «Деревню» Бунина. Топоров очень метко замечает: «Крестьяне переносят скачущую, ребусную форму Бориса Пильняка и других не лучше, чем черт ладан»^{II}.

Тенденция коммунистов

Итак, это означает, что какие бы усилия ни прилагали коммунисты, чтобы огрубить вкус масс и ограничить их интересы вопросами «социалистического строительства», русская классическая литература остается русской классической литературой, и читатель, даже из рабоче-крестьянских кругов, живо воспринимает ее художественное превосходство. Безотносительно к этому читателя также мало интересует программная, заказная, однообразная тематика советской литературы. Взаимоотношения двух поколений коммунистов — старой гвардии и молодых, эпизоды из гражданской войны, расправа кулаков с комис-

^I «Красная новь», № 10—11, 1928 г.

^{II} «Сибирские огни», 1927—1928 гг.

сарами «индустриализации» села, конфликт между любовью к женщине и любовью к революции, вопрос аборт, сексуальный вопрос, отношения индивидуума и коллектива и т. д. — все эти вопросы более не имеют притягательной силы для читателя в Советской России. И так как Коммунистическая партия составляет лишь совершенно ничтожный процент русского народа, то большинству читателей становится противным также льстивый и подобо-страстный тон по отношению к господствующей власти и восторги перед коммунизмом, в которых усердствует большинство авторов.

Не вызывает восхищения читательских масс и жестокость в изображении жизненных перипетий, преследующая цель искоренения в душах всяческого «идеализма». Отображение изнасилований или половых актов, поиск решения вопроса отношений между полами *исключительно* с точки зрения сексуальности — все это вещи, которые ныне интересуют лишь часть членов комсомола, чью половую и прочую распушенность, разумеется, подкрепляют такие часто повторяющиеся и по-разному варьируемые описания: «Любовь есть половое влечение, украшенное человеческим сознанием. Заметишь у себя это влечение, скажи об этом девушке, как товарищу, открыто и честно. Если она сразу же захочет удовлетворить тебя — никто вам не судья. Прошло влечение — довольно и конец! К черту вздохи и всякую ревность. Если она этого не захочет, поищи себе другую: не все ли равно, зовут ее Машей или Дашей?»^I Или, как философствует девушка-комсомолка: «Знаешь, почему в половой сфере так много болезненного, особенно у женщины? Потому что все опирается на пресловутую женскую честь... Я бы освободила женщину от этого гнетущего ярма. Надо бы ликвидировать эту невинность у девочек еще в детском возрасте»^{II}. Такая идеология половой распушенности оказывает влияние на многих членов комсомола и подкрепляет аморальных людей в их поведении^{III}.

^I Н. Богданов. Первая девушка (на русском).

^{II} В. Ряховский. Глухари (на русском).

^{III} Подробнее об этом см. в разделах «Брак и положение женщины» и «Молодежь».

Если большинство читателей в Советской России — как мы это описали — не обладает повышенным интересом к определенной тенденциозной литературе, то это еще не говорит о том, что такого очевидного интереса нет у нас: эта литература дает нам знания об общем образе жизни в Советской России, дает возможность живо взглянуть на общественные и духовные перемены, происшедшие во время революции. Одну особенно ценную для нас черту мы видим в том, что реализм в советской литературе часто превращается в совершенно грубый натурализм. Этот порою отвратительно циничный, мерзостный натурализм лишен всякой художественной ценности, однако он придает ряду большевистских произведений характер документа, фотографии и судебного протокола.

Резюме

Так вкратце выглядит картина советской литературы. Все, к чему прикасается коммунизм, он стремится подавить. Он несет с собой дыхание смерти. Коммунисты задумали создать новую, еще невиданную «пролетарскую» культуру, от имени которой они произвели огромные разрушения. Это было нетрудно, ведь разрушать может каждый дикарь и каждый ребенок. Созидательной, творческой работы в области культуры они не совершили. С одной стороны, они забыли, что, по словам нашего известного поэта, «труднее дать взойти маленькой былинке, чем снести каменные дома»; с другой — не поняли, что источник всех материальных и духовных богатств скрывается *в личности, в ее свободе и индивидуальной независимости*. Они забыли и кое-что еще: что сила всякой культуры — *в традиции*. Она черпает живительные силы в прошлом, чтобы обновить настоящее и оплодотворить будущее. Культура хранится веками, и всякое желание разорвать вечную связь осуждено на неудачу. Если потомки пренебрегают трудом предшествующих поколений и уничтожают его плоды, им грозит вымирание. Ведь изо всех краев Советского Союза все слышнее звучит обращенный к коммунистам предостерегающий призыв: *memento mori!*²⁴ Этот *memento mori* звучит и в области литературы.

Россия устала от крови, злости и ненависти. Эта усталость особенно слышна в песне, которую там сейчас поют религиозные сектанты:

Молодежь, смотри! Горе и печаль
Наполняют мир ужасом...
Вынь из сердца шип гордыни,
А дух наполни смирением,
Чтобы умер идол плоти,
Злое наследие материи...
Господь, очисти с небес
Страшную суету в нашей стране!
Помоги нам, помоги молодым
Соткать борьбу без крови,
Чтобы вправду спасти Россию
И получить царство любви!...²⁵

России предстоит великий процесс очищения. Ранно или поздно сбросит с себя оковы и литература, очистится от духа коммунизма и вновь расцветет как подлинное искусство.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наше описание подошло к концу...

Мы старались по чести и совести осветить суть исторических событий. Мы старались показать события такими, как они есть, в глубоком убеждении, что сегодняшнему миру нужна в исследованной нами области правда, нужна прежде всего и во что бы то ни стало.

Недостойно людей и мужей закрывать глаза на большую угрозу и исторический поворот судьбы или предаваться по этому поводу иллюзиям; напротив, признается необходимым спуститься вместе с Вотаном²⁶ в туманные глубины души нынешнего человека и исследовать его душевные побуждения; признается необходимым быть настороже и взвешивать все.

Ибо, воистину, нынешнее человечество находится на перепутье; пробил роковой час, а его духовное око дремлет, погрузившись в пустые мечты. Мудрости негоже опаздывать. И как много в человеческой истории сложилось бы иначе, приди вовремя мудрость! Однако *«сова Минервы начинается свой полет лишь с наступлением темноты»*...

Не темнеет ли уже вокруг нас?

Также недостойно человека и мужа — знать правду и... молчать из хитрости или мести, утаивая ее от других. Разумеется, нам стоило больших душевных усилий с научной объективностью поведать о тяжких страданиях нашего народа, его бедствиях, его угнетении и унижении. Но это надо было сделать, и это сделано.

Необходимые для этого силы мы черпали из неколебимой веры в великое будущее нашего народа. Мы верим в свой народ не только потому, что любим его, — ведь любовь есть первый источник всякой веры; но и потому, что знаем наш народ, его таланты, его прошлое и его имманентную судьбу, — ведь вторым источником всякой веры является непосредственный опыт.

Все проходит. В истории ничто не вечно; не вечны и революции, не вечны и диктатуры. «Сила государства — в великих мужах, которые рождаются в нем в нужный час», — сказал Фридрих Великий. Однажды этот нужный час пробьет и для России.

Мы ждем его, твердо надеясь. Душа народа очищается страданиями — к новой очевидности и новым деяниям.

*Bonum quod est supprimitur, nunquam exinguitur*²⁷.

Проф. д-р И в а н И л ь и н

**ИЗ ПУБЛИЦИСТИКИ
БЕРЛИНСКОГО
ПЕРИОДА
(1928–1935)**

КАК РАБОТАЕТ III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Советский Интернационал

Он работает неустанно, систематически и повсеместно. Он пропадает и появляется вновь. Успешно или неудачно, он учится все более умело приспособливаться к действительности. У него нет в мире единого, консолидированного, в такой же мере решительного, борющегося за дух и культуру противника. Это волевые люди — без предрассудков, без сентиментальностей и без удержей. Они умеют хотеть, и они знают, чего хотят. Их цель — *мировое господство*. Однако цель и действие у них нераздельны, они не считаются ни с чем и игнорируют историческую «поступательность». Это люди безудержной алчности, полуобразованного ума и примитивной психологии. Они всегда выбирают простейший путь к цели даже в том случае, если действительность толкает их на обходные пути. Тогда сумасшедшая воля становится хитрой и гибкой; учитывая лишь цель и врага, она принуждает себя проникнуть в жизнь, просачивается, раздает направо и налево удары, чтобы свергнуть. Ибо это один из методов борьбы.

Все, что в долгой мировой истории человек придумал против своего врага и для своего врага, превратилось здесь в расширенный и единый метод борьбы. Вся настроенность Коммунистического Интернационала есть вражда, ненависть и раздор. Эта организация присутствует в мире единственно с этой целью; без ненавидящей вражды жизнь для нее не имеет смысла. Пока живет коммунист, он должен ненавидеть и бороться и побуждать к ненависти и борьбе других, всех людей; это его главная стихия, это его призвание. И это — на жизнь и на смерть: ибо он должен захватить *все* и непрестанно представляет себе, как потеряет все. Он хорошо знает, что из двух борющихся тот ближе к победе, кто борется

без оглядки и ставит на кон все, ибо другой боится слишком рисковать и всегда склонен к мысли о возможности отступления.

Для III Интернационала в этой борьбе нет таких величин и организаций, которые были бы ему безразличны; используется все; все для него — *средство* и *ступень*. А то, что еще как-то остается в стороне, просто *еще* не втянуто в игру. Весь мир состоит для коммунистов из двух частей: «мы» с нашими «последователями», которые «нам» послушны; и остальная, некоммунистическая, буржуазная стихия, которая еще не завоевана, но которую надо завоевать. Тут есть лишь одна хитрая возможность: использовать одного врага против другого как козырь, почти всегда как фальшивый козырь. Здесь нет ни нейтралов, ни союзников; ближайшего сотрудника ненавидят, ему угрожают, его обманывают; а союзник вынужден постоянно искать на своих губах яд и ожидать кинжал в спину.

Конечно, эту вражду можно скрывать, ее и скрывают, но лишь от наивных людей. Однако в этом случае «союзник» как раз и становится инструментом собственного и чужого закабаления; в этом случае он работает над предательством самого себя.

Раб или враг? Или третье?.. Тогда — ослепленный враг, запряженный в собственный катафалк.

Ибо это значит: **власть, мировая власть, монополия мировой власти!**

Коммунист не ведает никакого присоединения, никаких уступок, никаких компромиссов, никакой координации. Правда, он умеет инсценировать «присоединение» (федерация! союз государств!), но лишь на взгляд издалека, близорукий взгляд, или для наивных людей. На самом деле это всегда *поглощение* присоединившегося. Соглашение, уступка означает для него обольщение и обман, компромисс — реванш, координация — завоевание. С тем, кто заключает с ним договор, он обращается как со своей жертвой и своей добычей. Он живет и действует, исходя из невероятного комплекса власти. Он хочет власти. Пригодный путь к ней для него — мировая революция; но однажды завоеванная страна для него — очаг, лаборатория наступающего всеобщего переворота.

Это значит дословно:

«СССР — оплот международного пролетариата в его борьбе с буржуазией», «очаг и прибежище мировой революции» («Интерпресскор» — официальный орган III Интернационала. Речь Сталина).

«III Интернационал все больше утверждается как генеральный штаб мировой революции» (там же).

Но мировая революция — это «не то, что произойдет в неизвестную эпоху, она — то, что уже реально происходит» (Бухарин, там же).

Надо установить повсеместно «диктатуру пролетариата». Однако диктатура — это «не что иное, как власть, опирающаяся на силу и ничем не ограниченная, никаким законом и абсолютно никакими правилами» (Ленин. Сочинения).

Надо «разрушить буржуазное государство» и «использовать революционное насилие» (Интерпресскор).

«В этой кровавой борьбе с капиталом рабочий класс не может отказаться от применения смертной казни по отношению к своим явным врагам» (Бухарин и Преображенский. «Азбука коммунизма», школьный учебник).

Итак, путь ведет к всеобщей казни, и он будет прокладываться с помощью *международного заговора*.

III Интернационал — это своего рода орден, с заговорщической практикой, управляемый методом *конспирации*. Во всей его работе господствует хорошо продуманное, целесообразное распределение «секретного» и «открытого», света и тьмы, «видимого и невидимого — все для того, чтобы ввести в заблуждение врага.

Строго говоря, абсолютно утаивается здесь лишь совсем немного — только *когда, где и как скоро* предстоит очередное нападение (например, взрыв в соборе, в Софии); подробности относительно занимающихся черной подготовительной работой местных шупалец центральной организации (например, восстание в Марокко в апреле 1925 г., восстание в Сирии в августе 1925 г., большая забастовка в Англии в мае 1926 г., восстание в Вене в 1927 г.); или же такие детали — где находятся тайники, оружие; как достать фальшивый паспорт, бациллы холеры и т. д.

Остальное же говорится так, что сказанное может быть выдано за несказанное. Очень часто спокойно утверждается противоположное правде; когда люди привкают к тому, чтобы считать противоположное сказанному наиболее вероятным, — тогда вдруг говорится и печатается чистая правда; а затем, внезапно — убедительнейшим образом отрицается истинно существующее. До полного изумления. Далее хладнокровно и открыто высказывается великая цель борьбы и весь метод работы, который с ней связан, а коммунист вновь любезно улыбается и пользуется **защитой невероятного**.

Эту защиту подкрепляет всеобщее незнание русского языка; ибо иностранец, сначала посетивший Россию, который не знает ни языка, ни довоенной России, так сказать, самой своей природой предназначен для того, чтобы пребывать в заблуждении, делать ложные выводы и позволять вводить себя в заблуждение. Кто в Европе читает коммунистические публикации на русском языке? А тот, кто их читает, сталкивается с новым, своеобразным языком: со *старым* словом, получившим *новое* значение (например, слово *право* по-коммунистически означает лишь «сомнительная возможность ожидания»; «договор» — «свободная формула равновесия» и т. д.); или с новым словом, обладающим таинственным смыслом (например, «Совнарком», «Гепен», «Всорабис» и тому подобные сирийско-халдейские слова). Каждое слово на этом языке становится мышеловкой; так, например: «что такое наибольшее благоприятствование для иностранца?» — не что иное, как уравнивание с закабаленным, некоммунистическим буржуа, и т. д. ... Здесь не хватит никакого хорошо обдуманного слежения, никакой филологической и логической экспертизы. Ибо здесь налицо сознательно осуществляемый метод, система ухода в сторону, ускользания, завуалирования, сущий ад, фокусничество. И образцом становится карантица, исчезающая в замутненной жидкости.

Разработке этой методики особенно помогает принципиально используемая *нигилистическая* настроенность коммуниста. Люди из III Интернационала не ведают ни «добра», ни «зла» — ни религиозно, ни морально, ни политически. Все, что для них целесообразно, им не

только разрешено, но воистину *заповедано*. Но нравственная заповедь подобна уголовному запрету — она не что иное, как буржуазный предрассудок. Разрешено все, что служит и приносит пользу партии. Однако врагу не надобно принимать все это всерьез, ибо чем наивней враг, тем ближе победа. И поэтому — соблюдение приличий и общительность внешне и *вседозволенность* — внутри и на практике. Все разрешено, все заповедано, чтобы расшатать врага — т. е. всякое буржуазное государство без исключения, в его глубине. В военный поход против Западной Европы III Интернационал особо не верит: если уж начинать марш, то лишь против уже изнуренного врага. До этой поры подкожно впрыскивается яд социального брожения и духовного разложения. С этой целью они ненароком проникают за спину врага; они позволяют врагу самому добровольно импортировать их по древнему *методу троянского коня*. И тогда наслаждаются всей честной западноевропейской правозащитой, честным благоприятствованием, гостеприимством, экстерриториальностью и тому подобным. После этого начинается вразвешивающая работа за спиной.

Они подозревают, подстрекают, клеветают и компрометируют, дабы разделять; **разделяют, чтобы господствовать.**

Повсюду загоняется клин взаимного недоверия: класс против класса, нечиновники против чиновников, чиновники против правительства, граждане против полиции, полиция против правительства, гражданские против военных, солдаты против офицеров, школьники против учителей, колония против колониальной державы, раса против расы, национальное меньшинство против ведущей нации и т. д. Поставить на колени и захватить легче расколотое. И отсюда — всеобщий *метод протеста*, и это как коммунистическая монополия. Повсюду выискивают самое слабое место (*locus minoris resistentiae*), где присутствуют нерешенные проблемы, где есть непримиримые противоречия, где социальные нити затягиваются в узлы, где бушуют интересы и кипят страсти. На самом нездоровом месте образуется очаг и вызывается социальное воспаление. Повсюду образуют коммунистические ячейки, повсюду обращаются к неполноценному

в человеке и делают ставку на нездоровые человеческие натуры. Предпосылкой служит злая страсть, доказательностью — слепо-последовательная дедукция, склеивающим составом — субординация и террор. И так в стране возникает *ячеистая ткань*, которая неустанно работает на всеобщее расшатывание. Европа пронизана двенадцатью филиалами III Интернационала: существуют коммунистические филиалы для молодежи, для женского движения, для синдикализма, для кооперации, для крестьянского движения, благотворительности, спорта, науки, обучения, колониального вопроса, военных и, наконец, филиал для друзей и поклонников уже достигнутого. И везде говорят на языке, подходящем для данной среды: в кругу европейских ученых коммунист изображает ищущего истину ученого, в Женеве — дипломата, в профсоюзах — рабочего, среди снобов — большого любителя антиквариата; среди уставших от войны и дезертиров — пацифиста. Он все лучше и успешней приспособливается. Как муха, которая живет в осином гнезде, имитируя хозяев дома, так коммунист практикуется в **духовной мимикрии**.

Он старается усыпить ведущий социальный слой и выжидает, пока тот не будет парализован общим процессом *«холодной экспроприации»*: он заставляет врагов поверить в свою полную безобидность, а попугайчика — вкушать от недоступного плода. Подчиненный вкушает немного власти и еще больше входит во вкус. Зависть и алчность, тщеславие и слабость характера вербуют и заботятся о соответствующих людских резервах. Предрасположенного поддразнивают и раздражают, провоцируют и компрометируют; он незаметно становится нарушителем дисциплины, непослушным, преступником; затем за его спиной встает угроза наказания, затем он ищет спасения и затем он уже в когтях III Интернационала, как пожизненная жертва его шантажа и его приказов. Слабак становится социальной бактерией, злобный — мировым эмиссаром. Однако у обоих есть **надежное убежище**.

Работать они должны дерзко. Насколько велик для них риск? Несколько месяцев тюрьмы. Это же не слишком долго, ведь III Интернационал заботится о своих. И методы этой заботы щедры и успешны. Храбреца могут пре-

ступно *выкрасть* из тюрьмы. Или же проявят заботу о том, чтобы он был освобожден добровольно и официально путем *обмена на заложников*. В лучшем случае — голову за голову; или же одного за 12, как это было в случае со Скоблевичем. Требующего отдыха мирового эмиссара в Восточной Европе ждет мирный санаторий, а после отдыха — новое имя, безупречный новый паспорт и добросовестная работа по разложению в новой стране.

Таким образом для большой работы по разложению готовится персонал, не знающий усталости. Все вертикальное разделение человечества — по семье, сословию и государству — разрезается коммунистической организацией и классовой травлей горизонтально и перекрещивается. III Интернационал не выступает навстречу врагу, как «я» и «ты»; он вот уже десять лет, как проник вовнутрь, в дебри вражеских масс и располагает во вражеской среде, в главной квартире врага, своим домом и рассадником своих семян. Но это пересекающее, горизонтальное разделение утверждает обычную социальную дифференциацию с этой поры как вообще не действующую. Прежняя привязанность и принадлежность с Отечеством на первом месте постепенно ослабевает, хоронится и вытесняется в душах; а в души как единственно действующая и спасительная втискивается новая общая принадлежность — интернациональный коммунистический пролетариат. Так, например, немецкий боец «Ротфронта», французский коммунистический «комбатант» и польский красногвардеец, будучи коммунистическими солдатами, принадлежат *к одной единой интернациональной интернациональной Красной Армии*, от главного командования которой они получают интернациональные награды и приказы генерального штаба. Так пропагандируется, практикуется и осуществляется измена стране и Отечеству. Изнутри разрушается уже имеющееся, хотя оно еще долгое время выглядит безобидно и сохраняет видимость нерушимого дальнейшего существования. Как летние мухи откладывают свои яйца в лежащее без присмотра мясо или трупные раны, так работают и коммунисты в мире. Яйца некоторое время безобидно лежат, затем на свет появляется новое отродье. Теперь, предавая свою Родину, они стремятся про-

низать армию и полицию во всех странах, а затем все начинает шататься; но до той поры все будет выглядеть так же безобидно, как и прежде.

Но это вовсе не означает, что легальные политические пути некоторым образом забыты или ими пренебрегли. В выборах участвуют и их проводят там, где будет «выбран» только один коммунист (профсоюзы, ратуша, парламент и т. д.). Изнутри вступают в организацию, к членам которой на деле вовсе не принадлежат; «делегируют» с целью разложить эту организацию и парализовать ее действенность; «представляют» народ, чье государственное устройство перечеркнули и отечественному единству которого с ненавистью противостоят. Но от этого много выигрывают: оклад, неприкосновенность, бесплатный железнодорожный билет, политическую трибуну, печать, влияние... Этот метод называется **легально прокрасться** и сам по себе остается всего лишь прикрытием для большой и секретной подрывной работы.

В этой подрывной работе у III Интернационала всегда присутствует большая забота — как можно резче и заметней нарисовать ограничительную черту, линию дифференциации. Он стремится к тому, чтобы сделать невозможной эволюцию, поступательность, ему ненавистны мирные пути. Он постоянно старается превратить трещину в расселину, а расселину в пропасть. Он хочет не реформ, а переворота. Жажду его зависти можно утолить лишь кровью. Для этого коммунисту вдальблывается кровная вражда. Для этого у него за спиной сжигают все корабли. Для этого создается новое партийное связующее вещество — *спайка кровью*.

Коммунистический террор должен утратить не только непослушных и врагов. Он призван спаять коммунистическую партию, снабдить ее особо подходящим связующим веществом. Людей (непосредственно или опосредствованно) принуждают совместно убивать: один доносит, второй сидит «судьей», третьего назначают главным надсмотрщиком в тюрьме; четвертый — палач, пятый пишет апологию террора, шестой получает наследство казненного. Тогда люди связаны друг с другом: они *должны* держаться вместе и пожизненно шантажируют друг друга. Чувство вины обеспечивает людям взаим-

ную **верность в преступлении**, корабли сожжены; злодейство и преступление связывают, как цепи, и звенят на каждом шагу до самого конца.

И во всей этой работе главный интерес III Интернационала относится к молодежи. У нее еще отсутствует бремя жизненного опыта и понимания, она еще прислушивается доверчиво и наивно, она еще всегда хочет «знать лучше» и «уже что-то иметь за плечами»; она склонна к протесту и мечтает об «идеалах». Тут же — нашептывание и оболъщение, и особенно вызывающие повадки, итак — *линия пропаганды* установлена. От отважного «пускания дыма в лицо» тут можно скоро продвинуться до невероятных эксцессов. Тут может на самом деле приобрести неожиданный успех организация «красных пионеров» с ее выразительным гимном: «Мы выбьем все стекла», «мы не пощадим старух», «мы раздробим гражданам кости». Здесь в мировом масштабе проводится **коррупция детей**.

Волевые люди работают над следующим поколением: красный пионер уже надзирает за своей собственной семьей и своей школой, где он выступает полицейским оком III Интернационала; он следит и доносит по строгим инструкциям. Он вырастает в лоне настоящего как будущая катастрофа.

Но со всех сторон ведется и наступление на душу взрослого. Вкрадчиво, притворно и замаскированно подступает коммунистическая пропаганда к его душе; сегодня «прекрасный» кинофильм «Броненосец Потемкин», завтра слышится: «бедняги, эти Сакко и Ванцетти», затем — доклад по радио о счастье беспризорных детей в советском государстве, далее — веселое выступление под музыку. Декабрь 1927 года — коммунистическая пропаганда в швейцарской армии; январь 1928 года — в Южной Америке распространяется «Лига против империализма», февраль 1928 года — во Франции выступила разветвленная организация «красных пионеров», март 1928 года — в Португалии открыли коммунистический заговор, апрель 1928 года — в Берлине выкраден из-под ареста господин Браун, коммунистический заговор в Японии, покушение на убийство короля Италии. И все это — лишь отдельные, вырванные листки из дневника нынешнего дитяти человеческого...

Что дальше? Что противопоставляет этому нынешнее человечество? Кто борется с этой подкрадывающейся эпидемией? Неужели все волевые люди настроены коммунистически? И не осталось более сильной, нестигаемой воли для самоутверждения духа, культуры, привязанности к Отечеству?

Неужели нам нечего противопоставить коммунистическому остервенению, нам — христианскому, культурному человечеству сегодняшнего дня? Где наша *волевая идея*?

Такая волевая идея, которая может зажечь пафос в груди, которая учит мужеству и решимости. Что может атакующий, если есть верная идея, если ее ведет верная воля? Что может учинить бацилла в здоровом и склонном к сопротивлению теле?

Под угрозой, покрыты позором Отечество, религия, семья и собственность. С холодностью и вялостью, податливостью и незаинтересованностью нынешний культурный человек позволяет подрывать основы своей культуры, глумиться над своими святынями, опрокидывать свои алтари...

СРЕДНЕЕ СОСЛОВИЕ

Не зря страдает человечество на земле, ибо страдание — путь к пониманию и к правде. Пока еще трудно представить себе, какие сокровища откроются нам для познания вследствие отрицательного результата коммунистической революции в России. Это был поток несказанных страданий, и тем самым — источником поучительного опыта. История, как всегда, предложила нам *все*: она нам ничего не задолжала; однако мы до сих пор в долгу перед нею — мы задолжали ей открытый взгляд и здоровую, ничем не отягощенную силу суждений.

Вновь в который раз в полную мощь, в своей мрачной жестокости и наказующей неумолимости проявился со всей очевидностью целый ряд основополагающих, а отчасти и элементарных, аксиом, в которых имело несчастье сомневаться, а возможно, даже отчаиваться современное человечество. Вновь явились как бы восставшие из праха, прямые и убедительные, возвращенные и реабили-

литированные, утерянные и забытые закономерности, расшатанные основы, отвергнутые и презируемые истины. И вызывают к *среднему сословию*: оно должно их понять, оно должно вновь и еще раз свободно и мужественно обратиться к ним, оно должно их снова признать, подтвердить и за них бороться.

Да, среднее сословие! Ибо, воистину, вновь найденные закономерности, реабилитированные основы, ставшие очевидностью истины — не что иное, как с древних времен используемые и утвержденные *формы жизни и экономические формы среднего сословия*. Все социалистическое экспериментирование в России, все коммунистическое кровопролитие и все преследования в советском государстве, экономическая разруха в стране и духовное унижение народа происходят из растаптывания этих древних и главных жизненных форм — *Отечества, правосознания, частной инициативы, частной собственности, семьи, нравственности, религии*. Ведь вся коммунистическая революция была не чем иным, как попыткой последовательно зачеркнуть эти формы жизни и беспощадно их упразднить, попыткой исказить их в социалистическом духе и заменить чем-то неопределенным и противоположным. И посмотрите — месть дремала еще в лоне преступления; наказание произрастает непосредственно из содеянного. Великолепный результат — великолепный провал. И следовательно, — великолепная реабилитация презренного и отвергнутого.

Человечеству придется десятилетиями учиться на этом результате. Но среднее сословие призвано *сразу* постичь поучительное и основное.

Почему? Что же такое среднее сословие?

Среднее сословие — хранитель Отечества, накопитель национальных сил, центр притяжения государства. Именно потому ему надо быть настороже, понимать, утверждать, созидать и бороться. Находясь в глубочайшем тылу государства, оно несет в себе объективную серьезность политического бытия и как никто иной остается ответственным за судьбы Отечества. Оно столетиями накапливается в стране и как бы выкристаллизовывается как носитель труда, опыта и благоразумия.

Источник его достижений — частная инициатива; его настрой — основывающаяся на религиозном фундаменте гражданственность и его метод — прилежание, труд и экономия. И своей идее — *частной собственности как основе общественного процветания и государства, как источнику и цели частного бытия*, — оно проносит верность через столетия.

У среднего сословия как хозяйственного класса нет резко очерченных границ. Оно скорее образует изначальный элемент индоевропейской государственности вообще; и к этому слою — среднему сословию — относятся все классы, склонные к оседлости, частному очагу и к созидательной собственности, как бы они далее не разделялись или не противостояли друг другу: крестьяне-бедняки и зажиточные крестьяне, помещики и ремесленники, чиновники и ученые, торговец и фабрикант, рабочий и работодатель, богатые и бедные. Здесь решает не то, сколько ты имеешь, и не *вид* твоей работы, и не то, *что* ты изготавливаешь. А то, сохраняет ли твой душевный настрой верность изначальному элементу оседлости, частного очага, *созидающей* собственности, дорожит ли он ею, видит ли в ней верный жизненный путь и возлагает ли на нее свои надежды.

У пролетария может быть социалистический и интернациональный настрой; тогда он не принадлежит более к среднему классу. Однако не потому, что он пролетарий, а потому, что дал исказить свой настрой и потерпел поражение. Но это может случиться и с крестьянином-бедняком, и с ученым, и с торговцем, и с банкиром: и они могут настолько запутаться в своих специфических классовых интересах, что перестанут хранить верность здоровым традициям среднего сословия и выйдут из лона их видовой принадлежности Отечеству. По внешней видимости они тогда — еще *граждане* государства, но по своей сущности более не *настроены* гражданственно по отношению к государству.

Каждый национально мыслящий, напротив, остается укрепленным в духе среднего сословия. Ибо среднее сословие — нечто гораздо большее, чем экономический класс; оно несет здоровый дух отечественной государственности вообще.

Уже достаточно состоятельное, чтобы не впутаться в международное мышление неимущих, и в то же время не настолько богатое, чтобы видеть свое благо в интернационале финансовой олигархии, среднесословие — спокойная, *жертвенная и спасительная в нужде*, находящаяся в равновесии, охраняющая и поддерживающая творческое равновесие в государстве, *мирная субстанция страны*. По причине своей собственности оно обладает правосознанием, по причине дома и очага у него есть Родина и Отечество, и таким образом оно становится носителем национального характера.

И потому оно также призвано защищать и поддерживать *истинную* гражданственность во всей стране. Если оно не сумеет сделать это, равновесие государства зашатается; если оно это проспит, то оно — не хранитель Отечества, а заснувший ночной сторож прошлого; если оно разучится делать это, то вряд ли стране еще можно будет чем-то помочь. Тогда враги окажутся на голову выше его и его ночного колпака; тогда неимущие национализировать его, а интернационалисты выкинут его с потрохами вместе с его забытой идеей. На какой срок? Пока новое волевое среднее сословие не пробьется сквозь кровь и нищету, не свергнет приговоренное к краху интернационалистское коммунистическое бесчинство и не восстановит Отечество.

Такой была злосчастная судьба среднего сословия в России. Слабым оно было во всем — относительно в числе и собственности, а также в организации, силе воли и волевой идее. Разбросанное по огромной стране с малой плотностью населения, не обладая достаточным и зрелым самосознанием, склонное к религиозному отрицанию мира и воодушевленное социализмом, оно не сумело пробудить в крестьянских массах, составлявших $\frac{4}{5}$ населения России, здоровое сознание собственности и любовь к Отечеству; не сумело вовремя и твердо принять решение, не боролось сплоченно, — и его национализировали. В своей инертной наивности оно проспало близящуюся опасность, в безыдейности и отсутствии сплоченности предало буржуазную основу государства.

Это первый урок русской революции. И если он ничего не скажет *германскому* среднему сословию, то кому он сможет что-то сказать?..

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ

Что сегодня по-настоящему нужно человечеству — это *серьезное и драматическое обучение частной собственности*. Пожалуй, можно понять всю серьезность этого обучения, даже не пережив непосредственно всего его трагизма; в таком случае именно сейчас самое время проснуться, понять потрясающий смысл коммунистического эксперимента в России и осознать его. После этого эксперимента устарело, собственно, все, что до сей поры писалось о «социализме» и «частной собственности»: *истинное* обосновано и доказано по-новому, из него следуют новые аргументы, новые опровержения против ложного; *ложное* доказано, разоблачено и опровергнуто новым, жестоким образом. Более того — приведено великолепное, неопровержимое доказательство того, что совместно с частной собственностью живут и погибают духовная и политическая свобода и здоровое хозяйство.

Это надо было пережить не издалека, а в непосредственной близи, это надо было испытать самому, надо было видеть кровавые перекаты этого все удушающего и опустошающего потока обобществления первых лет революции! Слепое убеждение, что «частная собственность — изначальный источник всякой несправедливости и общественной нужды и потому — преступление», сделалось психозом. Обобществление считалось универсальной панацеей от всего. Обобществлялось все по декретам и на бумаге, и старались неустанно, неумолимо и силой втиснуть эти декреты в жизнь. И посмотрите: там, где цвела и созидала жизнь, после обобществления уже через несколько дней образовалась мертвая пустыня. Исчезали запасы товаров, стояли закрытые и заколоченные магазины, нельзя было достать топлива, почти прекратилось железнодорожное сообщение, парализовало промышленность. Создавалось впечатление, будто во всей стране началось *хозяйственное* голодание; будто на теле

общества опало мясо и отвалилась кожа и видны голые кости скелета с вяло и бессильно провисшими мышцами; будто ядовитый газ распространился по всей экономике, парализовал и сделал невозможной жизнь. И ни у кого не возникло ни малейшего сомнения в том, что это — последствия процесса обобществления; все твердо и уверенно знали, что, например, завтра не будет больше молока, потому что обобществляют молочное хозяйство, послезавтра исчезнет топливо, затем бумага, кожа, электрические лампочки и т. д. Только одни утверждали: это обобществление — безумие и злодейство, а другие: оно — путь к «благу» и к «равенству».

Три полных года свирепствовали апостолы обобществления с упорством, достойным фанатичных недоучек, с последовательностью и беспощадностью одержимых... Результат оказался блестящим и поучительным... Если мы примем производство 1913 года за 100%, то по сравнению с ним 1920 год характеризовался следующими округленными показателями: каменный уголь и льняное волокно — 24%, спички — 16%, бумага — 14%, лен — 8%, сахар и платина — 7%, хлопок — 5%, хлопчатобумажное полотно, мыло, серная кислота — 4%, золото — 2,5%; железная руда — 1,5%; литье 0,3%; медь — 0,0%. Коммунистическое государство съело за три года довоенные запасы и производило в среднем не более 10% довоенного количества. А сельское хозяйство? Вот некоторые официальные данные коммунистов за 1922 год: посевные площади — 63% довоенного количества, лошади — 65%, рогатый скот — 71%, валовой доход сельского хозяйства — 52%, железнодорожный транспорт — 30% и т. д. И для определенного улучшения положения коммунисты были вынуждены предоставить небольшое пространство для частной инициативы. Они *не переучились* и *не* стали думать иначе; но им пришлось немного отступить и немного уступить в надежде вновь повернуть назад.

С тех пор в советском хозяйстве господствуют странные отношения: *за счет необобществленного, но задушенного налогами и разоренного сельского хозяйства крестьян-бедняков паразитируют обобществленная промышленность, коммунистическая партия и III Интернационал.* Обобществленный сектор народного хозяйства

не окупается; он не в состоянии содержать самого себя; себестоимость слишком высока, качество товаров плохое и продолжает падать, цены коммунистических продуктов более чем вдвое превышают западноевропейские, основной капитал обобществленной промышленности израсходован на 40% и лишь монополия внешней торговли и обобществление внутренней торговли спасают эту промышленность от позорного краха.

Отсюда надо сделать необходимые и ясные выводы. Принцип обобществленного хозяйства не устоит перед судом *свободной экономической конкуренции*. Если завтра будет ликвидирована монополия внешней торговли и внутреннего производства, то послезавтра бесследно исчезнет гомункул коммунистического хозяйства. И далее. Если два государства соревнуются друг с другом экономически, то при этом обобществленное хозяйство коммунистического государства не имеет *никаких* шансов на успех и победу. Если два государства воюют друг с другом, то неизбежно потерпит поражение то государство, чья экономика будет обессилена и наполовину парализована обобществлением. Все это — по чисто экономическим причинам, т. е. не только потому, что современный социализм обладает *интернациональной* настроенностью и ему достаточно трудно проводить *национальную* политику и т. д. Нет, — в сущности социалистическо-коммунистической идеи как идеи *хозяйственной* кроется *целое гнездо психологических ошибок и социально-психологических промахов*. Эти ошибки нельзя просто «устранить»; устранить их — значило бы изменить свои взгляды и вычеркнуть *социалистический принцип* как таковой...

То, что социалистическая промышленность в Советской России может существовать лишь *за счет несоциалистического крестьянского хозяйства* и лишь на основе монополии производства и внешней торговли, — неумолимый *факт*, который все более проникает в сознание всего народа в России. Крестьянин, из которого высасаны все соки, очень хорошо знает, кто их из него высасывает и кто предлагает ему за немыслимую цену самый плохой товар. Знает, что за весь этот эксперимент должен расплачиваться *он*. И когда-нибудь он во-

плотит свое знание и понимание в действие. Воистину, если сейчас в какой-то стране социализм и не имеет более шансов на будущее, то это в России.

Ибо после этого потрясающего эксперимента каждый в России теперь знает, *что* такое частная собственность и что она должна значить для человека. Коммунисты, как никогда в мировой истории, негативным образом обосновали и осветили принцип частной собственности. Человечеству надо научиться, и оно научится понимать, что обобществление означает не что иное, как пробуждение, оживление и обновление инстинкта частной собственности в человеческой душе через дорогостоящие и расточительные эксперименты.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Если спокойно и объективно оглядеться в сегодняшней Европе, то приходится отметить, что положение частного собственника вызывает серьезные опасения и находится под угрозой. В лучшем случае он видит, что его терпят, в худшем — что он не только находится под угрозой, но и подвергается *планомерной экспроприации*. Десятилетиями ему внушали, что он — эксплуататор, «ростовщик», богатый злодей, проклятый «буржуй». Его пытались медленно затолкать в душевное состояние социально неполноценного человека. *Его* обвиняют, и он вынужден *оправдываться*. Его физически и морально лишали сил... чтобы экспроприировать.

Но мы видим и тут и там еще более опасные вещи; а именно, что собственник теряет мужество и не может открыто признаться в своей приверженности принципу частной собственности. Частично это выглядит так, будто он не знает, что именно сказать *против* социализма и *за* частную собственность вообще — так, чтобы это обладало основательностью и силой доказательств. Его здоровый инстинкт говорит ему, что *он* прав; но ложный стыд препятствует его мыслям, теоретические конструкции социалистов ошеломляют его разум, а их самоуверенная и агрессивная метода лишает его свободного мнения. Между тем принцип частной собственности располагает

материалами такого фундаментального и доказательного опыта, каких он никогда не имел на протяжении человеческой истории. Не напрасно экспериментировали в Советской России, и результаты этих экспериментов раз и навсегда реабилитировали принцип частной собственности. Совершенно понятен в этом отношении гнев западноевропейских социалистов против коммунистов.

Принцип частной собственности отнюдь не нарочно выдуман или хитро измышлен жадюгами и грабителями, как можно прочесть у Прудона или Руссо. Напротив, он дан человеку природой, примерно так же, как ему даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт. Свободно поэтому лишь *обращение* человека с частной собственностью, т. е. — *какой долей* он обладает, *что* он с ней делает, *как* он ею пользуется, распоряжается ею в интересах общества или вопреки этим интересам. Однако *принцип* частной собственности, сам *институт* частной собственности, ее *существование* как таковой не подлежит человеческому произволу. Разумеется, можно устроить человеческую жизнь глупо и вредно, но глупое и вредное приговаривает само себя своими злыми плодами; оно не способно к существованию, и его надо сложить в папку с нецелесообразными и неудачными «рецептами».

В действительности и для будущего может существовать лишь такая форма обладания и распоряжения, которая побуждает человеческий инстинкт *творчески вкладывать себя*, безоговорочно прилагать все усилия, самостоятельно и интенсивно проявляться. Такова *частная собственность*. В противоположность этому такие формы собственности и труда, которые подавляют, запугивают, обессиливают и парализуют людей, приговорены и не смогут существовать. Таков социализм. Частная собственность — форма человеческого труда, которая *наилучшим образом содействует творческим силам человеческого инстинкта и человеческого духа*, освобождает, побуждает и стимулирует их. Здесь частную собственность не может заменить ничто: ни приказ и принуждение (коммунизм), ни добродетель и нравственность («христианский социализм»). Вполне возможно на какое-то время принудить человека идти против его инстинкта; возможно также стать «добродетельным»

вопреки инстинкту; но противоестественное принуждение и противоестественная добродетель с самого начала обречены на провал. В действительности человеческий инстинкт надо принимать таким, какой он есть — в его индивидуальном бытии и в его самодеятельности. Правда, его можно взрастить, воспитать и облагородить. Но нет на земле такого произвола и такого мудрствования, которые смогли бы «переделать», «переплавить» его индивидуальное бытие и его природную структуру. Социалист может на этот счет заблуждаться, коммунист может попробовать и предписать. Но и тот и другой обречены на полный провал.

Когда человеку ничего не дают творить от себя, по собственной инициативе, для себя, то он будет вообще очень мало творить и очень мало хотеть творить. Творчество свободно и спонтанно, в противном случае оно вообще иссякает. Любить, созерцать и молиться можно лишь свободно, из собственной потребности. Этот закон в той же степени действителен для семьи, как и для хозяйства. Ибо и то и другое — *любовное творчество*. Из равнодушия не получается никакого творчества, а лишь мертвое, механическое выполнение работы, индифферентное отбывание дневной трудовой повинности. Даже выполняя и изготовляя нужное, равнодушный трудится без всякого воодушевления, ему неизвестно вдохновение, творческие глубины его инстинкта остаются незатронутыми, вялыми и холодными. Брак без любви не создает здоровой семьи и здорового поколения, социально он вреден. Точно так же хозяйство без свободного внутреннего побуждения, без частной инициативы и частной собственности, бюрократически руководимое некомпетентными, равнодушными людьми, не создает никакого благополучия, никакого достаточного и доброго продукта — *оно социально вредно*.

Исключить из хозяйства личный интерес и парализовать самодеятельность инстинкта в хозяйстве — это одна из самых злосчастных и безнадежных идей в человеческой истории, а ведь это главная идея социализма. Без личного интереса в хозяйстве есть лишь эрзац труда, равнодушная небрежность и продажный бюрократизм. Без самодеятельности инстинкта хозяйство существует

лишь на бумаге; существуют лишь тщеславные амбиции, грубые ошибки в расчетах, стерильная мания величия и жалкая бесхозяйственность.

Последнюю речь коммуниста Дзержинского (умер в августе 1926 года) следовало бы изучать и комментировать на всех языках. «Мы истощили основной капитал, оставленный нам буржуазией...» «Истощен у нас и запас квалифицированных рабочих...» «В области производительности труда мы не достигли довоенного уровня; не достигли также довоенного уровня заработной платы...» «Мы страдаем организационным фетишизмом...» «Мы попались в бюрократическую сеть и ищем выхода...» «Наша система мешает нам содействовать производительности труда...» «Наша отчетность — квалифицированная ложь...» «Нам надо перестроить нашу систему, мы должны найти новые пути...» «Но я не придумал рецепта. Я ишу, товарищи...»

Смертельные признания. Лебединая песня коммунистов. Дзержинский как руководитель ЧК казнил несколько миллионов самых лучших, самых опытных, самых мужественных людей в стране, чтобы встать на несколько лет у руководства экономикой империи и понять противоречивость и вред социалистическо-коммунистического метода...

«Учитесь торговать, товарищи!» — было последним лозунгом Ленина. Безнадежно. В январе 1927 года ведущая экономическая газета коммунистов отмечала, что повышение цен на товары в розничной торговле составляло до войны 20%, а теперь 64% — увеличение более чем в три раза. В феврале 1927 года один из коммунистических руководителей по имени Рухимович отчитывался: «Мы очень плохо ведем капитальное строительство. Оно нам очень дорого стоит, и поэтому мы не получаем того эффекта, который могли бы иметь». «Мощный завод у нас не может выдержать конкуренции даже с небольшим ремесленным производством».

Это все вздохи и стоны терпящего крушение социализма. Доказаны его хозяйственное бессилие и его социальный и национально-хозяйственный вред. Не делается лишь выводов — ни теоретически, ни практически. Однако эти выводы имеют огромный вес. Их должны де-

дать мы — и мы должны сделать их раз и навсегда для оправдания частной инициативы и для обоснования частной собственности.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ

Суть коммунистической революции в России можно свести к различным в равной мере верным и убедительным формулам. Одна из них говорит: *удачная экспроприация и неудачное обобществление*. Экспроприация удается «легко», ибо она отрицательна и разрушающа. Возникшая из зависти и алчности, она ничего не создает; она лишь по-иному распределяет то, что имеется; она смотрит лишь на то, «сколько» имущества; она хочет лишь «брать» и «давать», не думая о духовной, социальной, хозяйственной и патриотической сущности собственности. Она не замечает нравственной стороны частной собственности и растаптывает ее. Точно так же, как она не обращает внимания на качество труда, организацию и продукт, она не видит и разбазаривания и краха национального достояния. Но если частная собственность представляется не чем иным, как возможностью потребления и наслаждения, кто там будет считать летящие щепки национального достояния и сетовать по этому поводу?

Что надо понимать под «экспроприацией»? Всякое *безвозмездное отчуждение чужих вещей*, также и по закону; всякое произвольное хозяйственное необоснованное *обесценивание чужой собственности* называется экспроприацией и действует разрушающе. *Страсть к экспроприации*, как учит революция в России, — одно из самых больших искушений и опасностей по *четырем* причинам.

Во-первых, потому, что всякая экспроприирующая реформа делает государство и государственную власть инструментом алчности, зависти и обогащения. Если это однажды произошло, то конец нравственному достоинству государства, его авторитету, долгу, службе чести и Отечеству. Государственную власть более не уважают; ее стремятся *завоевать* и *использовать*. Политика становится борьбой за собственность и богатство. Появляются беспардонные демагоги, стремящиеся анти-

государственными посулами подольститься к народу; государственная власть будто публично распродается и попадает в руки тех, кто умеет больше сулить и беспощадней травить. Более всех в России сулили и травили коммунисты, за ними и побежали массы.

Во-вторых, экспроприация приносит с собой угрозу *хозяйственной надежности*. Однако здоровое хозяйство в стране без надежности невозможно. Ибо когда человек хозяйствует, он вкладывает в материю энергию своего тела и своего духа, он прилагает здесь все свои усилия — свою творческую инициативу и результаты труда своей жизни; и нельзя, чтобы это доверие было нарушено и принесло разочарование. Без гарантий никакого «вкладывания», никакого хозяйства! Трудовой пот и произведенная ценность бегут от ненадежности: они уклоняются от обращения и исчезают. Все, кто хозяйствует честно, гражданственно, творчески и продуктивно, стремятся к надежности; в отсутствие надежности работают лишь самые худшие элементы социума: не носители и творцы, а спекулянты и паразиты, стервятники и гиены умирающего хозяйства...

Если хочешь, чтобы вкладывали ценности, — создай надежность. Если не создашь надежность или разрушишь уже существующую, то конец частной собственности и здоровому хозяйству: ибо смысл частной собственности как раз и состоит в постоянной и гарантированной надежности для творческих хозяйственных инвестиций. Так гласит один из главных законов хозяйственной жизни: без надежности — никакого созидания. Надежность же означает социальную невозможность покушения на собственность, правовую *гарантию* того, что вложения не будут конфискованы, что вложения не будут произвольно обесценены, что вложения не будут лишены плодов и доходов. Вся революция в России экономически заключается в угрозе собственности, в установлении наибольшей ненадежности в жизни и труде народа. 11 лет народ живет под знаком экспроприации, а значит, и хозяйственного бессилия.

В-третьих, экспроприация несет с собой *опасность гражданской войны*; даже более того: тот, кто экспроприрует, уже начинает гражданскую войну. Государ-

ство и государственная власть есть инструмент сохранения мира и отечественной культуры. Если же в стране появляется движение экспроприации и инструмент сохранения мира становится инструментом угрозы, разорения и близящегося обнищания, то в народе получают распространение худшие страсти. Глуп и наивен стал бы демагог, проповедующий экспроприацию и думающий, что «воды», как и прежде, «останутся спокойными». Напротив: посеешь ветер — пожнешь бурю. И так было всегда: экспроприация ввергает страну в гражданскую войну. Коммунисты с самого начала хотели гражданской войны. Они не были ни глупыми, ни наивными, ни сентиментальными и уж вовсе не лицемерными. Они взялись за экспроприацию больших слоев народа и предали их обнищанию; разумеется, они не рассчитывали на то, что эти слои безвольно отдадутся на закляние. Но одно они знали с самого начала: кто хочет добиться радикального, должен также хотеть радикальной борьбы.

Четвертая опасность страсти к экспроприации — тот, кто стремится завладеть чужим имуществом, ничего не приобретает и многое теряет, сам становясь жертвой экспроприации. Это значит, что «экспроприрование» и «присваивание» отнюдь не идут рука об руку. Тот, кто что-то похищает, через это одно еще не становится собственником. Напротив: он идет совершенно ложным путем. Ему хочется заполучить *гарантии* частного собственника, но он уничтожает гарантии вообще и делает их невозможными. Он хочет пользоваться собственностью как *правом*, однако растаптывает чужое право как таковое и создает противоправную государственную власть. Здесь царит жесткий закон: кто хочет беспощадных перемен в стране, тот должен создать беспощадную партию и беспощадное правительство; не глуп ли он, веря в то, что эта радикальная партия станет радикально действовать именно в *его* смысле и что это беспощадное правительство будет учитывать именно *его* интересы?..

Так просчитались крестьяне в России: чтобы беспощадно экспроприировать помещиков, они последовали за беспощаднейшей партией в мировой истории. Они безвозмездно получили помещичью пахотную землю (это составило ничтожную прибавку размером примерно $\frac{2}{5}$ одного

гектара на душу), но должны были затем отдать еще более собственной земли беднякам (у помещиков экспроприировали около 41 млн. га, а у крестьян — около 50 млн. га земли). А затем русский крестьянин стал эксплуатируемым главным носителем международной мировой революции. Жалким и трагичным выглядит его революционный итог — в налогах, в гарантиях, в валовом доходе, в вояпросах инвентаря и возмояжностях потребления.

Да, «удачная» экспроприация становится нищетой и гибелью для народа, обреченного ее исторически пережить.

ЭКОНОМИЯ СИЛ

В чем социалисты и коммунисты всегда упрекают буржуазный экономический строй, так это, во-первых, в *растрате сил* в свободной конкуренции и, во-вторых, в закабалении беззащитного работающего по найму. В противоположность этому обещают *экономия сил* и освобождение. И вот настало время для того, чтобы дать честный отчет и наглядно представить себе действительные итоги.

Сначала — экономия сил.

Из соображений справедливости в полемике мы оставим в стороне первые месяцы бушующего разрушения и экспроприации. Революция как таковая — вообще не время для экономического созидания и экономии; напротив, ее ветры все свергают, развеивают и разносят. Некоторые советские экономисты попытались очень скромно оценить потери народного богатства в этом процессе экспроприации в 30 % его общей стоимости (и немного более). Характерной для этого периода остается картина разворванной молотилки на крестьянском дворе: каждый крестьянин хотел ее иметь, но ни один не хотел позволить иметь ее другому; ее разобрали — каждый получал винт или кусок железа, оставался таким же бедным, как прежде, и становился еще бедней как член народного хозяйства, как имеющий долю в национальном богатстве...

Как *революционное* движение социализм может действовать лишь расточительно. Но он все же старается *строить по-социалистически*, решать положительные проблемы и

организовывать экономику. Да, он старается делать это и терпит фиаско из-за основного закона экономии сил.

Он в принципе исключает частного предпринимателя и частную инициативу. Он заменяет их чрезвычайно разветвленной системой ведомств и широко распространенной бюрократией. У всякого ведомства есть вышестоящее ведомство, всякое ведомство должно быть поднадзорно и контролироваться, должно основательно и точно отчитываться, ни одно не может принимать самостоятельных решений и предпринимать что-то по собственному почину. Здесь не действует более буржуазная санкция *собственного интереса* и *собственного риска*; она заменена самой суровой, терроризирующей санкцией трибунала и казни. Ответственность становится слишком большой, становится опасной для жизни: кто может и кто захочет ее нести? Тот, кто несет ответственность, самоустраивается: он не хочет брать на себя риск волевого решения, безопасней для него становится пассивно скептическое поведение. Всегда целесообразней затянуть с решением; хорошо обоснованная пассивность по-прежнему остается более надежной, чем рискованная или неудачная активность, уже только потому, что никто, кроме фанатичных или совершенно наивных коммунистов, не верит в успех всего огромного эксперимента.

Итак, ответственность должна быть разделена. Отсюда бесконечное множество служащих, бесконечное число ведомств, бесконечная продолжительность заседаний, бесконечная ширина и длина сообщений и отчетности.

Социалистическое строительство началось с того, что уже в конце первого года каждый второй горожанин работал коммунистическим чиновником. Все бегали туда-сюда, изображали прилежный труд, получали до смешного маленькое и обесцениваемое инфляцией жалованье, голодали и подыскивали себе вторую и третью работу. Новые, неслыханные ведомства росли как грибы. Для этих ведомств отбирались все новые квартиры и дома, и каждое постоянно хотело переехать, чтобы во время переезда потерять пару ящиков с сомнительными бухгалтерскими или фальсифицированными документами и иметь возможность объявить их «потерянными».

В 1923 году советское государство до 34% своего городского домового фонда причисляло к «занятому ведомствами». Были отдельные города, в которых эта цифра доходила до 48, 52 и 76% городского жилищного фонда. Советское государство постоянно пыталось уменьшить это число, но это ему не удавалось. На 1926 год советские ведомства все еще удерживали за собой более трети национализированного жилищного фонда.

Наибольшее и несомненное достижение этих ведомств — исписанная и испечатанная бумага. После того, как Дзержинский в Берлине в отчаянии вскричал: «Мы утопаем в бумагах!», в советской печати появился целый поток статей примерно с такими заголовками: «Вакханалия статистики», «Эпидемия отчетности» и т. д. Эту отчетность измеряли *по весу*. Привычна отчетная документация весом в 160 кг; есть советские банки и советские тресты, чья отчетная документация весила до 500 или даже до 2000 кг. «Эти ваши отчеты, эти ваши бумаги мы просто не в состоянии прочесть, — воскликнул Дзержинский перед смертью. — Если я все это подпишу, то совершенно ясно, что я не могу за это отвечать».

Итак, работа этой бюрократии — это *видимость работы*. Отпал приводной ремень, соединяющий административный маховик с реальной экономикой, но колесо с шумом крутится далее. *Социализм* — это прежде всего *плановое хозяйство*: централистское желание все лучше знать и мнимое господство бюрократии над природой и народом. То есть ведомство вместо человека, заседание вместо достижения, сообщения и отчетность вместо жизни и творчества, механизм вместо организма. *Растрачивание сил вместо экономии сил*. И как следствие — образцовая школа бесхозяйственности.

Приведу несколько примеров. Царит перенаселенность в городах и невероятная нужда в жилье. С 1923 года начата так называемая «социалистическая» строительная политика и наряду с ней частное строительство (лишь маленькие домишки!). До 1926 года мелкое частное строительство дало ровно вдвое больше жилой площади по сравнению с результатами советской бюрократии. Все вместе («социалистические» дома и частные домишки) дало увеличение общей городской жилой площади

всего на 13,6%, а число городских жителей в то же время увеличилось на 22,5%. Экономятся или растрачиваются силы?

В течение последних лет советская внутренняя торговля сталкивается с большими трудностями: *затоваривание* в центре и *товарный голод* в стране. Как это стало возможным? Коммунистическое исследование установило следующее: 1) производятся никому не нужные товары; 2) товары неверно распределяются и доставляются, так что лишь *половина* из них достигает того места, где они действительно нужны; 3) товар производится слишком низкого качества, а его цена завышена. И вновь: экономятся или растрачиваются силы?

Несколько недель тому назад в Петербурге (Ленинграде) обнаружены машины для обработки льна и пряжи, а также 200 штук льночесалок, которые были импортированы в 1923 году, забыты и пролежали без движения шесть лет. И т. д. и т. п.

Впервые в мировой истории сейчас основательно и безупречно доказано Советской Россией, что социализм и коммунизм означают не что иное, как *отмирание живого хозяйства в бесчинстве планового хозяйства, растрачивание сил*, бессилие амбициозной и все парализующей коммунистической бюрократии, *крушение экономического централизма*.

И если здесь «экономят» силы, то это верно лишь в трагическом смысле, в том смысле, что здоровые и творческие силы частного хозяйства принуждаются к тому, чтобы для себя и государства «экономить» усилия и благо продуктивной работы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Коммунизм обещает человечеству «освобождение», и человечество очень заинтересовано в том, чтобы верно понять это обещание — постичь, как выглядит эта свобода на самом деле.

Прежде всего надо установить, что коммунизм не может предоставить *буржуазным слоям* народа *ничего*, кроме экспроприации, разоружения, пролетаризации и

порабощения; и если кое-где обещают что-то помимо этого (например, свободные квартиры для арендаторов, свободное образование для молодежи, свободный проезд по железной дороге для всех и т. д.), то это лишь прельстительные призывы, адресованные наивным душам попутчиков: людей выматывают и подкупают, чтобы их разделять, их разделяют, чтобы поработить.

Но пролетария, по-прежнему ничего не имеющего наемного рабочего будущего социалистического государства, заверяют в том, что он получит «свободу». Итак — пролетария, *лишь* одного пролетария. Ведь только совершенно наивные люди могут думать и надеяться, что в социалистическом государстве *не будет* пролетариата. Напротив: чем более будет «удаваться» социалистический строй, чем «совершеннее» будет делаться коммунизм, тем неумолимей и последовательней будет происходить пролетаризация всего народа.

Коммунизм построил все свое дело раз и навсегда на том, чтобы *быть бедным*: его первая главная цель — всеобщая нужда, и он последовательно и систематически стремится к ее осуществлению. Имеющий больше всегда для него подозрителен и нежелателен; желающий иметь больше для него враг. Беда и угроза буржуазного общества — пауперизм, становится здесь основой жизни и хозяйства. Это может показаться парадоксом, но остается суровой истиной: идея коммунизма состоит в том, чтобы *за счет частного нищенства добиться общественно-го благосостояния*. И это — не только бессмысленная невозможность с *экономической* точки зрения; с точки зрения *общественного права* это также означает систему *невероятной зависимости и всеобщего порабощения*.

Всесильному государству противопоставляются массы ничего не имущих и ничего не могущих абсолютно зависимых людей. Для этих людей существует лишь одна единственная возможность заработать на хлеб — при помощи государства устроиться работать на государство. Ибо там, где господствует коммунизм, единственным работодателем становится государство. *Монополия работодателя* составляет основу всего социального «метода» коммунизма: это ключ к власти в экономике и политике

(разумеется, подкрепленный монополией внутренней и внешней торговли). Коммунист чувствует себя уверенно там, где эта главная монополия достигнута; там, где ее еще не добились, он видит своих врагов — буржуазно мыслящих частных собственников (крестьянство!), которые независимо питаются из самостоятельных жизненных источников и черпают из них жизненные силы. И тут сам коммунист ограничен в своей собственной власти и находится под угрозой: ему надо *пролетаризировать всех*, чтобы всех сделать зависимыми. Всякое самостоятельное мелкое хозяйство, и в особенности жизнеспособного и независимого крупного крестьянина, необходимо подвергнуть холодной экспроприации и обессилить; а все сельское хозяйство отдать в руки аграрных коммун или совхозов («фабрики зерна!»).

Итак, коммунистическая программа гласит: сначала всех пролетаризировать, а затем уже всех пролетаризированных «освободить». Исключение составляют лишь бывшие богатеи, их будут преследовать до могилы (даже в лице их детей).

Так и происходит в *России*. Бывшие промышленники, купцы, помещики, домовладельцы, банкиры, рантье и т. д. безвозмездно экспроприированы (если они еще остались в живых) вот уже несколько лет как опустелись, они или (буквально) превратились в нищих, или стали пролетаризированными наемными рабочими коммунистического государства. Их судьбу вынужденно разделили также среднее сословие и интеллигенция. Но и крестьянство с давних пор находится под этим огромным, всех пролетаризирующим давлением. Еще в 1925 году коммунисты насчитывали около 37 млн. «душ» (примерно одну *треть* всего крестьянства) или вовсе не имеющих посевной земли или имеющих лишь так называемую «голодную посевную землю». Перепись населения 1927 года отмечала, что в течение почти четырех прошедших лет городское население увеличилось на 5 млн. человек за счет переселения пролетаризированного крестьянства. Ежегодно почти миллион человек, задавленных коммунистическими налогами, покидают деревню для того, чтобы записаться в списки безработных больших и малых городов. И ни коммунистическая государственная

промышленность, ни зачашшие коммунистические совхозы («зерновые фабрики»!) никак не могут использовать и принять на работу эту «высвободившуюся рабочую силу» (излюбленное выражение коммунистов).

Чрезвычайно поучительно наблюдать, как коммунистическое государство в качестве монополиста-работодателя систематически *умножает и накапливает* эту «высвободившуюся» в стране «рабочую силу»: оно и не может предоставить ей работу, и не хочет отказаться от своей монополии. Пролетаризация удается отлично; не удается хозяйственное использование пролетарских сил. Надо всей страной висит, как кошмар, страх перед угрозой *оказаться безработным*, ибо у безработного в коммунистическом государстве *нет никакой надежды*. Перекрыты отводные каналы частной инициативы; скопление обессиленных и лишенных корней людей создает в стране людские резервы, которым нечего больше терять, — пролетаризированные резервы, которые не могут более быть использованы в экономике, их могут использовать лишь в *военных целях*: от отчаяния в войне с соседними государствами или в гражданской войне.

Между тем *безработица*, отягощающая все души субъективным страхом и объективной опасностью, становится в руках коммунистов прямой угрозой, инструментом политического и духовного порабощения злосчастного гражданина. Особенно это практикуется в городах. Угроза называется «увольнение», или, по выражению коммунистов, «сокращение штатов». «Меня сократят» означает примерно: «я стану безработным» или «я погибну». Таков великий смысл коммунистического «освобождения»: сокращенный монополистом становится безработным и погибает. Увольняемый получает свою заработную плату за два месяца вперед и — конец. «Искать работу» — об этом никто не думает, ибо это *безнадежно*. Идеальным считается — «чтобы не сократили». А беда уволенной городской интеллигенции спокойно и публично определяется коммунистами как «естественное отмирание буржуазии».

В этой нищете приходится работать за *любой* заработок. Реальная заработная плата фабричных рабочих все еще ниже довоенного уровня; а наемный сельскохозяй-

ственный рабочий теперь рад получать *половину* своей довоенной оплаты; профессор университета получает пятую часть своего прежнего жалованья. Замученные, запуганные люди изнуряются под давлением нужды и дают вовлечь себя в систему службы политического шпионажа. Им говорят: «Есть только *одна* возможность не быть уволенным. Вы должны каждую неделю снабжать нас информацией, касающейся людей из вашей квартиры, вашего дома и вашей конторы...» Героизм! Выдержать под угрозой собственной смерти и смерти своих детей... Или — унижение и порабощение.

Так на самом деле выглядит коммунистическое «освобождение». Это «освобождение» называется обнищанием. Эта «свобода» — свобода прозябать в унижении или умереть с голода, сделавшись безработным!

СОЦИАЛЬНО ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ?

Будущему историку нашего времени придется установить, что коммунистическое господство в России представляет собой *ник* и *поворотный пункт* социалистической химеры. «Для верных последователей социализма это было время величайшего взлета надежды и одновременно время ужасного разочарования». Массы в Западной Европе, пожалуй, до сих пор еще не поняли большого краха желанного счастья и огромного банкротства выдуманной системы, и поэтому в Западной Европе по-прежнему существует угроза экспроприации и обобществления. Ведь социализм сделался почти что предметом веры, во всяком случае, объектом массового психоза, а от психоза вряд ли можно избавиться поучениями или чужим примером, его нужно самому изжить или даже перебуйствовать. И тем не менее, что бы еще в этом отношении ни принес нам XX век, уже *налицо начало конца*; и тот, кто еще способен *объективно* наблюдать и *предметно* мыслить, уже понял, что все социалистическо-коммунистическое движение уже не сумеет оправиться от постигшей его неудачи. Прошло время наивных мечтаний, конструктивной самоуверенности и высокомерия; осталось лишь собрать осколки разбитых догм и лозунгов и склеить их.

Почему? Потому что с убийственной очевидностью выяснилось, что *социализм* есть нечто *антисоциальное* и что *действительно социальная* программа может быть только *антисоциалистической*.

«Социальный» и «социалистический» вовсе не однозначные понятия; однако их обычно не только путают, но и просто идентифицируют друг с другом. Благодаря социалистической пропаганде возник распространенный предрассудок, по которому «социально мыслящий» человек должен поклоняться социализму, ибо именно социализм не только содержит *наилучшее* решение социальной проблемы, но и предлагает людям *единственную* «социальную программу» вообще. Социалисты «заботятся» о «социальном вопросе» и социально мыслят; буржуа якобы вовсе не занимаются «социальным вопросом», а все их программы «антисоциальны». Эта подмена понятий настолько распространена и так повсюду укоренилась, что даже известные ученые, как, например, Отто Гирке, могут незаметно скатываться от социального в социалистическое. Коммунистический эксперимент в России раз и навсегда лишил этот предрассудок права на существование.

Социальный вопрос — это вопрос о целесообразном и справедливом разделении народной общности, общества. Теперь коммунистическая революция показала, что всеобщая пролетаризация народа создает экономически вредное, даже разрушительное упразднение социального разделения: социализм разрушает здоровое разделение труда и органичную дифференциацию народа; он превращает всю страну в примитивную, нераздельную социальную амёбу, в которой все, вынужденные заниматься физической работой, парализованные в своей частной инициативе, мотаются между принудительной работой и безработицей. Великий знаток тюрьмы Достоевский относил невероятное бремя галерных тюремных работ на счет их *принудительной сути*. В коммунистическом государстве принудительная работа по сравнению с безработицей означает счастье. Таким образом, *социальный вопрос не только не решается социализмом, но становится камнем преткновения: качество и культура задыхаются в атмосфере социальной реакции и политического террора.*

Что означает *думать и желать социально*? Это означает: с уважением относиться к другим; своим соотечественникам и особенно страждущим; это означает: исповедовать элемент братства и христианской любви и упражняться в справедливости социального разделения (Платон!); это означает: поощрять благо общности благосостоянием отдельного человека и способствовать расцвету Отечества; это означает: до предела оживить качественные, творческие силы человеческого инстинкта и человеческого духа *во всех слоях народа* и благоприятствовать им. Теперь коммунистическая революция неумолимо и неоднозначно показала, что социалистический строй являет как *раз полную противоположность* этому.

Еще никогда в истории не было *более беспощадного правительства*: скоро будет уже двенадцать лет, как все, кто слаб, болен или беззащитен в стране, физически прозябают или гибнут морально. Лишь самые большие пройдохи и самые ловкие лицемеры счастливо отделяются и процветают. И так образуется новая элита — элита жестоких завистников и корыстолюбцев; не «аристократия» (господство лучших), а «какистократия» (господство самых худших элементов). Кратко: коммунизм в этом отношении вполне *антисоциален*.

С помощью ненависти и вражды, классовой борьбы и гражданской войны коммунизм пробивается наверх; оказавшись наверху, он остается верным этим методам. Он подстрекает, чтобы разделять; он разделяет, чтобы господствовать. Его исконная стихия — равенство, самое несправедливое, *все нивелирующее равенство*, и в этой стихии гибнут свобода и братство. Публично отбрасывается христианская любовь и определяется как «антикоммунистическая настроенность». Появившийся из зависти, соблазняющий завистью, коммунист придерживается лозунга: «Лучше зависть, чем сочувствие» и остается насквозь *антисоциальным*.

Как я уже показывал ранее, коммунизм не хочет никакого индивидуального благосостояния, никакой свободы и культуры личности; он экспроприирует и закабальет гражданина и *делает невозможным гармоничное равновесие между человеком и государством*. Но государство ему

также не Отечество, а лишь средство для осуществления его антисоциальных всемирных планов.

А качественные, творческие силы народа высыхают и чахнут в этой невероятной системе работы-видимости: принуждаемые этой противоестественной утопией, они томятся у всех слоев народа под бременем бюрократических запретов и предписаний. Эта система называется «социализмом», и его сущность сплошь *антисоциальна*.

Это никоим образом не говорит о том, что антисоциальны изначальные и принципиальные чувства и желания социалистов; такое утверждение было бы неверно и несправедливо. Этого нет, напротив: их утопия появляется из изначального *социального чувства* и из принципиально *социального желания* (у коммунистов это по-иному). Но это социальное чувство и желание годами пропитывалось антисоциальной классовой ненавистью; социальное чувство становилось *неприятным*, а социальное желание — *травлей*; вслед за тем из этого замутненного источника вполне понятно была высосана утопия осчастливливания, которая, будучи чуждой и враждебной по отношению ко всем основам индоевропейской государственности, проповедовала и зажгла веру в нивелирующее равенство, в экспроприацию и обобществление. Так изначальное социальное ядро было искажено и превращено в свою противоположность.

Коммунистический эксперимент в России разрушил все иллюзии в этой области: социализм проявил свою антисоциальную суть, и здоровое социальное чувство и мышление ощущают себя освобожденными от волшебных чар социалистической системы. Тот, кто *чувствует* по-настоящему социально, обязан теперь для жизни вытащить из своего просветленного *чувства* новые, творческие ценности; тот, кто хочет мыслить социально, должен оставить утопии и смело обратиться к трезвому наблюдению *реальностей*; тот, кто носит в душе социальные желания, не должен исповедовать программу социальной нищеты и социального порабощения.

До сей поры социализм претендовал на монополию в области социального чувства, мышления и желания. Сейчас эти претензии потерпели фиаско, этой монополии теперь пришел конец. Более того, неумолимая

реальность сделала очевидной антисоциальную сущность социализма. Индоевропейскому миру нужна новая социальная, а отнюдь не социалистическая доктрина. И индоевропейское среднее сословие еще сможет создать эту доктрину.

СТАЛИН В НАСТУПЛЕНИИ

Новое красное наступление началось. Атака идет полным ходом и на обоих фронтах: на внутреннем и на внешнем. Революция в России и вся мировая революция вступили в новую стадию, и благоразумному наблюдателю-историку следует регистрировать события. Было бы справедливым прежде всего установить, что коммунисты хорошо знают, чего хотят, что они умеют хотеть и что они решительно борются всеми средствами. Они также давно провозгласили, за что борются, что собираются делать и какие пути считают самыми целесообразными... Но посмотрите: это слышат, это читают, это дают повторять и... этому не верят. «Не может быть, чтобы это было всерьез», «это просто разговоры», «и потом у нас это просто невозможно...» Естественно, многие отгораживаются от неприятных известий.

Однако все это уже *произошло* в России, и чашу пришлось осушить до последней капли! Коммунисты воспринимают свою программу с ожесточенной серьезностью. Их вожди — волевые приверженцы и неустанные поборники своей запутанной и противоестественной химеры. У них всегда так: атака может провалиться, не удастся, но они не страшатся неудач. Тогда атака повторяется, причем саму неудачу используют до конца, как исходную точку и подготовительную ступень. Программа в жизни может провалиться, однажды она уже провалилась (с 1917 по 1921 год), но все же ее пробивают, затапливают в жизнь, сколько бы страданий и крови это ни стоило. То, что других людей повергает в ужас, не является для коммунистов ничем ужасным, для них это — лишь «буржуазный предрассудок». Программа остается предметом слепой веры. Ведь людей необходимо перedelывать силой, сколько бы крови и страданий это ни

стоило. Это в общем означает не что иное, как создать «новую землю» (выражение Бухарина) и нового человека: пусть же так и будет!

И все это — целиком торжественно и серьезно, и все — систематическое действие. В действительности коммунисты видят лишь то, что хотят видеть, безудержно делают то, что соответствует их желанию. Они ломаются сквозь стену природы. Могут ли быть для них еще какие-то удержки или препоны, кроме насилия?

В 1921 году в России была введена так называемая «новая экономическая политика» (НЭП); это означает, что крестьянину, торговцу, иностранному концессионеру предоставлялись некоторые частнохозяйственные свободы. Тотчас же всюду объявились неисправимые оптимисты, которых от их оптимизма не излечит, по знаменитым словам Галена¹, ни железо, ни огонь, а одна только смерть. Говорили: «Коммунисты одумались! Отступление, эволюция, новое мышление, частное хозяйство, консолидация революции, строительство!» Эти оптимистические мечты на самом деле никогда не поддерживались коммунистами в России. Напротив, они всегда открыто говорили: революции нужна лишь «передышка». Ленин, тогда самый трезвый из всех, все время повторял: речь идет только о подготовке нового наступления, и указывал на то, что иностранные оптимисты, которые наивно верят в эволюцию, оказывают коммунистам большую услугу, так как помогают им повергнуть в изумление остальной мир.

И вот прошло время: оптимисты помогли, подготовка закончена, началось новое наступление. Уже в 1927—1928 годах принялись за постепенное удушение частной торговли, отравление жизни более зажиточным крестьянам (имеющим более 6 га посевных земель), в середине 1929 года коммунисты начали развернутое и окончательное отчуждение крестьянской земли. Сталин, мнимый «друг крестьян» (по выражению наивных оптимистов!), счел, что пришло время для второй попытки последовательного коммунизма.

Наряду с этим происходит окончательная ликвидация жалких остатков частной торговли с систематическими домашними обысками, окончательное удушение

института «красных адвокатов», преследование веры, церкви, профессоров и студентов и нарастание террора, с систематическими казнями и ссылками.

Жертвой нового наступления стали также немецкие колонисты — образцовые крестьяне России. Теперь на очереди иностранные концессионеры, которым сначала чинят всяческие препятствия и даже делают невозможной их работу, а затем под предлогом «невыполненных обязательств» подводят к удушающему отчуждению: мавр сделал свое дело...

Тесно связано со всем этим внешнее наступление. Пока что сорвалась попытка разжечь пожар во всем мире, начав с Китая; Индия и Дальний Восток вообще «еще не созрели». Заставляет себя ждать и желанная новая мировая война, которая могла бы превратиться в общую войну из отдельных новых гражданских войн. Итак, ближний Запад снова становится объектом усилий и ареной событий, особенно потому, что ему приходится тяжело страдать под гнетом послевоенного бремени. Как же в этом случае пренебречь благоприятной для наступления конъюнктурой? Тем более что стратегическими аксиомами коммунистов прямо установлено: люди созревают для победы лишь в бою и в гражданской войне побеждает лишь тот, кто наступает. И наступление, как обычно, начинается с того, что себя изображают «жертвой нападения» и громко призывают о помощи. Однако изнутри, старательно и неустанно, продолжает вестись изнурительная работа.

Нет, мир может быть уверен в том, что коммунисты намерены сдерживать свои обещания и на самом деле предпримут все, чтобы их сдержать. Например, если у Ленина говорится, что «надо сломать хребет всем противникам пролетарской диктатуры» либо что «нужно истребить всех волков», то это следует понимать вполне серьезно. Или, например, если В. Ленин пишет: «Диктатура пролетариата в России потребовала от господствующего класса таких жертв, такой нужды и таких лишений, которых не знала история; и слишком большая вероятность того, что и в других странах дело будет происходить именно так», то каждый рабочий в Центральной Европе может и должен считать

это для себя предостережением и соответствующим образом готовиться к этому.

И вот опять наступление; Россия должна быть окончательно обобществлена, тароватая на помощь заграница с ее концессиями отстраняется от дел и снова подвергается нападкам. Есть философы, которые утверждают, что человек может учиться лишь на собственном опыте. История вскоре решит, правы ли эти философы.

КОММУНИСТЫ И КРИЗИС ДЕМОКРАТОВ

Кто они? Кто те люди, которые правят Россией? Как обстоят у них дела с образованием и государственно-политическим обучением? На каком уровне находятся их понимание экономики, их правосознание и их общественная нравственность? Миру наверняка было бы чрезвычайно интересно выяснить объективную правду в этой области. Путь к этому есть: собирать подлинные описания коммунистов, сделанные ими самими, и учитывать, что действительность едва ли *лучше*, пожалуй, она, скорее, *хуже*. Таким образом, тяжкое и мучительное чтение этого огромного количества брошюр, книг, стенографических протоколов (в 1000 и более страниц) и газет приносит свои успешные плоды и вознаграждает за труд. Приведу некоторые характерные описания самих себя, вышедшее из-под пера и из уст самих коммунистических вождей; их надо лишь прочесть.

Сам Ленин отмечает: в подрывной революционной работе и в абстрактных партийных перебранках коммунисты не учатся ни управлению государством, ни организации хозяйства в стране. И получается, что «коммунисты-руководители в 99 случаях из 100 назначаются работать там, где они в данный момент мало-мальски подходят, что они не умеют руководить своим делом и должны прежде ему учиться». «Буржуазные вожди лучше знают свое дело, чем наши лучшие коммунисты, которые обладают всей властью, которым предоставлены все возможности, и со всеми этими правами и властью они не умеют сделать ни единого шага» (Ленин). Поэтому идея «построить коммунистическое государство руками

коммунистов — это детская, совершенно детская идея»; «мы только тогда сможем управлять хозяйством, когда коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, сами же будут учиться у буржуазии и будут направлять его по желанному пути» (Ленин). «Мы также с полной ясностью доказали, что не умеем хозяйствовать»; «мы не научились экономить»; нам не хватает «культуры и порядочности»; у нас царят «нерадивость и продажность»; «коммунистические сановники» отличаются «необразованностью, высокомерием и зазнайством...». И все же, по утверждению Ленина, те, «кто сегодня правят в России» — «лучшие представители пролетариата».

Уровень образования в Коммунистической партии очень низок. Если взять уровень коммунистических съездов, на которых собирается весь правящий слой партии, то, например, у членов XIII съезда партии отмечались следующие образовательные ступени: начальная школа — у 66%; гимназия — примерно у 17%; более высокое образование — у 6,5%. Если же взять партийные массы, то от 50% до 70% из них — «политически неграмотны»; а в Коммунистическом союзе сельской молодежи — полностью неграмотны до 90%, они не умеют ни читать, ни писать. Отсюда и непрекращающиеся жалобы самих коммунистов на нехватку квалифицированных работников. «Вы — неучи!» — воскликнул однажды на одном из съездов, обращаясь к партийным вождям, крайне правый коммунист Рязанов. Это подтверждал и Дзержинский: «Мы не знаем, что творим, это знают другие люди и бумаги в наших папках»; и Рыков отмечает: «Наши ответственные вожди, включая народных комиссаров, подписывают слишком много чужого и дают слишком мало своего» и т. д.

Все это относится к старшему поколению, которое постепенно выматывается в борьбе с природой человека и с основными законами подвергаемого насилию народного хозяйства — и вымирает. Но оно могло бы кое-чему научиться в дореволюционной России. Новое коммунистическое поколение, напротив, не расположено ни к учению, ни к чтению, что публично отмечено Бухариным. У него есть лишь беспредельный радикализм, партийная коммунистическая трескотня и желание «как

можно скорее стать служащими» и «попользоваться новыми разгонами» (Бухарин)... На этот беспощадный радикализм теперь опирается Сталин в своем новом наступлении на церковь, на крестьянство и на остатки частного хозяйства в стране.

Чрезвычайно интересно следить за описаниями собственного морального уровня, сделанного самими коммунистами. А они ведут себя как «командующие и диктаторы, которые стремятся к тому, чтобы сделать карьеру и создать себе политический капитал», и всеми силами стараются удержаться на «постах, завоеванных в борьбе». Не описать и не перечислить случаев «присвоения имущества, растраты и страсти к расточительству» у этих людей: «Их было бы слишком много», — воскликнул однажды коммунистический руководитель Куйбышев... Были случаи, когда из определенных центральных ведомств (например, из ведомства внешней торговли) за безобразия пришлось уволить *всех* коммунистов. «Мы тертые калачи», — говорит один; «Мы толстокожие», — говорит другой; «Вы способны на все», — писал бывший советский посланник в Берлине Иоффе своим товарищам, однако это было его последнее письмо, которое он сочинил перед своим самоубийством...

Такие подлинные материалы можно было бы приводить без конца. Но дело говорит само за себя, и то, *что* оно говорит, поучительно и значительно. Здоровое государство не может быть построено любыми людьми, стоящими на низком уровне, какими бы волевыми и беспощадными они ни были. Партийный состав, состоящий из зеленых новичков, пекущихся о карьере, здесь ничего не сделает. Напротив, для этого нужна деловая элита из лучших людей. Захватить государственную власть и построить правовое государство, хозяйство и культуру — две совершенно разные вещи. *Строить могут лишь люди отличного качества* — укрепившиеся в образовании, опыте, правосознании и моральной ответственности. Но у проблемы демократии две стороны: формально правовая — право голоса, выборы, решающее влияние масс; и социально-смысловая — вытеснение прежнего верхнего слоя и его культуры новым поднимающимся нижним слоем. Формальная демократия в

Советской России — это не что иное, как сплошной обман, ибо в действительности здесь существует диктатура коммунистических вождей над околпаченным народом, и воля вождей с помощью системы одной разрешенной партии, монополии печати и террора насильственно вносится в народные массы, с тем чтобы тут же «вытащить» ее «обратно». Но ведь вся революция в России — это самая радикальная попытка в истории человечества беспощадно осуществить социально-содержательную демократию. И эта попытка привела к плачевному фиаско: политические, экономические и культурные импотенты стремятся сделать себе карьеру на обнищании всего народа. А на самом деле совсем недостаточно быть членом коммунистической партии, чтобы управлять страной. Или, как это выразила вдова Ленина Крупская: «Ведь, вступив в Коммунистический союз молодежи, парень вовсе не становится всезнайкой...»

У каждой революции два источника ошибок: сильное преувеличение умственных способностей у *масс* и способности к оценкам и работе у *вождей*. Но нельзя скрывать от себя, что это преувеличение скрытно присутствует также и в формально-правовой демократии, ибо право голоса и выборы предполагают, что у голосующего и выбирающего достаточно рассудка, чтобы решить сложнейшие и щекотливые проблемы человеческой культуры и политики. Так ли в действительности обстоит дело с умственными способностями масс? Этот вопрос ставится коммунистической революцией в России резко и со всей остротой; можно не сомневаться в том, что русская революция наверняка повлечет за собой новую переоценку демократических ценностей.

КОММУНИЗМ ПРОТИВ РЕЛИГИИ

То, что современное человечество переживает во время коммунистического наступления, — это прежде всего борьба двух мировоззрений. А именно, новое *безбожное* мировоззрение, возникшее из материализма и марксизма и последовательно проводимое в теории и на практике, ведет наступление и стремится искоренить

традиционную религиозность, человеческую настроенность на веру. Здесь, как и везде у коммунистов, дело идет об установлении монополии, монополии власти, исключительно господствующее одно-единственное мировоззрение. Как ни парадоксально это звучит, данная монополия на мировоззрение стремится — ползком, изматывая, атакуя и завоеывая — пробить себе дорогу и быстро или медленно закабалить весь мир. Весь замысел производит впечатление мании, уродливой химеры, дурацкого преувеличения; и все же замысел существует как план и борьба, более того — как широко разветвленная и чрезвычайно ловко действующая мировая организация: коммунисты ведут подстрекательскую пропаганду, чтобы разделять; они разделяют, чтобы закабалить; закабаленный становится рабом, а раб не имеет права на собственное мировоззрение. Или, как авторитетно говорит о сельском учителе главный руководитель борьбы с религией в Советском Союзе коммунист Ярославский: «Он у нас не может иметь никакого собственного мнения; он должен знать и уметь объяснить, что не Бог создал человека, а человек создал своего Бога...»

Вряд ли надо особо останавливаться на том, что материалистическое мировоззрение существовало и прежде, еще у древних греков. Но никогда прежде материализм не был так последовательно продуман в отрицании духовного и утверждении материального и телесного; никогда прежде материалистическая теория и практика, объяснение и действие не были так сплавлены друг с другом; никогда практическая жизненная программа материализма не была такой волевой, такой повелительной, такой безудержной и беспощадной, такой систематической и отработанной. Коммунисты поставили себе задачу — подорвать всякую религию, и в особенности христианство, и уничтожить ее. Почему? Зачем? Потому что «религия и коммунизм несовместимы — как теоретически, так и практически» (Бухарин). «Между директивами коммунистической тактики и заповедями религии чаще всего существует непримиримое противоречие» (он же). «Там, где побеждает религия, слабеет коммунизм. И коммунистический строй можно будет осуществить только там, где народ будет освобожден от

религии» (Ярославский). Пока человек верит во что-то сверхчеловеческое, каким бы чистым, идеальным и абстрактным оно ни было, пока человек надеется на что-то потустороннее, до тех пор он отягощен удержами и ограничен чаяниями; он хочет не до конца, он борется лишь наполовину, он сдерживается, он не бросает всю мощь своих интересов в борьбу за земное счастье. Он сможет сделать это лишь тогда, когда станет полноценным атеистом. Последний «теологический призрак», против которого ополчился Макс Штирнер, должен исчезнуть из души человека. Но нельзя ограничиваться одним ожиданием; это исчезновение должно быть ускорено всеми средствами и всеми путями; глумление над святынями может сослужить здесь такую же добрую службу, как и взрыв монастыря; лишение духовенства прав служит той же цели, что и закрытие церквей, экспроприация и подавление деятельности религиозных общин, конфискация колоколов, ссылка епископов или политическое просвещение детей. Человеку следует понять, что он «молится пустым небесам» и что нет *никого*, кто бы ему помог и на кого он мог бы надеяться... Лишь тогда в его душе возникнет настоящее коммунистическое мировоззрение.

Ленин ввел понятия «воинствующий материализм», «воинствующий атеизм»; он образовал целые службы и ведомства, которые осуществляли в стране эту работу, а затем назвал работу этих ведомств «вялой и неудовлетворительной». Теперь после долгих усилий коммунистам в советском государстве удалось вырастить несколько тысяч молодых людей, которые вовсе не понимают слова «Бог» и видят во всяком антирелигиозном мероприятии служение идеалу коммунизма и делу освобождения и счастья всех людей на земле. Эти передовые борцы за грядущего безбожного *homo sapiens* и его животное благополучие на земле с пафосом предаются растаптыванию святынь, окончательному осквернению человеческой жизни и построению близящегося царства пошлости. С особой страстью они стремятся соблазнить и измотать наивных: надзирать за внутренней жизнью детей с самых ранних лет и вырывать и вытаптывать первые ростки религиозных чувств, при этом самым суровым

образом запрещается всякое религиозное обучение; а затем — *обрабатывать крестьян*: «Нам надо шаг за шагом следовать за изгибами и поворотами крестьянской души, по самым дальним тропам, в гущу крестьянского мышления, к тайным истокам его веры», чтобы повсюду доказывать, что Бога нет и что помочь человеку может лишь человек...

Безбожие — не религия. Но оно может сделаться фанатизмом и даже одержимостью. Это и произошло в коммунизме. Коммунисты — одержимые атеисты; будучи амбициозными и нетерпимыми, они презирают всякого, кто еще привержен идее Бога. «Любая идея о любом милом Боженке, — говорит с ненавистью, издевкой и насмешкой Ленин, — несказанно омерзительна и представляет собой мысленное ковыряние в трупах, — будь то самый чистенький и идеальнейший милый Боженка»; а религия не что иное, как «вид духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий облик...» Отсюда возникает агрессивная и опустошительная нетерпимость, ненасытное подтачивание и желание обратить в свою веру. Уже сама по себе религиозно затронутая душа отвратительна коммунисту; более того: ему ненавистен даже терпимый просвещающий атеизм. И так получается, что Ленин называет Каутского «прости-туирующим попом».

Безбожие — не религия. Но оно может сделаться всеразрушающей догмой и разразиться бешеными религиозными преследованиями. В коммунизме это уже случилось. Безыдейность сделалась здесь идеей, духовное ослепление и опустошение душ — целью жизни. Коммунизм — отнюдь не чисто экономическое или чисто политическое движение: он борется за новую человеческую душу, за душу без святыни, без оглядки на небеса, без удержей на земле. Он хочет создать религиозный идиотизм; и этот идиотизм, это отупение по отношению ко всему Божественному ему нужны для осуществления своей программы. Он точно знает: пока в человеке не погасла божественная искра, коммунизм невозможен, ибо до сей поры человек не захочет отказаться от своих святынь — от религии и церкви, от Отечества, чести, совести, права, долга, семьи и истинного, святого ис-

кусства. Поэтому коммунизм и религия, коммунизм и дух, коммунизм и подлинная культура — враги, заклятые враги, антиподы; и так пребудет до самого конца.

ОБЕСЧЕЩЕНИЕ

Тот, кто захотел бы глубже заглянуть в душу нынешнего советского коммуниста, прежде всего должен был бы уяснить себе, что коммунизм следует понимать как вариант духовного нигилизма, ибо ничто духовное ему не свято, он не испытывает ни к чему почтения и *ничто* ему не запрещено; и то, что иным, нематериалистически мыслящим и чувствующим людям кажется святым и неприкосновенным, для него — «*nihiil*»². Совесть, вера, любовь к ближнему, любовь к Отечеству, правосознание — повсюду, где в душе человека прорывается и светит Божественный луч, он видит лишь «буржуазный предрассудок»; и повсюду, где концентрируются эти лучи, где они сплывают людей и создают духовно социальные образования, семью, церковь и Отечество, — он видит перед собой заклятого врага и стремится его побороть.

Коммунист хочет создать совершенно нового человека — человека «без предрассудков», без святынь, без пощады и удержей. И таким образом — *без чести и достоинства*. Ибо святыни — единственный истинный родник человеческого достоинства; и там, где человеческая душа склоняется перед Божественным и Святым, с благоговением и смирением, она прежде всего производит в себе твердыню собственного достоинства и чести. Честь без святыни становится скучным тщеславием, пустым высокомерием и гордыней; через благоговение она становится отблеском Божественного достоинства в человеке. Тот, кто черпает свое достоинство из этого источника, никогда не станет распушенным; он никогда не будет в состоянии беспощадно расшатывать, разрушать и сносить. Позволить себе все может лишь человек без достоинства; и нигилистская коммунистическая доктрина вседозволенности годится лишь для бесчестных людей.

Поэтому коммунисты не могут обращаться к мужам чести и достоинства; напротив, это их враги, их против-

ники, против которых с самого начала и до конца направлены их атаки. Коммунистам нужен бесчестный, тот, кто потерял уважение к себе, кто не принимает всерьез собственного достоинства и благодаря этому не умеет ни уважать других, ни ценить чужого уважения и своего доброго имени, т. е. как бы дезертир, человек с отсутствующим правосознанием, неоднократный рецидивист, человека дна. Такие люди требуются коммунистам, во-первых, для первой атаки, затем для обработки и изматывания других людей во время социальной перестройки, и, наконец, эти люди нужны им как желанные прообразы нового коммуниста будущего, который призван принципиально вытеснить и заменить устаревшего «сентиментального слабака».

Поучительно наблюдать, как из атеизма XVIII века и марксистской доктрины классовой борьбы постепенно возникла коммунистическая теория релятивистской «классовой морали» и коммунистическая практика беспощадности и вседозволенности. Чрезвычайно интересно также установить, что два русских атеиста и анархиста — Бакунин и Нечаев — еще в 70-х годах XIX столетия впервые выдвинули тезис о том, что настоящий революционер не может якшаться с «либеральной буржуазией», не может он якшаться и с религиозно приторможенным народом, но должен обращаться непосредственно к опытным уголовникам, рецидивистам, разбойникам и каторжникам; лишь одни они созрели для революционной беспощадности; это как у Достоевского (в «Бесах») молодой Верховенский стремится сотрудничать с каторжником Федькой...

В связи с этим все большевистское изматывание можно описать примерно так. Душа народа — будто рыхлая поверхность, на которую непрестанно, снова и снова выливается ядовитая жидкость. Яд впитывается и впитывается в самых слабых местах; и в эти места сразу же попадают бактерии, собирающиеся в клубки и гнезда и проедающие глубокие дыры. Эти слабые места, в которые впитывается яд, и есть люди с погубленным или расшатанным чувством чести.

Большевизм впитывается очень легко повсюду, где царит продажность, т. е. личная выгода предпочтитель-

нее общественного блага; повсюду, где добросовестность и верность долгу парализуются релятивизмом и карьеризмом; повсюду, где человек из себялюбия ставит самого себя, свой класс или свою партию превыше Отечества; где человек из снобизма, по извращенности или по злобе проповедует или осуществляет вседозволенность — идет ли речь об искусстве, нравственности, политике или общественной жизни. Короче, там, где честь и достоинство обессилены, расшатаны или перевернуты вверх ногами, большевизму открыты все двери.

Там же, где у коммунизма в руках государственная власть, вырабатываются и применяются совершенно особые методы для обольщения и обещивания людей. Там каждый без исключения должен быть уверен в том, что рано или поздно его поставят перед выбором — умереть честным или остаться жить в бесчестии. И поставят так, что стоит ему предпочесть последнее, т. е. оплатить карьеру своей жизни потерей чести, — он все же не сможет избежать угрозы страдания и возможной казни.

У Ленина есть характерное выражение для такого обращения с людьми, а именно: надо «сломать хребет» классовым врагам; другие коммунисты-руководители несколько мягче отзываются об этом методе: «врагов» надо «поставить на колени»... В сущности, имеется в виду одно и то же: кто не сдастся добровольно, не переосмыслит, не переучится чувствовать и говорить, кто не откажется от своих «устаревших предрассудков», будет подвергнут обещиванию. Никто не знает, никто также не может себе представить, как долго он будет в состоянии выдержать пребывание в большевистской тюремной камере, ничего не ведая о жене и детях, без чтения, без табака, полуголодный, изо дня в день стоя лицом к лицу с казнью. Беспомощно стоя перед партийно-политической монополией на предоставление работы, непрерывно увольняемый, без работы и поддержки, обещиванный и полностью опустившийся, он не знает, как долго он будет в состоянии наблюдать, как чахнут его родители и его жена, как становятся беспризорными его дети. А если он не сможет это выдержать, если увидит, что коммунистические властители заставили его встать на колени, если почувствует, что сломан его духовный

хребет, — он станет рабом своих врагов, их обесчещенным и послушным инструментом. Ему, раздавленному и полному презрения к себе, придется гнуть спину на своих командиров, если не удастся создать из себя новую необузданную личность или если он не наберется мужества просто лишить жизни себя и свою семью...

То, что сейчас происходит в мире, — не только борьба за принцип частной инициативы и частной собственности, это гораздо глубже — борьба за принцип чести. Ибо, с одной стороны, честь постепенно утрачивает свой чистейший источник в сердце человека — веру в Бога, и таким образом причину и способность ощущать и утверждать в себе самом христианское достоинство Сына Божьего. С другой стороны, еще никогда чувство и принцип чести не подвергались таким нападкам, такому расшатыванию и такой пагубе, как в пропаганде и под властью III Интернационала. Новая мировая власть и новая коммунистическая «элита» стремится пробить себе дорогу и вознестись в мировом масштабе, пытаясь соблазнить человечество бесчестьем и обесчещением согнуть его в бараний рог. Она проповедует «отсутствие предрассудков», т. е. право жить без достоинства и действовать без чести; и это в конечном счете приводит к порабощению, т. е. принуждению к служению без чести и смерти без достоинства.

Через безбожие — к обесчещению. Через отсутствие предрассудков — к рабству. Мир спит? Он погиб? Когда нибелунг Альберих рассказал Вотану свой план обесчещения богов, сын света вспылил и громовым голосом бросил ему: «Сгинь, дерзкий дурак!» Уже прошло много времени с тех пор, как нынешний Альберих не только рассказал, но и волевым образом осуществил свой позорный план. Но грома нет, и мир в мрачном молчании выжидает.

БОРЬБА ЗА СЕМЬЮ

В современном мире возник глубокий раскол, и все, что сейчас совершается — встречает это понимание или нет, — происходит под знаком этого раскола. Выбор суров и ясен: надо решить для себя, *за кого ты* — за ре-

лигию, Отечество, собственность и семью, или же бороться *против* семьи, собственности, Отечества и религии. Здесь невозможно равнодушно наблюдать, неопределенно колебаться или отойти в сторону, ибо отошедший в сторону содействует нападающему и отрекается от подвергшейся нападению святыни здорового человека. Этот духовно здоровый человек находится *в состоянии необходимой обороны*: на него нападают, ему надо защищаться; поэтому ему нужно подумать, *как* словом и делом добиться укрепления своей позиции. Борьба идет уже давно, она имеет свою предысторию, но эту предысторию многие люди проспали. Много, слишком много людей спит и сейчас, и чем позже они проснутся, тем хуже для дела.

Социалистическо-коммунистическое мировоззрение относит принцип семьи к устаревшим и вредным. Семью надо расшатать, а затем ликвидировать; она должна исчезнуть и уступить место новым, более благоприятным для социализма формам человеческого продолжения рода и воспитания. Тот, кто ознакомился с коммунистическим законодательством о семье и браке в Советской России, наверняка удивился двум обстоятельствам: во-первых, насколько упорно и умело проводится в жизнь эта тенденция изматывающего расшатывания, и, во-вторых, насколько эта тенденция соответствует мыслям и планам западноевропейского социализма. То, что подумал и предложил старший брат, решительно осуществляется младшим. Сейчас старший мог бы даже сказать, что методы младшего слишком жестки и слишком беспощадны... но суть их желаний и то, что считается «правильным», — остается одинаковым и неизменным.

Коммунисты начали с радикального *развенчивания брака*: следовало лишить брак всякого религиозного содержания и приравнять к нулю влияние всякой церкви в этом смысле. Далее были до предела облегчены заключение и расторжение брака: два часа спустя после заключения брака можно было по *одностороннему* желанию зарегистрироваться «разведенным». Так взаимные обязательства мужа и жены, детей и родителей оказались сведенными к минимальной поддержке в случае болезни и безработицы. Право родителей на воспитание

своих детей подверглось публичному осмеянию, и были созданы детские организации для того, чтобы восстановить детей против собственных родителей. И наконец был введен институт «незарегистрированного брака», который в правовом и нравственном отношении совершенно стирал разницу между простым сожителем и настоящим браком.

Наряду с этим компетентная инстанция было объявила, что «разрешено все, что не запрещается» и что двойной брак, множественный брак, кровосмесительный брак (например, отец и дочь, брат и сестра) и все половые заблуждения не преследуются законом. Напрасно простые крестьяне и рабочие на крупном партийном коммунистическом собрании умоляли о принятии запрета на бигамию и полигамию, об оставлении «фактического» брака без правовой поддержки и о дальнейшей поддержке брака и семьи для того, чтобы не умножать числа брошенных и беспризорных детей. Им хладнокровно отвечали, что вовсе не стоит заботиться о сохранении семьи, необходимо и далее беспощадно вести «освободительную борьбу», а происшедшее означает лишь начало великолепно задуманной реформы. Будущие историки смогут почерпнуть об этом достаточно полезного из появившихся сейчас в печати стенографических отчетов...

Но эта борьба, вся эта практика, применяемая в законодательстве и в политике, заслуживает обсуждения и разъяснения. Каким образом возникла у коммунистов эта ненависть к здоровой семейной жизни? Почему, собственно, они желают расторгнуть брак и распылить семью? Возможно, с их стороны это необдуманное, ниспровергающий радикализм, наивное реформаторство наобум Лазаря?

Нет, здесь все хорошо продумано и систематически обосновано. Коммунистическое расшатывание семьи представляет собой необходимое звено в цепи великой перестройки отдельной души, социального строя и всего мира. Семья и брак должны исчезнуть, во-первых, потому, что они издавна почитались священными и рассматривались человеком как *религиозное событие в жизни*. Издавна любовь, рождение и воспитание человека следовало освящать, чтобы утвердить и обосновать их

высший смысл, их цель и призвание перед Ликом Господа. Всякая религиозная потребность для коммунистов — глупый и вредный предрассудок, всякое церковное действие — лишь закабаление антикоммунистической поповской властью человека, призванного ненавидеть, бороться и предаваться похоти.

Во-вторых, крепкий брак и здоровая семья нетерпимы потому, что они смягчают душу человека и привязывают его в этом размягченном состоянии к узкому кругу. Святой Августин однажды сказал: «Человеческая душа по природе своей христианка»; эти слова могут быть с полным основанием употреблены именно применительно к семье: в ней человек от природы учится *любить*, страдать, терпеть и приносить жертвы из любви, забывать самого себя и служить ближнему своему; в ней — школа социального мышления и действенной любви. Все это для коммунистов — сентиментальность, лицемерие и мелкобуржуазная болтовня. Им ненавистны христианская любовь и самое христианство. Коммунисту нужна жестокая душа; ему нельзя быть чувствительным; его единственное призвание — думать по Марксу и желать по Ленину. Узкий круг не может иметь для него ценности. У него самый широкий круг — весь пролетариат. Его ценность называется «вождеделение масс» (конечно же, включая его самого).

В-третьих, надо разрушить и с помощью полигамии или полиандрии хотя бы расшатать семью, ибо она запечатлевает у детей *изначальный образ единовластия-самодержавия*, а именно — *неограниченного* единовластия. Ребенок ощущает в отцовской (а возможно, в материнской) власти сначала целесообразность и целебность единовластия; он научается ценить этот строй жизни, привыкает к нему и стремится сохранить его и далее в семейной жизни и в государственности. Эта связь семьи с монархизмом сотни раз отмечалась в истории человеческой культуры, хорошо знакомы с ней и коммунисты. Ритм моногамной семьи не тяготеет к «свободе» и «равенству», по формальной оценке он — антиреспубликанский. По этой причине семья описывается коммунистами как «крепость реакции»; ее как бы необходимо сделать республиканской — со многими матерями и

многими отцами: бесправные родители, уравненные дети и «влияние» молодых на старых.

В-четвертых, семью необходимо искоренить, потому что она передает от одного поколения к другому ложную по смыслу традицию — традицию буржуазную, народную и отечественную. Из этой традиции выросла вся нынешняя западноевропейская культура — культура родных пенатов, священного очага, святых полей и лесов, своеобразных народных обычаев и народного платья, национального восприятия и верности Отечеству. Все это коммунисты объявляют устаревшим и вредоносным. Они хотят навязать человечеству все уравнивающий, лишенный Отечества интернационализм.

И наконец, в-пятых необходимо искоренить семью как принцип частной собственности. Доколе существует семья, она будет социальным единством в труде и собственности. Чем крепче семья, тем уверенней и обоснованней ее притязания на успехи ее предков, на наследственное состояние, на частную собственность как источник общественного процветания. Семья — единая индивидуальность по *крови*, по *духу* и, следовательно, по *собственности*. Может ли быть иначе? Могут ли коммунисты с этим согласиться? Возможно ли примирение с этим?

Нынешнее человечество стоит на распутье. Его судьбу определит его собственное решение. Помоги ему Господь не предать своих святынь!

ПОРАБОЩЕННОЕ РАБОЧЕЕ СОСЛОВИЕ

Просоциалистически настроенному рабочему Западной Европы предстоит пережить глубокое, потрясающее разочарование: коммунизм, т. е. радикальнейший и беспощаднейший социализм, не несет ему ни освобождения и власти, ни удовлетворения самых элементарных потребностей. Напротив, нужду и страдания, принуждение и порабощение; и еще одно — безнадежность в унижении. Знай западноевропейский пролетариат правду о положении рабочих в коммунистической России, он наверняка быстро и уверенно произвел бы велико-

лепную переоценку и социалистическо-коммунистических идеалов и пришел бы к переучиванию и их переосмыслению. Ибо этот опыт суров, а законы общественного развития остаются неумолимыми. Как чувствует себя человек, оказавшийся в болоте, знает лишь тот, кто сам, барахтаясь и оседая, медленно исчезает... Если бы его судорожные усилия и крики о помощи могли кого-нибудь предостеречь!

Коммунизм задуман как *диктатура* и осуществляется как *централизованная партийная власть*: здесь нет «самостоятельного мышления» и «самостоятельных желаний», нет ни «нет», ни «но», нет «требований» и «отношения к работе». Здесь раз и навсегда рабочему дано «самое лучшее правительство»; оно называется «рабочее правительство». Жертвы, которых оно требует, *должны* приноситься беспрекословно. Молча — нет, с самоотречением и пафосом — следует выносить бремя труда, лишений и голода. Необходимо ликовать по поводу всего, что предписывается: по поводу расторжения семьи, отмены религиозных праздников, закрытия церквей, вмененного в обязанность политического шпионажа, ночной работы на заводах и фабриках, принудительных займов, экспроприации и ссылки собственных родителей, которые, будучи упрямыми «кулаками», со своей «крестьянской дуростью» цеплялись за частный клочок земли. Твое сердце может разрываться, но тебе надо быть послушным и ликовать: ведь пробил твой счастливый час — ты наслаждаешься «свободой от капитализма»; *твой* класс правит страной; осуществляется *твоя* программа; вот и наступило все то, чего ты хотел и о чем мечтал... И ты — преклоняйся и ликуй!

Но не ликуют пролетарии в советской стране. Они преклоняются публично, а тайком проклинают. И все чаще и откровенней дело доходит до громких ругательств и проклятий: поднимается и растет волна горького разочарования и более не сдерживаемой ненависти. Даже коммунисты не могут более замалчивать эту волну: данный вопрос поднимался и обсуждался еще на заседаниях XV коммунистического съезда три года тому назад; ныне она заявляет о себе: в анонимно поданных анкетах рабочих, в публично принятых решениях на разных за-

водах и фабриках, — например, не праздновать 1 мая, построить новую церковь на месте разрушенной старой, не подписываться на принудительный займ и т. д. Настрадались. Понимания достаточно. И однажды будут сделаны выводы.

«Диктатуре пролетариата» скоро будет тринадцать лет, а положение рабочих принципиально не изменилось. Рабочие, как и раньше, остались наемными: как и прежде, они «продают» свою рабочую силу и влачат жалкое существование; управление на заводах и фабриках отнюдь не «демократизировано», напротив, чем дальше, тем больше на предприятиях проявляется «единая власть приказа» директоров; наводится железной рукой и все жесточе становится трудовая дисциплина. Есть лишь одно принципиальное изменение: *государство* стало *работодателем*, и этот работодатель — чем дальше, тем больше — становится *монополистом*, т. е. *безраздельным властителем рабочего и его жизни*, ибо он решает, работать тебе и жить или прозябать как отверженному «классовому врагу»... Пролетарий противостоит ему, находясь *в абсолютной беспомощности*: ведь принципиально отменена конкуренция, и ему не остается ничего, кроме службы и покорения коммунистической бюрократии. Эта бюрократия, на 96% состоящая из «выдвинутых» фабричных рабочих, описывается в ярких красках самими коммунистами: необразованны, имеют карьеристские наклонности, продажны, чванливы и деспотичны. Достаточно отметить, что эта бюрократия вызвала к жизни новую дурную традицию: под угрозой увольнения и безработицы подвергать подчиненных женщин «административному принуждению к сожительству», что называют в советских газетах «подкупом натурой» и «охотой на живых людей»...

Эта бюрократия предписывает советскому пролетариату уровень жизни и условия работы. Поучительно наблюдать, как советские газеты все время стараются доказать рабочему классу, что он «столько-то и столько-то» получил благодаря коммунистической революции. Эти беспокойные, даже судорожные подсчеты уже говорят сами за себя. Если мы примем самые благоприятные расчеты коммунистов, то индекс *номинальной* заработной

платы (в денежном выражении это примерно *одна треть* западноевропейской средней заработной платы) равняется 2; однако одна десятая зарплаты под различными предложениями (принудительные займы, поддержка мировой революции и т. д.) удерживается и просто не выплачивается. Далее, повысить эту номинальную заработную плату (как показывает практика последних лет) не могут даже коммунисты. Между тем индекс розничных цен постоянно *превышает* отметку 2... Уже в коммунистическом государственном магазине рабочий платит более чем вдвое дороже довоенной цены, и это за чрезвычайно плохой товар коммунистического государства. Но последнее поставляет ему отнюдь не все необходимое: одну или две пятых своих покупок рабочий покупает в частной торговле, у спекулянтов, где индекс равняется 4,5 или даже выше. Между тем в советском государстве происходит вторая инфляция, покупательная способность советского рубля падает все ниже, а экспроприация крестьян уже обозначила резкий продовольственный кризис. Это означает, что реальная заработная плата рабочего *ниже* довоенного уровня и в ближайшее время, в результате нового коммунистического эксперимента Сталина, потерпит новую катастрофу.

Что же касается жилищного вопроса, то в текущем году коммунисты установили, что жилая площадь рабочих — меньше, чем у всех остальных слоев городского населения, и она не дотягивает до *пяти квадратных метров на человека* и что рабочие различных промышленных центров должны довольствоваться *спальной норой* — «нормой для гроба», как говорят рабочие...

На трети советских заводов и фабрик — семичасовой рабочий день. Но когда день подходит к концу, несчастливый рабочий стремится найти где-нибудь дополнительную или ночную работу, чтобы как-то прокормить семью. Рабочий ведет нищенскую жизнь. С этим обстоятельством следует связывать все явления, отмеченные советской печатью: постоянную текучку в рабочих коллективах на предприятиях, ничтожную производительность, рост производственных травм и заболеваний и т. д. Но эта нищета ничего не говорит партийной бюрократии. Только что социал-демокра-

тическая газета напечатала письмо одного социал-демократа из России; стена и сыпя проклятия, он следующим образом описывает положение пролетариата в коммунистическом государстве: «Но что *им* до этого? Они не подышают — они *следят лишь за подохнувшими*. А это значительно легче...»

Подводя в 1921 году великий итог своего коммунистического эксперимента, Ленин сказал так: «Диктатура пролетариата в России потребовала от господствующего класса пролетариата стольких жертв, принесла ему такую нужду и такие лишения, каких не знала история. *И очень может быть, что дело будет обстоять точно так же и в любой другой стране*».

Ленин был прав. Каждому пролетарику надо было бы выучить эти слова наизусть и постараться обосновать и понять их за то время, пока буржуазный строй предоставляет и гарантирует ему священное право — иметь самостоятельное мышление и самостоятельные желания.

Ибо потом — будет слишком поздно.

ЭКСПРОПРИРОВАННЫЙ КРЕСТЬЯНИН

Крестьяне во всем мире должны понять и знать наверняка, *какие* возможности открывает перед ними коммунизм, т. е. радикально и беспощадно проводимый социализм, и какую судьбу он им готовит. Довольно поспали и помечтали. Надо проснуться! Крестьянство, этот изначальный родник оседлой индоевропейской культуры, этот запас здоровых патриотических убеждений и сил, должно предвидеть уготованный ему коммунистами *мучительный конец* и день и ночь думать о том, как ему защищаться. Ибо, воистину, нынешние страдания русского крестьянства означают лишь пролог к *великой мировой трагедии*; это лишь генеральная репетиция, образцовый эксперимент; если опыт удастся в России, то на очереди окажутся крестьяне всех других стран.

Коммунистический лозунг гласит: *крестьянское сословие не должно более существовать*, оно должно *исчезнуть*; в социалистическом государстве могут быть *лишь наемные рабочие государственного хозяйства*, оно допускает только

узаконенное отсутствие собственников, и существование безнадежного сельского пролетариата — пожизненно размещенных на крупных предприятиях, находящихся на принудительной работе людей-рабов... Короче, создается новое, но основанное на *полной и окончательной экспроприации, государственное крепостничество* во главе с международной коммунистической бюрократией...

Если бы до войны кто-нибудь сделал попытку обосновать такую организацию сельского хозяйства или публично ее обрисовать, этот проект был бы немедленно назван «антисоциалистическим пугалом» и отвергнут. Еще два-три года тому назад, когда великолепный коммунистический план был уже давно известен и велась подготовка к его осуществлению, весь этот «бред» не хотели принимать всерьез. Сейчас же мы стоим перед фактами, но все еще не верим своим глазам...

Единая программа коммунистов, выраженная в трех словах, — *экспроприация, пролетаризация и обобществление*, — последовательно применяется в сельском хозяйстве. Исходя из этой программы теперь и обращаются с крестьянским сословием, обращаются с такой же бессердечностью и душераздирающей суровостью, как прежде с остальными экспроприированными сословиями. И сейчас можно ясно сформулировать основы и принципы этого обращения. Их надо глубоко продумать, объяснить политически и социально и тем самым сделать безвредными для будущего.

Для начала надо *пообещать* крестьянину бесплатно передать всю пахотную землю и этим подкупить, обольстить перед экспроприацией остальных имущих классов и таким образом привлечь на сторону коммунистической революции. Итак — *подстрекай, разделяй и властвуй!*

Затем надо так оформить затеянное новое распределение земли — этот вечный источник гражданских войн и государственных катастроф, — чтобы оно вело ко *всеобщей парцеллизации земельных владений*. Соответственно у коммунистов с самого начала это называлось — «*каждый трудящийся (т. е. также и городской пролетарий) может претендовать на землю*»; и более 80% сельских общин должны были тогда выделить «такие же» участки также и пролетариям своего района. Такие же! Ибо

«равенство в землевладении» было предписано законом и приветствовалось как «справедливость». И так случилось, что при этом земельном распределении помещики безвозмездно потеряли более 40 млн. га, а зажиточные крестьяне более 50 млн. га земли. Идя навстречу равенству, все двигалось *вниз*; ведь равными все могут сделаться лишь в бедности. И еще Ленин (1922 год) подвел итог этого первого периода: «крестьяне переживают ужасную разруху»; «мы создали мелкое и мельчайшее крестьянство, чья производительность находится на чрезвычайно низком уровне, значительно ниже, чем до войны»... Ведь мелкий крестьянин вообще едва ли может поставить что-то на рынок: он живет бедно, ему едва хватает на то, чтобы прокормиться, или, по старой русской поговорке: «Что посеешь, то и пожнешь».

И вот (1922—1928 годы) стало необходимо дальнейшее умелое проведение начатой экспроприации и пролетаризации крестьян. Многие годы менее богатых крестьян натравливали на более богатых (ибо «*богатых*» крестьян больше не существовало!) и многие годы слой более зажиточных крестьян экспроприировали путем невероятно высокого и постоянно растущего налогообложения. Требовалось раз и навсегда разочаровать мелкого крестьянина, настолько отравить ему тягу к хозяйствованию, чтобы он впал в хозяйственное отчаяние; требовалось доказать ему практически, что держаться за частную форму хозяйствования и свой клочок земли — *безнадежно*; в нужде и лишениях в ходе «холодной экспроприации» он должен был *отбросить частную собственность и разучиться* для того, чтобы в планово проводимой, искусственной пролетаризации созреть для социализма-коммунизма. Ибо *лишь нищенский посох ведет в социалистический рай, лишь после экспроприации человека можно коммунистически закабалить*.

Перед началом 1929 года процесс пролетаризации и чувство безнадежности среди крестьян достигли такого уровня, что коммунисты сочли возможным ускорить полную экспроприацию. Они поставили себе задачу: *насильственно «ликвидировать» класс «кулаков» и «добровольно» затащить все крестьянство в сельскохозяйственные коллективы*. «Кулаком» называли просто всякого

более имущего крестьянина; после экспроприации данного верхнего слоя «кулаками» называли следующий за ним слой; однако «кулаком» называли также такого крестьянина, который не верил в коммунизм и хотел сохранить свою частную собственность...

В июле 1929 года в Советской России началась одна из ужаснейших эпох в истории. Поток волевых коммунистов хлынул из города в деревню и началась экспроприация «кулаков». На так называемых «кулаков» наложили произвольный, невероятно высокий «индивидуальный налог», т. е. поставили их перед выбором: предпринять «самоликвидацию» или принять налагаемый коммунистами налог. Осенью и зимой 1929 года эта экспроприация приняла еще более жестокие формы: несколько сот тысяч крестьянских семей просто выгнали из дома на улицу, никому не разрешали их приютить, одних за другими их погрузили в неотапливаемые железнодорожные вагоны и в страшнейших условиях, как «высвободившуюся рабочую силу», отвезли на Север и в Сибирь, где их теперь применяют на тяжелых принудительных работах.

Эта атака была проведена так жестоко и решительно, а оставшиеся крестьяне были так однозначно поставлены перед выбором «или — или», что сельчан, которые помнили о великом вымирании от голода в 1921—1922 гг., охватил массовый психоз страха, и они «добровольно» давали коммунистам записывать себя в коллективные хозяйства. Но вновь оживился старый военный обычай эпохи татарского ига: «ничего не должно попасть в руки врага»; и несчастные, «добровольно» принимавшие коммунизм крестьяне пытались продать, съесть, довести до непригодности свой живой и неживой инвентарь, чтобы вступать в треклятое коллективное хозяйство «без ничего»...

К 1 марта 1930 года коммунисты объявили о более чем 14 миллионах «добровольно» обобществленных крестьянских хозяйств (до 60% общего числа). Но вся страна, вплоть до частей Красной Армии, кипела и бродила. Правительство должно было несколько умерить свои усилия: теперь следовало признавать лишь «истинную добрую волю». Крестьянам разрешили выходить из коллективных хозяйств; и несмотря на то, что выходящие получали новый, худший клочок посевной земли и у них

не оставалось никакой надежды, к 1 мая из колхозов вышли более двух третей записанных, а от общего числа крестьянских хозяйств в стране обобществленными оставались лишь 18,5%... И вот на близящемся к завершению XVI съезде Коммунистической партии было решено *провести* начатую коллективизацию сельского хозяйства *в полном объеме* в течение ближайших двух лет.

«Экспроприация — пролетаризация — обобществление» — таково название великого хождения по мукам российских крестьян; тернистый путь, который вынуждены полностью испытать на себе в Советской России и немецкие колонисты. «Помогите! Спасите!» — глухо и ужасающе звучит из запертых, проносящихся мимо грузовых вагонов, увозящих в обледеневшие болота Заполярья лучших и самых работающих крестьян России. Одному иностранцу пришлось услышать эти стоны, и ему показалось, что он видит наяву сцену из Дантова «Ада»...

Крестьяне всего мира могут быть уверены: *эта участь будет уготована им всем.*

ОСЧАСТЛИВЛЕННЫЙ КВАРТИРОСЪЕМЩИК

Сущность коммунистической политики по отношению к неимущим социальным группам может быть сведена к краткой, но выразительной формуле. Она гласит: «Подкупать, обольщать, поработать, терроризировать!»

Так происходило в России и с социальной группой городских квартиросъемщиков. В течение первых революционных лет, т. е. во время чудовищной инфляции, подорожания, продовольственного кризиса и настоящей нужды в отоплении, квартирная плата вначале удерживалась на довоенном уровне, а затем была на пару лет просто отменена. Говорилось, что жилые дома «муниципализированы» и теперь можно жить, будучи «освобожденным от платы за проживание». Золотая мечта квартиросъемщика с социалистическими настроениями, от которой, кажется, все еще не совсем отказались в Вене, была закреплена декретом и воплощена в жизнь, чтобы коммунисты могли и далее продолжать использовать ее в остальном мире как действенное средство про-

паганды. «Отмена квартирной платы»... Сердце тяжело борющегося за жизнь и в социальном отношении наивно мечтательного квартиросъемщика, возможно, уже от одних этих слов оживляется и наполняется отрадой.

Только слишком скоро пришло *порабощение*. Ибо бесплатная жилая площадь квартиросъемщиков понадобилась самому коммунистическому государству; во-первых, для своих бесчисленных и бесконечно разветвляющихся ведомств, призванных принципиально обобществлять всю экономическую и культурную жизнь; во-вторых, для распоряжающихся всем членов господствующей Коммунистической партии и, в-третьих, для подкупаемого «революционного пролетариата». И вот осчастливленному квартиросъемщику пришлось выяснить, имеет ли он вообще «право на жилую площадь» и *сколько* из его прежней жилой площади ему разрешено сохранить, и еще: есть ли у него вообще шанс добиться «права на жизнь» или он, как бывший офицер, чиновник, торговец, полицейский и т. д., подвергается опасности быть заподозренным в антикоммунистических планах, и его арестуют и казнят.

И началось массовое выселение «буржуазии» из их квартир, принудительное вселение туда рабочих масс и широкое «уплотнение жилья». Система террора довершила счастье квартиросъемщика и помогла (через вынужденное бегство и казнь «врагов народа») предоставлению нужной жилой площади.

Больше не надо было платить квартирную плату, но вместе с этим люди теряли и притязание на квартиру. У квартиросъемщика теперь была лишь возможность паразитировать за счет коммунистического государства (на самом деле за счет экспроприированных домовладельцев и отечественного капитала). Однако щедрое коммунистическое государство оказалось щедрым лишь потому, что было по-прежнему настроенным на экспроприацию чужого и на разбазаривание экспроприированного. Поэтому оно становилось все беднее, в том числе и в отношении жилой площади. Годами (до 1923 года) оно вообще не вело никакого строительства, а когда стало строить, нужда в жилье была уже слишком велика, темпы строительства оставались невероятно низкими, сами

новостройки плохими, дорогими и нерентабельными. Принудительно вселенные пролетарии обращались с прежней городской жилой площадью довоенного времени «чрезвычайно небрежно», так что до 40% муниципализированных домов через несколько лет сделались непригодными для жилья. И еще одно: у коммунистического государства была исключительная заинтересованность в жилой площади, которой оно распоряжалось, — теперь оно могло требовать служения и поклонения от своих квартиросъемщиков, «освобожденных от платы за проживание». Враг народа, т. е. гражданин с недостаточными прокоммунистическими настроениями или, по крайней мере, коммунистическими симпатиями, стать «квартиросъемщиком, освобожденным от платы за проживание», не имел шансов вообще.

Таким образом, «освобождение от платы за квартиру» означало: если тебе в будущем вообще будет позволено жить, то ты останешься жить на постоянно и далее сокращающейся жилой площади, будешь отдавать твою «сделавшуюся лишней» мебель вселенным коммунистам и тебе придется основательно перестроиться политически и духовно, ибо с этого момента ты — коммунистически зарегистрированный и поклоняющийся коммунистам массовый атом. И после осуществления этой великолепной реформы жилья выяснилось, что ремонт и приведение в порядок жилых домов требуют огромных денежных сумм, которые государство не может выделить. В 1921—1922 годах плата за квартиру была введена вновь, и с этой поры жилая площадь и ее оплата находятся в обратном отношении друг к другу: жилая площадь уменьшается, а плата за нее растет. Экспроприированным частным предпринимателям вкладывать нечего; в частном строительстве возводятся лишь крохотные домишки для собственных нужд и вдобавок из самых плохих материалов. А там, где в течение четырех лет городское население увеличивается на 22%, государству и частному домостроительству совместно удается увеличить жилую площадь всего лишь на 13—14%.

Существуют целые промышленные районы, в которых коммунистический пролетарий имеет лишь спальную дыру. Есть местности, где рабочий пользуется

жилой площадью в 3,2 кв. метра (например, в Донецкой области в 1929 году). Эту норму рабочие советского государства с юмором висельника называют «могила с половиной» на душу, в среднем же советский квартиросъемщик имел в 1927 году 5,9 кв. метра, т. е. примерно 2,8 могилы на душу, а в мае 1930 года коммунистами названа еще более низкая норма. И каким счастливым ощутил бы себя советский квартиросъемщик, если бы он мог за прежнюю квартирную плату спокойно наслаждаться прежней жилой площадью!

Оставим в стороне все то, чего он лишился как человек, как гражданин и как хозяйственный индивидуум. Возьмем лишь одну его квартиру. В больших городах в каждой комнате живет *по меньшей мере* одна семья (если комната не слишком велика): чужие попеременно с чужими. Во всех комнатах — хочешь ты этого или не хочешь — все слышно. Из-за этого пыльным цветом расцветает политический шпионаж коммунистов. По-кончено со святым тактом по отношению к внутреннему миру частной семьи. Невозможно уберечь своих детей от плохих примеров и плохого влияния. Живут, как на улице. Говорится, что живут еще «частным образом»; на самом деле это уже коммуны. Необходимо выносить чужую грязь, нечистоплотность, наглость и разврат. Сами коммунистические газеты описывают, как пять-шесть домохозяек, готовя на единственной имеющейся плите, из злости и зависти плюют друг другу в кастрюли и поэтому кастрюли на плите никогда не оставляют незакрытыми, а всегда закрывают крышкой и обвязывают веревкой.

Но самое ужасное еще впереди. Ведь коммунисты носятся с новыми отличными планами — вообще уничтожить *частную кухню* и полностью обобществить питание; затем запретить частное воспитание детей, т. е. как бы экспроприировать детей у родителей; превратить государственные новостройки в род казарм и создать такие новые «последовательно-социалистические» города, вся жизнь в которых с самого начала будет рассчитана на радикальное обобществление. И когда изучаешь эти планы, осознаешь их и по разработанным конкретным описаниям представляешь себе, то облегченно вздыхаешь, мысленно воссоздав в уме нынешнюю нужду

в жилье в Советской России; ибо то, что существует ныне, — всего лишь ужасающая действительность; но запланированное хотя и полностью соответствует цельной социалистической химере, смахивает на горячечный бред.

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРНЫЙ БОЛЬШЕВИЗМ?

Культурный большевизм — это большая тревога сегодняшнего дня. Кажется, что эта тревога возникла в Германии только недавно; но это обстоятельство никак не должно успокаивать. Ибо известным историческим фактом является то, что общественное мнение долгое время не замечает внутреннего смысла некоторых явлений и обращает на них внимание и проявляет по поводу них беспокойство лишь тогда, когда эти явления облекаются в яркую форму и выступают в роковом контексте фактов. Лишь глубокий ум и зоркое око способны рано углядеть тайнопись скрытых симптомов и дать им верное истолкование, но тогда этим отдельным мыслителям никто не хочет верить...

Уже многие поняли, что современный мир переживает большой *духовный кризис*. Культурный большевизм представляет собой не что иное, как *оборотную сторону этого кризиса*, как совокупность возникших из него негативных явлений. На свете существуют организации, которые стремятся к систематическому ускорению и обострению этого кризиса, к тому, чтобы в наиболее резкой форме вызвать к жизни вытекающие из него негативные явления, завязать их узлом катастроф и использовать этот узел как козырную карту при захвате мира. Но было бы наивным и близоруким сводить всю угрозу и всю беду к стремлениям и вредным акциям этих организаций хотя бы потому, что само существование *таких* организаций и *таких* устремлений представляет собой самый спелый и ужасный плод большого и глубокого духовного кризиса. На трагической почве этого кризиса возникает культурный большевизм, возникает не только как *массовое явление* — из него выходят вожди и искушители, учителя и основатели всего движения. Их цель — выдать заболевание за выздоровление, подогревать нарастающее разложение, парализовывать и

устранять здоровые силы сопротивления народного организма, сделать из *нужды добродетель*, превратить симптомы в систему и благодаря этому возвыситься политически. Однако это означает, что таковое устремление надо понимать как зрелый симптом назревшего кризиса и так к нему и относиться. Культурный большевизм придуман не большевиками, они лишь взяли его в свои руки; они лишь сделали его последовательными идеологами и пропагандистами, они лишь освоили, канонизировали и систематизировали сокрытое, сами они — лишь призраки из тех же мрачных глубин, нибелунги из Нибельхайма, представители грозящих и близящихся сумерек богов...

Что могли бы устроить большевики в мире, если бы сам мир не был предрасположен к большевизму? Как бактериям погубить организм, обладающий достаточной силой сопротивления? Если массы не *захотят* кого-то слушать, они хладнокровно пройдут мимо или разорвут его на куски. Тот, к кому прислушиваются и за кем следуют массы, говорит в некотором роде их устами. Народы еще не следуют за большевиками; но они уже прислушиваются к ним. И всюду, где к ним прислушиваются, — в рабочем ли квартале или салоне со снобистскими наклонностями, — прислушиваются потому, что культурный большевизм уже ищет выхода из сердец.

Что такое культурный большевизм?

Культурный большевизм нельзя свести просто к *разложению и уничтожению христианских и буржуазных форм бытия*, ибо эти формы как таковые разлагаются лишь под влиянием уже разложившихся душ, бунтующих якобы лишь против этих «устаревших» форм, на самом же деле склоняющихся к совершенной бесформенности. Здесь исследователю и врачу предписано копаться глубже и спускаться в подземные глубины души, где бушуют инстинкты и кипят страсти...

Также культурный большевизм — не просто «*кризис убеждений*»; ведь речь тут идет не только об одной абстрактной идеологии, что некоторые принимают за убеждения и где охотно думают и действуют либерально, ибо каждому дано право без помех составлять свои собственные «убеждения». Здесь священник и политик обязаны принимать во внимание устройство человеческой души,

человеческого бессознательного и считаться с практическими последствиями и будущим образом действий...

Большевизм вообще заключается в *разнуздывании жажды, в обессиливании удержей, в духовной и социальной распушенности*. Человек, в чьей душе идет этот процесс, может поклоняться социалистической или коммунистической программе, но может не желать прихода ни социализма, ни коммунизма, а просто, будучи распушенным и необузданным, действовать, исходя из безудержной жажды, если есть возможность — жестоко, если есть опасность — хитростью добиваясь своих эгоистических целей, не веря ни во что, ничего не уважая, по принципу «мое — это мое, и твое — тоже мое». Там, где зашел этот дух, возникает большевистская атмосфера; а там, где этот дух начинает разъедать *христианские и гражданские* формы жизни, там уже есть культурный большевизм; там же, где этот дух покушается на главные проблемы человеческих убеждений и начинает перекраивать и «решать» их на свой собственный лад, с культурным большевизмом надо бороться.

Отсюда видно, что большевизм — лишь *современный образец древнейшей общечеловеческой опасности*: склонности бунтовать против закона как такового, употреблять свободу во вред, отбрасывать форму духа и растворять душу в бушующих инстинктах и угаре страстей. И в этом прежде всего большая опасность всякого *освобождения, всякого безграничного либерализма*: до возникновения новой, более свободной формы жизни, и до того, как она установилась, пропасть духовного деформирования, необузданности, анархии и хаоса жаждет доставшейся ей добычи. Свобода без меры всегда была роковой для человека; так будет вечно, и так будет во всякой области. Когда в душе большевистское брожение, свобода *в законе* становится свободой *от* закона; свобода *в Боге* свободой *от* Бога — безбожием; политическая свобода превращается в свободу от Отечества, в интернационализм; свобода женщины извращается; за нравственной свободой от предрассудков следует всеобщее бесчестие. Так *не должно быть, такое не должно случиться*; надо вспомнить Мартина Лютера, обличавшего бушевавший дух Томаса Мюнцера и Клауса Шторха³.

Нам надо увидеть пропасть у нас под ногами и остановить культурный большевизм...

Культурный большевизм появился не вчера; он существовал всегда как склонность, как побуждение, как искушение и как опасность; вчерашним является лишь его название. Поэтому стоило бы решить большую задачу и осветить историю культуры последних трехсот лет с точки зрения этой склонности, соответствующих ей фактов и идеологической схемы, чтобы тем самым вскрыть и исследовать далее лежащие в глубине корни данного духовного кризиса. И тогда исследователь прежде всего определит, что этот кризис имеет *религиозное* происхождение и что культурный большевизм рука об руку идет с порою ползучим, порою бушующим политическим большевизмом. Но сначала нам нужны в этой области яркий свет и честное, ясное познание.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАРАЗЫ

Дух большевизма — зараза наших дней — возник не вчера. Он долгое время бродил по свету, то прошмыгивая, то проскальзывая, редко выступая открыто, чаще всего маскируясь, прощупывая и как бы для проверки поселяясь то тут, то там. Создавалось впечатление, что он выжидает, пока *дехристианизация* европейского человечества не сделает дальнейших шагов, пока не появятся новые поколения, для достижения духовной черствости и беспощадности поварившиеся в котле пролетаризации и механизации. Время медленно шло. Должна была возникнуть новая догма (марксизм), созданная в виде науки. Были нужны новые энергичные, даже неудачные попытки (Парижская Коммуна 1871 года, первая российская неудачная революция 1905 года).

И еще одно. Нужен был новый тип вождя — не прежние, воспитанные в государственно-политических и отечественных «предрассудках», отягощенные христианским правосознанием нерешительные вожаки, а люди нового типа (так и хочется сказать «новой расы»): полубразованные и необразованные всезнайки, как раз в силу этого расположенные к жестокому и слепому док-

тринерству; властолюбивые авантюристы с полностью отброшенным правосознанием и без национального чувства; фанатики с хорошей школой конспирации и заговоров; волевые люди, для которых цель оправдывает средства лишь потому, что в жизни вообще ничто не оправдано и оправдания не стоит. Теперь время назрело, появился новый вождизм; он уже одержал первые победы, и зараза распространяется ускоренными темпами.

Тот, кто хочет проследить за распространением большевистской заразы и понять причины ее успеха, должен прежде всего иметь в виду правильное определение большевизма: это *сделавшаяся грубой и беспощадной алчность*, которую восхваляют и пропагандируют как единственно верное направление мыслей и истинно классовое «пролетарское» отношение. В этом определении содержится и намечено все: от связи большевизма с религиозным кризисом до крайних практических последствий и методов борьбы, от первых духовных истоков его возникновения до будущей судьбы всего движения.

Но вначале надо указать: побороть все это движение вовсе не легко. Успехи большевизма в мире в первую очередь объясняются тем направлением, в котором он движется, — это движение по линии наименьшего сопротивления. Созидая и *строя*, человеческий дух всегда (не считая немногих особо талантливых людей) движется в направлении *наибольшего* сопротивления. Ведь духовная культура, в чем бы она ни проявлялась, — в науке и искусстве, в области политики, хозяйства или техники, — *требует обуздания страстей*, требует аскезы, воздержания, лишений, страданий, усилий и труда. Духовная культура вообще невозможна без страданий, воздержания и дисциплины воли; следуя высшим законам и создавая верные, жизнеутверждающие формы, она предполагает у человека духовное равновесие, силу характера и верность предмету. Большевизм и большевистская пропаганда, напротив, движутся по линии злых страстей (зависть, ненависть, месть) и жажды (алчность, властность, тщеславие, сладострастие), разжигая, подстрекая и разнуздывая эти страсти и эту жажду.

Большевизм рассматривает человека как *похотливое существо*, которое устало, которое ищет добычу и нуж-

дается в «справедливой» распущенности. И большевизм умеет выражать мысли этого существа и задевать его сердце. Он выступает выразителем мыслей, единственным, верным и откровенным другом этого бедного, усталого и закабаленного животного существа; он говорит на его языке, он призывает и увлекает, он бережит столетиями копившуюся в глубине души ядовитую тину злых страстей, чтобы воспользоваться всей мощью этих страстей для политических игр и подвести их далее к коммунистическому закабалению. Говоря языком психоанализа, большевизм пытается ослабить власть культурно-созидательного вытеснения, выманить вытесненные враждебные культуре инстинкты и направить их накопленную мощь на колесо революционной мельницы.

Отсюда и вся постановка проблемы. Там, где церковь и государство, наука и искусство возвышают человека, воспитывают и дисциплинируют его, большевизм сталкивает человека вниз, соблазняя его и внушая ему новую распущенность, которая осчастливит его; насмешками и уговорами освобождая его от религиозных, моральных, патриотических и политических удержей; впутывая его словом и делом, в особенности вызывающими делами, в новую ментальность и безудержный образ действий. Для этой пропаганды большевизму требуется сравнительно малое приложение сил и устранение сравнительно ничтожного сопротивления. Он, как в старой арабской сказке, старается сорвать с волшебного кувшина священную печать Всевышнего, чтобы 600 000 бесов, заключенных в этом запечатанном сосуде, вырвались на свободу. Большевизм называет это «освобождением», а остальной мир должен всецело осознать, чего можно ждать от этого освобождения.

Теперь легко представить себе, что большевистская зараза повсюду находит готовую питательную среду — там, где духовные удержки уже расшатаны или по меньшей мере разъедены; а также в тех местах, где духовные и общественные соображения «уже не воспринимаются так серьезно», где религиозная вера отмирает, где шатается правосознание, где отказывает чувство национальной чести, где чувство любви к Отечеству отступает перед натиском современного интернационализма. Так-

же и там, где душа истощена жестокой жизненной нуждой и гражданственность обессилена, где нищенский посох ведет в унылую страну отчаяния, где больше не знают того света, а этот свет безнадежен.

Ибо воистину: чем жесточе нужда, тем сильнее искушения, и чем сильнее искушения, тем крепче и обильней должны бить родники духовного сопротивления в человеческой душе...

И там, где нравственные удержки уже и вовсе расшатаны и где соображения правосознания уже давно исчезли, где похотливое животное существо уже само отпустило тормоза и поиски нелегальной добычи превратились в ежедневный труд в уголовном подполье и в профессиональной преступности, — к большевистской проповеди прислушиваются как к новому адскому Евангелию; и перед несчастным молодцем как бы предстает собственное безобразие, и все уже готово для понимания и сотрудничества. Теперь большевизм находит свой тайный дух — авантюризм, безрассудство, школу конспирации и преступности, предприимчивость и решимость. Остается лишь усвоить «классовое сознание» и (самое трудное!) «доктрину». Но ведь все неплохо идет и без доктрины!

Говорят о термитах, что они незаметно грызут и разъедают целиком деревянные дома. Дом еще стоит, в нем еще живут, об угрозе еще и не догадываются. Пока однажды сильный порыв ветра не опрокинет видимость дома, и в небо не полетят лишь пыль и прах, как уличные отбросы, развиваемые ветром.

Зараза уже разъедает изнутри душу народа. Caveant, caveant consules!⁴

ПРИЧИНА ЗЛА

Культурный большевизм стал ползучей заразой. Как это случилось? Откуда наползает эта мутная волна, которая, медленно поднимаясь и незаметно пропитывая все, оставляет повсюду свою ядовитую тину и создаст болезненную атмосферу? Она появляется из бессознательного неверующего человека.

Несверно определять весь этот процесс как культурное «отчуждение», будто дело обстоит так, что что-то со-

вершенно чужое подступает к здоровому организму снаружи, вселяется в него паразитом и начинает пожирать здоровую ткань организма. В мире, конечно, всегда существуют чужие, нездоровые, извращенные и соблазнительно обволакивающие духовные настроения и методы действий, которые незаметно усваиваются и могут испортить всю жизнь. Но уже само усвоение чужих извращений однозначно указывает на соответствующую предрасположенность усваивающей души. К тому же легко понять, что примитивные и слабые натуры не желают признавать собственные слабости и стараются переложить любую вину на других: от них, мол, исходит лишь добро, все зло идет от других; им всегда нужен соблазнитель, «впутывающий их черт», чтобы он отвечал за их вину и нес бремя их злых наклонностей. Это можно понять психологически, но нравственно и политически — чрезвычайно вредная подтасовка! Прodelывая подобные перемещения и подтасовки, никогда не станешь здоровым. А кому хочется остаться здоровым, тому надо не только выкорчевать чужое (безнадежное предприятие!), но и позаботиться о собственных силах сопротивления. Никогда народ не сделается великим через самопрощение, которое всегда сродни самовозвеличению, это возможно лишь через умный самодиагноз и честную мужественную самокритику.

Корни культурно-большевистского зла лежат в собственном подсознательном, сделавшемся неверующим. Тот, кому это утверждение покажется непонятным, должен подумать о том, что культурный большевизм может пустить корни лишь там, где высохла, разложена или развеяна религиозность и что носители и пропагандисты большевизма верно распознали в религии своего злейшего врага и самое большое препятствие. Сам культурный большевизм — не более чем безудержное разложение душ, утративших религиозные корни, а зрелым плодом этого разложения станет большевистская культура, т. е. попытка создания новых убеждений и нового образа жизни — без Бога и без религии. Эти новые убеждения уже возникли из недр — это ленинский марксизм. Этот новый образ жизни уже разворачивается в Советском Союзе — это все национализирующий и все порабащающий коммунизм. Без Бога на земле су-

ществуют лишь разнузданность, беспощадность и культурный разврат — культурный большевизм. А последнее слово этого культурного разврата — коммунистическое порабощение. Сердце и ум немецкого народа не должны распознать это слишком поздно!

Однако истинное положение вещей в исследуемом явлении лежит еще глубже. Человек — знает он это или нет — верит всегда; даже если он сам признается, что не верит, «ни во что» более не верит. Тогда он все же верит, но во что-то такое, что не достойно веры, в то, что вместо блага принесет ему погибель. На самом деле все обстоит не так, что есть «верующие» и «неверующие» люди, а по другому — так, что одни верят в Бога и духовное, в то время как другие — в бездуховное и противное уму. Верить — означает решительно и энергично стоять за одну правду; и посмотрите — безбожники нашего времени решительно и энергично стоят за свою «правду». Их жалкая «правда собственных убеждений» — не что иное, как последовательный сенсуализм и релятивизм; она бездуховна и противна уму, она воздействует изматывающе и опустошающе. Но в нее действительно верят как в новое «откровение», за которое стоит бороться и — возможно — умереть.

В нынешнем мире появилось новое «верующее» безбожие, оно ведомо и проповедуется всемирным орденом заговорщиков, который хочет обратить и таким образом закабалить весь мир. Этот орден обращается не просто к человеческому разуму, но старается своей марксистско-ленинистской аргументацией привести в движение человеческие страсти и подстегнуть их, привести в разнузданное состояние «бури и натиска». Он старается внушить человеческому бессознательному новые, безбожные, антипатриотичные, противоправные, безнравственные и антиобщественные содержания и цели. Людям как бы впрыскивается или вводится под кожу бацилла духовно-умственного бешенства.

Но само собой разумеется, что новая антидуховная вера находит отклик лишь в тех душах, процветает и приносит страшные плоды лишь там, где процессом утраты духовности для нее уже подготовлена почва. Верующий в Бога воспринимает новое движение как сата-

нинский психоз. Тот, у кого еще осталось от христианства хотя бы благо живого духовного опыта, категорически отвергает эту «бешеную веру». Он видит в культурном большевизме декадентский процесс разложения. Более того — он вынужден задать решительный вопрос: как далеко могут зайти на свете религиозная свобода и принципы терпимости?

А теперь главное. Нет на свете такого сопротивления, которое само по себе вело бы к здоровью и благу. Отрицательное не создается. Одно лишь «нет» еще не спасло ни одного человека и ни один народ. Проникнутому верой и негативно борющемуся пафосу может быть противопоставлен и может одержать над ним верх один только позитивный антипафос. Один лишь священный огонь поможет справиться с адским пламенем. Культурный большевизм разрушает, а разрушать легко. Нелегки строительство и обновление, и некоммунистический мир как раз и нуждается в обновлении и строительстве. «Созидательная» и «обновляющая» «идея» коммунистов — противоестественна, т. е. мнима и безнадежна; ее мощь — в разрушении, в созидании она — живой символ амбициозного бессилия, ибо все, что строится и кажется производительным в советском государстве, возникает в результате скрещивания двух частнохозяйственных энергий — энергии буржуазной заграницы и своей, настроенной антикоммунистически, но насильно принуждаемой и используемой коммунистами энергией русского народа. Этой ложной идее необходимо противопоставить верную, новую и религиозную идею, почитающую и оберегающую принцип духовности и принцип собственности.

Этой великой, верной и ведущей, обновляющей и созидательной идеи у антикоммунистического человечества еще нет. Ее еще необходимо создать. Хотя она и должна обладать способностью разрубить социальный узел настоящего, ей нельзя и она не может иметь лишь социальную природу, ибо социальное лишь последовательное выражение нравственного, лишь отблеск религиозного пафоса. Нынешнее человечество просто погибнет без целостных, облагораживающих и обновляющих идей, оно через расшатывание скатится в пропасть. Но речь идет не об абстрактной выдуманной

конструкции, не о более или менее удачном социальном рецепте, но главным образом о священном пламени, которое должно зажечь и зажжет человеческое бессознательное. Ведь религиозно холодное человечество не сможет устоять перед воинственным безбожием.

И проблема не в том, наступит или нет новос, а в том, возникнет ли оно и расцветет до катастрофы или лишь после нее и из краха современной культуры.

БОЛЬШЕВИЗМ КАК ПСИХОЗ

Под большевизмом обычно понимают определенное политическое движение «леворадикального» толка, которое поклоняется революционному марксизму и хочет ввести коммунистический общественный строй: «новую политику», «новое хозяйство» и «новую культуру». При этом чаще всего не обращают внимания на главное — на то, что большевизм предполагает соответствующее состояние души, старается вызвать его и пользуется им как основой и рычагом. Не замечают также того, что это состояние души как необходимое условие для коммунистической революции может возникнуть и созреть уже в лоне буржуазного общества, что это состояние может охватить и завоевать и некоммунистические массы; следовательно, коммунистический переворот готовится большевизацией души масс.

Душа рабочего, крестьянина, представителя среднего сословия, интеллигента созревает для коммунистического переворота не тогда, когда она отрицает частную собственность и призывает социализм, а тогда, когда большевистски расшатана. Ей вовсе не нужно мечтать о коммунизме; она может даже представлять себе, чего же, собственно, хочет коммунизм и что он на самом деле создает; она может, как и прежде, сохранять «буржуазную» видимость — и все же, сама не подозревая о том, быть созревшей для коммунистического переворота. Не в том смысле, что такой человек примет участие в заговоре или пойдет сражаться на баррикады, а в том, что он незаметно усваивает духовные воззрения большевизма, от усталости или даже от отчаяния начинает по-

клоняться роковым словам «чем хуже, тем лучше», проникается неопределенной бродящей «симпатией» к яду, притекающему от левых экстремистов, и сознательно отвергает борьбу за Бога, Отечество, семью или частную собственность или покидает ее из малодушия...

На этом пути можно зайти так далеко, что большевизм привлечет на сторону коммунизма принципиально некоммунистические души масс. Несущая сила национальной культуры и государства незаметно расшатывается, в критический момент она будет парализована и откажется повиноваться. Пусть наивные и злобные материалисты сколько хотят утверждают, что государство — это «внешняя» власть и «внешний» строй. На самом деле государство живет в лоне национального правосознания; и это народное правосознание составляется из миллионов индивидуальных характеров, у которых может незаметно иссякнуть их чувство долга, их гражданственность, их честь и их верность, на короткое время или на долгий период. Так коммунизм завоевывает народ, страну и государство путем большевистского расшатывания и соблазна. Мало кто хочет коммунизм как таковой, но большевизировано уже слишком много людей; катастрофа возникает не из численного превосходства активного врага, а из пассивности усталых, соблазненных, измотанных и наивно-доверчивых масс.

Опасность заключается в том, что большевизм незаметно вгрызается в душу масс, а в качестве так называемого «культурного большевизма» настолько долго свободно проникает в нее, поселяется и оседает в ней, что однажды становится поздно.

Немецкая общественность должна хорошо ознакомиться с сущностью этого процесса разложения, для этого необходим в этой области подробный и исчерпывающий анализ. Здесь мы, конечно, можем дать лишь краткий очерк.

Человеческий инстинкт, инстинкт самосохранения, вот на что прежде всего нападают и что заставляют искажаться. Семья, сословие, государство и церковь существуют до той поры, пока сохраняет социальное ощущение и созидание человеческий инстинкт самосохранения, т. е. пока он в состоянии углубляться, расширяться и облагоражи-

ваться в такой степени, чтобы учитывались и почитались цели и требования этих сообществ. Большевизация души начинается там, где иссякает и отказывает способность инстинкта к жертвенности и общественная готовность к служению. Инстинкт самосохранения как бы сжимается, покидает высшие социальные формы жизни, становится эгоцентричным и беспощадным. Отречение происходит постепенно: оно начинается с государства в то время, когда государству противопоставляют классовые интересы. При этом совершенно неважно, какой класс предпочитается патриотическому единству; распад государства начинается с классовой доктрины и классовых противоречий. Непосредственно за ними следует дальнейший отход: корысть класса заменяется жестокой корыстью отдельной семьи и затем — отдельного лица; и все распадается на атомы.

Раскол народа на борющиеся классы, усиливающееся расшатывание семьи, выход из религиозных общин указывают на большевизацию души масс. Заболевшие большевизмом люди, возможно, совсем не думают о том, куда ведет этот путь распада. Но коммунисты это точно знают и проповедуют и подогревают этот распад во всех областях. Они хотят разделять, чтобы властвовать. Всеобщее брожение общественного распада создает подходящую и самую благоприятную атмосферу для переворота и захвата власти. Ибо там, где выдержит связка (по-итальянски «*fascio*!»), отдельные прутья скоро сломаются.

Этот атомарный процесс имеет еще одно более глубокое значение. Однажды сделавшись распушенным, настроенным совершенно эгоистично и карьеристски, человек имеет лишь одну высшую цель и один закон, которому он следует — собственное благо. Для него не имеет смысла жить, бороться и умереть для чего-то высшего; напротив, он всегда готов предать все высшее. Поэтому так легко запугать, подкупить или каким-то иным образом «поставить на колени» таких людей или «переломать им хребет» (и то и другое любимые выражения коммунистов). У распушенного человека нет чести: он утратил свою личную святыню, он не умеет сам себя уважать, он легко привыкает к унижению и отучается от достоинства. А человек, лишенный достоинства, создан для рабства: в

данном случае ему в дальнейшем придется служить инструментом для завоевывающих мир коммунистов.

Это гладкий санный путь, по которому большевистский инстинкт ведет в пропасть. Рука об руку с большевизацией инстинкта идет большевизация чувства, воображения и мышления.

Жизнь чувств становится грубой и жесткой, в полном соответствии с нравственной распушенностью. Большевизм работает преимущественно с отрицательными, разрушительными чувствами, такими, как зависть, ненависть, ярость и жажда мести. Он мастерски умеет зажечь и разжечь эти чувства, пока сердце человека не сгорает как бы до угольев и становится способным принимать и испускать лишь «черные» лучи. Как однажды сказал Томас Гоббс — «человек человеку становится волком»; и тогда он себе позволяет все. И душа массы, однажды охваченная этими аффектами, становится как бы одержимой и может отбушевать лишь в разбое и крови.

Большевистское воображение закрывается передо всем, что сверхчувственно, оно не знает ничего, кроме материи, тела и телесных потребностей; оно делается *материалистическим* и *неверующим*, чтобы в конце концов стать *антирелигиозным*. Ко всей обители нечувственного опыта (нравственная совесть! правосознание! созерцание Бога! переживание истины!) сначала применяются мелочные придирки, затем ее расчлениают, отбрасывают и, наконец, подвергают поношению. Душа впадает в бездуховность, в безнадежную пустоту, во все опошляющее высокомерие. Разнузданная воля суждений судит обо всем и порочит все «неподходящее». Для материалиста все «просто» и все «ясно», все сводится к грубости и животному. Бездуховное мышление нигде не видит духа и не желает его видеть. И теоретик-большевик способствует утверждению большевистского разума как настоящий профессор поверхностности мысли.

Повсюду в жизни народа, где душу масс захватывает, разъедает и скоро или медленно расшатывает этот процесс духовного заболевания, этот психоз, появляются как бы очаги воспаления культурного большевизма, которые влияют по-разному, однако всегда расслабляя и подтачивая. И наблюдая объективно и внимательно этот

процесс, чувствуешь необходимость вспомнить сатанинские слова Троцкого о «кроте истории». Да, девятнадцатый век подарил человечеству большевистского крота, который денно и нощно подрывает корни духовной культуры, обездуховливая человеческое бессознательное и опрокидывая все строение воспитанной двумя тысячелетиями христианской души.

Нам нужно набраться мужества и посмотреть в глаза этой угрозе. Если мы не наберемся мужества, то на нашей культуре можно будет поставить крест. Ибо воистину: если теряешь мужество, теряешь все.

ПОЛИТИКА СТРАСТЕЙ

Гегель однажды сказал: все великое в человеческой истории возникло из страсти⁵; и он был прав, ибо великая любовь — воистину созидательный первоисточник человеческой души и тем самым всей человеческой культуры. В политике эта великая любовь относится к Отечеству; тот, у кого ее нет, что он совершит в политике без священного пламени патриотизма?

Но у Гегеля никогда не было намерения сказать, что *каждая* страсть ведет к великим вещам, или что необузданная, беспощадная и *слепая* страсть предвещает творческие успехи. Человеческая душа знает такие страсти, которые отбушуют бесплодно; человеческая история знает пассионарные движения, которые принесли много горя, не увенчавшись значительным успехом. Недостаточно страстно любить: любовь должна также найти и проложить творческие пути, она должна быть *укрощена* в ее изначальной природной силе и подчинена *великой* цели; ей нельзя быть слепой, она должна верно видеть данную действительность и на каждом шагу учитывать ее. В особенности это касается политики, ведь в ней всегда присутствует нестабильное социальное равновесие, чьи законы до сих пор познаны не до конца; в ней предписывается не только большая любовь к Отечеству, но и осторожность и уважение; не только воля и строгая организация, а еще и искусство возможного; не только высокая цель, но и умная тактика.

Радикализация политической борьбы означает засилье слепой страсти, и каким справедливым возмущением, какой честной и большой любовью ни была бы проникнута эта страсть, она все же идет роковым путем. Человек со страстным темпераментом мало склонен к взвешиванию и раздумью. Идя вперед и руководясь при этом лишь своими чувствами, он не желает вопросов и ответов; никаких проблем, а только лозунги, одни лишь лозунги. Ему не по нраву запутанные обстоятельства, он их упрощает. Все узлы для него — гордиевы узлы, он хочет их разрубить. Он верит в приказы и запреты, а не во внутреннюю живую органичную власть вещей, он переоценивает государство и его средства, он переоценивает человеческий произвол. Вместо того чтобы бдительно и трезво наблюдать за политическим окружением, он видит свою сокровенную политическую мечту, и видит ее нередко в отрыве от суровой действительности. Эта суровая действительность его разочаровывает, и он не хочет видеть из нее ничего кроме того, что пригодно для его мечты. Так возникает опасность, что страстный политик, собственно, уподобляется слепому, ведущему других слепых в крошечную темноту. Его позднее пробуждение может произойти в обстановке уже непоправимых событий... Политика — вовсе не дело чистого темперамента!

Страстный, радикализированный политик настроен *делать ставку на все*. Он хочет полностью добиться своей цели; он хочет всей власти, он хочет единовластия. По существу, он презирает всех по-иному настроенных людей, иные партии, иные духовные движения; и ему нелегко скрывать это презрение, хотя это нужно хотя бы из приличия. Этим он изолирует себя и стоит один со всей той последовательной нетерпимостью, которую он носит в своей груди и готовит как образ жизни на будущее. Он нетерпим и исключителен. Он не признает никакого «я и ты», никакого сотрудничества, его формула звучит «я, но не ты», и именно «я один...». Он склонен к бескомпромиссным притязаниям, к окончательному отколу от остального государственного корпуса и тем самым, возможно, сам этого не замечая, становится представителем партийного принципа и партийных распрей. Воздух, которым он дышит, атмосфера, которую

он в себе носит и приносит с собой, — это атмосфера политического развала и гражданской войны. Это вторая опасность радикализации, она гораздо больше, ведь легче разбудить и развязать фурию гражданской войны, чем снова обуздать и укротить ее: «Духи, которых я вызвал, я не могу избавиться от них...»

Третья опасность радикализации заключается в том, что страстный политик нередко не имеет «минимальной программы», а имеет лишь «максимальную». Лестница его политики имеет как бы одну-единственную ступень, и это *последняя* ступень: он ничего не желает знать об «эволюции», о «постепенном движении». Он обладает «истиной»; он *один*; и это — «*вся истина*». И эта «вся истина» должна быть сразу же и полностью воплощена в жизнь. Промедлить — значило бы для него то же, что отказаться или предать. Часто он думает, что у него широчайшие перспективы, хотя на самом деле они у него самые узкие: он не различает между «близко» и «далеко», между «послезавтра» и «дальнейшее будущее». Страстная воля перелетает через большие отрезки времени, оставляет без внимания законы природы и культуры и думает, что в жизни так же, как в сказке, — семимильные сапоги, счастливая сабля и корень мандрагоры. Он строит воздушные замки, изобретает панацею от всех болезней, недооценивает шершавую реальность и переоценивает власть человека вообще, и в особенности собственные силы. Проповедует он социальную революцию, и поэтому радикализация означает не что иное, как революционизирование народа. И тут стоит лишь начать и сдвинуть с места камень, чтобы он покатился: задорные, сумасшедшие прыжки катящегося камня получаются тогда сами по себе...

Четвертая опасность состоит в том, что радикализированные политики радикализируют массы; а человек массы, один раз настроенный радикально, один раз помещенный в страстное, жестокое брожение, утрачивает сохраняющее государство благоразумие и вообще взвешивающее хладнокровие и начинает мечтать о «возмещении» и «искоренении». Радикализация переносит центр политики на улицу; начинаются кулачные дискуссии, мечты о перевороте, начинается презрение принципа сохранения мира. Теперь нетерпение ценится

выше разума; удар и пинок выше примирения. Политика все более становится уличной политикой, все то, что не говорит языком ненависти и страсти, — будь то сама справедливость и сам разум или даже язык христианства, — все более теряет свое значение.

И посмотрите, радикализированный человек массы теряет всякую политическую ориентацию: он ищет «врага» в самой близкой ему политической группировке и быстро перемещается к настоящему врагу, к истинно заклятому врагу, к другому крайнему крылу. Дело и объективность для него исключаются, он разумеет с этих пор лишь «динамичность», язык революции, зов радикализированных приверженцев переворота. Круг замыкается, правые экстремисты и левые экстремисты соприкасаются друг с другом, лишенные ориентации люди массы теряют верный смысл и верное ощущение, и мутный хаос овладевает душами. Люди верят отныне лишь в «радикальность» и «крайности», какими бы они ни были; и в этой атмосфере возникает ужасающая мешанина из «добра» и «зла», в которой бесовские и сатанинские силы с давних пор имели изначально благоприятную стихию.

Таковы главные опасности политического радикализма. Боже сохрани от них Германию! Никакой политики без меры и рассудка. Никакого характера вождя без обуздания.

ОЖИДАНИЕ И ОЧИЩЕНИЕ

К русской эмиграции

Русская эмиграция последних 15 лет стоит в истории человечества особняком. Как и все массовые явления, она возникла без желания и не по договоренности; эмиграция насчитывает от 1 200 000 до 1 300 000 человек, и приток новых людей продолжается и поныне. Возвращались немногие; все попытки в этом направлении не увенчались успехом: возвращенцы или не были приняты советским правительством, или их постигла жестокая, даже трагическая судьба внутри страны. Эмиграция состоит из трех неравных слоев. Небольшое число было выслано (в целом не более 100 человек); большое число (примерно до 100 000 человек) должно

было уйти и покинуть страну как участники гражданской войны. Остальная масса бежала за границу частично для спасения собственной жизни, находящейся под угрозой, частично же — чтобы обеспечить себе свободное творчество и свободную борьбу за Отечество.

Духовный смысл эмиграции — *протест* и *борьба* с насилием и порабощением, с безбожием и обещанием, которые приносит с собой коммунизм и которые он стремится систематически осуществить во всех областях жизни. Русский эмигрант чувствует свое призвание — открыть остальному миру глаза на сущность коммунизма и опасность коммунистической пропаганды, бороться во всех областях жизни за свое Отечество, внимательно следить за внутренним положением в России и передавать свои знания и опыт молодым поколениям.

Но все это лишь верхний слой огромного явления. Его сущность гораздо глубже.

Всякая революция, в которой разрушается страна и народ, — катастрофа. В качестве причин эта катастрофа должна иметь в прошлом определенные недостатки жизненного строя и народного характера, определенные ошибки правительства и, возможно, нездоровую, ошибочную идеологию дореволюционной интеллигенции. Подобную катастрофу надо поэтому переживать как *ужасающий исторический Божественный суд*; суд, цель которого — не приговор, а очищение и обновление; суд, который предназначен для всех народов Европы и который, может быть, еще состоится. И здесь, перед судом, предстали вовсе не коммунисты, они скорее представляются египетской муклой, через преодоление которой народ должен достичь духовного очищения. Подобная катастрофа как бы обнажает изъяны; она судит и выносит приговор, она потрясает душу народа до последних глубин и принуждает ее к очищению и духовному обновлению. Всякий народ может постичь катастрофа, и эта катастрофа сама по себе еще ничего не говорит о жизнеспособности народа. Вопрос жизнеспособности и будущего народа станет решаться прежде всего через его духовную реакцию, которая будет вызвана катастрофой в душе народа. Иностранцу будет очень трудно верно понять и оценить эту духовную реакцию внутри

страны, пока страна покрыта туманом революции и духовные горизонты еще не прояснились. И то, что мы, эмигранты, частично также долгие годы переживавшие революционный процесс в стране, ощущаем и чувствуем в бессознательных глубинах русской народной души, соответствует самым оптимистичным ожиданиям.

Но тем легче судить об отражении катастрофы в душе эмигранта.

В смысле духовной реакции эмигрантскую массу надо разделить на два больших потока; и это деление вовсе не совпадает с банальными политическими партиями или идеологическими группами. Скорее, каждый из этих потоков охватывает людей всех партий и всяческих убеждений, так что общая картина благодаря этому являет чрезвычайно сложное зрелище; непосвященному может даже показаться, что общественное мнение эмигрантства представляет собой непостижимый хаос. Но ключ к пониманию лежит в следующем соображении.

Перед ужасной катастрофой, перед гибельной глупостью марксистского коммунизма, перед бесконечными страданиями введенного в заблуждение народа недостаточно высказать отрицательное «нет» (каким бы решительным и последовательным оно ни было). *Созидательно* лишь духовное и настроенное на действия «да». Да, марксистский коммунизм надо последовательно и неутомимо отвергать. Но что надо утверждать вместо него? Где находится верный путь? Куда он ведет? Как добраться до спасительного обновления?

Здесь потоки разделяются, и разделились они уже с рубежа 1918—1919 года. Под молниями страшнейшей непогоды, перед пропастью человеческой испорченности и жестокости, в которых (говоря по Канту) так беспощадно обнажилось «радикальное зло человеческой природы», одни упорствуют в своем прежнем, традиционном мнении, застывают в догме своих интеллигентствующих традиций и становятся неустанными апологетами своих давних «идей» и «путей». Ураган большевистского сатанизма не смог пробудить их к новой жизни, напротив, они по-прежнему остались верными сторонниками своих неполноценных политических и воззренческих «принципов». Они сделали для себя делом чести ничего не пере-

смаатривать и *сохранять верность* старым недостаткам и ошибкам; воистину — самоубийственная «верность». Ни одна Господня молния не пронизала тьму их самодовольной души, ни один подземный толчок не заставил зашататься здание их «воззрения». Они лишь гордятся тем, что ничему не научились, ничего не забыли и ничего не осознали. Вся беда произошла единственно из того, что «за ними вовремя не пошли». Они *были правы*, а все разбилось о слепоту и глупость «других»...

В этом потоке, который можно назвать как бы *потоком духовной смерти*, плывут люди всех духовных направлений и всех воззрений. Здесь можно найти «православных» социал-демократов (из II Интернационала), которые прилепились к своему марксистско-материалистическому пониманию всех вещей; парламентариев-догматиков, сторонников злосчастной «конституанты» 1917 года; поклонников формальной демократии; монархистов, которые доселе не поняли, что, собственно, погубило русскую монархию; безбожных людей рассудка, которые сделали из своего просветительства пунктик чести; целый ряд безответственных публицистов, которые считают себя на протяжении всей жизни призванными «теософами» и «мистиками» и по-прежнему разбрасываются соблазнительными и запутанными идеями о святом и божественном (некоторые из них еще год тому назад поклонялись Сталину и его провалившемуся «пятилетнему плану»). Все нетворческие натуры, которые застряли в своей дореволюционной колее и не способны к творческому очищению и обновлению. К сожалению, каждое из этих направлений сумело создать себе смену молодых людей, которые, в силу своей молодости, стремятся к «новому» и наивно принимают закосневшее *старое* за искомое «новое» и порою стараются дополнить его коммунистическими или полукommунистическими идеями...

Рядом с ним, в самой непосредственной близости, иногда (в отдельных ответвлениях) даже пересекаясь, течет другой духовный поток, который мне хотелось бы назвать *потоком духовной жизни и обновления*. Это творческие людские души, которые осознали святую серьезность происходящего и всю глубину мирового кризиса и используют грозные молнии для того, чтобы оглядеться

в лесу настоящего в поисках новых путей. Они видят свое дело чести в том, чтобы призвать своих соотечественников к творчески искренней и глубоко захватывающей ревизии духовной настроенности, философски хочется сказать — к *духовному акту*; прежде всего в том, чтобы *внутренне перестроить самих себя*. Поэтому их главный тезис можно сформулировать так: «то, что развалилась Россия, что смогли угнездиться коммунисты, означает, что мы шли ложными путями; где мы неверно видели, где неверно хотели, где мы неверно созидали? Где нам очистить наши души и души нашего народа? Где и как начинать новую, здоровую духовную ткань?»...

Люди, которые движутся в этом потоке, отнюдь не предаются брюзжанию и бесплодным мечтам, они также не высокомерные критиканы. Напротив, с внешней стороны они кажутся настроенными на скромную объективность и аскетизм в оценках. Политически они почти все относятся к так называемым «не принимающим окончательного решения»; это значит, что они готовы признать всякую неинтернациональную и некоммунистическую форму государства в России, и готовы сделать это потому, что превыше всего ставят серьезную объективность и, таким образом, дело спасения Отечества. Некоторые из них более склоняются к монархии, другие к республиканству; но живое и духовно здоровое содержание затмевает для них все остальное. Они свободны от всех довоенных предрассудков, они целиком свободны от всяческой враждебности, от всякой мести. Они хотят новой, очищенной и социальной (не социалистической!) справедливой жизни для своего народа и Отечества; их ощущения — *национальны*; их желание — *социально*. Они мысленно представляют себе обновленную христианскую церковь, новые политические формы, они склонны отрицать европейскую культуру лишь в той степени, в какой она привержена абстрактному рассудку, материализму, маммонизму и безбожию. Здесь не носятся с парадоксами обостренного «антиевропеизма», как это сделала несколько лет назад группа так называемых «евразийцев», чтобы затем погибнуть от собственной беспочвенности. Здесь ничего не хотят

знать и о безответственных играх с «религиозной диалектикой» всякого *Бердяева* и *Шестова*. Не наслаждаются также соблазнительной смесью искаженного христианства с теософски перетолкованным язычеством всякого *Мережковского*. Ко всему этому относятся как к перевернутой странице. *Хотят реальности* и верят в *истинную реальность духовного*; стараются не выдумывать в христианстве новые догмы, как это любит делать Булгаков, но через искренность и непосредственное участие добраться до источника вечной жизни в христианстве, как это делают профессор *Арсеньев* (Кенигсберг) и профессор *Карташов* (Париж). Особенно держатся за принцип чести, объективности и беспартийности. Прилежно изучают по подлинным источникам внутреннее положение в России и хорошо понимают его. Хотят *новых* вещей в *новой* России и заранее знают, что здесь будет идти речь не только об «истинном старом», но и о новых, созидательных решениях внутренней и внешней проблематики.

Этот образ мыслей, который исходит из исторически данного «радикального зла», вселяется в глубины собственной души и, ища очищения в страданиях, впадает в мировую созидательную боль, нашел своего пророка, говорящего художественным языком, в великом русском рассказчике Иване Шмелеве¹.

Надо еще отметить, что такие люди легко находят друг друга в эмиграции и легко сходятся друг с другом — вопреки всем препятствиям и партийным дразгам; что и этот поток — отнюдь не организованный лагерь, а скорее, здоровая духовная настроенность, которая еще должна сомкнуться внешне и станет плодотворной; и что этот образ мыслей, настроенный на духовную реальность и национальную и социальную объективность, состоит в самом близком родстве с новым, молчаливо пробивающимся духом во внутренней России.

¹ См. особенно его произведения: «Солнце мертвых». Издательство С. Фишер, Берлин; «Рассказ бывшего человека», изд-во «Эккарт» (сначала в газете «Эккарт»), и рассказы, содержащиеся в этом выпуске.

НАДЕЖДЫ И ОПАСЕНИЯ КОМИНТЕРНА

Есть правило борьбы, которое требует, чтобы всякий прислушивался к голосу своего врага. Это дает много: сведения о его силах, понимание его намерений и планов, точное знание о том, кого он считает своим врагом и кого — своим союзником, чего он боится и на что он надеется. Это дает как бы луч света, освещающий всю обстановку борьбы и заставляющий нас самих проверить нашу собственную позицию, а также все наши оценки и расчеты...

В декабре 1933 года собирался XIII пленум исполкома Коммунистического Интернационала: как всегда — заседания, доклады, речи, резолюции. В конце января — начале февраля 1934 года XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии; главный доклад о деятельности Коминтерна делал Мануильский, наиболее любопытные речи по этому вопросу были произнесены Кнориным⁶, Бэла Куном и немецким коммунистом Хекертом⁷. Что же выяснилось? К каким решениям пришли эти люди? В каком направлении они решили вести свою борьбу, на что они надеются и чего они опасаются?

Отложим ваше собственное суждение и установим то, что мыслит Коминтерн.

Первое, что необходимо установить: все слухи и шепоты о том, будто русские коммунисты «одумались» или «передумали», будто Коминтерн «отказался от борьбы за мировую революцию», а Всесоюзная Компартия становится «русской» партией с «национальной» программой, — совершенно ложны. Эти слухи и шепоты, раздающиеся в разных концах Европы и проникающие в европейскую печать, — то в форме «телеграфных извещений», то в форме «идеологических» статей, иногда пытающихся даже изобразить «всесоюзных» коммунистов в виде «русских национальных фашистов», — настолько ничему не соответствуют, что самое происхождение их становится недвусмысленным: это есть несомненная коммунистическая дезинформация, и распространять ее может или тот, кто *непробудно наивен и безответствен*, или же тот, кто *сознательно содействует коммунистам*. Ни для кого из нас не секрет, что за годы революции в европейском общественном мнении возникла особая лабора-

тория и образовался особый кулуар советолюбивых известий. Эта лаборатория снабжает своими «сообщениями» и «освещениями» печать всех стран; и донныне везде находятся люди, которым эти известия оказываются «по пути» — то в умственном, то в нравственном, то в политическом отношении. Не подлежит никакому сомнению, что беспристрастный историк выяснит однажды всю вредоносность этих, скажем осторожно, «наивно-доверчивых» людей. На самом деле Коминтерн и его вожди напрягают все свои силы и средства для того, чтобы ускорить развитие мировой революции.

Так, они делают все возможное и невозможное для того, чтобы оправиться от свалившегося на них в 1933 году тяжелого удара и починить или, по крайней мере, заполнить ту брешь, которая образовалась в их международном «фронте». Эта брешь образовалась, как известно, на *германском* участке их «фронта», и над заполнением ее они работают теперь, как муравьи в развороченной муравьиной куче: и мечутся, и тащат, и усиками шепчутся, и едкой кислотой во все стороны брызжут. Сколько бы эти «всепровидящие» марксисты ни уверяли друг друга, что они «этого» ожидали и к «этому» готовились, — их речи, их тон, их резолюции, и особенно их надрывная похвальба свидетельствуют о размерах понесенного ими поражения. Ныне коммунист, обозревающий «мировую конъюнктуру», всегда начинает с положения дела в Германии, с трудом и неохотно переходит на другие страны, скользит по ним и опять и опять возвращается к германской коммунистической партии, утешаясь и утешая, восхваляя «своих» и понося «врагов», обнадеживая себя и других и даже пытаясь протрубить *близкую и полную* победу революции, предстоящую якобы именно в Германии; трубит и провозглашает, а в тоне слышится лютая, на все готовая злоба и подавленное истерическое рыдание.

В столкновении двух «миров» — мира патриотизма и чести и мира интернационального бесчестия — главная расселина проходит ныне именно здесь: фашизм по одну сторону, *коммунизм* по другую. Коммунисты видят и понимают это лучше буржуазных европейцев, у которых партийные делишки заслоняют собой государственные дела, а партийно понятые интересы своей страны со-

вершенно закрывают доступ к мировым проблемам. Германский национал-социализм есть для коммунистов совсем не только *один участок* мирового фронта. Конечно, они понимают значение именно этого участка для мировой революции: «успех революционного движения в Германии, *в этом сердце Европы*, означал бы такое поражение всей империалистической системы, что победа пролетариата стала бы возможной во всей Европе»^I. Но этого мало: коммунисты видят в германском национал-социализме проявление мирового движения, *мирового ответа и отпора на всемирное коммунистическое разлагательство*. Этот «участок фронта» является для них не только «важным», подобно французскому или английскому участку, но, сверх того, еще *водительно-показательным*: они считают, что ныне германский фашизм возглавляет собою весь мировой фашизм, что это есть попытка *социально оздоровить капиталистический строй*, что удача этой попытки будет равносильна полному идейному и практическому крушению коммунизма, и не потому, что последует какая-то «интервенция», о неосуществимости которой коммунисты отлично знают, а потому, что будет найден *небольшевистский путь к спасению человечества*. Опасность в том, что здесь будет найден некий «классический» рецепт для преодоления коммунизма. Коммунисты ничего не боятся так, как социально-политического оздоровления Германии под руководством национал-социализма. Все их помыслы и надежды устремлены на то, чтобы *сорвать это оздоровление Германии*. Ибо фашизм есть, по выражению Мануильского, «последняя карта» буржуазии и капитализма, и на эту карту поставлена «судьба всей капиталистической Европы»^{II}.

Понятно, что в этих усилиях и надеждах коммунисты ищут союзников везде, что они готовы использовать всех и обещать что угодно. «И тут дело не только в том, что часть буржуазии *неарийского происхождения и католические попы* в Германии переходят в оппозицию к фашизму», но особенно в том, что, по расчетам коммунистов, фашизм должен

^I Статья Кнорина в журнале «Коммунистический Интернационал», 1934 г., 20 янв., № 3, с. 9.

^{II} «Правда», 1934 г., 5 февр. Доклад на XVII съезде ВКП.

пробудить «глубокое недовольство *масс*, такое возмущение их капиталистическим рабством», которое непременно должно вылиться в *советско-коммунистическую революцию*^I, и еще больше в том, чтобы изолировать Германию в мире, восстановить против нее всех соседей, скомпрометировать ее и вовлечь ее в неудачную войну. Все эти мероприятия именуются у коммунистов «нашей кампанией поддержки германской революции»; причем они подробно рассказывают, как именно они ведут эту «кампанию» в разных странах, напр., в Испании, в Польше, в Австрии, в Бельгии, в Дании, в Голландии, в С<оединенных> Штатах, во Франции, в Чехословакии и в Англии^{II}. Их директива ныне такова: «кто не отдает всех своих сил на поддержку германского пролетариата, тот не борется за пролетарскую революцию в Европе» (там же). И, значит, обратно: *кто помогает свержению фашизма в Германии, тот служит коммунистической революции в Европе*; ибо «несомненно», что в такой стране, как Германия, на смену фашизма идет пролетарская диктатура^{III}.

Вот откуда эта напряженная работа коммунистов над созданием единого — либерального, демократического, социалистического, «неарийского», католического и революционного фронта против нынешней Германии: фашизм есть «мировая реакция» — вот «платформа» этого фронта. «Ускорить банкротство германского фашизма, добиться его свержения — это был бы крупнейший удар по всей мировой реакции» (там же, с. 36). Мы не знаем, пойдут ли все эти силы рука об руку с коммунистами и удастся ли такой «единый фронт» всех течений, которые должны *предпочесть «прогрессивный» коммунизм «реакционному» фашизму*... Кто знает? Есть две мудрые латинские поговорки: «Мир хочет быть обманутым» и «Кого захочет погубить — того лишит разума». Мы только констатируем, что коммунисты из всех сил стараются осуществить такой еди-

^I Мануильский. См.: «Правда», 1934 г., 5 февр. Доклад на XVII съезде ВКП.

^{II} Доклад Куусинена на XIII пленуме. Журнал «Коммунистический Интернационал», 1934 г., № 1—2, с. 71 и сл.

^{III} Статья Мануильского в журнале «Большевик», 1934 г., № 1, с. 35—36.

ный фронт; в этом значение всех их политических и дипломатических шепотов за кулисами Европы и Америки, всех этих «актов», «пактов» и всяких иных затей.

Вот *первое опасение Коминтерна*, — что германский фашизм будет иметь **творческий** успех; вот *первая надежда* его, — что этому удастся помешать и своевременно потопить национал-социализм в крови гражданской войны и советской революции, а может быть, и в обще-европейской военной катастрофе.

Второе *опасение Коминтерна* — это грозящая война с Японией, и притом такая, в которой у Японии был бы *свободный и обеспеченный от вражды тыл*. Что Япония движима некоей большой научно-государственной идеей, *идеей долгого дыхания*, что японец умеет, как редко кто, жить просто, молчать, жертвовать собою и слагать замечательную по жизненности и крепости организацию, что их глаза и уши присутствуют везде, а мысль взвешивает все, что этот народ умеет желать, решать, готовиться и воевать, — знает весь мир. Знают это и коммунисты. Отсюда та тревога, которой проникнуты их речи и резолюции, трактующие дальневосточную проблему. Отсюда их главная директива: *в возможно короткий срок изолировать и разложить Японию*. Отсюда их лихорадочная работа в советских частях Китая, их поиски и ухаживания в С<оединенных> Штатах, их внутренняя подготовка к войне и, конечно, их фальшивый «пацифизм», вплоть до вхождения в Лигу Наций. Они лихорадочно торопятся уверить весь мир, что их всемирная подрывная работа есть занятие отнюдь не воинственное, а «миро-люби-вейшее», что они не только не хотят войны, а клянут ее, клеймят ее и *всячески предотвращают* ее. Они стараются ослепить и обмануть мировое «общественное мнение» и заранее привлечь его на свою сторону. Словом, они изо всех сил готовятся к войне с Японией: *дипломатически, стратегически и революционно*. Их надежда состоит в том, что Япония, обложенная со всех сторон дипломатическими горчичниками (североамериканским, китайским, по возможности, английским и, наконец, женеvским), или не рискнет воевать, или окажется изолированной во время войны...

Но коммунистов тревожит именно то обстоятельство, что их партия в Японии численно слаба. По их собственным данным, в *современной Германии* при населении в 60 миллионов работает на нелегальном положении около 100 000 коммунистов (до прихода Гитлера к власти партия насчитывала 300 000 и свыше 5 миллионов голосов на выборах). В Японии же, где численность населения определяется в 80—90 миллионов, компартия имеет всего 3000 человек. Именно поэтому революционная подготовка к войне не может принять в Японии желательных (для Коминтерна) размеров. Остается возлагать надежды на таланты товарища Блюхера и вопить на весь мир: «Буржуазия Японии и Германии бешено готовит войну...»¹

Вот *второе опасение Коминтерна*, — что изоляция и разложение Японии не удадутся, что мировое общественное мнение не помешает Японии ликвидировать «советский Китай», охватывающий ныне *1/6 часть китайской территории* с регулярной «красной армией» в 250 000 человек и нерегулярным привеском в 600 000 бойцов^{II}; и что контрреволюционное очищение России от коммунистов разразится именно в связи с японской войною. Вот *вторая надежда Коминтерна*, — что этому удастся помешать посредством коммунистической дипломатии, личных связей товарища Валлаха-Литвинова и новой раскачки китайской революции...

Третья надежда Коминтерна не связана ни с какими опасениями. Эта надежда на успешное революционизирование всех иных держав помимо Германии, Японии, и, пожалуй, Австрии, где революционный пар только что выпущен. На очереди у коммунистов числятся ныне: *Чехия*, где работа ведется интенсивно и успешно; *Швейцария*, где первые «пробы пера» Коминтерн считает очень удачными; *Франция*, где Коминтерн вот уже семь лет сосредоточивает свои усилия на пропаганде в армии, откровенно повествуя об этом в своих протоколах; *Норвегия*, где коммунисты могут в один недалекий и непрекрас-

^I Статья Кнорина. «Коммунистический Интернационал», 1934 г., 01.20, № 3, с. 9.

^{II} Статья Пятницкого в № 3—4 «Большевика», с. 25; речь Мануильского в № 35, «Правда» от 5 февраля 1934 г.

ный день оказаться во главе парламентского большинства; и *Соединенные Штаты*, где социальные устои подрыты настолько, что не исключены величайшие сюрпризы. Во всех этих странах Коминтерн очень доволен своей работой и *не предвидит никаких помех*. Ибо ни либералы, ни демократы, ни социалисты никогда не решатся порвать со своей партийной догмой и загнать коммунистов в подполье, а с возможным успехом фашизма в этих странах коммунисты совсем не считаются...

Повторяю, все это не мои «мнения» и «суждения» о положении дел в отдельных государствах; *это надежды и предвидения коммунистов*, которые я излагаю как замечательные и поучительные.

Но из-за всего этого Коминтерн ни на минуту не упускает из виду свою главную надежду — на то, что *в скором времени разразится новая мировая война* и притом такая, в которой советская страна участвовать совсем не будет ни в качестве воюющего субъекта, ни в качестве объекта нападения. Вот главная мечта Коминтерна, вот основное задание всей его дипломатии. Ему надо сделать так, чтобы некоммунистические государства ввязались в новую, бешеную, всемирную склоку, обессиливая сами себя и друг друга, разоряясь хозяйственно и денежно, истощая себя кровью, подрывая свои духовные силы, деморализуя себя и подготавливая мировую революцию. В этой новой мировой войне советская власть и Коминтерн не желают участвовать, или, точнее и вернее, они собираются в ней участвовать не в качестве «лояльных комбатантов», а *в качестве революционно-подрывных сил, действующих в тылу у каждой воюющей стороны*.

Это основной замысел Коминтерна. Для этого нужны во всех странах кадры подпольщиков, нелегальные профсоюзы, вышколенные пропагандисты, «большевизованные» пропагандисты, «большевизованные» партийцы, умеющие и готовые повторить русский опыт 1917 года. Такие кадры готовятся во всех странах, особенно прилежно после шестого конгресса Коминтерна (1928 год), на котором окончательно была выработана доктрина «*революционизации воюющей страны*»; эти кадры готовятся и в тех странах, которые «признали» СССР, и в тех, которые заключили с совдепией «пакт о ненападении»; эти

кадры Коминтерн готовит и в тех странах, которые ему нужно изолировать (Германия, Япония), и *особенно в тех странах, при помощи которых он желает изолировать Японию и Германию...*

Мир хочет быть обманутым, он и будет обманут. Политические мудрецы Европы думают воспользоваться совдепией как своим орудием; а совдепия давно уже разыгрывает их, превратив их в свое орудие. Перехитренные державы и обманутые дипломаты напрасно надеются на свою дипломатическую ловкость и напрасно полагаются на свою политическую тонкость. Они доселе не разглядели еще и самого замысла Коминтерна, а он состоит в том, чтобы стравить «буржуазные» страны друг с другом, а на себя взять роль всеобщего ликвидатора. И эту роль *стравливающего ликвидатора* коммунистический центр выполняет ныне с немалым успехом, натверживая европейским и американским дипломатам о своем «принципиальном» миролюбии и склоняя их к благороднейшим пактам о «ненападении». Смысл этих пактов таков: клянитесь не нападать на совдепию и держите вашу клятву; для нас только это и важно, ибо вы все равно перегрызетесь между собою в вашей капиталистической мухоловке, и коммунистическая революция расцветет на ваших трупах. Или иначе: не трогайте совдепию, а она постепенно сгноит вас своей пропагандой и в удобный момент выплеснет все ваше капиталистическое «мухоедство»¹ в лохань истории.

Для этого нужна только «неизбежная» новая мировая война, чтобы народы вновь разложились духовно от утомления, страха и отчаяния и опять опьянели от крови. Из катастрофы рожденные, катастрофой дыша и ее творя в жизни, коммунисты ждут своей победы от *новой катастрофы*, в которой, как в некоем потопе, должны будут погибнуть все, в том числе и все участники единого «антиреакционного» фронта. Ибо в этом потопе истребится *всякое некоммунистическое существо* «на поверхности земли» и все, что будет иметь «дыхание духа жизни в ноздрях своих», — умрет (Бытия, 7. 22—23).

¹ Срв. басню капитана Лебядкина в «Бесах» Достоевского.

Вот какой смысл имеют эти резолюции Коминтерна от декабря 1933 года:

«Международное положение носит характер кануна новой мировой войны...»

«Великая задача международного пролетариата — превратить этот кризис капиталистического мира в победу пролетарской революции...»

«Борясь против войны, коммунисты должны готовить уже теперь превращение империалистической войны в войну гражданскую» и «сосредоточить свои силы в каждой стране в узловых объектах военной машины империализма...»

«Вся обстановка требует от компартии своевременной подготовки кадров подполья...»

«Нет другого выхода из всеобщего кризиса капитализма, чем тот, который показала Октябрьская революция...»

«Главный лозунг Коммунистического Интернационала — советская власть; пример СССР — это пример большевизма...»

Такова главная надежда Коминтерна. Таков его план борьбы.

А премудрая Европа?!

МИРОВОЙ ЗАМЫСЕЛ «ЛЕНИНИЗМА»

За последние годы правящие круги европейских держав начинают, по-видимому, понимать, что коммунистическая пропаганда и коммунистическая революция грозят мировой государственности и мировой культуре великими бедствиями. Там и сям видна озабоченность, чувствуется подчас тревога; люди как будто начинают учитывать на весах своей политики и даже дипломатии этот «пертурбационный фактор», эту неуловимую возможность «внутренних сюрпризов», которые будут преподноситься народам в час великих напряжений и затруднений. Замечательно, что наибольшую зоркость обнаруживают именно военные круги; потом идут политики; наименьшую зоркость обнаруживают дипломаты. И что курьезнее всего, это то, что настоящую подслеповатость приходится отмечать в некоторых эмигрантских

кругах и старшего и младшего возраста. Иностранцы прозревают, эмигранты начинают жмуриться и предаваться иллюзиям. Последнее не удивительно: нужна поистине незаурядная сила духа, взгляда и воли для того, чтобы, будучи не у дел, не неся никакой реальной ответственности, ничем, кроме слов, не рискуя, обнаруживать ту творческую напряженность, ту бдительность, ту прозорливость политического и национального инстинкта, которая пробуждается в душе от реального правления государством. Свое дело — править, свое дело — витать в беспочвенной словесности...

Для того чтобы прозреть до конца и не делать ошибок в политике, каждому некоммунисту следовало бы крепко и глубоко продумать сущность той новой политической доктрины, которая выросла в правящих советских кругах и ныне практически раздвигается на весь мир. Я разумею доктрину «ленинизма».

Когда я впервые услышал это уродливое слово, состоящее из русского корня и латинского суффикса, я несколько изумился. Нужно знать «творения» Ленина-Ульянова для того, чтобы оценить этот термин. Суффикс «изм» выражает обычно склонность, приверженность, тяготение, школу, последовательство («деривацию»). Но учиться у Ленина в теории, в исследовании, в объявлении — решительно нечему; он сам в мышлении никогда не стоял на собственных ногах, он всю жизнь только и делал, что ученически применял схемы Маркса; и если то, что он умственно испускал, можно назвать «светом», то этот черный свет был всецело заимствованным. Ленин как мыслитель был типичный и законченный полунинтеллигент: приверженец готовой доктрины, которую он целиком усвоил и которую он безнадежно и неизлечимо подавился. Это был публицист из чужих рук, уверовавший в чужую теорию до фанатизма, — изувер марксизма с напряженной волевой мускулатурой, с черствым сердцем и циничным умом, с несомненной склонностью к паранойе: ибо, как настоящий параноик, он не видел живой и близкой реальности, а видел лишь свою излюбленную химеру, которою он одержим и душевно болен. Это был человек, сумевший за всю свою жизнь сказать самостоятельно, без помощи Маркса, всего

несколько слов за год до смерти, в состоянии полувмения, пролепетав несвязно, что «социализм» есть «кооперация плюс электрификация»... И можно себе представить, с какою злобою огрызнулся бы на него за это сам Маркс, если бы он услышал эту буржуазную ересь... это оригинальное суждение умирающего параноика...

И вдруг «ленинизм»... Ясно было, что речь идет не о теории, не о науке, не о философии, а о практике, о политике, о способе борьбы, о новом тактическом приспособлении марксизма, о системе рецептов в сфере классовой борьбы, о новых приемах революции и диктатуры. Так оно и оказалось. «Ленинизм» есть школа революционной практики, сначала завоевывающей власть, а потом осуществляющей ее. Это есть **стратегия и тактика революционного марксизма**. Но эта стратегия и тактика коммунистической революции никогда не была написана Лениным; она практически осуществлялась им и кое-как наскоро комментировалась им же в импровизированных речах, набросках и письмах (обычно бессвязных, небрежных, нудных и законченно вульгарных). Как доктрина она только теперь «благочестиво» «составляется» его коммунистическими поклонниками, и надо сказать, — составляется весьма беспомощно и неумело, ибо ряды коммунистов вообще не блещут силою теоретической мысли. Коммунисты не мыслят, они лишь изливаются в бесконечных «информациях», «пережевывают» события и «препарируют» «факты» по Марксу.

Итак, Ленин не создал теории «ленинизма», он создал только его практику. Он ломился к власти, и проломился к ней, и осуществлял ее, развратил одну страну и усиливался развратить все остальные народы. Ныне коммунистическое потомство пытается покрыть его деяния как бы лаком ученического восторга, сохранить их (подобно его труп в мавзолее) и извлечь из них «каноны» и «догматы» революционной стратегии. Он наделал «делов», а они поклоняются. Он преуспел, а они у него учатся. Он «превознесся», а они пытаются создать методологию его успехов и побед. Именно учение о методе: *методологию народорастления и народопорабощения*. И как же не назвать наивным того европейского политика-некоммуниста, который не удосужился еще проду-

мать эту «методологию», созданную на погибель его народу и... ему самому?

Само собой разумеется, что Ленин творил эту стратегию не один. Мы, наверное, услышим, наряду с «троцкизмом» и «сталинизмом», еще о других революционно-стратегических «учениях» — «зиновьевизме», и особенно о «кагановичизме» и «ягодизме». И если военным кругам Европы надлежит внимательно изучить «троцкизм» и «ворошиловизм», то дипломаты поступят безошибочно, заказав своим секретарям доклады о «ленинизме» и «литвиновизме»... Это, наверное, им не помешает, а может быть, и поможет...

В чем же сущность «ленинизма»?

В недавно вышедшей книге Альфреда Нормана⁸ мы находим любопытный опыт изложения содержания «ленинизма» в 11 последовательных тезисах¹. Эта попытка не исчерпывает «ленинизма», ибо она имеет в виду только стадию «завоевания», стадию революционного захвата власти; стадия же диктатуры, внутреннего управления страной, остается незатронутой и невоскрешенной. Искусство планомерного осуществления нищеты, безделья, голода, политического доносительства, террора, выселения, уплотнения, снижения производства до 6% прежнего уровня, продовольственной войны с крестьянством и т. д. остается неформулированным. А эта стратегия составляет, бесспорно, целую половину «ленинизма»... Норман формулирует только методику революции. Но и эту методику я хотел бы изложить в иной последовательности.

Для «ленинизма» характерно прежде всего это своеобразное сочетание — *из твердокаменной догмы и тактической вседозволенности*. Тот, кто упустил из виду хотя бы одну из этих сторон, пойдет неверными путями и будет разыгран коммунистами. Это и происходит на наших глазах — и с иностранцами, и с эмигрантами.

Настоящий коммунист *никогда* не отступит от того, что составляет основу марксизма: от классовой борьбы, от деления всего мира на «пролетариат» и на «бур-

¹ «Bolschewistische Weltmachtpolitik», в Берне. Gotthelf Verlag.

жуазию», от интернационализма, от революционной пропаганды, от подготовки вооруженного восстания, от экспроприации капитала, от диктатуры пролетариата и т. д. Здесь есть твердокаменные догматы, составляющие как бы «критерий добра и зла» и вьевающие навек в «классовое сознание» коммуниста. Коммунисты могут *сделать вид*, будто они в чем-то «уступили» или что-то «смягчили», но поверит им только совсем наивный или совсем легкомысленный человек. Тут нет никаких компромиссов и не будет: всякая притворная уступка будет покрыта в дальнейшем *свирепою прямолинейностью*. Достаточно вспомнить первый период НЭПа и внезапную «свободу печати», или так называемый «расцвет кулака» в 1925—1928 годах и последовательную затем коллективизацию, или еще «патриотические призывы» коммунистов в эпоху войны с Польшей; все это было, и на всем этом надо было кое-чему научиться.

Ленинизм «уступает» только в *крайней нужде*, и притом только *обманно*, и только *временно*. Уступает, *ни в чем не уступая, симулируя* уступки. Это относится тем более к «сталинизму», «кагановичизму» и «ягодизму».

Этой твердокаменной «дедукции», этой дуболобой прямолинейности, этой свирепой неуклонности в *программе* противостоит законченная *тактическая беспринципность*. Программно — камень, тактически — сама изворотливость, *политическое гангстерство*: все можно, все позволено, нет стеснений, нет приличий, нет запретов, законов, удержей. «Нас» бьют, «нас» обманывают — «позор, преступление, варварство», «мы» одурачиваем, «мы» обманываем — «самое разлюбезное дело»^I. Группа рабочих спросила Ленина: «Что такое коммунистическая мораль?» Ленин ответил: убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда это в пользу революции; но в другом случае — гладьте по голове, называйте Александром Македонским, если это в пользу революции^{II}. «Гражданская война хороша, когда мы ее ведем против буржуазии, но гражданская война плоха, когда буржуа-

^I См. Троцкий. О Ленине, с. 55.

^{II} Стенограмма XII съезда компартии, с. 463.

зия ведет ее против пролетариата^I. В политике нет «добра» и «зла», «обмана», «низости», «преступления»; есть только польза и вред... для революции. Ленинизм воспринял от Плеханова свою основную директиву: «благо революции есть высший закон»^{II}, и он принял эту директиву со всей свирепой серьезностью революционного маньяка. Ленинизм есть *революционный утилитаризм*; перед его трупно-мавзолейным взглядом идея Бога, совести, чести, честности, обязательства, обещания, договора — суть *предрассудки* или *средства одурачить и обмануть противника*. «Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» (Ленин)^{III}; а эта борьба требует сначала лжи — выдержанной, искусной, наглой, а потом «мертвой хватки» (выражение Веры Засулич о тактике Ленина).

Все, кто наблюдает и изучает политику коммунистов, и тем более все, кто является ее объектом, — административным или дипломатическим, — должны усвоить и запомнить: все уступки коммунистов — суть мнимые и обманные, все их слова — устные и писанные — суть прикровенная или явная ложь: для всех непорабощенных готовится *мертвая хватка*. Таково естество «ленинизма» и всех его ответвлений и разновидностей. Это есть *нигилизм в действии*. Это есть *революционный робот*, который пущен в действие со сломанной остановочной кнопкой. Мы знаем «счетную» машину, а это есть *машина* «душерастления» и «телоказнения»... Эта машина перестанет делать свое дело только тогда, когда *сломается*...

Все попытки приписать «ленинистам» обычные «культурные» или «общечеловеческие» черты и свойства — наивны до курьеза. Правосознание, к которому взывает европеец, не существует для них; священное им смешно, нелегальное для них привычно; национализм и патриотизм — вздор, которым полезно бывает подразнить и привлечь *массы*. Эти революционные нигилисты умирают, но не прозревают и не перерождаются. И тот, кто

^I Стенограмма XIV съезда компартии, с. 261.

^{II} Там же, с. 227.

^{III} Ленин. Мысли о религии, стр. 139.

распространяет миф об их «перерождении», только помогает им, *соблазняясь сам и себя соблазн*.

«Ленинист» стремится завоевать мир при помощи революции. Он знает, что революция состоит в разложении души и духа; формула этого разложения: «все позволено», «нет обязанностей», «нет запретов». Он сам говорит о «микробах», или «бактериях», революции. И если бактерия нуждается в простуде, то революция нуждается в войне.

«Ленинисту» *необходима война*; чем обширнее, чем неистовее, чем длительнее будет эта война, тем лучше для революции. Но при одном условии: эта война не должна коснуться *коммунистической страны*. Необходимо, чтобы все державы передрались, а коммунистическое государство осталось «в стороне». Известно, что «нейтральная» держава имеет все преимущества перед воюющей; понятно, что рисковать «плащдармом мировой революции» нельзя; естественно, что режим, накопивший у себя в тылу материальные и душевные сокровища «экспроприации», «террора», «коллективизации», «пятiletки» и «революционного транспорта», трепещет при одной мысли о войне. Поэтому «ленинист-литвиновист» *жаждет мира для себя и войны для других*. Он из года в год кричит: «караул, нападают!» и сам вооружается от страха, и со всех берет «честное слово о ненападении»; и изo всех сил *ссорит других между собою*, и изo всех сил *разлагает всех изнутри*. За последние два года Коминтерн удвоил свою работу всюду, где только можно; а представители коммунистической власти делают все, чтобы исключить себя из разжигаемой ими европейской войны. Они «исповедают» и «проповедуют» *пацифизм*.

Пацифизм Ленина состоит в том, чтобы «все друг с другом передрались насмерть», а «меня никто не тронул». Иными словами: *все народы революционно разложатся в новой мировой войне, а «мы» уцелеем*. Красная Армия недостаточна для войны с буржуазно-подготовленной армией, но совершенно достаточна для того, чтобы вломиться в страну, гнойно-кипящую в состоянии послевоенного революционного разложения. Воевать она не может и не должна, разве лишь обороняться, защищаясь (по русским условиям) пространством, пожаром, боло-

тами и климатом. Но вершить революцию в надорванной Европе и насаждать повсюду европейские «совнаркомы» и «гепеу» из смеси туземных и привезенных с востока коммунистов — это ее настоящее призвание. Мы, конечно, не знаем, как все сложится исторически, но замысел «ленинизма» именно таков.

Мир надо взять не красным оружием, а внутренним революционным гноем, стрептококками коммунизма: всесмешением «единого фронта». Победит не сила коммунизма — ибо где она? в чем она? — а слабость буржуазии: не социалистическое творчество, а военное разрушение, не подъем, а упадок, не пафос, а деморализация. Коммунизм хочет захватить мир, *развалив его*; для этого есть два средства — пропаганда и война. Но не война Советов с кем-то, нет, упаси Вельзевул! — война всех со всеми, *помимо Советов*, с вельзевуловой помощью...

Таков смысл «ленинистического» миролюбия. Горю тем, кто понимает его иначе!

И что же, спросят нас, разве не «гениально» придумано? Разве «ленинизм» — не «перл создания»?

Да, если в идее Гения погасить все великое, творческое и божественное, отвести все духовное, прозорливо парящее и священное, если свести «гениальность» к одержимости противоестественной химерой, к системе лукавых свертрюков, к планетарной наглости, к дарам лисы и хамелеона, обезьяны и удава, — тогда это «гениально»... Но если эта «гениальность» попытается явиться в мировом пантеоне Гениев и занять место рядом с Конфуцием и Лацзы, рядом с Зороастром и Буддой, рядом с Сократом и Платоном, Данте и Леонардо да Винчи, Шекспиром и Гегелем, Пушкиным и Достоевским, — то громовой удар гнева Божия испепелит ее на месте...

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ
(1932–1933)**

ДИРЕКТИВЫ КОМИНТЕРНА ПО БОЛЬШЕВИЗАЦИИ ГЕРМАНИИ (1933 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы поставили себе задачу собрать материал *о директивах по большевизации Германии из советско-русских коммунистических публикаций.*

Эта задача, которая требует делового и научного подхода, была решена следующим образом.

В Советском Союзе существует лишь коммунистическая партийная печать, она же одновременно и официальная государственно-политическая печать. Все, что печатается — книга, брошюра, журнал, газета, стенографический протокол и т. д., — имеет, таким образом, для нас значение *подлинных источников.* Сами по себе эти материалы-источники неисчерпаемы. Нужные же места, напротив, встречаются редко, они лишь разбросаны то тут, то там; можно читать, листать и искать месяцами, не находя того, что нужно. Просмотр материалов проводился по хорошо продуманному и выработанному плану. При этом выяснилось, что за последние 4—5 лет коммунистическая советская печать стала намного осторожней и публикует в этой области значительно меньше, а то и вовсе ничего.

Поэтому нам приходилось поступать следующим образом:

1. Выбирать сырые источники не только последних лет, но обращаться и к предыдущим годам и за эти годы собирать приказы, если они *не были отменены, а бывало, что и расширены.*

2. Нам приходилось обращать внимание не только на директивы по разложению, разработанные специально для Германии, но выискивать и собирать также *общие, принятые для всех государств указания Коминтерна.*

Ибо то, что действительно для всех, действительно и для Германии.

3. Нам пришлось сначала пересмотреть огромную кучу собранных фрагментов, чтобы не допустить ненужных повторов, ибо в этом случае данное собрание было бы втрое больше; а затем систематизировать и перевести их на немецкий язык. Собранные и использованные в сборнике «Мир перед пропастью» (изд-во «Эккарт», 1931 г.) доказательства мы сочли уже известными и избегали приводить их еще раз.

4. Таким образом, то, что мы приводим в данном собрании, — *сплошь подлинные высказывания коммунистических руководителей*. Они точно и добросовестно переведены на немецкий язык. Мы посчитали неверным и невозможным вносить какие-либо исправления в стиль этих высказываний и выражений: мы оставили нетронутым все своеобразие революционного коммунистического жаргона; бессвязность устного, стенографического доклада; искусственный, аффектированный пафос, который выражен в нагромождении слов в превосходной степени и максимальных определений («чрезвычайно огромная роль», «исключительно отчаянная борьба» и т. д.) — все то, что на русском языке звучит так же уродливо, как и на немецком. Нами лишь подчеркнуты определенные строки, все остальное — изначальный текст.

5. Фрагменты приведены не в хронологическом, а в *систематическом* порядке; сначала идет общее определение целей, задач и путей; далее положения о связи Советского Союза и мировой революции, Советского Союза, Коминтерна и Профинтерна и лишь затем тактические директивы по разложению буржуазных государств и особенно Германской империи; и под конец — высказывания, лозунги и директивы последних недель (примерно до 06.03.33 г.).

6. Каждому фрагменту предпослано краткое содержание; это краткое содержание написано нами. Далее следует сам подлинный фрагмент. В конце — точные данные об источниках. Все краткие содержания перечислены в *оглавлении* в конце доклада.

Мы добавили еще и единый *предметный указатель*.

В общем, неизбежен вывод о существовании *точно разработанных директив по разложению и революционизи-*

рованию Германии, которые уже годы назад сформулированы коммунистическим центром в России, предписаны КПГ и проводятся в жизнь в Германии. Центр, который составляет эти директивы, называют Коминтерном (Коммунистический, или III Интернационал). Ведущая роль в Коминтерне принадлежит Allunion (т. е. России), которой руководит ее Политбюро, а фактически Сталин-Джугашвили. По принципиально определяющей и руководящей воле этот центр *един* (см. точные данные в «Мире перед пропастью», статьях С. Ольденбурга «III Интернационал» и профессора Н. Тимашева «Организация диктатуры»): Коминтерн выполняет приказы Сталина и Политбюро, выдавая директивы по разложению Германии, и предоставляет КПГ денежные средства.

СОДЕРЖАНИЕ

Цель Коминтерна — организация интернациональных советских республик	1
Путь к цели — вооруженное восстание, пролетарская диктатура	1
Конечная цель — система мирового коммунизма	2
Всемирная гражданская война	3
Завоевание мира	3
Советский Союз и Коминтерн	3
Коминтерн как верховный суд коммунистов	4
Советское правительство как авангард мирового пролетариата	4
Связь между Коминтерном и Красным Интернационалом профсоюзов	5
Та же цель — диктатура пролетариата	5
Поддержка со стороны Коминтерна	5
Задачи Красных профсоюзов (Профинтерн)	6
Советское государство — живая основа, очаг международной революции, источник ее силы, пример для других народов, единственное отечество мирового пролетариата	7—8
Советский Союз как основа мировой революции и единственное отечество мирового пролетариата	9
Оборонная программа на случай войны	9

Советский Союз как очаг мировой революции	10
Его безопасность гарантируется западноевропейским пролетариатом	10
Что значит Советский Союз для революционизирова- ния Германии и других буржуазных государств . . .	11
Одним своим существованием Советский Союз подтачивает и разлагает буржуазные государства . .	12
Компартия в России — официальный руководитель мировой революции	13
Советское государство как базис и очаг	13
Подготовка войны	13
Компартия в России как руководитель мирового пролетариата	14
Революционизирование Европы	15
Гегемония российского пролетариата в Европе	15
Коминтерн организует массовое революционное движение против капитализма	16
Компартию Советского Союза не образумить, но она становится авангардом мировой пролетарской революции	17
Международная революция призвана спасти Советский Союз и его Компартию от внутренних трудностей	18
Для коммунистов Советского Союза нежелательна любая проволочка с мировой революцией	19
Психическая депрессия в кругах Коминтерна из-за неудачного мятежа в Германии	20
Пути к революции точно спланированы и предписаны	21
Коммунисты Советского Союза возглавляют мировую революцию	22
О создании в каждой стране массовой централизо- ванной коммунистической партии	23
Буржуазных врагов коммунизма в Европе надо вос- станавливать друг против друга, государство против государства и класс против класса	24
План Давоса приведет к революции в Германии	25
Советский Союз — не аграрная страна для Германии	25
Советский Союз сам будет производить орудия производства и машины	25

Советское правительство грозит Германии прекращением товарообмена и сближением с Францией (1924 г.)	26—28
Значение революционной напряженности в Германии	29—30
Ускорение и обострение борьбы	29—30
Германию можно спасти лишь благодаря коммунизму	31
Революция в Германии близится	31
Только коммунисты избавят Германию от Версаля	32
Единый фронт германских граждан с Советским Союзом	32
Директивы для мятежа в Германии приходят из Советского Союза	33
Советский Союз — оплот революции в Германии	34
Коммунисты из России помогали германской революции и в 1918—1919 годах	34
Советский Союз официально поддерживает КПГ в ее планах мятежа	35
КПГ как одна из лучших сил в Коминтерне	36
Цель КПГ — народная революция и Советская Германия	37
Задачи КПГ: защита Советского Союза — революционное наступление в Германии	38
Подготовка большевистской революции в Германии	39
Германия — самое подходящее место на мировом фронте	39
Политическую власть надо завоевать насильственно, низвержением и разрушением	40
КПГ должна возглавить революцию в Германии	41—42
Защита СССР в будущей войне	41—42
Буржуазия должна быть свергнута	41—42
Каждым выступлением рабочих должен руководить Коминтерн	43—44
Каждую экономическую забастовку надо превращать в политическую битву	43—44
Народная революция в Германии	45
Наступление	45
Стратегический план завоевания	45

О централистской дисциплине и непременном послушании в коммунистической всемирной партии	46—47
Открытая подготовка к вооруженному восстанию	46—47
Задачи и успехи КПГ	48
Революционная конъюнктура, массовая агитация и подготовка к общегражданской войне	49
В Германии готовится политическая массовая забастовка	51
Свержение капитализма	51
Диктатура пролетариата	51
В Германии должен быть организован передовой отряд, который смог бы предпринять мятеж	52
Коминтерн отдает распоряжение о массовых выступлениях на улицах 1 августа	53
Полицейские запреты оставлять без внимания	53
Необходимо создать и мобилизовать организации «пролетарской самообороны»	53
Баррикады в городах Германии	54
Значение боев на баррикадах в Берлине	55—56
Подготовка к гражданской войне в Германии	57—60
Обработка рейхсвера и военного флота, нелегально	57—60
Что такое Ротфронт	57—60
Защита Советского Союза	57—60
Военно-промышленные заводы в Германии	57—60
Работа в массах	57—60
Нелегальная работа коммунистов в германском рейхсвере	62
Пропаганда в рейхсвере	62
Красная Армия как пункт притяжения	62
Красный день мая как подготовка к гражданской войне	62
Директивы для военных буржуазных государств в случае новой войны: дефетизм, дезертирство, переход в Красную Армию, защита Советского Союза	63—64
Систематическое разложение рейхсвера уже идет	63—64
Германский Ротфронт	65
Его присяга Коминтерну	65

Его программа	65
Его задачи	65
Красные спортивные организации в Германии — будущие ячейки Красной Армии	66
Красная Армия Советского Союза — «собственная армия» для КПГ	67
Крестьян буржуазных государств надо готовить к пред- стоящей войне; настраивать на дезертирство и переход в Красную Армию	68
Мировой пролетариат обязан защищать и поддержи- вать СССР, отвечать на нападение на СССР рево- люцией в данной стране	69
Будущая мировая война должна начаться только тогда, когда к ней будет готово коммунистиче- ское государство	70
Новая война буржуазных государств друг против друга означает всемирную коммунистическую революцию	71
Нападение буржуазных государств на Советский Союз должно привести к всемирной коммунистической войне.	72—73
Подготовка и перспективы	72—73
Возможная война между буржуазными государства- ми должна быть превращена во всеобщую граж- данскую войну	74
Будущая империалистическая война должна быть превращена во всеобщую гражданскую войну	75
Если Германия угодит в войну, то Советский Союз и Коминтерн поддержат германские народные массы в их революции против германской буржуазии . . .	76
Борьба с военной интервенцией	77—78
Разложение рейхсвера и молодежи	77—78
Дефетизм	77—78
Против дезертирства	77—78
Гражданская война	77—78
О революционизировании рабочего класса Герма- нии (Тельман)	79—80
Директивы Коминтерна для Германии	81—82
Политические массовые забастовки	81—82
Организация рабочей обороны	81—82
Революционные доверенные люди на предприятиях	81—82

Красный пацифизм	81—82
Борьба за заработную плату	81—82
Безработные	81—82
Борьба Коминтерна за рабочий класс буржуазных государств	83
Директивы в этой области	83
Революционные доверенные люди на предприятиях	83
Система красных доверенных лиц на предприятиях	84—85
Предприятие как исходный пункт организации и гражданской войны	84—85
Директивы Коминтерна для охвата рабочих и крестьянских масс в Германии	86
Директивы для охвата германского пролетариата системой красных комитетов борьбы	87—88
Задачи Красных профсоюзов	89
Единый фронт снизу	90—91
Борьба за рабочий класс в Германии	90—91
Тактические директивы для КПГ	90—91
Тактика Единого фронта снизу	92
Задачи КПГ	92
Развитие Красных профсоюзов	92
Тактика Единого фронта как подготовка к попытке нового коммунистического мятежа в Германии	93
Красный Единый фронт в Германии в области поддерж- ки революционеров (Красный Caritas ¹ , МОПР)	94
Задачи КПГ	95
Защита Советского Союза	95
Пролетарский Единый фронт в Германии	95
Подготовка переворота	95
Коммунистический Интернационал молодежи в Германии	96
Его связь с рейхсвером	96
Развитие коммунистических союзов молодежи	97
Молодые коммунисты в Германии	98
Молодые коммунисты в Германии	99
Их успехи и достижения	99
Коммунистическая пропаганда среди детей в Германии	100
О революционном использовании парламента и других форм буржуазной демократии	101

Революционное значение рабочих делегаций, отправлявшихся в Россию.	102
Советский Союз как дитя забот европейского пролетариата.	102
Доля ответственности последнего за коммунизм в Советском Союзе	102
Значение рабочих делегаций, которые посылались в Советский Союз: привлечение к солидарности, массовая пропаганда, Единый фронт	103—105
Защита Советского Союза в будущей войне.	103—105
Общества «друзей СССР» и их задачи в этой области	103—105
Германия как очаг европейской революции	106
Значение КПГ	106
Подготовка политических массовых забастовок	107
Борьба за диктатуру пролетариата в Германии	107
КПГ как лучшая секция Коминтерна	108
Коминтерн возглавляет мировую революцию	108
КПГ в Едином фронте с Социал-демократической партией Германии	109
Тайные агенты III Интернационала в отрядах штурмовиков НСДАП.	110
Применение целых отрядов штурмовиков НСДАП в коммунистической работе	110
Коалиция Центра с НСДАП опасна	110
КПГ во главе германской революции против НСДАП	111
Подготовка к новому революционному движению против НСДАП	112
Пожар в рейхстаге	113—114
Оценка НСДАП	113—114
Рейхстаг провокационно подожжен НСДАП	115
Позиция по отношению к речи рейхсканцлера Гитлера от 04.03.33 г.	116
Рейхстаг с целью провокации подожжен НСДАП	117
Поношение фюрера НСДАП	117
КПГ остается нестигаемой	117
Пожар в рейхстаге — провокация НСДАП	118—119
КПГ — 6 миллионов человек — не даст себя согнуть	118—119
СДПГ под террором Гитлера	120
Желателен единый фронт СДПГ и КПГ	120

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- І.А.М. (Межрабпом) — 88
Антагонизм следует разжигать в лагере буржуазии — 110
Антивоенная пропаганда коммунистов — 59
Антивоенные комитеты — 82
Антилокаута комитет — 86
Баррикады — 54, 55, 98
Безработные — 45, 79, 80, 82
Беспартийная масса — 84, 87, 96
Биржи труда — 95
Блокада — 24
Боевая рабочая оборона — 82
Боевые комитеты — 87, 88
Буржуазия, ее свержение и подавление — 40, 41, 79
Военно-промышленные предприятия в Германии — 59, 78
Война — 11, 13, 41, 49, 50, 57, 58, 59, 61, 62, 63, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 85, 97, 103, 104
Вооруженные красные организации — 45
Восстание вооруженное — 1, 29, 40, 55, 78
Враги помогают коммунистам — 24
Германия как очаг европейской революции — 106, 109
Германия как рынок сбыта для Советского Союза — 28
Германский военный флот — 58, 61
Гитлера речи, оцениваются — 116, 117
Гражданская война — 3, 11, 50, 57, 58, 59, 62, 68, 71, 73, 74, 75, 78
Дауэса план — 25
Дезертирство — 78
Делегации рабочих в СССР — 102, 103, 104, 105
Дети как объект коммунистической пропаганды — 100
Дефетизм — 63, 78
Диктатура пролетариата — 1, 5, 6, 7, 9, 11, 19, 23, 46, 48, 51, 63, 71, 74, 95, 107
Дисциплина коммунистическая, интернациональная — 3, 46
Друзья СССР (общества друзей) — 104
Единый фронт, его органы — 79, 90, 92, 93, 94, 103, 107, 109, 120
Завоевание власти — 8, 40
Зерна проблема — 13

- Индустриализация Советского Союза — 13, 25
 Искоренение буржуазии — 4
 Капитализм, мировой капитал — 2, 3, 7, 11, 12, 16, 24, 31, 40, 41, 44, 49, 52, 62, 64, 68, 72, 73, 77, 79, 89, 108
 Классовая борьба, ее разжигание, обострение — 22, 29, 49, 51, 58, 77
 Колониальное движение — 9, 12, 12, 46, 70, 77, 89
 Коминтерн — 3, 45, 13, 14, 16, 21, 23, 33, 36, 38, 46, 50, 51, 54, 56, 57, 58, 61, 62, 65, 68, 71, 74, 77, 83, 86, 90, 108
 Комитеты на производстве — 79, 83, 86, 88, 90
 Компартия Советского Союза, ее значение — 13, 14, 15
 Концессии — 27
 Конъюнктура революционная — 43, 49, 78, 86, 89, 93.
 КПГ — 35, 36, 37, 38, 39, 48, 51, 55, 56, 67, 81, 92, 93, 95, 106, 108, 109, 111, 112, 117, 118, 119
 Кредиты иностранные — 24, 27
 Крестьяне — 7, 13, 58, 68, 86
 Локарно — 25
 Майские праздники — 29, 62
 Марксизм — 7, 72
 Массовая забастовка политическая — 107
 Массовое движение революционное — 16, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 51, 53, 58, 63, 78, 79, 82, 84, 86, 90
 Массовые демонстрации — 53, 55, 81, 90
 Множество, масса, ее завоевание — 11, 48, 49, 84, 90, 108, 109
 Молодежи фронт, красный — 96, 97, 98, 99
 Молодежь как объект коммунистической пропаганды — 78, 96
 МОПР — 86, 88, 94
 Наступление революционное в Германии — 45, 48
 Национальная проблема — 7, 13, 46
 Нелегальная пропаганда и организация — 59, 61, 78, 85
 Парламент — 40, 101
 Пионеры в Германии — 100
 Пожар рейхстага — 113—114, 115, 117, 118—119
 Политизация будничной коммунистической работы — 49, 90
 Политизация экономических конфликтов и забастовок — 29, 43, 44, 51, 53, 79, 81—82, 84, 85, 87, 88, 92
 Полиция — 40, 53, 55

- Предприятие как исходный пункт революции; ячейки — 5, 59, 79, 81, 83, 84, 85, 86, 90
Профинтерн (красные профсоюзы) — 5, 6, 44, 79, 83, 84, 89, 92, 103, 104
Профсоюзы — 5, 6, 43, 79, 80, 82, 83, 86, 87, 92
Работницы — 83, 87
Рабочая молодежь — 83
Развязывание масс — 84
Рапалло — 24, 27
Революция в Германии — 20, 25, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 40, 41, 45, 46—47, 60, 65, 93, 111, 112
Рейхсвер — 40, 58, 59, 61, 62, 63, 78, 96
Реформизм — 80, 83, 88, 92
Свободомыслящие — 86
Сельскохозяйственные рабочие — 83, 95
Торговля с Германией — 26, 27
Травить — разделять — 24, 110
Фашизм в Германии (НСДАП) — 45, 48, 51, 59, 65, 83, 87, 95, 96, 107, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 117
Франция, Париж — 28, 31

О ДИРЕКТИВАХ КОМИНТЕРНА ПО БОЛЬШЕВИЗАЦИИ ГЕРМАНИИ

Уважаемые дамы и господа!

По старой традиции нашего Русско-Германского клуба² я считаю верным и необходимым исследовать всякий предмет, которым мы занимаемся, со строгой политической и дипломатической корректностью и научной ответственностью. То, о чем я сегодня поведаю, — это внутренние германские проблемы, о которых мне должно высказаться добросовестно и откровенно. Внутренние проблемы других государств я оставляю при этом в стороне. Что же касается Коммунистического Интернационала, то он сам себя выдает за частную организацию, чья деятельность в Германии в результате этого не имеет ничего общего с дипломатическими границами.

Мне хочется отметить лишь одно: что заданную мне и взятую мною на себя тему можно рассматривать лишь на основе подлинных источников. Речь здесь идет не о пред-

положениях и гипотезах, а также не о слухах или новостях из вторых рук, а о неоспоримых подлинных данных и решениях, а также об однозначно установленных фактах.

Если взглянуть на обильное количество подлинных источников в нашей области, то вначале создается впечатление, что здесь слишком много хорошего и будет нелегко решить проблему отбора. Однако более подробное и внимательное изучение скоро показывает, что нелегко выделить существенное и получить единую картину из марксистско-коммунистических разговоров.

Не подлежит сомнению, что такие директивы Коминтерна для большевизации Германии на самом деле существуют. Они выработаны, сформулированы, обсуждены и записаны в течение нескольких лет и с тех пор ежегодно обновляются, подгоняются к новым условиям и дополняются. Стратегия, грандиозно задуманный план этих директив напечатан и его нетрудно найти в напечатанной форме. Указания для его конкретного выполнения, т. е. тактику, напротив, найти довольно трудно, потому что их печатают редко или почти не печатают. Но можно точно установить, что планируют коммунисты, что планирует Коминтерн в Германии и какими путями они собираются это осуществить. Однако трудно, а нередко и очень трудно, проследить за деталями, уловками и трюками в ходе осуществления. Но у нас нет необходимости говорить об этих конкретных деталях, о «здесь» и «теперь» этой черновой работы. В этой области нам достаточно дать лишь небольшой совет: горе стране, политическое управление которой закрывает глаза на эту чрезвычайно умелую работу коммунистов... От своей работы, направленной на разложение, эти люди не откажутся *ни* при каких обстоятельствах. Они от начала до конца сохраняют верность своему лозунгу: «где есть возможность — легально, где нет — нелегально»¹.

До тех пор, пока в стране нет вмешательства политической полиции и пока в ней существует легальная коммунистическая партия, с ее депутатами и вспомогательными организациями, коммунисты работают спо-

¹ Тезисы и резолюции V всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Гамбург, 1931 г., с. 21.

койно, открыто и дерзко; но если однажды будет предпринято серьезное вмешательство и компартия будет подавлена, неопытному глазу долгое время будет казаться, что коммунисты совершенно прекратили свою работу, однако на самом деле они перейдут на нелегальные пути, хорошо знакомые им и ранее, для которых их непрестанно муштровали.

Решающим здесь является пункт 3 из 21 пункта, в которых были сформулированы «условия принадлежности к Коммунистическому Интернационалу», принятые на II всемирном конгрессе Коминтерна (еще при Ленине). Здесь мы читаем:

«Почти во всех странах Европы и Америки классовая борьба вступает в фазу гражданской войны. В этих условиях коммунисты не могут больше доверять буржуазной легальности. Они обязаны параллельно создавать повсюду нелегальный организационный аппарат, который в решающий момент поможет партии выполнить ее революционный долг. Во всех тех странах, где коммунисты в результате осадного положения и чрезвычайного законодательства не имеют возможности легально выполнять всю свою работу, совершенно необходима комбинация легальной и нелегальной деятельности»¹.

Эта директива действует и сегодня. Соответствие можно найти и в протоколах последующих всемирных конгрессов Коминтерна. Короче говоря, коммунистическая партия никогда не оставляла нелегальной работы, однако она усиливает эту «подпольную» работу в особенности во время запрета. Совершенно естественно при этом ожидать, что в такое время самый дерзкий и заклятый враг сделает самую лояльную мину и станет подобострастно подъезжать с похвалами.

Что же касается общих стратегических линий, то, прежде всего, не стоит удивляться, что эти директивы опубликованы. Главным здесь, как всегда, остается следующий тезис из Программы Коминтерна:

«Коммунисты считают излишним скрывать свои мнения и намерения. Они открыто заявляют, что их

¹ II конгресс Коминтерна. Вена, 1920 г., с. 112.

цели можно достичь лишь путем насильственного свержения нынешнего общественного строя»¹.

Это открытое и вызывающее объявление войны всему миру так странно звучит и высказывается с такими любезными дипломатическими жестами, что свойственное ему трагическое содержание лишь чрезвычайно редко серьезно воспринимается остальным миром. И на самом деле кажется невероятным, даже невозможным, чтобы одна-единственная организация, какой бы благоприятный ветер ее ни нес, могла признать себя причастной к подобному заявлению. Как бы громко она ни раструбила объявление войны по всему миру, она создаст для себя своеобразную *защиту невероятности*. Весь мир читает слова и не верит своим глазам. Однако те, кто, возможно, в глубине сердца жаждут этих слов, принимают их на веру и принимаются за революционную работу. Речь идет о необходимости завоевания масс, а массы завоевываются не шепотом, а скорее лишь трубными звуками. Если же дело дойдет до того, что правительство какого-то государства поверит в это объявление войны и со своей стороны предпримет наступление или, лучше, станет обороняться против этой доморощенной спешки Коминтерна, то Коминтерн рассчитывает на то, что определенные вспомогательные силы (т. е. наполовину завоеванные общественные круги) сумеют воспрепятствовать этой обороне.

Как везде и всегда, выданные Коминтерном директивы по большевизации Германии — не советы или заключения, а предписания и заповеди, которым без возражений должны следовать немецкие коммунисты, если они остаются коммунистами и тем самым подчиняются Коминтерну, несмотря на то, что эти директивы с самого начала кажутся противозаконными или предательскими и изменническими по отношению к отечеству. Стратегические и тактические директивы Коминтерна *обязательны* для всех коммунистов и их бесчисленных попутчиков. Коммунистическая партия Германии просто подчинена Коминтерну, что неоднократно и во всех формах высказывалось, записывалось и публиковалось во всех уставах Коминтерна и в особых решениях всемирных конгрессов Коммунистического Интернационала.

Уже на II конгрессе Коминтерна (июль-август 1920 года) условиями приема в него провозглашались централизм и послушание (пункт 12 и пункт 16).

«В современную эпоху обострения гражданской войны коммунистическая партия лишь тогда будет способна выполнить свой долг, когда она будет организована, когда в ней будет царить *железная дисциплина* и когда ее партийный центр, пользующийся полным доверием членов партии, будет обладать всей полнотой власти, авторитетом и далеко идущими полномочиями».

«Все решения конгрессов Коммунистического Интернационала, как и решения его Исполнительного Комитета, обязательны для всех партий, входящих в состав Коммунистического Интернационала»¹.

Соответствия мы находим также в протоколах более поздних конгрессов, в особенности пятого и шестого. Повсюду в них говорится: «подчинение», «обязательно», «провести незамедлительно» и т. д. и т. п. Короче, у каждого коммуниста есть особое, пребывающее за границей начальство, которому он обязан строгим послушанием. Это начальство носит имя Коминтерн. А страна, в которой имеет свою резиденцию Коминтерн, называется настоящим и единственным отечеством каждого немецкого коммуниста.

Прежде всего установим, что Коминтерн хочет революционизировать Германию. Далее сплошь следуют подлинные тексты: «Интересы подлинной Германии, подлинные интересы Германии как страны могут быть упрочены только пролетарской революцией»^{II}.

«На заседании с немецкими товарищами» (т. е. с немецкими коммунистами) Радек утверждал, что Коммунистический Интернационал навязал Германии «точный план вооруженного восстания» (имеется в виду август—сентябрь 1923 года), «план решительных действий. В действительности же наше мнение состояло в том, чтобы мы (т. е. Коминтерн) назначили бы только определенный срок для ориентации и что окончательное

¹ II конгресс Коминтерна, с. 114 и 115.

^{II} 1923 г. Стенографический отчет XII съезда компартии России. Речь Зиновьева, с. 12—13.

решение вопроса должно последовать на месте. Таково было решение Исполкома»^I.

Это последнее предложение Бухарина дает подлинное объяснение отношения Коминтерна к коммунистическим планам мятежа осенью 1923 года и подготовки к нему. Иное объяснение мы найдем у известного руководителя коммунистического движения в Германии, члена компартии России в Коминтерне Мануильского.

«И далее, товарищи, я думаю, что не открою секрета, если буду утверждать, что как только поднялась первая волна германской революции, наши товарищи приложили все усилия, чтобы помочь германской революции (бурные аплодисменты в зале)»^{II}.

Живые признаки этих усилий мы находим рассыпанными по всей коммунистической литературе, и нередко они имеют пикантную форму. То руководители компартии России жалуются на своих съездах на финансовое положение Советского Союза, которое не позволяет им создать в Европе крупное революционное движение (Сокольников^{III}, Красин^{IV}); то один из коммунистических руководителей (Каменев) обещает, что «русские коммунисты в 1930 году будут сражаться на улицах европейских столиц, помогая иностранным рабочим»^V; то именитый русский коммунист рассказывает о том, как он некоторое время пролежал в больнице в Берлине с разбитой головой...^{VI}

«Несомненно, — говорит Мануильский, — нехватка оружия в германской революции сыграла роковую роль...»^{VII}

^I 1924 г. Стенографический отчет XIII съезда компартии России. Речь Бухарина, с. 374.

^{II} Стенографический отчет XIII съезда компартии России. Май 1924 г., с. 367.

^{III} Комиссар финансов РСФСР. См.: Стенографический отчет XI съезда компартии России, с. 231.

^{IV} Стенографический отчет XII съезда компартии России, с. 117.

^V Там же, с. 24.

^{VI} Залуцкий. См.: Стенографический отчет XIV съезда компартии России, с. 231.

^{VII} Стенографический отчет XIII съезда компартии России, с. 369.

«Мы полностью согласны с Центральным Комитетом КПГ, руководимым товарищем Тельманом, — констатирует Зиновьев. — Линия, которую мы проводим совместно с КПГ, приведет *нашу германскую партию* на верный путь»^I.

«Сегодня за немецкими товарищами стоит организованное пролетарское государство, — заявляет Мануильский, — которое солидарно с германским рабочим классом»^{II}.

В протоколах V всемирного конгресса Коминтерна (1924 год) мы читаем отчеты, в которых говорится о том, как Исполнительный Комитет Коминтерна отдавал приказы и распоряжения, «требовал», «переорганизовывал» и добивался «большевизации» КПГ^{III}.

«Мы не боимся, — восклицает Клара Цеткин в одном из заседаний XIII съезда компартии России, — нам ярко светит звезда Советов. Эта советская звезда со своим ясным светом, которая указывает нам путь, — ваша Коммунистическая партия»^{IV}.

ГОЛОД В СОВЕТСКОЙ РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ. ДИАГНОЗ

Содержание

1. Руководство для решения проблемы.
2. Партийная программа. Первый голод и оздоровление.
3. Готовится второй голод.
4. Пятилетний план и коллективизация.
5. Последствия первой коллективизации.
6. Разрушенное сельское хозяйство.
7. Окончание.

^I Председатель Коминтерна Зиновьев. Стенографический отчет XIV съезда компартии России, с. 663.

^{II} Стенографический отчет XIII съезда компартии России, с. 367.

^{III} Тезисы и резолюции V всемирного конгресса Коминтерна, с. 6—11.

^{IV} Стенографический отчет, с. 33.

Марксизм на практике¹.
Гитлер

1. Руководство для решения проблемы

Известия о трудностях в области снабжения в Советской России поступали уже давно. В последние два года эти трудности все увеличивались. Еще в феврале 1932 года¹ советскому правительству пришлось признать, что территории Нижней Волги, Средней Волги, Урала, Казахстана, Башкирии, Западной Сибири и Татарской республики не только не могут собрать семян для весеннего сева, но, кроме того, борются с продовольственным кризисом. Первая половина 1933 года принесла стране настоящий голод, который во многих местностях стал катастрофой.

Еще год тому назад поверхностному наблюдателю могло показаться, что речь идет лишь о трудностях с *заготовками* и *доставкой* в города и промышленные центры; возможно, о местной засухе: ведь страна, в общем, производит достаточно и располагает удовлетворительным запасом продовольствия, трудности имеются лишь с приемкой продуктов от производителя и доставкой принятых продуктов потребителю. Но постепенно выяснилось, что нынешний голод нельзя отнести только на счет неудовлетворительной работы бюрократического аппарата по заготовке и доставке, что *производители — так называемая «деревня» — гораздо больше страдают от продовольственного кризиса, чем потребители* — города и промышленные центры и что здесь мы имеем дело с работающим с перебоями, даже *экономически больным производством продовольствия*.

Это удивительное обстоятельство, то, что *крестьянину* как главному и массовому производителю зерна, скота и овощей *приходится значительно больше страдать* от всего этого кризиса, чем слоям потребителей в советском государстве (коммунистическая партия и бюрократия, Красная Армия и промышленный пролетариат), само говорит за себя громким и характерным языком о

¹ Постановление Совета народных комиссаров и Центрального Комитета компартии от 17 февраля 1932 г. См. об этом гл. 6.

корнях этой нужды. Ведь всем известно, что в то время, когда отказывает *распределительный* аппарат народного хозяйства (например, время инфляции, эпоха «военного коммунизма» в Советской России — 1918—1921 гг. и др.), *непроизводительные* социальные слои испытывают значительно большую нужду, чем крестьяне: у производителя в сельском хозяйстве всегда остается возможность сохранить необходимый запас для себя и своей семьи и тем самым, пусть даже скудно, но подстраховаться.

Однако в нынешнем советском государстве сюда прибавляется еще один решающий факт — *голод особенно сильно затрагивает территории, которые всегда считались непосредственными житницами России*. Ведь Россия, с точки зрения сельскохозяйственного производства, поделена на две большие зоны: зону с зерновыми излишками (Украина, Поволжье, Дон и Кубань, Западная Сибирь и некоторые другие области) и зону с нехваткой зерна (центральные и северные области европейской части России). Первых по этой причине нередко называют «областями-производителями», а вторых — «областями-потребителями». При хорошем урожае 1932 года в этих житницах теперь царит *жесточайший голод*, который в некоторых местностях доходит до вымирания целых деревень и до антропофагии. Тем самым полностью оправдана попытка, связать этот голод с обессиливанием и *тяжелым недугом сельскохозяйственного производства*; причем все же никак нельзя упускать из виду недостатки коммунистических *заготовок и доставки*.

Следует также помнить, что нынешний голод в России обнаруживает *определенное сходство* с голодом при Ленине (1921—1922 гг.). Хотя и не в отношении абсолютной величины урожая (тогда было два неурожая подряд), а также не в отношении общего хозяйственного уровня крестьянства (который в то время почти на 100% состоял из частнохозяйственных единиц). А, возможно, в отношении *отчуждающих тенденций коммунистического государства*. Это *отчуждающее давление* коммунистических правителей, которое, как известно, ослабло в первые годы НЭПа (1922—1925 гг.), за последние годы (1929—1933 гг.) настолько возросло и стало, особенно в период коллективизации сельского хозяйства, настолько

опустошающим, что его, пожалуй, можно назвать решающим фактором советского сельского хозяйства. Проследить происхождение, историю и влияние этого давления означало бы почти то же, что осветить ярким светом суть самого коммунизма и определить причины голода.

Я пытаюсь дать здесь лишь краткую схему соответствующего диагноза, но, как всегда, опираюсь на внимательно просмотренный материал самих коммунистических источников.

2. Партийная программа. Первый голод и оздоровление

Коммунизм — *последовательный марксизм, воплощенный на практике*. От марксизма II Интернационала его отличает *последовательность, беспощадность, безудержность* и решающий для него дух *антилиберализма и антидемократизма*. У коммунистов господствует догматично-дедуктивное мышление. Они исходят из посылки, что Маркс все объяснил, и все надо истолковывать и во всем действовать по Марксу. Это своеобразное догматически настроенное мышление мало учитывает факты происходящего в мире, а также исторические факты. Индуктивного исследования здесь нет. Желания и действия у коммунистов предшествуют пониманию. Всемогущей силой у них считается принуждение. Предписывать — для них значит то же, что и созидать. Централизовать — то же, что организовывать. Национализировать и пролетаризировать — то же, что плодотворно хозяйствовать и т. д.¹

Отсюда и весь их план: *принципиальное исключение свободной частной инициативы, национализация, пролетаризация и обобществление* (возможно, коллективизация) всего населения. Подавление свободной игры созидательных сил, *огосударствление, бюрократизация и централизация* всего хозяйства, всей политики и культуры и руководство всей народной жизнью из одного центра по производству, распределению и потреблению. Насколько последовательно и как далеко коммунисты развили эту мысль, видно уже из того, что Ленин так представлял

¹ Подробнее см. об этом в моих статьях в сборнике «Мир перед пропастью», а также в брошюрах «Яд. Дух и сущность большевизма» и «Коммунизм или частная собственность?».

себе электрификацию страны: в связи с механизацией и освещением все территории России могли бы подключаться и отключаться в Москве и из Москвы.

Коммунизм гоним *комплексом власти*; он хочет господствовать сначала в *одной* стране, затем во всем мире. Ему известны лишь два средства: пропаганда, представляющаяся ему сходной с разложением души, всякого духовного уважения и сдерживающих начал, и *принуждение (террор)*. Через пропаганду человек созревает для закабаления; пустые места в еще невозможном закабалении заполняются пропагандой; там, где недостаточно пропаганды, вступает в дело террор.

Этим путем и этими средствами коммунизм старается решить и продовольственную проблему в России. С самого начала он противостоял крестьянскому элементу, обладающему буржуазным и мелкобуржуазным настроем. До революции крестьянство в России страдало от аграрного перенаселения. Институт деревенской общины с его периодическим распределением земли создавал в деревне относительное пространство; господствовало множественное право наследования, в результате чего хозяйственные единицы проявляли тенденцию к *уменьшению*. Тем самым в деревне отмечалась двойная *пролетаризация*: одна *выбывающая* (переселение в город и на промышленное предприятие) и другая *внутренняя* (обнищание разделяющихся крестьянских хозяйств). Крестьянин мечтал о «большем земельном наделе» и не мог превратить свое мелкое предприятие в достаточно интенсивное.

Главным намерением коммунистов сначала было введение коммунизма в одних лишь городах и промышленности, крестьяне как частнохозяйственные производители продовольственных продуктов должны были в этом случае обслуживать коммунистическое государство и коммунистическую промышленность. В первые годы своей власти коммунистам это не удалось. Обобщественная промышленность очень скоро стала работать с перебоями, так что в 1921 году, по собственным расчетам Ленина, она была в состоянии производить лишь 6% довоенного количества продукции. Единственным источником финансирования стали бумажные деньги; голодающий город бежал в деревни, но не мог предло-

жить деревне ничего, кроме обесцененных бумажных денег. Коммунисты были вынуждены прибегнуть к *принудительному взысканию зерна и продовольствия*. Отчуждалось все без разбора, что, по мнению коммунистических продотрядов, можно было отнести к «излишкам». Крестьяне спасали свою жизнь; началась продовольственная война, кровью и пожарами бушевавшая на доброй половине страны и побудившая крестьян перевести свои посевные участки на самоснабжение и значительно уменьшить их. Так, посевные площади в 1922 году составляли лишь 76% довоенных. В 1921 году разразилась катастрофа: неурожай на востоке, на Волге и на юге. Однако склады с запасами, предназначенными на случай засушливых лет (необходимая защита на подверженных засухе территориях — Иосиф и фараон!), были пусты. И пришла беда — первый революционный голод: целые губернии питались мхом, целые области умирали от голода и сыпного тифа, в некоторых местностях лютовала антропофагия — люди варили трупы и ели их... Развалилась в хозяйственном отношении и переживала страшное обнищание вся страна.

Второй период — 1922—1923 годы — отмечен некоторыми уступками крестьянскому частнохозяйственному элементу. Но эти уступки смогли освободить частную инициативу *лишь в той степени, в какой коммунизм мог использовать ее созидательную силу*. Революция стремилась обеспечить себе так называемую «передышку». Надо было *оставить крестьян свободными для того, чтобы хорошо присматривать и затем снова прижать*. На только что обрисованную мной коммунистическую программу нельзя посягать, она лишь вводит тактическое время для приспособления. «Мы должны считаться с личными интересами крестьянина», — сказал Ленин; эти «личные интересы поднимут производство»; «свободная торговля — это стимул, это побуждение, это толчок для крестьянина». Единственное средство для того, чтобы «вылезти из отчаянной нужды — это отступление». Но, утверждал Ленин, «это отступление продлится до тех пор, пока мы не научимся, пока мы не будем готовы к тому, чтобы снова начать обеспеченное наступление...»¹

¹ Ленин. Сочинения. Первое издание, том 18, часть 1, с. 146, 159, 167, 370, 377, 408, 440 и др.; часть 2, с. 38 и др.

Вслед за этим в крестьянском сельском хозяйстве наступило медленное оздоровление. Но это оздоровление можно признать таковым лишь в сравнении с нищетой «военного коммунизма», а не с довоенным временем, которое было перекрыто лишь по поголовью скота. Следующая небольшая таблица, составленная по подлинным коммунистическим источникам, дает ясное представление о состоянии в сельском хозяйстве.

	1913 г.	1922 г.	1927 г.
Посевные площади	100 %	63,0 %	96,5 %
Поголовье лошадей	100 %	65,5 %	83,0 %
Рогатый скот	100 %	71,6 %	111,0 %
Валовой доход на душу населения	100 %	51,9 %	85,5 %

На примере этой таблицы легко увидеть, что, вопреки не блестящему состоянию крестьянского сельского хозяйства в конце второго периода, огромное оздоровление все же состоялось, особенно в отношении поголовья рогатого скота. Стоило крестьянину получить некоторую ограниченную хозяйственную «свободу» и «безопасность», как *он опять начал трудиться и восстанавливать*. Неверно предполагать, что давление коммунистов в период так называемого НЭПа совершенно прекратилось; такого вовсе не было. Если бы это было так, то успехи сельского хозяйства были бы гораздо больше. И тем не менее здравомыслящий наблюдатель-экономист счел бы эксперимент с освобождением удачным и поучительным...

Дело в том, что здоровая сельскохозяйственная политика должна предоставить крестьянину личную инициативу, безопасность и свободу. А частная собственность — не что иное, как *постоянная и гарантированная безопасность* для духовных и хозяйственных вложений. Трудовой пот и произведенные ценности бегут от неопределенности. Это происходит не по причине алчности, а вследствие двух инстинктов и, таким образом, двух законов природы: вследствие инстинкта самосохранения и вследствие сохранения сил. Чем меньше безопасность, тем более робкими, тем более непродуктивными становятся вообще хозяйственные вложения. Тот, кто угрожает отчуждением и обобществлением, начинает обессили-

вать человеческий инстинкт самосохранения; прерывается или вообще отключается *естественная, здоровая мотивация трудового процесса*.

То, чем болен пролетаризированный мир, как раз и есть обезображивание и калечение здоровых побудительных мотивов, толкающих человека к достижению наивысших успехов. Главная идея марксистов — возвести эту болезнь, это калечение в принцип и принуждением и террором привить их всем людям.

Разрушительные последствия такого духовно-хозяйственного калечения были налицо — они *отрицательно* проявились в первый период «военного коммунизма» (1917—1922 годы) и стали *положительно* совершенно ясными во второй период так называемой «новой экономической политики». Убедительно для всякого, кто был способен к непредвзятым наблюдениям и размышлениям, но не для марксистски настроенных коммунистов.

Крестьянское хозяйство оздоровилось, оно медленно стремилось к восстановлению своего благосостояния. Однако это благосостояние, появляющееся из буржуазного мировоззрения и буржуазного хозяйствования, было, по мнению коммунистов, недопустимо и опасно. Деревня, крестьянский элемент, считался для них *врагом за спиной*. Он мог оздоравливаться в той мере, пока его можно было благодаря этому использовать и эксплуатировать, как собаку в упряжке. Но последовательный коммунизм не мог дать всей стране распасться на два сектора — *социалистический* и *частнохозяйственный* сектор, в которых хозяйствовали по-разному и которые враждебно противостояли друг другу. Последовательный коммунист должен был любой ценой сломать и одолеть врага за своей спиной. Последовательный марксизм и безудержное насилие принципиально нераздельны.

Коммунизм должен был второй раз предпринять атаку на крестьян и таким образом вызвать голод. Это на самом деле и случилось.

3. Подготавливается второй голод

Для того чтобы понять события последних пяти лет и судить о них, надо не забывать, что то, что по буржуаз-

ным понятиям означает несчастье и нищету, т. е. бедность, безработица и пролетаризация народа, по мнению коммунистов, — «необходимый путь в счастливое будущее». По марксистскому «прогнозу» коммунисты составили волевою программу, согласно которой у крестьянина-бедняка не будет счастливого хозяйственного будущего, ему предстоит лишь медленное обнищание. Соответственно этому они и действуют в Советской России.

Уже во время всеобщего распределения земли в первые годы революции им удалось «подорвать и экспроприровать»^I зажиточного крестьянина (так называемого «кулака» — что-то вроде «деревенского ростовщика»). Экспроприированные помещики потеряли тогда в действительности примерно 40 млн. десятин земли^{II}, в то время как зажиточные крестьяне лишились до 50 млн. десятин^{III}. Нередко частичной экспроприации подвергалось *каждое* крестьянское хозяйство, имевшее более 10 десятин. Уже в 1919 году почти не было крестьянских хозяйств с более чем 10 десятинами посевных земель, в то время как до революции такие хозяйства составляли 11% общего числа. В 1924 году крестьянские хозяйства с более чем 6 десятинами посевной земли составляли лишь 6%. Ленин так высказался по этому поводу: «Мы создали мелкое и совершенно мелкое крестьянство»^{IV}. Таким образом, это *не был примитивный и импульсивный массовый процесс*: вся уравниловка в распределении земли систематически предписывалась сверху, советским правительством.

Ленин характеризовал «кулаков» как «жестоких эксплуататоров, живодеров, пауков, пиявок и кровопийц»^V. Этот трудолюбивый и экономически продуктивный слой крестьянства был еще во втором периоде подвергнут систематической «холодной» экспроприации, что коммунисты сводили к идеологическим, марксистским причи-

^I Ленин. Сочинения. Т. XVIII, часть I, с. 138.

^{II} Стенографический отчет XV съезда компартии, с. 1050—1051. Речь Молотова. Один гектар составляет примерно $\frac{9}{10}$ десятины.

^{III} Подсчитано бывшим комиссаром сельского хозяйства Смирновым. См.: Известия, 03.11.27 г.

^{IV} Ленин. Том XVIII, часть 2, с. 125.

^V Стенографический протокол XIV съезда компартии, с. 123.

нам. Зажиточный крестьянин всегда оставался для них оплотом частной собственности, капитализма, церкви и таким образом также политической реакции в деревне. Он всегда считался *классовым врагом*. Несмотря на то, что этот классовый враг из своих прежних 40 млн. сохранил лишь 4 млн. десятин; несмотря на то, что этот сельскохозяйственный «капитализм» самими коммунистами назывался «исключительно бедным», даже «ничтожным»^I: «наш кулак» зачастую — «просто нищий в сравнении с американским фермером...»^{II}. Его все же и далее экспроприировали, по принципу «*fiat Marxismus — pereat mundus*»². С ним нередко обращались методами продовольственной войны, что, например, было открыто признано и описано на заседаниях XIV съезда компартии в 1925 году^{III}. «Кулаком» называли всякого крестьянина, получавшего доход не только от своего собственного физического труда; было достаточно, чтобы крестьянин имел одного батрака, занимался торговлей, сдавал в аренду землю и инвентарь, давал в долг деньги — и его уже причисляли к «кулакам». Характерна формулировка известного советского публициста (Сосновского): «У кого из крестьян две коровы, тот мой враг». Благосостояние «кулака», которого надо подавлять, постепенно становилось *относительной величиной*. Коммунисты старались просто подорвать *следующий относительно богатый слой*, который придерживался частной собственности и не хотел поклоняться коммунизму. Итак, речь шла о том, чтобы постепенно, *сверху вниз провести всеобщую экспроприацию экономически продуктивного крестьянства*. На основании этого соответственно муштровали коммунистических чиновников и коммунистическую молодежь. Еще в 1925 году Сталин сообщил съезду партии, что все готово: «стоит только приказать — и кулаков экспроприируют в один миг»^{IV}. Уже в 1927 году он утверждал, что пришло время для коллективизации сельского хозяйства...

^I Например, Крицман в стенографическом отчете XV съезда компартии, с. 1197.

^{II} См.: Стенографический отчет XIV съезда компартии, с. 437.

^{III} См. там же, с. 161, 235.

^{IV} Стенографический отчет XIV съезда компартии, с. 48.

Этот хорошо продуманный и подготовленный план экспроприации и коллективизации становится особенно ясным, если учитывать суть так называемого «единого продовольственного налога» и общее положение крестьян в 1923—1928 годах.

Этот прогрессивный налог, введенный в 1923—1924 годах, старался охватить *все источники* крестьянских доходов и был направлен *не на сельское хозяйство, а на крестьянина* с его буржуазными убеждениями. Не облагаемый налогом минимальный доход назначался для деревни гораздо *ниже*, чем для города. Дифференциация в деревне увеличивалась значительно резче, чем в городе, и затем повышалась год от года. В 1927—1928 годах верхние слои крестьянства должны были отдавать ежегодно уже 28—30% своего общего дохода. В 1928—1929 году был выпущен новый закон, по которому «более богатые крестьяне» облагались еще одним особым налогом по «индивидуально установленным нормам». Пороку доходило до того, что середняки должны были платить в *двадцать*, а богатые крестьяне в *двадцать семь* раз более самой низкой ставки налога^I; тем самым зажиточное крестьянство (12—13% сельского населения) в 1928—1929 годах было вынуждено покрывать около 47%^{II}, а в 1929—1930 годах около 60% общей суммы продовольственного налога^{III}. Один коммунистический руководитель так сформулировал этот метод: «налог отрезал все, что в деревне сделалось элементом буржуазного накопления». Все крестьянство видело, что его *все более выдавливают вниз*.

Что касается тогдашнего общего положения крестьянства, стоит отметить следующее.

Во-первых, политика цен. Крестьянину приходилось платить высокие цены за плохие товары советской промышленности, а сельскохозяйственные продукты отдавать по очень низким «твердым» ценам. В 1927 году один уважаемый российский коммунистический экономист подсчитал, что в ходе революции это соотношение ухудшилось для крестьянина по оптовым ценам — на

^I Гроссман. См.: «На аграрном фронте», № 1, 1927 г., с. 19.

^{II} Калинин. См.: «Беднота», 20 апреля 1928 г.

^{III} Брюханов. См.: «Известия», 24 января 1929 г.

30%, а по розничным ценам — на 100 %^I. (Так называемые «ножницы цен».) Так, например, фунт сахара до войны стоил примерно столько же, сколько 2,7 фунта ржаной муки, а в 1925 году столько же, сколько 8,8 фунта. Пара сапог до войны соответствовала в цене 22,6 фунта ржаной муки; а в 1925 году — 427,9 фунта^{II}. В 1927 году советский крестьянин получал за свое зерно лишь 40—50% мировой цены^{III}; и, по определению одного коммунистического руководителя, эта цена не покрывала даже его производственных расходов.

Крестьянин под угрозой экспроприации пытался спасти свое хозяйство разделением. За период революции число крестьянских хозяйств увеличилось с 16 до 24—25 млн. Перед налогообложением крестьянин *старался спастись, распродавая свое очевидное имущество, свои посевные площади и поголовье скота*. У него более не хватало денег, чтобы содержать все как подобает. Сельское хозяйство не смогло более вернуться к своему здоровому подъему. Деревня была охвачена обнищанием и пролетаризацией.

При 2 десятинах посевной земли перестало окупать себя содержание одной лошади: лошадь как бы «съедает крестьянина»^{IV}. В 1927 году Молотов подсчитал, что число сельскохозяйственного пролетариата ежегодно увеличивается на 17—18%, и Рыков сказал, что революционное раздробление неизбежно ведет к коллективизации^V.

Принудительное нивелирование принесло свои самые тяжкие плоды, ибо все могут стать равными *лишь в бедности и нужде*. Экспроприация крестьян могла только подорвать сельское хозяйство и вызвать перебои. Марксизм, воплощенный в практику, *систематически работал на развал производительных сил в сельском хозяйстве*; он готовил второй голод.

^I Базаров. «Экономическое обозрение», 1927 г., № 4.

^{II} «Вестник торговли и промышленности», № 12, 1925 г.

^{III} «Вестник финансов», № 9, 1927 г.

^{IV} Розит. Стенографический отчет XV съезда компартии, с. 1127.

^V Стенографический отчет XV съезда партии, с. 57, 1055, 777.

4. Пятилетка и коллективизация

Третий период большевистско-коммунистической революции, как известно, находится под знаком *пятилетнего плана и коллективизации сельского хозяйства*. Эти два «знака» не идентичны: надо лишь вспомнить о том, что после основного проекта пятилетнего плана¹ «социалистический сектор» в области сельского хозяйства с 2% (1927—1928 годы) должен был в течение пяти лет быть повышен *лишь до 15%* (1932—1933 годы). Темп коллективизации был задан относительно очень сдержанный и осторожный; рассчитывали даже, что, несмотря на запланированную коллективизацию, в результате прироста населения в советском государстве (тогда в среднем на 2—2,5 млн. человек ежегодно) абсолютное число индивидуальных крестьянских хозяйств не уменьшится. Планом определялось, что в конце его осуществления процент частнохозяйственных единиц в деревне должен составить 85,3%.

Это означает, что главной мыслью плана, предусматривающего огромное строительство коммунистической промышленности, была опора при его осуществлении *на крестьянское частное хозяйство*. Индустриализацию страны предполагали осуществлять в бешеном темпе; капитальные вложения в этой области планировалось довести до 86 млрд. рублей; но сельское хозяйство принципиально должно было и далее работать на частной основе, и необходимые капиталовложения предусматривалось получить от сельского хозяйства через *ценовой механизм*^{II}. Производственные расходы советской промышленности необходимо было понизить на 35%; но продажная цена должна была следовать за этим понижением в довольно медленном темпе. Коммунистическое государство как гигантский предприниматель хотело получать свою прибыль от *торгово-монополистической эксплуатации крестьянства* и вкладывать ее в индустриализацию страны. Короче, *пятилетний план* предусматривал дальнейшую «холодную» экспроприацию крестьянина: последний, трудясь и голодая,

^I См.: Пятилетний план народнохозяйственного строительства в СССР. Том I, с. 117—120, на русском.

^{II} См. главу 3.

должен был в условиях ценовых ножниц марксистского государства *поставлять партии продовольствие и деньги*.

Уже в первые два года этот первоначальный план был отмечен решительными неудачами, так как не удалось добиться снижения себестоимости. Но прежде чем определился этот прорыв в области производства и торговли, произошел прорыв в области коллективизации сельского хозяйства. Это обстоятельство весьма поучительно: марксизм в ходе всей революции на практике показал себя *бессильным в созидании и мощным и успешным в разрушении*.

В 1929 году (весна—лето) Центральный Комитет Коммунистической партии выдвинул лозунг: «Ограничение и вытеснение кулаков теперь заменяется ликвидацией кулачества на основе сплошной коллективизации»¹. Примечательно, что этот лозунг шел не от советского правительства как такового, а от *Политбюро и Центрального Комитета компартии* — *высшей инстанции* для советского правительства. Это выглядело так, как будто советское правительство было запутано и усмирено подсчетами, в то время как компартия и ее Центральный Комитет, охваченные революционным порывом, нашли в себе мужество немедленно начать отложенную коллективизацию в деревне. «Революция» означает для настоящего большевика в первую очередь «темпы и беспощадность». За разбитые осколки всегда заставят платить врага (т. е. буржуазные элементы страны).

В августе—сентябре 1929 года началась массовая коллективизация. Следовало полностью ликвидировать верхний (т. е. *продуктивный*) слой крестьян и вызвать у остального, пролетаризированного или полупролетаризированного крестьянства, *безнадежность*, даже *панику* и *чувство хозяйственного отчаяния*. Все наступление было настолько жестко проведено, что широким массам крестьян пришлось заявить о своем желании «добровольно вступить в запланированные коллективные хозяйства. Экспроприация мнимых «кулаков» частично проводилась по прежде составленным спискам и безо всяких

¹ См., например, также «Правду» от 7 мая 1930 г., 15 мая 1930 г. и т. д.

церемоний; частично же ее проводили по так называемой «индивидуальной раскладке, а именно: данный крестьянин по разумению данного коммунистического чиновника обязывался сдать столько-то зерна (назначалось немыслимое количество, и начиналась распродажа); частично же по методу так называемой «добровольной самораскладки» деревенской общины: по требованию местной коммунистической ячейки беднейший слой общины вынуждался к принятию решения о «добровольной» сдаче государству такого-то количества зерна, а затем распределял бремя этого «дара» между более состоятельными крестьянами и проводил экзекуцию. Марксистский принцип *классовой борьбы* и *классовой ненависти* в который раз являл свои результаты и ставил себя на службу будущему голоду.

Экспроприированных кулаков с семьями выгоняли на улицу или «как освобожденную рабочую силу» отправляли по железной дороге в леса и болота, на север или на восток. Остальные подвергались коллективизации.

По собственным признаниям коммунистов, *ни о какой добровольной коллективизации* (добровольной она была на бумаге) в действительности не было и речи. Так, например, случалось, что *вовсе не проводилось голосования* о вступлении жителей деревни в коллективное хозяйство¹. В других случаях голосование «продавливалось»; коллективное хозяйство считалось образованным при 20 голосах «за», 18 — «против» и 160 воздержавшихся (запуганные); или же, к примеру, при 13 голосах «за» и 400 воздержавшихся. Коммунистические чиновники вели себя, как маленькие диктаторы. Так, например, крестьянам предлагались два списка: первый означал «я хочу вступить в колхоз», второй — «я предпочитаю экспроприацию и ссылку в Сибирь»; крестьянину приходилось выбирать и подписывать. Тут и там было также объявлено: «кто записался в колхоз, считается дружелюбно настроенным к советской власти, кто не вступил — тот

¹ Материал из источников для подтверждения этого описания можно найти в сборнике «Мир перед пропастью». См. мой раздел «Судьба русского крестьянина» и раздел М. А. Крицкого «Экономическая дифференциация класса крестьян».

объявляет себя противником советского правительства; запишут же вас все равно...» Были случаи, когда назначалось ветеринарное освидетельствование домашнего скота, которое *молча* воспринимали как первое действие образываемого колхоза: всякий крестьянин, который приводил свою лошадь на это освидетельствование, считался добровольным членом нового колхоза.

Это вообще соответствует большевистскому пониманию добровольности. Олицетворение главы государства — товарищ Калинин — однажды высказался по этому поводу: «большевистское понимание добровольности» вообще предполагает «общественное давление». Исходя из этого, задача коллективизации была понята и решена таким образом, чтобы в кратчайший срок провести, если возможно, радикальную экспроприацию крестьян и сплошное обобществление сельского хозяйства. В страшной спешке вовсе не подумали о том, чтобы придать новым коллективным хозяйствам определенную форму, дать им правовую основу и создать их внутреннюю организацию. На бумаге были созданы гигантские хозяйства в несколько или много десятков тысяч гектаров, которые скоро развалились. Во многих местах старались провести стопроцентную «сплошную коллективизацию». К 10 февраля 1930 года на отдельных территориях *считались* коллективизированными от 42 до 85% крестьянских хозяйств. Соответственно росли и крестьянские волнения; сами коммунисты отчитывались о движении не только против коллективизации, но и против самой советской системы. Выступления произошли в Красной Армии, и весь режим, по выражению Сталина, «в бешеном темпе» двигался «к пропасти»...¹

Сталин был вынужден отступить и разрешить крестьянам свободный выход из колхоза. Он даже попытался приписать это жестокое наступление «перегибщикам», после чего многие коммунисты, которым угрожали снизу и которых дезавуировали сверху, покончили с собой. Весной 1930 года начался массовый выход крестьян из коллективных хозяйств. Экспроприированные, частично разоренные и запуганные крестьяне пробовали вернуться к прежним

¹ «Правда», 6 мая 1930 г.

единоличным хозяйствам. Но разоренное не возмещалось; а нередко и экспроприированная земля или вовсе не возвращалась, или возвращалась лишь ее часть, частично ее заменяли плохими или негодными участками. *Крестьяне были в страшной неопределенности, колеблясь между ненавистным и проблематичным коллективным хозяйством и остатками индивидуального хозяйства.* Весной 1930 года 24% крестьян все же остались в колхозах (из 72%, которые были «записаны»). 76% крестьянских хозяйств обладали волей и набрались мужества для того, чтобы утвердиться на основе частной инициативы и примириться с тяжкими последствиями первого наступления.

5. Последствия первой коллективизации

Как можно и нужно было предполагать, непосредственные результаты первой коллективизации (1929—1930 годов) были губительны; губительны они были в четырех аспектах.

1) Как ветром сдуло самый сильный и производительный, т. е. в национально-экономическом отношении самый ценный, слой крестьян. Число этих кулацких крестьянских дворов один из коммунистических руководителей (Ларин) определил в 800 000 хозяйств с примерно 5 000 000 человек^I. Но с учетом критерия высокого налогообложения получается число в 3 000 000 хозяйств с 15 000 000 человек^{II}. Часть этих несчастных крестьян была расстреляна на месте, вторую часть просто выслали, а третью сослали на принудительные работы на Север. Это называлось «раскулачивание деревни». Имущество раскулаченных, по подлинным коммунистическим отчетам, было большей частью распределено, продано или разбазарено.

Под это «раскулачивание» нередко попадали и так называемые «середняки», т. е. крестьяне со средним достатком. Этот прилежный экономический слой пострадал в некоторых местах на 70%^{III}; были также территории, где судьбу кулаков разделили до 100% середняков^{IV}.

^I «На аграрном фронте», 1928 г., № 3.

^{II} Брюханов.

^{III} «Известия», 18 марта 1930 г.

^{IV} «Правда», 9 марта 1930 г.

Верно понять и оценить невероятную жесткость этого процесса и силу его хозяйственного разрушения сможет лишь тот, кто сам прочел подлинные описания коммунистов.

Совершенно ясно, какой ущерб это нанесет народному хозяйству.

2) Эта репрессивная мера по отношению к верхнему слою привела к возникновению в деревне панических настроений. Над деревней навис *хозяйственный террор*. Крестьянин для начала прибег к превентивному «самораскулачиванию»: спускали за бесценок лошадей, производился массовый убой скота, продавался или разбивался инвентарь. *Психоз самоликвидации* распространился и на тех крестьян, которых заставляли вступать в коллективное хозяйство. Рынки полнились лошадьми, коровами, птицей, сбруей и другими предметами сельского хозяйства. Возвратясь с рынка домой, крестьяне записывались в колхоз. Они приводили за собой в коммуну изморожанную клячу и пустой мешок для получения продуктового пайка. Всего за 5 рублей можно было купить лошадь. Вновь возродился старый народный обычай ничего не оставлять врагу, но в этот раз в качестве врага выступало правительство страны.

Коллективизированный скот подыхал массами из-за плохого размещения и ухода. Коммунистические газеты подробно описывали эти обстоятельства разбазаривания и беспризорности.

Коммунистический журнал «Плановое хозяйство» (1930 г., № 9) следующим образом оценивал потерю скота в первом году коллективизации (в миллионах голов):

	1928 г. (холодная экспроприация)	1929 г. (коллективизация)	1930 г.
лошади	33,5	34,5	31,2
рогатый скот	70,7	67,2	52,6
овцы	135,6	132,8	89,9
свиньи	26,1	20,5	12,2

Решающими для времени коллективизации являются цифры 1930 года. Страна вследствие коллективизации первого года потеряла: 3 400 000 лошадей, 13 100 000 голов рогатого скота, 59 600 000 овец и свиней.

Ведущая коммунистическая газета таким образом сформулировала этот процесс: «Эпидемия уничтожения скота особенно резко выделяется на фоне сплошной коллективизации соответствующей области»¹.

3) Третий итог состоял в том, что экономический террор в деревне подорвал и парализовал *творческую волю и свободную инициативу* крестьян. Экономическая неустойчивость первого периода, тревоги и страх второго периода теперь увенчались и дополнились безнадежностью и отчаянием. Коммунистическая партия в 1929—1930 годах сделала *все*, чтобы поставить крестьянство в безвыходное положение. Быть бедным считалось с самого начала (1917—1918 годы) своего рода социальной добродетелью; теперь крестьянам самым наглядным образом было преподано, что *быть богатым и стать богатым — каждый раз опасно* и может оказаться гибельным. Здоровой склонности крестьянина к хозяйственным вложениям этим был нанесен сокрушительный удар. Примеры кулаков и середняков, жестокою судьбу которых здесь невозможно описывать далее², были сами по себе настолько выразительны, что *безнадежное будущее производительного единоличного крестьянского хозяйства недвусмысленно и ясно предстало перед глазами каждого крестьянина*.

Теперь считалось, что «быть бедным» не только «безопасней, чем быть богатым, но это еще вдобавок ставит в привилегированное положение»; но что крестьянину необходимо смириться с тем, что нет хозяйственных успехов и пришло время избегать всяких хозяйственных вложений.

«Марксизму на практике» удалось парализовать творческую хозяйственную волю в деревне. Не заставили себя ждать и другие последствия этого хозяйственного террора; теперь голод можно считать достаточно подготовленным.

4) Четвертое следствие этого разрушительного наступления на сельское хозяйство заключалось в том, что

¹ «Правда», 7 февраля 1930 г., «Экономическая жизнь», 19 февраля 1930 г.

² См. об этом, например: Смертный путь немцев. Изд-во «Эккарт», 1930 г., выпуск 1—2.

внезапно отштампованные «коллективные хозяйства» ни организационно, ни хозяйственно никуда не годились. В мае 1930 года народный комиссар сельского хозяйства Яковлев констатировал, что коллективные хозяйства «создавались без всякой материальной и организационной подготовки»^I. Организация была слабой и примитивной. Отсутствовала хозяйственная основа. Сверху, т. е. из Москвы, шел поток «директив» и «решений» на 40—70 страницах^{II}. Все должно было «обсуждаться» на местах. Отсюда поток бесполезных разговоров. Очень скоро появился *новый «сельскохозяйственный бюрократизм»*. Коллективные хозяйства были плохо снабжены инвентарем и машинами. Плохо размещенный скот, за которым ужасно ухаживали, околевал массами. В колхозах царила полнейшая бесхозяйственность. 25 000 командированных коммунистов не имели никакого опыта в области сельского хозяйства, они также вовсе не пользовались уважением крестьян. Крестьяне уклонялись от работы и лодырничали. Количество требуемого государством от коллективных хозяйств зерна росло; проблема распределения урожая и оплаты труда разрешалась в жестокой борьбе всех против всех. Первые образованные гигантские колхозы (100 000 — 400 000 га на колхоз) скоро были распущены как нежизнеспособные, однако меньшие колхозы зачастую были так же слабы в хозяйственном отношении, как и крупные.

Короче, разрушение прошло довольно удачно, строительство не желало и не могло быть удачным.

Таковы были в целом непосредственные итоги первой коллективизации. Но эти итоги не лишили коммунистов мужества; напротив, по *предписаниям центра эксперимент следовало продолжить*. Почему? Зачем?

Первое, что здесь стоит подчеркнуть, заключается вот в чем. Первоначальное наступление коллективизации относилось преимущественно к *производящей зоне*. Уже летом 1930 года выяснилось, что *наивысший процент коллективизации отмечается в зерновых провинциях*: на

^I «Правда», 19 мая 1930 г.

^{II} О подробностях и источниках см. раздел Крицкого в «Мире перед пропастью».

Кавказе, Средней Волге и в степях Украины отмечали до 50% коллективизированных крестьянских хозяйств, в то время как в потребительской зоне их было в среднем лишь 9%. По предписанию коммунистического центра на 1931 год предусматривались следующие квоты коллективизации: для *Украины, Северного Кавказа, Средней и Нижней Волги* — не менее 80% крестьянских хозяйств; для Центрального Черноземья, Сибири, Урала и Казахстана центр требовал не менее 50%; и для провинций-потребителей — лишь 25%.

Уже эти данные объясняют главное намерение коммунистов: *основную массу зерна требовалось предоставлять государству, а компартии предписывалось обеспечить основной доход от сельского хозяйства*. Это намерение становится еще более ясным, если учесть, что с самого начала коллективные хозяйства должны были просто отдавать государству 32—33% всего урожая зерна. К этим 32% добавляется еще некоторый процент с урожая, который следует «откладывать» для «покрытия долгов» и т. д. Специалисты по сельскому хозяйству советского правительства еще тогда подсчитали, что государство намерено охватить в среднем до 50% валового урожая и что оно надеется довести сдачу зерна коллективными хозяйствами до 60%³. Эта сдача зерна происходила по очень низким ценам: там, где на рынке пуд¹ пшеницы стоил в 1910—1914 годах от 83 до 95 золотых копеек, и где «свободный» рынок в 1929—1930 годах оценивал тот же пуд пшеницы в 40 *червонцев-рублей*, крестьянин в том же году получал от советской власти 35—47 *копеек*.

Так что картина ясна.

Коммунистическому правительству требовались огромные суммы денег для начавшейся индустриализации страны. На эти деньги надо было ввозить машины и все необходимое из-за границы. Отсюда — повышенная потребность в валюте, которую можно было обеспечить лишь надежным экспортом. Экспортными продуктами считались нефть, дерево и продукция сельского хозяйства. Коллективизация была призвана: 1) с помощью контроля над производством и централизованной приемки обес-

¹ Пуд — примерно 16 с половиной килограммов.

печить заготовки сельскохозяйственной продукции; 2) держать как можно более низко производственные расходы и цены на сельскохозяйственную продукцию; 3) освоить неистощимый источник дешевой рабочей силы (сосланные кулаки) для лесоповала и деревообработки; 4) снизить производственные расходы на предназначенные для демпингового вывоза товары из дерева; 5) задушить «буржуазно» настроенного «классового врага» в деревне; 6) увеличивать по желанию количество сельскохозяйственной продукции и уровень механизации сельского хозяйства (таково было желание!).

И посмотрите: вот уже и успехи. Заготовки зерна, которые в 1927—1928 годах равнялись лишь 400 млн. пудов, а в 1928—1929 годах — 658 млн. пудов, коммунистам удалось довести в 1930 году до 1350, а 1931 году до 1400 млн. пудов и, соответственно, в огромной степени увеличить вывоз зерна...

А теперь эти большие и многообещающие успехи превратились в одну ошеломляющую неудачу. Коллективизация стала источником неслыханного голода...

Могло ли быть иначе?

6. Разрушенное сельское хозяйство

Иначе быть не могло, потому что коллективизация обессилила хозяйственную волю крестьянина и разрушила все сельское хозяйство советского государства.

Голод в России — настоящее и необходимое следствие коммунистической сельскохозяйственной политики и одновременно оружие крестьянина против коммунистического государства как такового.

Крестьянин саботирует коллективизированное сельское хозяйство, и коммунист ломает себе голову над тем, как решить безнадежную проблему — побудить *закабаленного крестьянина интенсивно трудиться и в то же время заставить его обходиться скудным минимумом для прожития, а остальные продукты — в срок и за самую низкую цену — отдавать партийному коммунистическому государству.*

Урожаи 1931 и 1932 годов имели довольно хорошие перспективы в климатическом отношении, но оказались абсолютно неудовлетворительными, тем не менее они были *беспощадно проглочены* государственным аппаратом.

Только один пример действий коммунистов. О трудностях с продовольствием в деревне коммунистический центр в Москве в первый раз сообщил в феврале 1932 года: в сообщении говорилось, что в районах Нижней Волги, Средней Волги, Урала, Казахстана, в Башкирии, Западной Сибири и Татарской республике есть «трудности с продовольствием», возникшие из-за засухи в предыдущем году, о которой до этой поры не было известно, и из-за «несоблюдения предписанных посевных сроков»¹. Декретом от 17 февраля 1932 года этим территориям был разрешен задаток зерна и продовольствия в 53 500 000 пудов; наряду с этим заготовки зерна *на тех же территориях проводились и далее*, так что в течение двух месяцев остаток зерна в 126 млн. пудов с этих территорий был действительно собран... Тот, кто хочет воздать должное сельскохозяйственной политике коммунистов, должен уметь мириться с подобными манипуляциями. Только тогда он сможет понять, что происходит в душе русского крестьянина.

Как уже сказано, крестьянин саботирует хозяйствование в коллективных хозяйствах. Достаточно одного беглого взгляда на его жизнь.

При вступлении в коллективное хозяйство крестьянин теряет всякое право на свою прежнюю землю и на 27—60% своего бывшего имущества. В обычном, среднем, типичном коллективном хозяйстве (оно называется «артель») крестьянин *как пользователь* (его могут в любой момент исключить и выгнать) сохраняет свой домишко, небольшой огород, домашнюю утварь и немного мелкой живности. Редко одну корову, никогда *более одной коровы*. Земля, лошадь, рогатый скот, сельскохозяйственный инвентарь обобществлены и принадлежат коллективному хозяйству. Хозяйства управляются бюрократически. За последние 2—3 года руководителями в этих предприятиях назначены около 3 000 000 городских коммунистов. Приходящие сверху предписания разработаны до мельчайших деталей и стараются предусмотреть все. Этот аппарат стоит жутких денег; часто он поглощает все денежные запасы хозяйства, нередко — треть

¹ См. «Социалистическое земледелие», № 11, 16 и 17 за 1932 г.

всей оплаты труда крестьян. Идет нескончаемый поток бумаг. Всегда приходящие с опозданием предписания стараются главным образом подхлестнуть всех, все ускорить, увеличить *количественные* показатели (посевные земли!) и обеспечить заготовку зерна. И крестьянин стоит перед всем этим как наемный работник (система оплаты труда товарами) или как крепостной партийного государства и коммунистического чиновничества. Он трудится за чужое и мертвое дело; на каждый день у него есть определенное, количественно названное задание, к которому он относится враждебно и равнодушно.

Советская печать непрестанно жалуется на это. Следуют подлинные цитаты. «У подавляющего большинства крестьян существуют лишь потребительские интересы»; «повсюду очень много людей, но производительность труда ничтожна»; «люди разгуливают вокруг и мешают друг другу работать»; «они опаздывают на работу на час, на два и более»; «нередко они являются лишь к обеду» или «они не являются вовсе и слоняются по округе». Есть предприятия, где 50% членов вообще не приходят на работу, есть такие, где не являются до 70%. Сам комиссар сельского хозяйства сообщает о своих наблюдениях: «У меня была возможность для посещения многих коллективных хозяйств во время молотбы. Если не приглядываться, то кажется, что все заняты — все работают на 100 процентов; а в действительности имеющаяся рабочая сила используется в ничтожной степени».

«Трудовая дисциплина очень слаба. Все идет вяло и небрежно». «Лошадей мучают, они истощены. Тракторы бездействуют. Непорядок на полях. Поджоги зерна — обычное явление. Медленная молотба. Заготовка зерна в черепашем темпе. Свиньи и птица дохнут. Питьевая вода для скота замерзает. Молодняк околевает на 30—50%. Весною одну треть лошадей поднимают на веревках, т. к. от слабости они сами подняться не могут» и т. д.

Что касается посевных земель, то надо отметить следующее.

В соответствии с климатом (длинная, суровая зима с осенними утренними заморозками, начиная с сентября, со снежным покровом с ноября по март, бурная, глубоко разрыхляющая землю весна) осенняя посевная кам-

пания обычно длится 15—20 дней и должна быть закончена в середине сентября; а весенняя посевная кампания — не более 14 дней, причем при поздней весне она должна быть закончена к 1 мая.

Теперь осенняя посевная кампания в коллективных хозяйствах проходит с сентября по ноябрь. В 1930 году 30 октября план посевных работ в действительности был выполнен в Западной Сибири лишь на 38%, и на Северном Кавказе лишь на 52%. Еще 15 ноября сообщалось, что сев пока не подошел к концу. Земля уже замерзла, когда все еще безнадежно разбрасывали семена. 20 июня еще продолжался весенний сев. Но наряду с этим сообщалось, что посевные площади за год увеличились на 9,9% — как никогда до революции.

Все происходило соответственно и в последующие годы. 1932 год. Ранняя весна. 10 июня еще продолжался весенний сев. Не менее чем на 3 850 000 гектаров без всякого смысла разбрасывались семена. На 1 июля было сообщено, что предварительный план выполнен на 99,6%, причем посеянное в срок и бессмысленно разбросанное было ничтоже сумняшеся суммировано. Сенокос должен завершаться 20 июля, но продолжался еще в сентябре, причем 1 сентября был выполнен лишь 81% предварительного плана. Не соблюдены и строгие предписания для сбора урожая зерна. Всюду на полях разрастались сорняки. Были перемешаны рожь и пшеница в поле. Сбор урожая начался в конце июня, чтобы завершиться в середине июля; в действительности же 5 сентября был собран лишь 81% зерна. Зерно струилось на землю, раскрадывалось, при дождливой погоде плесневело под открытым небом и т. д. Советские газеты без конца жаловались на неурядицы и огромные потери.

То же с обработкой земли и севом было и осенью. Достаточно отметить, что 20 октября 1932 года предварительный план по севу (несмотря на то что его урезали до 1 327 000 га) был выполнен лишь на 75%.

Не лучше обстояло дело и с весенним севом 1933 года.

Для увеличения количества посевных земель и создания стимула для крестьян советское правительство обещает им время от времени пойти на некоторые уступки (например, решение Совета народных комисса-

ров от 6 мая 1932 года о праве коллективных предприятий свободно продавать на рынке оставшиеся после сдачи государству продукты). Но эти меры мало помогают, и правительство вынуждено снизить предварительный план посевных земель в последние два года. (Все в миллионах гектаров.)^I

Предварительный план на	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Весенний сев	105,3	102	95
Сев озимых	43,28	41,953	38,5
Общие посевные земли	148,58	143,953	133,5

Это означает сокращение предварительного плана примерно на 15 млн. гектаров, на что советское правительство никогда не пошло бы добровольно. Может даже показаться, что советское правительство начинает понимать некоторые из своих ошибок. Еще в 1930 году один правый коммунист высказался так (за это был замучен как «оппортунист»): «Главный вопрос — означает ли движение коллективизации победу или поражение... Если обратиться к цифрам, это победа, а в действительности — поражение. Партийные бюрократы, скороспелые чиновники с партийным билетом, коммунистические болваны загнали партию в бешеный темп... Мы хотели опрокинуть существовавший столетиями хозяйственный образ жизни мелкого собственника. Лишь идиоты из партийного аппарата могут думать, что это возможно за короткий срок»^{II}. С тех пор советское правительство, похоже, кое-что поняло; так, например, в феврале 1932 года мы находим следующее утверждение: *«Корень плохих урожаев лежит в полном отсутствии ответственности за качество труда в коллективных хозяйствах и в погоне за размером посевных площадей в ущерб срокам и качеству сева»*^{III}.

Еще поучительнее описание положения в деревне в целом, которое мы находим в решениях объединенного пленума в начале января 1933 года^{IV}.

^I См., например: «Социалистическое земледелие», 2 февраля 1933 г.

^{II} «Правда». 27 июня 1930 г. Речь Данилова в статье Шмидта.

^{III} «Социалистическое земледелие», 24 февраля 1932 г.

^{IV} Совместная сессия ЦК и Центральной контрольной комиссии компартии.

С одной стороны, здесь отмечаются большие «успехи» в области сельского хозяйства. 1. Коллективизацией охвачено 80% крестьянских хозяйств в производственной зоне и 50% в потребительской. Наряду с этим организовано 5000 совхозов. Обе категории (коллективные хозяйства и государственные хозяйства) совместно охватывают 80% посевных земель. 2. Посевные земли увеличились с 1928 года на 21 млн. гектаров. 3. Созданы 2446 тракторных станций, которые в 1932 году засеяли 45 млн. га. 4. Заготовки зерна почти удвоились (до 1400 млн. пудов).

Однако это, во-первых, *чисто количественные успехи*, не обеспечивающие ни хорошего урожая, ни здорового потребления народу; и, во-вторых, это *успехи коммунистической партии, а не национального сельского хозяйства*. Утверждается программа; количественные показатели «удовлетворительны»; развиваются машинно-тракторные станции, которые, следуя последним декретам, превращаются в террористические пункты надзора, в филиалы ГПУ и задача которых — закабаление саботирующих и бунтующих крестьян¹. А народ по-прежнему ведет смертельную борьбу, относясь к коммунистическому государству как к врагу и *сам себя предавая голоду, лишь бы завоевать экономическую свободу*.

С другой стороны, во второй части решения январского Пленума стоит следующее (дословно): «Успешному подъему сельского хозяйства и завершению его социалистической перестройки в деревне жестко противостоят элементы, враждебные советской власти... Эти враждебные советской власти элементы пробираются в *коллективные хозяйства* счетоводами, завхозами, бригадирами и т. д., но нередко и чиновниками в руководство коллективных хозяйств; они стараются организовать вредительство, портят машины, ошибочно производят посев, растаскивают имущество коллективных предприятий, подрывают трудовую дисциплину, организуют кражу семян, сооружают тайные склады, саботируют заготовку зерна, — и порою им удается даже разложить

¹ См. в особенности решение январского Пленума об организации на машинно-тракторных станциях «политических отделов».

коллективные хозяйства...» «Эти враждебные советской власти элементы» таким же образом «вредят строительству сельскохозяйственных коллективных предприятий, разрушая тракторы, плохо обрабатывая землю, плохо ухаживая за скотом, разлагая трудовую дисциплину, раскрадывая *государственное имущество*, и в особенности сельскохозяйственные продукты (зерно, мясо, молоко, масло, шерсть и т. д.). Деревенские организации партии и союза молодежи, среди них также ячейки на государственных предприятиях и на машинно-тракторных станциях... попадают под влияние этих вредительских элементов, и некоторые члены партии, записавшиеся в партию по карьеристским соображениям, смыкаются с врагами коллективных хозяйств, государственных хозяйств и советского правительства и совместно с ними организуют кражу семян во время посевной, кражу зерна при транспортировке и молотье, укрывательство зерна на потайных складах, саботаж заготовок зерна и тем самым в итоге втягивают отдельные коллективные хозяйства, группы членов и других служащих государственных хозяйств в борьбу против советского правительства...» «Это в особенности относится к государственным предприятиям и даже к машинно-тракторным станциям» и т. д. Это бросает яркий свет на всю картину *разрухи в сельском хозяйстве*.

По всей стране ведется жестокая борьба. На одной стороне — *верхний слой коммунистической партии* с еще верными ему *городскими коммунистами*. На другой стороне — *все крестьянство*, которому очень скоро удастся переубедить приезжающих из города коммунистов и ассимилировать их. Оба лагеря противостоят друг другу, и ни один добровольно не уступит другому.

Собственно, атакующий лагерь — коммунистическая партия. Она борется экспроприацией, ссылкой, организацией пунктов надзора ГПУ на машино-тракторных станциях и казнями. 19 января 1933 года появился новый закон о натуральном зерновом налоге, в котором предписывается неумолимо жестокое нормирование сдачи зерна. Этот закон дополняется декретами от 20 и 21 июня. Запрещается свободная торговля зерном; сдача зерна должна начинаться уже в июле и проводиться за три

месяца. Бремя ответственности точно распределено. Возмещение машинным станциям точно определено и обеспечено (декрет от 25 июня). Указом от 14 июля сдача зерна увеличена на 23 млн. пудов. Речь в общем и целом идет о том, чтобы всеми средствами и всеми путями забрать у крестьянина уже названную выше квоту в 50—60% валового урожая, чтобы обеспечить снабжение партии, Красной Армии и городского промышленного пролетариата и увеличить экспорт.

Марксизм вновь идет в наступление. Крестьянство будет защищаться. То, что происходит в стране — это *сельскохозяйственная гражданская война (продовольственная война)*, и эта война вызовет в следующем году такой голод, перед которым поблекнет голод прошлого года.

7. Окончание

В этих рассуждениях я намеренно (по методическим причинам) опустил кое-какие вещи и утверждал, описывал и подчеркивал лишь то, что бросает свет на мой главный тезис. Я исключил среди прочего проблему снабжения в городах и промышленных центрах, проблему транспорта, проблему квалифицированных рабочих в сельском хозяйстве и проблему тракторов для того, чтобы подвергнуть эти проблемы специальному анализу.

Я исследовал проблему голода, чтобы установить ее происхождение. Причину следует искать прежде всего и главным образом в уровне экономического производства. Причина голода в сегодняшней России кроется в сельскохозяйственной политике коммунистического правительства. Гипертрофия теперь провалившейся индустриализации означает разрушение сельского хозяйства. Сельское хозяйство разрушалось и будет разрушаться и далее вследствие экспроприации крестьян, коллективизации и принудительного отбирания продуктов.

Коллективизация заменила трудового частного собственника неподвижным, индифферентным, централизованным бюрократическим аппаратом, который обладает всеми скверными свойствами коммунистического аппа-

рата вообще¹. Труд в коллективных хозяйствах — более не свободный труд, а работа холопа, или, как это называют сами крестьяне, *крепостного*, у которого нет перспектив на правильную оплату труда, но который должен соглашаться на долю будущего продукта своих трудов. Коллективизированный крестьянин видит, что его вернули в *крепостнические* условия, и относится к работе с *равнодушием* и *настроением хозяйственного дефетизма*. Моментальный интерес — *наестся досыта* — *отступает перед субстанциальным интересом* — *вновь увидеть восстановленными свою частную собственность и свое частное хозяйство вследствие разрушения коллективного хозяйства*. Крестьянин всеми доступными путями саботирует сельское хозяйство. Крестьянин без договоренности, без организации, исключительно из естественно возникшей молчаливой солидарности спасает свою шкуру и уподобляется библейскому Самсону, опрокидывая на собственную голову колонны коммунистического «храма».

«Марксизм на практике» сталкивается здесь с изначальным примитивным инстинктом крестьянского самосохранения. Он *ополчил против себя последние душевные побуждения оседлого творческого арийца и старается теперь эти побуждения обуздать*. Напрасный труд! Крестьянин наказывает своего экспроприатора, который его искалечил, начав с исконно русской выносливостью вести свою борьбу — пассивное сопротивление коммунистическому государству.

Марксистское государство заботится в этой борьбе не о народе и его обеспечении, а о господствующей партии и господствующем классе, о коммунистической индустриализации и вывозе. Коммунист рассчитывал, что если крестьянин, будучи частным производителем, мог саботировать марксистское государство, то тот же крестьянин как член коллективного хозяйства *не захочет саботировать себя самого* и что тем самым государству удастся запрячь крестьянина в телегу коммунистической индустриализации и мировой революции. Кроме того,

¹ См. в «Мире перед пропастью» мой раздел «Коммунизм как господство чиновников».

строгая военная дисциплина должна была охватить коллективизированного крестьянина, сломать его сопротивление и, по формуле комиссара сельского хозяйства Яковлева, «так переделать крестьянина, что он страхнет с себя предрассудки мелкого собственника»¹. Отсюда и возникновение всей трагической борьбы.

Как на войне интенсивность боя определяют по пушечной канонаде, так и интенсивность социальной борьбы в сегодняшней России следует определять по голоду. Крестьянин готов к тому, чтобы дать марксистскому правительству умереть с голоду, даже если это произойдет путем собственной голодной смерти. Однако марксистское государство воспроизводит старую притчу об умном человеке, который убивает курицу, несущую золотые яйца, чтобы сразу же вытащить все яйца. Ближайшее будущее покажет, кто потерпит поражение в этой борьбе и кто выиграет ее. Эта борьба продлится, во всяком случае, до тех пор, пока крестьянские убеждения не пронизают Красную Армию и партийную массу и не разложат ее.

Тогда *«марксизм на практике»* развалится.

¹ «Правда», 12.VII.1930 г.

**ВЕРА,
РОДИНА,
СЕМЬЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник содержит избранные статьи, разновремененно появившиеся в «Новом пути». Мы выпускаем эти статьи отдельной книжкой потому, что в свете переживаемых событий они приобретают особый интерес и значение.

Цель сборника — способствовать усвоению возможно широкими русскими кругами идейных основ и чаяний имперского обновительного течения, верного заветам Святой Руси, именуемого Русским христианским национальным движением.

Предпосылая сборнику обращение главы российского Императорского дома и напутствие Митрополита Анастасия, мы хотим этим отметить полное созвучие мыслей Великого Князя и Первоиерарха Русской православной церкви за границей с творческими христианско-национальными идеалами Русского христианского национального движения.

Издательство

ОСНОВЫ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Вера

Государство развивается, крепнет внешне и внутренне только при условии, если оно стремится к благу всего народа, если покоится на основах права, справедливости, милосердия, уважения человеческой личности и равноправия всех своих сынов, т. е. если законодательство и власть вдохновляются велениями нравственности. Высшее выражение закона нравственности — в христианском учении, откуда определение: христианское госу-

дарство — государство, полагающее в основу своего бытия веру в Бога.

Сильное своим стремлением «облечься во Христа», уверенное поэтому в своей нравственной правоте, христианское государство по самой этой своей христианской устремленности обязано бороться со злом, карая его проявления со всею строгостью, всеми мерами государственного воздействия и принуждения.

Власть в христианском государстве должна принадлежать людям честным, готовым к личному самоограничению и самопожертвованию, способным во имя веры в Бога и пользы Родины принять на себя ответственность за проявление самой решительной, самой суровой государственной воли, осуществляемой ею при посредстве христианско-национального отбора.

В христианском государстве, как и во всяком другом, действительно евангельское: «кесарево — кесареви, Божие — Богу». Вмешательство Церкви в дела государственного управления недопустимо, как недопустимо обратное. Церковь как хранительница для человечества Божьей истины и Божьей правды должна быть вдохновительницей общественно-государственного правопорядка, а потому ей принадлежит право свободного суждения по вопросам, касающимся духовно-нравственной стороны жизни народной.

Родина — Россия — Святая Русь

Россия — верная Богу и своей исторической традиции.

Россия — единая и дружная семья народов, ее населяющих, справедливая ко всем своим верным сынам, без различия племени, вероисповедания и происхождения.

Россия — трудовая, оберегающая личный достаток и личный почин, дружным сотрудничеством своих сынов создающая благополучие всенародное.

Россия — просвещенная, покорная власти совестной, в вере в Бога черпающей силы для осуществления твердой государственной воли и для беспощадной борьбы со злом.

Россия — миролюбивая, но грозная врагам, посягающим на ее государственное достоинство.

Семья — творческая первооснова государственного строительства

Семья — крепкая своим укладом.

Семья — крепкая нравственным авторитетом своего главы.

Семья — крепкая жертвенной заботой матери — хранительницы семейного очага и благочестия.

Семья — сильная трудолюбием своих членов и любовью, их соединяющей.

Семья — подготовляющая смену поколений, преданных Богу и Родине.

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА К РУССКИМ ЛЮДЯМ

В течение долгого времени мир колебался между войной и миром. Однако попушением Божиим война разразилась в самом сердце Европы. Судьбы народов заколебались на чаше весов.

Настало, несомненно, время, когда народы Европы должны были вспомнить об отсутствующей России и потому стали стремиться снова вовлечь многомиллионный русский народ в постоянное сотрудничество с другими государствами для восстановления разрушенного ныне равновесия. Но этой цели вполне соответствовала бы только национальная Россия. Между современной советской и подлинной Россией существует столь же глубокое различие, как между тьмой и светом, между палачом и его жертвой.

Коммунизм не изменяет своего существа: его целью по-прежнему остается разрушение современного мира со всей его вековой культурой. Не новым ли доказательством этому являются гонения, которым подвергается население вновь занятых Советами областей.

Почти весь цивилизованный мир почувствовал опасность проникновения большевистского растления в глубину Европы, угрожающего ей неизмеримо большими

разрушениями и бедствиями, чем какие способна причинить ему война.

Надо быть поистине слепым или желать быть сознательно обманутым, чтобы не видеть этой угрозы.

Я почитаю своей священной обязанностью обратиться ныне ко всем русским людям со словом предупреждения против опасного соблазна мнимыми великодержавными успехами советской власти, ибо они влекут за собой не возвеличение и освобождение России, а укрепление в ней власти богоборческого Интернационала.

Одновременно я почитаю своим долгом еще раз заявить, что советская власть, столько лет угнетающая русский народ, разрушающая и оскверняющая его святые храмы и алтари, истребившая голодом и казнями более двадцати миллионов русских людей, томящая миллионы других донныне в тюрьмах и лагерях, не может иметь никакой органической связи с русским народом, ее ненавидящим.

Я обращаюсь также к нашим братьям, томящимся в России: мужайтесь, час вашего избавления приближается, ибо сколько бы большевизм ни превозносился своей мнимой силой, он обречен на неизбежную гибель, которая может наступить гораздо раньше, чем мы думаем.

Для всех нас есть один путь к скорейшему восстановлению России — это путь жертвенной любви к ней, путь непоколебимой нравственной стойкости и непримиримой борьбы против III Интернационала под знаменем Животворящего Креста, которое уже начинает высоко возноситься над страждущей Русской землей.

Не напрасно пролилась кровь наших многочисленных мучеников, во главе которых стоит великий страстотерпец Государь Император Николай II. Эта кровь ныне дает свои всходы.

Возрождение веры вызывает и обновление национального сознания и чувства, которому бессильны противостоять большевики.

Все русские люди, любящие Отечество и чтущие его исконное великое прошлое, должны ныне теснейшим образом сплотиться вокруг нашего векового национального стяга, увенчанного Святым Крестом, обрести единую русскую мысль, единое сердце и единую волю,

чтобы быть готовыми к грядущим событиям и посылно готовить их.

Время приближается. Господь творит Свой суд над миром, проводя его через поедающее пламя брани, перед стихией которого невольно чувствует свое бессилие человек и в котором испепеляется само железо, как солома, и камни обращаются в прах. Быть может, в этом испытующем огне сгорит и кровавая коммунистическая власть, покрывшая себя многочисленными злодеяниями, стремящаяся ныне широко раздуть этот пожар в то время, как мы должны усердно молиться об утолении брани и о том, чтобы Господь возвратил благословенный мир всему миру.

В час этих новых, верю, последних наших искушений, будьте тверды духом, русские люди, как наковальня, по которой бьют, и не соблазняйте призракной силою власти, восставшей на Бога. Нет силы там, где нет Божией Правды, и не устоит никакая власть, основанная на богоборчестве, на насилии и лжи.

Жив Бог земли Русской, неоднократно изводивший ее из горнила бедствий и поражавший ее врагов.

Он Сам да будет нам в помощь в эти судьбоносные дни.

В л а д и м и р

Сэн-Бриак

3 ноября 1939 г.

БОГ БЛАГОСЛОВИТ!

В те дни, когда по воле Божией свершаются времена и сроки и близится день воссоздания нашей разрушенной Родины, не можем не приветствовать Русского христианского национального движения, которое кладет в основу будущего строительства России религиозное начало и ставит всю свою деятельность под знамя Св. Креста и покров Церкви как своей главной духовной водительницы.

Ценою пережитых тяжких испытаний и опасных соблазнов теперь многие уразумели, что Православие есть душа нашей культуры, главная печать нашего национального облика и могущественное зиждительное начало нашей вековой истории, создавшее нашу Великую Русь.

Из этого источника черпает она свои силы и теперь, изнемогая под тяжестью своего креста.

В нем одном залог ее грядущего Воскресения.

Без благодатного дыхания Церкви не соберутся воедино рассыпанные сухие кости, в какие превратился наш столь могучий прежде народный организм, и не войдет в них животворящий дух жизни.

Да будет же благословен подвиг тех, кто хочет воссоздать родную храмину на камне веры, кто зовет всех из прежних духовных скитаний возвратиться в Дом Отчий, кто стремится в своей строительной общественной работе связать грядущее с минувшим, дабы «свеща не погасла».

Кто безбоязненно сеет словом истины и правды Божией, тот пожнет небесным благословением.

Тяжкий и великий труд ожидает всех, кому Бог судит возделывать родную землю, поросшую терниями и волчцами¹. Необходимо уже теперь приготовляться к нему, не заботясь о том, что «ин есть сеяй и ин есть жняй»². Когда настанет день Воскресения России, тогда «и сеющий и жнуший вкупе радоваться будут» (Иоан. IV, 30).

Митрополит Анастасий

декабрь 1937 г.

А л. Л о д ы ж е н с к и й³

РУССКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Ни одна русская национальная организация не самодовлеюща. Ценность организации определяется степенью ее служебной годности по отношению к России. Каждая организация обязана искать пути реального служения России, соревнуя в этом, а не конкурируя с другими национальными организациями.

Этими соображениями руководствовались создатели Русского трудового христианского движения. Преследуя основную цель — служение России, они поставили себе задачу: сгруппировать по ставшему почти общим в

эмиграции трудовому признаку верных Кресту и Родине русских людей; по мере возможности, способствуя развитию здоровой взаимопомощи, облегчить их существование на чужбине, используя создавшиеся таким образом более благоприятные внешние условия, отобрать и подготовить верных и качественно годных служителей грядущей России.

Поставив себе такую цель, РТХД, естественно, должно было ответить на вопрос: каким оно представляет себе будущее России и каким оно хочет видеть русский народ, когда он освободится от власти безбожного коммунизма? Ответ был: Россию — верную Богу и своей исторической традиции, народ — признающий ВЕРУ в Бога, любовь к РОДИНЕ и СЕМЬЮ основами своего бытия и благоденствия.

В соответствии с этими положениями и были формулированы основы нашего мирозерцания.

Эти основы несомненно отвечают чаяниям всех верных Кресту и Родине русских людей. Несмотря на внешние разделения, эти основы их внутренне, духовно связывают, открывая путь широкому Русскому христианскому национальному движению.

Напрасно было бы видеть в выдвижении идеи Русского христианского национального движения попытку создать новую организацию. В нашем представлении оно является лишь сговором независимых русских национальных организаций и группировок, признающих его «основы» базой национального возрождения России.

«Объединение» русских национальных группировок и организаций, о котором снова так упорно заговорили, надо признать практически неосуществимым. Многочисленность и внешнее разнообразие организаций объясняется особенностью условий эмигрантской жизни, при которых личный момент приобрел исключительное значение. Поэтому все попытки «объединений» заранее обречены на неудачу. Игнорировать это обстоятельство и стремиться ко всеобщему объединению — значит быть вне реальной жизни и напрасно тратить силы и энергию.

Не то при сговоре. В этом случае дело идет отнюдь не о слиянии, следовательно, не об утере договаривающимися организациями своего индивидуального лица, а об

установлении единства конечных целей. При сговоре организация, к нему примкнувшая, продолжает свое самостоятельное бытие и деятельность, координируя лишь последнюю с деятельностью других договорившихся организаций для достижения общих основных целей.

Было бы легкомысленно думать, что не только «объединение», но даже сговор возможны по одному признаку «национальности» организации. Как известно, на этот признак претендуют организации, чрезвычайно своеобразно трактующие это понятие. Ведь и большевики заговорили о «национализме»!

Недостаточно также для сговора одно, конечно, обязательное, признание договаривающимися необходимости борьбы с безбожным большевизмом всюду и во всех его проявлениях.

Сговор жизнен при наличии у договаривающихся общих ясно определенных положительных целей. Таковыми для сговора русских национальных организаций могут быть только основы строительства новой России. «Непредрешать» эти основы — значить лишать национальное дело души. Если при сговоре можно расходиться в оценке форм и средств, то расхождение в определении существа дела делает сговор беспредметным.

Служение требует ясного определения сущности того, чему мы служим.

Если договориться о сущности, т. е. о том, какой мы хотим видеть Россию, то условиться о формах сговора труда не представит.

Основы Русского христианского национального движения — ВЕРА, РОДИНА, СЕМЬЯ — определяют эту сущность. Они открывают возможность широкого сговора верных своему национальному долгу русских людей и ставят перед ними положительную цель.

К такому сговору мы зовем все действенные национальные русские организации и группировки. Цель его — не подчинение одних другим, а соглашение равных с равными для дружного соревнования в служении грядущей просвещенной светом Божьей Правды национальной России.

Хочется верить — наш призыв будет услышан и понят. Но время не терпит. Ожидание дружеских откликов не может и не должно останавливать работы РТХД. Выполняя свой долг перед Родиной, оно будет продолжать свою работу в направлении, предуказанном основами Русского христианского национального движения.

Да поможет нам в этом Господь и ваша глубокая вера в неизжитые духовные силы русского народа.

И. А. Ильин

О ЦЕЛЬНОЙ ВЕРЕ

Вот уже 20 лет, как воинствующее безбожие ополчилось на христианскую церковь и на всех верующих, с тем чтобы положить им конец. Кто поверил бы 20 лет тому назад, что это возможно, что это надвигается и разразится? Кто мог предвидеть это?

А ныне, когда мы это увидели и пережили, мы невольно спрашиваем себя: как же мы этого не предвидели? Ведь безбожие существовало всегда. Ведь противохристианское безверие собирало свои аргументы и свои силы, развивало свое мировоззрение уже в течение полутора столетий лет, начиная с французских энциклопедистов (с Дидро и Вольтера). Полтора столетия лет, если не больше, рассудок разъедал веру, а рассудочная наука, оторвавшись от сердца и интуиции, подрывала в лице протестантского богословия самые основы христианства... Почему же верующее человечество не защищало свои святыни? Почему оно не отстаивало права веры перед лицом разума? Почему оно робело перед наступлением рассудочной науки и материализма?

И невольно хочется спросить: не потому ли, что его собственная вера была не сильна и не цельна? Не потому ли, что сами верующие были ослеплены и застрашены голосом материалистической науки и ее всеразъедающей критики?

Не все? Конечно, не все! Россия доказала это. Сонмы мучеников и священномучеников — пошли на смерть за веру и приняли ее. И приняв, доказали силу и цельность

своей веры. А другие? А мы, остальные? Разве многие из нас не теряются и не смолкают от робости, когда «позитивный» ученый с превеликим апломбом заявляет, что «христианство есть легенда», или что «Христос не мог воскреснуть», или что «бессмертие души есть несостоятельная выдумка, равная суеверию»? Откуда известно это «позитивным ученым»? И почему мы так плохо защищаемся (а иногда и совсем не защищаемся)? Почему мы сами не переходим в наступление, не разбиваем врага наголову и не рассеиваем его силу? Ведь мы знаем: кто желает победы, тот должен наступать!..

Конечно, не все ученые так думают и говорят. Гениальные создатели современной науки (Коперник, Бэкон, Галилей, Ньютон, Кеплер, Бойль, Либиг, Плейден, Дюбуа-Реймон, Менделеев, Павлов и др.) утверждали и исповедовали обратное. Мы знаем еще, что существует и нематериалистическая наука и что именно ей принадлежит будущее. И вот, зная это, мы можем, мы должны укрепить свою веру и сделать ее цельной.

Мы христиане. И потому мы отвергаем всяческий большевизм и коммунизм. Но отрицать — мало. Мало осуждения и отвращения. Одним «нет», одним «долой» мы не построим ничего и не спасем Россию. Для этого нам необходима *цельная вера, закаленный характер и верная идея*. И прежде всего — *цельная вера*.

Нельзя христианину двоиться и робеть перед доводами безбожников. Достаточно прислушаться к их аргументации, чтобы понять, как скудны и мелки их души. Скудость и мелкость их состоит в том, что они не признают ничего, кроме *материи*, а между тем *лучшее*, что дано человеку в жизни, — душа, чувство, любовь, совесть, честь, сила мысли, сила воли, художественное созерцание, вера, духовный очаг Родины, духовный очаг семьи, — все это *нематериально*, и именно потому материалист всего этого не знает, не признает, отвергает и стремится все это разрушить. И еще их мелкость и скудость состоит в том, что они верят, кроме материи, одному отвлеченному *рассудку*; а этому рассудку невозможно увидеть Бога в небесах, невозможно принять ни Христа, Сына Божия, ни Духа Святого, обещанного и дарованного нам Спасителем.

Безбожник не видит Бога потому, что он пытается воспринять Его неверно. Его доводы мертвы и бессильны потому, что они идут из *неверного опыта и слепой души*. И если пропаганда безбожника имеет «успех» и «побеждает», то не потому, что *он силен*, а потому, что *другие люди слабы духом и верою*. Мы не поверим слепому, если он будет отрицать красоту Божьего мира или смеяться над картинами великих живописцев. Мы не поверим глухому, если он будет отрицать музыку или издеваться над пением ликов ангельских. И вот также мы не имеем никакого основания теряться перед мнимыми «доказательствами» безрелигиозной науки, когда она начинает иронически отвергать христианские основы веры и жизни.

Вот уже 20 лет мы видим, как «невер» пытается разбить и покорить малодушного «полу-вера»; как последовательный и фанатичный материалист издевается над робеющим полу-материалистом, заставляя его склониться и уступить; как коммунистический нигилист изобличает неверующего буржуазного интеллигента. Мы слышим, как большевик говорит ему: «Я искренний и целостный враг Бога, а ты — неискренний и половинчатый безбожник; мы с тобой сделаны из того же материала; мы одной крови и одного качества, и потому ты ничего не можешь возразить мне». И далее большевик поясняет еще: «Ты — мой предшественник: это ты подготовлял мне пути; это у тебя я научился верить только материи и рассудку; но ты — трус, ты боишься последовательности; ты — безволен и не решаешься делать все выводы, а я последователен и храбр и не останавливаюсь ни перед чем»...

Я никогда не забуду наших встреч с коммунистами в Москве, особенно на допросах в Чека, где они пытались с кривой, вызывающе-кошунственной улыбкой на лице доказывать нам, русским ученым, что они храбры и последовательны в своем безбожии, а что мы... мы неискренны, трусливы, лицемерны, притворяемся, будто верим в Бога и во Христа, а на самом деле являемся просто фальшивыми защитниками жадной буржуазии. Антихрист, изобличающий полу-христианина. Сатана, пытающийся сдернуть маску с грешника. И все это — в виде искушения, соблазняющего бездною и зазывающего в предательство.

Отвечать надо было *из веры*... Забыть угрозы и опасности, собрать свои духовные силы и ответить сильным, спокойным, властным исповеданием. Судьбу же свою отдать в руки Божии. Тогда кривая улыбка исчезала с лица коммуниста; он бледнел, терялся и опускал глаза. А когда он решался поднять их, то в них светилось, помимо ненависти, еще и растерянное уважение. А далее следовал иногда смертный приговор, но иногда и освобождение.

Только цельная вера может победить неверие. Только мужественное исповедание вызывает уважение и отвергает слух. Только искренняя работа над своей совестью может открыть нам пути к воссозданию России на новых основаниях. Человек сможет вложить в общественную и государственную жизнь лишь столько добра, справедливости и братства, сколько он взрастит и воспитает в своей душе. Чтобы создавать строй, приближающийся ко Христову учению, надо установить этот строй прежде всего в *самом себе*. Это совсем не значит, будто «все исчерпывается» «личною добродетелью». Нет, от этой сентиментальной наивности мы, русская интеллигенция, давно уже освободились. Но это значит, что поколение жадное, свирепое и двоящееся во всех чувствах и мыслях создаст строй жестокий и несправедливый, не возродит Россию и не приблизит ее к Христову закону.

Там, где человек действительно верует, там он целен и не двоится. Именно там он и силен. И только отсюда удастся ему всякое жизненное творчество.

И. А. Ильин

ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Его не видно еще на поверхности жизни, в тех внешних «политических» событиях, о которых нам сообщают известия из Советской России. Там все еще происходит разрушение. Законы духа, веры, истории и хозяйства воздвиглись стеною перед коммунизмом и об эту стену бьется головой коммунистическая партия, оглашая мир воплями и угрозами, и будет биться, пока

не разобьет себе голову насмерть. Нет, в этих событиях не видно еще возрождения русской национальной государственности.

Но оно совершается. Оно совершается медленно, незримо в русских душах подъяремной и зарубежной России: здесь, в нас, и там, в душах наших братьев.

Сущность этого возрождения в том, что из глубины всего нашего опыта и всех революционных страданий всплывают две уверенности, две великие аксиомы, на которых будет построена грядущая Россия. Во-первых: никакое земное строительство невозможно без Бога. Во-вторых: без России русскому человеку не быть, не жить, не творить.

Эти две великие аксиомы были забыты, отвергнуты, попораны. Потому русский народ и был покорен и порабощен интернациональными безбожниками. Эти две аксиомы восстают и крепнут в наших душах. Когда окрепнут — начнется бурное и победоносное возрождение русской государственности: ибо на них будет покоиться новое русское правосознание.

Никакое земное строительство невозможно без Бога. Так обстоит не потому, что Бог не терпит человеческого безбожья и немедленно наказывает за него. Нет, человеку дается свобода веровать и не веровать, молиться и не молиться, помнить о Боге и безумствовать во грехах. Ибо Богу нужна свободная вера, свободная молитва, свободное благочестие. Откровение даруется, а не навязывается. Путь к Богу открывается, но не делается принудительным и не должен становиться насильственным. Но человек, свободно впадая в неверие и нечестие, сам опустошает свою душу от всех божественных зовов, желаний и побуждений. Смолкает голос совести — и люди становятся бессовестными. Исчезает воля к качеству на всех путях жизни — и люди предаются всем порокам, скверно работают и создают одно плохое (плохое искусство, плохую жизнь, плохие дома, плохой хозяйственный продукт). Отмирает чувство ранга — и все начинают посягать на все. Любовь уступает место ненависти, знание подменяется и снижается, воспитание становится развращением. В душах не остается чувства ответственности. И вся жизнь наполняется жестокостью, стра-

хом, бесстыдством и нуждою. И это понятно. Ибо чувство Бога есть первоисточник совести и любви, то первичное лоно, где зарождаются — воля к качеству, чувство ранга и чувство ответственности.

Русская революция доказала все это с разительной наглядностью: адская жизнь, порочность и свирепость правителей, вымирающая Россия... Безбожие ведет к величайшей противообщественности и к вырождению здоровой государственности. И если полубезбожная Западная Европа еще держится, то мы можем быть уверены, что она рухнет в ту же пропасть, как только предастся полному и последовательному безбожию. Европейские государства держатся своими верующими и своими праведниками. Россия восстанет и укрепитя своими верующими и своими праведниками. Ибо они творчески обновят ее правосознание.

Без России русскому человеку не быть, не творить. Ибо Россия есть духовное, естественное и историческое гнездо русскости, вымоленное, выстраданное, необходимое каждому из нас. Горе нам, утратившим это священное гнездо! Мы стали наемниками чужих народов и безработными в чужой безработице... Горе нашим братьям, поработанным в самом этом гнезде! Они стали рабами пришлых безбожников, беспризорными в своем собственном доме... Коммунистическая революция «отменила» Россию, и мы лишились всего: жилищ, храмов, имущества, семьи, свободы, быта, науки, искусства, армии, всей нашей гражданственности, всего нашего достоинства. Поняли ли мы это? Постигли ли мы нашу собственную вину, нашу слабость, приведшую к этому кошмару? И если постигли, то знаем ли мы, что нам надлежит делать?

Мы должны теперь же, на ходу, в беде и в лишениях перестроить наше правосознание. Подняться духом к Богу и вымолить у Него назад все утраченные нами священные дары Его Духа: любовь и совесть, волю к качеству, чувство ранга и чувство ответственности. И затем обратиться из этих даров к нашему священному национальному гнезду, к нашей России — утвердить ее в наших сердцах и воссоздать ее из наших сердец.

Пусть не говорят нам наши зложелатели, полубезбожники-полуреволюционеры, что это будет «реставра-

ция», т. е. восстановление прежней России, или «реакция», т. е. не движение вперед, к лучшему, а назад, к худшему. Ибо вот, видит Бог, мы хотим новой России, а прежней России мы хотеть не можем. Не только потому, что мы понимаем историческую невозможность вернуться вспять и поставить все опять на старое место (как неумно приписывать нам такую ребячливую наивность!), но и потому, что мы не смеем хотеть этого. Россия сокрушилась потому, что она жила больным и слабым правосознанием, потому, что ни в простом народе, ни в интеллигенции не был воспитан и укреплен национальный духовный характер, потому, что в нас колебались основы религиозной веры и национального патриотизма. И от всего этого в душах царяла смута, маловерие и неверие, слабование в добре и удобопревратность ко злу. Можем ли мы, смеем ли мы хотеть того, чтобы все это восстановилось или осталось по-старому? Чтобы по-прежнему Церковь была подчинена государству, чтобы интеллигенция по-прежнему верила в соблазны западной демократии и иронически улыбалась при слове «Господь» и при слове «Государь»; чтобы лозунги поджога, погрома, вооруженного восстания и социализма заражали душу безземельного крестьянина и бесхарактерного рабочего; чтобы классовая борьба раздирала русский народ; чтобы хвастливому пустословию и мракобесию справа противостояла дерзость и интернационализм, предательство и сатанизм слева... Нет, мы хотим иного, нового, здорового, творческого, великого. Мы зовем к новому правосознанию.

Мы знаем, конечно, что это новое правосознание было известно и прежней России, что наше государство искони строилось людьми такого правосознания и держалось ими, — начиная от Феодосия Печерского и Владимира Мономаха, до преподобного Сергия и Патриарха Гермогена, до Петра Великого и Суворова, кончая священномучениками наших дней, а из светских — кончая Столыпиным и Врангелем. Но мы знаем также, что этих великих людей нашего народа, этих вождей нашего государства мы не можем и не смеем оставлять в одиночестве. Мы должны сделать так, чтобы огонь нашего патриотизма и энергия нашего правосознания творчески

откликались на их зовы, на их дела и требования. Мы должны готовить свою волю и свое сердце к новому, верному строительству в духе Православия и благороднейших традиций русской государственности. И в этом смысле мы зовем всех к верности русскому духу.

В старом мы ищем здорового, верного и глубокого, Священного и сильного... Чтобы перенести этот дух в новую Россию и создать ее действительно обновленную и могучую. Чтобы возродилась русская государственность из тех испытаний, мучений и унижений, в которых мы захлебываемся вот уже двадцать лет.

Для этого нам необходимо новое правосознание. В чем же его сущность и что мы можем сделать для него?

Русская государственность возродится через новое правосознание. Это означает, что государство есть прежде всего и глубже всего не внешний порядок, а внутренний душевно-духовный уклад души. Обновятся души русских людей, обновится и русское государство. А если в душах по-прежнему будет царить смута, трусость, жадность и предательство, то Россия долго еще будет погибать в гражданских войнах и предаваться воинственным соседям на поток и разграбление.

Есть старый и вредный предрассудок, которому не должно быть места в душе христианина. Этот предрассудок господствует и среди защитников государственного начала и среди его противников (анархистов). Он гласит, что государство сводится к внешнему принуждению: сильные и богатые организуются и принуждают к покорности слабых и бедных. На самом же деле государство держится добровольным повиновением людей и притом, по слову Апостола Павла, повиновением «не только из страха, наказания, но и по совести» (Рим. 13, 5). Пока есть в душах это повиновение, всякое государство будет держаться и крепнуть; исчезнет эта свободная законопослушность («лояльность») — и все рухнет.

Достаточно понять, что нет и не может быть такой государственной власти, которая помешала бы людям воровать, оскорблять друг друга, насильничать, убивать и совершать всевозможные преступления; власть только может наказывать за эти преступления, и то пока их не

слишком много¹, предупредить их нет возможности. Почему же огромное большинство не совершает этих преступлений? Потому что оно живет в свободной лояльности. Достаточно понять, что нельзя заставить весь народ идти на войну, что мобилизация есть акт свободной лояльности. Как можно принудить всех к уплате податей?

Это невозможно. И так во всей правовой жизни. Именно свободное и совестное правосознание заставляет людей платить друг другу долги в надлежащий срок, повиноваться распоряжениям полиции на улице, говорить друг с другом вежливо, помогать тушить пожар, спешить на помощь погибающему, являться на воинский призыв и платить подати. Правопорядок и государство держатся свободной лояльностью граждан, их душевно-духовной зрелостью, их внутренним самоуправлением, их правосознанием. Так восстановится и Россия.

Однако то, что мы должны принести с собой в Россию, есть не просто правосознание, а христиански воспитанное и укрепленное правосознание.

Если мы изучим указания, содержащиеся в Новом Завете по сему вопросу, то мы, по-видимому, не найдем ничего, кроме требования свободного повиновения светской власти за совесть (Марк. 12, 16, 17; Лук. 20, 24, 25; 1 Петра 2.13, 18; 2 Петра 2, 10 и сл.). Но на самом деле христианство дало миру и истории новое правосознание, которое мы призваны ныне возродить и воссоздать в нас и наших детях.

Христианство учит, что Божественное выше человеческого и духовное выше материального. Но Божественное не противостоит человеческому в недостижимом удалении: оно таинственно вселяется в человеческую душу, одухотворяет ее и заставляет ее искать подлинного совершенства на всех земных путях. Что бы ни делал христианин, он ищет прежде всего живого единения с Богом, — Его совершенной воли, чтобы осуществить ее как свою собственную. Жизнь христианина не может

¹ Вспомним трудную борьбу русского правительства с революционными партиями, борьбу итальянского правительства с сицилианскими «мафиями», североамериканского правительства с гангстерами и т. д.

быть поэтому — ни бесцельною, ни хищною, ни страстно-слепою: он во всем обращен к Богу, поставляя Его выше всего прочего, подчиняя Ему все и в себе, и в делах своих. Внутренняя направленность христианина — религиозная направленность — всепроникающая.

Вот почему искренняя и глубокая христианская вера вносит в общение людей и в дело правовой организации — особый дух, дух глубокого и чистого христианского правосознания. Полнота боголюбия и искренность боговнимания приковывает волю человека к единой высшей и объективной цели жизни, научает его ставить духовное выше материального и подчинять личное как начало посягания, своекорыстия и гордости сверхличному как началу достоинства, совершенства и соборности. Этим правосознание прикрепляется к своим глубочайшим аксиомам: к чувству собственного духовного достоинства, к нравственному самообладанию и к братской любовной общительности.

Всюду, где расцветает христианская любовь, она вызывает в других совестное доброжелательство, жертвенную щедрость и чувство социальной справедливости. И когда христианин утверждает себя как субъекта прав, он братски утверждает и всех остальных людей в этом звании, а сам вносит в это самоутверждающий дух христианского самообуздания, скромности и взаимности. Христианство внушает ему глубокую бессознательную уверенность в том, что необходимо подавлять в себе беспредметное честолюбие, жадность, враждование, склонность к озлобленному напору и отпору и главное — склонность к эксплуатации других. Христианское правосознание привыкает считать эти антисоциальные и противогосударственные влечения за греховные, оно вносит дух мира и братства в право и государство; оно учит нас живой справедливости, не формальной, не мнимой, не всеуравняющей.

Далее, христианство научает верующих новому пониманию подчинения и власти: подчинение не есть ненавистное бремя, но зато власть есть истинное бремя — бремя служения и ответственности. Давая человеку мерilo объективного совершенства, христианство научает нас отличать лучших людей от худших. Вместе с тем оно указывает нам высшую цель государства и правителя:

правитель есть «Божий слуга» (Рим. 13, 4—6), призванный делать Божие дело в сфере права и государства. Отсюда уже ясно, кто именно способен стоять во главе и вести людей: человек чистый, христиански самоотверженный и в то же время сильной воли.

Итак, христианство учит гражданина любви, любви и доверию к соподчиненным гражданам, любви, доверию и уважению к подлежащим властям. От этого весь общественный строй проникается духом лояльности и солидарности, тем духом органического единения, который углубляет и облагораживает национальную силу, который накапливает и сосредоточивает политическую гениальность народа, который связует людей в верности правителю и Государю и в то же время освобождает их творческое вдохновение для искания новых, совершеннейших форм жизни...

Нет сомнения, что если бы русский народ пребывал в этом христианском правосознании — и в своих верхних, и в своих нижних слоях, — то не разразилась бы коммунистическая революция. И мы сумели бы во благовремени побороть все соблазны в нас самих и изъять из нашей среды чужеродных соблазнительей.

И нет сомнений, что мы призваны сейчас, каждый про себя и все вместе, творчески утверждаться в этом духе: в духе христианского достоинства, христианской свободы, христианского братства и христианской лояльности.

На этом пути в нас будет возрождаться подлинная русская государственность. Из этого духа самая борьба наша за Россию найдет новые формы и поведет нас к истинным победам.

Ал. Лодыженский

БЕЛАЯ ИДЕЯ

Белая Идея — сколько светлых образов вызывают перед нами эти два слова. Прежде всего образ наиболее яркого ее выразителя — Врангеля. Это он, запечатлев Белую Идею в сердцах своих соратников, сумел вывести ее за рубеж, где она стала невидимой нитью, связывающей русских людей, оставшихся верными Родине.

Во имя этой идеи многие из них шли на подвиг, запечатлевая своей кровью преданность России. Память многих подвижников стала для нас священной, но большинство... их имена, Ты, Господи, веши!

Но что же такое эта так нас влекущая и воодушевляющая Белая Идея?

Является ли она, как то хотят представить некоторые, туманным, отошедшим в прошлое мифом «примитивного активизма»?

Или, может быть, эти два слова помимо определения непримиримого противостояния большевизму дают законченную, четкую, конкретную формулировку положительных, конструктивных национальных задач? Читая отчеты о многочисленных собраниях, имевших место по случаю двадцатой годовщины Белого движения, приходится признать, что на них проводился именно этот взгляд. Иными словами: Белая Идея представлялась как конкретно разрешающая все русские национальные проблемы.

Ни с первым, ни со вторым определением согласиться нельзя!

Если первое должно быть отвергнуто самым решительным образом, то неприемлемым является и второе. Оно только и способно привести к совершенно бессодержательной «идеологии непредрежденства».

Так определять Белую Идею — значить не понимать глубины этого символа. Белая Идея — это русская рыцарственная традиция былинных витязей, это подвиг Александра Невского, это гениальная доблесть Суворова, это государственное служение Столыпина. Это горение русского духа, возжженное жертвенностью. Рожденная духовно-нравственным порывом, Белая Идея олицетворяет противостояние злу — большевизму — и выражает преемственность русской национальной традиции. Но прежде всего она — исходное духовное начало для положительного, устремленного вперед национального творчества.

Но в Белой Идее сокрыто и другое. Вспыхнув ярким пламенем в борьбе за русскую честь и достоинство, она олицетворяет одну из главных христианских добродетелей — готовность душу положить за други своя. Из этой устремленности к Правде Божией, заложенной в Белой Идее, для ее последователей повелительно проистекает

обязательство искать реальные пути для приложения этой Правды в жизни своего народа.

Вот почему для нас основы Русского христианского национального движения являются логичным и *необходимым* развитием Белой Идеи. Эти основы, приближая ее к реальной жизни, утверждают и уточняют ее христианско-нравственную сущность.

Через эти основы светлое, влекущее, но отвлеченное видение Белой Идеи, озаренное светом Христовым, приводит нас к ясному, конкретному образу Святой Руси — этому русскому православному осуществлению устремленности к христианскому государству.

Так белое знамя превращается в победный Стяг Воскресшего, а белое воинство — в воинство христолюбивое.

И. А. Ильин

ГДЕ МЫ И КУДА НАМ ИДТИ?

Пять лет провел я в Москве под властью большевиков и уже там наблюдал, как делилась и разделилась русская интеллигенция.

Присутствуя при страшном, непредвиденном и душепотрясающем крушении России, одни поняли, что «это мы оказались не на высоте, что это мы не справились, мы наделали ошибок»; и что значит мы должны уйти к самым корням нашего русско-интеллигентского мировоззрения, все пересмотреть, покаяться, очиститься и обновиться духом. Ибо вот пришел некий страшный час, а мы не отстояли Россию; пришел грозный исторический суд — и осудил нас силою событий. Честь и совесть требовали от нас великого предметного пересмотра.

Другие, видя совершающееся и переживая трагедию и позор национальной России, решили, что они сами — во всем были правы; что они ошибок не делали ни в теории, ни на практике; что они «давно уже» «все предвидели и предсказывали»; что вся беда произошла от того, что их не послушали, не дали им всей полноты власти или дали лишь на короткое время... И значит пересматривать им нечего, каяться должны все осталь-

ные, обновляться им не для чего. Их интеллигентские догматы непоколебимы, и «честь» и «совесть» требуют от них, чтобы они оставались «на старых позициях», пока все остальные и весь народ не поклонятся им низким поклоном и не передадут им уже окончательно «бразды правления». Эти группы избрали путь противопредметного самодовольства.

Великая смута не научила их ничему. Ангел смерти ходил по России, но им удалось избежать его руки. Сатана воцарился в стране, но им удалось спасти из его плавыльни свою «непоколебимость» и свою самоуверенность...

Высланный в изгнание, я нашел и за рубежом всех этих неисправимых. Я нашел их слева и справа. Оба лагеря твердили о своей непогрешимости, оба кипели в страстной злобе, и ни в одном из них я не нашел — ни сознания своей и нашей общей неудовлетворительности перед лицом Божиим и перед лицом России, ни предметного искания, ни идейного творчества. По-прежнему — старые политические, чисто политические рецепты, старые слова, старые страсти. Море обиды, раздраженного тщеславия и жажды мести. И одни говорили, что во всем виновато «самодержавие» и «реакционеры»... А другие говорили, что причина этого всего в «либералах» и в тяге к социализму. Каждый видел сучок в глазу брата и не видел бревна в своем. Каждый валил на других, восхвалял свое прошлое и мечтал о расправе. И никто в этих станах не хотел видеть, что дело не в ошибках или слабости Императорского Правительства, не в слепоте реакционеров, не в легкомыслии либералов, не в сентиментальности народников и не в безволии социалистов, — а в нас, в нас самих, в наших русских недостатках, в нашей русской разбродливости и раздорливости, в нашей русской неорганизованности и недисциплинированности; и еще глубже — дело в том, что русская интеллигенция поколебалась в своем отношении к Богу; выбилась из русского национального инстинкта самосохранения, разучилась стоять за Россию «честно» и грозно, соблазнилась пустословием всечеловеческого братства и западных все исцеляющих рецептов, заразилась духом безбожия и противохристианства — и была поработана сатаной.

И ясно мне было, что те, которые этого не видят, пребывают в состоянии духовного застоя и омертвения, и что их ждет темная и страшная судьба. Кто видел Россию в распаде и порабощении и не загорался стыдом и жаждой обновления; кто смотрел в зрак сатаны — не узнал этого зрака и не воззвал к Богу из глубины; кто вышел в состоянии гордости и злобы из всероссийского ада — тот мертв духом; и мертвый дух поведет его к примирению и соединению с врагами Бога и России. Да, Бога и России, — ибо таково ныне положение в мире: враги России суть и враги Божии; и враги Божии суть и враги России...

Этот процесс совершается уже 15—20 лет. Люди, мертвые духом, шли к врагу и поглощались им. Перед нашими глазами прошли все эти соблазненные: «сменовеховцы», «евразийцы», «пореволуционеры», «младороссы» и другие: зарывали «рвы», усматривали «эволюцию» коммунистов, принимали и выдавали носителей сатаны за русское национальное правительство, утверждали, что в России нет гонений на Церковь, выставляли учение о богоустановленности советской власти. Слепые и мертвые. Мертвые и слепые.

А России нужно совсем другое. Давно уже, с самого начала.

Нам надо искать и найти бревно в своем глазу. И извлечь его. Чтобы глаз наш исцелел и стал оком духа. Нам надо не валить на других, ибо от этого человек слепнет, уходит в самодовольство и гордыню, развращается и мертвеет. Нам необходимо не ослепляться, а прозревать. Прозревать не на то, что другие делали: это нам давно известно, и нужно быть совсем наивным и глупым или уж совершенно бесчестным человеком, чтобы утверждать, будто всем ясны грехи «реакционеров» «либералов» и «народников», а нам одним вот как раз и неясны, ибо мы-то только ничего и не видим.

Все, что видят эти мертвые человеконенавистники и слепые сатанолюбцы, — все видим и мы, не хуже их. Но мы ищем сущности, глубины, предмета, русского самопознания и христианского самоисцеления. Человеку с кривым лицом глупо разбивать зеркало. Человеку, погрязшему в пороках и слабостях, неумно валить свои

беды на врагов. Переложить свою вину на других — значит утаить свою собственную. Пробыл час русской истории, когда русскому народу надо не на «черта» валить, который «попутал», а надо в себе самом найти истинное и потому творческое смирение и зоркое мужество для опознания своих собственных слабостей и для преодоления их.

России нужен новый дух. В этом все. Только из нового духа родится новая, Христианская и великая Россия. Только новый дух приведет нас к победе и обновлению.

Этот новый дух надо создать прежде всего в себе самом. Надо углубиться до корня своей личной души, и увидеть его, и сказать себе: «Если бы я стал настоящим Христианином в любви и служении, то все бы пошло иначе».

И вслед за тем пробудить и вскормить в себе этого, настоящего Христианина — не «непротивленца», не сентиментального интернационалиста, не скользкого ханжу, не лицемерного «идеалиста», желающего видеть во всех людях одно «доброе», а преданного и верного строителя дела Божия на земле, способного и к любви, и к борьбе. Нам надо загореться Христианством.

И еще надо сказать себе: «Если бы я воистину любил мой народ в его служении делу Божьему на земле, то все шло бы иначе».

И вслед за тем принять свой народ любовью и духом, жизнью и смертью во всех его дарах и судьбах, его исторических путях и бедах, принять его дух и его национальный инстинкт самосохранения. Загореться Россией.

И в этом Христианском и национальном горении построить себя: свою волю, свою силу, свою совесть, свою честь. И тогда начать действовать. Лично, Самостоятельно, Сегодня, Сейчас, Навсегда. И непрерывно искать себе братьев по духу, делающих то же самое. И с ними строить волевою ячейку. И ячейку за ячейкой слагать в кадр. Кадр совести, чести, мужества и верности. Не уставая, не унывая, не отчаиваясь, веруя и призывая на помощь Дух Божий, обещанный нам Спасителем.

Есть в современных событиях некий таинственный хребет, водораздел, проходящий по горному кряжу: его надо увидеть, найти и на нем держаться стойко и чест-

но, не слушая никаких зазываний, не поддаваясь никаким соблазнам, творя русское дело по-русски, а не по иноземным, самым, видите ли, «новейшим», самым «модным», самым «многообещающим» — трафаретам...

Есть в человеческих душах некая предметная глубина, в которой наша совесть срастается с делом Божиим и с делом России: ибо, повторяю, ныне эти дела слились в единство, и верующие в Бога болеют за Россию во всем мире, а любящие Россию видят ее в руках Божиих и в этом они не ошибаются.

Каждый из нас призван отыскать в себе эту предметную глубину и утвердиться в ней, не поддаваясь никаким выдумкам или страхам, служа Богу и России, а не партиям и не иностранным интересам.

Вот где мы находимся. И вот куда нам надо идти. Да поможет же нам Господь, да умудрит и да окрылит Он нас!

И. А. Ильин

ОЧЕРТЕНИЕ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Мы, русские люди за рубежом, должны постоянно думать о России, ибо мы — живая часть ее. Мы живем для нее, мы призваны готовить ее в сердцах и в делах наших. Мы должны смотреть вперед и вдаль, чтобы увидеть очертания будущей России. И пусть нам не говорят, что мы можем ошибиться: не ошибается только тот, кто ничего не делает. И лучше ошибка любящей души и творчески-ищущего ума, чем холодное безразличие холодного обывателя. Ибо самую ошибкою нашей — если это будет ошибка — мы строим Россию и творим русскую историю. На нашей ошибке — если это будет ошибка — другие научатся лучшему и найдут неосшибочные пути.

Одно важно, чтобы наши помыслы шли из сердца, беззаветно преданного России, а наши предвидения и пожелания подсказывались предметным изучением общечеловеческого и русского духовно-государственного опыта.

Итак, мы должны быть верны России. Казалось бы, что может быть легче и проще для того, кто любит свою родину? Однако сто соблазнов стоит на нашем пути. Ибо все мы живем в иноземной среде, которая заинте-

ресована в будущей России и непрерывно, незаметно, всеми способами вовлекает нас в свои, посторонние для России соображения и интересы. Иностранцы всех стран, иноверцы всех вер, иноплеменники всех языков — заинтересованы в том, чтобы мы учли их интересы, строя будущую Россию, чтобы мы приняли их нужды за пользу самой России, чтобы мы пронесли тайною или явною контрабандою их выгоды, их расчеты, их воззрения, их симпатии — в ту душевную и государственную лабораторию, где готовится будущая Россия, где слагаются ее очертания.

Можем ли мы идти на это? Смеем ли мы поступать так? Не требует ли от нас наша совесть и наша патриотическая любовь, чтобы мы думали только о России, только о ее народах, о ее духе, о ее вере, о ее возрождении, о ее благе, о ее расцвете? Смеем ли мы отзываться на эти соблазняющие нашепты: «сделайте по-нашему — и мы поможем вам» или «передайте нам часть России или ее интересов — и мы поддержим вас!» — смеем ли? Не смеем! Ни тайной контрабандой, ни явной подтасовкой. Ни уловкой, ни сделкой. Ни по наивности, ни из плутовства...

Или — подумаем только! — мы будем обещать в демократической стране, что в России все будет разрешаться всенародным голосованием, а в диктаториальной стране, что мы повесим всех демократов? В чужой республике мы будем обещать изгнание Династии, а в чужой монархии — изгнание республиканцев? В масонской стране мы будем гарантировать свободу лож, а в противомасонской стране — заключение всех масонов в концентрационные лагеря? И т. д. и т. д.

И неужели не ясно, что мы превратимся от этого в жалкий сброд хвастунов — полупредателей, полуобманщиков? И неужели не ясно, что будущая Россия отречется от этих обещателей и отвергнет этих иностранных угодников? Неужели не ясно, что всякая страна, серьезно договаривающаяся с такими маклерами, захочет от них личных гарантий и личной кабалы и превратит их для этого в своих платных агентов? И если это кому-нибудь еще не ясно, то ему предстоит пройти через эти унижения и предательства.

Нет, помышляя о будущем России и подготавливая его, мы должны исходить только от ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных интересов: мы не смеем ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское национальное достояние; мы не смеем обещать от ее лица никому ничего. Мы должны быть верны ей, России, и только ей.

Компромиссы в будущем неизбежны. Их найдет и установит будущая русская государственная власть. Она, а не мы. Ибо иначе разговаривают с государственной властью и совсем иначе с зависимым, полуголодным эмигрантом. Политически компромисс есть уравнивающая взаимная уступка двух сил, ищущих взаимного и совместного равновесия. А мы, рассеянные и разноголосые эмигранты, — мы не сила, а воплощение государственной слабости. Поэтому мы не можем и не смеем предлагать или заключать компромиссы — за Россию, вместо России, от ее лица. Ибо мы ставим ее тем самым в положение слабейшей стороны и сразу предаем ее интерес и попадаем сами в фальшивое положение человека, обязавшегося отстаивать в России иноземный или иноверный интерес. Допустимо ли это?

Это первое требование. Второе требование состоит в том, чтобы мы, подготавливая будущее России, исходили из общечеловеческого и национально-русского государственного опыта.

Здесь нельзя обывательствовать или удовлетворяться коротенькими лозунгами вроде «монархия», «республика», «конституция», «демократия»...

«Монархия»? Но ведь кошмарные монархии Нерона или Андроника Комнина (Византия) — были тоже монархиями... И такие «монархии» только подрывают все могучее и священное, что заложено в монархическом начале! Поэтому мы должны теперь же сказать, какая именно монархия нужна России и как возможно создать ее.

«Республика»? Но ведь и «временное правительство» и «совдепия» были республиками... Что же, опять готовить такую республику и такую демократию? Или какую же иную? А если иную республику, то какая же республиканская форма может «спасти Россию»?

«Конституция» есть в Англии, есть в Японии, есть и у Сталина...

Неужели не ясно, что после событий последних пятидесяти лет все эти лозунги сами по себе ничего не означают, что все прежние политические понятия ныне выветрились, исказились и омертвели? Кто ограничивается ими, тот ничего не говорить и обманывает ими и себя, и других. Так обстоит теперь везде и особенно в России.

Прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у Запада и перенести в Россию — и все будет хорошо. Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна заимствовать. Она должна сама создать, перековать и выковать свое общественное и государственное обличие — такое, которое ей исторически необходимо, только для нее подходит и именно для нее будет спасительно.

Современный русский политик, к какому бы возрасту он ни принадлежал и в какой бы стране он ни находился, должен продумать до дна трагический опыт русского крушения и затем обратиться к истории. Он должен отыскать в истории человечества живые и здоровые основы всякой государственности, основные аксиомы права и государственного здоровья и проследить их развитие и судьбу в русской истории. Тогда ему откроется судьба русского государства — источники его силы, ход его великодержавия и причины его периодических крушений. И тогда пусть он всмотрится в современное положение России и пусть попытается представить себе ее грядущие очертания. И то, что он увидит, пусть он выскажет публично.

Тогда он выйдет из праздной толпы слов и из толчи мнимо политических лозунгов. И то, что он выскажет об очертаниях будущей России, будет иметь значение творчески составленного целительного рецепта для русских государственных недугов.

А мы можем и теперь уже сказать, что ему откроется.

Он начертит нам строй, в котором лучшие и священные основы монархии впитают в себя все здоровое и сильное, чем держится республиканское правосозна-

ние. Он начертит нам строй, в котором естественные и драгоценные основы истинной аристократии окажутся насыщенными тем здоровым духом, который живет в истинной демократии. Единовластие примирится с многовластием; воль; сильная власть сочетается с творческой свободой; начало личности свободно подчинится сверхличным целям; народы станут единым народом, а единый народ найдет своего личного Главу.

И все это совершится в вековых традициях Русского Народа и Русского Государства. И в то же время в порядке творческой новизны. Это будет новый русский строй, новая государственная Россия.

И пусть нам не говорят, что «мы можем ошибиться». Мы знаем это сами. Но эти ошибки — если это будут ошибки — Россия простит нам: ибо мы любили только ее и искали только ее блага.

Когда пытаешься всмотреться в очертания будущей России, то чувствуешь прежде всего, до какой степени черты ее закрыты мглой революционного хаоса и до какой степени необходима осторожность в суждениях о русском будущем. Не только все было «потрясено» и «сдвинуто», о чем так старались ненасытные углубители революции; нет, все хулигански ломалось, сознательно перевертывалось, нарочно выворачивалось в интересах отвратительного марксистского эксперимента. Большевицкая революция в России действовала, как бесстыдная и безжалостная обезьяна, которую научили вивисекции и пустили в детский приют. Положительного идеала социалисты и коммунисты не имели; их программа выражалась в двух тезисах: «долой все буржуазное» и «устроим все наоборот». Никто из них не знал, что такое социалистическая культура, наука, нравственность, семья; никто из них не знал, какими хозяйственно-трудовыми побуждениями, какими мотивами, каким правосознанием может и будет руководиться новый «социалистический человек», никто из них не думал о том, в какие государственные формы это все может облечься: ведь премудрые Маркс-Энгельс обещали отмену государства и какой-то совершенно идиотический «прыжок из царства необходимости в царство свободы» (настоящий образец радикального пустословья). Комму-

нисты и «прыгнули». И оказалось, что надо «строить» неизвестно что и неизвестно как; и начались бесстыдные и безжалостные обезьяньи эксперименты над живым, и страждущим, и восстающим, и казнями умиряемым русским народом.

И вот первое, что мы не должны и не смеем делать, представляя себе будущее России — это воображать и провозглашать по примеру социалистов-коммунистов: «разрушим и отменим» и «устроим все наоборот». Говоря так, я отнюдь не защищаю мерзостей революции, я слишком близко видел их, я достаточно хорошо изучил ее дух и ее приемы за 5 лет пребывания в Москве и за 16 лет пребывания за границей. Но я знаю, что в России многое снесено и истреблено непоправимо; что воссоздать многое разрушенное можно будет только через 10—20—30 лет; что там в муках и унижениях русская душа менялась: слабое разлагалось, сильное закалялось; что сильных, как всегда, будет меньше, чем слабых; что яд революции, пролившийся в души двадцать лет, не испарится в момент (или в период) крушения советско-коммунистической власти.

В двадцатом году один крупный московский ученый писал Ленину: «вы сифилизировали Россию спирохетами лени и жадности», и был прав. Но к этой заразе надо добавить еще: отраву бесхозяйственности, безответственности, хищения, жестокости, вечного страха, унижения, доносительства, отраву всеобщего недоверия, защитного притворства, лжи и систематической пошлости (безверия, безбожия, бездушья и материализма)... Эта отравка не исчезнет бесследно.

И теперь, когда молодежь, не выдавшая России, спрашивает нас, было ли «хорошо» в дореволюционное время, то мы должны честно и прямо отвечать: «нам, как и другим народам, далеко было до идеала; но по сравнению с современным положением дел, созданным революцией, та жизнь видится, как идеальная мечта»... И совсем не потому, что мы, интеллигенция, были якобы «хорошо устроены», а потому, что весь русский народ не подвергался никаким обезьяньим экспериментам во имя неопределенного социалистического «наоборот». Россия строилась императорскою властью с любовью и

бережностью. И та Россия была преемственно историческая: неокрепший, но крепнувший и здоровеющий организм. Умственно рос и креп рабочий, креп и богател до-столюпинской и столыпинский крестьянин, бурно развивалась промышленность, отбирались и крепили интенсивные помещичьи хозяйства, слагался национальный капитал, море просвещения изливалось в народ, интеллигенция изболела соблазны безбожия и революционности и начинала постигать, что «без Бога — ни до порога» и что Россию надо строить не «без Царя», и не «против Царя», а «вместе с Государем», служа и помогая ему за совесть. Недаром известный иностранный ученый, изучивший дело на месте, говорил мне, что русское чиновничество, проводившее аграрную реформу Столыпина, было идейно, неподкупно и творчески инициативно: «любая страна могла бы позавидовать такому кадру»...

И вот всего этого нет. А есть измученные обезьяньей вивисекцией, ограбленные, изголодавшиеся, ожесточенные и униженно-оскорбленные массы русского и инородческого населения. К концу Смутного времени (1613 год) русские летописцы писали, что «народ измалодушествовался и изворовался»... Что же теперь?

Вообще говоря, имеем ли мы основание, воображая очертания будущей России, представлять себе прежнюю Россию с ее хозяйственным, классово-социальным, культурным, бытовым и, главное, душевно-духовным укладом? — Ответ ясен: нет, это было бы неверно...

Значит ли это, что мы такую — неведомо-новую, искалеченную, страдавшуюся, запущенную Россию должны «судить» мерилami прошлого и за неудовлетворение этим мерилami «отвергать»? — «Если она не может быть по-старому, то пусть ее, пожалуй, не будет вовсе; и болеть и радеть о ее восстановлении — не стоит?»... — Ответ ясен: нет, это было бы нелепо. Это значило бы Россию лишить своего сочувствия, а себя исключить из судеб и путей России. Кто к этому способен, пусть поступает, как знает. Мы примем Россию всякою, только бы она приняла нас опять в свое лоно...

Однако это совсем не означает, что мы «ничего не видим впереди» или что нам «нечего сказать России будущего». Принять «революционное наследство» мы должны

целиком. Но план нашего обхождения с этим ужасным наследием мы должны выработать и иметь наготове: и в хозяйственной сфере, и в культурной, и в государственной, и в религиозной. То, что мы получим, — зависит не от нас; но то, что мы должны делать и будем делать, — мы должны решать и знать сами, за это мы отвечаем.

Каково же будет это революционное наследство?

Русский народ выйдет из революции нищим. Ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя (в обычном смысле и масштабе) не будет вовсе. Нищее крестьянство, нищий ремесленник, нищий горожанин. Награбивший, припрятавший и вынырнувший коммунист (о, конечно, перекрасившийся) будет исключением, эмигрант, вернувшийся со средствами, — тоже... Будет народ, уравненный в нищете. И поскольку деление на сословия и классы имеет имущественную подоплеку, — это будет народ, почти утративший нормальное деление на сословия и классы. Будут городские жители и сельские жители. Будут люди различных занятий и профессий. Но все будут бедны. Нищие рабочие будут искать заработка.

Ограбивший всех государственный центр будет также несравненно беднее прежнего. Ибо его монетная единица будет обесценена, с минимальной покупательной силой на международном рынке и в презрении — на внутреннем. А награбленное им и «настроенное» имущество будет в запущенном, бесхозяйственном, разоренном виде.

Итак, государственное оскудение и нищета граждан. В конце Смутного времени в земледельческой обработке находилась всего одна двадцать третья ($\frac{1}{23}$) той площади, которая обрабатывалась до Смуты. С какой земледельчески обработанной площадью очнется Россия к концу революции? В 1921 году Россия производила (по подсчету Ленина и Бухарина) 6% того, что производилось до революции. С каким производством останется Россия к моменту, когда закончится революционное потрясение (с его вероятными международными и гражданскими войнами)? Кто читал исторические хроники Шекспира, тот с ужасом думает об этих несметных толпах беспочвенной, бесхозяйственной, безбожной черни, которая шаталась из лагеря в лагерь, продаваясь за деньги и прокормление... Кто изучал историю Смутного

времени, тот знает, что чинили по всей России воровские банды наряду с польскими отрядами, с «лисовчиками» и голодной чернью. Ведь иные из нас доселе воображают, что самозванцев было всего два: Лжедмитрий I и Лжедмитрий II. В действительности же их было до пятнадцати: за «вором» размножились «воренки» — Сидорка «царевич», Петрушка «царевич» и т. д. Люди собирались и буквально «затевали вора», а потом давали присягу «впредь вора не затевать»... и затевали его сызнова. А деньги шли от врагов России и Православия. И тот, кто следил за китайскою смутою последних десятилетий, знает, как на иностранные деньги могут возникать все новые и новые мятежные генералы.

И вот, надо представить себе стомиллионное русское крестьянство, «отыскивающее» отнятую у него землю: люди возвращаются из концентрационных переселений, из городов — «к себе», искать свою землю и расплачиваться с ограбителями. Надо представить себе сорокамиллионное рабочее население, с таким трудом прикрепляемое ныне советским нажимом к фабрикам для «оседлого» прозябания и изнурения, — ищущим, «где поспособнее» устроиться. И десять миллионов пришедшей в движение интеллигенции, тоже жаждущей «получше устроиться» после советского зажима. К этому надо прибавить коммунистические банды, которые засядут в стране за невозможностью уйти за границу, сотни продажных авантюристов, лезущих по-пугачевски в «енаралы», готовность всевозможных иностранных центров субсидировать этих темных предателей, национальную и племенную рознь, искусственно разжигаемые снаружи сепаратистские тяготения — и разноголосицу интеллигентски-эмигрантских «политических партий»... И при всем этом отчетливую тягу всех и каждого «разрешить» по собственному почину и усмотрению «еврейский вопрос».

Если представить себе при этом отсутствие сильной государственной власти, — то картина послереволюционного хаоса будет полной.

И предвидя это неизбежное будущее — я не начинаю сомневаться в будущем России, о, нет! Другие государства тоже видали этакое! Рим перед Августом, Англия в войну Алой и Белой розы, Италия в эпоху Макиавелли,

Германия в Тридцатилетнюю войну, Китай в наши дни. Видала и Россия — и уделы, и татарщину, и Смуту. Нет, предвидя это, я невольно спрашиваю себя, может ли кто-нибудь сомневаться в спасительности для России единой и сильной, государственно мыслящей власти, монархической по форме и патриотической по существу? И еще: как могут люди, русские по любви и разумению, думать, что Россию выведет из этого хаоса — слабейшая по силе, наитруднейше организуемая по русскому пространству и хаосу совершенно неосуществимая и ныне массового кадра совершенно лишенная — «демократия»? Ибо я вижу и предвижу обратное: если что-нибудь может нанести России новые, тягчайшие удары после коммунизма, то именно попытки водворить в ней демократический строй.

Конечно, коммунистическая тирания должна пасть. Конечно, демократия есть некий «наоборот» по отношению к коммунизму. Конечно, революция создала столь желанное для демократии «равенство».

Но эта тирания успела подорвать в России все предпосылки демократа. И этот демократический «наоборот» разложит Россию. И «равенство», созданное коммунистами, способно погубить всякий народ и всякую страну.

Попытка водворить в России «демократический строй» может ныне создать только правление черни и тем доконать наше отечество.

Когда мы говорим о «демократии» в применении к будущей России, то мы должны строго и честно различать два различных значения, скрывающихся за этим словом. Буквальный перевод этого слова дает, вообще говоря, такое выражение: «народная сила». И вот, не подлежит никакому сомнению, что Россия сможет возродиться и обстроиться и расцвести только тогда, если в это волеется русская народная сила — вся, сколько ее есть: и низы, и верхи, и простонародная стихия, и интеллигенция и славянского племени, и неславянских племен, и арийской расы, и неарийских рас (свыше шестидесяти различных племен, миллионы населения!).

Народы России, отрезвившиеся в унижениях, одумавшиеся в двадцатилетней каторге коммунизма, постигнувшие, какой великий обман скрывается за лозунгом

«государственного самоопределения национальностей», — должны встать от одра, стряхнуть с себя паралич большевизма, братски объединить свои силы и воссоздать единую Россию. И притом так, чтобы все чувствовали себя не заморышами и рабами, застрашиваемыми из бюрократическо-коммунистического центра, а верными и самостоятельными гражданами Российской империи.

Верными — но не рабами или холопами, а верными сынами и субъектами права. И самостоятельными — но не сепаратистами, или революционерами, или разбойниками, или предателями (ибо они тоже «самостоятельны»), а самостоятельными строителями, трудниками, слугами, гражданами и воинами. И еще одно: таланту и качеству должна быть открыта дорога вверх с самого низа. Не сословием, не рождением, не богатством должен определяться в будущей России необходимый отбор людей, поднимающихся снизу вверх, — а качеством души: умом, способностью, честностью, идейностью, творческой силою человека.

И если «демократию» понимать в этом смысле — в смысле всенародного самовложения, всенародного служения, творческой самостоятельности во имя России и качественного отбора вверх, — то поистине трудно будет найти порядочного человека, христианина, государственно мыслящего патриота, который не сказал бы вместе со всеми: «Да, в этом смысле и я тоже демократ». И в этом смысле будущая Россия — или осуществит и явит подлинную, творческую «народную силу», или расползется, распадется, сокрушится; и ее не будет.

Все это я говорю для того, чтобы раз навсегда пресечь недоброкачественную игру словами. Ибо есть другое значение, другой смысл у понятия «демократия», и о нем надо тоже договорить все до конца. Если демократия означает всенародное голосование по всем государственно-политическим делам, да еще по западноевропейским образцам («всеобщее, равное, прямое и тайное» голосование, партийная агитация, парламентаризм, противостояние министерства главе государства и т. д.), — то кроме вреда и гибели из этого ничего не выйдет. И мне думается, что только люди, ослепленные доктриною, могут желать этого для России...

Почему? По целому ряду оснований, которые должны быть открыто выговорены и продуманы.

1. Политическая демократия по европейскому образцу (а именно о ней я и говорю) неосуществима в России вследствие объема ее территории. Четыре маленьких кантона Швейцарии не выбирают представителей, а сходятся во всем своем составе под открытым небом, неся с собою мечи (символ гражданственности) и зонтики (на случай дождя). Кто предложит такую процедуру в других кантонах, в других государствах? Никто. Почему? Неосуществимо — по объему территории и по числу граждан. И вот, подобно этому, политическая демократия, с грехом пополам осуществлявшаяся в больших европейских государствах (в мирное время! при каком уровне грамотности! при какой имущественной самостоятельности граждан! при какой плотности населения!) — была и будет неосуществима в России; в России — при 150 миллионах неплотно сидящего населения и при территории, которая в $2\frac{1}{2}$ раза превосходит площадь всего европейского материка, вдвое больше Китая, втрое больше Сев<еро->Ам<ериканских> Соединенных Штатов, в 44 раза больше довоенной Германии... Поистине каждого, кто будет предлагать для России политическую демократию, надо спрашивать: «А вы думаете о том, что вы говорите? А вы, может быть, хотите разложить и погубить Россию?»

Политическая демократия строит все государственное дело на свободном всенародном сговоре, снизу вверх, в порядке корпорации. Чем многочисленнее союз людей, тем труднее дается этот сговор; чем обширнее его территория, тем меньше надежд надо возлагать на такое соглашение; чем меньше плотность населения, тем труднее проводить его. «Свободный сговор» в Соединенных Штатах нам не образец и не обетование: там все иное. И если даже считать, что Соединенные Штаты со всеми их особенностями (начиная от гангстеров и кончая синдикатами работодателей, начиная от гонения на негров и кончая засилием масонов) осуществляют «идеальную демократию», то условия российского послереволюционного брожения и нищенства будут отличаться от американских условий жизни во всем.

Что же мы предлагаем? Правление чиновничества при политическом бесправии населения? Нет. Мы ищем для России новый строй, который подходил бы для нее, именно для нее и только для нее. Новый, христианский строй, который сочетал бы в себе в верной и необходимой комбинации преимущества всех режимов при отсутствии их пороков и недостатков. Нам скажут, что это неосуществимо. А вы пробовали искать? И не нашли? Или, может быть, вы и не думали доселе о таком задании?!

2. Далее, политическая демократия по европейскому образцу неосуществима в России вследствие уровня ее народного правосознания. Это доказано всею революцией и закрывать себе глаза на это — бессмысленно. Исторически Россия стала великою державою с великими державными задачами до того, как русский народ в массе и в интеллигенции успел выносить в душе верное понимание великодержавия, до того, как в нем созрело великодержавное государственное правосознание. В этом главная причина революции. Пришел великодержавный момент, мировой кризис, час трагических соблазнов и героических решений (1914—1920), а в России не оказалось людей и вождей, которые были бы на высоте волею и разумением. Не поняли, что без Императорского Трона России не быть, не поняли, что общее выше частного, что жизнь глубже доктрины — и погубили. Интеллигенция предпочла радикально-республиканскую словесность, простой народ предпочел имущественный передел. Трон предали. Армию развалили. Россию погубили. Всенародное правосознание не справилось с размахом, глубиною, героичностью великодержавных задач. Соблазны одолели, и началось засилие международных авантюристов. Орудием же этого провала явилась новая конституция, «демократическая» до такой степени, что сами авторы ее не знали впоследствии, как оправдать свою доктринерскую слепоту перед лицом развернувшихся последствий.

Надеяться на то, что после революционного разложения и соблазна правосознание народной массы в России окажется на высоте великодержавия — надо предоставить самым безнадежным демократическим доктринерам.

3. В-третьих, история показывает, что все государства, и даже самые демократические, в трудные периоды своей жизни — войн, революций, брожений, опасностей внутренних и внешних — всегда обращались к форме единовластия, предпочитая диктатуру — велеречию, разномыслию и взаимоподсигиванию демократических вожakov. В час сполоха не до сговора. На пожаре распоряжается один, и нельзя, чтобы все голосовали — вернее, «голосили». Не может быть двух главных командований на войне. Если батальон голосует наступление — то бой проигран.

И вот России после большевиков предстоит длительный период сполоха, пожарного заливания, борьбы, может быть, войны, может быть, крепостной осады. Политическая демократия будет здесь неуместна, недопустима, неосуществима, гибельна. И поэтому, если она водворится, то Россия погибнет. А если Россия будет спастись и спасется, то ее не будет. В крепости нужен полководец, а не вече. В России необходим будет единый глава, а не партийный парламент с двадцатью шестью «подфракциями». И это ясно и неоспоримо.

4. И наконец, в-четвертых, обычная европейская демократия предполагает известный уровень обеспеченной сытости населения, можно было бы сказать, «умственной и хозяйственной накормленности и самостоятельности». Господствующий гражданин должен имущественно стоять на ногах, сознавать свое хозяйственное и политическое место в государстве, разуместь верное соотношение своего интереса и государственного и иметь традицию верности и чести. Иначе он оказывается не голосующим гражданином, но — или стадным существом для демагогов, или же продажною единицей для покупателей его голоса. И то и другое было бы в России гибельным: демагогов в России терпеть не будут, их будут просто рвать на куски; а покупателями голосов будут только иностранцы, ибо только у них найдутся для этого деньги.

Россия после революции будет спастись только тем, что люди начнут «служить и прямить» «честно и грозно». Политическая же демократия только и сможет (по выражению русской летописи) «Русь нести розно». И можно не сомневаться, что враждебные России державы

постараются найти и ловких демагогов, и нужные деньги, чтобы снова одурачить и купить ту часть населения, которая после революции окажется в состоянии волнуемой и покупаемой черни.

И опять: что же мы предлагаем? Диктатуру? Фашизм? «Тоталитарное» государство?

Нет. Мы предлагаем, исходя от духа православного христианства и бесспорных аксиом государственного правосознания, — искать для России и творить в России новый строй, ее историей и ее заданиями подсказываемый. Строй, в котором самая государственная форма воспитывала бы и облагораживала бы правосознание народа.

Но ведь всего не выразишь одним духом.

А л. Л о д ы ж е н с к и й

НАША СИЛА

Совершенно ясно и бесспорно: в борьбе, которую мы ведем, *материальный* перевес на стороне врага. Противопоставить ему мы можем только нашу *духовную* силу.

Эта сила — в несокрушимой вере в правоту нашего дела, в полной ясности цели, к которой мы стремимся. Она — в решительном отметании не только какого-либо соглашательства с врагом, но и возможности проявления к нему малейшей терпимости, *под какой бы личиной он не представлялся.*

Но где взять эту веру? Как определить безошибочность поставленной цели? Как установить точный водораздел между нами и врагом?

Конечно, только через приятие, исповедание и утверждение во всем и всегда той единой Правды, которая есть Правда Христова.

Правда эта абсолютна. Поэтому приятие ее как основы борьбы за освобождение России и за ее обновление предугадывает точно и ясно путь, по которому мы должны идти, и предрешает цель, к которой мы должны стремиться. Она не оставляет сомнения в том, кого мы должны почитать врагом, и исключает возможность компромисса. Только она дает человеку бесспорное по-

нимание его назначения и долга, сливая для него во-едино долг православного христианина с долгом русского патриота — личное с общим.

Напрасно думать, что сказанное носит отвлеченный характер и далеко от практического задания, стоящего перед русскими националистами.

В самом деле, как можно себе представить успешную борьбу с безбожным большевизмом, если сознание служения Правде не будет руководить борющимися? Как можно думать о восстановлении России из бездны неправды, зла, безверия, предательства, подлости и ненависти, не ища прежде всего вернуть ее к Правде?

С грустью надо признать, что многим эти бесспорные истины непонятны до сих пор.

Цели, стоящие перед борющимися за освобождение и обновление России, сознательно ограничиваются внешними формами с полным пренебрежением к *сущности*.

Постоянно приходится слышать о ненужности в национальной работе пресловутых «белых перчаток».

Чистота личного нравственного облика для национального деятеля признается качеством второстепенным и необязательным.

Больше того. Трудно себе представить, чтобы в переживаемое нами время сколько-нибудь мыслящий и добросовестный человек не отдавал себе отчета в фактическом конечном единстве целей безбожного большевизма и христорборческого масонства в их бесчисленных и разнообразных формах. А между тем многие считают возможным и допустимым *добросовестное* и *независимое* участие масонов в национальной работе.

К масонам проявляется отчего-то необычайная снисходительность. Рассуждают обычно так. Конечно, масонство — организация подозрительная, но ведь среди масонов столько хороших людей. Ведь многие из них «свои» — белые, они принадлежат к «обществу» и к тому же они готовы всегда широко и «бескорыстно» помочь. Да и вообще, можно ли придавать такое значение масонству, ведь мы так слабы, как же можно отталкивать «своих» — желающих с нами работать, — только потому,

что они масоны. Верно, Церковь решительно осудила масонство и масонов, но это дело церковное, и к мирским делам отношения не имеет.

Это нравственное попустительство и этот оппортунизм, диктуемые соображениями «реальной политики», приводят ее многочисленных последователей в безысходный тупик. Они отнимают у этой части национальной эмиграции ее духовную силу и сводят к нулю ее борьбу.

В самом деле: люди, нравственный облик которых вызывает большие сомнения и дела которых показывают, что моральные основы для них — лишь «отжившая условность», делаются «властителями дум».

Служебная и материальная зависимость национальных деятелей от иностранных канцелярий их не дисквалифицирует.

Верные исполнители (пусть попробуют не быть таковыми!) предначертаний воли международного масонства, русские «национальные» масоны внедряются в национальные организации. Своим нечистым прикосновением масонство дискредитирует и опошляет дорогие всякому русскому патриоту и христианину священные русские устои, ослабляя тем духовную и национальную сопротивляемость эмиграции.

Таковы, несомненно, печальные для русского национального дела результаты осуществления «реальной политики», которые мы имеем перед глазами.

Мы всегда считали полемику совершенно бесплодной. Не полемика, а утверждение Истины является задачей в этой статье.

Все наши усилия направлены на осуществление *положительной* работы в непрерывном движении вперед. Положительной, успешной и полезной России она будет лишь при условии признания Правды Христовой единственным высшим руководящим началом.

Вот почему устремление к этой Правде, основанное на верности Православию, определяет всю нашу деятельность и цель, к которой мы стремимся, как определяют их также евангельские слова: «Кто не со Мной, тот против Меня».

И в этом наша непререкаемая сила!

И. А. Ильин

РАСЧЛЕНИТЕЛЯМ РОССИИ

Я обращаюсь с этими словами не ко всем расчленителям нашего отечества, а только к русским людям, к тем, которые не порвали своей священной, патриотической связи с Россией, не поставили пользу другого государства выше блага нашей Родины; к тем, которые из любви к России готовы согласиться на ее расчленение. Ибо тем, кто внутренне порвал с Россией и предался ее недругам, мне сказать нечего; русское сердце умолкло в них, их русское око ослепло, их русский разум померк. Шарманщик судьбы вставил в их шарманку другой вал, и они исполняют по зубцам этого вала заказанную им фальшивую пьесу.

Но вам, русские люди, готовым из любви к России согласиться на ее завоевание и расчленение, — вам я имею сказать несколько прямых и ответственных слов.

Договоримся прежде всего об основном.

И я люблю Россию, и я с отвращением, со скорбью, с безмерным негодованием и гложащею тревогою созерцаю окаянное дело большевиков. В этом между нами нет, насколько я вижу, ни разночувствия, ни разномыслия. Для нас, русских, есть одна дума, одна молитва, одно дело — дума о России, молитва о ее избавлении и спасении, дело ее возрождения и исцеления. Вне этого наша жизнь бесцельна и бессмысленна. И еще одно: говоря о России, я имею в виду не отвлеченное представление о мощном государстве, не совокупность территорий, не идею русского империализма, а живой народ, уходящий своими корнями в тысячелетнее прошлое и тянущийся своими растущими ветвями в тысячелетнее будущее. С этим народом я сросся в одно: его дух — в моей душе, его кровь — в моих жилах, его слова — в моей речи. Я возник из его недр. Его горе — мое горе: его крушение — мое крушение; его ликование — мой праздник; его гибель — моя смерть заживо.

И вот этот народ есть единство, живое священное единство. И расчленять его — нельзя. А если он будет расчленен, то он будет стремиться к воссоединению.

И тот, кто его расчленит, вступит с ним в вековую, непримиримую борьбу.

Но вы — вы «согласны» на расчленение... Вы готовы предоставить этому совершиться, вы готовы покориться этому злему делу. Почему?...

Не будем смешивать интервенции и расчленения. Это не одно и то же.

По идее своей «интервенция» есть вмешательство посторонней спасительной силы в помощь изнемогающему и гибнущему. И справедливость требует признать, что мы, русские, в истории нашей не раз доказывали нашу рыцарственную способность и склонность «интервенировать» в чужие дела *спасательно* и *бескорыстно*. Начиная от малых дел — например, действия наших моряков во время землетрясения в Мессине, и кончая великими делами, например, низвержение Наполеона и борьба с революцией в Венгрии. Три года оставались русские гарнизоны в городах и крепостях разбитой и беззащитной Франции после Ватерлоо, но Франция осталась нерасчлененной. Пруссия (а потому и Германия) была спасена нами и восстановлена; но никому из русских и в голову не пришло поднять вопрос о расчленении Пруссии — в виде «законной мзды» за избавление...

И вот мы, русские люди, по своему политическому добродушию, граничащему подчас с государственным юродством, судя по себе и по своей истории, нередко так и представляем себе: придет кто-то великий и светлый, благой и прозорливый, идейный и бескорыстный, приведет с собою «двенадцать легионов ангелов», вмешается и спасет, а мы примем его с колокольным звоном, будем целовать его стремяна, будем бросать в него цветами, читать ему благодарственные адреса, а он, в смирении своего подвига, не примет от нас даже чествования и угощения, братски поможет нам доконать коммунистическую гадину и через некоторое время уведет от нас свои спасительные гарнизоны, как мы сто лет тому назад из Франции... Ребяческие мечты! Россия в мире одна и второй России нигде нету!..

Но вы, те, к кому я сейчас обращаюсь, такой сентиментальной идиллии себе не представляете. В такой международной наивности вы не пребываете. Вы гораз-

до трезвее и рассудительнее. Вы считаете, что за «разбитые горшки» надо платить и готовы платить... расчленением России. Вы не мечтаете о бескорыстной интервенции, на которую было бы способно только одно-единственное братское государство, если бы оно могло!. Вы согласны на сделку, на уплату, на мзду; и видите эту мзду в расчленении только, ибо интервенция может начаться, дать русскому народу развязывающий толчок и ни к какому расчленению не повести. Вот почему я говорю не просто об интервенционном толчке, а именно о расчленении.

Оговорим еще одно обстоятельство. Ни одна держава, которая захотела бы и смогла бы завоевать и расчленить Россию, не стала бы спрашивать разрешения и согласия ни у кого из нас. Зачем ей это разрешение, когда вопрос решается воинскою силою? «Соглашаемся» мы на это или «не соглашаемся» — она сделает то, что задумает... если сможет!.. А помешать ей в этом сможет только или ее собственная слабость, или же вооруженная сила, которой в нашем распоряжении нет... Так что можно признать, что наше «несогласие» на расчленение России решающего значения не имеет; в лучшем случае оно сможет не облегчить этого темного дела.

Наше «согласие» или «несогласие» важно для нашей верности, нашего мужества, нашей дальнорзости. И еще важно оно для России: ибо для нее не безразлично, имеется ли в ее распоряжении кадр верных, мужественных, несломленных духом и дальнорзких сынов...

А теперь по существу.

Коммунистическая революция в России была с самого начала делом Каина и дьявола. Весь замысел ее: соблазнить народ грабежом, вовлечь в братоубийство, систематически истребить лучших, уравнивать всех в нищете и в голоде, погасить в душах Бога, веру, совесть и честь, спаять международный кадр коммунистов кровью и злодейством и двинуться на такое же завоевание остального человечества — весь этот замысел был делом сатанинским. Своею жизнью, голодом, лютою мукою расплачивается русский народ вот уже двадцать лет в борьбе с этим замыслом, перетирая силу дьяволова напора. Ныне, когда в результате всего этого «экспери-

мента», напора и борьбы — Россия ослабла и кто-то, быть может, захочет воспользоваться плодами дьявольской подготовки и на его плечах поработить и расчленить Россию, продолжая и завершая дело сатаны, в качестве его преемника, — вы согласны на это?! Вы согласны, чтобы иноземцы под флагом «освобождения России от дьявола» — довершили его дело, dokonали наше отечество?! И вы называете это платою за «разбитые горшки»?! Вы, конечно, не можете не знать, что иноземцы, за исключением немногих держав, все время поддерживали дьявола в России — «признанием», братанием, торговлею, кредитами, советом, машинами, инструктированием. Вы, конечно, имели время подумать над тем, зачем они это делали. Вы, конечно, давно уже поняли, что вся идеология коммунизма — имеет западноевропейское происхождение, что она была «ввезена» в Россию и в порядке «подкожного впрыскивания» привита русской полуинтеллигенции. Вы, следовательно, не можете не понимать, что коммунистическая революция в России есть преступление Запада, есть деторастление и детоубийство, совершенное культурно-старшими братьями над культурно-младшим братом. И видя эту Каинову работу, и понимая ее сущность и ее цель, и зная, что история и совесть требуют от вас одного: стойкого обличения и осуждения этого союза между Каином и дьяволом, — вы спешите «согласиться», вы готовы заплатить Каину за дьяволово дело расчленением России?! И при этом вы знаете и понимаете, что ход истории совершится и без вашего согласия, без вашей подписи под возможным злым делом!! — Так узнайте же и поймите, что ход истории может совершиться совсем иначе, что Каину может еще и не удастся довершить дело дьявола, что завоевание и расчленение России, может быть, совсем еще не предрешиено в небесах и что вы напрасно спешите провалиться на экзамене воли и чести!..

Это во-первых.

Во-вторых, — о расчленении России.

Что видите вы в России — механическую сумму земель и жителей или духовно государственно-хозяйственный организм? — Произволом склеенный, условно сшитый ковер из кусочков или исторически и экономи-

чески выросшую систему взаимопитания с единым, великим заданием и единою судьбою? — Вы, конечно, понимаете не хуже меня, что значит большой блок государственных территорий, лишенный выхода к морю... Вы, конечно, давно уже продумали, какие районы в России суть производящие в сельскохозяйственном отношении, а какие — потребляющие... Вы наверное знаете, какое значение имеет ныне в жизни народа нефть и уголь и где их залежи в России... Вы не можете не знать, что русское племя (67% всего населения), осуществляя свое культурно-государственное призвание, разбросалось по всем углам России и что Россия как историческая реальность — есть его порождение и создание... Но вы не можете также не знать и не видеть, что переживает ныне это русское племя под игом иноземцев и иноверцев. И после всего этого, зная это все — вы «соглашаетесь» на расчленение России? Что же, вы думаете, расчленяющая держава расчленит так, чтобы все части поскорее опять собрались воедино и выгнали бы расчленителя вон или она постарается так расчленить, чтобы никакая опасность нового объединения ей не грозила?

Или вы скажете, что расчленение касается только территории, а территория есть дело условного завоевания? О, нет, расчленение касается людей, народа, его свободы, его духа, его культуры, его веры, его храмов, его языка! И не в том смысле, что некоторое время придется находиться под иноземною властью, а в том смысле, что эти места, эти пространства будут колонизованы, заселены и освоены новыми людьми, иноземцами, пришедшими с оружием... И вы даете на это, никем не спрошенные, ваше согласие? И называете это «платою за разбитые горшки»?

Но что же — эти пространства не говорят вашему сердцу ничего — из глубины истории? Тысячелетия отстаивал их русский народ от печенегов, половцев, Золотой Орды, от крымских татар, от турок. Там все залито русскою кровью, кровью наших предков. Не под Полтавою ли был разбит Карл XII? Не на Днепре ли сидела наша Запорожская Сечь? Не сотню ли лет дли-

лась борьба за Кавказ? Вспомните, перечитайте, продумайте! Чем вы расплачиваетесь? Что вы отдаете? На что соглашаетесь?

И почему? Только потому, что мы сейчас еще не видим верную точку приложения наших патриотических сил? Только потому, что мы утомлены эмигрантским прозябанием? Только потому, что мы сейчас еще не знаем того пути, на котором русскому народу удастся оборониться сразу от всех врагов — внутренних и внешних, т. е. сбросить советское иго и не принять никакого иного, иноземного?

Если мать моя тяжело больна и я не вижу еще, как помочь ей, — что же, я соглашусь на ее гибель или начну сам ускорять ее конец? Какое безумие!

Нет, на мысль о расчленении России мы должны отвечать не рассудительным безволием, не готовностью лечь самым под доски пирующих татар!.. Два голоса должны в нас звучать в ответ на эту мысль: один голос — голос наших предков, их крови, их доблести, их подвигов; другой голос — голос веры в Бога и в Россию. Не для того русский народ принял двадцатилетнее гонение на веру, чтобы почувствовать себя безвольным и сломленным, не для того было послано ему это очистительное испытание, чтобы вознаградить его новым историческим унижением и порабощением. И если мы сейчас еще не видим исхода, то будем молиться, так молиться, чтобы молитва наша огненным столбом восходила к престолу Божию: «Господи! Ты, который все видишь и все можешь! Ты, который провел наш российский народ чрез тысячелетние испытания и закаления! Пошли ему и нам всем силу и путь для верной обороны! Непусти Каину завершить дело дьявола! Пробуди наши силы! Открой наши очи! Объедини нас в борьбе за Россию, Тебе служащую и Тобою ведомую. И дай нам верно стоять до конца за ее дело, как за Твое дело!»...

Сокрыты от нас пути и судьбы мира. Неведомы нам вышние предначертания. Но если бы, если бы (!!) у нас ничего не осталось впереди, — только эта молитва, — то ею и в ней мы выразим наше непоколебимое и окончательное несогласие на расчленение России!..

РЕЧЬ А. И. ЛОДЫЖЕНСКОГО ПРИ ОТКРЫТИИ ПАРИЖСКОГО СЪЕЗДА

Досточтимые пастыри, господа,

Ваше присутствие здесь, точно так же как и многочисленный письма, полученные мною в ответ на приглашение от лиц, по тем или иным причинам лишенных возможности быть с нами, свидетельствует о том, что цели, которые преследует настоящий съезд, близки и дороги широким кругам русских патриотов.

Действительно, приглашались ведь люди, принадлежащие к самым разнообразным группировкам, часто разделенные, казалось бы, серьезными разномыслиями. Но, как и следовало ожидать, национальное знамя, осененное восьмиконечным крестом, оказалось сильнее этих разномыслий.

Эта эмблема определяет идейные основы *имперского обновительного течения, верного заветам Святой Руси, которое мы именуем Русским христианским национальным движением.*

К этому течению, отражающему неотрывность русского национального сознания от Православия, сознательно или пока еще подсознательно тянутся здесь, за рубежом, и там, на Родине, русские люди, уразумевшие исконную русскую историческую традицию и осознавшие и прочувствовавшие самобытность и своеобразность русского национального идеала.

В этом обновительном течении могут и должны слиться все наши усилия, направленные на служение России. Для этого нет надобности в строго определенных организационных формах. Свободный сговор самостоятельно действующих организаций, групп и отдельных лиц, приравнявших идейные основы этого течения, вполне достаточен.

Но приятие этих основ обязывает.

Оно обязывает нас прежде всего *совершенно ясно и отчетливо выявить наше лицо* как в смысле нашей деятельности здесь, за рубежом, так и в смысле нашего понимания будущего России.

Первое, к чему мы обязаны, — это *сплотиться вокруг нашей родной Русской православной церкви.*

Здесь я считаю необходимым раз и навсегда выяснить недоразумение, вносящее смущение в русскую православно-национальную среду. Я имею в виду подозрительное отношение к наименованию «христианский». Оно проявляется, к сожалению, даже лицами, от которых можно было бы ожидать лучшего понимания вопроса. В самом деле, ведь имя «христианское» возводит мысль непосредственно ко Христу Господу и Его учению, тогда как «православие» определяет истинное исповедание и прославление Его. Как иначе можем рассуждать мы, православные христиане, *безоговорочно верные своей Церкви?* Если же течения, враждебные истинному христианству, пытаются прикрыться его именем, то это еще не дает права относиться подозрительно ко всякому мирскому начинанию, принявшему наименование «христианское».

Второе, к чему мы обязываемся, — это к сохранению *полной независимости и самостоятельности*, помня в то же время свой долг лояльных гостей в отношении стран, оказывающих нам гостеприимство. *«Ориентация» у нас может быть одна — русская.* Вопреки распространенному мнению, деньги имеют запах, а потому *источник средств, поддерживающих нашу работу, не может нам быть безразличен.*

Далее, наша обязанность — не только решительно отмежеваться от всего враждебного и противоречащего православно-национальной идее, но *всеми доступными средствами бороться с его проявлениями*, как бы они ни именовались: марксизмом, коммунизмом, большевизмом, безбожием или масонством во всех их бесчисленных разновидностях.

Пресловутая «аполитичность», стремящаяся привести ярлык «политики» всякому решительному противлению темным силам, есть не что иное, как лицемерие, обычно прикрывающее сочувствие этим противохристианским и противонациональным течениям.

Аполитичными в этом смысле наши общественные начинания быть не смеют.

Все бытовые, профессиональные, юношеские или иные организации и группировки верных Родине русских людей должны открыто исповедовать словом и делом свою верность Богу и России, борясь всеми средствами с их врагами.

Их неизменной конечной целью должно быть служение родному народу. Только этим может быть оправдано существование наших организаций. Иначе нам следовало бы раствориться в окружающей нас иностранной среде.

Если, таким образом, христианско-национальный идеал является руководящим началом в нашей деятельности в условиях эмигрантской жизни, то тем паче должен он определять для нас основы обновленной российской государственности.

Русский человек, исповедующий христианско-национальную идею, не может не предпрещать этих основ. Они предпрещаются его пониманием сущности Государства Российского как государства христианского.

Так, совершенно несомненно, что жизненное осуществление нашего устремления к христианскому государству мыслится лучше всего при наследственном монархическом строе. Он олицетворяет русское православное восприятие существа верховной власти и русскую историческую традицию.

Наследственная монархия есть символ и основа национального единения.

Не «кулацкий» или чей бы то ни было царь, как определяют будущего монарха люди, лишённые понимания значения освященной веками русской православно-национальной традиции, а Православный Император Всероссийский — Помазанник Божий и Его первый слуга, ответственный перед Ним за страну и народ. Отсюда все построение государственной власти на принципе *личной* ответственности, определяющей ранг.

Далее. Как можем мы, исповедующие христианско-национальную идею, представить себе *Церковь* в обновленной России иначе, как *свободной, самоуправляющейся, независимой от государства и дружно с ним сотрудничающей?*

Не совершенно ли ясно для нас, что государство, признавая в религии первейшую духовно-образующую силу личной и общественной морали, должно способствовать деятельности всех признанных им вероисповеданий.

Не бесспорно ли, наконец, для нас и то, что в России *Церковь Православная должна занимать особое первенствующее положение?*

Точно так же определяется в свете христианской устремленности существо и других основ обновленной российской государственности и одновременно путь для их претворения в жизнь.

Задача, которую мы себе ставим, не является плодом теоретических искусственных построений или попыткой подражания чужим образцам. Это — стремление к очищению от чуждых, накопившихся веками наслоев, и обновление, конечно, с учетом русского и чужого опыта, тех вполне реальных основ, на которых зиждилась мощь и благоденствие Государства Российского. Сколько раз на протяжении своей истории временно заблудившаяся Россия в возврате на свой исконный православно-национальный путь находила силы для преодоления врагов и для своего спасения. Вот и сейчас разве не ясно — в России под Крестом собираются закалившиеся в непрерывной борьбе и страданиях творческие народные силы.

Ясность стоящей перед нами цели открывает уже сейчас за рубежом совершенно конкретные возможности для реальной творческой работы. В эту работу могут и должны включиться все: и Церковь, и национальные организации, каждая в области, ей близкой, и отдельные лица. Работы хватит на всех, лишь бы нашлись желающие ее делать, а не разговаривать.

Напрасно стараются доказать, что эмиграция ни на что не способна и что она ничего не делает. Без шума и рекламы ведется нужная и полезная работа. Верно, что ее можно и должно значительно расширить. Надо согласовать усилия ее отдельных участников, надо их связать между собой и привлечь новых. Но не надо пытаться заключать эту работу в резко очерченные организационные рамки. Наоборот, личный почин должен всемирно поддерживаться с тем, чтобы затем усилия отдельных лиц слились в общем потоке Русского христианского национального движения.

Эту цель и преследует настоящий съезд, как и подобный ему, созыв которого намечается в Белграде. Надо, чтобы эти съезды способствовали утверждению в возможно широких кругах эмиграции православно-национального мировоззрения, чтобы они показали

реальность и нужность работы, вдохновляемой этим мировоззрением, и, наконец, чтобы они укрепили понимание, что, приобщаясь к этой работе, русский православный человек выполняет одновременно свой долг христианина и патриота. Съезды эти должны также способствовать установлению личных отношений и связей между отдельными православно-национальными деятелями и группами их.

Итак, не следует придавать нашему съезду значения, на которое он не претендует. Он имеет строго деловую, служебную задачу и является одним из этапов в общем плане православной национальной работы. Таким образом, и его задачи, и его состав (ибо мы все здесь присутствуем в персональном порядке) исключают возможность вынесения резолюций по вопросам общего характера.

Нам предстоит заслушать ряд докладов, авторы которых осветят возможности реальной православно-национальной работы в различных областях. Из этих докладов и их обсуждения каждый из нас сделает практические выводы для своей дальнейшей работы.

Все доклады будут розданы либо досланы дополнительно, так что участники съезда будут иметь возможность во всех подробностях ознакомиться с нашими работами значительные круги эмиграции.

Сейчас мы перейдем к заслушанию доклада о положении в России. Он поможет нам яснее увидеть происходящее там и, хочется верить, укрепит в нас сознание, что мы на верном пути к духовному единению с теми, кому суждено вернуть Россию на ее исторический путь. Но не только происходящее в России должно давать нам силы для нашей борьбы за обновление России.

Говоря об этом обновлении, разве можем мы забыть светлый образ Того, Кто поистине должен быть признан его основоположником. Благоговейно склонимся перед памятью Помазанника Божия Императора Всероссийского Царя-Мученика, 21 год тому назад *во имя служения Богу отдавшего жизнь за Россию. Своим примером Он указал нам на нераздельность долга христианина от долга*

русского патриота. Вспомним всю мученически погибшую Царственную Семью, вспомним иерархов, священнослужителей и всех за Веру и Родину умученных и убиенных во главе со святейшим Тихоном, Патриархом Всероссийским.

Веруем и исповедуем — их жертва не останется тщетной. Их предстательством воскреснет во Христе Россия!

Вознесем же вместе со всем сонмом российских мучеников и вместе с нашими братьями, томящимися под игом богоборческой власти, горячую молитву к престолу Всевышнего:

Господи, спаси Россию!

И. А. И л ь и н

ЧЕМУ Я СЛУЖУ?

Вот вопрос, с которого каждый из нас, русских людей, должен начинать каждое серьезное дело... Чему я служу — русскому всенародному спасению или своему личному успеху? Победе над большевизмом во всех его формах и видах или торжеству той организации, к которой я принадлежу? Что же, я служу Богу или тешу мелкого беса? Иду за совестью или за мелким расчетом? Дело строю или делишки стряпаю? Живу предметно или своекорыстно? Объединяю силы добра или разъединяю всех для того, чтобы подминать всех под себя? Чего же я, в самом деле, хочу?

С тех пор как отрекся от престола русский Государь и прервалось преемство трона, в России начался своеобразный, болезненный и пагубный процесс. До тех пор в России как бы имелся некий драгоценный шар тончайшего и благородного хрусталя, содержащий в себе всю полноту всероссийской государственной власти. Наподобие некоего зеркала («зеркала») он отражал в себе все права русского народа и, собирая их в единый фокус, излучал из себя всякое полномочие и всякую власть в России. Был центр. Властный центр. Властный центр в России. Великий источник. Великий предел.

Великое повеление и великий запрет. И тот, кто попал хотя бы в один из его лучей, тот вовлекался в общий центростремительный поток и восходил к центру, чтобы вернуться из него воистину правомерным и воистину полномочным. А пребывал этот центр в лице единого, всероссийского Императора.

Пробил час великой беды и великого соблазна. Беда состояла в том, что русские люди дали Государю основание почувствовать себя преданным, покинутым и изолированным. И еще беда состояла в том, что никто из Великих Князей не захотел принять «зерцало всероссийской власти» и стать его носителем, и разбился «хрустальный шар». Не просто распался на несколько кусков, а разлетелся на тысячи мельчайших частиц, в прах, в неуловимую, несоединимую пыль. А русские люди не поняли этой беды и ее трагического значения и предались великому соблазну.

Есть старое русское слово «шарап», вряд ли не разбойничьего происхождения: оно обозначает порядок захвата, бесправного завладения, порядок грубой толкотни, произвола, посягательства, хищения и присвоения. И вот русская государственная власть была отдана тогда на великий безобразный, неистовый «шарап». Мы, пережившие это, никогда не забудем этих ужасных недель и месяцев. Словно с цепи сорвались русские люди... О, не все. Конечно — не все! Но сорвавшихся были целые толпы, массы. Словно тысячи ветров и вихрей ворвались в русские души. Казалось, что легион бесов вселился в нашу толпу. Все бросилось осуществлять этот Богу и совести противный, погибельный «шарап». В каждом уездном городишке объявлялась своя «республика». В каждой деревне вылезала из какой-то уголовой щели «новая власть». Каждый матрос мнил себя властелином, каждый дезертир полагал себя источником нового права. Плодились правительства, комитеты, советы, комиссары и эмиссары. Люди воображали, что, проведя рукой по воздуху, они уже набрали полную горсть драгоценной, русско-государственной, разлетевшейся по всем ветрам пыли и, помахивая сложенным кулаком, брали «на шарап» и все остальное: авторитет, закон, полномочие, достояние, имущество. И Ленин с его призывом «грабь

награбленное» только выразил этот постыдный и разрушительный, разбойничий порядок «шарапа».

С тех пор прошли долгие годы, годы разрушения, муки, стыда и борьбы. А порядок «шарапа», самопровозглашения, или попросту самозванства, доселе живет на Руси: и там, в большевизме, и здесь, в нашей болеющей эмигрантшине. Живет и вредит России, и разлагает наши силы, и срывает нашу борьбу. Ведь еще совсем недавно типичный «шарапник» с развязностью первых дней революции заявлял, что он «собирается играть в будущей России не последнюю роль», того-то не допустит, другого не потерпит, а третье окончательно запретит... А мы слушали эти «шарапные» слова так, как если бы «шарап» только еще начинался в России, как если бы не прошло двадцати лет муки и стыда: слушали и растерянно молчали... И молчание наше свидетельствовало о том, что в нашей среде не изжита болезнь революции; что тот командноутрожающий тон, который усваивали себе поочередно сменовеховцы, евразийцы, пореволюционеры, младороссы и другие ячейки соблазна и распада, — тон, глупый и развязный, постыдный и смешной, кому-то еще импонирует в эмиграции и для кого-то еще представляется соблазнительным... Все еще думают, что это путь к господству. Все еще воображают, что священная пыль русской государственно-имперской власти носится в воздухе и доступна всякой нечистой посягающей руке. Все еще находятся люди, которые ищут во что бы то ни стало личного успеха и власти, которые пытаются, идя за мелким расчетом, блюдя свою корысть, тешить мелкого беса и подминать под себя всех остальных!

Не довольно ли? Не пора ли положить этому конец? Не пора ли объяснить друг другу и всем, особенно глупо-доверчивым простакам, что это позорный и погибельный образ действий?

Не пора ли каждому из нас поставить перед собою со всею строгостью отрезвляющий и очистительный вопрос: чему и кому я служу? Чего я хочу — Богу служить или беса тешить? Предметно бороться за Россию или подминать всех под себя из побуждений мутных и зазорных?

«Шарап» кончен! Этому позору не должно быть места среди нас! Православная вера учит нас смирению. Родина требует от нас трезвения. Мы должны объединять силы добра и искать путей к всенародному спасению.

А. И. Лодыженский

ОБНОВЛЕННАЯ РОССИЯ

В этих кратких статьях я не собираюсь открывать новых истин. Я просто считаю полезным и своевременным напомнить и уточнить русские исторические традиционные основы, утверждение которых необходимо для успеха русского обновительного движения.

В переживаемые нами смутные времена основы эти либо забыты, либо от них сознательно отказались в угоду «реальной политике», либо им изменили.

Если свыше двадцати лет большевизма, несомненно, оставили след в истории всего мира, то что же сказать про Россию, которой суждено было испытать марксистский яд на своем теле, пострадать от него так, как не пострадала ни одна страна, и бороться с ним на протяжении почти четверти века.

Оставленный всеми, отверженный миром, как прокаженный, русский народ в течение двадцати лет борется с марксистской заразой. Пока мир безуспешно старается найти равновесие без России, она продолжает бороться с мучающим ее недугом.

Не пытаюсь излагать «программы», я считаю лишь необходимым наметить основные черты облика чаемой нами, верной своей исторической традиции обновленной христианской национальной России.

I

Итак, в нашем представлении Россия рисуется государством христианским, национальным. Во избежание недоразумений необходимо точно установить, что подразумевается под этим определением. Конечно, речь идет не о государстве, управляемом Церковью наподобие

бие средневековых теократий. Какой бы смысл ни придавался другими определению «Христианское Государство», мы представляем себе обновленную Россию как государство, вся национальная жизнь которого вдохновляется верой в Бога, христианским нравственным законом и этикой. Поэтому более правильным будет определить чаемую нами Россию как Национальное Государство христианской устремленности. Именно в этом смысле и понимается нами определение России как Святой Руси.

Из этого вытекают следующие положения:

Государство не может крепнуть и процветать, если оно не стремится к духовному и материальному благу всего народа. Как только интересы одной части населения (социального класса или народности) приносятся в жертву интересам другой, государство теряет равновесие и силу. Таким образом, роль государства сводится к равномерному обеспечению материального и духовного развития всех частей населения.

Вмешательство государства в жизнь нации не должно преследовать иных целей, кроме установления порядка и создания условий, благоприятствующих развитию и процветанию различных частей населения. Для этого, однако, необходим нравственный критерий, позволяющий обеспечивать свободные взаимоотношения людей, населяющих громадную территорию России.

Таким критерием в первую очередь будет христианский нравственный закон, и это по следующим трем основаниям:

Первое, порядка субъективного, заключается в том, что люди, утверждающее такое понимание государства, — люди верующие и христиане. Иначе говоря, они рассматривают Евангелие как божественное откровение, обладающее абсолютной истиной. Подчиняя вере в Бога всю свою деятельность и определяя ею весь смысл своего существования, они естественно будут стремиться к осуществлению своего идеала в жизни самого дорогого, что у них есть, — Родины.

Два других объективных основания находятся в тесной зависимости друг от друга. Прежде всего, христианство слишком связано с историей русского народа, чтобы можно было не считаться с исключительным зна-

чением, которое оно неизбежно будет иметь в жизни обновленной России. С другой стороны, становясь на точку зрения чисто практическую и, если так можно выразиться, исследовательскую, надо признать, что христианство показало себя единственным неизменным фактором в жизни людей и наций. Его нравственный закон, приемлемый для всех культурных религий, будет, как это было в течение всей русской истории, способствовать взаимному пониманию и сближению между людьми различных вероисповеданий. В самом деле, разве не было христианство в его русском православном преломлении проникнуто духом самой широкой терпимости в отношении многочисленных иноверных и инославных, населяющих нашу родину? Если на протяжении русской истории и наблюдались случаи злоупотреблений в этой области, объясняемые недомыслием и человеческими слабостями, то это отнюдь не меняет истинного существа русской православной терпимости.

Влияние христианской нравственности должно найти свое выражение в законах и в правительственных распоряжениях, в праве и в отношениях между отдельными людьми, в народной жизни и в личной жизни государственных деятелей. Это отнюдь не стремление превратить Россию в монастырь. Наоборот, жизнь со своими требованиями, со своими компромиссами и со своей борьбой будет, конечно, продолжать отражать людское несовершенство. Однако все больше проникаясь сознанием значения духовных ценностей, русский народ постепенно вернется к нормальным человеческим отношениям и к правильному пониманию смысла труда и жизни. Его руководители должны будут поддерживать и развивать в нем стремление к жизни, более богатой духовно и материально.

Русский народ должен будет сосредоточить все свои усилия на выполнении предуказываемого ему долга. Долг же этот заключается не в туманной вселенской миссии, а в выполнении своего внутреннего национального задания, имеющего целью вернуть Россию к нормальной жизни, освободив ее от губительного влияния революционного марксизма, приведшего ее на край гибели.

II

Как бы ни была значительна христианско-национальная идея и несмотря на вызываемые ею у людей чувства справедливости, любви, света и радости, она, конечно, не может пресечь зла. Чем определеннее и явственнее будет ее влияние, тем большую злобу и ненависть она будет вызывать у своих противников. Таким образом, один нравственный закон не сможет нейтрализовать разрушительные силы, угрожающие благосостоянию страны. Для борьбы с этими силами государство должно обладать оружием, которое могло бы обеспечить порядок и справедливость. Для этого оно должно располагать авторитетом, позволяющим ему воздействовать на врагов общественного мира и порядка. Этот авторитет оно приобретает через применение права.

Право, вдохновляемое христианским нравственным законом, будет иметь задачей защищать от посягательств справедливые притязания, отвергая несправедливые.

Среди справедливых притязаний укажем в виде примера: право частной собственности, право человека на обеспечение своим трудом семьи, право на справедливую оплату труда, право свободы передвижения и право свободы совести.

Должны быть рассматриваемы как несправедливые привилегии преимущества, предоставляемые одной части населения в ущерб другим, как, например: исключительное право одного класса или одной партии занимать руководящие должности в стране, право сильных эксплуатировать слабых или исключительное право богатых получать высшее образование.

Право создает порядок. Христианский национальный порядок основан на уважении к человеческой личности и к частной собственности. В христианском национальном государстве человек не может быть оцениваем исключительно с точки зрения своей силы, производимых им благ или даже ума и способностей. Представляя из себя нераздельное целое, состоящее из тела и души, человек свободен выбирать между добром и злом. Эта свобода может выражаться двояко: во внутренней свободе (свободе мысли, исповедания, суждения) и в свободе внешней (свобода действия).

Первая не должна подавляться, а должна воспитываться в христианском национальном духе. Свобода действия должна быть подчинена нравственному закону и интересам общества, а следовательно, она должна быть ограничена известными пределами, дабы порядок не превратился в анархию.

В христианско-национальном понимании право частной собственности не является абсолютным, а лишь правом на распоряжение частью национального достояния. В самом деле, исходя из ответственности и обязательств, связанных с преимуществами богатства, христианский нравственный закон обязывает имущих употреблять свое достояние не только для себя и своей семьи, но и на пользу ближнему.

Из самого определения собственности в христианском национальном государстве проистекает необходимость сотрудничества между людьми. Государство, как хранитель национального достояния, обязано обеспечить это сотрудничество. Поэтому оно обязано пресекать борьбу классов и должно способствовать установлению социального мира. Осуществляться это должно не столько мерами принудительными, сколько через установление справедливого и действительно социального государственного порядка.

Однако человеческое неравенство и неравномерное распределение имущества создает между людьми неизбежные социальные различия. Этот естественный порядок вещей не может быть признан несправедливым, как скоро обязанности и права граждан точно и справедливо определены.

Действенное сотрудничество позволит всем гражданам, к какому бы классу они ни принадлежали, сознавать себя полезными сотрудниками нации, которой они принесут каждый по мере своих возможностей помощь, которая должна обеспечивать материальное и моральное благосостояние общества.

Благодаря такому сотрудничеству великий обман «равенства людей» теряет всякую силу, ибо каждый член национальной семьи будет иметь свое определенное назначение. Совершенно несомненно, что успешный ход громадного национального предприятия обуслови-

вается строгим порядком и организованной стройностью, основанной на иерархии.

III

Христианское национальное государство, вдохновляемое верой в Бога и христианским нравственным законом, само собой разумеется, обязано будет поддерживать Церковь. Под понятием Церкви следует понимать все официально признанные религии. Чтобы избежать вмешательства Церкви в дела государства, а с другой стороны, обеспечить Церковь от политических влияний, она не должна быть связана с государством. Дело идет, конечно, не о пресловутом «отделении церкви от государства» по западному образцу, когда государство не только игнорирует Церковь, но часто ей даже враждебно. В христианском государстве Церковь и государство, служа общему делу различными, друг друга восполняющими способами, распределяют по взаимному согласию области своей деятельности. Распределение этих областей, относящее к кругу ведения Церкви вопросы духовные, догматические, нравственные и воспитательные, должно точно соблюдаться, исключая возможность каких-либо притязаний другой стороны.

Только при этих условиях Церковь явится организованной, духовной силой, без которой государство не может обойтись. Ее авторитет будет расти вместе с достоинством ее служителей. Она сделается совестью нации. Своими проповедями и своей благотворительной деятельностью она будет воспитывать народ в духе действительной нравственности. Любовью и добром она будет бороться с ненавистью и завистью. Своими советами, а когда это понадобится, и увещеваниями Церковь будет поддерживать государство на избранном им христианском национальном пути. Государство, вдохновляемое христианством, будет, конечно, с уважением относиться ко всем религиям, исповедуемым на его территории и им допущенным. Оно будет способствовать их процветанию. Вполне естественно, что в своих отношениях к различным религиям государство будет руководствоваться значительностью пользы, принесенной ими в прошлом и

приносимой в настоящем. Так, совершенно ясно, что Православная Церковь, тесно связанная с национальной жизнью России, на которую она имела решающее влияние, займет особое первенствующее положение. Но как бы значительна ни была миссия Православной Церкви, это, однако, отнюдь не значит, что она займет в отношении других Церквей господствующее положение. Уточняя положение Церквей в обновленной России, надо его определить как положение самоуправляющихся корпораций, пользующихся полной свободой в исповедании своих догматов, в отправлении своих обрядов и в проповеди.

Проявляя самую широкую терпимость ко всем религиям, представленным в империи, государство будет вправе запрещать организации и секты, полагающие в основу своей доктрины ненависть к людям и религиям, их учение не приемлющим. Подлежат воспрещению и должны преследоваться государством также и те из них, которые будут проповедовать ниспровержение существующего строя и возврат к анархии и большевизму.

IV

Какова же будет Россия, когда, освободившись от большевистского ига и разлагающего безбожия, она вернется в семью культурных народов?

Невозможно даже приблизительно предугадать политические отношения, которые установятся у нее с другими странами.

Что касается государственного строя обновленной России, то совершенно несомненно, что жизненное осуществление устремления к христианскому государству мыслится лучше всего при наследственной монархии. Этот строй олицетворяет русское православное восприятие сущности верховной власти и русскую историческую традицию.

Наследственная монархия есть символ и основа национального единения. Православный Император Всероссийский — Помазанник Божий и Его первый слуга, ответственный перед Ним за страну и народ.

Для сохранения единства и неприкосновенности страны необходимо сильное и облеченное неограниченными

полномочиями правительство, способное обеспечить во внутренней жизни нации нужную гармонию и согласие.

Русская жизнь должна быть свободной и творческой. Поэтому государство, оставаясь верным исконному пониманию Российской империи как семьи народов, ее населяющих, должно решительно отказаться от государственной централизации, всемерно способствуя развитию краевой жизни. Поскольку это не будет противоречить общим интересам, каждый член российской семьи — Империи, должен будет самостоятельно развиваться, черпая в общении с другими народностями новые силы для своей жизни и для своей культуры.

В тех же целях децентрализации и развития краевой жизни приходы, общины, кооперативы и земства должны быть привлечены к самому широкому участию в местном самоуправлении. Предоставляя отдельным народностям и краям культурную, социальную и экономическую свободу в рамках самой широкой автономии, государство должно будет всемерно содействовать проявляемому ими почину в различных областях государственной жизни.

Лишь при этих условиях все нации найдут в России не только дружественную страну и фактор устойчивости и мира, но обретут в российских просторах обширное поле для экономического и культурного сотрудничества, которое вернет миру утраченное им равновесие.

И. А. Ильин

ПРОТИВ СОБЛАЗНА

Глубокой скорбью о России и тревогой за наш чудесный, но соблазненный и поработенный народ наполняется душа при созерцании новейшей международной политики Советов. Ибо все, что ныне совершается, начиная от лицемерного союза с Германией и кончая нападением на Финляндию, творится не ради России и отнюдь не в осуществление ее исторического дела; и вряд ли все это принесет ей что-нибудь кроме вреда и позора. Русские национальные задания здесь ни при

чем. Русское державное дело здесь не строится, а разыгрывается в бесчестной комедии, вульгарно опошляется, преступно проматывается в дипломатическом, военном и хозяйственном отношении... И когда я слышу, будто за рубежом есть русские «националисты», склонные приветствовать нападение на Польшу и на Финляндию, ограбление Вильны и все подобные начинания, я невольно спрашиваю себя: неужели и вправду среди нас есть такие совсем ослепшие люди? Неужели в них совсем угас инстинкт русского национального самосохранения? В противном случае они не могли бы соблазняться внешней видимостью, упуская из виду главную, существенную природу событий.

Еще в самом начале революции, в Москве, мы предвидели и предсказывали, что коммунистам неизбежно придется приступить к разрешению русских национально-державных задач и что они с ними не справятся. Россия есть великий исторически сложившийся государственный организм со своими политическими, хозяйственными и военными необходимостями, с особой географической судьбой, с особыми международными отношениями и опасностями. Все это требует предметного видения и разумения, и ответственного, государственно и национально обоснованного поведения. Ни лукавые трюки (вроде Брест-Литовского мира с германцами), ни превращение политики и дипломатии в отравление чужих колодцев (заражение других стран изнутри), ни хозяйственный террор в своей стране не разрешат этих заданий. Дух легкомысленного ерничества, дух международного авантюризма, дух кровожадного нахрапа и грабежа — не воссоздаст России; он способен только все извратить, промотать, унижить и измучить весь народ.

Большевики взялись за великое всероссийское государственное тягло и не справились с ним. Пусть нам не говорят, что «им удалось» сильно увеличить добычу угля, нефти или золота в России. Их «достижения» надо сравнивать не с тем, что было до войны 1914 года, а с тем, что было бы теперь в России, если бы в течение всех этих лет ею правила национальная, здоровая власть. За 23 года царствования императора Николая II Россия переживала огромный рост; этот рост стал бы еще стре-

мительнее после войны, особенно после войны, сопряженной с неудачами, ибо такая война всегда пробуждала в русском народе его задремавшие творческие силы. Но если бы сохранился (допустим!!) хотя бы тот же темп роста, то годовой урожай хлебов в России составлял бы теперь не 60—70 миллионов тонн (как у большевиков), а 120—130 миллионов тонн, и в России было бы сейчас не 16 миллионов лошадей, а 48 миллионов; и не 82 000 километров жел<елезно>дор<орожных> линий, а 128 000 километров и т. д. Россия была бы теперь первой в мире по нефти, марганцу, железу и золоту и во внутреннем потреблении и в деле вывоза. И православные храмы красовались бы по всей земле, и русская наука творила бы великое, и русское крестьянство не было бы разорено, и русский рабочий не был бы в положении поработанного оборванца, и русская интеллигенция не была бы наполовину истреблена. И весь русский народ творчески развертывал бы всю свою неисчерпаемую даровитость. И сама Россия не слыла бы в мире очагом соблазна, безбожия, надвигающегося кровопролития и разорения.

Вот почему самая идея подсчитывать «достижения» революции таит в себе соблазн; хозяйственно это необходимо: после погрома всегда считают уцелевшие животы и не разбитые площадки; но политически и исторически — это заслоняет верную перспективу и соблазняет неумных и слабых людей. Скажем же однажды сами себе: то, что сейчас имеется в России, соблюдено и создано не большевиками и не коммунистической системой, а даровитостью, и трудолюбием, и кровью самого русского народа, вопреки большевикам, несмотря на коммунистическую систему, в борьбе с их духовным безбожием и хозяйственной противоестественностью. И тогда наши глаза откроются, и мы увидим, что принес России этот выводок злой саранчи...

Ныне большевики взялись за русскую великодержавную политику. И мы опять говорим о «достижениях». Государство, поработанное и эксплуатируемое ими, они сами не считают и не называют Россией. Это всего лишь плацдарм мировой революции. Это как бы остров, на котором временно устроились международные пираты; это лес, в котором временно засел Соловей-Разбойник.

Но территория его исконно русская, и ей грозят те же опасности, что грозили России: отсюда необходимость сноситься с ее близкими и далекими, малыми и большими соседями; и вот Соловей-Разбойник выступает от лица самой России. И население этой страны — исконно русское: и вот этому населению разрешается работать на мировой коммунизм, вспоминая благоверного князя Александра Невского и преподобного Сергия Радонежского. Храмы наши разрушены, духовенство умучено, вера поругана. Но пришел момент, когда священные традиции православной России показались ее гонителям «полезными»: и вот они «допускаются» и призываются на службу мировой революции. Чтобы русский народ служил и трудился, ему нужна вера и священная традиция. Это признается. А служение и труд его по-прежнему направляются в русло мирового соблазна и разрушения. И неужели среди нас находятся такие, которые готовы доверять этому обману?

Не «одумались» коммунисты и не одумаются. Но они отлично умеют гримироваться и костюмироваться. Чтобы захватить Грузию, переодевались в грузинские наряды, чтобы обмануть Западную Европу, выступают во фраке. Они «индусы» в Индии, «китайцы» в Китае, «негры» среди негров, сторонники «панславизма» на Балканах, «русские империалисты» среди красной (русской!) армии. Скорбно видеть, как Европа принимает это всерьез и восклицает о возрождении политики Петра Великого и о «панславизме» большевиков. Но когда мы, русские эмигранты, начинаем сочувствовать «великодержавию» Молотова, «панславизму» Сталина или «русскому национализму» Кагановича, то мы поистине заслуживаем презрения. *Mundus vult decipi* — мир хочет быть обманутым.

Мы призваны бороться с этим обманом. Но если мы сами ему поддаемся, то мы «соль, потерявшая свою силу», и история «выбросит нас на поприще людям» (Мтф. 5, 13).

Что же есть «национального» или «национально-полезного» в новейшей международной политике большевиков? Обещая Германии свою поддержку, Сталин спровоцировал новую европейскую, а может быть, и всемирную войну, чтобы постепенно превратить ее в

мировую коммунистическую революцию. Национальная Россия в этом нисколько не заинтересована — ни в мировой войне, ни в мировом перевороте. Напав на Польшу с тыла и доконав ее в трагический час ее истории, Сталин обновил и углубил ненависть польского народа к русскому: вновь разверзлись заживающие уже старые исторические раны, и национальная Россия должна нести вину и ответственность за злое дело коммунистов. Что кроме вреда принесет ей это? Но, скажут нам: древние, исконные русские земли присоединены... К кому? К какому государству? К русскому? Нет, — к советскому, к коммунистическому, они вовлечены этим в омут соблазна, лжи, грабежа, террора и коммунизма. 12 миллионов русских людей, доселе укрывавшихся в Польше, отданы коммунистам на поругание и угнетение. И мы должны это приветствовать как «русское национальное достижение»?.. Да, скажут нам, но теперь эти области останутся за Россией. Откуда же это известно? Не обстоит ли дело как раз наоборот? Не потеряет ли их окончательно национальная Россия именно вследствие того, что коммунисты от ее лица совершили свое предательское нападение и, увы, от ее же лица проводят теперь в этих областях свой богопротивный и противоземельный строй? Нет, национальная Россия решительно не заинтересована в том, чтобы безбожие и насилие разлилось по соседним братским народам; чтобы Гепеу искореняло лучших и благороднейших людей Украины, Польши, Карпатороссии, Чехии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, чтобы унижения и бедствия, связанные с коммунистическим строем, обрушились на среднюю Европу и прибалтийские земли! Подумать только: ведь все эти бедствия и муки будут вменены в вину русскому народу так, как если бы он — их первая и долготелая жертва, вызвал их к жизни и обрушил их на голову своих соседей. Поистине, если коммунисты могли еще и еще навредить России и ее будущему великодержавному строительству, то ныне они это осуществляют: враги России могут этому сочувствовать. Но мы — нисколько!

Все ныне происходящее надлежит свести к такой формуле: коммунисты начали открытую борьбу за мировую коммунистическую революцию. Для этого они ныне расширяют ее объем, для этого они собираются исчерпать до дна и без того перенапряженные силы русского народа. С самого начала Россия была для них орудием мировой революции. Ныне они считают, что пришел час последней ставки и они пытаются прорваться к мировой революции ценою русской крови и всероссийского изнурения. И неужели среди нас есть такие русские, которые этого не разумеют и лепечут сочувственные слова?!

Нет — не гордостью и не радостью полны наши сердца, а глубокой скорбью и патриотическим негодованием. И одна у нас надежда, что русский народ очнется и возьмет свою судьбу в свои собственные руки...

А. К а р т а ш е в

КОРЕНЬ ЗЛА

«Да пройдет мир сей и да придет благодать», т. е. пусть кончится этот наличный порядок земной жизни и пусть наступит вместо него новый, лучший, принесенный Евангелием. Так молились первые христиане по свидетельству самого раннего после Нового Завета памятника («Учение 12 апостолов»). Молились так скромные обитатели бедных закоулков тогдашних столиц гордой греко-римской империи. А она их и не замечала. И когда узнавала про такое их «вольнодумство», то просто полицейски хватала этих дерзких отрицателей устоев и опасных революционеров, осмелившихся усомниться в священной неприкосновенности авторитета империи. Империя, как солнце над вселенной, — единая, высшая, совершеннейшая, непревосходимая. Это самоочевидно для всякого, кто не лишился разума.

Так думали. Так думают и теперь правящие миром империи и силы. А что вышло тогда? Вышло то, о чем молились «юродивые во Христе», а не то, что думали «премудрые по плоти, сильные, благородные» (1 Кор. 1, 26). Устои гордого «мира сего» прошли, т. е. устарели, вы-

дохлись и уступили место идеалу «благодатного» царства Христова, идеалу мечтателей, тогдашних донкихотов-христиан. И на обновленных устоях обновилась и жизнь самих империй. На христианских дрожжах поднялось тесто нового периода культурной истории человечества.

Претенциозно это сравнение нашего эмигрантского положения и наших суждений о гордой премудрости века сего. Но, право же, нечего греха таить, постоянно и неотвязно вот уже третье десятилетие, как на каждом шагу в мировой политике, если мы и не «знаем точно» и не «видим ясно», то чуем, в каких тупиках бьется мысль мировых руководителей, и им непонятно нечто, открытое нам в глубоком и духовном опыте революционного крушения. То, что открылось нам, эмигрантской брызге из великого русского моря, — мы знаем — открылось и замурованной в молчании крепкой думе всего народа. Сердца откроются и уста распечатаются в дни освобождения. Явится миру единственный из народов, который как целое понял, ибо выстрадал, чего еще не может понять и принять ни одна из великих наций — кроме, может быть, христианской Испании и Португалии и, к стыду Европы, языческой Японии. Нам открылся корень зла. Лишь увидя его и отвергнув его до конца, можно надеяться выйти из безнадежных мировых тупиков: можно надеяться как-то приблизиться к желаемому всеми прочному и справедливому миру. Все это, разумеется, не в абсолютных, а в относительных, единственно доступных грешному человечеству степенях.

Корень зла — в культе «ее величества, ее святейшества» непререкаемой богини «Революции». Нам скажут: где вы это видите? Это культ ничтожных, подпольных, всюду отверженных сектантов. Великие Нации в нем неповинны. О, если бы это было так! Увы, на деле гипноз «правды революции» давит на все правящие сознания и поддерживается мировой прессой. Всякий недруг «Революции» объявляется так называемым общественным мнением обязательно «реакционером», «врагом народа», врагом общего благосостояния, зверем, кровопийцей, крепостником. Пред знаменами революции надо преклоняться, молчаливо или открыто им сочувствовать и содействовать. Надо быть с красной

Испанией и неприлично быть с «диктатором» Франко. И это потому, что из революции, и никак не иначе, рождается свобода народов.

Из революций с их кровью и жестокостями рождаются все блага святейших демократий — этого бесспорного и совершеннейшего политического строя. Кровь и муки революций — это неизбежные муки родов. Плод их — благословенный плод мира и человечности. А сопротивление революциям есть гнусный (обязательно гнусный) фашизм. Если сей последний вам не отвратителен сам по себе, без всяких рассуждений, уже по одному своему имени, так вы не принадлежите к разряду «приличных людей», достойных общества, вы просто отсталый, культурно дикий, дефективный тип, заслуживающий общественного презрения, замалчивания, бойкота или травли. «Революции» прощается многое или даже все, а контрреволюции, или «реакции», не прощается ничего. И за ней не признается никаких заслуг, талантов, культуры, нравственных качеств, даже самой святости, если она есть. Это — добро и зло навыворот. И в эту путаницу понятий и оценок вовлекаются левым террором «общественного мнения» не только люди интеллигентной «толпы», но, по возможности, и вся общественная элита, все ходячие авторитеты, государственные и политические лидеры, ученые, мыслители, писатели, иерархи, пастыри, проповедники. Эти последние, как «вожди совести», в случае их угождения этому повальному «общественному мнению» поощряются шумом рекламы и популярности, выдаются за авторитеты беспрекословные. И голоса чистой церковной и независимой христианской мысли среди стука победной колесницы этого давящего всех мнения обыкновенно и не расслышать.

Русская революция, и большевистская в частности, родилась и развилась в атмосфере победного торжества этой именно, благоприятной для нее мировой идеологии. Русская революция была приветствована вождями мира сего, как светозарная заря новой жизни. И хотя революция своими не только зверствами, но и свинством и брест-литовским предательством буквально издевалась над великими демократиями мира (ее пророк — Горький — еще десятилетием раньше возвестил дух ее:

«Плюю тебе в лицо, прекрасная Франция!»), но все же они спешили наперебой манифестировать свой хороший тон признания прихода «ее величества» на место глухо презираемой ими царской России. Вудро Вильсон ухитрился послать брест-литовским предателям приветственную телеграмму в Москву летом 1918 года, когда союзный фронт еще стоял в смертельном напряжении пред непобежденным врагом. Так извращенно хотелось показать свое демократическое благоговение пред отцами нарождающейся российской демократии. Так революция влекла сердца мировых вождей демократии, как некая родная богиня родного идеала, как носительница того же духа и той же благодати, наполнявшей энтузиазмом и их сердца. Сопротивлявшихся приходу «ее величества» на русской еще территории белых бойцов презирали как реакционеров и бросили при первой возможности. Нельзя же, в самом деле, замарать себя антидемократическим поведением. Затем идет поветрие «признаний». Потом пятилетка «литвиновских именин»⁴ на женевских подмостках и вспененной рекламы Красной Армии. Потом — «ах, какой реприманд⁵ неожиданный!» и... — достойная кисти Щедрина мировая разгадка детского ребуса: «кто враг № 1»? А от разгадки зависит мир всего мира и — говорят — небывалый еще под европейским солнцем новый порядок. «А судьи — кто?» Все те же, кто корня зла не видят уже двести лет. И бояться, как бы не стал свободным и державным тот единственный великий народ, который исключительно выстрадал на своей плоти и духе все проклятия «Революции» и может один только дать победную опору меньшинству прозревших и тоже выстрадавших наций для действительно здорового и христианского порядка вещей, при котором Велиал⁶ революции, наконец, дерзновенно будет анафематствован и все материальные силы государства — армия, капитал, политика, экономика и духовные силы культуры, творчества и религий — станут опорой свободы, права и правды. Для дряхлых сил старой веры, заблудившихся в трех соснах революции, это почти так же непосильно, как гордым книжникам и фари́сеям откликнуться на зов сначала Иоанна Крестителя: «Покайтесь, приблизилось царство Божие» и затем на

кроткий призыв Самого «Царя мира». «Но невозможное у людей — возможно у Бога». И мы знаем, что это все-таки придет со стороны постигших «корень зла».

И. А. Ильин

САМОСТОЯНИЕ РОССИИ

То, что совершилось в России и над Россией за последнюю четверть века, поистине беспримерно в истории человечества и напрасно было бы искать каких-нибудь аналогий в прошлом. Крушение, унижение и порабощение, пережитые нами, единственны в своем роде, длительны, изнурительны и с виду безвыходны. И нужна большая сила созерцания и глубокая вера для того, чтобы не поколебаться и не усомниться в наших национальных путях и судьбах...

Именно поэтому, но и только поэтому, мы не должны осуждать слишком резко наших соотечественников, которые, потрясенные и подавленные ходом событий, малодушно усомнились и поколебались в вопросе о русском самостоянии. Если за этим сомнением не было ничего иного, никакого религиозного криводушия, никакой нравственной сделки, никакого политического карьеризма, то можно психологически понять это настроение и необходимо помочь его преодолеть. Но поддаться этому настроению или согласиться с этим воззрением — нам невозможно...

Мы верим в Россию, сущую самостоятельно. Мы требуем ее независимости и самобытности. Мы будем добиваться ее самостояния. И если время продлится и затянется, и если Господь отзовет кого-нибудь из нас, изгнанников, до восстановления такой России, нашей России, — то мы, уходя из жизни, завещаем нашим детям и внукам созерцать Россию свободною и самобытною и добиваться ее национального самостояния.

С самого начала нашего крушения и унижения мы не верили ни в какие «ориентации» и исповедовали неустанно: «То, чего мы, русские, сами не совершим, за нас не совершит никто». У нас никогда не было надежд

на какого-то иноземного избавителя, кто бы он ни был и что бы он ни сулил. С самого начала было ясно, что если такой «избавитель» явится и начнет что-то делать клонящееся к ликвидации коммунистической власти в России, то он будет это делать не для России, а для себя; не для того, чтобы Россию очистить, освободить и восстановить, а для того, чтобы завладеть русским национальным достоянием, воспользовавшись бессилием и поработением русского народа.

Для наивных надежд у нас никогда не было основания. А сейчас такт надежды еще более неосновательные, чем когда бы то ни было. И вся история учит нас одному: народ может надеяться только на Бога и на свои Богом вдохновляемые силы.

На кого надеялся и к кому обращался Патриарх Гермоген, замкнутый в кремлевском подземелии? Звал ли он шведов на помощь? Или крымских татар? Не зывал ли он к всероссийскому восстанию за Дом Пресвятыя Богородицы? И разве он не был прав? В самую беспросветность русской Смуты, когда Кремль был в руках врагов и предателей и воры владели Русью, — он требовал религиозного и национального самостояния.

Русскому народу предстоит совершить то, что французы совершили под водительством Жанны д'Арк; за что боролись нидерландцы, возглавляемые Вильгельмом Молчаливым; что совершили итальянцы, вдохновленные Гарибальди; за что сражались в свое время сербские четники⁷; что призван совершить каждый народ в час исторического испытания: отстоять себя от внутренних и внешних врагов, отстоять свою веру, свою землю, свою государственную независимость, свой национальный лик. Для этого должны осуществиться три условия:

1) должен пасть тот психоз страха, тот гипноз всеприсутствия и всесильности, которым держатся коммунисты;

2) должен проснуться в душах инстинкт национального самосохранения, помутнение и ослабление которого привело коммунистов к власти;

3) внутри самой России должен встать предводитель, вождь, полководец, который поведет эту борьбу и объединит вокруг себя народные силы.

Психоз страха годами насаждался при помощи террора: ограбления, ссылки, угроз, пыток и казней. Когда мир узнает и удостоверится, каковы были эти коммунистические приемы застрашивания и покорения, когда он поймет, что все это было совершено социалистами во имя социализма и что это грозит всему человечеству, тогда он постигнет, что выстрадал и что преодолевает русский народ. Но вот впервые за все эти годы наступили события, способные сломить в душе русского народа ложное и злобное представление о том, будто коммунисты всесильны: военные неудачи в Финляндии вскрыли не только слабость Красной Армии, но и организационную немощь советской власти, беспочвенность и извращенность ее идей, губительность ее тоталитарного строя. Не грянул ли первый гром? Не пора ли русскому мужику истово перекреститься?

Тогда проснется инстинкт национального самосохранения, помутившийся и пошатнувшийся двадцать лет тому назад. Он проснется во всей своей пчелиности и муравьиности и станет сильнее личного страха, сильнее шкурного расчета: тогда в русских людях встанет непоколебимая и грозная уверенность, что «без России и мне не быть», что «вечный страх смерти гораздо страшнее самой смерти» и что «двум смертям не бывать...». Насажденные и вскормленные в русских людях «ловчила» и «шарапник» уйдут раз навсегда в позорное подполье русской истории к бывшим «ворам» Смутного времени, а на Руси встанут «прямые» и «белые», способные бороться насмерть за «Дом Пресвятыя Богородицы», желающие «делу Цареву служить честно и грозно» и неспособные торговать Россией или «нести ее розно»...

И тогда им, этим людям, таким людям будет дан свыше (о, конечно, свыше!) ныне никем не знаемый и нам неведомый вождь, который, наподобие князя Пожарского, поведет борьбу — не за себя и не для себя, а за Россию и для России; не для того, чтобы захватить русскую государственную власть, но для того, чтобы передать ее в законные «природные» руки.

Когда начнется такая борьба, то все народы поверят в бытие России, перестанут считать ее «брошенной вещью», «беспризорным и бесхозяйным добром», «объектом пра-

ва, ожидающим своего захватчика», но признают ее национальным субъектом, живым народом, борющимся за свою свободу, великим народом с великими историческими традициями... И тогда найдутся народы, которые помогут нам, помогут так, как помогают ныне нашей братской и героической Финляндии.

Вот чего мы должны желать. Вот во что мы должны верить.

Помоги нам, Господи!

А. К а р т а ш е в

ПОМЫКАТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВИЕМ

Один влиятельный эмигрантский публицист недавно брякнул программно: «Никакой веротерпимости!» Никаких там свобод веры. Православие — и точка. Оно всем и командует. Прочие слушаются.

Что у одного на языке, то у других на уме. Это мысль не единичная, а, к сожалению, скрытно повальная. Диктаторский дух времени родит ее во многих головах, и нередко читаешь ее между строк. Хочется вовремя окрикнуть: «Господа, это религиозно и политически неграмотно». И прежде всего это говорится «без хозяина». Надо сначала спросить само Православие. Желает ли оно само такой дикой команды?

Наша Церковь глубоко чужда такому насильничеству. Она воспитала народ наш в редкой веротерпимости. Если и были в нашей истории эпизоды религиозных гонений, то они целиком привзошли со стороны. Костры инквизиции нам чужды. Впервые на рубеже XV и XVI столетий у нас сожгли до десятка лиц за ересь жидовствующих. И было это непопулярной новостью, заимствованной, по точным известиям, со слов австрийского посла, от примера Испании, от костров Фердинанда. Большинство русского монашества во главе со св. Нилом Сорским резко осуждало такие нерусские, неправославные насилия. В конце XVII века наши церковные и гражданские власти, создавшие по своему невежеству тяжелую драму раскола старообрядчества, по

указке озападнившихся киевских латынников, прибегли снова к методу гонений и даже иногда костров. А когда в XVIII веке польско-латинскую культуру перехлестнула волна общего правительственного западничества и наше православие попало под протестантский режим Петра и вынуждено было творить волю онемеченных правительств, тогда гонения иноверных и инакомыслящих, своих и чужих, во многих случаях исказили лик православия и наложили на историю русской Церкви незаслуженно омрачающие ее черты. Все это от лукавого. Не от Церкви, а от ошибок государства и не от православного Востока, а от латинского Запада.

Что Церковь в лице своего духовенства не протестовала, а соучаствовала в грехе стеснения свободы совести, это, конечно, не свидетельствует о личном мужестве духовенства, но не оно первопричина гонений, а государство, обезличившее Церковь и через это само много потерявшее в своей духовной крепости. И как Церковь вздыхала, жаждала освобождения своего от бремени этих государственных, ненужных ей гонений на иномыслящих! И наконец, — казалось — освободилась от него на своем учредительном соборе 1917—1918 гг. Но, увы, опять-таки насилие политическое лишило ее надолго этого мига свободы и ее совести и всех инаковерующих.

Сначала большевики мучили главным образом православных и немного поощряли всякое сектантство к торжеству над Православием. Но потом скоро началось настолько яростное преследование других исповеданий, что мы знаем сотни примеров слияния в муках страданий и крови мучеников всех верующих в Бога, до их небывалого еще в истории потрясающего братского объединения. В этом аду тюрем, каторг и казней в глубинах верующих душ совершился опыт мирового значения. Ни один еще народ в мире не имел такого опыта, как великий русский народ. В массах, в миллионах душ выстрадано убеждение, что все, молящиеся Отцу Небесному, все — Его дети, члены одной духовной семьи, братья, обязанные быть в едином фронте против вечного антихристового племени не только этих воцарившихся безбожников-марксистов, но и всех вообще безбожных людей

во всех их фраках, цилиндрах, орденах и лентах, во всем обманном лоске культуры и так называемой гуманности.

Настрадавшийся в гонениях народ возжаждет больше всего, чтобы дали ему покой — молиться и вздыхать к Богу, как душе угодно, чтобы отвязались от него эти бесы в образе человеческом, чуждые жизни религиозной и насилующие одаренных верой, чтобы эти не смели превосходить их своим богатством духовным, а уподобились бы их темной ограниченности. Нет, именно русский народ после этих попыток захочет создать порядок прежде всего «Божеский», где бы голосу религиозной совести дана была свобода, как дыханию. Он захочет государства по духу религиозного, христианского, православного. Чтобы внутренне командовала в нем совесть евангельская, а не дубинка людей, выскочивших из-за кулис партий и редакций. Руки прочь от души русского народа — уже довольно вы поиздевались над ней в деле веры, да еще православной, вы, господа басурманы, ей не указ. Сами у нее поучитесь, прислушайтесь к ее тысячелетней мудрости. С вашим безбожным «просвещением» вы слепые щенки перед ней. Никаких ваших псевдогуманных «конституций и прав человека» она не твердила. А никакой веры никогда не гнала, огня и меча не знала. А сейчас тем более вы можете с вашим доктринерским изуверством снова начать ее насиловать. Все вы диктаторы и тираны ваших теорий. Но только это — не что иное, как продолжение или повторение той же материалистической живодерни. И уже по одному этому немыслимо.

Возврата к насилию не будет, к насилию в самом центральном, в самом фундаментальном. Ведь это азбучный закон европейской истории, что религиозная свобода есть корень и начало всех других гражданских свобод. И в соединении с правом личной собственности составляет ключ, секрет, броню, гарантию свободы и достоинства человеческой личности вообще и всякого здорового человеческого общежития.

Мыслимо ли дерзнуть сунуться в Россию с лозунгом религиозной нетерпимости и несуществующего, палочного православия? Предоставим этот одиум⁸ палочных расправ одной недавно погибшей демократии!.. Мы, проповедующие построение в России православного го-

сударства, должны больше всего бояться якобы дружеских медвежьих услуг со стороны политиков-материалистов, гордящихся своим «реализмом», но в силу своей некомпетентности в вещах, им чуждых, договаривающихся до геркулесовых столпов или того же большевизма, или иных его западноевропейских, но во всяком случае, антирусских и антиправославных вариантов.

Мы верим не в вечно рабью, а в свободную Россию, и стало быть, в Россию «божескую», где прежде всего религиозная совесть свободна и где, конечно, в первую голову свободно Православие от распоряжения его судьбами со стороны басурманов-политиков с их атеистической дубинкой. Православие есть царь в душе народа, и его должны слушаться прежде всего те, кто хотят быть истинно национальными и народными политиками, выразителями души народа, а не только погонщиками по подражанию иноземным диктаторам.

И. А. Ильин

О РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

1. Вопрос

В нашей борьбе за Россию меня больше всего заботит и волнует ее идейная сторона. Не вопрос политической «тактики» в борьбе, т. е. как именно, какими средствами нам надлежит бороться, чтобы освободить Россию: когда созреют и сложатся исторические события, тогда откроются и пути, тогда мы найдем и средства, и самые ошибки и неудачи будут учить нас на ходу. И точно так же не вопрос «политической программы»: ибо Россия после свержения коммунистов будет в таком состоянии, что программа ближайших лет будет продиктована всякому правительству силою самих обстоятельств — сплотить воинскую силу, остановить бесцельную резню, очистить страну от коммунистических банд, договориться с нападающими и ненападающими иноземными державами, обеспечить крестьянству спокойный засев впредь до окончания межевания, прокормить население, водворить порядок, постепенно

превращая его в правопорядок, пустить в ход железные дороги и фабрики, обеспечить монетную единицу, поддержать налаживающийся торговый оборот, установить примирение и сотрудничество классов... Здесь все ясно, обязательно, неумолимо. Власть, которая с этим не справится, не удержится и падет... Справиться же сможет только национальная диктатура, которой все будут помогать за совесть.

Однако религиозной, национальной и государственной идеи во всем этом еще нет. А без этой идеи — России не быть!..

Нам надо понять, раз навсегда продумать до конца и убедить в этом других, что Россия сокрушилась потому, что русская интеллигенция не имела верной, творческой идеи. Она была или безыдейна, или же служила неверным идеям. И в этом была главная беда.

Пусть не говорят нам, что беда была не в этом, а в другом: в аграрном перенаселении, в культурной и технической отсталости, в разноплеменном составе нашего народа, в нецелесообразном строении власти, в неподготовленности к Великой войне⁹ и т. д. Я не хочу отрицать эти причины и не хочу сейчас обсуждать их. Ибо все это составляло не беду, а единое и нетрудное, духовно-хозяйственное и духовно-государственное задание. Подобно экзамену: беда не в задаче, а в неумении понять и разрешить ее. Подобно бою: беда не в нападении врага, а в неумении отразить его и нанести поражение. Подобно воспитанию ребенка: беда не в капризном характере, а в неумении воздействовать на дитя и помочь ему. И пусть нам не говорят также: «Все это было фатально, и никто бы тут не мог ничего поделать»... Ссылка на «фатум» свидетельствует только о безволии рассуждающего, и нам остается только спросить его, не участвовало ли и его безволие в бремени неотвратимых причин, в «фатальности» того «фатума», на который он ссылается?.. Ясно, что для безвольного и безыдейного человека самое искание волевой идеи является непонятным, излишним и чуждым. Но успокаиваться на этом нельзя.

Русская интеллигенция до революции не имела верной, ведущей национальной идеи. И в этом вся беда. Ибо всегда и всюду — интеллигенция ведет свой народ,

она призвана к этому, в этом ее назначение, смысл ее бытия. И если она не ведет свой народ или ведет его по неверным путям, то она терпит крушение и сходит со сцены — то свержается в революционном порядке, то вытесняется новыми слоями. В этом и состоит сущность русской революции. Добрая и даровитая, но безыдейная и безвольная русская интеллигенция была сброшена злым и тупым, но волевым полуинтеллигентом, который стал орудием безбожной и противоссестественной химеры, ограбил и закабалил русский народ, превратил Россию в мотор мировой революции и ныне предает ее на растерзание иноземцам. Эта трагическая судьба русской предреволюционной интеллигенции должна быть нами продумана и прочувствована. Мы не должны и не смеем идти по ее путям. Мы не имеем права ни скрывать от себя нашу задачу, ни упрощать ее. Мы призваны искать и найти — новую творческую волевою идею, русскую, религиозную, национальную, культурную и государственную.

Нам непозволительно заимствовать ее у других народов. Заимствуются не идеи, а рецепты. Идеи вымаливаются у Бога, созерцаются духом, творятся в напряженном видении и исследовании. Национальное вообще не заимствуется, а творчески выращивается во всенародном бытии и личном опыте. Всякому свое... Что иностранцу хорошо и полезно, то нам, может быть, губительно! Достаточно русская интеллигенция преклонялась перед Европой и рылась в ее аптеках, извлекая из них всевозможные опасные для детей яды и наркотики. Прошла эта пора робеющего ученичества, заимствующего поклонения, погони за модой. Да и какие идеи после нашего крушения, после нашей трагедии, после нашего страшного духовного обнажения перед лицом Божиим даст нам Европа, которая сама все время блудливо косилась на наших растлителей и поработителей, возросших на ее же дрожжах? Чему научат они нас — одни, увлекавшиеся «социальностью» и «справедливостью» коммунизма, а другие, прельщавшиеся властью и последовательностью большевистской тоталитарности?

Именно западноевропейские химеры и трафареты (от Томаса Мора до Карла Маркса, от Бабефа до Бебеля) привели Россию к тоталитарному коммунизму; и не с кем

нам советоваться о том, как выходить из этой пропасти. Россия имеет свой лик, свою историю, свои задания — Западу неизвестные, непонятные, чуждые. Есть такая русская сказка: «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»... И что же мы скажем Европе: «Помоги нам от болезни, которую ты не понимаешь, и дай нам лекарство, которого у тебя нет!»... Или: «Вот твоя демократия оказалась нам не по силам, помоги нам твоею демократией»... Или еще: «Вот мы погибаем от восточной тоталитарности, исцели нас твоим западным тоталитаризмом!»... Скажем ли? Чтобы выдать самим себе окончательное свидетельство о духовной бедности?..

Но и упрощать наше задание мы не имеем права. Мы не имеем права прикрываться словами о «православии», «монархии» или «национализме». Ибо Православие русская интеллигенция имела и раньше, и Церковь стояла у ее изголовья с самого детства; и что же, — идейная дарохранительница христианства оставалась замкнутой для нее и все, что она сумела извлечь из этой сокровищницы, было соблазнительное «непротивление злу» и лениво-конфузливое отношение к частной собственности. А если Православие действительно почувствовано и узрено нами по-новому, и если мы сумели превратить его благовест в волевою идею, то мы обязаны раскрыть и выговорить, чтобы не оказаться нам среди тех, которые «на небо посматривают, а по земле пошаривают». И монархия вела Россию на протяжении всей ее истории, всю ее собрала, врагов ее отразила, интеллигенцию возрастила и народу дала свободу и землю; а русская интеллигенция во всей монархии увидела одну формальную сторону ее — одно авторитарное начало, и сделала себе волевою идею из отрицательного требования «долгой самодержавие»... Религиозную глубину, нравственную сущность и духовно-собирательную силу царского начала — русская интеллигенция просмотрела, не заметила и иметь царя она не умела; потому и изолировала его, потому и выдала его на растерзание... Научилась ли она лучшему или по-прежнему будет возле монарха строить интриги и делать карьеру? Где же она — новая монархическая идея новой русской интеллигенции? И национализм наш — не окажется ли он вульгар-

ной ненавистью к другим народам, демагогической клеветой на них и бессмысленным в России, гибельным для России шовинизмом?!

Нет, мы не смеем потакать ни заимствованиям, ни подражаниям, ни упрости́тельству. Мы не смеем прислушиваться к безыдейной правизне или безыдейной левизне. Все это отжило и устарело. Все это бесплодно, мертво и опасно.

России нужна творческая волевая идея. Как обрести ее?

2. Ответ

Итак, России нужна творческая волевая идея. Как обрести ее?

Установим с самого начала, что она может быть дана только цельной душе. Она не может быть изобретена одним умом или выдумана рассудком; здесь дело не в умственном построении, не в комбинации понятий, а в глубоком и целостном постижении, религиозном по существу и национальном по объему. Один мудрый друг говаривал мне: «Ум без воли — глупец, ум без сердца — подлец»; а я видел его жизненную правоту и подтверждал ее всем моим опытом. Но такая идея не может быть провозглашена и одною волею, ибо воля без сердца — своекорыстна и жестока, а воля без разума — слепа и темна. Здесь необходимо то состояние души, которое завещано нам нашим восточным Православием: эту волевую идею надо увидеть сердцем и помыслить любовью¹ и тогда передать ее, как некий содержательный заряд, своей совестной *воле*.

И вот, прежде всего: сердцем, горящим от любви к нашей России, надо увидеть ее в Боге и тем осмыслить ее прошлую и будущую историю.

Русский человек, действительно любящий Россию, любит не просто ее естественное и бытовое своеобразие, но духовность, более того, божественность этого своеобразия: Россию, как ризу Божию. В эту ризу влагалось и входило все, что было в истории России верного перед лицом Божиим; все, что видело Бога и принимало Его

¹ См. об этом мою статью «Идея обновленного разума» в № 5 журнала «Русский Колокол».

верою; все, что дышало добротой и внимало совести; все, что радовалось совершенству или хотело его, — начиная от православного отшельника и кончая честным ученым и зрячим художником. И если посмотреть на историю России таким оком — то, вот, она откроется нам как великая и живая ткань молитвы, то взыскующей, то исследующей, то ликующей, то сражающейся (наши монастырские крепости!), то крестьянски трудящейся, то воински жертвенной, то царски ведущей, то нищелюбивой, то мироотреченной, то живописно зарисованной, то музыкально поющей. Эта ткань духа едина на протяжении всей нашей истории — и в храме, и в избе, и во дворце; она составляет как бы живую субстанцию России, ту субстанцию нашей прошлой истории, которую видели Пушкин, Гоголь, Достоевский и Тютчев, а из историков в особенности С. М. Соловьев и И. Е. Забелин. Эта субстанция не «исчезла», не «прекратилась» и ныне: она только скрылась от глаз и временно перестала строить форму жизни. Ее-то мы и должны — увидеть сердцем, помыслить любовью, предвосхитить оком ее будущую историю и вменить своей совестной воле верное служение ей.

Все, что способны открыть ей в будущем русские сердца, укрепить в ней русские души, воспитать в ней русский характер, сообщить ей определяющее значение в русском труде и хозяйстве, в русском праве и государстве, в русской науке и в русском искусстве — все это благо, все это определит содержание национальной волевой идеи, за все это надо бороться, пока мы живем и дышим. Иными словами: России нужен новый русский человек, по-старому взыскующий и благодушный, но по-новому сильный характером и волею; по-прежнему совестливый и талантливый, но по-новому свободный и достойный, самостоятельный и трудолюбивый, умеющий владеть своими страстями и неудобопревратный ко злу. Новая Россия, верная своей духовной субстанции и своей священной традиции, должна идти от потенциального богатства (природы и духа) к их актуальному богатству; от блаженной (иногда — блажной) мечты — к волевой реальности; от хаоса страстей — к верной и совершенной форме (завет Пушкина); от праздных очарований и разочарований — к совестной жизни

(завет Гоголя); от полунауки — к верующей науке и от бесовского властолюбия — к смиренномудрому служению (заветы Достоевского); от инстинктивного индивидуализма (начало разброда и раздора, распыления и бесправия) — к духовному индивидуализму (народ как множество самостоятельно поющих духовно голосов).

Вот национальная волевая идея будущей России: ее путь, ее рост, ее восхождение к духовной силе и славе. И чтобы эта волевая идея осуществлялась в действительности, мы должны создать и провести новую систему национального воспитания. Не «образования» только, ибо ум без воли глупец, а ум без сердца подлец, но именно воспитания. Мало «знать-помнить» или «знать-уметь»; надо знать-видеть (самостоятельно наблюдать и созерцать), надо знать-любить (Бога и Его мир, Россию и ее историю, больного и преступного человека, изучаемое животное или насекомое, национальный язык и хозяйство), надо знать волею (сила предметно обоснованного поступка!). России нужно воспитание, которое помогло бы русскому человеку стать духовною личностью, самостоятельною и жизненно цельною; воспитание, которое возвращало бы свободного субъекта права, гражданина, а не обывателя, добровольца российского государственного тягла, а не отлынивающего «нетчика». Вот национальное задание нашего будущего; вот волевая идея грядущей России. И вся наша дальнейшая история зависит от того, примем ли мы эту христианскую идею бессмертной личной души, как основы национального, государственного и культурного бытия; эту идею свободной во благе личности; эту идею народа как хора самостоятельных голосов; эту идею воспитания к совместной свободе, — и сумеем ли мы ее провести.

Знаю, что это не дело месяцев или лет, но десятилетий и даже столетий. И потому думаю, что это идея долгого замысла, глубокого дыхания, сильной и не колеблющейся патриотической любви. Эта идея требует веры в Россию и в ее национальное призвание. Но все это не должно смущать нас, если мы действительно любим нашу страну и наш народ.

Эта идея — на века. Но России и предстоят века расцвета и духовного цветения.

И. А. И л ь и н

О ЗЛЕ

В наши черные дни, когда Европа дымится кровью и народы один за другим идут на великое испытание мировой войны, у нас, русских изгнанников, давно предвидевших эту опасность и тщетно пытавшихся предотвратить ее, возникает естественная духовная потребность подняться хоть на миг над потрясающими событиями дня и спросить себя о силе и о путях зла в мире.

Не так давно в одном философском обществе мне пришлось выслушать доклад на тему о «силе зла» и принять участие в последовавшей затем беседе. И вот какие суждения были между прочим высказаны.

Говоря о «зле», докладчик имел в виду не «злого духа», не сатану во всей его грозной отвратительности, а человеческую злую волю, необузданные злые страсти и свирепое, бессердечное, ни перед чем не останавливающееся, и на все заносящееся, и на все заносящее свою преступную руку. Недаром, говорил он, написано в Евангелии, что «широки врата и пространен путь, ведущие в погибель», и что «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» (Мтф. 7. 13—14). Путь совести и чести действительно нелегок: бороться приходится прежде всего с самим собой, со своими слабостями, страстями и соблазнами: и с самого начала надо примириться с тем, что «жизненные успехи» будут весьма ограничены (мечты самолюбия, тщеславия, честолюбия, богатства!), что жизнь будет вести через поток лишений, обид, а может быть, и явных унижений; и помимо всего этого совестный человек всегда будет для многих неудобен, неприятен и даже ненавистен: он — как белое пятно на черном плаще; он не желает участвовать в сделках, интригах и бесчестных затеях; он судит и осуждает бессовестных людей одним своим устранением от них и «компрометирует» их просто своим существованием. Он «гребет против течения», и волны зла ярятся на него; он «идет в гору», и ему не прощают этого; вот почему всегда находятся такие, которые пытаются столкнуть его в пропасть.

Напротив, силу зла можно сравнить с тяжестью падающего камня: злой человек движется по линии наименьшего сопротивления, он катится с горы вниз. Он не борется со своими собственными внутренними затруднениями, он потакает своим страстям и предается своим злым тяготениям. И средства свои он выбирает не по их нравственной допустимости, но просто в силу их элементарной грубой целесообразности. Им правит запрос данного мгновения. То, что ему «полезно», то и хорошо. У него цель даже и не «освящает» средств, потому что и в «освящении» ему нет надобности... Злая цель всегда найдет себе подходящие средства. Что ему честь и совесть? Что ему достоинство и святость? И грех ему не грех, и преступление ему позволено. Внутренних «удержей» у него нет, ни с чем высшим он не считается. А внешние препятствия он всегда сумеет устранить новой низостью. Его жизнь подобна падению камня. И подобно камню он обрушивается на голову всем другим людям, особенно порядочным и незащищенным. Как покотившийся с горы камень делает все большие и большие прыжки, и рушится все грознее, и наносит все более тяжкие удары, так злой человек нередко свершает свой жизненный путь; чем злее, тем сильнее — ибо сила ожесточается, а ожесточение придает новую силу...

Успехи такого человека нередко ослепляют других людей. Все видят его явные «победы», и эти «победы» становятся для них как бы «наглядными уроками», прямым призывом и научением. Они сами по себе являются как бы лучшей пропагандой. Слабые и соблазненные пытаются примкнуть к нему и становятся его слугами, — то «оруженосцами», то «сообщниками», то «лакеями». Сильные пытаются подражать ему на свой риск и страх — постепенно вовлекаются в его «движение». Начинается — сначала незаметно, потом открыто — настоящая перекличка зла в мире: люди однородного бесстыдства скликаются, связываются друг с другом и, наконец, образуется настоящая лавина зла, которая с грохотом катится вниз, увлекая за собою все окрестные оползни и сокрушая на своем пути все драгоценное и живое. Такова сила зла: она живет и движется по закону тяготения и явно все растет и умножается на своем пути...

Я не возьмусь излагать возражения других собеседников: чужое мнение с чужих слов улавливается неточно. Но мое возражение я попытаюсь привести целиком.

Силу зла никогда не надо преувеличивать, это ведет только к панике и ошибкам, к соблазну и заблуждению. Зло подлежит особым таинственным законам, действие которых внутренне обессиливает его и внешне ограничивает его успехи. Сравнение зла с падающим камнем не лишено меткости, но сходство это имеет свои пределы, ибо зло имеет не материальную, а душевно-духовную природу, и действие его сложнее и многообразнее, чем это может казаться.

Прежде всего, злой человек есть существо разнузданное и безудержное; его деятельность проистекает из некоей внутренней одержимости. Поэтому личность его лишена духовной опоры, твердыни, святыни, Кремля; она лишена творческого равновесия и формы. Она не способна проявлять себя оформляюще, она не способна к творчеству, к созиданию; ее призвание — разрушать, а не строить. Злой человек умеет только отрицать, судьба его в том, что он способен произносить только «нет», и когда он пытается сказать творческое «да», «да будет», то у него получается отвержение и распадение. Царь Мидас был некогда наказан Дионисом такою карою: все, чего он касался, превращалось в золото. Проклятие злодея иное: все, за что он ни берется, ведет к разрушению и к гибели других людей. Поэтому сила его есть не истинная, а мнимая: это есть всеподавляющая, дробящая тяжесть, гнет, разрушающее неистовство. Это деспотия и тирания. И в этом обнаруживается таинственный закон жизни; кто способен только к разрушению, тот разрушает свое собственное дело и прожигает самого себя. Там, где ступает конь Атиллы, — не цветут больше цветы; там каркают вороны и белеют человеческие кости. А цветы зла — суть мнимые цветы.

Каждая истинная сила — есть сила органическая, которая живет естественно и свободно и совершает свои здоровые, творческие цели. У злого человека все обстоит обратно: он не ведает творческой свободы, он пленник ущемивших его душевно-телесных механизмов, он поденщик своих дурных страстей, он раб своей разнуз-

данности. Он подобен лопнувшей пружине, которая может только развернуться и больно ударить. Его можно сравнить с испорченной машиной, которая перестала повиноваться созидательной цели. А при современном состоянии техники его можно уподобить обезьяне, укравшей несколько динамитных бомб и бегающей с ними по городу: злобно ощерясь, грозит она с крыши лютой гибелью всем людям и самой себе... Сила ли это? Не обратно ли? Не явное ли проявление бессилия? Не разнуздание ли стихии? Ни творчества, ни цели, ни органического цветения!... В сущности — катастрофа, поспешающая к своему концу... А лавина зла успокаивается только в бездне.

Если говорить здесь о «тяжести», то тяжесть совсем не есть символ силы, но символ бессилия, неспособности удержаться, неумения творчески парить. Тяжесть, вышедшая из повиновения высшей цели, означает крушение, обвал, срыв, влекомость к гибели. И в действительности зло не только само исчерпывает свою мнимую силу, но и разоблачает ее, дискредитирует и компрометирует. Каждое деяние злого человека обличает его, показывает его слабости, обнажает его качество, потрясает всех окружающих, отвращает людей от него. Не стоит горевать о тех, кто примыкает к нему от слабости и от низости: они и без того зрели к гибели. Но остальные постепенно просыпаются от сна безразличия, они опоминаются, начинают сопротивляться, осуждают, негодуют, смыкаются в ряды и борьба начинается. Конечно, злой человек, подобравший других злодеев, может причинить множество вреда и страдания; но по мере того, как растет этот поток горя и насилия, люди прозревают, начинают искать спасения и принимают суровые решения. Злой человек сам подготавливает свою изоляцию и свое крушение. Он подобен осужденному, который сам организует свою казнь. И поэтому лучше говорить не о «силе зла», а об опасности зла.

Пока человечество живет на земле, всегда будут выступать люди злого заряда. Борьба с ними необходима. Полагаться на «уговоры» и «непротивление» могут только неразумные младенцы или лицемерные предатели. Писание и совесть учат нас не только доброте, но и

строгости. И тем не менее этот злой заряд всегда лишен творческой силы. Есть некое таинственное сродство между истинной добротой и органическим творчеством, между свободой и созидательной силой: единое дыхание Божие владеет ими и сочетает их в могучее единство. Истинная сила присуща не злему человеку, а доброму: именно он призван к победе; и даже тогда, когда по внешней видимости он «терпит поражение», — он остается победителем.

Правоте перед лицом Божиим присуща особая реальность и особая сила. В это всегда верили все герои, все мученики, все исповедники, которые самым вдохновением своим, самым словом своим, своим стоянием и своею смертью утверждали и строили дело Божие на земле. И что перед этим — мнимая сила зла?

Вот приблизительно то, что я высказал докладчику и что я хотел бы повторить всем друзьям и единомышленникам в переживаемые нами черные дни европейской истории.

А. В. Карташев

ВЫСОТА ХРИСТОВА ЗНАМЕНИ

«Горе имеем сердца»¹⁰.

Inter arma silent musae — гласит языческая пословица. В вольном переводе: «При грохоте оружия замолкают науки и искусства». Мы, христиане, с грустью должны добавить, что молчат и наши церкви. Собственно, не молчат совершенно (как не молчат ведь и музы), но голос их скромен, слаб и забит. Они не доминируют, не направляют событиями. Они бессильны.

Разумеется, дело идет не о силе физической, а о силе духовной, силе духа Христова. О нравственной власти Христа — Царя царствующих и Господа господствующих над этим гордым, зазнавшимся миром земных Навуходоносором. Власти, долженствующей исходить от церкви воинствующей, от ее иерархии прежде всего, а затем и от мирян, ибо все — воины Христовы, «кийждо в своем чину»¹¹. О власти слова евангельского, о власти суда

христианской совести, о власти слова пророческого. Да, именно пророческого. Ибо недаром в священной теократии Израиля всегда было три коренных служения: царское, священническое и пророческое. В этих трех категориях Церковь зрит и величает Самого Господа Иисуса Христа как Царя, Первосвященника и Пророка.

Пятидесятница апостольская завещала Церкви все эти три дара. Но по немощи человеческой в изнуряющей обыденщине тысячелетий земной истории крещеное человечество полноты этих даров сберечь было не в силах. Угасли чрезвычайные дары первобытной Церкви. Рушились и умалились первичные опыты построения христианских царств. Слава Богу, стоит еще священство даже и в поломанном, искаженном виде учительства протестантского. Между тем ап. Павел увещевал: «Духа не угашайте, пророчества не унижайте» (1 Фесс. 5, 19—20). А последующие поколения и мы — не соблюли апостольского завета. Харизма наша (дары Духа в нас) ослабела. О пророчестве почти нет и помину. А времена все страшнее, все апокалиптическое. Антихристовы слуги все крепче, все организованнее, научно, технически вооруженнее нас — ленивых воинов Христовых. Вот мы изнемогаем под пятой безбожных сил и их возглавителей. И не слышно нашего голоса среди громовых труб их торжествующей демагогии. За ними идут миллионные массы, говоря: «Кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?» (Апок. 13, 4).

Хотя мы и не толстовцы и не непротивленцы и знаем, что в силу первородного греха войны не исчезнут до конца времен, но все же как сыны Евангелия, пусть недостойные, мы обязаны помнить и исповедовать, что это проклятие греха должно быть не раздуваемо, а угашаемо духом правды и любви. Особенно когда с развитием культуры безбожной война принимает все более страшный, демонически-бесчеловечный, зверино-апокалиптический характер.

Но кто скажет это озверелому миру не бессильным писком комара, а громовыми обличениями пророков? Где Илии, Амосы, Исаяи, Иеремии? Чего ждать от корифеев национальных Церквей, которые так и не разобрались ясно, как быть с большевиками и их

«церковными» холопами, которые пожимали руки красным послам, непротивленчески упокоивались на подушке слов «несть власть аще не от Бога»¹², писали о помощи красной Испании против защитников Альказара, не стыдились радоваться марксистскому гонению на русскую Церковь — будто бы заслуженному наказанию за грехи ее старорежимности. Если уже на это не хватило ясного сознания и ясного действия в масштабе всехристианском, вселенском, то в вопросах искания правды, хотя бы относительной, в вулканических потрясениях настоящей войны поведение высших авторитетов христианских Церквей почти нисколько не возвышается над уровнем газетно-политических расценок. Да и как возможно возвыситься над этой вековой кровавой юдолью грешного человечества, если само христианство трагически и плачевно разодрано почти по числу не только рас, но и тех лопающихся мыльных пузырей, которые называются независимыми государствами. Из уст иерархии раздаются слова не о царстве Божием, абсолютно возвышающемся над всеми действующими фронтами, а об относительных правдах и интересах своих фронтов, своих империй, своих государств, народов и даже партий. Как ни естественно, как ни допустимо для Церкви такое снисхождение к общим и частным человеческим интересам своих чад, но если реализуется только оно одно, а сверхчеловеческая, абсолютная, небесная евангельская правда замалчивается, то «соль, конечно, обуюла»¹³. Христос подменен маленькой, земной, относительной правдой. Любовь предана и подменена правом. Христианство унижено до язычества. Евангелие как бы еще не проповедано. Как будто дальше героических идеалов Демосфена, Плутарха, Корнелия Непота нам и идти более некуда. Как будто более чем звериная, демоническая, кровопролитная борьба при адовых орудиях разрушения, недостойная даже языческого человечества, может претендовать на звание христианской активности. Повторяю — по снисхождению Церковь и в этом машинном кошмаре огня и человекоубийств обязана различать крупницы правды земной. Но на это люди способны и без нее. То, на что греховный, естественный, неблагоприятный человек не способен — на открове-

ние правды, любви и святости высшей, божественной — это именно должна возвещать Церковь. И не только словами, но и своим героическим, мученическим выступлением, действием.

На вышелушивание жалких доз правды земной из кровавых гекатомб новейшего культурного человечества хватит толку и у христианской власти (категория царства) и у рядовых пастырей (священство). Но чего у них нет — это пророчества. К пророчеству может приблизиться только вселенский голос Церкви. А где он, если даже архиепископ древнего Рима, поставленный в наилучшие условия некоторой экстерриториальности и некоторой интернациональности, в наши трагические дни может только минималистически пролепетать: воюйте, только соблюдайте правила гуманности. Все другие главы церквей, больших и маленьких, просто вотируют за фронт местной власти. Три православных патриарха Востока были даже собраны в святом городе, чтобы декларировать то, что нужно силе предрешающей. Зрелище, не внушающее отрады сердцу церковному. Как говорили наши пророчески, аввакумовски дерзновенные ревнители правды православной, «царие изнемогоша, святителие падоша». Царство (конечно, в христианском, теократическом смысле) и священство раздавлены Левиафаном зоологической, языческой воли, империей. Только пророчество ей неподвластно... Харизма (дар) пророчества не связаны с званием. Пророком может быть и «царь» (власть христианская) и священник и просто мирянин. Конечно, приличнее всего возвышаться до пророчества Вселенскому Собору. Но где уж нам, жалостно разделенным на маленькие колоколенки, до этой высоты! Все себя добровольно умалили и снизили свое евангельское первородство до сонной, обывательской покорности «князьям и князькам мира сего».

А между тем сам «князь мира сего» наступает на нас под вселенскими, никого не признающими над собой знаменами безбожного гуманизма, безбожного социализма, безбожного империализма, вообще диктатуры во вселенском масштабе. Померяться силами с врагом вселенским, оставаясь на почве уездного благочестия,

смешно и безуспешно. И до тех пор супостат будет одерживать победу над христианами, плетущимися, как пленники, в хвосте событий, пока церкви не подымутся над уровнем своей серой исторической обыденщины, над уровнем левитской «покорности царствам» до уровня пророческой независимости, до пророческого, т. е. евангельского (а не человеческого только) суда над всеми детьми князей мира сего, пока они не встанут над ними. Иначе бедному крещеному человечеству нет даже надежды хоть помечтать вылезти из кровавого кошмара современных все более бесчестных войн с их бесчестными антирыцарскими орудиями убийства невинных и безоружных. Пора под ужасом «бича Божия», над нашими головами свистящего, признать, что мы церковно дезорганизованы, распылены и в рабстве у «стихий мира сего», пикнуть не смеем против него, да еще эту измену Евангелию иногда за добродетель почитаем.

Об этом стоянии Церкви на «божественной страже», на пророческой высоте над царствами надо особенно помнить взявшимся за социальную миссию Церкви. Церковь никогда в этой области не способна будет сделать ничего, кроме тысячи маленьких дел филантропии, и будет всегда побуждаема и затираема командующими антихристианскими силами, пока она организационно и идейно не встанет на высоту своего первородства, своей надмирной евангельской свободы. Только при этом ее голос зазвучит властно, пророчески. Это служение, конечно, исповедническое и мученическое, но отнюдь не бунтовское и насильственно-революционное.

Левитское примиренчество с князем мира сего, с его первородными грехами социальных и политических неправд и есть тот корень зла, при котором мы, христиане, чувствуем себя бессильными шепками в бушующей бездне, без силы пророческого веления Божия, по псалмопевцу: «Доселе дойдеши и не преидеши, здесь предел надменным волнам твоим». «Обыде нас последняя бездна. Несть избавляяй. Пленихомся яко овци заколения». Эта трагедия изнеможения Церквей должна в нас пробудить жгучую тоску о свободе Церкви, о ее пророческом восстании. Если мы не сподобимся вымолить Церкви нашей духа свободы евангельской и дерзновенного про-

роческого вознесения над миром сим, значит, мы еще влачим наследие ветхозаветного рабства и должны еще выстрадать сознание свободы под бичами гонителей.

И. А. И л ь и н

ГОЛОС ВОЙНЫ

Души наши потрясены и подавлены военными событиями. О чем бы мы ни думали, о чем бы ни говорили, в глубине нашего духа не закрывается рана войны, от нее непрерывно содрогается сердце и воображение изнемогает в борьбе с чудовищными образами. И так обстоит не только у нас, у русских, в силу нашей повышенной впечатлительности. Нет, — ныне весь мир трепещет от расходившейся стихии, от неистовства ожесточившейся машины: люди начинают понимать, какое сосредоточенное ожесточение человеческого духа, какое душевное неистовство скрывается за этим давно обдумывавшимся и подготавливавшимся машинным действием. Ныне все народы слышат голос этой небывалой войны, но медленно, слишком медленно начинают постигать ее смысл.

Всякая война есть суд над людьми и народами, но эта война, как еще ни одна до нее, есть обличение нашей современной культуры и судилище над нашей цивилизацией. Эта война, как еще ни одна до нее, есть порождение безбожия и безбожной техники: человек, утративший Бога, захватил власть над законами природы и посягнул на все. И посягательство это окончится обличением, крушением и прозрением. Этому война ныне и учит нас, об этом она ежедневно взывает к нам и требует, чтобы мы учились у нее на ходу. И мы будем правы, если последуем ее зову.

Война всегда несет страх, разорение, муку и смерть. Но эта война, как еще ни одна до нее, несет их всем: воюющим народам и невоюющим, вооруженным участникам сражений и мирным жителям, далеким странам и близким провинциям, женщинам и детям. На всех несет дыхание страха, и это дыхание мы должны преодолеть в себе. Только бесстрашием одолеют народы эту

войну: только бесстрашные победят. Бесстрашие же дается не душе с ее трепещущим чувством, а духу. Эта война требует от нас ото всех — духовного усилия, духовного подъема, духовной выдержки.

Эта война несет с собою, как еще ни одна до нее, разгром и разорение: сокрушение жилищ, истребление имущества, утрату нажитых и любимых вещей. Она дышит обеднением и нищетой — и эту угрозу мы должны одолеть жертвенным освобождением себя от чрезмерного вешелюбия, щедростью и легкостью духа. Трепещущее скопидомы не вынесут напора этой войны и начнут склоняться к покорности и порабощению. Ибо огромному большинству «бежать» и спасти свои «животишки» невозможно.

Мукою грозит эта война всем нам: лишениями, голодом, болезнями и ранами. И нам, испытавшим уже все эти опасности в советской революции, и им, народам, доселе нередко пребывавшим в безопасности, обилии и благополучии. Но эти страхи может победить только дух, способный противостать всякому лишению и не поддаться страшнейшему. Современный кризис состоит в том, что техника стала самосильною и своевольною, распалила человеческое властолюбие и одолела безбожную и деморализованную душу человека. Только усилием духа можно преодолеть это своеволие машины и вернуть ее в подобающее подчинение.

И так же обстоит с последним страхом — страхом смерти. Война требует от нас, чтобы мы длительно и неотрывно стояли перед лицом смерти; чтобы мы в смерти нашли строгий и точный критерий для нашей жизни; чтобы мы поставили перед собою вопрос: «Стоило ли жить так, как мы жили доселе, и стоило ли жить тем, чем мы жили всю жизнь, — если вот война зовет нас бороться за это насмерть?» И ответ на этот вопрос будет прост и ясен: «Жить на земле стоит только тем, за что стоит бороться и умереть: а за что не стоит бороться и умирать, тем не стоит и жить». И в этом заложен некий мудрый критерий для грядущего обновления нашей жизни и культуры.

Но и этим не побеждается еще страх смерти. Он побеждается только человеком, утверждающим себя во-

преки смерти и после смерти — человеком, знающим о своем личном бессмертии и способным молитвенно звать к Богу в час страха и близкого конца.

Вот существенное, вот главное, чему учит нас современная война: она учит нас молиться. Перед лицом восставшей машины, из глубины маловерной или даже безверной души должна вознестись молитва о скорой и благой помощи свыше, молитва о силе духа и о даровании ее, молитва беззаветного предания себя и своего дела в руки Всемогущего. Из страха и растерянности, из ужаса и беспомощности современный человек должен почувствовать ничтожество своего самозакония, бессилие своей безбожной цивилизации, окаянство восставшего на него машинного хаоса и возопить к единственному источнику света и спасения.

И тогда он будет прав и будет спасен. Ибо молитва имеет таинственную, необычайную, современным человеком неизведанную или забытую силу: не только силу очистительную и укрепляющую, но силу вдохновляющую, озаряющую, заклинающую и чудотворную. Молитва есть сразу — и возродившаяся вера, и живое доказательство бытия Божия. Она есть открытость души для вливающейся в нее Благодати и в то же время живое действие этой Благодати в душе.

Ныне на протяжении всей земли народы наших дней учатся познавать свое собственное бессилие и всемогущество Божие. Трепет страха и смерти послан им для молитвенного возврата в Лоно Отчее. Они уже начинают молиться. К этому уже зовут их и главы их государств и их военные вожди. И эта молитва может стать для них дорогою к спасению — и к спасению в войне, и к спасению от войны, и к творческому обновлению жизни после войны. Но основное условие спасительной молитвы есть правота отстаиваемого дела перед лицом Божиим. Молитва о злом деле и его успехе, молитва об осуществлении злой цели бессильна перед Богом и бесплодна для человека; она есть не более, чем кощунство.

Вот куда ведет нас современная война. И если она научит людей искренно молиться за правое дело, то им не страшна будет и никакая, часемая большевиками, послевоенная революция.

А. И. Лодыженский

ПОРА ОПОМНИТЬСЯ

«Все русские люди, любящие Отечество и чтущие его истинное великое прошлое, должны ныне теснейшим образом сплотиться вокруг нашего векового национального стяга, увенчанного Святым Крестом, обрести единую русскую мысль, единое сердце и единую волю, чтобы быть готовыми к грядущим событиям и посильно готовить их».

(Из обращения главы Российского Императорского дома 3 ноября 1939 г.)

Это мудрое и глубоко патриотичное определение Великим Князем долга русских людей перед лицом грозных мировых событий, видимо, не дошло до сознания многих, не было понято разумом и прочувствовано сердцем. Единая русская мысль, единое сердце и единая воля оказались подмененными различными «ориентациями», приятием «второй родины», преклонением перед «спасителями» России всех мастей и оттенков. Кто «всем существом» желает победы одной стороне, кто другой, не понимая или не желая понять, что так вопросами, с нашей русской национальной точки зрения, второстепенными и даже безразличными подменяется единственный основной для нас вопрос — польза России. А ведь всякому мало-мальски разбирающемуся человеку совершенно ясно и понятно, что пользы подлинной России не только никто не ищет, но наоборот, весь мир (и это не преувеличение) униженно заискивает перед ее злейшими врагами-поработителями. Нет также никаких объективных оснований предполагать, что как бы ни разрешился вооруженный конфликт, положение это изменится. Между тем такая подмена основного второстепенным не только отвлекает внимание от нашей единственной цели, но и несомненно ослабляет нашу сопротивляемость врагу. Его действия невольно начинают расцениваться в зависимости от симпатий также с точки зрения интересов той или другой враждующей стороны, и следовательно, в какой-то мере налицо уже

имеется компромисс. Надо ли после стольких имевших место примеров повторять, что малейшее, даже косвенное послабление в непримиримости к большевизму неизбежно приводит к дальнейшему скольжению. Так люди, искренно почитающие себя русскими патриотами и непреклонными противниками большевизма, уже сейчас доходят до утверждения о ненужности продолжения нашей борьбы с ним, о бесцельности противобольшевистской пропаганды, ибо, говорят они, без нас знают, как нужно бороться с большевизмом, и он будет уничтожен, когда придет время. Исходя, очевидно, из тех же соображений, русская газета находит возможным помещать на первой странице без каких-либо комментариев официальные большевистские сообщения потому, что они благоприятны для воюющей стороны, которой она симпатизирует. Несмотря на это газета продолжает себя считать выразительницей русских национальных чаяний. К сожалению, подобного рода примеры множатся и, что самое прискорбное, не только не находят отпора и осуждения, но нередко рассматриваются как проявление «реальной» оценки политической обстановки.

Так ставится под вопрос самый смысл существования русской национальной эмиграции и ее духовного противостояния большевизму.

Если непонятно, как русские с упорством, достойным лучшего применения, не только отстаивают, но даже обслуживают чуждые, а то и противные благу России интересы, то тем более поражаешься, когда так же поступают люди, полагающие Правду Христову в основу своего мирозерцания. В самом деле, как можем мы, христиане, рассматривать современные события иначе как очистительную кару, ниспосланную человечеству за его отступничество. Как можем мы ожидать спасения Родины от врагов Христовых, будь они открытые безбожники, или прикрывающиеся обманными словами масоны, или люди, отрицающие применимость законов Божиих в человеческом общежитии. Если мы не одними только устами чтим Христа и если мы сознаем весь глубокий смысл нашего идеала Святой Руси, то как можем мы желать торжества силам, отрицающим этот идеал, как бы они ни именовались.

Поистине «Господь творит Свой суд над миром». В дни этого суда мы не смеем поддаваться соблазну упрощения нашего долга православных русских людей и допускать подмену основной нашей цели чужими целями. Наоборот, именно в эти полные искушения времена нам нужно сохранить полную независимость, напрячь все наши духовные силы, всю нашу веру, всю нашу верность для того, чтобы противопоставить их врагу в нашем служении Кресту и России.

Пора опомниться. Пора побороть в себе дух упрощения и оппортунизма. Пора иметь мужество, несмотря на нашу материальную слабость, отстаивать свое исконное, русское. Пора разорять туман чужих целей и чужих интересов, обволакивающий ум, сердце и волю, заслоняющий русские цели и русские интересы, препятствующий пониманию долга перед Родиной. Пора понять, что спасение — в силе нашего духа, а не в искательстве и в приспособлении. Пора понять, что Россия восстанет не по милости и по рецепту чужеземных спасителей, а через самостоятельный возврат ее народа на его исторический, ему одному присущий, православный, национальный путь.

Кто этого не может или не хочет понять, тот пусть лучше отойдет от русского национального дела.

И. А. Ильин

ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ?

(Из частного письма¹)

Дорогие друзья! Ваш вопрос, столь настойчивый, столь действенный, полный любви к России, глубоко взволновал и, не скрою, несколько смутил меня. Ведь Вы ставите мне его в минуту величайшей мировой войны, когда весь мир содрогается от напряжения, тревоги и иных гораздо более глубоких и священных, но еще не созревших и не нашедших себе исхода чувств; в минуту, когда оружие стало главным жизненным аргументом и

¹ Предоставляю это частное письмо, посланное друзьям в другую страну, в распоряжение редакции «Нового пути».

когда всякое невооруженное человеческое существо испытывает свое полное бессилие; когда мы, бесправные или почти бесправные русские изгнанники, сидим у чужого порога, неуверенные даже в сегодняшнем дне — ни за себя, ни за своих далеко не всегда гостеприимных приютодателей... Ваш вопрос смутил меня потому, что отвечать на него «практическими» советами и указаниями очень трудно и очень ответственно, и я опасаясь, что Вы хотите услышать от меня опасное и невозможное.

Но отвечаю Вам прямо на прямо поставленный вопрос.

За последние два десятилетия в мучениях советчины и зарубежья заткалась новая духовная ткань России — подлинная, живая, но постороннему глазу незримая и внешне еще не оформленная. Где бы ни находились и что бы с нами ни происходило, мы должны с любовью созерцать ее, беречь ее и неутомимо ткать ее дальше. Это не пустые слова и не иллюзии. Это не отговорка и не малодушие. Это главное и реальное; и обязательное для всех нас, независимо от местонахождения, от личных склонностей и способностей.

Мы давно уже должны были понять, что кризис, переживаемый Россией и всем миром, глубок и сложен; что его нельзя сводить к политике и к войнам, к хозяйственной конкуренции держав и к переделу колоний; что ни социальный вопрос, ни коммунистическая революция не выражают его основную природу. Все это — только формы его проявления и обострения, только способы его смятенного изживания. Самый же кризис сводится к утрате живой веры. И преодоление его состоит в обретении живой и творческой религиозности. Найдем — спасемся, не найдем — будем попирааться событиями кризиса, пока не найдем. Ибо самый кризис дан нам для обретения и возвращения. История человечества громко и внятно говорит нам: без Бога нет пути вперед, без Христа нет благодати творческой и спасительной идеи в человеческих делах. Тупик. Застой. Накопление вражды и ожесточения. Слепота. Неистовство. Хаос. Неужели это нам еще не ясно?!

А если ясно, то необходимо и обязательно сделать из этого вывод, и притом не только теоретический, но и практический. Мы должны не только «признать» это, но

и действовать согласно этому. А это значит: немедленно приступить к разрешению кризиса, начав со своих личных пределов.

Еще несколько лет тому назад простительно было думать, что «все образуется» и как-то «утрается». Теперь уже ясно: не утряслось и не образовалось. Стихии не остановишь уговорами и слабосильными заклетьями; и вот большая стихия мира заговорила на своем больном языке. Хотим мы того или не хотим, — а она будет выговаривать теперь все до конца, пока не истощится. И нам следует больше всего и глубже всего думать: «А что потом?»...

«Потом» будет истощение, великий пересмотр идолов и идолопоклонства — и начало новой жизни. Для нас — начало новой России. Ткань этой новой России уже заткалась и ткется неустанно, усердно, мученически, молитвенно и здесь, в зарубежье, и там, под ярмом. Эта ткань нуждается в нитях, жизнеспособных и крепких нитях; и каждый из нас должен приготовить из себя самого такую нить. Строится — пока незримо! — дом новой России. Этому дому нужны крепкие, не рассыпающиеся камни, и каждый из нас должен приготовить из себя такой камень. Но камни и нити — вещи неодушевленные. А мы, люди, — живые, одушевленные, творческие существа. Нам нужно общение, перекличка, сговор, взаимная духовная поддержка и творческая подготовка новой России. Замысел ее, ее идея. Идея ее духовного содержания. Идея ее характерологической, семейственной, церковной, государственной и хозяйственной формы.

Вопреки всему — и ревушему над нами в воздухе урагану событий, и нашему разъединению, и нашему бесправию, и нашей нищете, — вопреки всему нам необходимо строить себя, находить и выговаривать новый символ веры новой России, находить друг друга, общаться и сговариваться. Твердо говорить правде «да», а соблазну «нет». Не откликаться совсем на сомнительные зазывания, на демагогическую фальшь, на льстивую вкрадчивость, на авантюристические комбинации. Твердо стоять. На ходу крепко отбивать шаг. В разговорах беречь слова. В печати отвечать за каждую фразу. Зорко

всматриваться в фальшь и помнить, что каждый из нас есть живая ячейка России.

России сейчас с виду нет. Но она есть великая реальность прошлого и будущего. А это значит, что она реальна и ныне. И все это знают. И все хотели бы иметь ее уже сейчас и как можно скорее — с собою, за себя, под собою. Ее ищут. За нее идет борьба: не то как за союзника, не то как за добычу, не то как за источник новой веры и новой жизни. И мы должны это видеть и помнить и свято беречь ее, и свято растить ее новую ткань. Не предаваться праздному пессимизму и унынию, не считать себя находящимися в безвоздушном пространстве рассеяния. Крепко молиться. Стойко держаться. Верить в Россию. Не стараться всем угодить и всюду поспеть. Готовить себя в верности — к верности. И ждать своего часа, ибо он пробьет.

Нам надо видеть Божию руку за всеми событиями и верить в ее благость. И пребывать в уверенности, что Россия спасется Божиим Промыслом и Его верными национальными слугами.

Вот, друзья мои, что, по крайнему разумению моему, нам надлежит делать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д-р Ю. И. Лодыженский¹⁴

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ДОКТРИНА

(Руководящие политические принципы. Основы советского воспитания. Коммунистическое мировоззрение)

Доктрина *Русского христианского национального движения*, разработанная нами за последние годы на целом ряде совещаний и трудами отдельных специалистов-ученых и практиков, получает постепенно все более широкое распространение и признание.

Даже течения, с нами не согласные, стали черпать из наших изданий свои наиболее верные утверждения и аргументацию.

Наша доктрина, как это лишний раз показывает настоящий сборник, носит отнюдь не полемический, а строго положительный характер.

Тем не менее чрезвычайно важно, чтобы русские люди для более сознательной и глубокой оценки этой доктрины могли бы наглядно ее противопоставить доктрине большевистской, которая вот уже более 20 лет навязывается русскому народу и лежит в основе «советского государства». Об этой доктрине большинство имеет лишь весьма приблизительное представление, особенно в ее новейшем варианте, «окончательно» разработанном и уточненном в 1940 году.

Вот почему мы излагаем ее в приложении к настоящему сборнику на основании подлинных советских источников.

Мы делаем это еще и потому, что более близкое ознакомление с современной доктриной советского государства не может не укрепить нас в убеждении его нежизненности и, следовательно, в его чисто преходящем характере. «Государственная доктрина», исходящая из совершенно ложных теоретических и практических представлений, обнаруживающая невидимую убогость мысли, провозглашающая одним словом марксистский обскурантизм своим основным и неизменным догматом, — не может обеспечить государству длительное существование и вдохновить народ, а наипаче народ русский, на национальное творчество и духовное процветание. Рано или поздно она вынуждена будет уступить место учению разумному и созвучному русскому духу, и русской национальной традиции. Прочтя последующее, с этим нельзя не согласиться.

I. Политическая доктрина советского государства

Эта доктрина получила новое подтверждение в ряде документов, опубликованных осенью 1940 года, в частности, по случаю XXIII юбилея большевистской революции в России.

Она, как известно, сводится к следующему.

«Советская республика» не есть государство, подобное другим, с определенным национальным бытием и национальными границами. Советская республика есть прежде всего *«база мировой революции»*, претендующая на последовательную советизацию и поглощение всех других стран в одно мировое коммунистическое государство. СССР является, таким образом, лишь как бы исходным операционным плацдармом для всемирного похода большевиков. Этим основным положением определяются права и обязанности коммунистической (советской) власти, как по отношению к России, так и всему внешнему миру. В России все может и должно быть принесено в жертву: 1) ее полной большевизации, 2) целям мирового распространения большевизма. За рубежом, т. е. в «мире капиталистическом», подлежащем разрушению, применимы все возможные методы для подготовки и осуществления большевистской революции. На этом пути допускается само собою всяческое маневрирование, напр<имер>, поочередная поддержка различных государств, борющихся между собой, для их использования и взаимного ослабления. Это, однако, отнюдь не значит, что, по существу, между этими государствами делается какое-либо различие в зависимости от их внутренних режимов: все они считаются как в прошлом, так и в *настоящем*, государствами «капиталистическими», а потому и органически враждебными советскому «социалистическому государству». Уточним для большей ясности, что, например, в данное время большевики не делают никакой разницы между «тоталитарными» великими державами и державами «демократическими». Это еще недавно авторитетно разъяснил и орган Коминтерна «Die Welt» (август 1940) и советский «Спутник агитатора» (октябрь 1940).

Этот советский, или коммунистический, империализм с точки зрения национальных интересов России наносит ей величайший вред. Он втягивает ее в качестве «базы мировой революции» в непрерывный конфликт (явный или скрытый) со всем внешним миром. Он заставляет Россию растрачивать на чуждое ей дело народное достояние и народные силы. Он вызывает в

качестве естественной реакции во всем мире все более и более враждебное отношение к русскому народу.

Тут уместно остановиться на некоторых постоянно возвращающихся не только в иностранной и советской, но и в некоторой части русской печати, ложных толкованиях коммунистического империализма и советского «патриотизма». Дело доходит до того, что нынешний глава СССР и Коминтерна сравнивается с Петром Великим (см., напр<имер>, статьи в английской прессе евразийца Святополк-Мирского).

Слов нет, царь Петр был иногда груб и жесток. Некоторые из его преобразовательных устремлений, а тем более их методы, далеко не заслуживают одобрения. В этих пределах это сравнение, быть может, и допустимо. Зло всегда остается злом, кто бы его ни совершал, но, делая коробящие нас сравнения, думают, очевидно, о другом. И тут сказывается глубокое невежество авторов сравнений. В самом деле Петр во всей своей деятельности исходил из глубокой любви к России и *только России*. Он стремился, во-первых, обогатить и укрепить свою родину при помощи западной культуры и, во-вторых, установить между русской и западной цивилизацией тесную и плодотворную связь.

Тот, кого наши и иностранные горе-историки сравнивают с Петром, стремится, как мы видели, к совершенно обратным целям. Он *использует Россию для мировой революции*, он стремится укрепить в ней большевистское варварство и распространить его повсюду. Идет ли он путем прямого захвата или путем революционной подрывной работы, это безразлично. Его задачи всегда достигаются целью окончательного разрушения наиболее существенных, и прежде всего христианских, основ и русской культуры. Вот почему, когда редактор одной известной европейской газеты заявляет, что удайся Сталину занять проливы, русские люди всех убеждений немедленно перейдут на его сторону, — это звучит в наших ушах не то как оскорбление, не то как признание автором своего собственного недомыслия и беспринципности. Что же касается советского патриотизма, предоставим слово для его определения самим большевикам.

«Защищая социалистическую родину международно-го пролетариата, советские патриоты лишь выполняют свой *международный долг*». Или: «Рабоче-крестьянская армия социализма, армия советских патриотов (т. е. большевики), борется за *дело международного пролетариата*, за дело освобождения всех народов». Или еще: «Лишь худшие враги коммунизма могут утверждать, что, развивая советский патриотизм, большевики изменяют делу *международного пролетариата*» («Большевик», октябрь 1940).

Сказанного, думается, вполне достаточно, чтобы с должной отчетливостью уяснить себе *несовместимость русской национальной доктрины с революционно-империалистическим учением советского коммунистического государства*.

Эта несовместимость выяснится еще ярче при последующем разборе основ коммунистического воспитания и коммунистического мировоззрения.

II. Принципы коммунистического воспитания

2 октября 1910 года «президент СССР» Калинин выступил от имени правительства на коммунистическом собрании в Москве с докладом о руководящих принципах коммунистического воспитания¹. Их изложению он предпочел обзор основ воспитания в капиталистических странах. Чтобы дать ясное понятие об убожестве мысли и абсурдности представлений докладчика, интересно воспроизвести некоторые выдержки из этого выступления:

«Мораль была всегда классовой моралью». «В классовом обществе, следовательно, не может быть надклассового воспитания». «В буржуазном обществе воспитание насквозь пропитано лицемерием, корыстными интересами господствующих классов». «Идеал капиталистов — видеть рабочих и крестьян своими покорными слугами». Так как темную массу легче держать в руках, буржуазия, утверждает Калинин, предпочла бы не давать этой массе никакого образования. Современная промышленность,

¹ Доклад этот был напечатан в «Правде» от 30 октября, в октябрьском выпуске «Большевика» и ноябрьском выпуске «Спутника агитатора».

земледелие и война требуют, однако, известного минимума знаний и наличия известных качеств, как-то: смелости, находчивости, готовности к самопожертвованию. Знания и качества эти «капиталисты» волей-неволей должны прививать массам. Опасность, проистекающая отсюда для господствующих классов, компенсируется усилением экономического гнета и применением всевозможных технических средств одурачивающей пропаганды.

«Такова, — заключает Калинин, — сущность буржуазного воспитания».

Нужно ли говорить о том, что если только что изложенная схема может служить весьма верной характеристикой советской воспитательной системы, — она отнюдь не соответствует действительности в неболшевицких странах мира. Думается, что даже аудитория Калинина, низкий уровень которой общеизвестен, не приняла все вышеприведенные утверждения за чистую монету.

Переходя к характеристикам коммунистического воспитания, Калинин начинает с следующего явно ложного утверждения: «Коммунистическое воспитание, — говорит он, — неразрывно связано с развитием политического сознания, общей культуры, повышением интеллектуального уровня масс. Этого добиваются все коммунистические партии».

И он продолжает: «Так как коммунистическое воспитание всегда мыслится конкретно, оно должно быть подчинено задачам, стоящим перед партией и советским государством».

«Основная и главная задача коммунистического воспитания — давать максимальную помощь нашей классовой борьбе» (Калинин авторитетно разъясняет, что и после 23 лет коммунистического владычества классовая борьба в России не закончена).

«Какие же задачи мы ставим сегодня в качестве основных в области коммунистического воспитания?» — спрашивает докладчик.

Таких задач — пять.

Первая, самая главная — «это борьба за высокую производительность труда» (sic!).

«В этом направлении прежде всего надо развивать коммунистическое воспитание», и это потому, объясня-

ет Калинин, что коммунизм может победить капитализм только в том случае, если он *на деле* докажет, что благодаря его системе производительность труда стала гораздо выше, чем при капиталистическом строе.

Этого следует добиваться и методами поощрения и путем беспощадных репрессий.

Калинин, однако, признает еще значительное отставание советской продукции как качественно, так и количественно, от продукции капиталистических стран Европы, а особенно Америки. Кроме совершенно голословного утверждения превосходства коммунистической системы, он никаких других гарантий не дает и, очевидно, дать не может, что положение когда-нибудь изменится в лучшую для коммунизма сторону. Опыт прошлого показывает, как известно, что на это нет никакой надежды.

Второй принцип коммунистического воспитания — это внедрение в сознание масс убеждения необходимости *«сберечь и укреплять общественную собственность»*. При этом оратор заявляет, и это, видимо, совершенно всерьез, что «бережливость к общественной собственности есть коммунистическая черта».

В-третьих, «необходимым составным элементом коммунистического воспитания является *развитие любви к родине, к социалистической родине, развитие советского патриотизма»*.

Что такое «советский патриотизм», было показано выше. Нужно, однако, отметить, что поскольку Калинин обращается не к международной, а к советской коммунистической аудитории, он вносит в это определение некоторые характерные добавления. Так, напр<имер>, он утверждает, что в прежние времена «честному человеку было невозможно причислять себя к патриотам». Далее он пытается солидаризироваться в качестве представителя коммунистической власти со всем российским прогрессивным движением в прошлом и его «лучшими представителями» в области политики, литературы и науки. Но можно ли сомневаться, что эти русские люди, будь они еще живы, с омерзением бы отвергли эти чекистские коммунистические объятия.

Калинин далее попытается смехотворно утверждать, что современный коммунизм черпает свои корни... в русском древнем эпосе, в русской народной традиции. Непрерывность этой традиции была-де прервана буржуазным строем, ныне большевики ее восстанавливают и создают сами новый героический эпос. В качестве одного из глашатаев последнего Калинин рекомендует... Маяковского. Его он считает «великолепным образцом служения советскому народу»¹. Читая такого рода заявление, не знаешь, чему больше удивляться, наглости оратора или тупости аудитории, которая в состоянии выслушивать такой пошлый вздор.

Четвертый принцип коммунистического воспитания требует *внедрения чувства коллективности* в государственную жизнь, в промышленность, в земледелие, в быт. Калинин признает, что эта задача очень трудная, особенно в деревне, где без сильного нажима и «содействия» государства нечего и надеяться на успех! Еще одно ценное признание!

Наконец, пятый принцип коммунистического воспитания требует *«всеобщего повышения культурного уровня»*, так как новые условия управления государством, промышленностью и земледелием этого настойчиво

¹ Для иллюстрации творчества Маяковского Калинин приводит нижеследующее «гениальное стихотворение» советского барда:

Я к вам приду	и не как свет умерших звезд
в коммунистическое далеко	доходит.
не так,	Мой стих
как песенно-есененный провитязь.	трудом
Мой стих дойдет	громаду лет прорвет
через хребты веков	и явится
и через головы	весомо,
поэтов в правительств.	грубо,
Мой стих дойдет,	зримо,
но он дойдет не так, —	как в наши дни
не как стрела,	вошел
в амурно-лировой охоте,	водопровод,
не как доходит	сработанный
к нумизмату стершийся пятак	еще рабами Рима.

требуют. Калинин не хочет, да, очевидно, и не может уточнить, что именно он подразумевает под термином «культура».

Следует полагать, что дело идет, с одной стороны, об утверждении общих понятий коммунистического материалистического мировоззрения (о чем речь будет ниже) и, с другой стороны, тех самых элементарнейших знаний и навыков, о которых говорил оратор, разбирая выше основы «буржуазной культуры» и без коих ни одно современное государство не может ни существовать, ни противостоять другим. О том, что настоящее положение в России (благодаря коммунистическому строю, конечно) крайне неудовлетворительно, Калинин говорит с явной досадой и тревогой. Тем самым он авторитетно подтверждает все, что узнали от русских военнопленных в Финляндии и многочисленных беглецов из недавно занятых большевиками областей.

Исходя из пяти вышеприведенных принципов, докладчик предлагает всем советским организациям вести массовую воспитательную работу и «выполнить таким образом волю партии, указания Сталина и заветы самого Ленина... довести классовую борьбу до полной победы коммунизма».

Повторяем, трудно себе представить большую убогость мысли, чем ту, которую выявил Калинин при изложении одной из самых сложных и ответственных задач современного государственного строительства. Мы знаем, однако, что именно эти узость и убогость мысли являются характернейшей чертой коммунистических руководящих слоев и вообще всего коммунистического «отбора». Черты эти проявляются тем явственнее, чем сложнее и глубже предмет, подлежащий изучению. Мы убедимся в этом окончательно в III части нашего очерка, посвященной вопросу самых основ коммунистического мировоззрения.

III. Коммунистическое мировоззрение

Отношение коммунистической власти к религии можно рассматривать с точки зрения практической и доктринальной. В первом случае дело идет о беспощад-

ных и непрерывных преследованиях религии и верующих, которые длятся с самого момента установления коммунистического режима в России и по сие время. Во втором случае дело касается самих *основ коммунистического мировоззрения советской власти*. Сообразно цели настоящего очерка мы будем рассматривать вопрос исключительно в этой последней плоскости.

Советская литература, к нему относящаяся, очень обширна. Мы знакомы со всем наиболее существенным, появившимся за последние годы и, само собой, с новым изданием коммунистической библии — «Историей коммунистической партии».

В нашем изложении мы будем, однако, опираться почти исключительно на выдержки из новейшей программной статьи одного из основоположников советской безбожной философии — Олещука. Статья эта появилась совсем недавно в «Антирелигиознике» (№ 4, 1940). Она представляет из себя как бы последнюю сводку основных тезисов этой философии, сводку очень полную и с исчерпывающими ссылками на авторитетнейшие коммунистические источники. Статья озаглавлена: *«Марксизм-ленинизм. Воинствующий атеизм. Коммунизм и религия»*.

Она начинается с *коммунистического определения религии, ее происхождения и сущности*. Текст испещрен цитатами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, разъясняющими «классовое происхождение религии»: религия, оказывается, возникла в результате страха первобытного человека перед непонятными ему явлениями природы и в дальнейшем «как продукт классового угнетения трудящихся».

Религия основана «на фантастических, нелепых верованиях, опровергаемых выводами науки и всей многовековой практикой человечества».

«Давая человеку извращенное, антинаучное представление о природе, религия закрепляет бессилие человека перед природой, ибо она мешает человеку познавать законы природы и ставить их себе на службу».

«Давая верующему антинаучное представление об обществе, религия мешает человеку стать хозяином

своей жизни, закрепляет его бессилие в борьбе за изменение несправедливых общественных порядков».

«Антинаучный характер религиозной идеологии делает религию реакционной общественной силой».

«Религия на всем протяжении существования классового общества всегда являлась орудием угнетения трудящихся в руках эксплуататоров».

Итак, религия представляет собой идеологию антинаучную и реакционную. *«Что такое коммунизм?»* — спрашивает автор статьи.

«Коммунизм есть революционная, научная идеология передового класса современного общества — пролетариата. Творцами научного коммунизма являются величайшие гении человечества Маркс и Энгельс. Учение научного коммунизма развито Лениным и Сталиным и получило в нашей стране свое практическое осуществление».

«Научный коммунизм полностью противоположен и принципиально враждебен религии. Если религия есть фантастическое отражение в сознании человека окружающей действительности и поэтому она обрекает человека на бессилие, беспомощность, — то коммунизм дает человеку правильное представление о природе и этим вооружает его в борьбе за свое господство». «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно! (sic!) Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание»...

«Если религия... представляет собой, в сущности, дикарское наивное мировоззрение, то научный коммунизм является продуктом самой передовой современной научной мысли».

«Коммунизм призывает угнетенные массы добиваться счастливой жизни на земле, ибо никакой загробной жизни, никакого царства небесного не существует... вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир».

«Если религия призывает верующих возлагать все свои надежды на Бога, ждать избавления от небесного спасителя», то коммунизм учит трудящихся рассчитывать только на самих себя: «Никто не даст нам избав-

ленья, ни Бог, ни царь и не герой, добьемся мы освобождения своею собственной рукой». «В нашей стране идея коммунизма, овладев сознанием масс, стала могучей силой. Трудящиеся массы под руководством коммунистической партии свергли власть эксплуататоров, построили социализм и сейчас работают над осуществлением задачи постепенного перехода к коммунизму».

Таким образом, коммунизм и религия — непримиримо враждебны, противоположны друг другу. Коммунизм — идеология научная, религия — антинаучная. Коммунизм — идеология революционных элементов и классов общества, религия — идеология реакционных элементов и классов. Религия освящает эксплуататорский строй, поучая, что он вечен, справедлив и установлен Богом. Коммунизм зовет к ниспровержению этого строя, вскрывая его исторический, преходящий характер.

Но коммунизм и религия не просто противоположны друг другу... *«между коммунизмом и религией шла и идет постоянная и ожесточенная борьба».*

«Основоположники научного коммунизма соединили коммунистическую теорию с рабочим движением, с практикой классовой борьбы. Овладев массами рабочего класса, коммунистические идеи стали великой материальной силой».

«Что такое научный социализм без рабочего движения? — писал товарищ Сталин в брошюре «Вскользь о партийных разногласиях»: — Это компас, который, будучи оставлен без применения, заржавел и должен быть выброшен за борт. Что же такое рабочее движение без социализма? — Корабль без компаса, который и так пристанет в конце концов к берегу, но потребует для этого больше времени, встретит больше препятствий».

«Но соедините их, и это будет корабль, что по верному пути мчится к другому берегу и вопреки всем бурям достигнет пристани».

«Под влиянием религии и церкви в капиталистических странах находятся пока что еще огромные массы людей. Согласно статистическим данным, на земном

шаре насчитывается свыше 400 миллионов католиков, 215 миллионов протестантов, свыше 100 миллионов последователей других религий, 625 миллионов буддистов, 250 миллионов индуистов, 270 миллионов магометан, 15 миллионов иудеев и много представителей других религий.

Разлагающей религиозной проповедью церковь отвлекает значительные слои рабочих, крестьян и мелкой буржуазии от активной борьбы с эксплуататорским строем, с хищнической политикой империализма, с разгорающейся мировой войной. Религиозный дурман препятствует миллионам трудящихся осознать свои силы, он подрывает у них веру в возможность и неизбежность окончательной победы коммунизма и этим способствует продлению существования капитализма.

Передовым отрядом мировой поповщины в борьбе с коммунизмом явилась, в силу исторических условий, русская поповщина.

«Энгельс в своей работе «К истории раннего христианства» показывает, что *коммунизм и религия — это два мировоззрения, коренным образом противоположные друг другу*». «Как христианство, — писал Энгельс — так и рабочий социализм проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты...» Но, продолжает он далее: «...христианство ищет этого избавления в потусторонней жизни, после смерти, на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества».

По вопросу о равенстве Энгельс тоже недвусмысленно показывает, что *христианское понимание равенства ничего общего не имеет с марксистским пониманием*.

«Надо заметить, что попытки породнить религию с коммунизмом имеют длинную историю».

«На самом деле христианский социализм — это «поповский социализм» как писали Маркс и Энгельс. Сущность его — насквозь реакционная. Это была попытка подменить революционную пролетарскую борьбу за коммунизм мирной формой нравственного самосовершенствования человека».

«Но на самом деле ни одного грамма коммунизма в христианстве, как и во всякой другой религии, нет. Коммунизм никогда не звал трудящихся к страданию, нищенству, аскетизму, умерщвлению плоти, он никогда не обещал им блаженства после смерти. Коммунизм зовет трудящихся добиваться счастья на земле, добиваться того, чтобы жить радостной, полнокровной счастливой жизнью, удовлетворять все свои потребности. Вот почему «христианский социализм» — реакционное течение».

Что бы ни придумывали попы и сектанты, примирить религию с коммунизмом им не удастся. Религия и коммунизм несовместимы, враждебны друг другу.

«Коммунизм есть воинствующий атеизм». «Наша пропаганда, — писал Ленин, — необходимо включает и пропаганду атеизма...»

«В программе коммунистической партии задачи борьбы с религией заострены с достаточной силой».

«В программе Коммунистического Интернационала указывается, что «в числе задач культурной революции, охватывающей самые широкие массы, особое место занимает борьба с опиумом народа — религией, борьба, которая должна вестись *систематически и неуклонно*».

Научный коммунизм ведет борьбу против религии за позиции диалектического материализма.

Однако коммунизм не появляется сразу, в готовом виде из недр капитализма... первая ступень коммунизма — социализм, полон еще пережитков капитализма как в экономическом, так и в культурном и в нравственном отношениях. Одним из таких пережитков, или «родимых пятен коммунизма», как их называл Маркс, является религия.

«Нередко думают, что религиозные пережитки свойственны только людям пожилым, а молодежь, дескать, решительно чужда им... Но и среди молодежи, даже среди детей, сплошь и рядом приходится встречаться с религиозными предрассудками и суевериями. Не освободились полностью от религиозных

предрассудков и некоторые комсомольцы, а иногда даже члены партии.

Реакционная роль религиозных пережитков заключается в том, что они враждебны социализму, мешают построению коммунизма в нашей стране».

«Она поддерживает националистические пережитки, старую рабскую мораль. Она является питательной почвой для гнусной деятельности антисоветских элементов. Религия мешает поэтому нашему обществу быстрее двигаться к своей конечной цели — коммунизму».

«Каковы же причины живучести этих пережитков? Главная причина в том, что сознание людей отстает в своем развитии от их экономического положения. Сознание есть продукт образа жизни людей. Следовательно, сначала складываются условия жизни людей, а потом они отражаются в сознании людей».

«Сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения. Поэтому пережитки буржуазных взглядов в головах людей остаются и будут еще оставаться, хотя капитализм в экономике уже ликвидирован».

«Другая причина, поддерживающая существование религиозных пережитков в нашей стране, экономического порядка. Она заключается в наличии еще известного процента единоличных хозяйств, в наличии иных плохо работающих колхозов, в наличии фактов разрушительного влияния стихийных сил природы, вроде засухи, наводнения, влияния пожаров от молний и т. п.».

«В нашей стране нет бессилия человека перед природой. Однако люди социалистического общества не овладели еще полностью силами природы, не подчинили их себе».

«Нельзя забывать о роли антисоветских элементов, роли поповщины в деле сохранения религиозных пережитков».

«Наконец, капиталистическое окружение. Полное и окончательное преодоление религиозных пережитков будет достигнуто в коммунистическом обществе».

«В коммунистическом обществе будут отсутствовать условия, порождающие религию. Поэтому и в коммунистическом обществе религиозные пережитки исчезнут полностью, окончательно, навсегда».

Таковы основы мировоззрения советской власти, только что вновь сформулированные одним из наиболее авторитетных большевистских идеологов.

При чтении этих многочисленных цитат мы убеждаемся лишний раз, что дело отнюдь не идет о случайной и преходящей установке руководящих советских кругов, диктуемой, например, практическими требованиями внутренней или внешней политики. Нет, тут мы становимся лицом к лицу с *самой сущностью коммунистической философии*, не подлежащей никакому пересмотру. В нашу задачу не входит комментировать или опровергать ее различные тезисы. Это было сделано нами в выпущенном два года тому назад православном апологетическом сборнике «Свет истинный». К нему мы и отсылаем читателя. Ограничимся, в заключение, кратким напоминанием всего вышеизложенного.

Доктрина советского государства в области политической трактует Россию лишь как «базу мировой революции»; советский патриотизм не есть патриотизм национальный, а коммунистический. Внешняя политика советской власти определяется если не в деталях, то в целом и, главное, в своем конечном устремлении интересами Коммунистического Интернационала, а отнюдь не России и ее народа.

Советская доктрина, касающаяся *воспитания*, рассматривает последнее с узко утилитарной точки зрения, ограничивая и подчиняя принципы народного воспитания требованиям классовой борьбы советского государства, опять-таки в качестве «базы мировой революции». Его основная цель — сделать из советского гражданина возможно совершенное и послушное орудие производства.

Наконец, *в области чисто идеологической* советское государство, так же как и Коммунистический Интерна-

ционал, покоится исключительно на «философии» Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, грубо материалистической и находящейся, вопреки наивным или заведомо ложным утверждениям ее апологетов, в явном противоречии с требованием современной науки и тем более многовекового человеческого опыта.

Сострадая родному народу, стонущему под бездушным гнетом большевиков, мы в то же время, как сказано выше, должны черпать в явной ложности и абсурдности их доктрины твердую уверенность в органической нежизненности коммунистического строя в России. Будущее и, хочется думать, ближайшее будущее нашей Родины — не за коммунизмом!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЗЫВЫ НА КНИГУ «МИР ПЕРЕД ПРОПАСТЬЮ»

1

В рубрике «Воскресное зеркало»

<...> Тот, кто может выложить 20 марок, чтобы ознакомиться с одним из решающих вопросов нынешнего человечества, должен приобрести новую книгу профессора Ильина под названием «Мир перед пропастью». В этом труде мужи с именем и авторитетом описывают положение в нынешней России. Большинство из них — русские, также есть и прибалтийцы, они на собственной шкуре испытали большевизм. Их описания объективны и основываются на русской коммунистической литературе, дополненной собственными наблюдениями. Это как раз то, что нам нужно. Ведь вовсе не легко прийти к верной оценке русской действительности. Чужак, путешествующий по России, видит лишь открытые витрины. Русский эмигрант говорит о том, что произошло с его старым Отечеством и, конечно же, говорит с горечью и гневом. Коммунист знает лишь тенденцию. Тенденции должны быть послушны — факты так же, как и люди. Здесь же предпринята попытка взяться за коммунистическую литературу с той стороны, с которой она считает себя недоступной наблюдению. И далее объективно преподносится то, что Россия сама говорит о себе. Если все же порою возникает впечатление об односторонности представленной картины, следует каждый раз вспоминать о том, что коммунистическая литература, положенная в основу книги, совершенно точно ничего не окрашивает в неприглядные тона. Все на самом деле так, как есть в действительности, и итог десятиле-

тия большевистской культуры являет большое разочарование, кстати, самое ужасное из всего того, что в течение столетий происходило в истории человечества. Пока что все держится на беспощадной воле к власти. Еще не утратили своей силы надежды на будущее, которые всеми средствами внедрялись в сердца. Однако повсюду уже присутствуют следы усталости и распада. «Как живете?» — спрашивают знакомого. «Хорошо, лучше, чем завтра!» — гласит ответ. Это говорит обо всем.

Но этого недостаточно, надо основательно ознакомиться с русской действительностью. Надо продолжать духовно заниматься ею. Ибо с большевизмом происходит то же, что и с французской революцией. С этим движением не будет покончено, когда в один прекрасный день обрушится воздвигнутое им здание. Его влияние будет продолжаться многие десятилетия. Оно поставит мир перед вопросом, способен ли он собрать такие силы, которые будут сильнее радикализма по эту сторону. И книга Ильина послужит ценной и надежной основой для этой борьбы. <...>

фон Д. Др. Отто Дибелиус

2

Мир перед пропастью: новый сборник проф. Ильина о Советской России

Князь Потемкин, который в 1787 г. в завоеванном Крыму имитировал благополучие с помощью фасадов деревень для Екатерины II, был — хотя и вошел во всем мире в поговорку — в своих украшениях лишь начинающим. Мастером является сегодняшняя Советская Россия. Ее истинное положение могут описать только люди, которые знают новую Россию из собственных воззрений, а ее дальнейшее развитие могут изучать благодаря личным наблюдениям или имеющимся на руках объемным газетным материалам. Сборник под редакцией проф. Ильина, который описывает политику, хозяйство и культуру коммунистического русского государства по аутентичным источникам, собирается сказать нам о России правду; сборник создан лишь из высказываний властителей современной России и непосредственного опыта авторов. Ильин и его сотрудники поставили себе задачу не подвести читателя к определенным выводам, а будить его к собственным размышлениям, и это им вполне удалось.

Для «Рейхс-Ландбунда» целесообразней сначала коснуться аграрно-политических аспектов сборника; редакция благодарна издательству за его предупредительность, выразившуюся в возможности просмотреть сигнальный экземпляр. Лживые слова о *рабоче-крестьянском* правительстве в России должны как раз скрыть от зарубежья, что коммунистическая партия не представляет никого с русской равнины. Крестьяне — нежеланные гости среди коммунистов. И наоборот, и крестьянам, как правило, нечего сказать, когда государству приходится — с лучшими намерениями или вынужденно — иногда «закидывать к ним удочку». Когда, например, для третьего «займа индустриализации» в суммарном объеме 750 миллионов рублей предполагается получить на селе 200 миллионов, надо радоваться, если удастся собрать 30% от предусмотренной суммы. Огромные государственные предприятия уже не нуждаются в том, чтобы снова вступать в борьбу с кулаками с целью планомерного ослабления крестьянского сословия через коллективизацию. Данная работа подтверждает, что коллективные хозяйства плохо оснащены инвентарем и особенно сельскохозяйственной техникой. Однако поскольку в огосударствленном сельском хозяйстве все зависит от действий и воззрений бюрократии, то здесь она «наслаждается» своим авторитетом; все идет наперекосяк, о трудовой дисциплине нет и речи. И при этом к весне 1931 г. должно образоваться *8 миллионов новых коллективных хозяйств*. Так что передышка, во время которой в некоторых районах крестьянам был даже разрешен выход из колхозов, быстро подошла к концу. В остальном, подчеркивают проф. Ильин и его сотрудники, крестьяне остаются крестьянами и в колхозах, сохраняя свой прежний менталитет. Покупательная способность крестьян становится все ниже. На небольших крестьянских участках содержание лошади более не окупается; «лошадь поедает крестьянина». Также сельскохозяйственный единый налог, введение которого готовят и немецкому крестьянину, подрывает — главным образом, из-за сильной дифференциации — положение русского сельского хозяйства. Еще один налог, косвенный — это низкое качество русских промышленных товаров. Крестьяне говорят там: «Нас убивают не налоги и не цены на технику, а качество фабричных товаров». Техника, которая раньше служила по 15 лет, теперь выходит из строя через год. Раньше хватало одной косы на пять лет, а сейчас ежегодно требуется три, и все равно ими невозможно косить. «В этой куртке и не проголосуешь, рукав треснет», —

таков юмористический приговор качеству товаров из текстиля. В любом случае процесс двухгодичного земельного разрушения (1929 и 1930), когда были образованы многочисленные коллективные хозяйства, — оставляет далеко позади результаты русской аграрной революции 1917—1918 гг.; лучший слой русского крестьянства уничтожен, и как возмездие за это разразился беспрецедентный продовольственный кризис.

Из третьей основной части («Культура») внимание привлекает прежде всего раздел о большевизме и религии. Если вспомнить высказывание Ленина, «Бог является заклятым врагом коммунистического общества», то большевизм предстает перед нами как фундаментально антирелигиозное мировоззрение. Аресты и убийства священников, закрытие или разрушение храмов, ликвидация воскресных дней, создание сложностей и преследование религии даже в частной жизни и т. д. — все это признаки фанатизма, с которым большевики реализуют на практике свою ненависть к религии.

Следующие разделы о браке, молодежи, школе, судебной системе и литературе потрясают сведениями о снижающемся далее (и без того низком) уровне культурной жизни. В таких условиях удивляешься той вере, которую проф. д-р Ильин сохраняет в будущее русского народа. Он ссылается в послесловии на мысль Фридриха Великого, что «сила государства покоится на великих мужах, которые рождаются в нем в нужный момент», и надеется, что для России когда-нибудь пробьет этот час.

Борьба против коммунизма не может вестись более эффективно, чем путем постоянного освещения сложившегося по вине коммунистов реального положения дел в России. Поэтому мы настоятельно рекомендуем нашим друзьям ревностно помогать труду проф. Ильина в его просветительской работе.

3

В рубрике «Рецензии»

<...> В трех частях описываются основы, экономическая и культурная стороны эксперимента. Здесь предлагается невероятное изобилие ценнейших, еще не исследованных материалов; почти все без исключения данные точнейшим образом подтверждены русскими источниками. Вопреки большому числу сотрудников, это единый, заверченный труд. Повсюду — страстный душевный порыв русских людей, чьи глаза горят любовью

к своему Отечеству, но которые знают, что лишь полная объективная правда, особенно по отношению к такому предмету, приводит к цели. Ни один труд о современной России не освещает так полно и наглядно эксперимент коллективизма. Не все статьи равноценны, но все они достойны серьезного внимания и все вместе дают картину захватывающую и потрясающую — наглядную картину русского коммунизма.

4

Мир перед пропастью

Эта публикация представляет истинно культурное предприятие. Ее значение можно полностью оценить, лишь вспомнив о том, как настроена по отношению к большевизму большая часть общества в Германии и какие угрозы скрывает эта настроенность.

Эта книга кажется мне примечательной в двух отношениях.

Во-первых, из невероятного изобилия подлинных материалов видна несостоятельность утверждения, которое так часто приходится слышать: что в неудачных описаниях положения в России речь идет о преувеличениях и что это не просто ложь и клевета, а и выражение обиды эмигрантов. То же самое и с представлениями тех, кто готов принять факты такими, как они есть, однако считают, что нельзя не учитывать различий в характере народов: то, что возможно в России, невозможно у нас, большевизм у нас никогда не примет таких ужасающих форм, как в России, и т. д. Или же тех, кто, как Панаит Истрати, приписывает вину за все, что происходит в России, лицам, стоящим сегодня у власти (Сталин и др.), но по-прежнему верит в благую весть коммунизма, которая одна способна облагодетельствовать.

Я полагаю, что никто, прочитавший «Мир перед пропастью», не сможет более сомневаться в том, что все происходящее сегодня в России есть следствие коммунистической системы и коммунистического мировоззрения. *Нельзя создать лучший мир без Бога.* Это одна великая истина, которую проповедует нам книга Ильина и его сотоварищей.

А вот и вторая. Разумеется, Германия и Россия политически зависят друг от друга. Но та настроенность, которая существует сегодня у многих по отношению к России, может нам только повредить. Если Германия думает заключать с Россией сделки, пусть она делает это. Однако является роковой ошибкой — наряду с этим еще и непрестанно заверять

нынешних властителей России в наших искренних дружеских чувствах к ним. Ведь Россия Советов — не истинная Россия. Истинная Россия ведет ныне в эмиграции суровую борьбу за существование, или томится в тюрьмах, или вынуждена скрепя сердце отбывать барщину у красных рабовладельцев. То, что мы не понимаем этих страданий, что мы обходим их, с состраданием пожимая плечами, и даже пожимаем руки мучителям, — это то самое, что лучшие люди в России едва ли когда-нибудь смогут нам простить, когда и для их несчастной страны, страдающей теперь и *за нас* (если бы только мы захотели это понять!), наступят лучшие времена. Разъяснить это нам, открыть нам на это глаза — это также одна и, возможно, самая главная задача книги Ильина.

Одна эмигрантская газета когда-то давно напечатала письмо известного русского ученого, который после революции доверчиво пошел на службу большевизму и у которого лишь спустя некоторое время открылись глаза. Прочитирую самые примечательные места.

«Ненавижу эту дрянную европейскую цивилизацию так, как ее может ненавидеть лишь индеец, превращенный белыми колонистами в раба. Нет, теперь еще хуже: эти колонисты на самом деле превосходили индейцев образованием и цивилизованностью. А я сам — плоть от плоти этой цивилизации, и выдан и продан ею дикарям. Каннибалы пожирают европейцев, когда голодны, а *нашим* каннибалам всегда по вкусу наша плоть. И от них ничем не откупиться. Кажется, мы уже от всего отступились, забыли всякий стыд, оплевали могилы наших отцов, — но ничто не помогло, и всего этого слишком мало!

Мы ненавидим вас. Мы ненавидим вас, потому что вы живете как люди, потому что вам не надобно лгать, потому что подхалимаж у вас — не гражданская обязанность, потому что вы люди. Вы поняли? Но больше всего мы ненавидим «гостей», этих чистеньких, сытых, приятно улыбающихся иностранцев...»

Это не взрыв отчаяния одиночки, а признание, имеющее огромное симптоматическое значение. Так думают сегодня в России тысячи. Мы же, называя себя христианами и так гордясь нашей культурой, не обращаем внимания на эти голоса. Будем надеяться, что Ваша книга взбудоражит и предостережет достаточно многих людей, ради которых она и была написана.

Д-р А. Лютер,

библиотекарь Германской библиотеки, Лейпциг

В рубрике «Из теологии современности (Общее)»

<...> Это изданный университетским профессором *Иваном Ильиным* сборник, который экзаменует итоги тринадцатилетней коммунистической диктатуры и описывает действительное положение в важных областях русской жизни. Автор и его сподвижники — русские, которые почерпнули свои утверждения из подлинных высказываний властителей нынешней России и собственного опыта и описывают факты такими, как они есть, чтобы побудить читателя к собственным наблюдениям и оценкам. Эти факты говорят ужасным языком и разъясняют проблемы, которые имеют значение не для одной только Российской империи, они заслуживают внимания со стороны всемирной истории, и другие народы также должны серьезно заняться ими. В своей третьей части книга рассказывает о культуре большевизма, которая интересует нас особо. Большевизм — это мировоззрение, прямо враждебно настроенное по отношению к религии. Бог — заклятый враг коммунистического общества, поэтому борьба против Бога составляет его сущность. Эта борьба направлена на искоренение религии. Церковь, эту живую и влияющую на жизнь организацию, нужно подвергнуть преследованиям и ослабить. Поэтому отчуждают ее имущество, а культовые здания и предметы культа предоставляют ей лишь для использования вплоть до отмены. Планомерно подавляется религиозное обучение. Многие церкви закрывают или даже сносят. Отменено воскресенье, утнетена вся религиозная письменность. Советская школа — школа атеистического вероисповедания. Духовное сословие лишено прав, здесь не останавливает даже голодная смерть служителей культа, а также верующих. Вместо обручения в церкви введена регистрация в загсе. Брак — это институт для более удобного и менее опасного удовлетворения сексуальных потребностей. Незарегистрированный брак пользуется той же правовой защитой, что и зарегистрированный. Разрешено двоеженство, многоженство и многомужество. Для развода достаточно, чтобы об этом желании заявил один из супругов. Происходит множество изнасилований женщин, не редкость увольнение на почве отказа уступить сексуальным притязаниям начальника. В итоге дети становятся беспризорными, попадают в детские дома, масса детей умирает. Перед нами развертывается чудовищная картина. Нашей печати следовало

бы намного чаще указывать на это величайшее бедствие мировой истории. Надо было бы публикациями с просветительской целью открыть глаза нашему народу, часть которого заигрывает с этой системой.

Э. Шнейдер

6

О новой России

<...> Издатель этого сборника и 11 его соавторов — русские, их сущность, как говорится во вступлении, «определяет любовь к народу и Родине, проникнутая верой в великое будущее русского народа». Цель их трудов — «выверить результаты коммунистической диктатуры, достигнутые в СССР в течение тринадцатилетнего правления, и отобразить действительное сегодняшнее положение в важных областях русской жизни». Авторы черпают «из двух источников знаний — из подлинных высказываний создателей современной России и из непосредственного опыта». Указывая на оба источника, издатель хочет отметить особую объективность книги. Используются и приводятся почти без исключения подлинные русские источники. Чтобы не допустить ошибок в оценке положения в нынешней России, исследователь должен суметь «объективно и правильно» оценить положение до войны и перед революцией, ибо «каждое позднее произошедшее историческое событие может быть понято, истолковано и оценено лишь в связи с прежними событиями».

Вправду ли мы получаем с этой публикацией труд о новой России, на который можно положиться? Или это опять-таки тенденциозная книга, во-первых, потому, что авторы — эмигранты и по этой причине их отношение (даже если и подсознательно) является предвзятым, и, во-вторых, не тенденциозен ли подбор в остальном тщательно подтвержденных цитат из подлинных источников? Разумеется, очень трудно доказать тенденцию еще при выборе цитат и поэтому следует предположить, что авторы, черпая из своих источников, позаботились об отсутствии тенденциозности. Тем не менее у критического читателя неоднократно возникает ощущение, что цитата могла быть подправлена. Речь идет, как говорится, об ощущении, и это указание ни в коей мере нельзя обобщать. Но и сами «подлинные источники» должны быть взвешены и оценены. Авторы, без всякого сомнения, имеют определенное право на то, чтобы брать эти источники такими, какими они им попа-

дают. Но можно ли понимать чересчур буквально каждое «подлинное» высказывание так, как оно изложено в решениях съездов Советов, в речах и сочинениях вождей или в правительственных указах? Не представляют ли собой эти высказывания лозунги и «идеалы», о которых эти учреждения сами знают, что они недостижимы? И не завышены ли сознательно цели с учетом психики масс, чтобы предельно повысить усилия и тем уверенней достичь хотя бы нижнего предела и пробудить воодушевление, эту движущую силу каждого большого предприятия? Надо сказать, что вовсе не обязательно «объективно» измерять достигнутое нынешнее состояние по меркам назначенного идеала, причем, естественно, регулярно появляется невыполнение, отставание от идеала. Итак, чтобы достичь высшей меры справедливости и объективности, следует прежде учесть бахвальство и психологическую тактику советских вождей, которые требуют от масс 100%, чтобы добиться 50. По-настоящему объективной основой для оценки того, успехи или спады отмечают в Советском Союзе, был бы подход, базирующийся на историческом опыте экономических преобразований; подход, учитывающий действительные экономические возможности, а не просто принимающий вымысел за возможность, которую можно реализовать. Другим «подлинным» источником для соавторов является «самокритика», которой занимаются в Советском Союзе и которая находит свое выражение в газетах и на съездах. Заслуживают критики и эти источники, ведь мы по опыту знаем, что критик нередко сознательно стреляет выше цели. Всегда ли учитывались авторами ответы на критику, в которых, возможно, жалобы сводились к правильному масштабу? Ведь и мы, немцы, не хотели бы, чтобы заграница оценивала происходящее в империи лишь по речам и писанине крайних радикалов, в большинстве случаев полным преувеличений. Итак, и эти голоса самокритики — едва ли непременно надежная основа для описания фактических событий. Чтобы окончательно оценить способность авторов к объективной и справедливой критике, необходимо точное знание их политических убеждений и их судеб до и после переворота в России.

Если изучать книгу, даже руководствуясь этими предубеждениями, она все равно в изобилии несет читателю новые знания. Понятно, что при всем стремлении к объективности почти у каждого из соавторов порою прорывается антипатия к новой системе. Прежде всего, это присутствует в статьях по

вопросам культуры. В целом остается впечатление, что авторы, с которыми западный европеец вполне единодушен в отрицании большевистской системы, не смогли подняться до необходимых высот в наблюдении происходящего в Советском Союзе с всемирно исторической точки зрения. А нам нужна именно такая перспектива.

Боровский

7

Лик большевизма II

Недавно в Берлине профессором Иваном Ильиным выпущен сборник «Мир перед пропастью (политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве)». По подлинным источникам — изд-во «Эккарт», Берлин—Стеглиц, 1931 г. Кто авторы этой книги? Русские эмигранты, профессора, ученые, бывшие чиновники юстиции, офицеры и т. д. Нетрудно распознать исходную точку их критики советской системы: это все тот же идеал свободы, который наполнял эмигрантку из другой страны, мадам де Сталь, ненавистью к Наполеону, и это национальная мысль, которая вынудила благородного барона фон Штайна покинуть Германию и привела в полевой лагерь русской армии. И еще одно, что можно объяснить своеобразием русской революции: она по своей природе не национальна; большевики не собираются реформировать Россию, они хотят зажечь огонь мировой революции: поэтому наши авторы проникнуты чувством ответственности по отношению к человечеству и культуре, которые она угрожает ниспровергнуть.

Солидная книга поделена на три части: в первой подробно обсуждаются основы власти большевиков, во второй — хозяйство и в третьей — культура и результаты большевистского воспитания русского народа. В целом это 30 статей, шесть из которых написаны профессором Иваном Ильиным. Эти шесть статей также наиболее значительны. Автор убедительно описывает непрерывное уничтожающее наступление коммунизма и беспощадный террор как последовательное воплощение большевистского мировоззрения, как начало программ и проектов, ведущих к жестокой эксплуатации природных богатств и рабочей силы населения.

Ознакомимся ближе с содержанием отдельных статей Ильина. Книга начинается статьей «Цели и надежды». Захват

мира и мировая революция как истинная цель большевиков иллюстрированы подлинными словами ведущих большевиков. Для осуществления этой цели большевики воспитывают «новых людей»; лишенных религии и родины пролетариев — послушный инструмент для реализации задач мировой революции.

Вторая статья Ильина показывает «методы работы» большевиков. Автор цитирует высказывания партийных вождей, которые утверждают, что для достижения раскола буржуазного мира позволено все, что категоричные утверждения «хорошо» и «плохо» (в религиозном, социальном или политическом отношении) больше не имеют места. Решает все лишь польза для конечной цели. Все силы прежнего русского государства, по мнению коммунистов, должны служить мировой революции: «Каждый новый успех СССР — это удар по международной буржуазии», таков девиз большевиков в их работе в России. За границей — и это мастерски показывает Ильин — большевики стремятся восстановить государства друг против друга, обострить социальные противоречия, увеличить хозяйственную нужду — одним словом, столкнуть буржуазный мир в пропасть. Эта наступательная тактика возможна лишь как осуществление диктатуры пролетариата внутри России; в отдельной главе Ильин подробно освещает «систему террора» как важнейшую опору большевистского правительства.

Как живут рабочие и крестьяне при «диктатуре пролетариата»? Ильин показывает это в двух главах. Одна называется «Судьба русского крестьянина». Вершиной политики большевиков по отношению к крестьянам является коллективизация сельского хозяйства, которая началась в 1929 году и стала для миллионов крестьян полным уничтожением условий их существования. Другая статья Ильина называется «Положение рабочих». Все рабочие массы должны тяжело трудиться, получают за этот труд низкую реальную заработную плату и живут в жалких условиях. Иная жизнь лишь у тех рабочих, которые перешли из рядов рабочего класса в привилегированное большевистское чиновничество. В статье «Коммунизм как господство чиновников» Ильин пишет о том, как живет этому привилегированному классу населения, в заключение он приводит слова бывшего большевика Губельмана (партийная кличка — Ярославский): «Посмотрите, что представляют из себя коммунистическая партия и ее члены: пьяницы, распутники, укрыватели краденого, воры; люди, утратившие всякую связь с массами и чувство солидарности с рабочим классом». Эта

уничтожающая критика большевизма никоим образом не преувеличение: профессор Ильин чаще всего говорит словами самих большевиков, его заключения подтверждены неопровержимыми доказательствами. То же характерно и для методов работы его соавторов. Особенно метки статьи господ фон Бунге, Гефдингга и Мелких.

Менее удачна третья часть, под названием «Культура». В ней ничего не говорится о музеях, архивных управлениях и театрах. Уже одно это указывает на недостатки третьей части книги. Среди других в третьей части есть и статья проф. Арсеньева под названием «Большевизм и религия». Странно, что автор нашел одно-единственное слово, чтобы рассказать о *преследованиях католиков* большевиками. Ведь — и это следует знать Н. Арсеньеву — большевистский атеизм самым беспощадным образом лютует как раз против российских католиков, в убеждениях которых большевики видят самую резкую противоположность собственным убеждениям. Если отвлечься от этих критических замечаний, то надо признать сборник ценной Оружейной палатой в духовной борьбе с мировой угрозой большевизма.

Книга как критика большевизма, во-первых, беспощадна, во-вторых, достоверна: в ней нет ни одного слова, которое не было бы подтверждено высказываниями большевиков. И вот я спрашиваю себя: подлинное ли лицо нынешней России показывают авторы? И должен ответить решительным «нет». Ведь если бы все было только так, как изображают авторы, то эксперименту большевиков давно бы пришел конец. Но мы знаем, что это не так, далее мы знаем, что русский народ живет, работает и *прирастает* (надо заметить, что прирост населения в России за последние годы выше, чем во всех остальных странах Европы). Это доказывает, что авторы проглядели что-то важное и что их изображение хотя и верно, но не полно. Как фон Эккарт (Россия, 1930 г.), Файлер («Эксперимент большевизма», 1929 г.) и др. стараются показывать все в розовом цвете, так Ильин и его сотрудники рисуют всё только в черном. И в этом случае напрасно спрашивать о синтезе. Странно, что подобное заключение делаешь и при чтении советской прессы. Первая страница большинства советских газет содержит исключительно восхваления личности Сталина, генеральной линии и пятилетнего плана. Ну, а третья страница открывает читателю, что на всех фронтах большевистской деятельности отмечаются тяжелейшие неудачи. И снова оказываешься перед явным противоречием, которое встречаешь и у несоветских авторов.

Отметим это и поищем объяснения этому чрезвычайно важному утверждению, в этом случае лишь один-единственный ответ кажется мне правильным. Почти все авторы хотят видеть лишь *«большевистский эксперимент»*, а не собственно нынешнюю Россию. Кое-кто из указанных авторов восторгается целями большевистского эксперимента, когда он видит лишь ослепительные обещания («программы») большевиков. Противники же большевизма, напротив, наблюдают результаты эксперимента и констатируют результаты, уничтожительные для социальной жизни в России. Ну, между этими двумя полюсами (большевистской программой и ее осуществлением) находится мощный организм прежнего русского государства. Большевистская смирительная рубашка на России это не вся Россия. В этом — ошибка всех вышеупомянутых авторов. Здесь — объяснение дальнейшего существования русского государства.

Мне хотелось бы пояснить мою мысль на нескольких примерах. Создавая Красную Армию, построенную на классовом принципе, большевики стремятся к мировой революции. Результатом является создание сильных вооруженных сил, оснащенных новейшими достижениями техники. Так, например, в Красной Армии с величайшим интересом и немалыми успехами исследуют применение отравляющих газов. Если сегодня Советский Союз не распался на небольшие, независимые части, то этим он обязан своей мощной армии. Совершенно ясно, что тем самым в конечном итоге соблюдаются интересы России. Аналогичное можно наблюдать и в области экономической политики: интересы партии большевиков и интересы России как единого патриотического государства пересекаются. Правление большевиков как правительства России порою указывает в экономической политике на такие пути, которыми также шло бы каждое национальное русское правительство.

<Иван> П <усино>

8

Справочник и азбука большевизма

<...> Философ Иван Ильин — ранее профессор Московского университета, ныне эмигрант в Берлине, не путать с богословом *В. Н. Ильиным*, ныне доцентом русского теологического института в Париже.

Из тех двух работ, которые И. Ильин за короткое время последовательно представляет нам под своим именем, одна по

своему объему и качеству является собственно справочником, другая же изложением трех произнесенных по случаю речей, но в такой сжатой форме, что спокойно может быть названа «азбукой» русского большевизма.

I

Для справочника И. Ильин дал лишь несколько собственных статей, остальные написаны другими экспертами-эмигрантами, среди них Н. Кульман, Н. Тимашев и С. фон Ольденбург. Сборник при, по-видимому, строгой редактуре лишь от случая к случаю носит неизбежный для таких трудов характер повторов или дублирования, однако ведь и сами большевистские источники, — а все изложение опирается именно на них, — не всегда отличаются безупречной целостностью.

Весь труд состоит из трех частей: «Основы», «Народное хозяйство», «Культура».

Первая часть охватывает следующие статьи: «Цели и надежды большевизма», «Методы работы», «Коммунистическая партия», «Организация диктатуры», «III Интернационал», «Система террора», «Коммунизм как господство чиновников», «Национальная политика», «Военное дело».

Вторая: «Судьба русского крестьянства», «Экономическая дифференциация класса крестьян», «Немецкие колонисты в России», «Финансы государства, валюта и кредит», «Промышленность», «Подъем и падение частной торговли», «Монополия внешней торговли и внешняя торговля», «Пятилетний план и условия его выполнения», «Положение рабочих», «Жилищный вопрос», «Иностранные концессии».

Третья: «Большевизм и религия», «Брак и положение женщин», «Беспризорные дети», «Молодежь», «Школа», «Высшие учебные заведения», «Судопроизводство», «Литература».

В заключение: Послесловие.

Передавать здесь хотя бы намеками содержание книги означало бы сильно напакостить издательству «Эккарт», но есть вещи, которые я не могу обойти вниманием.

В статье о *коммунистической партии* нас прежде всего интересует та противоречивость, когда, с одной стороны делается попытка законсервировать для государства старую ленинскую гвардию, а с другой, позже, ее просто приносят в жертву партии. С одной стороны, разрабатывают бесчисленные предписания, до минуты регламентирующие жизнь «подпольщиков» и «каторжан», с тем чтобы как можно долее сохранить их у «тисков революции», — с другой, так разделяются с левой и

правой оппозицией, что это или беспредельная жестокость, или слепота. Так, из старой ленинской гвардии изгоняется близкий соратник Ленина и создатель Красной Армии Троцкий; за ним следует народный комиссар просвещения Луначарский; затем министр иностранных дел Чичерин; далее — Бухарин, Томский, недавно даже председатель Совета народных комиссаров Рыков, председатель Госплана Кржижановский, а во время написания этой статьи наконец-то и Розанов, вообще крупнейший большевистский ученый-марксист. Становится пусто вокруг единственного оставшегося — грузина Сталина, так как та смена, которую он привлекает, это молодые силы, занимавшие во времена великого Ленина примечательно низкие посты: и всего 13 лет как...

Прогноз? Никакого прогноза. О прогнозе можно думать лишь тогда, когда новые люди проявят — или не проявят — себя на новых постах.

Два чрезвычайно поучительных рельефных изображения относятся непосредственно к системообразующим объектам: Коммунистической партии Союза Советов, сплетенной с диктаторски управляемым государственным аппаратом, и ее персональному составу, а также всемирной организации III Интернационала с его официальными и неофициальными секциями в каждой отдельной стране.

Система большевистского *террора* достаточно часто подвергалась изменениям; если же мы здесь избегаем привести даже одну цитату из 20 печатных страниц на эту тему, то на это есть свои причины: читатель, обладающий крепкими нервами, может сам проверить их на месте, вкупе с необходимыми доказательствами.

Раздел о *национальной политике* в Советском Союзе не совсем удовлетворит немецкого читателя. Главное, возможно, придется ему по вкусу («Большевики стремятся пропитать мнимый федерализм замаскированным централизмом и развязывают центробежные силы страны лишь для того, чтобы поновому затянуть центростремительный узел»), но во всем материале слишком много говорится о республиках Кавказа и слишком мало, например, о немцах. Тем не менее для Советского Союза и для авторов и то другое само собой разумеется: кавказские республики для Москвы ее — «зенница ока», а автор — исследователь Кавказа, он много лет жил там и в Средней Азии. Можно было бы спокойно примириться с этим фактом, если бы специальная статья, посвященная русскому германизму, по крайней мере давала для этого достаточное

основание. К сожалению, это не так. В ней слишком много общих мест, почти ничего нового и, кстати, делается попытка изобразить отношение русского правительства к своему немецкому меньшинству во время мировой войны как «болезненное настроение», т. е. осторожно его извинить. Читателю, который хотел бы больше об этом знать, можно порекомендовать, обратиться к прекрасной работе Х. Нейзаца и В. Эрка «Смертный путь немцев» (Берлин, изд-во «Эккарт»: «Книга бедствий», выпуск 1 и 2, 112 с., 3 марки).

Тем более подкупает статья о *военном деле* в стране Советов; автор неизвестен, скорее всего, это бывший сотрудник Генерального штаба, и он дает свои скупые формулировки с обычной точностью: политическая основа Красной Армии, ее переход от добровольной военной службы к обязательной воинской повинности и окончательно с 1923 года — к территориальной системе милиции; ее единое подчинение народному военному комиссариату, в котором армией, военно-морским и воздушным флотом командует в едином лице (Климент Ворошилов)... Наконец, краткая характеристика выдающихся вождей («у них за плечами суровая школа гражданской войны, и это преимущественно люди сильной воли»), а также еще кое-что, например, об организации командования и о классовом составе армии, — но об этом я умолчу, чтобы старые воины, которых это интересует, купили в изд-ве «Эккарт» всю книгу целиком.

В одном отношении я нахожу неизвестного военного слишком большим оптимистом: приведенные им случаи недовольства политикой правительства — все же единичны и в большинстве случаев ограничиваются одной лишь крестьянской и всегда враждебно настроенной Украиной и вряд ли допускают дерзкое заключение о том, что «рабоче-крестьянская армия едва ли еще существует как единое целое». Стоит появиться необходимости, и эта армия выступит снова, как это было в несравненно более тяжелых условиях в борьбе с Польшей в 1919—1920 гг., — уже по одной лишь той причине, что снова взять в руки оружие призвут не класс, а весь народ. В гражданской войне, конечно же, все будет зависеть от «Наполеона».

Но лучше я перейду ко второй части.

Большевики часто заявляют, что их система прежде всего экономическая и с ней они или удержатся, или падут.

Данный сборник, по-видимому, учитывает эту основную установку, ибо 252, почти половина из 566 его страниц, посвя-

щается народному хозяйству. Вот несколько образцов из огромного количества тщательного отобранного материала:

Согласно контрольным цифрам государственного бюджета на 1927—1928 гг., существует пять социальных слоев крестьян: пролетарский (с/х рабочие), полупролетарский (деревенская беднота), середняки, деревенские предприниматели и мелкие капиталисты.

Больше всего представлен середняк, он насчитывает 68,6% всего крестьянского населения и на целый 1 рубль 16 копеек в месяц богаче бедняка, так как его общий годовой доход равняется 92 руб. по сравнению с 78 руб. бедняка и 81 руб. сельскохозяйственного рабочего (стр. 237).

Такая же уравниловка существует и сверху: «Стало совершенно невозможно провести границу между середняком и кулаком (крупным крестьянином). Ибо остатки прежних кулаков стали теперь середняками, а каждого середняка по желанию можно заклеить как кулака» (с. 255).

Хотя по теории марксизма социалистическое общество и не может иметь *финансов* и, например, народный комиссар финансов (1918 г.) в начале революции настоятельно извинялся «за существование финансов, а также за собственное выступление», — в этом жизненно важном вопросе и поныне ничего не изменилось. Иным стало лишь его положение по отношению к государственному бюджету. Ибо отдельные позиции национализированного народного хозяйства появляются в нем не сами по себе, т. е. с собственными доходами брутто, а лишь с учетом того, должны ли они отдать в центральную кассу свои излишки или получить из нее дотацию. У советского бюджета, таким образом, лишь одна двоякая задача: с одной стороны, получение средств от налогообложения частного хозяйства (еще не охваченных коллективизацией крестьян и не прямых налогов на рабочих и служащих), с другой — концентрация и распределение всех очередных излишков. С 1923 г. для госбюджета вошло в привычку рассчитывать на особые доходы от «добровольных» внутренних займов.

В главе о советской промышленности обращает на себя внимание высокая себестоимость производства готовых товаров, официально признаваемое «неправильное», т. е. недостаточное использование рабочей силы и практически введенное монополизацией всех заводов и фабрик исключение соревнования собственной соглашательской промышленности с иностранной. (См. сравнительную таблицу цен немецких и русских изделий на с. 316.)

В разделе «Демпинг»: экспортируются товары, на которые существует большая нужда в собственной стране. Потери отдельных товаров или групп товаров не играют никакой роли; важна лишь замена потерь в другом месте советского народного хозяйства. Первичная причина демпинга — необходимость любой ценой получить иностранную валюту для оплаты ввоза. Вызываемая демпингом дезорганизация капиталистической экономики стоит в политике Советов лишь на втором месте, однако сердечно приветствуется.

Пятилетний план ставил своей задачей в ближайшие годы достичь и превзойти уровень прогрессивных капиталистических стран. Он начинается 1 октября 1928 г. и заканчивается 30 сентября 1933 г. В 1930 г. он был изменен, с тем чтобы полностью достичь своих целей уже за четыре года. В конце второго года, т. е. в его второй половине, можно подвести следующий итог: количественное увеличение промышленной продукции, но снижение качества товаров. Снижение себестоимости продукции вполнину — прежней цены? Нет, — изначально предписанной величины. Покрытие разницы за счет инфляции. Коллективизация и продовольственный кризис.

В центре главы о большевистской *культуре* подразделы, посвященные молодежи.

Так как, по мнению большевиков, поколение, выросшее при капитализме, годится разве что на то, чтобы снести старое здание, а строительство нового, т. е. мировая революция, находится в руках пришедших ему на смену поколений, то советское правительство делает все, чтобы превратить этих строителей будущего в резервуар новых сил.

Отсюда большевистское «молодежное движение». Его официальная организация — Коммунистический союз молодежи («комсомол») — «легкая кавалерия» рабочих масс. На 1 июня 1929 г. было 2 250 000 таких молодых людей, т. е. 7% всего Советского Союза, однако лишь 4% из них составляла крестьянская молодежь, все остальные — городской пролетариат. Из вышеназванных 2 250 000 комсомольцев лишь 100 000 входили в 1929 г. в Союз безбожников.

Но где же оставшиеся 93% русской молодежи? Ответить на этот вопрос автор не может. Ведь не существует такого органа, в который могли бы обратиться молодые люди для того, чтобы получить слово, тем не менее характерно, что советская печать очень часто строчит доносы на «беспартийную» молодежь, поскольку та читает слишком много старых писателей, уча-

ствуется в движениях трезвенников или антиалкоголиков или даже в религиозных течениях.

При всем уважении к этим симптомам я считаю все же слишком рискованным возлагать на них всеобщие надежды. Большая часть русской молодежи — крестьянские дети, не получавшие слова и в царской России; а те группы русских «идеалистов», которых обличает печать, так же мало характерны для всей молодежи, как молодые самоубийцы в прежней России. Но в одном пункте мы признаем правоту вывода автора: беспартийная молодежь в Стране Советов «бесконечно проще и бесконечно трезвей прежней российской молодежи, зато, пожалуй, деловитей ее».

Но может ли быть одна деловитость поручительством за будущее? Разве не требуются еще и воля, а также знания?

Советское правительство старается дать ответ и на этот вопрос, расширяя *школьное обучение*. Оно, однако, — мера для будущего коммунизма, а не для будущего России: «нам нужны не просто школы, а школы коммунизма!» О том, как выглядели эти образовательные учреждения, «Рабочая газета» 29 марта 1929 года писала: «каждый год в наши школы первой ступени поступают 3,5 млн. детей в возрасте 7—8 лет. Высшей школы не достигают даже десяти тысяч из них. Примерно полмиллиона заканчивает низшую ступень, так называемую начальную школу. Менее 100 000 детей ежегодно кончает школу второй ступени».

Отбор в среднюю и высшую школы никогда не осуществляется по способностям, а производится по пролетарскому происхождению. Учебный метод в народной и средней школе — это так называемый комплексный метод, причем применяются лишь три комплекса — природа, труд и общество; остальное — во зло.

Коснемся в этом контексте и некоторых сведений о зарплате учителей. Цифры, приведенные в рублях, едва ли скажут что-то немецкому читателю, поэтому приводятся сравнительные данные. По словам народного комиссара Луначарского (т. е. прежнего советского министра просвещения), школьный учитель в средней России получал «лишь $\frac{2}{3}$ среднего заработка рабочего и половину своего, довольно жалкого, заработка царского времени» («Известия», № 224, 1926 г.). Газета коммунистических профсоюзов «Вопросы труда» (№ 5, 1930 г.) пишет, что «простой продавец галантерейного магазина зарабатывает больше учителя городской начальной школы». Как обстоят здесь дела, доказывает еще одно. Советский Союз

нуждается в 50 000 учителях; об обучении молодежи заботятся многочисленные курсы, непрерывно выбрасывающие на рынок новые силы. Но потребность удовлетворяется лишь на одну треть. Почему? Потому что те, кто успешно оканчивает курсы, те, кого не подвергли «чистке» за политическую неблагонадежность или не отбраковали по причине духовной незрелости, бегут из учительского сословия, чтобы найти себе лучше оплачиваемую работу.

Нельзя не остановиться также на положении *красных высших учебных заведений*. Ибо таковые есть. «Не существует более факультетов как научных объединений», всеми высшими школами руководят назначенные дирекции. Это означает, что нет и «высших учебных заведений» в нашем понимании; ибо научный уровень, привносимый студентами, в лучшем случае таков, что по западному пониманию он делает высшую школу средним учебным заведением. Треть русских студентов — абитуриенты так называемых «рабочих факультетов», остальные с самого начала по соответствующим признакам сгруппированы согласно их классовой принадлежности и распределены по коммунистическим организациям, ибо и высшее образование в Советском Союзе — привилегия класса пролетариев, а практически — большевистской партии: «24,8% принятых осенью 1928 года в вузы студентов — члены партии, 37,8% — коммунистического молодежного движения, 43,3% — беспартийные», но и среди них лишь 10% принято на основе свободного соревнования, остальные — «командированы» профсоюзными и партийными организациями. От любого приема в высшую школу отстранены дети служителей культа любого уровня и всех конфессий, за исключением тех, кто «отказался» от своих родителей.

Детей служителей культа нередко находят затем среди так называемых *«беспризорных»*. Для членов этого слоя народа на сленге большевиков существует специальное слово («беспризорные»), которое, кстати, благодаря официальному языку, давно уже стало литературным — лучший признак для размаха и остроты проблемы. Это подтверждает даже один язык цифр. В 1922 г. тогдашний народный комиссар просвещения Луначарский оценивал число беспризорных в 9 млн.; год спустя жена Ленина Крупская сказала, что их всего 7 млн.; официальная же советская энциклопедия (вышла в 1927 г.) говорит лишь о 334 000. Между тем советское правительство предоставило для борьбы с беспризорностью на 1928 год сумму в 60 млн. рублей, что, исходя из его расчетов по 140 руб. на одного беспри-

зорника, должно соответствовать общему числу в 400 000 беспризорных детей. Если же присовокупить, что ведомства единоголосно признают эту сумму сильно заниженной, то следует присоединиться к оценке автора в самое меньшее 2—2,5 млн. беспризорных, причем здесь не учитывается число детей, которые останутся без родителей после коллективизации примерно 600 000 кулацких хозяйств. При этом верно, что после введения пятилетнего плана число беспризорных стало уменьшаться: ведь ежегодно умирало от 200 000 до 300 000, большая часть от недоедания, многие от отравления никотином, алкоголем и морфием и еще больше от печальных последствий наследственных или приобретенных венерических болезней.

Литература революции также шла по трупам; большинство «стариков», например, Бунин, Бальмонт, Мережковский, Арцыбашев, Зинаида Гиппиус, покинули страну или их заставили ее покинуть. Другие умерли в России своей смертью: Розанов и Александр Блок от голода, Соболев и Есенин покончили самоубийством, Гумилев убит ЧК.

Те, что остались или появились вновь, теперь создают «классовую литературу», ведь другая под запретом. По этой причине существуют две группы классовой литературы: радикальные, стоящие на своем посту цензоры коммунистической партии (отсюда и их название — «напостовцы»), и умеренные, не коммунисты, а лишь сопутствующие, поэтому их так и называют — «попутчики».

Все они варьируют, должны варьировать, собственно, лишь две темы — революцию и сексуальность. От продолжительной деятельности обоих этих направлений мысли стало скучно и рабочим, и все чаще раздаются голоса, которые требуют отмены этой «агитации».

2

Внимательный читатель, возможно, обратит внимание на то, что мы обошли своим вниманием самую первую статью «Большевизм и религия» из раздела «Культура» (с. 437—458). Она написана профессором *Николаем фон Арсеньевым* (Кенигсберг—Варшава), и ее стоит здесь наскоро упомянуть в связи с разделом *И. Ильина* на ту же тему. Это удвоение не без намерения, ибо оба раздела на самом деле в некотором отношении одно и то же, но можно ли серьезно сказать здесь что-то иное? Когда Арсеньев цитирует: «В Рыбинске была уволена врач Марицкая, так как она оказывала монахиням местного,

теперь закрытого, монастыря бесплатную медицинскую помощь» («Безбожник», № 394), то еще понятнее это становится из другой цитаты, которую Ильин нашел у вождя Союза безбожников Ярославского («На антирелигиозном фронте», на русском языке, с. 132): «Если для победы определенного класса потребуется уничтожить 10 млн. человек, как это сделала прошедшая война, то это необходимо сделать, и это будет сделано».

Хорошо, что Ильин в своем собственном разделе (с. 20) дает ответ на вопрос, который мне так часто задают на массовых собраниях: «Как все это опровергнуть?»

А вот и ответ, которым мы окончательно отсылаем читателя к прочтению самого оригинала: «(Большевистские) опровержения по существу утверждают, что в Советском Союзе не преследуют за религиозные убеждения; примерно так, как однажды высказался один из коммунистических руководителей (Томский): «Если бы ваши убеждения были убеждениями и только убеждениями и вы бы их не высказывали, не пропагандировали и не агитировали за них, то мы бы не говорили о борьбе с ними. С мечтами и невысказанными убеждениями мы борьбы не ведем». Итак, не преследуется вера, о которой молчат и потому не высказываются о ней вслух, которую просто изменяют во внешней жизни». Таков глубокий смысл большевистских, а нередко и христианских опровержений.

Кстати, свой *пятилетний план* есть и у Союза безбожников. На 1 октября 1933 года он должен добиться следующих достижений: увеличить свой состав до 17 млн. зрелых членов и 18 млн. молодых людей. Окончательного уничтожения религиозного влияния на семью и введения антирелигиозного обучения в высшей школе. Увеличение тиража журнала «Безбожник» до 1,5 млн. экземпляров.

Что декламировало однажды *немецкое* большевистское дитя?

Vater unser, der Du bist,
Der liebe Gott gehört zum Mist
Der gute Jesus auch dazu
Dann bleibt die ganze Welt in Ruh¹.

Ганс Кох
Вена; сейчас Рим.

¹ Отче наш, иже еси,
Бога на помойку снеси,
Исуса доброго туда же,
Во всем мире будет краше.

В рубрике «Книжные рецензии»

<...> Этот сборник показывает, что *объективность* в противоборстве с большевизмом является необходимой и достижимой целью. В своих трех разделах («Основы», «Хозяйство» и «Культура») книга доходит до основ и подпочвы, прорывается сквозь подоплеку большевистско-коммунистических феноменов на русской сцене, чьи «подмостки означают весь мир» — ведь Советский Союз хочет быть авангардом мировой революции, — она описывает однозначно определенные в своих мотивах и целях советские будни в области хозяйства, а также культурно-политические последствия господствующей системы. И все это достаточно реально научно, чтобы привести к реальному политическому мышлению и устремлениям. Здесь ведущим является известный научный реализм Ильина. Здесь не фантазируют, не предлагают мнений, не вздыхают и не хулят. Точно так подкреплены и оценки, которые здесь даются. Последовательно развивая этот, в лучшем смысле слова, позитивистский метод, обильно используется *цитата*, цитата в своей характерной заостренной форме в качестве пароля борьбы; в большевизме и коммунизме как в идеократической системе *одно* принципиальное предложение господствует во всей конструкции мысли, так что все вещи в жизни и вообще на свете кажутся понятными и трактуются под *одним*-единственным углом зрения, но все ориентируется динамично и целеустремленно, поэтому Ильин и может очень метко говорить о «фанатичной одержимости». Тот, кто способен видеть, слышать и решать, имеет здесь возможность это делать. Эта книга не просто доклад. Она прекрасно ориентирует в так называемых областях хозяйства в Советском Союзе; она представляет собой богатейшее и самое надежное краткое руководство по всей действительности. Но это больше, чем справочник, больше, чем пропагандистский труд. Это — *свидетельство*. Смирненное свидетельство: *на том* стою, и не могу иначе! Горячий призыв к готовности. Но и то и другое, скорее, опосредованны и, возможно, вследствие этого так действенны. Тут после развития большевизма политические вопросы теряют свой невинный, ничего не говорящий, формальный характер. Они становятся вопросами дела и признания. Здесь ничего не изменишь, здесь нечего мудрствовать. Кризис культуры, в котором

находимся сегодня мы на Западе и который достигает своего наибольшего пароксизма в большевизме, весь фатален, не в том смысле, что здесь должны торжествовать квиетизм и фатализм, а как раз наоборот, провидчески, чтобы мы постигли, как нужно жертвовать жизнью за святые ценности человечества.

10

Правда о России

Обе книги совершенно независимо друг от друга и с совершенно различных позиций разворачивают во всей широте проблематику советского государства. Сборник статей «Мир перед пропастью», изданный бывшим московским профессором университета Ильиным совместно с учеными из берлинского круга эмигрантов, несмотря на все старания к совершенной объективности, не свободен от некоторой односторонности; такие высказывания появляются особенно там, где для сравнения берется прежняя Россия, а коммунистическая система соотносится с русским своеобразием, что для иностранного знатока России вовсе не верно, и описание большевистской политики гораздо больше опирается на написанные и сказанные слова, чем на факты собственных выводов и суждения на основе собственных переживаний. Однако цели коммунистического государства, которое не желает ограничиваться Россией, а чувствует себя центром мира, и пути их достижения раскрыты так ясно и пластично, что опасности, которые проистекают отсюда для некоммунистических государств, можно, так сказать, ухватить руками. Зайберт же, будучи представителем нескольких немецких газет в Стране Советов, прожил последние годы (с 1926 до конца 1929 года) в собственной квартире и независимо от государственных ведомств, кстати, с женой и ребенком; он знает огромную территорию во всей ее протяженности из собственных наблюдений, и у него было достаточно времени составить собственное мнение о всех важных явлениях и таким образом отстраниться от всех потемкинских деревень, — преимущество, которое очень высоко оценено теми, кому выпало на собственном опыте ознакомиться с восхитительной, многократно подтвержденной и разоблаченной Зайбертом наивностью «кратких посетителей». Зайберт, таким образом, резко помещает в центр своего описания действительную жизнь в нынеш-

ней России, а также действительность внешней стороны государства и культуры. Цели коммунизма важны для него лишь как разъяснение действительности и лишь в той степени, в какой он производит настоящее из прошлого, в картину которого он вносит некоторые новые, подправляющие черты. Из того взаимодополнения, которое представляют две эти книги, возникает несущая опора для знакомства с коммунистическим государством, его жизнью и его стремлениями.

Книга Фарбмана — это книга краткого посетителя, который хотя и не без критики относится к явлениям и намерениям большевизма, однако, не смог заглянуть за кулисы, установленные советским правительством прежде всего в форме статистики перед осуществлением пятилетнего плана. Так как центральное статистическое ведомство России в своей первоначальной форме, опирающейся на профессиональных специалистов, давно распущено коммунистами и превращено в чисто фиктивное ведомство, выполняющее свое предназначение, то недопустимо оперировать цифрами этой русской статистики; даже в самой России и в рядах коммунистической партии нет по отношению к нему ни малейшего доверия. Тем более никак нельзя оценить по цифрам те достижения, которые получены при выполнении пятилетнего плана, — ведь они никак не могут свидетельствовать о качестве; достаточно мало говорит и количественное увеличение производственного технического парка, если это нельзя подтвердить действительным применением приобретенных машин и качеством ухода за ними, т. е. нормальным сроком их службы. Во всех этих вещах стоит проявлять гораздо больше скептицизма, чем это показано у Фарбмана. И далее — и страхи, и восторги по отношению к пятилетнему плану излишни. Мне кажется большим преувеличением видеть в нем «новое наступление» большевизма.

К. Виденфельд

11

Мир перед пропастью

Ныне нас прямо-таки засыпали известиями о русских делах. Европейскую и американскую общественность непрестанно обрабатывает чрезвычайно умело организованная пропаганда — от сообщений, статей, изображений и изобразительных способов до изощренно оформленной статистики — той самой треб-

твей возможности лжи. Москве удастся использовать в своих целях даже совсем не добровольных сотрудников. Москва, кроме того, располагает огромным аппаратом коммунистических партий всех стран, послушной и обязанной беспрекословно повиноваться организацией вербовки, чтобы всеми средствами современной рекламы провозглашать советское величие и благословенные учения большевиков. Наряду с этим действуют и те наивные граждане, которые, совершив двухнедельное путешествие по России под покровительством ГПУ, верят в то, что увидели «живой большевизм».

И вот большое и заслуживающее благодарности деяние — выход сборника, созданного кругом светлых голов от русской науки и выпущенного под руководством профессора Ильина, работавшего в прежнем Московском университете; он выпущен издательством «Эккарт» (Берлин—Стеглиц) и называется «Мир перед пропастью».

С полным убеждением и после долгих раздумий мне не приличествует характеризовать эту работу как самую добротную, самую основательную и самую содержательную из того, что было написано о судьбах России, начиная с возникновения Советского Союза. <Но> ни один человек, будь то политик, экономист, историк или социолог, который хочет составить себе ясное представление о том, что происходит в России, не может обойтись без того, чтобы не прочесть эту большую книгу, объемом в 576 страниц.

Когда авторам удастся в тридцати, по большей части мастерски написанных, статьях сообщить обстоятельные сведения как о политических и хозяйственных, так и о культурных связях коммунистического государства, то достигнуто это благодаря глубокому знанию материала и добросовестной исследовательской работе, но преимущественно благодаря применяемой ими и строго соблюдаемой методе. Лишь благодаря ей сделалось возможным соединение в книге всех преимуществ обстоятельно собранного материала с преимуществами такого же блестящего, ясного и живого описания событий. Эта метода основывается на в высшей степени оригинальной односторонности, которая в данном случае оказывается чрезвычайно плодотворной и достойна всяческой похвалы. Благодаря необычному владению материалом и основательному знанию всех обстоятельств, авторам удалось подкрепить каждый приведенный ими факт *точными ссылками на большевистские источники!* Многие сотни сносок дают возможность для

своевременной точной перепроверки высказываний ведущих деятелей официальной партии, решений съездов, законов и указов или важных выступлений печати. Каждый приведенный факт опирается, таким образом, на подлинный источник. И больше нет места толкованиям, выдумкам или отпирательству!

Профессору Ильину и его друзьям удалось следующее: *изложить правду в самих сетях большевистских высказываний*. И тем самым предложить читателю обильное и хорошо подобранное собрание фактов, которые могут служить для борьбы с искусно распространяемыми вымыслами о советской действительности. И еще великолепно отображение истории большевизма в России, начиная с 1917 года и по сегодняшний день.

Вряд ли найдется вопрос, не получивший поучительного освещения в книге — от проблем культуры, таких, как брак, религия, школа, беспризорность молодежи, до финансовой деятельности, общей хозяйственной политике с ее мировыми проблемами монополии внешней торговли, с пятилетним планом и, наконец, аграрной реформой и положением рабочих. Прозондированы также некоторые особенно тяжелые проблемы, и среди них пронизывание всех государственных организаций партийными ячейками или умалчиваемые, отрицаемые в отношениях с заграницей связи русского правительства с III Интернационалом.

Большинство русских ученых, авторов книги, нашли приют и работают в Берлине, но до недавнего времени работали на курсах высшей школы Русского научного института в Берлине¹. В знак своей признательности за предоставление им убежища они не могли преподнести германской общественности более изысканного и умного подарка, чем эта содержательная книга.

Проф., д-р Е. Енни

12

Народ без Бога Труд о России И. А. Ильина

«Если однажды поверить в смертность души и в то, что Бога нет, то было бы все же обидно и исчезли бы все блага и счастье, добродетель и искусство; пока же *не* веришь в бессмертие первой и существование последнего, это ничего не значит, и все идет своим обычным ходом».

Фривольный подтекст, который сквозит в этом высказывания Гримальдцера, исчезает, если поставить первое предло-

жение после второго, а второе перед ним. Тогда полностью осознаешь страшную правду и серьезное предостережение этих слов поэта. Скептицизм, отвергающий все догмы, лишь тогда становится опасен, если он овладевает массами, которые не могут жить без веры, для которых невозможно сомнение в существовании Бога, но которые должны сделать новой догмой несуществование Бога. И тогда на самом деле «исчезают все блага и счастье, добродетель и искусство». Доказательства этому предоставляет вышедший в издательстве «Эккарт» сборник «Мир перед пропастью» — целиком основанное на подлинных источниках всестороннее описание того, что творится в нынешней Советской России (в переплете — 24 марки). Подробно освещены политика, экономика, образование, брак и семья, искусство и литература; авторы отдельных статей — известные русские ученые, такие, как И. А. Ильин, который является ответственным редактором, Н. фон Арсеньев, Н. Тимашев, А. Мелких и др. И эти описания оказывают такое будоражащее воздействие, как никакие другие из тех многочисленных изображений России, которыми нас потчевали в последние годы и которые (например, Панаит Истрати) создают еще более ужасающие картины.

Почему это так? Потому что вся книга проникнута *одной* мыслью, и она вдохновляет всех соавторов: это мысль о возведенном в догму безбожии как непосредственном и едином источнике всех бедствий.

То, что пророчески предсказывал в своих «Бесах» Достоевский, сделалось реальностью в нынешней России: человек низложил Бога и сделал Богом самого себя. Но так как отдельный человек все же осознает свою незначительность, был придуман миф «коллективного человека», как будто миллион нулей более одного нуля. И этому новому идолу приносятся бесчисленные жертвы. Да и что значит отдельный человек, если речь идет о благе масс?

У нас есть также описания Советской России, созданные коммунистическими авторами, менее всего представляющие собой приукрашивание. Однако бедственное состояние рассматривается как «детская болезнь» или «наследие прошлого», в любом случае как нечто такое, что можно преодолеть и что будет преодолено. Или, как у уже упомянутого Панаита Истрати, вину перекладывают на отдельных лиц, которые ныне стоят у власти и злоупотребляют властью. Тогда слышно из противоположного лагеря, что большевизм — это внутреннее

дело русских, он возможен только в России, его можно объяснить только русским характером, и он для нас поэтому совершенно не опасен. То есть нам можно спокойно заключать с русскими договоры и совершать сделки. Их внутренняя политика нас не касается.

Но так ли это на самом деле? Книга русского ученого говорит: нет! И поэтому называется «*Мир перед пропастью*». Большевизм — не внутреннее дело русских, большевизм — «всемирная организация, которая ведет борьбу за осуществление всемирной цели». Сможем ли мы справиться с таким противником? Мы обманываем самих себя, когда говорим: «У нас не может быть так плохо, как в России, потому что мы не такие, как русские».

Не заблуждаемся ли мы? То, что происходит в России, — следствие тех предпосылок, которые, возможно, в еще большей мере, чем в России, присутствуют у нас. В одной из новейших книг о России (американца Кникербокера) на первой странице говорится: «Прежде всего в России бросается в глаза то, что она вовсе не коммунистическая». И далее: «Но с тем же правом русские могут нам возразить, что наше так называемое христианское общество менее всего христианское». Вот в этом-то и дело! Один «крестовый поход против русских» тут не поможет. Если кто-то видит в книге русских ученых одну только просьбу о помощи русских некоммунистов или даже призыв к политическому или военному вмешательству в дела Советской России, то он не понял эту книгу. Она призвана *внутренне* нас взбудоражить, это — предостережение, которое должно нас образумить. «Пока не верят в бессмертие души и в то, что Бога нет, это ничего не значит». И вправду ничего? Возможно, эта распушенность, это заигрывание с русскими идеями, эти эстетские восторги по поводу всего, что приходит из России (например, по поводу русских фильмов, которые, — для того, чтобы правильно оценить их агитационное значение, — желательно смотреть в пригородных кинотеатрах), — лучшее средство для того, чтобы подготовить дорогу для большевизма.

«Эккарт» — не политический журнал. Мы не будем обсуждать здесь вопрос, имеют ли хорошие отношения с Россией решающее значение для нашего существования, не может ли наше народное хозяйство обойтись без российских гешефтов. Гешефт — это гешефт. Но если Кникербокер говорит, что нынешняя Россия менее всего коммунистическая, то это прежде всего относится к тем многим миллионам, которые,

хотя внешне и признают коммунизм, однако на самом деле лишь терпят его. Героизм русских ведь всегда выражался более в терпении, чем в действиях. Но страдание не только облагораживает (как охотно утверждают люди, у которых все хорошо), оно и ожесточает. И это ожесточение, естественно, оборачивается против всех тех, в ком видят подручных и выигрывающих от господствующей системы. Мне вспоминается беседа с немецким врачом, который возвратился домой после многолетнего пребывания в России. На вопрос, как живет в России, он ответил: «Не хотел бы я быть русским. Там никогда не знаешь, что с тобой может случиться. Но нам никто ничего не причинит. Поэтому я хочу вернуться. Здесь мне, возможно, пришлось бы отмечаться на бирже труда».

Ввиду этого циничного признания становятся понятными уже процитированные мною в другом месте слова из письма одного московского писателя: «Мы ненавидим вас (эмигрантов). Мы ненавидим вас, потому что вы живете как люди, потому что вам не нужно лгать, потому что подхалимство у вас не гражданская обязанность, потому что вы — люди. Но больше всех мы ненавидим «гостей» — чистеньких, сытых, уютных иностранцев».

К таким, ни в коем случае не отдельным, голосам стоило бы прислушаться. Сегодня трудно бороться с коммунизмом, так как его сторонники, как и его противники, руководствуются мотивами, которые мы отвергаем. Они говорят: Христос, а думают о нефти. Тем важнее разок посмотреть на вещи *sub specie aeternitatis*². И как раз к этому с успехом стремится труд русских ученых. И в этом его значение. Это мене текел³ — не для России, а для нас. Есть ли у нас силы чтобы осознать самих себя?

Артур Лютер

13

В рубрике «Русская литература»

<...>Рядом русских эмигрантов издан сборник статей о политике, экономике и культуре коммунистического государства под пропагандистским названием «*Мир перед пропастью*».

Этот антибольшевистский труд не может дать картину сегодняшней России. Большевизм показан прямо-таки всемирным сатанинским заговором. Не предпринимается даже попытки описания исторических и социальных предпосылок — как это

делается у фон Эккарта. Не ставится решающий вопрос: как могла образоваться революционная интеллигенция? Создается почти что впечатление того, что большевистский ад заменил в России рай. Авторы очень много работают с удобным средством: выступают против большевизма, используя критику, взятую из большевистской печати. В интересах действенной борьбы против большевизма следует возразить против этого метода, ибо критика генеральной линии изнутри есть как раз то средство, которое применяют большевики для продвижения вперед. Большевизм стремится быть своего рода диктатурой воспитания, т. е. он вполне готов признавать и широко освещать неудачи и упущения внутри системы для того, чтобы их побороть. Далее, просто не стоит отрицать абсолютно все, что происходит в большевистской России. Насколько неудовлетворительна хотя бы работа Демидова о национальной политике в Советской России, которая рассматривает одни теневые стороны и, кроме того, учитывает почти одних мусульман. Работа Н. Кульмана о литературе доказывает лишь непонимание литературы нового поколения. И статьи по экономике, хотя и объединяют ценные фактические материалы, также страдают примитивным антибольшевизмом. Сравнивают абсолютную доктрину большевизма с нынешней действительностью. И несмотря на множество ценных частных (к ним можно отнести описание советского законодательства и анализ аграрной проблемы, поучительный и хотя бы опосредованно вскрывающий социальные предпосылки большевизма), в результате — неспособность охвата нынешней большевистской России в ее исторической целостности. По своему духовному уровню сборник Ильина далеко отстоит от изображения России, принадлежащего фон Эккарту, и от тех требований, которые должны быть предъявлены к антибольшевистской литературе, если она и вправду хочет стать опасной для большевизма. <...>

Вальдемар Гуриан

14

В рубрике «Рецензии»

<...> В конце года вышла уже давно объявленная издательством «Эккарт» книга о Советской России. Собственно, издатель этой книги — профессор Ильин; нельзя оспаривать, что он знает прежнюю Россию в политическом и экономическом аспекте. К нему присоединились сотрудники, обладающие

такими же знаниями, среди них профессор Николай фон Арсеньев, который уже сослужил нам добрую службу в описании положения в России. За авторами стоят консервативные русские круги, конечно, заинтересованные в описании возможно более тяжелого положения в Советской России. Книга не оставляет в этом никаких сомнений уже благодаря своему названию, а также благодаря вступлению, написанному бароном В. фон Врангелем. Несмотря на это, видно по всему, что это научный труд, в котором намерением всех авторов было предоставить на основе подлинных материалов лучшее свидетельство нынешнего положения. Отметим особые преимущества книги можно, присоединившись в этом к авторам: во-первых, владение русским языком и знание русской жизни — этим обладают все авторы; во-вторых, знание российских условий до войны, которые обычно слишком мало привлекаются для сравнения; в-третьих, как раз по причине критического отношения к тысячам объявлений и оптимистической статистике нынешнего советского правительства, ибо эти данные из России обычно не могут верно оценить эксперты в области экономики, которые знают только свою страну.

Сам я специально проработал части о промышленности Советской России (автор д-р А. Мелких), и это послужило подспорьем знаниям, полученным мною из других книг. Несмотря на возможность сравнения с другими прочитанными книгами, я все же не решусь высказаться по этому поводу. Осмелюсь лишь сказать, что даваемые сегодня в Германии оценки экономического положения, и в особенности пятилетнего плана, не смогут обойти вниманием эти статьи, написанные самим профессором Ильиным и д-ром Мелких.

Затем нас, конечно, особенно интересует третья часть книги, посвященная культуре Советской России, а в ней прежде всего статья профессора Арсеньева «Большевизм и религия». Заключительный раздел этой статьи выходит за временные рамки той статьи, которую Арсеньев дал во второй номер нашего ежеквартального журнала «Eiche» за 1930 год. Как и прежде, мы восхищены точностью использования источников и справедливостью оценки.

Статьи, которые пишут о молодежи в советском государстве, о школе и о беспризорных детях, кажутся нам не совсем справедливыми по отношению к новым начинаниям, имеющим место в Советской России. Даже если теперь приедем показывать в России в качестве воспитания потемкинские деревни

и даже если эти достижения частично заимствованы из довоенного времени, то ту энергию, с которой их продолжают осуществлять, следует отнести к заслугам Советской России.

К недостаткам книги нам приходится отнести то обстоятельство, что не всегда на высоте немецкий язык. Неточно переведены даже некоторые очень известные выражения (как, например, Betriebsräte — советы на производстве). Авторам или неизвестны соответствующие немецкие организации, или переводчик не совсем хорошо ориентируется в данной области. Довольно много также неверных написаний, приведших к печатным ошибкам. Имеются в виду такие места, как, например, на с. 297: «zerzte sie am» вместо «zehrte sie vom».

Во вступительном слове барона В. фон Врангеля отмечается, что в книге говорят сплошь русские патриоты, которые все ещё верят в великое будущее русского народа. Они стараются ответить на вопрос, каковы итоги тринадцатилетней коммунистической диктатуры в России. Заслуга книги как раз и заключается в том, что, по-видимому, все авторы придерживаются единого мнения о том, что после тяжкого времени советской диктатуры для российской империи наступят новые времена, которые означают великое будущее для страны. Все мы с большим напряжением переживаем российскую драму.

Ф <р и д р и х> З <и г м у н д>-Ш <у л ь ц>

15

Избранная литература о России

<...> И, наконец, важной новинкой в области изучения России является отредактированный *Ильиным* сборник «Мир перед пропастью». «Генеральная линия» книги определена самим ее названием. Тем не менее она, и прежде всего в разделах, написанных самим Ильиным, лучше, чем об этом можно судить по названию. Она содержит очень тонкие мысли; а краткий очерк об изменениях социальной структуры российского сельского хозяйства (с. 183 и др.), в котором изложены общественные и правовые функции помещиков, с уверенностью относится к лучшему из того, что в столь скупой форме вообще написано по этому вопросу. Очень метко изображена мимикрия кулаков как средство защиты от вражеских нападений (с. 242) В своих обширных частях этот труд не что

иное, как попытка с помощью критики, во всяком случае подготавливающей оздоровление критики, поставить большевизм к позорному столбу. Большая часть критических высказываний к тому же относится к первому периоду большевистского режима. При таком методе работы в важных местах теряется проблематика. Так, например, глава о большевизме и религии (с. 437 и др.) содержит почти исключительно показ злодеяний и злодейских декретов; здесь ни одним словом не упоминаются движение за реформу церкви, подробнее изложенное фон Эккартом, и захватывающее воздействие мученичества, которое со смирением переносит нынешнее русское духовенство. Большевистская статистика изображена Ильиным оптимистической; это входит в противоречие с тем фактом, что до сей поры она с той же резкостью реагировала на спады, как и на улучшение в экономическом положении страны. В основном она всегда давала такую картину, которая в общем и целом совпадает с другими представлениями о положении в народном хозяйстве. Большой недостаток, например, в статистике пятилетнего плана состоит в том, что в нем не учитывался прирост населения, в результате чего были сильно преувеличены экономические достижения; и он настолько очевиден, что нельзя и говорить о каком-то «искажении». Пессимистическая позиция статистики, неприкрытое отображение жестокой правды, которую (что следует признать) перенес русский народ, с давних пор было политическим средством для мобилизации противостоящих сил на оздоровление экономики.

Тот, кто, подобно Ильину, видит в сползании в социализм смертельный экскурс человечества и при этом винит во всем порочные и преступные процессы в России, должен дать читателю ответ по крайней мере на один вопрос — как же настолько изобличенная политическая и экономическая система может существовать и поныне и все еще не проявлять однозначных признаков краха? Но и этого будет недостаточно, чтобы прояснить сомнения, существующие по поводу России. Лишь беспристрастная оценка живущих при большевизме и при капитализме деструктивных и конструктивных сил могла бы, по нашему мнению, подготовить документы, необходимые для составления прогноза. Просветительская работа, которая ведется с русской стороны по вопросу о капитализме (например, в последних речах Сталина), находится на значительно более высоком уровне, чем капиталистическая по вопросу о социализме, которая, по существу, не более чем

«пропаганда» и которую к тому же советская политика просто-таки сбивает с толку. <...>

Д-р Вальтер Хан
г. Киль

16

О русском лабиринте

В мировой войне с ужасающей ясностью проявилось, как мало мы на самом деле знали о нашем восточном соседе, царской империи. Причиной этого непростительного равнодушия послужили столетиями длившаяся борьба на Западе, давняя, ставшая почти традиционной дружба с Россией, а также на-верняка и знаменитый феномен страуса, прячущего голову в песок. Чрезвычайно мало осведомленной в вопросах внутренних связей, слагаемых языка и народа и в хозяйственных основах огромного евро-азиатского царства оказалась не только большая масса нашего народа, не только его образованные крути, но и правительство, и даже наше посольство в Петербурге. Наиболее отчетливо для меня это проявилось на одном из заседаний в Берлине, в котором принимало участие большинство из и. о. помощников государственных секретарей, а также я в качестве оберквартирмейстера главнокомандующего Ставки «Восток». Лишь один из присутствовавших, позднее министр *Древс*, обладал более глубокими познаниями о стране. Когда позднее на основе уже приобретенного опыта я попробовал выступить за более активное использование «украинского вопроса», я столкнулся с ничтожным, а то и вовсе отсутствующим пониманием. Так, например, один особенно дельный офицер Генштаба высокого ранга при штабе генерального квартирмейстера, пробывший несколько месяцев в Киеве, вообще оспорил его существование и объявил этот вопрос выдумкой одного германского профессора. Это лишь *один* пример.

Такое тотальное незнание всех русских обстоятельств и интересов, бесспорно, нанесло кое-какой урон нашим мероприятиям, и — самое малое — привело к некоторой потере времени. Однако положение не лучше и сегодня. Тем не менее Советская Россия противостоит нам как огромный сфинкс, обремененный бесконечным количеством загадок — весомых загадок и для *нашего* будущего. Известно о неслыханной, затмевающей времена Ивана Грозного тирании одного или, может

быть, нескольких человек, которые опираются на слепо послушных последователей из одного или двух миллионов фанатиков и властвуют в огромной стране, управляя с поразительно жестокой, целенаправленной энергией, не останавливаясь ни перед какими средствами, даже перед угрозой гибелью собственного народа. Много говорят о пятилетнем плане, не будучи в состоянии судить о его сути, его содержании, его возможностях и последствиях, его невероятном значении для всего мира, и особенно для Европы. Взвешивают возможности коммунистической борьбы за мировую революцию и последствия этой борьбы для нашего народа, исходящие от послушного Москве коммунизма, пугаются русского демпинга, пребывают в растерянности из-за финансовых средств Советского Союза и тому подобного, но лишь немногие знают сегодняшнюю структуру русского организма, далеко идущие планы его правительства, его истинные побудительные мотивы, методы борьбы и возможности, да и эти немногие нередко противоречивы в своих суждениях в зависимости от того, насколько они поддаются или не поддаются влиянию нынешних потемкинских методов. Опасное состояние, ибо сегодня еще больше, чем до войны, мне кажется необходимым точное знание Русской империи вне зависимости от внешнеполитического вопроса: как долго и насколько вообще Германия сможет разыгрывать российскую карту и использовать Россию в противовес Франции и ее сателлитам.

По этой причине я хочу серьезно и убедительно рекомендовать недавно вышедшую книгу «Мир перед пропастью», знакомство с которой помогает решить целый ряд загадок, заданных Советским Союзом, устранить неясности и недопонимание и выработать собственное отношение к крупным и важнейшим вопросам грядущего.

Редактор книги профессор Ильин, с целым рядом сотрудников, подобно ему, не раз томившихся в советских тюрьмах, старается отобразить и разъяснить нерусским нынешнюю организацию колоссальной империи, ее внутреннее устройство, внешнеполитические цели и возможности, ознакомить с ее ведущими политическими деятелями. И не по субъективным оценкам, а на основе официальных материалов, происхождение которых наглядно показано в сотнях примечаний, стоящих под текстом. Он старается охватить и осветить *истинную сущность* событий, он четко различает *послушные* цифры и *непослушные* факты, он нередко дает кажущееся слишком ничтожным, но для нас часто новое описание ситуации в Рос-

сии до войны или до революции и указывает на то, что многое из того, что планирует и чего добивается нынешняя советская система, — лишь продолжение того, чего ранее хотели и добились выдающиеся деятели царской России.

Из-за недостатка места ограничусь лишь кратким рассмотрением одной только первой статьи книги: «Цели и надежды».

В ней Ильин описывает «мировое движение», без которого было бы невозможно никакое коммунистическое государство. Предпосылками для его укоренения являются: классовая борьба, проводимая «непосредственно господствующим авангардом» — коммунистической партией, национализация и обнищание буржуазии, пролетаризация и коллективизация крестьян, принуждение остатков интеллигенции к сотрудничеству, монополия государства как работодателя по отношению к отданным ему на жизнь и на смерть массам рабочих, а также безраздельно проведенная им монополия торговли, разрушение буржуазной *морали, религии, семьи и любви к родине*.

Провозгласил это «мировое движение» Сталин — сын сапожника из Грузии, генеральный властитель России, чья мать не владеет русским языком, который сказал на одном съезде: «Сейчас возможно лишь одно из двух: или общее разложение, полный хаос, кровавая каша, постепенно растущее одичание, беспорядок и хозяйственная анархия, — или коммунизм. Мировая война 1914 года была первой попыткой нового передела уже поделенного мира. Теперь наступает вторая попытка; она уже готовится, уже идет вооружение; и цена второй попытки будет значительно выше; потрясение и расшатывание буржуазного строя будет значительно больше. Рабочее движение во всем мире находится на подъеме; рабочие массы все больше движутся влево, а их вождь — социал-демократия, все больше идет вправо. В Европе растет безработица. Придет момент, когда под гнетом вооружений пушки заговорят сами по себе; и тогда рабочие массы обратят свои ружья против капитализма, *мировая революция неизбежна!*»

Это не только звучные и рассчитанные на массовый эффект слова, к сожалению, за ними стоит железная воля, жестокая разнузданность и негибкое намерение. Задача последующих статей — показать все это, а также те методы, которыми работают властители, и те фрукты, которые «зреют на древе советской политики». Назову только заглавия отдельных из них, особенно ярко характеризующих смысл и цель книги: «Организация русской диктатуры», «III Интернационал», «Си-

стема террора», «Национальная политика в Советской России», «Военное дело в СССР», «Судьба русских крестьян», «Монополия внешней торговли», «Положение рабочих», «Большевизм и религия», «Молодежь в советском государстве», «Школа», «Судопроизводство»; и во второй части книги: «Пятилетний план и условия его выполнения».

Это новейшее и, по-видимому, самое мощное средство борьбы нынешней Советской России, естественно, представляет наибольший интерес. Оно позволяет тем самым осуществить главный принцип марксизма — плановое хозяйство, в основном за счет наводнения всего мира деревом, растительным маслом, пшеницей и сырьем, ведь всем этим Россия обладает в несметных количествах. Оно должно обеспечить этим победу своего государственного *капитализма* над частным капитализмом других стран, — ибо «коммунизм» на самом деле — всего лишь фраза для ослепления народных масс, в действительности его не существует, — используя частный капитализм других стран. Удвоением своей хозяйственной, индустриальной, а также военной мощи оно способно к 1933 году, т. е. после истечения срока пятилетнего плана, проторить путь мировой революции, причем не имеет никакого значения, будет эта последняя цель достигнута за 5, 10, 20 или более лет.

Итог первых двух лет пятилетнего плана, по компетентным отзывам, говорит о большом, но пока еще не полном успехе. Во всяком случае, власть правящей партии, пожалуй, наилучшим образом организованной партии мира, за это время чрезвычайно возросла. С другой стороны, все более росло обнищание плохо одетого и плохо накормленного, жестоко терроризируемого и живущего в немыслимо жалких квартирах народа; оно опасно приближается к угрожающей точке отчаяния — таково суждение долго прожившего в России американца; он, кстати, предрекает успех пятилетнему плану. Властителей мало заботит это обнищание: в конечном итоге они слегка замедлят проведение пятилетнего плана, чтобы «швырнуть» волку «кость и тем самым предотвратить крайность». Судя по газетной заметке, появившейся в последние дни, такое замедление уже обдумывается. Та помощь, которую красный империализм непонятным образом все еще очень широко получает из-за границы, позволяет советскому правительству делать подобные передышки в разграблении собственного населения.

Мировая революция или собственная гибель, вот тот последний вопрос, вокруг решения которого все вертится.

Профессор *Ильин* и его сотрудники предполагают последнее, но он предостерегающе замечает в своем послесловии: «Недостойно человека и мужа закрывать глаза на большую угрозу и исторический поворот судьбы».

Послесловие. Эта статья была уже завершена, когда произошло событие, которое, возможно, имеет огромное значение для мировой политики. В своей программной речи на ленинградской конференции русских хозяйственников Сталин указал пути, означающие почти полное отступление от коммунизма. Тем самым нашло полное подтверждение мое выше приведенное мнение о том, что коммунизм в Советском Союзе на самом деле вовсе не существует, он — лишь фраза, ослепляющая массы и побуждающая их к терпению. Сталин относит коммунизм в самое отдаленное будущее и требует хозяйственной рентабельности, децентрализации государственных концернов, дифференцированной заработной платы, свободной торговли, первоначально вещами ежедневного пользования, а также многими другими, что доньше каралось смертью или тяжким тюремным заключением. Понятно, что он упорно держится за крепких носителей своей диктаторской власти — государственный капитализм, монополию внешней торговли, государственное объединение банков на мнимо кооперативной основе.

Все чаще меня посещает мысль, что «мировая революция», пятилетний план и иные, подброшенные общественности гигантские мечты о будущем — лишь маска, прикрытие по отношению к миру; опираясь на них, Сталин добивается не только полностью замкнутого, невиданно сильного положения своей страны, но и пытается получить возможность осуществления на Дальнем Востоке старых империалистических целей царизма.

На эту возможность указывает довольно незаметное и удивительно скорое завершение этой весной строительства примерно 1300-километрового Турксиба — железной дороги, соединяющей Туркестан с Сибирью и тем самым Москву с Монголией.

Лишь будущему определено установить, что здесь правда, а что нет. В определенных случаях, возможно, это придется почувствовать Японии, Соединенным Штатам Америки и Англии.

Пехотный генерал в отставке фон Айзенхарт Роте

В рубрике «Литературные ведомости»

<...> Сборник написан группой русских специалистов, живущих в эмиграции. Его название звучит как предостережение

миру. Однако этому труду нельзя отказать в притязаниях на научную ценность. «Мы старались в меру наших знаний и по зову совести, — пишет профессор Ильин в «Послесловии», — осветить суть исторических событий. Мы старались установить факты такими, какие они есть, в глубоком убеждении, что сегодняшнему миру в исследуемой нами области нужна правда прежде всего и во что бы то ни стало».

Вся книга составлена на основе подлинных коммунистических источников. Но эти источники — не те документы на иностранных языках, которыми советскому правительству хотелось бы повлиять на любопытствующую границу, а русские документы, напечатанные для внутреннего употребления. Безусловно и они прошли строгую коммунистическую цензуру и тем не менее все еще представляют интерес. Использованы в чрезвычайно большом количестве стенографические отчеты коммунистических съездов — истинная сокровищница для исследования коммунизма. Со страниц сборника с читателем беседуют все значительные вожди большевизма, особенно его основатель Ленин, затем Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Дзержинский и т. д. В этой книге нет ни единого утверждения, которое не было бы подробно документировано. Прделанная в этом направлении работа воистину удивительна. Все это делает книгу образцом для изучения коммунизма.

Особо примечательными в первой части, озаглавленной «Основы», представляются написанные Ильиным вступительные статьи «Цели и надежды», «Методы работы», «Система террора», «Коммунизм как господство чиновников». Важное дополнение к этой подготовительной работе Ильина представляет великолепная статья проф. Тимашева «Организация диктатуры». В ней показано, как ловко вплетена диктатура партийной верхушки в являющуюся демократической видимостью оболочку Советов. Советы в Советской России в действительности ничего не значат, они служат лишь прикрытием диктатуры — на счет этого немаловажного факта за границей нередко существуют заблуждения.

Во второй части сборника, посвященной вопросам экономики, следует снова особо отметить две подробные статьи Ильина — «Судьбы русского крестьянства» и «Положение рабочих». Во второй статье Ильин делает попытку с величайшей осторожностью оценить значение достижений индустриального рабочего класса, который якобы более всех выгадал от революции. Ряд чрезвычайно поучительных статей по вопросам народного хозяйства принадлежит перу д-ра Гефдинга.

Третья часть посвящена культуре в коммунистическом государстве. В ней описывается положение церкви, школы, литературы и семьи. Интересна статья д-ра Мелких о судопроизводстве, которая позволяет понять отношение коммунизма к праву.

Описания часто вызывают у читателя потрясение: но это происходит под влиянием одного лишь многочисленного фактического материала, сами авторы крайне редко высказывают собственную оценку, а если делают это, то чрезвычайно сдержанно.

В книге очень отчетливо передана сущность коммунистического государства. Но проблема русской революции этим еще не исчерпывается, хотя коммунистическому государству, как Левиафану Гоббса, хотелось бы обвить и заглотить своих граждан. Русская революция произошла не в результате заговора коммунистов — она была спонтанным движением широких масс русского народа и вначале была направлена против войны, а затем привела ко всеобщему краху существующего политического и социального строя. Но руководством этого движения ловко завладела группа беспощадных заговорщиков и использовала его в своих целях, в сущности, чуждых народным массам.

Однако авторы лишь местами затрагивают динамику революции, а попытка ее социального анализа в книге и вовсе отсутствует. Поэтому читателю остается непонятно, как могло случиться, что при подобном режиме вслед за огромными разрушениями периода так называемого «военного коммунизма» все же могло произойти восстановление народного хозяйства: как можно было в последние годы осуществления пятилетнего плана вопреки огромным лишениям побудить русский народ к достижению примечательных результатов в области народного хозяйства (вопрос, в какой мере новое грандиозное строительство может быть использовано на благо народа, естественно, остается открытым). Эти факты можно объяснить лишь тем, что революция выдвинула на арену истории новые широкие слои русского народа; несмотря на то, что они были введены в заблуждение и революция во многих областях привела к невероятному уничтожению материальных и духовных ценностей, эти пробужденные новые силы сумели добиться в определенных областях крупных успехов.

Ильин завершает свою книгу символом веры в свой народ: Душа народа очищается страданием на пути к новой очевидности и новым деяниям. «Bonum quod est supprimitur, nunquam extinguitur». Эти слова из уст автора, оставшегося верным своему народу, психологически понятны, но они необосно-

ванны в свете содержания этого труда, в котором неисчислимое количество раз приводятся свидетельства того, как побеждают жестокость и аморальность. Объективно эти надежды можно обосновать лишь фактами, свидетельствующими о том, что вопреки огромному давлению со стороны коммунистического государства не угас творческий порыв народа, пробужденный революцией. И таких фактов достаточно. В моменты, когда политика советского правительства слишком резко противоречит воле народных масс, она наталкивается на упорное сопротивление. Провозглашение НЭПа не было добровольным поступком Ленина, оно было вынужденным, произошло под влиянием огромного массового движения и оплачено народом большой кровью. И тут-то и был создан фундамент, на котором смогло развернуться восстановление экономики. И недавно, в марте 1930 г., вопреки существованию огромного аппарата власти коммунистического государства, Сталину пришлось некоторым образом отступить в вопросе о коллективизации; это также произошло под нажимом народных масс.

Мы никоим образом не можем упрекнуть авторов книги в том, что они не дали социального анализа русской революции. В подобном анализе всегда есть нечто проблематичное. А задача авторов заключалась в том, чтобы на основе подлинных источников бесспорно обнажить те главные факты по отношению к коммунистическому государству, которые оно представляет за границей в искаженном виде. Эта трудная задача решена русскими учеными в этом сборнике в наилучшем виде. Появление этого сборника создает новую ситуацию в литературе о Советской России. Ни один серьезный исследователь не может более говорить о Советской России, не изучив предварительного этого ставшего примером труда.

Б. Бруцкус

18

В рубрике «Новая русская книга»

Ополчась против пропагандистских сочинений коммунистов, круг эмигрантов взялся за то, чтобы показать Советский Союз и его политические, хозяйственные и культурные проблемы с собственных позиций. Издатель *Иван Ильин* называет свой совместный с одиннадцатью другими авторами сборник «Мир перед пропастью» (Берлин—Стеглиц, изд-во «Эккарт»).

Книга в очень наглядной форме и сравнительно объективной манере дает срез сегодняшнего положения в России. Личный взгляд на сегодняшнюю советскую жизнь, естественно, почти совсем отступает назад, все без малого статьи подготовлены на чужбине на основе подлинного русского материала и дышат научной атмосферой письменного стола. <...>

Н. Кроннин

19

В рубрике «Сообщения о странах»

<...> Россия — великий сфинкс. Когда будет разгадана его загадка? Одним из первых, попытавшихся еще в 1925 году на основе цифровых данных приблизиться к решению многочисленных вопросов, возникающих в связи с будущим развитием русской экономики, был журнал «Техника и народное хозяйство»¹. С тех пор написано много статей, которые знакомили с положением русской экономики и возможным ее развитием, они частично противоречивы; прежде всего сильно разделились мнения по поводу направления и темпов экономического развития в Советском Союзе. Смущают гигантские цифры пятилетнего плана и появляются сомнения в достоверности всевозможных утверждений русской статистики.

Ряд крупных русских ученых, живущих вдали от родины и полных веры в великое будущее русского народа, основываясь на своем знании прежних условий и постоянном и тщательном изучении всех русских газет и журналов, предприняли в этой книге попытку как можно ближе подойти к правде. Плод их изучения представляет большую ценность для всякого — будь то политик, экономист или человек, интересующийся русской экономикой как предприниматель.

В трех частях книги рассматриваются основы, народное хозяйство и культура. В «Основах» речь идет о последствиях политического переворота в стране и чиновничестве, приведшем Сталина к диктатуре, а также содержатся два раздела о национальном вопросе и армии. В части «Народное хозяйство» освещаются вопросы сельского хозяйства, валюты и промышленности в совокупности с частной торговлей и монополией внешней торговли; пятилетнему плану и иностранным концессиям посвящаются специальные разделы. В части «Культура» особый интерес для экономистов представ-

¹ «Техника и народное хозяйство», т. 18 (1925 г.), с. 1.

ляют два раздела: о школьном и высшем обучении молодежи и о судопроизводстве.

Да не упустит возможности прочесть эту книгу тот, кто связан с Россией предпринимательскими интересами или хочет сохранить с ней торговые партнерские отношения и кто озабочен будущим Германии и старается составить себе представление об экономическом и политическом развитии Европы.

Ф р. Ф р ё л и х

20

**В рубрике «Литература:
Философия права и обществоведение»**

<...> Собравшаяся здесь группа известных русских эмигрантов поставила своей целью дать на основе официальных заявлений представителей власти, решений съездов, законов и газетных репортажей из большевистской печати о настроениях в стране правдивое изложение того, чего *хочет* большевизм. Это создателям книги вполне удалось, и ценность данного труда заключается в том, что в нем содержится подробное, документально обоснованное отображение большевистской программы. Самые ценные статьи написаны самим издателем *Ильиным*, исключительно ясно и исчерпывающе изложившим в отдельных разделах цели и методы большевиков, чтобы затем написать в остальных о системе террора, коммунизме как господстве чиновников, судьбе русского крестьянства и рабочих. Из других статей следует прежде всего указать на работу *Гейфдинга*: «Пятилетний план и условия его выполнения», трезвые деловые мысли которой чрезвычайно подходят для того, чтобы изгнать тот парализующий страх, охвативший сегодня под влиянием искусной большевистской пропаганды многих руководителей народного хозяйства Запада. По сравнению с чрезвычайно обстоятельным описанием советско-русской политики и экономики довольно блекло выглядят разделы, посвященные духовной культуре или, вернее, лже-культуре. В них в особенности ощущается недостаток более глубокой психологической аргументации. Соавторы этого труда совершенно упустили из виду вопрос — почему? Они лишь дают картину нынешней России и хотят с помощью этой картины, воспринятой как непосредственная угроза со стороны мировой революции, побудить народы Запада наконец-то принять решительные меры против коммунизма; отсюда и название — «Мир перед пропастью»!

Но книга в данной форме не может служить поставленной цели по двум причинам. При освещении авторами программы и целей большевизма возникает настолько мрачная картина, что европеец не в состоянии понять, как люди вообще могут жить в таких условиях. Поэтому описание — несправедливо — отрицают как одностороннее и преувеличенное и не верят в угрозу, которая может исходить из России. Но здесь забывают о почти безграничной способности русских людей переносить страдания, а также об их выносливости и хитрости, позволяющих им несмотря ни на что не только жить, но еще и получать ежегодный прирост населения в 3 млн. человек. Постоянно саботирует большевистскую теорию как раз эта невероятная выносливость — при пассивном характере русского крестьянства нельзя назвать ее силой; как это показывает *Ильин* на примере крестьян, большая часть русского народа, хотя и очень худо, но все еще живет, можно сказать, по другую сторону большевизма. Следовало бы отчетливо показать эту своеобразную структуру русского (да и вообще славянского) крестьянина, тогда книга не допустила бы второй ошибки; она заключается в том, что допускается, будто русские условия можно без оглядки перенести на Запад. Ведь не случайно коммунизм — в полном противоречии с марксистским пророчеством — смог более или менее утвердиться не в сверхиндустриальных странах, а исключительно на территориях с преимущественно крестьянским пролетариатом (Россия, Южный Китай, Мексика, Венгрия), со времен матриархата занимающимся землепашеством. Большевистская программа также ведет свое происхождение скорее от аграрного коммуниста *Бабефа*, чем от Маркса. А крестьянский пролетариат дает возможность существованию коммунизма не потому, что он к нему расположен, а только потому, что он чрезвычайно аполитичен и поэтому терпит любую власть или же медленно, но верно, подмывает ее своей некооперативностью и, наконец, приводит к свержению. Это сопротивление под конец привело к гибели царизм, аналогично ведет свой последний бой с крестьянством и его приверженностью своему наделу земли и большевизм. Нельзя сомневаться в конечной победе крестьянства. Запад погибнет — если он погибнет вообще — не от большевизма, а от капиталистической жажды наживы, в жертву которой приносятся все человеческие ценности.

Й. Л. Зейферт
Вена

21

В разделе «Литература»

<...> Эта книга, изданная бывшим профессором Московского университета Ильиным совместно с его штабом русских сотрудников, дает на основе подлинных высказываний создателей нынешней России и непосредственного опыта описание того, как в действительности выглядит и как живет сегодняшняя Россия. В трех отдельных частях идет речь о политике, экономике и культуре коммунизма. Вряд ли существует какой-либо вопрос, относящийся сюда, который был бы обойден в книге. Имевшие место высказывания многократно подтверждены цитатами из манифестов, программ и статей советских вождей. Уже ввиду политизации центрального статистического ведомства, которую я подробнее охарактеризовал в моей статье «Статистическое путешествие по свету» («Общий статистический архив», т. 21, с. 115), проявлено особое недоверие по отношению к статистике советского правительства и частично, со ссылкой на заявления самих коммунистов, она определена как недостоверная (ср. с. 9—10 — «послушные цифры — непослушные факты», с. 306 — по отношению к контрольным цифрам, с. 375 — по отношению к номинальной и реальной заработной плате и т. д.). Каждый побывавший в России и каждый, кто хочет осознать все значение той угрозы, которую представляет большевизм для всего мира, кто благодаря приобретенным знаниям пожелает сделать выводы относительно государства и политики, будет с большой пользой изучать этот актуальный труд.

Ф. Цан
Мюнхен

22

В разделе «Рецензии»

<...> Данный труд — наверняка одна из лучших публикаций о России. И причина этого не только в том, что 12 авторов книги — Арсеньев, Аксенов, Бунге, Демидов, Гефдинг, Ильин, Критский, Кульман, Мелких, Никольский, Ольденбург и Тимашев — русские и любят Россию той последней любовью, которая проистекает только из принадлежности ей, но и в том, что характер этой книги, построенной на фактах, необыкновенно удачен для описания такого мира, теоретиче-

ская многозначность которого снова и снова приводит в смятение критику.

В трех частях отмечены основы большевизма, его народное хозяйство и культура. А в 30 разделах идет речь о целях и чаяниях Советской России, ее методах работы, о коммунистической партии, национальной политике и военном деле, о судьбе русских крестьян и пятилетнем плане, о религии и браке, о положении молодежи, школах, судопроизводстве и литературе. Итог почти во всех областях — разрушение; и оно так сильно потрясает именно тем, что о нем не говорят утвердительно, но оно само выказывает себя в описанных фактах. Одновременно само собой получается, что в описании положения людей дело доходит до простого рассказа и неизбежно, по требованию жизни, появляется чувство долга, требующее выработать хотя бы свою внутреннюю позицию.

Проф. д-р Эрнст ф. Хинпель
Кенигсберг

23

В рубрике «Книжные рецензии»

<...> «Мир перед пропастью» уже несколько месяцев ожидает своего обсуждения в нашей рубрике. Мы убеждены в том, что наше запоздалое, до сей поры затянувшееся высказывание своего мнения нисколько не умаляет ни достоинств сборника, ни его актуальности. Напротив. Ибо «Мир перед пропастью» появился в Германии в исторический момент, указывая путь; «Мир перед пропастью» относится к книгам, которые принадлежат своему времени и чье значение растет день ото дня — ведь читателю предлагаются не субъективные мнения, не отображение настроения и не комбинации, а факты, разъясняются трезвые, однозначные данные и дается анализ русского коммунизма, большевизма, его сущности и его действий, и это в период величайшей политической напряженности в Германии в то время, когда ежедневно ширится борьба мнений, а тяжесть разногласий дает повод для ожиданий, которые еще год назад показались бы нам абсурдом.

12 русских беженцев из империи Советов, оставшихся русскими в своих мыслях и чувствах, объединились, стойко упорствуя в своем отречении от идола матушки-России. С научной основательностью, не приукрашивая, но и не осуждая, сознательно отринув понятную ненависть и вражду по отношению к

системе, лишившей их корней и родины, намеренно уединясь, тихо и кропотливо трудясь, порою в нелегких материальных и духовных обстоятельствах, они создают справочник, лексикон, в основу которого положены подлинные высказывания властителей сегодняшней России и официальные публикации советской бюрократии. Они сбросили со все еще для большинства немцев и европейцев замаскированного образа большевизма покров преследования идеальных целей создания нового человечества и представили общественности большевизм в его каждодневных делах и устремлениях, в его росте и становлении. Ни одному красочному повествованию, ни одному романтическому описанию не удалось бы произвести такое непосредственное впечатление, как это трезвое и тем не менее захватывающее, потрясающее, мучительное и беспристрастное отображение, преднамеренная объективность которого действует еще более неизгладимо, более выразительно и более жестоко. Этот труд составлен русскими. Нам известно о них то, что этот народ наделен особым умением создавать произведения, величайшие по своему воздействию — будь то книги, сцена или кинофильм. В числе многих известных нам произведений книгу Ильина и его друзей можно считать еще одним доказательством этого.

Основы русского коммунизма, советско-русского хозяйства и элементы так называемой советско-русской культуры изображены здесь специалистами в ряде статей, плавно подводящих одна к другой. Распределение текста в сборнике превращает его в справочник. И это техническое преимущество было необходимо. Ведь если подходить к читателям с точки зрения состояния их нервной системы, то лишь малое число их будет в состоянии не отрываясь прочитать от начала до конца всю книгу и оставаться под ее влиянием. Скорее, они будут иногда выбирать для чтения ту или иную статью, в зависимости от того, какая тема представляет для них в данный момент особый интерес, и лишь постепенно погружаться в мир представлений о том, что за общество, что за народное хозяйство и что за духовную жизнь практически представляет собой большевизм. Изображение Антихриста — неисчерпаемая сокровищница материала, она всегда злободневна, всегда ценна и всегда необходима.

Не будем заблуждаться. Мы так много слышали о большевизме и коммунизме, что ныне уже отвыкли размышлять, разговаривая о нем. Мы уже так много о нем говорили, что уверовали в то, будто исследовали и познали его. И могло бы

случиться, что сегодня мы сочли бы коммунизм за понятие, ограниченное одной Россией. При этом мы забываем, что основы коммунизма не связаны с Россией, что учение о коммунизме означает своего рода религию, определенное мировоззрение, уже преодолевшее границы отдельных государств.

Если длившаяся веками духовная борьба, которая нередко превращалась в кровавые столкновения и изменяла судьбы народов Европы, приветствовалась ими как породившая общественный прогресс (который, по общему мнению, должен сохраняться), то следует признать, что достижение этого прогресса — понятие личности, свободы и индивидуальной независимости. Ни одна партия, ни одна страна, ни одна социальная группа на нашем ослабленном (войнами) континенте не захочет отказаться от этого общественного блага. Коммунизм же, напротив, провозглашает благо этой индивидуальной гражданской свободы призраком. Вот чему нас может научить труд Ильина: коммунизм означает не только борьбу между капиталом и трудом, между индивидуализмом и коллективизмом, он означает гораздо больше. Он означает сознательную и, как учит развитие событий в России, последовательно развиваемую атаку нового мировоззрения на общественное благо как продукт духовного развития предыдущих поколений, создание и сохранение которого обошлось нам и нашим соседям ценой больших материальных и идейных лишений и одним существованием которого объясняется накопленное материальное и идейное богатство старой Европы.

А это вывод, который мы можем сделать из книги Ильина: было время, когда зеленое знамя пророка столетиями угрожало культуре и существованию Запада. Это время составляет целую эпоху в истории Европы. Возможно, не случайно, что русская православная религия царских империй зародилась в Константинополе, Риме Востока, а знаменосцы коммунизма хотя и оставили религию, но сохранили то воодушевление, с которым некогда огнем и мечом, жестоко и неумолимо продвигался вперед ислам. Зеленое знамя ислама превратилось в красное знамя коммунизма. Если Европа не одумается, вовремя не откажется от мелочных амбиций и обид и не объединится для сохранения культуры и духовных ценностей Запада, это знамя может стать началом новой эпохи в мировой истории.

Поэтому «Мир перед пропастью» затрагивает всех нас.

Мир перед пропастью

В сообществе с несколькими русскими учеными (Арсеньев, Тимашев, Кульман) и знатоками истории коммунистической России главой Русского института в Берлине Иваном Ильиным¹ издан сборник. Он называется «Мир перед пропастью» (изд-во «Эккарт», Берлин—Стеглиц, 1931 г.) и на основе просто подавляющего обилия подлинных фактов, большей частью дословных, т. е. переданных в переводе на немецкий язык, разворачивает перед читателем невероятно впечатляющую картину политики, хозяйства и культуры в коммунистическом государстве. Неоценимое достоинство книги видится в том, что она не содержит ни пространных комментариев, обусловленных политическими мнениями, ни растекается в духовно-исторических и народно-психологических истолкованиях большевизма (исконно ли он русский либо «западный», или и то и другое вместе). Свидетельства — только факты, высказывания или письменные документы коммунистических вождей, предварительные обсуждения и законодательные заключения, сами законы, протоколы коммунистических съездов и отзывы. Их язык ужасен, как и язык всех революций. Объективность этого сборника обладает определенным отрицательным знаком. Он написан русскими, чью сущность — как сообщает предисловие Врангеля — «определяет любовь к родине». «Питательной средой для нее послужил круг людей, приверженных вере в великое будущее русского народа». Нынешняя Россия — это не та Россия, которой принадлежит их любовь и их самопожертвование. Поэтому за их объективностью стоит воля к отрицанию и безысходная боль за истинную, хочется сказать, за «святую Россию». Их критика, в той мере, в какой она заметна, обретает свой вес не только вследствие политических и мировоззренческих раздумий, но также и благодаря религиозным убеждениям. В большевизме живо одно мировоззрение; оно предназначено для этого света и рождено этим светом; его цель — создание универсального ударно-хозяйственного счастья, которое должно гарантироваться коммунистическим общественным и товарным строем.

¹ Иван Ильин выступит 9 декабря в зале университета с лекцией о «Духе как проблеме и потребности современности», организованной читательским кружком Хоттингена «За и против духа».

Оно отвергает без ограничений любую веру во все божественное и в существование души. «Голод» и «любовь» — вот те две силы, которые, можно сказать, ex officio⁴ признаются исключительно законными и действительными. Однако не все так просто. Религиозные чувства могут быть лишь насильно вырваны из их колеи, разрушить их нельзя. Это доказывает в своей мудрой книге «К психологии социализма» (изд-во «Ойген Дидерих», Йена) и Хендрик де Ман. Он пишет: «Коммунизм не проявил бы своей притягательной силы нигде, кроме России, если бы он не выступил как новая вера. Если он, вопреки духовной примитивности своей эсхатологии, произвел такое сильное впечатление, — и вовсе не на одни лишь духовно и нравственно невысоко стоящие слои рабочих и интеллигенции, — то это еще сильнее доказывает наличие неудовлетворенного социально-эсхатологического массового инстинкта». Большевицские убеждения преследуют всех других с «фанатичной одержимостью» до полного уничтожения и — вполне парадоксально — проявляют тем самым власть духа. Исключительно важен в этой связи один момент большевистской борьбы: борьба с религией. Совершенно ясно, что Ильин и его сотрудники предчувствуют в этой борьбе против веры в Бога и в душу, ведущейся любым оружием, вообще самое невероятное и самое апокалиптическое. Эта борьба и по мнению Арсеньева — «самое глубокое и самое значительное из того, что разыгрывается на земле Советской России». Ленин говорит: «Бог — заклятый враг коммунистического общества». С ожесточением и ненавистью коммунист воюет против «буржуазных предрассудков», и Бог для него — как раз такой предрассудок. Человек-большевик не хочет признавать над собой высшую Божью власть, пред которой он должен добровольно преклоняться — это последняя метафизическая подоплека его убеждений. В этих мировоззренческих, а еще более в религиозных и антирелигиозных решениях издатели этого ужасающего document humain⁵ замечают глубокую суть борьбы, развернувшейся в России. Объективность этого сборника, которая потрясает, возможна лишь при наличии веры в нерастраченные созидательные силы русского народа. Bonum quod est supprimatur nunquam extinguitur — добро хотя и можно подавить, но нельзя уничтожить.

Этими словами Публилиуса Сируса Ильин заканчивает свою важную книгу. Хочется надеяться, что многие охотно воспользуются возможностью послушать в среду на будущей неделе автора и издателя книги.

В разделе «Политика и хозяйство»

<...> Необходимым условием для добросовестной позиции по вопросу о судьбе страны, поставленному перед нами Советской Россией, является подготовленный с научной основательностью фактический материал, в то время как большая часть из написанного о России стремится к непосредственной политической злободневности в смысле непрямого «да» или абсолютного «нет». Предлагаемый сборник дарит нам труд, вполне отвечающий этому условию. Издатель и 12 его сотрудников — 11 приведены поименно и один анонимно — русские. Они знают не только кое-что о сегодняшней России, но и, что весьма существенно, знают о России довоенной и России дореволюционной. Русский — их родной язык, поэтому они могут читать все высказывания как советские люди. Издатель, профессор Ильин, пишет во введении к книге: «Этот сборник построен целиком на описании событий. Сведения в нем почерпнуты из двух источников: из подлинных высказываний основателей нынешней России и из непосредственного опыта авторов». Следующие предложения наилучшим образом освещают ответственное отношение книги: «Страстный волевой человек особенно не заинтересован в информированности о трудностях; он ищет не только послушных людей, но и послушные факты... И тут исследователю ввиду этого необходима особая осторожность; ему нельзя дать себя ослепить; он должен уметь хитроумно отделять послушные числа от непослушных фактов; он должен уметь извлекать действительное из невероятного, что, однако, предполагает серьезную научную школу. <...> Они (сотрудники) старались раскрыть и высветить подлинную сущность событий. Деталей исчерпать невозможно. Самое последнее не ухватишь и не установишь. Книга-исследование и не ставит себе такой задачи. Но распознавшему суть дела легко и верно открываются и детали, и самое последнее». Эти обещания нашли свое воплощение в 26 разделах книги, каждый из которых исследует и описывает свою специальную область. Здесь не найдет искомого тот, кого обуревают политическое нетерпение и кому нужны быстро вспыхивающие формулировки и провозглашаемые на собраниях лозунги. Ошибется в своих чаяниях и тот, кто ждет шаблонных, облегчающих совесть мыслей, которые снимут с него ответственность и предоставят возможность сослаться на авторов: он не будет освобожден от необходимости выработки

собственной позиции и собственной переработки предложенного материала. Я восхищаюсь объективностью всех этих людей, познавших большевизм как насилие, глубоко вторгшееся в их личную жизнь. Надо и вправду спросить себя, не повлияла ли на тон написания книги склонность и способность русских к страданию; ведь в ней нигде не чувствуется ни взрывов ненависти, ни жалоб. Таким образом мы узнаем подлинные сведения о целях и надеждах, методах работы и организации коммунизма, таким образом нас просвещают по поводу системы террора и национальной политики в Советской России. Мы знакомимся с положением крестьян и рабочих, постигаем вопрос индустриализации и всего остального, что связано с хозяйством, и в особенности с пятилетним планом. Нам разъясняют отношение большевизма к религии, вопросы брака и положение женщины, участь детей и отношение молодежи. Школьное обучение и судопроизводство описываются так же подробно, как и литература.

Перед нами развертывают огромное количество фактов, однако благодаря тщательному и четкому разделению они легко обозримы. В этом достоверном и образцовом труде о России дается материал, нужный не только для ориентации наших знаний, но и нашей совести. В будущем было бы неплохо сравнивать объективность других материалов о Советской России, кем бы они ни были написаны — торопыгами путешественниками, любознательными комиссиями по изучению или самими советскими людьми, с объективной неподкупностью этой книги. Дикое великолепие материала обуславливает то, что его прочтение создает апокалиптическую картину. Создается гнетущее впечатление, что органичная живая жизнь должна подвергаться насилию по формальным законам абстрактной идеи; стиснутая человеческая воля по законам быстро текущей жизни не желает задавать никаких вопросов, а дерзко притязает на то, чтобы сам человек, возможно, даже стремясь к освобождению, окончательно определил черты лица земли. Это книга о смерти, о той смерти, в основе которой лежит жажда жизни.

Август Шпрингер

В рубрике «Политика, История, Культура»

<...> «Мир перед пропастью» — коллективный труд, написанный русскими учеными, в нем описаны методы и цели

большевизма, это сделано с такой ясностью и объективностью, что не допускает никаких сомнений. Трезво и строго объективно проработаны все области общественной жизни, политики, экономики и культуры, и результаты помещены в объемистом труде, который дает исчерпывающий и непредвзятый ответ на любой, даже самый маленький вопрос. Главное в этом гигантском труде, плоде скрупулезной научной работы, — подтверждение отдельных высказываний невероятным обилием цитат из большевистского законодательства, статей, речей и заявлений большевиков. Аргументирована каждая отдельно взятая область, будь то *методы работы большевиков*, партия, организация диктатуры, Интернационал, *мировая революция*, военное дело, *система террора*, аграрные вопросы, финансы, промышленность, *пятилетний план*, положение *рабочего, интеллигента*, отношение большевиков к религии, *преследование религии*, воспитание, семья, *брак и положение женщины*, судопроизводство, литература — проще говоря, здесь *все* тщательно и исчерпывающе освещено и подтверждено богатейшим материалом из большевистских источников. *Книга не содержит ни одного предложения, которое было бы не доказано!* Этот труд, написанный с величайшей научной объективностью и потрясающим знанием предмета, я могу с чистой совестью рекомендовать любому читателю, но особенно — духовенству и общественным деятелям. Нет другой такой книги, которая давала бы столь ясное и объективное описание большевизма, как коллективный труд «Мир перед пропастью».

В. Цветов-Долina

27

Новые книги о Советской России

Русский эксперимент коммунизма не перестает занимать умы и порождать потоки литературы. Коммунистические и салонные большевистские авторы не устают экзальтированно превозносить для неkritичных западных читателей мнимые достижения и великие деяния в советском раю. Эмигранты точно так же не устают твердить в новых вариантах свои провозглашаемые тринадцать лет подряд причитания о гнилом нутре советской системы. Над всей этой грудой литературы возвышается книга «Мир перед пропастью» (Берлин—Стеглиц, изд-во «Эккарт»), написанная *Иваном Ильиным* совместно с одиннадцатью другими авторами. Сравнительно объективно книга дает срез нынеш-

них русских обстоятельств, которому, однако, недостает оживляющих личных убеждений. Почти все статьи написаны на чужбине по подлинным русским материалам и насквозь проникнуты понятной обидой по поводу утраченной родины. <...>

Д-р Макс Фишер

28

В рубрике «Обзор книг»

<...> Расовая гигиена предполагает и знание о *разрушении расы*. Первая из приведенных и очень достойных публикаций из «Книги бедствий» изд-ва «Эккарт» начинается с рассказа о возникновении немецких колоний на Волге и на Черном море. Так, вначале среди прочего описывается, что *поселенцы*, особенно на Черном море, прежде всего представляли собой прошедших отбор работающих, экономных и поэтому обладающих некоторым состоянием немцев из южной Германии, которые превратили степь в цветущий сад и оставили доброе наследство своим потомкам, продолжившим их дело. После революции были предприняты меры, чтобы разрушить хозяйства продолжателей дела поселенцев, а то, что происходило в последние годы, есть не что иное, как *планомерное истребление носителей германизма*. Описание начинается с «Эпизода из времен «военного коммунизма» и кончается «Национализацией и ссылкой», содержащими много подлинных писем и повествований ужасающего содержания, впечатление от которых у сегодняшнего читателя смягчится лишь при мысли о том, что смерть в голоде и холоде уже положила конец мучениям.

Надо особенно выделить раздел о «национальном самоуправлении», поскольку предоставление самоуправления превозносится Советским государством как благодеяние для немецких колоний, и на эту удочку мнимого культурного деяния попались даже национальные газеты. В действительности же в немецких областях, так же как и в других местах, *в качестве начальников над порядочными людьми* и носителями экономической и духовной культуры посажено «отребье европейского общества» (с. 53). Признание даже националистически настроенными людьми господства преступного сброда немецкого происхождения, говорящего на немецком языке, — последний росток того национализма, который видит свою главную задачу в сохранении языка и демонстрирует в конечном итоге, как это неверно. Главное — добрые личные и наследственные качества

человека. А тот, кто выгоняет представителей своего народа из их домов и обрекает на рабский труд, помогает взвести на смерть в леса в сторону Северного Ледовитого океана, — никак не принадлежит своему народу, а просто его уничтожитель и преступник.

Если первый труд посвящен одним лишь судьбам немецких колонистов или их потомков, то второй объемный труд описывает общее положение в Советской России. Он состоит из статей, написанных российскими гражданами, в большинстве своем профессорами университетов. Книга удовлетворяет уже давно существующую потребность основательно и всесторонне разобраться в существующих там ужасных условиях и их причинах. Можно только сожалеть о том, что высокая цена, неизбежная при таком объеме книги, помешает ее наибольшему распространению. Особенную ценность представляют статьи, написанные самим издателем Ильиным: о методах работы тамошних властителей, о системе террора, о коммунизме как господстве чиновников и т. д. Удивительно, что авторы смогли опираться на источники, представляющие собой высказывания и публикации высших представителей власти. Благодаря этому данные приобретают характер высшей объективности, что позволяет в описании таких явлений, как «беспризорные дети» и ужасы власти, избежать языка, который вызывает отвращение. Во всех областях жизни заметен *процесс антиотбора*, ухудшение всех функций государства, *использование властью неполноценных и асоциальных* и вытеснение, подавление и *уничтожение ценных элементов*.

Несмотря на это труд преисполнен определенного оптимизма, который особенно сильно выражен в послесловии издателя и который показывает, что широкие круги образованных людей все еще недостаточно охвачены основными элементами расово-гигиенического понимания. «Bonum quod est supprimitur, nunquam exstinguitur» («Хорошее можно подавить, но его нельзя уничтожить») — пишет в заключение автор. Но хорошего человека, носителя добра и культуры, с его наследственностью и заложенными в нем всеми последующими поколениями *уничтожить можно!* Французская революция и другие процессы уничтожения, после которых опять происходило восстановление, могут лишь частично служить аналогией происходящего в России. Ибо в большинстве случаев значительные части общества, и особенно крестьянство, оставались существенно незатронутыми. В России же в водоворот антиселекторных процессов втянут *весь народ*. Уничто-

жение очень хороших немецких крестьянских семей — лишь один, зато особенно яркий пример.

Х. У. Риттер

29

В рубрике «Общая социальная политика»

Мир перед пропастью

Профессор Ильин со своими 12 русскими соавторами дает в сборнике картину развития русской большевистской революции и последующих событий при Ленине и Сталине по ноябрь 1930 года.

На основе интересных материалов из официальной большевистской литературы и печати Ильин описывает методы революции по привлечению на свою сторону и активизации масс, а также методы их организации и работы большевистской бюрократии. В других главах описывается народное хозяйство России, в особенности уничтожение российского крестьянского сословия и попытки форсированного увеличения промышленного пролетариата как важнейшей составной части населения, являющейся опорой власти коммунистов.

Особого внимания заслуживает здесь описание положения миллионов русских детей, оставшихся без родителей, что вызвало массовую беспризорность.

В Советской России существует множество причин детской незащитности. Лишь немногим из этих детей и подростков удалось дожить до 1930 г. после поспешного отступления армии в период немецкого наступления; ибо мировая война закончилась в России на два года раньше, чем у нас.

Однако число их было небольшим по сравнению с огромным количеством детей, которые потеряли родителей, а во многих случаях и всех своих взрослых родственников, и оказались покинутыми в период гражданской войны или в результате продовольственной войны коммунистов с крестьянами во время катастрофического голода 1921—1922 гг.; сюда следует отнести и тех, которые выжили в годы эпидемий, последовавших за голодными годами, когда вымирали целые семьи. Сюда же надо прибавить осиротевших детей ссыльных и изгнанных, умерших в тюрьмах и казненных взрослых и, наконец, потерявшихся и ставших беспризорными детей из 600 000 крестьянских зажиточных семей, родители которых были изгнаны, убиты или посажены в тюрьму в результате коллективизации.

Луначарский определил в 1922 г. число беспризорных детей в возрасте от 5 до 16 лет в 9 млн., Крупская в следующем году — в 7 млн., а в 1927—1928 гг., т. е. перед борьбой с кулачеством, оно было определено в 2—2,5 млн. Ведь в промежутке между этими событиями их косила смерть. Со времени борьбы с кулаками их число опять увеличилось. Точно установить эту цифру невозможно, потому что бездомные дети избегают какой бы то ни было переписи. «В день, когда производилась перепись, они каждый раз бесследно исчезали с того места, где находились, а там, где не могли убежать, они защищались, осыпая переписчиков градом камней, пока те не уходили».

Жителю Западной Европы почти невозможно представить себе картину этой беспризорности и полной беспомощности детей. Для их жизни характерно, что у них нет дома, нет квартиры, нет вообще ничего. Они ночуют в подвалах, разрушенных домах, незаконченных новостройках, пустых сараях, асфальтовых котлах, мусорных ящиках, под мостом или в земляной норе. Зимние холода гонят толпы детей с севера на юг. Те из них, кто не может этого сделать, посещают зимой «ночлежку» — место, невероятная запущенность и грязь которого едва ли поддаются описанию. Одежду дети добывают воровством или выпрашивая милостыню, как об этом намекает кинофильм «Путевка в жизнь». В своей нужде и отчаянии они не имеют иного способа для добычи пропитания, как организация настоящих банд из старших и младших детей, порою совместно с взрослыми преступниками. В некоторых местностях они стали настоящим мучением для работающего населения.

Что предпринимает советское правительство? С самого начала оно, руководствуясь своей доктриной, делает одно — исключает частную инициативу и запрещает: запрещено образование благотворительных групп и обществ, и запрещена всякая частная инициатива с целью заботы и милосердия. Ведомства устраивают съезды, принимают решения и создают специальные органы. Но так как денег нет, все это остается на бумаге. Число детских домов слишком мало, и они плохо оборудованы, нередко ими руководят неподходящие лица. Конечно, есть и несколько образцовых учреждений, которые собирают похвалы в зарубежной печати и которых показывают наивным заграничным путешественникам. Но в целом можно сказать, что не предпринимается ничего серьезного, чтобы справиться с этой неслыханной нуждой, а советская власть надеется, что смерть почистит ряды этих несчастнейших детей

и тем самым освободит государство от тяжелой угрозы, исходящей от подрастающей армии преступников, которым никогда не прививали понятие о человеческом порядке.

Народу, если он через несколько лет захочет перекроить создавшийся порядок, придется заплатить за это большой кровью и большими слезами. Однако ни одна жертва не кажется нам такой жестокой, как многолетнее мученичество этих детей, которых лишили родителей.

Д-р Роза Кемпф
Франкфурт-на-Майне

30

В рубрике «Критика большевизма»

<...> В тридцати отдельных статьях сборника «Мир перед пропастью» описаны политика, экономика и культура в коммунистической России по состоянию на конец 1930 г. Издатель, профессор университета, д-р Иван Ильин, ранее работавший в Москве, представлен в нем методологическим вступлением, шестью статьями и послесловием. Его сотрудники — профессор Н. фон Арсеньев, д-р Л. Аксенов, А. фон Бунге, А. П. Демидов, д-р В. Гефдинг, М. Критский, Н. Кульман, д-р А. Мелких, Б. Никольский, С. фон Ольденбург, профессор Н. Тимашев и один аноним.

Название этого труда выбрано в соответствии с одним из высказываний Сталина, которое он сделал весной 1930 года, в период временного прекращения решительных мер по коллективизации, в нем говорилось, что «страна стремительно идет к пропасти», если не произойдет решительного поворота в крестьянской политике. Уже само название дает представление о направленности книги: издатель и его сотрудники видят в большевистской власти национальную катастрофу, глубоко затрагивающую их как русских людей, оказывающую влияние на весь мир и представляющую для него угрозу в его нынешнем состоянии. Вне зависимости от этого использование высказываний, как в случае упомянутым предупреждающим высказыванием Сталина, вообще характерно для всей методики книги. Ибо Ильин и другие авторы строят свое изложение в значительной мере на русской «самокритике» — этой с давних пор характерной для русских тенденции к самообличению и самобичеванию, которая в общественной жизни Советского Союза, и особенно в его официальных публикациях, порою вырастает до

гротеска. В этом сила, но в этом и недостаток книги. Первое — вследствие того, что все данные действительно подтверждались ссылками на советскую печать, цифрами центральных статистических ведомств и другими русскими источниками. А второе — вследствие того, что немецкий читатель, не совсем искушенный в психических особенностях русских, воспринимает «самокритику» совершенно иначе: в то время как в России ей, несомненно, отводится положительная социальная функция, западному европейцу она совсем не свойственна, и он с легкостью считает ее симптомом разложения.

Первая из трех основных частей книги очень подробно описывает политические основы коммунистической системы (партия, диктатура, Интернационал, террор, бюрократия, национальная политика, армия). Вторая описывает экономику во всех ее проявлениях — аграрный вопрос, финансы, промышленность и т. д., вплоть до таких специальных областей, как жилищный вопрос и иностранные концессии. Наконец, третья часть посвящена культурной жизни (религия, брак, судопроизводство, молодежь, литература и т. д.). Применительно ко всем перечисленным областям приводится довольно много фактов, и особенно в экономической части, предпринимаются попытки сравнений с довоенным временем.

К сожалению, как раз по отношению к России довоенного времени и сегодняшнему Советскому Союзу, которые в результате перемен в экономическом мышлении представляют собой две несравнимые величины, да к тому же еще и на неравном экономическом пространстве, чисто статистические сравнения не всегда состоятельны.

Необходимо упомянуть особую черту книги: повсюду, где авторы приводят цитаты, они пользуются методом не только рационально-смыслового, но и, по возможности, самого точного дословного немецкого перевода оригинальных текстов, отдельные выражения в сносках приведены даже в транскрипции (жаль, не особенно единообразной), а также анализа понятий. Если транскрибированное воспроизведение технических терминов можно только приветствовать, то тем более странной кажется порою не всегда удачная связь филологических тонкостей с намеками или понятиями этико-социального характера. Приведем здесь в качестве примера одно лишь место, где цитируют высказывание Зиновьева о том, что социал-демократы — «почти вегетарианцы» (с. 103), это — как придется признать всякому, знающему Россию, — никак не может быть противопоставлено «бессознательному каннибализму терро-

ристов» и обозначает в русском языке нечто вроде «толстовца», т. е. «мягкого реформиста». Скорее всего, по недосмотру русская мера длины сажень (2,133 м) в сноске на с. 159 объясняется как длина «менее двух метров».

Тем не менее, и особенно если принять во внимание изобилие приведенных литературных цитат, книгу по праву следует назвать трудом о большевизме, который может служить справочником для инакомыслящих. Жаль, что его использование осложняется отсутствием алфавитного списка основных понятий и литературы. Если отвлечься от отдельных оценок, то надо признать, что Ильин и его сотрудники, частично исходя из пережитого в революционной России, несмотря на свое принципиальное отрицание коммунизма, успешно стремятся к соблюдению исторической и реальной справедливости и, ограничившись аналитическим описанием, соблюдают подчеркиваемый издателем принцип «Прежде — познание, и лишь потом — оценка и приговор». <...>

Х. Р.

31

В рубрике «Новые публикации по культурной политике»

<...> Встав на позицию неподкупного ученого, который через познание источников, методов, убеждений, намерений большевизма приходит к ясному осознанию его содержания как падения культуры, нравственности, народности, веры, короче — человечности, проф. Ильин в окружении других равных ему исследователей обрисовывает картину мира, проваливающегося в бездну безнадежного уничтожения, и возвышает свой предостерегающий голос, взяв за основу собственные данные большевиков об их намерениях («*Мир перед пропастью*»). Никто более не должен высказываться по вопросу о большевизме, если не проштудировал этого капитального труда, ибо тогда он подпадет под обвинение о незнании сути дела. На немецком языке не существует ничего сравнимого с представленными аутентичными источниками по изучению большевизма. Как постепенное отравление, которое разрушает, разлагает людей в их добрых намерениях, делает их неспособными надеяться и в этой надежде преодолевать нужды бытия и осознанно работать — характеризует профессор Ильин сущность и дух большевизма в одной из тетрадей «*Notreihe*» («Книга бедствий») («*Яд. Дух и сущность большевизма*»).

К <а р л> К р <а м е р>

В рубрике «Политэкономия»

Постоянно увеличивается количество литературы по русской проблематике, ленинизму и сталинизму. Одна ее часть старается доказать, что советско-русская практика есть осуществление социализма. В то время как другая описывает эту практику как разрушение народного хозяйства и культуры и всех лелеемых западным миром идеалов. Предлагаемый сборник «Мир перед пропастью» профессора И. Ильина (не путать с М. Ильиным⁶, фанатичным приверженцем коммунистической диктатуры в России) не выдвигает притязаний на принадлежность ни к первой, ни ко второй группе. Он притязает на отображение результатов тринадцатилетней политической и экономической коммунистической диктатуры на основе собственных наблюдений и материалов из отобранных надежных источников. 12 авторов разворачивают перед нами ужасающую картину государства, политики и экономической диктатуры. Однако как раз однотонность и однообразие формы этой картины, показывающей почти одни только теневые стороны, вызывают сомнения в правильности видения и верности оценки противоречивых фактов русской жизни. Нам нужно трезвое изображение русской действительности, увиденное не через призму коммунизма и данное не эмигрантом. Но этим мы не хотим сказать, что данный объемный труд не сможет сослужить нам ценную службу в нашей необходимой и даже неизбежной деятельности и нашем противоборстве с Советской Россией.

В. Герлофф

Мировой большевизм и мировое еврейство

<...> «Этот сборник построен целиком на описании событий. Сведения в нем почерпнуты из двух источников: из подлинных высказываний основателей нынешней России и из непосредственного опыта авторов» («Вступление»).

Русские авторы, «чья сущность определяется любовью к народу и родине», описывают в 28 статьях политические, культурные, социальные и экономические условия, существующие в Советском Союзе. Они занимаются всеми существенными проблемами, кроме еврейского вопроса. Об этом можно только пожалеть, «ибо еврейство образовало генеральный штаб все-

мирного большевизма и держит в своих руках все командные посты разложения и ниспровержения». (Эрт. «Мировое анти-большевистское движение».) В некоторых пунктах книга устарела; ухудшились жизненные условия, изменились внешне-политические обстоятельства.

Если на это закрыть глаза, то книгу можно и сегодня с успехом применять в работе народной библиотеки.

Хильсенбек Херман

ЛЕКЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. А. ИЛЬИНА

1

Перспектив семинара «Ошибочная доктрина современного коммунизма, ее происхождение и преодоление»

1. Современный коммунизм. Подлинные источники. К методологии его изучения. Теория и практика. Коммунизм как марксизм, как большевизм, как нигилизм. Современный и античный коммунизм. Современный коммунизм в контексте нынешнего мирового духовного и экономического кризиса.

2. Современный коммунизм связан с историей культуры Западной Европы и России. Западноевропейские источники. Духовный кризис последних столетий. Франция. Вольтер и Руссо. Энциклопедисты. Французская революция. Нигилизм. Релятивизм. Сенсуализм. Материализм и просвещение разума. Дух безбожия.

3. Германия. Немецкий идеализм как первое великолепное преодоление французского духа разложения. Гегель. Мнимая связь между Гегелем и Марксом. Левые гегельянцы, собственно, — никакие не гегельянцы. Штирнер. Фейербах. Карл Маркс и Энгельс. Марксизм как догма и как рабочее движение. Марксисты. Принципиальное отрицание категории ценности; ее суррогаты. «Новые ценности». Марксизм как нигилизм. Ницше и «переоценка всех ценностей».

4. Духовный кризис современности в общем плане. Его происхождение. Его размеры. Отдельные области: религия, философия, наука, нравственность, семья, правосознание, государство,

искусство, мировоззрение. Место современного коммунизма в этом духовном кризисе. Еврейский и иудаизированный дух.

5. Социальный кризис современности. Капитализм и новая дифференциация классов. Появление пролетариата; его мировоззрение, его идеология. Интернационализм. Идея экспроприации. Идея огосударствления. «Коллективный человек». Безработица. Крушение или обнищание. Революция и коммунизм.

6. Политический кризис современности как кризис современного правосознания. Этапы и последствия кризиса. Дефектное правосознание, его соблазны, опасность и последствия. Как зашаталось современное правосознание. Христианство и правосознание.

7. Связь между современным коммунизмом и историей русской культуры. Проблема российского мировоззрения в общем плане. Вымысел и правда в этой области. Характер и убеждения русских. Главные факторы российской истории. Природа России и ее влияние. Пространство. Равнина. Климат.

8. Этнический фактор в истории России. Татарское иго и его последствия. Погром. Состояние затруднения. Слабое сознание собственности. Волнения в истории России. Крестьянин и его мировоззрение.

9. Крепостничество в России. Его возникновение. Его развитие. Его отмена. Причины опоздания. Последствия крепостничества и революция. Возникновение пролетариата в России, пролетарий и крестьянин.

10. Нигилизм в России. Его история. Его сущность. Первые нигилисты. Вольтерьянство. Анархисты. Лев Толстой и его приверженцы. Обзор истории революционных движений в России. Начала аграрного социализма и деревенская община. Марксизм в России. Возникновение социал-демократической партии. Возникновение большевизма.

11. Духовная сущность большевизма. Марксизм. Релятивизм. Просвещение разума. Безбожие. Теоретический и практический материализм. Мировоззрение и политика. Доктрина коммунизма. Вера во всевластие неверующего человека. Отвержение духовной культуры. Утилитаризм. По ту сторону добра и зла. Отвержение идеи права. Что есть государство? Семья и воспитание. Собственность и экспроприация.

12. Организация коммунистического государства. Государство и партия. Партия и советская система. Централизм. Бюрократизм. Их последствия. Компетенция государственных органов. Система «пафоса» и система террора.

13. Методы управления современного коммунистического государства обусловлены мировоззренчески (марксизм), политически (демагогическая диктатура) и экономически (плановое хозяйство «общественной рукой»). Вся система управления вследствие этого возникает из основополагающих духовных и идеологических противоречий:

I. Индивидуальный инстинкт самосохранения подавляется, но должен понуждаться к наивысшим результатам в работе.

II. Намеренно отрицается принцип духовности и заменяется партийным психическим механизмом; люди в этом состоянии должны создавать новые качества неопределенного содержания, формально называемые «пролетарскими».

III. У правосознания отбирают его самые сильные основы, правовая идея растаптывается теоретически и практически, но люди должны подчиняться неумолимо суровой дисциплине и создавать новые, всеохватывающие организационные формы.

IV. Смысл воли народа устанавливается а priori, предугадывается политически и предписывается массам; тем не менее он должен считаться волей народа и восхваляться.

V. Вся народная душа переживает деградацию, возврат к архаичному примитиву по типу толпы, однако должна осуществлять последнее слово дифференцированной экономической техники и квалифицированной организационной техники.

VI. Коммунистическое государство обосновывается и пропагандируется как «социальная» система, но ставит перед собой такие задачи (политика насильственного захвата мира, чрезмерная индустриализация и бурная коллективизация сельского хозяйства), которые формально, технически и по темпам своего решения могут иметь лишь «антисоциальные» последствия.

VII. Коммунизм принципиально задумывался как система «экономии сил»; однако как «революционная» система он не умеет уважать законы о постепенности и экономии; он также исключает *primum movens* — частную инициативу и поэтому ведет к массивной растрате сил (максимальное напряжение и минимальный успех).

Результаты этих внутренних противоречий коммунисты стремятся устранить двумя путями:

а) изобретенными новыми методами управления,

б) поддержкой со стороны осуждаемого ими буржуазного мира, который они собираются завоевать.

14. Описание в общем методов управления. Утопизм в определении целей. Беспощадность в выборе путей и средств. Сила воли. Диктатура партии. Централизм. Всеобъемлющий бюро-

кратизм. Монополия на предоставление работы. Новый отбор. Система выборов назначением. Работа с массами. Обещания. Внушения. Классовые сети. Изматывание врагов. Экспроприация. Пролетаризация. Обобществление. Партия «инсинуирует» народу смысл воли народа. Политическая инсценировка. Система абсолютной зависимости. Понятие «добровольности». Терроризм.

15. Система террора. В чем она состоит. Обоснование Ленина. Чека — Гэ-Пэ-У. Идеология террора. Цель и средства. Защита и месть. Кто враги? *Capitis diminutio maxima*⁷. Подозреваемые. Вопрос пыток. Чекисты. Внутренний шпионаж. Тайное агентство: три его ступени. Размеры террора. Террор против социалистов. Террор против коммунистов. Психология террористов.

16. Коммунизм как господство чиновников. Последовательный панполитизм. Идея советской бюрократии. Ее полномочия безграничны. Судьбы бывших чиновников. Бюрократизм как необходимость. Число служащих. Непрерывающиеся увольнения. Сверхсложность аппарата. Гигантские расходы. Формализм. Бумажный поток. Слова без конца. Безобразие проектов. Расчеты. Бесхозяйственность. Волокита. Централизация. Недостаточное дифференцирование. Дезорганизация. Проблема ответственности. Отчетность. Кадры. Образование и культура. Чванство. Всеобщее нарушение права. Продажность. Растраты. Принуждение женщин к сожительству. Резюме.

17. Коммунизм как хозяйственная система. Крах этой системы по основным законам человеческого существования.

18. Коммунизм как социальная система. Антисоциальные последствия марксизма. Марксизм как монополия работодателя. Монополия работодателя как порабощение.

19. Коммунизм как «новая культура». Колыбель и крушение последней. Марксизм враждебен культуре.

20. Проблема духовного преодоления. Внутреннее и внешнее преодоление. Обновление духовной жизни. Новый дух национального и социального государства.

2

Мои выступления

(на немецком языке, 1923—1931—1933—1935—1936—1939)

Доклады в области антикоммунистического просвещения, прочитанные на немецком языке вне Русского научного института в 1923—1931 годах.

<1922 г., 14 ноября. Берлин. Речь на торжественном вечере Красного Креста и Германского общества по изучению Восточной Европы (DGSO).>⁸

1923 г., январь. Берлин. Центральный клуб Германской национальной народной партии. «Цели и методы III Интернационала».

1923 г., апрель. Берлин. Германско-русский клуб. Та же тема.

1923 г., сентябрь. Цюрих. Психологический клуб. Та же тема.

<1926 г., 15 января, 20.00. Берлин. «Лев Толстой и его сентиментальный нигилизм». Доклад в DGSO в зале «Общества 1914 года», Schadowstr. 6—7.>

1926 г., январь. Кенигсберг, университет. «Правопорядок и правосознание в современной России».

<1926 г., 16 марта. Берлин. Речь на митинге Германской национальной народной партии.>

1926 г., апрель. Билефельд. Промышленный союз провинции Вестфалия-Липпе. «Крах коммунизма вследствие основных законов экономической жизни».

1926 г., ноябрь. Билефельд. Промышленный союз провинции Вестфалия-Липпе. «О возникновении большевизма из социального кризиса современности».

1926 г., ноябрь. Райне. Пром<ышленный> союз провинции Вестфалия-Липпе. Та же тема.

1926 г., ноябрь. Бюнде. Промышленный союз провинции Вест<фалия>-Лип<пе>. «Крах коммунизма».

1926 г., декабрь. Мюнхен. Публичный доклад. «О возникновении большевизма».

1926 г., декабрь. Мюнхен. Публ<ичный> доклад. «Крах коммунизма <в России вследствие основных законов экономической жизни>».

1927 г., февраль. Аутсбург. Германский клуб. «О духовных источниках большевизма».

1927 г., февраль. Мюнхен. Патриотические союзы Баварии. «Германия и Россия».

1927 г., апрель. Базель. Образцовая ярмарка. «Экономическая сущность коммунизма и судьба России».

1927 г., апрель. Базель. Либеральный квартирный союз. «О возникновении большевизма».

1928 г., февраль. Дрезден. Германо-рус<ский> клуб. «О социальной сущности революции в России».

1928 г., март. Берлин. Германо-рус<ский> клуб. «Методы работы III Интернационала».

1928 г., март. Букоу. Политический семинар, Копфшпан. «Россия и Германия».

1928 г., август. Гёрлиц. Съезд немецких союзов домовладельцев. «О национализации в России и ее значении для всего мира».

1928 г., сентябрь. Инсбрук. Съезд австрийских союзов домовладельцев. Та же тема.

1928 г., октябрь. Гера. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., октябрь. Берлин. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., октябрь. Берлин-Лихтерфельде. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., ноябрь. Гамбург. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., ноябрь. Гамбург. Имперский гражданский союз. «О крахе коммунизма».

1928 г., ноябрь. <Гамбург>-Альтона. Имперский гражданский союз. Та же тема.

1928 г., ноябрь. <Гамбург>-Альтона. Союз домовладельцев. «Национализация в России и ее значение для всего мира».

1928 г., ноябрь. Гамбург-Вандсбек. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., ноябрь. Гамбург-Ральштедт. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., ноябрь. Киль. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., ноябрь. Бремен. <Там же>. <Та же тема>.

1928 г., ноябрь. Хильдесхайм. Сессия союзов домовладельцев Ганновера. Та же тема.

1928 г., ноябрь. Торгау. Союз домовладельцев. Та же тема.

1928 г., ноябрь. Нюрнберг. Союз домовладельцев. <Та же тема>.

1928 г., ноябрь. Циттау. Союз домовладельцев. <Та же тема>.

1928 г., ноябрь. Хиршберг. <Там же>. <Та же тема>.

1928 г., ноябрь. Бойтен. <Там же>. <Та же тема>.

1928 г., ноябрь. Дрезден. Германско-рус<ский> клуб. «О духовных истоках большевизма».

1928 г., декабрь. Штеттин. Союз домовладельцев. «Экспроприация в России».

1928 г., декабрь. Эрфурт. <Там же>. <Та же тема>.

1928 г., декабрь. Магдебург. Крестьянский союз. «Аграрная революция в России».

1929 г., январь. Бранденбург. Союз домовладельцев. «Экспроприация в России».

1929 г., январь. Магдебург. <Там же>. <Та же тема>.

1929 г., январь. Лейпциг. <Там же>. <Та же тема>.

1929 г., январь. Эйзерфельд. <Там же>. <Та же тема>.

1929 г., январь. Крефельд. <Там же>. <Та же тема>.

1929 г., январь. Дюссельдорф. <Там же>. <Та же тема>.

- 1929 г., январь. Кобленц. <Там же>. <Та же тема>.
- 1929 г., январь. Кельн. <Там же>. <Та же тема>.
- 1929 г., январь. Дуйсбург. <Там же>. <Та же тема>.
- 1929 г., февраль. Карлсруэ. Союз домовладельцев. «Национализация».
- 1929 г., февраль. Галле. Союз домовладельцев. <Та же тема>.
- 1929 г., февраль. Потсдам. Союз домовладельцев. <Та же тема>.
- 1929 г., февраль. Кенигсберг. Союз домовладельцев. <Та же тема>.
- 1929 г., февраль. Нойгерсдорф. Союз землевладельцев. <Та же тема>.
- 1929 г., февраль. Виттенберг. Аграрный союз. «Аграрная революция в России».
- 1929 г., июнь. Любек. Союз домовладельцев. «Национализация».
- 1929 г., октябрь. Лейпциг. Имперский гражданский союз. «Крах коммунизма».
- 1929 г., ноябрь. Дессау. Аграрный союз Анхальт. «Аграрная революция в России».
- 1929 г., ноябрь. Дортмунд. Союз домовладельцев. «Национализация в России».
- 1930 г., январь. Берлин. Имперский молодежный аграрный союз. «Судьбоносный путь российского крестьянина».
- 1930 г., февраль. Берлин. Кружок Лютера. «Религиозные преследования в России».
- 1930 г., февраль. Берлин. Имперское объединение домохозяек. «Расшатывание семьи в коммунистическом государстве».
- 1930 г., февраль. Фрайдеберг. Окружной аграрный союз. «Судьба русского крестьянина».
- 1930 г., февраль. Руппин. Окружной аграрный союз. <Та же тема>.
- 1930 г., февраль. Майсен. Саксонский молодежный аграрный союз. <Та же тема>.
- 1930 г., март. Ангермюнде. Районный крестьянский союз. <Та же тема>.
- 1930 г., март. Дортмунд. Служащие и чиновники горнодобывающих цехов Дортмунда. «Последствия».
- 1930 г., март. Берлин. Херрен-клуб. «Мировое нападение коммунистов».
- 1930 г., апрель. Берлин. Германское колониальное общество. «Новое коммунистическое наступление в России».
- 1930 г., апрель. Берлин. Кружок Лютера. «Мировоззрение коммунизма».

1930 г., май. Кельн. Католический союз подмастерий. «Как живет рабочий в коммунистическом государстве».

1930 г., май. Бохум. Съезд домовладельцев провинции Рейн-Вестфалия. «Крах коммунизма».

1930 г., май. Мёрс. Евангелическая община. «Религия и семья в Советской России».

1930 г., май. Мюнстер. Католический союз подмастерий. «Как живет рабочий».

1930 г., май. Берлин. Родительский союз в Шмаргендорфе. «Религия и семья в Советской России».

1930 г., июнь. Потсдам. Церковный съезд провинции Бранденбург. «Религиозные преследования в Советском государстве».

1930 г., октябрь. Штутгарт. Католический союз подмастерьев. «Расшатывание семьи».

1930 г., октябрь, Штутгарт. Католический союз девушек. «Расшатывание семьи».

1931 г., январь. Вельцоу. Евангелическая община. «Положение рабочих в коммунистическом государстве».

1931 г., февраль. Остербург. Сельскохозяйственный союз. «Как живет крестьянину в нынешней России».

1931 г., февраль. Берлин. Кружок Лютера. «Смысл коммунистического безбожия».

1931 г., март. Берлин-Лихтерфельде. Союз бюргеров. «Расшатывание семьи».

1931 г., март. Люббенау. Евангелическая община. «Положение рабочих».

1931 г., март. Штеттин. Курсы повышения квалификации для высших чиновников. «Методы управления коммунистическим государством». (2 лекции).

1931 г., март. Шахта Ильза. Евангелическая община. «Положение рабочих».

1931 г., апрель. Штеттин. Курсы повышения квалификации (2 лекции).

1931 г., май <Бад>-Пирмонт. Промышленный союз провинции Вестфалия-Липпе. «Пятилетний план и демпинг».

1931 г., май. Берлин-Вайсензее. Евангелическая община. «Семья и воспитание в коммунистическом государстве».

1931 г., 5—10 октября. Аарау. Швейцария. Клуб Ротари. «Пятилетний план и демпинг».

1931 г., 5—10 октября. Базель. Швейцария. Патриотическое объединение. «Положение рабочих в Советском государстве».

1931 г., 19 октября. Нойруппин. Съезд родителей. «Большевизм: из пережитого».

1931 г., 20 октября. Нойруппин. Учебные курсы. «О большевистских действиях».

1931 г., 15 ноября. <Берлин>-Лихтерфельде. Община. «Семейная жизнь в Советском Союзе».

1931 г., 2 декабря. Эккартовский вечер. «Яд большевизма».

1931 г., 7 декабря. Берн. Клуб Ротари. «Пятилетний план и демпинг».

1931 г., 8 декабря. Цюрих. Кружок читателей Хоттинген. «Дух как требование и проблема современности».

1931 г., 9 декабря. Цюрих. Литературный клуб. «Шмелев, поэт мировой скорби».

1931 г., 28 ноября. Гегель-клуб. «Логика Гегеля».

1932 г., 27 января. Соц<иально>-христианский союз. «Семья в Советском государстве».

1932 г., 29 января. <Берлин>. Община на Шпиттельмаркт. «Большевизм как безбожное движение».

1932 г., 3 февраля. <Берлин>. Община Нойкёльн. «Сущность большевизма».

1932 г., 6 февраля. Аграрный союз Ландсберг. «Крестьянин в Советском государстве».

1932 г., 20 февраля. Эккартовский вечер. «Предложения для борьбы с большевизмом».

1932 г., апрель. Эккартовский вечер.

1933 г., 8 февраля. Русско-германский клуб.

1933 г., 21 апреля. Русско-германский клуб. <«Об основных направлениях большевизации Германии»>⁹.

1933 г., 19 февраля. Гёрлиц. Еванг<елический> союз «Отечество».

1933 г., 26 февраля. Гёрлиц. <Там же>. «Частная собственность».

1934 г., 1 января. Русско-германский клуб. «Политическая военная доктрина Коминтерна».

1934 г., 3 июня. Русско-германский клуб. «Основные политические течения русской эмиграции».

1934 г., 2 февраля. Германский морской клуб. (?) «Политическая военная доктрина Коминтерна».

1934 г., январь. 2 лекции «Коминтерн, Политбюро и советское правительство».

1935 г., 3 мая. Бремен. «Большевистская политика мирового владычества».

1935 г., 9 мая. Бремен. «Методы управления коммунистического государства».

1935 г., 10 мая. Бремен. «Преследование христиан и коммунизм».

1935 г., 12 мая. Лемго. «Преследование христиан и коммунизм».

1935 г., 10 декабря. Ноймюнстер. Собрание пасторов <в Гемейнде-Хаус в 16.00>.

1935 г., Ноймюнстер. Церковь Собрание общины <в Викилин-Кирхе в 20.00. «Мученичество церкви в Советской России»>.

1935 г., 12 декабря. Фленсбург. Собрание пасторов <в Мариенгемейнде-Хаус в 16.00. «Что должно поведать церквам остального мира мученичество церкви в Советской России?»>

1935 г., Фленсбург. Собрание общины <в Мариенкирхе> в 20.00. «Мученичество церкви в Советской России»>

1935 г., 13 декабря. Любек. Реформатская церковь <на Königstr. в 20.00. «Мученичество церкви в Советской России»>¹⁰.

1935 г., 7 декабря. Киль. Церковь.

1936 г., 12 февраля. Гамбург. Церковь.

1936 г., 13 февраля. <Там же>. <Та же тема>.

1936 г., 15 февраля. <Там же>. <Та же тема>.

1936 г., 16 февраля. <Там же>. <Та же тема>.

1936 г., 17 февраля. <Там же>. <Та же тема>.

1936 г., 18 февраля. Гамбург. Якоби-Кирхе¹¹.

1936 г., 19 февраля. Гамбург. Конференция пасторов <из Гамбурга и окрестностей, южного Шлезвига и Бремена>. 118 пасторов.

1936 г., 19 февраля. <Евангелическая> Церковь в Итцехоз.

1936 г., 15—20 марта, Веймар. В церкви у пастора Каде.

1936 г., 15—20 марта, Ильменау. У обер-пастора Цезаря.

1936 г., 19 апреля. Лемго. Церковь. Русская братская помощь¹².

1936 г., 27 апреля. Берлин-Фриденау. Церковь к доброму пастырю.

1936 г., 4 мая. Берлин-Моабит. Церковь Спасителя.

1936 г. 5 мая. Берлин-Ланквиг. Церковь Святой Троицы.

1936 г., 8 мая. Берлин-Сименсшадт. Евангелическая церковь.

1936 г., 13 мая. Берлин-Шарлоттенбург, Церковь Св. Епифании.

1936 г., 17 мая. Ашерслебен, у суперинтенданта. Церковь Шван.

1936 г., 20 мая. Хальберштадт. Собор, у суперинтенданта.

1936 г., 21 мая. Бланкенбург, у суперинтенданта Келера.

1936 г., 27 мая. День пастора. Берлин, дом общины Св. Софии.

1936 г., 8 июня. Потсдам, церковь у Шарлоттенхофа.

1936 г., 20 августа. Альтенбург в Тюрингии у пастора (церковь).

1936 г., 20 августа. Альтенбург, съезд пасторов.

1936 г., 12 октября. Экерфёрде, Союз домовладельцев.

1936 г., 13 октября. Киль. <Там же>.

1936 г., 14 октября. Ноймюнстер. <Там же>.

1936 г., 15 октября. <Гамбург>-Альтона. <Там же>.

1936 г., 16 октября. Рендсбург. <Там же>.

1936 г., 24 октября. Новавес. Собрание общины.

1936 г., 2 ноября. Бад Швартау, Союз домовладельцев.

1936 г., 3 ноября. Ойтин. <Там же>.

1936 г., 4 ноября. Итцехоэ. <Там же>.

1936 г., 5 ноября. Хайде. <Там же>.

1936 г., 10 ноября. Галле, зал Маркткирхе.

1936 г., 4 декабря. Штутгарт, церковь св. Марка.

1936 г., 5 декабря. Штутгарт, госпитальная церковь.

1936 г., 6 декабря. Хайльбронн, церковь св. Килиана.

1936 г., 7 декабря. Тюбинген, монастырская церковь.

1936 г., 9 декабря. Людвигсбург, городская церковь.

1936 г., 10 декабря. Ройтлинген, Мариенкирхе.

1937 г., апрель. Гельзенкирхен и окрестности (4 раза).

1937 г., март. Лемго. Церковь. <20.00>.

1937 г., март. Детмольд. Церковь. <16.00>¹³.

1937 г., март. Билефельд. Церковь.

1937 г., март. Эссен (2 раза). Церкви.

1937 г., 19 сентября. Манхайм, церковь 1500 человек <«Что должно поведать церквам остального мира мученичество церкви в Советской России?»>.

1937 г., 20 сентября. Пфорцхайм <Там же>. 2000 <человек>. <«Что должно поведать церквам остального мира мученичество церкви в Советской России?»>

1937 г., 21 сентября. Фрайбург в Бр<еслау>. <Там же>. 1200 <человек> и пасторы 80 человек <«Что должно поведать церквам остального мира мученичество церкви в Советской России?»>

1937 г., 22 сентября. Карлсруэ <Штаттकिрхе> 2000 <человек> и пасторы 200 человек <«Что должно поведать церквам остального мира мученичество церкви в Советской России?»> Томасхоф у Дурлаха: «Христианство и большевизм».>

1937 г., 9 октября. Вупперталь-Бармен.

1937 г., 31 октября. Берлин. Новая гарнизонная церковь. Праздник реформации.

- 1937 г., 1 ноября. Дюссельдорф. Собрание пасторов (16.00)¹⁴.
 1937 г., 1 ноября. Дюссельдорф. Зал общины. (20.00).
 1937 г., 2 ноября. Рейдт. Собрание пасторов. (16.00).
 1937 г., 2 ноября. Рейдт. Зал общины. (20.00).
 1937 г., декабрь.
 1938 г., 9 января. Вельберт. Собрание пасторов (16.00).
 1938 г., 9 января. Вельберт. Церковь (20.00).
 1938 г., 10 января. Золинген. Собрание пасторов (16.00).
 1938 г., 10 января. Золинген. Церковь (20.00).
 1938 г., 12 января. Магдебург. Собрание пасторов из провинции Саксония (16.00).
 1938 г., 12 января. Магдебург. Собор. (20.00)¹⁵.
 1938 г., 4 февраля. Гамбург. Университет.
 1938 г., 5 февраля. Гамбург. Михаелискирхе.
 1938 г., 6 февраля. Гамбург. Зал общины у пастора Вермана <Община Ейлбек>.
 1938 г., 7 февраля. Гамбург. Закрытая лекция для нескольких пасторов.
 1938 г., 8 февраля. Гамбург. Зал общины¹⁶.
 1939 г., январь. — Женева.
 1939 г., 20 июня. Цюрих Россия — швейцарцы по-русски.
 1939 г., 21 марта. Ротари — Аарау.
 1939 г., 4 апреля. Ротари — Люцерн.
 1939 г., 29 апреля. Ротари — Сант-Галлен.

85 просветительских лекций — в плане сборника «Мир перед пропастью» и брошюр «Ком<мунизм> или частная ответственность» и «Против безбожия».

- 32 — союзы домовладельцев.
 9 — крестьянские союзы.
 8 — клубы и общества.
 5 — экономические союзы.
 9 — другие.
 5 — сессии и заседания.
 4 — имперский гражданский союз.
 9 — евангелические общ-ва.
 4 — катол<ические> общ-ва.

Темы: Уклад жизни, Методы управления, Хозяйство, Аграрный вопрос, Положение рабочих, Семья, Воспитание, Жилищное строительство, Дух. культура, Религиозные преследования.

3

Возникновение большевизма

(Доклад профессора Ивана Ильина)

Первый доклад проф. Ивана Александровича Ильина о возникновении большевизма из духовного и социального кризиса современности собрал в праздничном зале Матхэзер многочисленную публику, с большим вниманием слушающую содержательные, полные высокого идеализма и глубоко раскрывающие тему слова великолепного русского ученого. Профессор Ильин — увлекающий оратор и владеет немецким языком как родным.

Докладчик описывал нашу эпоху, как сумерки богов, как нужду в Боге. Уже стоит у ворот нибелунг, и его тень покрывает башни Валгаллы. *Бдите и действуйте* — призывает Ильин немцев. Из-под коммунистического ига России выбираешься, как из адской кузницы, и лишь тот может говорить об этом, кто жил под этим игом. Чужака, иностранца в лучшем случае проведут мимо этого ига, он видит нечто, не пережив и не прочувствовав этого. Нынешние властители в России с обдуманном намерением осуществили *социальную гибель* страны. Тем, кто пережил и осмыслил этот процесс, надо было объяснить его и позже — дать другим понять его. Как столетия назад, во времена татарского ига, требовалось вынести и выдержать, дожидаться своего времени и собирать силы для будущего понимания.

Процесс, который происходит в России, — *единный мировой процесс*. В этом процессе все страны связаны между собой и зависят друг от друга. Где бы кто бы ни сотрудничал с мировым большевизмом — он работает на гибель мировой духовной культуры. Повсюду оживает злой дух — красный Альберих. Большевизм вовсе не русское политическое движение, он — мировое событие, мировое движение, мировые амбиции. Весь мир, и в особенности Европа, переживает социальный и духовный кризис. Современный *человек массы* хочет создать новый порядок и тем самым нарушает творческое равновесие человечества. Человек массы больше не хочет старого, нынешнего. И тут появляется тактика и программа *мирового большевизма*. Он основывается на *животном инстинкте человека*, который он, однако, старается закрепить социально. Это внутреннее противоречие относится к сути явления и делает его с самого начала творчески непригодным, однако могущественным и роковым в разрушении и коренном перевороте. Социальный кризис современности надувает паруса больше-

визма попутным ветром. Оголтелая воля большевизма превращает темные инстинкты и мечтания массы в систему, которую находящийся в России *генеральный штаб мировой революции* практически применяет и теоретически совершенствует. И это применение мы знаем: повсюду готовить вооруженное восстание, свергнуть и перебить ведущие слои буржуазии, поделить ее собственность и путем безоглядного террора насадить новую, уже подготовленную и обученную «элиту».

Из современного социального кризиса большевизм извлекает отравленное оружие — зависть. III Интернационал — это генеральный штаб мировой зависти. Дух большевизма — дух первых великих завистников. Сатана завидовал Господу, а Каин — Авелю. Зависть противоположна *соревнованию*, которое одухотворяет здоровый мир. Если соревнование настроено на творчество, то зависть — на разрушение. И большевизм считает верным запустить работу *разрушающей организации*.

Многочисленны причины и корни, из которых в современном духовном и социальном кризисе вырос большевизм. Первыми в мире здесь стоят технизация и механизация. В современном мире процветает чистая техника — «как сделать». Культура же появляется только в соответствующем соединении внешнего «как» и внутреннего «для чего», в духовной постановке целей. Технически сегодня возможно гораздо больше, чем духовно и социально. Так между экономическим и духовным сознанием возникает длительный кризис, который легко использовать политически. Социализм и коммунизм вызываются разрешить эту раздвоенность так же, как и другие социально-политические проблемы. Именно большевизм хочет своей доведенной до крайности примитивностью социального строительства и всей культуры втиснуть в жизнь мировую экономическую солидарность. Социальный процесс атомизации, в котором мы уже давно находимся, также прокладывает мировому большевизму дорогу.

С началом всеобщей демократизации в мире *масса* ищет повсюду влияния, которое соответствует ее количеству, но отнюдь не качеству. Они хотят говорить и решать. Тем самым они парализуют волевою функцию государства, переродившаяся демократия и переродившийся парламентаризм заводят его в тупик. Социализм попадает вместе с ним в этот тупик демократического бессилия.

Тут на сцену выходит коммунизм и созданием *партийной диктатуры* в стране и *интернациональной диктатуры* поверх партийной диктатуры хочет создать освободительную, работо-

способную организацию человеческого общества. Массы, чьи амбиции растут, в то время как их духовные сдерживающие моменты все больше слабеют, по своей бездуховности легко ловятся на приманку, подчиняются партийной диктатуре и дают повести себя к блаженству большевизма. Переживаемый нами сейчас *кризис частной собственности* дает большевизму ужасные средства в его подрывной работе. Еще никогда, ни в какие времена, принцип частной собственности не расшатывался так, как сейчас. Современное человечество имеет несчастье сомневаться в частной собственности, в ее правомочности и даже в ее допустимости. В этом — опаснейшее выражение и извращение нашего социального кризиса. И более того: *основная питательная почва большевизма. Мысль об обобществлении* во всех ее вариантах и проявлениях была, есть и будет *подготовительной школой большевизма*. Мы имеем здесь дело с болезнью сознания собственника в массовой психике. Индивидуум массы ведет себя так, будто он отменяет собственность. Эту ментальность следует отнести на счет чувства экономической парализованности, бессилия в труде. Зависимый пролетарий — более не мелкий крестьянин или ремесленник, он в определенном смысле уже экономически кастрированный рабочий. Поэтому его не пугает экономическое кастрирование социализма. Труд для современного фабричного рабочего — необходимость, без желания, без любви или творчества. Экспроприированный пролетарий отвыкает от счастья созидательного частного собственника. Это — *изначальный источник социалистической химеры*. И коммунисту не приходится сначала кастрировать рабочего в смысле частной собственности; он находит его в вопросах частной собственности уже готовым, психически и физически искаленным идиотом. Чем меньше человеку терять, тем сильнее его готовность к любому социальному потрясению. Где социальный подъем кажется невозможным, где человеку массы «все» представляется «напряженным», там образуется питательная почва для большевизма. Состояния больше не уважают, считается: «Богатые — самые худшие люди, и богатыми становятся самые худшие». И на этот маховик массовой зависти льется к тому же и вся энергия пролетарской интеллигенции и полуинтеллигенции. Частная собственность не воспринимается больше как ответственное творчество, ее воспринимают как безответственное наслаждение, сначала ее развенчивают, а затем и вовсе отвергают.

Так из современного кризиса частной собственности в душе человека возникает дух мирового большевизма. Труд про-

летариата лишается духовности, деморализуется и утрачивает жизнь. Проблема в том, чтобы обессилить зависть и оживить в человеке здоровые мотивы труда. *Но мировой большевизм движается совсем в другом направлении: под предлогом социалистического неприятия частной собственности он поднимает новую «элиту» — без Отечества, без духа, без техники, без традиций и без правосознания.* Проблема остается нерешенной.

В продолжительных рассуждениях об обособлении от церкви и христианского учения, о начавшемся в XIX веке *упадке правосознания* Ильин наметил три различных этапа этого кризиса: период просвещения, который начался с Великой французской революции и закончился всеобщей демократизацией и ростом социалистических и коммунистических партий. Период мировой войны, который завершил духовное разложение, разрушил правосознание, поставил на место права грубую силу, принес шатания и развал. Третий этап, в котором сейчас находимся мы, — это этап *распространения большевистского духа*, который старается поставить на духовно сбитые с толку и уставшие массы штамп коммунизма.

Большевизм — сделал вывод Ильин — может процветать только в стабилизовавшейся гражданской войне, длительном кипении хаоса. Большевик обманывает всех и поэтому он никому не верит. Он пробуждает в душе зверя и организует его в самоуверенного мошенника. С радостью прислушивается к нему уголовный элемент. Преступление и государственная власть становятся едиными. Большевик властвует с помощью шпионажа и страха и подчиняет всю жизнь невиданной принудительной педантичности. Он назначает и организует преступление, государственные деяния становятся злодеянием и преступлением, злодей — руководящим политиком. Так коммунизм работает с *доведенным до молчания и дрожащим от страха человеческим атомом.*

Докладчик спешил закончить свое фундаментальное изложение, которое держало аудиторию в постоянном напряжении. В качестве нескольких последовательных выводов из ситуации борьбы Ильин выделил следующее: борьба с большевизмом необходима, возможна и ее *надо* вести. Зло надо ухватить за его корни — *социальную зависть*. Для этого необходимо *творчески обосновать* и подтвердить *частную собственность*. Дальше необходимо обновить национальные, *отечественные скрепы государства*. Индустриализированное государство требует сильной, солидарной воли. Необходимо справиться с чрезмерной дифференциацией классов. *Промышленник* должен воспринять общность государственных интересов и следовать

ей. Ведь в высшем смысле его частная собственность — *общественное достояние его государства*. Он призван по *собственной инициативе* обращаться со своей частной собственностью как с общественным достоянием. *Рабочий* должен гармонично вписаться в национально-отечественное государство. Рабочую силу и *производительность труда рабочего* ему самому и его согражданам следует рассматривать как *общественное достояние*. Так достигается *солидарность работодателя и рабочего* и вновь одухотворяется работа. Этими скрепами устраняются извращения социальной дифференциации и вновь восстанавливаются творческие силы государства. Так следует побороть дух мирового большевизма. Тогда останется лишь найти *сверхнациональное* (а вовсе не интернациональное!). Коммунистическому Интернационалу надо противопоставить живое и волевое сверхнациональное. Его первая задача — совместное поборение большевизма. Верный лозунг — завершил свое выступление профессор Ильин — должен гласить: «Через частное к общественному! Через собственность к солидарности классов! Через национальное к сверхнациональному!» Отечеству нужны рабочие, нужна промышленность: «Да сгинет зависть, да здравствует Отечество!»

Бурные, нескончаемые аплодисменты были наградой докладчику, которому организатор вечера, заместитель председателя Русского комитета беженцев в Мюнхене господин фон Келлер выразил благодарность собравшихся, находившихся под сильным впечатлением от услышанного. *Второй доклад* профессора Ильина о *крахе коммунизма в России* состоится в понедельник, 13 декабря, в восемь часов вечера, в зале Матхэзер.

А. ф<он> Е.

4

Крах коммунизма

(2-й доклад профессора Ивана Ильина)

В своей второй лекции в зале Матхэзер профессор Иван Александрович Ильин говорил о «*Крахе коммунизма в России на основе законов экономической жизни*» и этим завершил отображение ложного коммунистического учения и его опустошающих последствий в потрясающей трагической картине обнаженной, неоспоримой правды. Основные линии точнейшего анализа, беспристрастно следующего за фактами и буквально вскрывающего их, будут кратко, насколько позволит место, обрисованы ниже.

В наше время история не играет вальяжно в шахматы, она играет в кости — азартную игру на жизнь и на смерть. Мир корчится в социально-политических судорогах. Разум, интуиция и воля должны объединиться, чтобы справиться с болезнью. Пережитое нами в России, когда большевики начали там свой эксперимент, было в той мере удачей для исследователя, что мы смогли прочувствовать и узнать безумный эксперимент на самих себе. Нам повезло *реально пережить коммунистическую ложь* и тем самым *собрать новые и решающие доказательства отвергнутой правды*. Как однажды сказал Фихте, «нас заставили понять». Было трудно выразить ход процесса в цифрах. Ведь летом 1926 года не кто иной, как сам *Дзержинский*, будучи председателем Высшего совета народного хозяйства, сказал дословно: «Наша отчетность — вымыслы, квалифицированное вранье. Наша система создана так, что она поощряет и побуждает к этим вымыслам. Тот, кто задает числа, не несет за это никакой ответственности, и при этой системе получается, что ты *столько можешь врать, сколько хочешь*». По счастью, у нас еще есть ученые и проницательные специалисты, которые изо дня в день занимаются материалами коммунистической статистики и контролируют их с такой точностью и таким успехом, что советское правительство время от времени поднимает крик об «экономическом шпионаже». Но шпионаж нам вовсе не нужен!

Чтобы привести всего несколько чисел, которые сначала должны осветить экономическое положение в 1929 году, покажем небольшую сравнительную таблицу производства 1913 и 1920 годов. Обозначив *производство 1913 года* цифрой 100, получим следующую *картину производства в 1920 году в процентах*: каменный уголь — 24,3, железная руда — 1,4, чугун — 0,3, медь — 0, золото — 2,6, платина — 7,7, серная кислота — 3,8, хлопок — 5, хлопчатобумажная пряжа — 4,1, лен — 8, льняная пряжа — 24, спички — 16,7, бумага — 13,9, сахар — 7,1, мыло — 3,8, нефть — 31,3. Страна с тех пор значительно «отошла», но только потому и в той степени, что последовательному коммунизму пришлось пойти на уступки и *предоставить* некоторое *пространство частному хозяйству*. Но с частным хозяйством по-прежнему ведется борьба, и его ограничивают. С ним обращаются примерно так, как прежде полиция обращалась с проституцией. Его преследуют, терпят, дают ему себя подкупать и высасывают из него соки. Эта новая эпоха большевистской экономики началась после *голодной катастрофы 1921—1922 годов* и снабжена ярлыком «новая экономическая политика» (по-русски названа по начальным буквам «НЭП»).

В эпоху этого НЭПа основные понятия, цели и методы остаются прежними. Коммунисты не способны учиться на своих собственных экспериментах. Их система злостно нарушает основные законы социально-экономической сущности и человеческого бытия. Есть *такие аксиомы человеческого созидания, пренебрежение* которыми уже *скрывает* в себе исторически имманентное наказание. От недооценки и растаптывания этих законов социалистическо-коммунистическая система должна непременно потерпеть крах. Коммунистическая революция несовместима с хозяйственным строительством. Как и то, что любая революция, как таковая, негативна, отторгающа и разрушительна. Экономическая производительность, напротив, позитивна, утверждающа и созидательна. Хозяйствующая душа человека настроена экономически, бережно, рачительно, она рассчитывает и взвешивает. Она моделирует, старается беречь оправдавшее себя старое и применять новое. От этой *накопительной работы* растет масса ее индивидуального и национального дохода. Революция же хозяйствует, свержая, катастрофически и расточительно. Она не умеет беречь, взвешивать и подсчитывать. Она отвергает все то, что не подходит ее самодовольному легкомыслию; самое жизнеспособное отбрасывает, а старое как таковое поносит и ломает. Революция разбазарила накопленные, заработанные богатства. Над всем ее бесчинством парят опустошительные и сумасбродные слова Бакунина: «дух разрушения есть дух созидания».

Так происходило и в России. Прежнюю организацию хозяйства «сместили» и поставили задачу — добиться всеобщего равенства во всем, как можно меньше работая и как можно больше наслаждаясь. Еще в 1920 году Луначарский публично проповедовал рабочим *«право лениться»*. С русской экономикой обошлись так же, как с той молотилкой в деревне, которую разобрали на части, потому что каждый хотел ее иметь, и каждый не хотел, чтобы она досталась другому. Так, каждый крестьянин получил кто гайку, кто кусок железа, а кто колесо, — и каждый остался так же беден, как и был. Но есть лишь один источник истинного богатства: интенсивное экономическое производство. Однако, социальная революция, с которой мы здесь имеем дело, грабит заработанное, уничтожает правооснование, преследует собственность, делает беднейших *«привилегированными»* и всем своим поведением *вытесняет волю к работе*. Революция сделала ставку на бедность. По-видимому, богатеть разрешается только коммунистическим вождям. Когда в Швейцарии был застрелен советский коммунист Воровский, в его сейфе

рядом с кучей драгоценных камней нашли респектабельную денежную сумму в 600 000 фунтов стерлингов = 12 млн. марок. Еще больше состояние, оставленное недавно умершим Красиным. В странном противоречии с такими примерами стоят вечно повторяемые жалобы по поводу частных торговцев, у которых снова следует все отнять. А в августе 1926 года довольно состоятельный коммунист Каменев-Розенфельд вздыхал: «Все идет *плохо*, крестьянин становится все *богаче*, его благосостояние процветает, это совершенно невозможно». Тем не менее Дзержинский ответил по адресу этих вздыханий, что крестьянин в течение последних нэповских пяти лет действительно мог экономить по четыре рубля (8 марок) на каждую душу!

Большевицкая революция разрушила весь правопорядок и *отняла у правосознания всякий критерий*. Никто не знает, что кому принадлежит, кто владеет по закону, а кто свою собственность украл. Смещенный помещик ворует свою собственную курицу и ест «сворованный» суп, за что революционная деревенская община может бросить его в тюрьму и расстрелять; однако коммунистический доцент, который доносит на своего буржуазного профессора и получает за это его библиотеку, думает, что он теперь правомочный владелец позорно сворованных книг. В этом хаосе *никто* не чувствует себя *уверенным в рамках правовых оснований*. Все оспаривается, все неуверенно, временно и расшатано. Никто никому не доверяет. *Человек человеку стал врагом и волком*. Все принципиально и систематически настроено на ненадежность.

Поглядев на «как» социального переворота и «что» его программы, мы можем представить себе главную коммунистическую идею — необходимо отстранить и *исключить* принцип личности и индивидуальности. Индивидуальное должно экономически исчезнуть в коллективном. Уже в этой формуле заключена вся превратность, все социальное и экономическое *извращение* коммунистического учения.

На этом разрушительном пути коммунисты пытались растоптать и закон экономической *дифференциации* и экономической *цельности*. И то и другое им совершенно не удалось. Не бывает экономики с одним-единственным классом. Если все должны, по всей видимости, сделаться равными, то это может произойти только *на самом низком уровне*: равными в бедности, в ничегонеделании, в голоде и варварстве. Это — тенденция к обнищанию. Ведь разделение труда и социальная дифференциация образуют закономерную основу для эффективного экономического творчества. Не должно удаться также

растаптывание экономической цельности страны, ведь не может на долгое время получиться так, чтобы *национальной экономикой руководила интернациональная партия*. Такое правительство прекращает оставаться здоровым экономическим центром своей собственной страны. Ему не доверяют, в нем ощущают *национального врага*, и постепенно народ берет в руки оружие *экономического дефетизма*.

И это развитие в Советской России началось. Налицо фундаментальный идиотизм коммунистического Интернационала в основаниях экономики. Отмечаемое ныне медленное отступление — *не эволюция*, во что нас хотят заставить поверить, а *полный крах*. Это отступление должно продолжаться с катастрофической скоростью. Крестьянству нужны свободная промышленность и свободная торговля. Коммунисты не могут им этого дать, ибо если они освободят промышленность и торговлю, им самим придет конец. Поэтому в России происходит странный процесс:

Нарастает крестьянская контрреволюция. Медленно, тяжело, но уверенно. Еще неорганизованно, но мощно и опираясь на землю ведут свое наступление крестьяне. Оно проступает, как весенняя вода, пропитывает Красную Армию, пролетариат, советскую бюрократию. Уже достигнуты первые ступени. Деревенские *районные советы* больше не принадлежат коммунистам. Рука об руку с пробуждением крестьян идет *быстрый спад промышленности*. Незадолго до смерти Дзержинский стонал: «Наше финансовое положение отчаянно. Мы не можем поднять заработную плату, и реальная заработная плата снижается!» *Это признаки наступающей инфляции*. Мы будем спокойно ожидать остального.

У Уланда есть прекрасная, мудрая, провидческая баллада. Она называется «Мщение»:

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.
Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.
И шпоры, и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.
И мост на коне проскакать он спешит —
Но конь поднялся на дыбы и храпит.
Он шпоры вонзает в крутые бока —
Конь бешеный сбросил в реку седока.
Он выплыть из всех напрягается сил —
Но панцирь тяжелый его утопил¹⁷.

В этой балладе изложен всеобщий закон судьбы для завистника, пошедшего на преступление, который может грабить и убивать, но сам будет погублен своей кровавой добычей. Это не месть, а наказание. *И наказание наступает через имманентный перст Божий.* В России уже вздыбился против этих всадников конь национального неприятия. Им уже отказывают шпоры невероятного террора. Их уже увлекает вниз тяжелая кольчуга разрушенной и разграбленной ими национальной государственности. Проваливается мировая зависть злого духа. Но тот, кто хочет ей помочь, кощунственно нарушает Божии мировые законы.

С глубоким волнением следили слушатели за светлыми, проникнутыми основами высокой этики и фундаментальным пониманием картины мира словами профессора Ильина. Когда русский ученый закончил свою лекцию, наградой ему были громкие, идущие от всего сердца аплодисменты. Обе лекции Ильина являют собой единое целое, имеют большую ценность и, вероятно, будут напечатаны.

А. ф<он> Е.

5

Меморандум

В деле профессора д-ра Ивана ИЛЬИНА,
род. в Москве 28. III. 1883 г., в Швейцарии с 9.VII.1938 г.

С действующего особого разрешения швейцарской полиции по делам иностранцев профессор д-р Иван Ильин во время своего нынешнего пребывания в Швейцарии проделал следующую работу на ниве культуры:

I. Лекционная деятельность

А) Лекции в швейцарских народных высших школах.

В Цюрихе:

«О новой русской литературе». 10 часов.

«Сущность и своеобразие русской культуры». 10 часов.

«Киев — древнейшая столица России». 2 часа.

В Дюбендорфе:

«О своеобразии русской культуры». 8 часов.

В Фойерталене:

«О русской душе». 2 часа.

В Майлене:

«Пушкин, Толстой и Достоевский». 6 часов.

В Веденсвиле:

«Русская душа». 2 часа.

- В Рапперсвиле:
«Сущность и своеобразие русской культуры». 10 часов.
«Великие умы русской литературы: Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский». 10 часов.
- В Херизау:
«Сущность и своеобразие русской культуры». 10 часов.
- В Ветциконе:
«Введение в русскую историю». 10 часов.
- В Кройцлингене:
«О русской культуре».
- Б) Лекции из других областей культуры.
- В Цюрихе:
Объединение историков искусства.
«Древняя русская архитектура и фресковая живопись». 2 часа.
Географическое и этнологическое общество.
«Земля и народы в России».
- Цюрихский городской театр.
«Лев Толстой как человек и художник». 2 часа.
- Студенты Цюрихского университета.
«Достоевский как художник». 2 часа.
«Кризис нынешней европейской культуры». 2 часа.
- Готхардский союз.
«Россия к началу XX столетия». 2 часа.
- Женский союз безалкогольных хозяйств.
«Душа русского в ее историческом становлении». 2 часа.
«О человеческой доброте».
- В Базеле:
Базельский городской театр.
«Лев Толстой как человек и художник»
«Лев Толстой по его роману «Война и мир». 2 часа.
- Германско-швейцарский Пен-клуб.
«Достоевский как художник». 2 часа.
- В Берне:
Свободные студенты Берна.
«О русской душе». 2 часа.
- Православная община в Берне.
«О русских церковных песнопениях».
- В Цуге:
Литературное общество.
«Своеобразие русской культуры». 2 часа.

- В Шафхаузене:
Новое швейцарское общество.
«О сущности русских». 2 часа.
- В Биле:
Театральное общество.
«О своеобразии русской души». 2 часа.
- В Цолликоне:
Транс-мероприятие общины.
Лекция и чтение собственных сочинений.
- Во Флавиле:
Свободная демократическая партия.
«Своеобразие русской души». 2 часа.
- В Шёненверде:
Союз домовладельцев (Bally Hausverband)
«Историческое становление России». 2 часа.
- В Роршахе:
Союз деятелей искусства.
«О романе Толстого «Война и мир». 2 часа.
- В Фрауенфельде:
Корпорация Турговия.
«Своеобразие русской культуры». 2 часа.
- В) В цюрихском кружке русской культуры и истории.
1. «Сущность и своеобразие русской культуры». 12 часов.
 2. «О смысле страдания».
 3. «Душа русского народа в ее сказках и легендах».
 4. «Русское понимание искусства и художественного совершенства».
 5. «Покой и радость в мировоззрении восточного православия».
 6. «Русская поэзия» (лекция и декламация).
 7. «О смысле настоящего».
 8. «Душа Востока в новом освещении»¹⁸.
 9. «Мечты и страдания странного русского романтика настоящего времени, Алексей Ремизов».
 10. «Судьба русского крестьянина».
 11. «Лев Толстой как истолкователь русской души».
 12. «О человеческой доброте».
 13. «Лев Толстой как философ».
 14. «Достоевский как человек и характер».
 15. «Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры».
 16. «Александр Пушкин как человек и характер».

17. «Достоевский как художник».
18. «Николай Метнер, композитор и провидец».
19. «Семья и частная собственность».
20. «О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе».
21. «Свобода духа в России: простецы по природе и юродивые во Христе».
22. «Образ Идиота у Достоевского».
23. Авторский вечер: чтение из новой книги «Я вглядываюсь в даль».
24. «Драма Пушкина «Моцарт и Сальери».
25. «Древнерусская архитектура и искусство фрески».
26. «Гоголь, великий русский сатирик, романтик и философ бытия».
27. «Образ Николая Ставрогина в «Бесах» Достоевского».
28. «Главные проблемы философии религии». 10 часов.

II. Книги и другие публикации

По действующему особому дозволению швейцарской полиции по делам иностранцев и швейцарского ведомства военной цензуры за эти годы были опубликованы следующие работы:

1. «Сущность и своеобразие русской культуры». Первое издание, 1942 г. Второе издание, 1944 г. Изд-во «Эрен» в Ауф-фольтерне на Альбисе. 199 с.

2. «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Академическое издательство Пауля Харта в Берне. 1943 г. 173 с.

3. «Вечные основы жизни». Изд-во «Эрен» в Ауффольтерне. 1943 г. 242 с.

4. «Я вглядываюсь в даль. Книга раздумий и упований». Изд-во «Эрен». 1945 г. 320 с.

5. «Свободная индивидуальность». Статья в сборнике «Голоса из Швейцарии к будущему Европы». В соавторстве с профессором Матиасом, национальным советником Ильгом, профессором Ханзельманом, профессором д-ром Хансом Бауэром, Эмундом Эрнстом, национальным советником Атдерэгтом, профессором Раппардом, дипл. инженером Нисцем, профессором Ховальдом, профессором Марбахом, национальным советником Гафнером и др. Изд-во Жака Больмана.

6. «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге». Изд-во А. Франке. Берн. 1946 г. 432 стр.

С тех пор прошло обсуждение книги: в газетах «Нойе Цюрихер цайтунг» и «Националь цайтунг», в «Теологическом

журнале» (Базель), в «Церковной газете для реформированной Швейцарии», в «Таймс» (Лондон) и в др. органах печати.

6

Наши местонахождения и путешествия

1922 — 1923

Осень 1922.X.1 — приезд в Берлин (Москва — Петербург — паром Oberbürgermeister Haker — Stettin — Berlin)

X.1 — XII.10 — Pension Holz-Strelow, Bayreuther str. 12
 XII.10 — 1923 Grunewald. Ecke Siemens str. und Jagow str.
 bei Wolff
 1923. Juli. Berlin — Pilsnitz — Berlin
 1923. August. München — Fischen — Oberstdorf
 [Pension Weberhaus] — München — Zürich
 Sept.—Okt. (bei Trüb) — Lugano — Locarno — Isola
 Bella — Zürich — Berlin (bei Wolff)

1923 — 1924

1923 конец сент. — 1924 — Grunewald bei Wolff
 (катар верхушек)
 1924 конец мая — Velden am Wörthersce, Mösslacher
 Haus — Kötschach im Gailtal
 August-Sept. Siusi (Untervirt) — Dolomiten str.
 (через Dabbiaco и Iort.)
 1924 September — Florenz. Pensione Fioretta.

1924 — 1925

1924
 Oktober — Ospedaletti — San Remo (пансион Сведомской)
 November — Meran (русский дом) Villa Borodine
 November — Januar 1925. — Meran
 1925 Januar — Florenz — Pensione Fioretta
 Februar — Berlin — Pension Thon.
 1925 May — Juli — Ahorn Allee bei Lazarus
 Anfang Juni — Paris — zurück Berlin
 Juli, 9. (BK) — über Prag nach Oberbozen; —
 Seis (Untervirt) Sept. 16 August, 26
 September — Stilfser Joch
 Oktober — Florenz
 9 Now. — Berlin

1925 — 1926

- 9 ноября — Pension Tonn
 1 Dezember — Stubenrauch str. bei Schindler
 Подготовка Зарубежного съезда
 1926. 2 апр. Зарубежный съезд — Париж
 1926
 июль — Seeon (Лейхтенбергский)
 Cortina d'Ampezzo
 пешая прогулка по Доломитам Stilfser Joch
 Siusi (Untervirt)
 Gardone Riviera Pensione Danese. Ассизы
 Florenz Pensione Danese. Перуджия
 5 ноября Берлин Tonn.

1926 — 1927

- 1926
 5 ноября — Pension Thon
 30 нояб. November — Südwestcorso. 18. Parterre —
 Baronin Lüdihauser
 15 янв. — Прага — 23 янв.
 1927. — Подготовка Русского Колокола.
 Juni Bruxelles — у Врангеля.
 С I.VII. Paris (у Мееровича. 51. rue Chardon
 Lagoche) до 20.VII.
 Grand Bornan Hôtel Milhomme. Annecy.
 С VIII.22 St. Gervas les Bains — IX.21 — Hôtel Beau
 Rivage
 X.13. Nice Chamonit
 X. 26 Париж
 Нач. XI Берлин, Pens. Tonn (Lützow str. 63)

1927 — 1928

1927. окт. Ницца. Париж. Конец окт. — начало ноября
 XI.18 — Берлин Pension Tonn — в двух задних
 комнатах
 Lützow str. 63 Pension Tonn.
 1928
 1 April — Grunewald — Wangenheim str. 45 bei Voigt
 1 Juli — Gauting bei Durnowo — VIII.26
 13 August — Görlitz Hausbesitzer Verein Wallensee
 Gauting
 конец августа — баварские горы
 Achensee

1 сент. выступление в Инсбруке (австр. домовладельцы) Thusis — St. Moritz
 Сентябрь. Thusis, St. Moritz. Wallesee. Цюрих. Лугано
 1 окт. Menaggio. Albergo Corona
 С 15 окт. выступления у нем. домовладельцев

1928 — 1929

1928 — Oktober Menaggio — Mitte Okt. Berlin — Pens. Tonn
 1928 — Oktober — Wormser Str. 4. bei Plöger
 (Vortragsreisen über ganz Deutschland).
 1929 — 1 April — Reichskanzlerplatz — Baden Allee. 1.
 bei Heinitz (подготовка Welt vor den Abgrund).
 17 июля — Strassburg — Trois Epis — Colmar
 авг. 16 Chexbres Hôtel Cécil.
 сент. Baveno
 IX.23. Margherita Ligure
 13 res cia — Padova — Venezia. Gardona.

1929 — 1930

окт. — Berlin — Pension Tonn
 С 1 ноября Grunewald Ilmenauer Str. 12.I bei Hecker.
 1930. февраль — лекция в Wintergarten — у Lutering —
 Hofprediger Döring
 апрель-май — Ilmenauer
 с конца июня до начала августа
 Blatenberg Hôtel Schöneegg
 в июле съезд St. Julion en Genevois
 назад в Beatenberg
 август — Morschach (Vierw. See)
 сентябрь — Lago di Como — Argegno.
 октябрь — Милан — Бергамо — Специя
 Пиза — Сиена (11 дней) — Орвьето —
 Флоренция — Brunate
 23 окт. вернулись в Берлин.

1930 — 1931

1930. Приезд в Берлин 23 октября.
 Пансион — у тов. прокурора — Herpes Zoster
 с 1 дек. Berlin — Westend Bayern Allee 5
 bei Hocken
 Выход в свет Welt vor dem Abgrund
 Рахм<анинов> в Берлине; 2 свидания с ним.

1931. Начало марта — лекции в Риге до 10 марта
с 27 апр. — до нач. мая — мои лекции в Париже;
свидания с Метнером.
1931. Отъезд в Берлин 11 июля.
Gmunden. Kaltenbrunner Str. 1 июль до нач. августа
свидание с Метнерами в Roschach (*неразб.*)
Bürgenstock 9 — 31 авг. Villa Senar
с 1 сент. Рига Tessin bei Trüb до 25 сент.
Monte Generoso
Como. Argegno.
Parma. Bologna.
Rimini. Ravenne.
выступления: 5.X Basel
8.X Aurau
10 окт. в Берлине
1 окт. Бремия. Мантуя. Верона. Виченца. Падуя. Ве-
неция (ангина) Лидо. Мурано. Торчелло.
14 окт. Лугано и Штутгарт.

1931 — 1932

- Pension Thonn
ноябрь — Rotenburg str. 43 Berlin-Steglitz
8 — 10 декабрь — Zürich — Geist als Not und
Problem + о Шмелеве
- 1932 Berlin — Rotenburg str.; I 13 — начало болезни
Gauting заездом
- 18 мая Velden am Wörtersee до июля
Villa Sintschuing
Zürich Augustiner Hof август
Pens. Delphin — Hôtel Sonnenberg
Rigi — конец августа. Weggis Senar (Puseaam).
Grindelwald. — Mürren — Weggis (2 дня) —
Рахм<анинов> Senar (23 авг.) Сваны
Lugano — Locarno — Castagnola
С 1 окт. Италия: Бремия. Мантуя. Верона. Виченца.
Падуя. Венеция (ангина)
Лидо — Мурано. Торчелло.
на обратном пути: 14 окт. ночлеги в Лугано и
Штутгарте.

1932 — 1933

- с 13 окт. — 20 окт. —
октябрь — Берлин — Pension Tonn —

Kurfürstendamm 200

С 2 ноября Wilmersdorf Sodener Str. 36.

1933.

из Берлина 11 августа.

12 — 25.VIII Вюрт. Шварцвальд

ночлег в Konstanz

XI.12. Gunten am Thuner See

18. возврат в Берлин

Гаутинг до 25.IX.

Болонья

Римини

Равенна

1933 — 1934

33. Берлин Sodener str.

34. Сент. Прага

Триест. Физма.

Сплит.

Дубровник.

Октябрь: Белград

Лекции. Собр<ание> памяти короля Ал<ександра>

Белая Церковь. Грипп у В.

Лекции в институте и в кадет. корпусе

Любляна (лекция)

Прага

Ноябрь — возвращение в Берлин.

1934 — 1935

Берлин. Sodener str.

35. Июнь Тюрингия.

Июль. Латвия. Кокнезе

Сент. Белое озеро.

Окт. Рига — лекции.

Возвращение в Берлин.

1935 — 1936

Берлин. Sodener str.

36. Летом в Гаутинге

Поездка в Партенкирхен.

Возвращение в Берлин.

1936 — 1937

Берлин. Sodener str.

37. Январь Рига (Пушк<инский> юбилей).

Ревель.

Юрьев (лекция).

Печоры.

Изборск.

Рига.

Берлин (Sod<ener> str.)

Осенью: Ревель (пароходом).

Курессаре (на о. Эзеле).

Нарва и морск. берег.

Печоры.

Изборск (граница).

Возвращение в Ревель, пароходом в г. Бизрю, Штетин.

Берлин.

Гаутинг.

Берлин. Sodener Str.

1938 — 1939

Zollikon. Alfeland str. 12

39. Летом. Приезд Метнер'ов.

Поездка в Берн; у Хаас'а.

в деревне под Берном.

Война.

Возвращение в Zollikon.

1939 — 1940

Zollikon. Alte Land str. 12.

40. Март. Операция гланд.

40. Летом. Месяц в Wengen'e

(прогулка к Бернским Альпам) Scheideck. Zollikon.

1940 — 1941

Zollikon. Alteland str. 12

1941 — 1942

Zollikon. Alteland str.

Авг. 41 г. — Lac. Champex

Сент. 41 Zermatt

Нач. 42 г. Болезнь. Плеврит.

Март 42 — Ангельберг.

1942 — 1943

Zollikon. Alteland str. 12.
Апр. Lugano

1943 — 1944

Zolliker str.
43. Weggis (сент.).
Осенью — Wallis.
Château d'Oex (авг.).
Clarens
44. Selisberg (май).

1944 — 1945

Zolliker str.
Selisberg (Авг.).
44
Samaden (Сент.).
Silvaplana (16-9-44).
30.VIII. Luzern.
Апрель. 20. Люцерн (1945).
Май 45. Лугано.
Август. Neuchâtel.
19.IX.45 Weggis.
14.IX.45 Clarens.

1945 — 1946

Zolliker str. 33. Zollikon
45. Neuchâtel
Clarens (14.IX).
Weggis.
46. Апр. Лугано.

1946 — 1947

Weggis.
(сент.) Chebres (Signal).

1947 — 1948

48. Май. Weggis.

1948 — 1949

1949 — 1950

1950 — 1951

1950 конец августа (Тромбофлебит правой ноги; собирались в Италию) — дома.

Сент. 1950 — май 1951 Цолликон
Апрель 1951 — удар кулаком в грудь на Bellevue.
май-июнь — 1 месяц — Weggis Hôtel Rigi
конец июля — инфаркт сердца
Август — до 26 ноября клиника Hirslanden
IV этаж. комн. 19. Потом 14.
с 26.XI — в Zollikon; до конца года
начало язвы желудка.

1951 — 1952

1952
С 21 янв. до 12 августа
язва желудка + инфаркт
Клиника Hirslanden II этаж комната 9.
С 12 августа до конца года — дома — Zollikon
(безвыходно).

1952 — 1953

1952. 12 авг. — 1 янв. 1953
Zollikon
Первые мои выходы в апреле.
Сент. 1953:

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография работ И. А. Ильина на немецком языке (1925—1938)

1925

1. *Bolschewismus und der Krise des modernen Rechtsbewußtseins* (Большевизм и кризис современного правосознания): в журнале Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie, Berlin-Grünwald 1925/26, Band XIX, S. 26—44. Статья была переиздана в 2001 г. в журнале-правопреемнике «Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie» (Vol. 87, Heft 1, S. 61—71). Русский перевод опубликован в наст. Собр. соч. (Т. 7. — М., 1998. — С. 5—26).

1926

2. *Rechtsordnung und Rechtsbewußtsein im gegenwärtigen Rußland* (*Правопорядок и правосознание в современной России*): в сборнике Schriftenreihe «Auslandsstudien», Band 2: Rußland, hrsg. von Arbeitsausschuß zur Förderung des Auslandsstudium an der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr., Königsberg i. Pr.: Gräfe und Unzer Verlag, 1926. — S. 75—108. Доклад в Кёнигсбергском университете в январе 1926 г., по-русски не публиковалось.

3. *Das kommende Rußland: Zusammenarbeit mit Deutschland — Der große Klärungsprozeß* (*Грядущая Россия: Совместная работа с Германией — длительный процесс просвещения*): в газете «Münchener Neueste Nachrichten», München, 1926. — 79. Jg. — 07.12. Di. — Nr. 338. — S. 5.

1928

4. *Die Enteignung in Rußland und ihre Bedeutung für die Welt* (*Экспроприация в России и ее мировое значение*): в журнале «Schriften des Zentralverbandes Deutscher Haus- und Grundbesitzervereine e. V.», Berlin, 1928. — Heft 5. — S. 7—18. Русский перевод опубликован под названием «Отчуждение собственности в России и его мировое значение» в наст. Собр. соч. в доп. томе «Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906—1954)» (М., 2001. — С. 334—350).

5. *Das neue nationale Rußland* (*Новая национальная Россия*): в журнале: «Der Nahe Osten, Berlin», 1928. — 1. Jg. — 15.03. — Heft 6. — S. 69—72. По-русски не публиковалось.

6. *Wie die dritte Internationale arbeitet* (*Как работает III Интернационал*): в газете «Der Tag», Berlin, 1928. — 28. Jg. — 24.04. Di. — Nr. 98. — S. 12. Русский перевод опубликован в наст. томе Собр. соч. (М., 2001. — С. 155—164).

7. *Weltkrise der Eigentumsbewußtsein* (*Мировой кризис сознания собственности*): в газете «Deutsche Bergwerkszeitung», Düsseldorf, 1928. — 29. Jg. — 14.08. По-русски не публиковалось.

1929

8. *Kommunismus oder Privateigentum? Eine Problemstellung* (*Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы*), Berlin: «Verlagsanstalt des deutschen Hausbesitzes G.m.b.H.», 1929: в журнале Schriften des Zentralverbandes Deutscher Haus- und Grundbesitzervereine e. V., 1929, Heft 2, 62 S. Русский перевод опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 7 — М., 1998. — С. 27—84.

9. *Die Enteignung in Rußland und der Kampf um das Privateigentum* (*Экспроприация в России и борьба за частную собственность*): в журнале: «Schriften des Haus- und Grundbesitzervereins e. V.», Düsseldorf: <Fritz>, 1929, 24 S. По-русски не публиковалось.

10. *Der Mittelstand und seine Aufgaben: Analytische Skizzen von Prof. Dr. Iljin (Средний класс и его задачи: Аналитические заметки проф. д-ра Ильина)*, <Berlin>: в специальном выпуске газеты «Der Tag» 1929, Ende Mai, 11 S. Опубликовано как отдельный оттиск статей № 11—17 данной библиографии.

11. *Der Mittelstand (Средний класс)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1929. — 29. Jg. — 24.03. So. — Nr. 72. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 164—168.

12. *Die Sozialisierung (Обобществление)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1929. — 29. Jg. — 28.03. Do. — Nr. 75. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 168—171.

13. *Privateigentum (Частная собственность)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1929. — 29. Jg. — 09.04. Di. — Nr. 85. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 171—175.

14. *Enteignung (Экспроприация)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1929. — 29. Jg. — 16.04. Di. — Nr. 91. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 175—178.

15. *Kraftersparnis (Экономия сил)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1929. — 29. Jg. — 27.04. Sa. — Nr. 101. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 178—181.

16. *Die Befreiung (Освобождение)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1929. — 29. Jg. — 07.05. Di. — Nr. 108. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 181—185.

17. *Sozial oder sozialistisch? (Социально или социалистически?)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1929. — 29. Jg. — 14.05. Di. — Nr. 114. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 185—189.

1930

18. *Die Zermürbung des Familienlebens im Sowjetstaate (Разрушение семейной жизни в советском государстве)*: в сборнике «Das Notbuch der russischen Christenheit», Berlin: Eckart-Verlag, 1930, 1. Aufl. 248 S. (S. 167—191); Berlin: Eckart-Verlag, 1930, 2., überarbeitete und vermehrte Auflage, 264 S. (S. 164—188). Русский перевод с 1-го издания опубликован под названием «Разрушение семьи в советском государстве» в наст. Собр. соч.: Т. 7. — М., 1998. — С. 85—115.

19. *Stalin im Angriff (Сталин в наступлении)*, «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 07.02., Fr. — Nr. 33. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в настоящем томе Собр. соч.: М., 2001. — С. 189—192.

20. *Die Kommunisten und die Krise der Demokraten (Коммунисты и кризис демократов)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 02.03. So. — Nr. 53. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 192—195.

21. *Kommunismus gegen Religion (Коммунизм против религии)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 26.04. Sa. — Nr. 100. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 195—199.
22. *Die Entehrung (Обесчещение)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 24.05. Sa. — Nr. 123. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 199—202.
23. *Der Kampf um die Familie (Борьба за семью)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 05.08. Di. — Nr. 185. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 202—206.
24. *Der geknechtete Arbeiterstand (Порабощенное рабочее сословие)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 23.08. Sa. — Nr. 201. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 206—210.
25. *Der enteignete Bauer (Экспроприированный крестьянин)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 27.08. Mi. — Nr. 204. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 210—214.
26. *Der beglückte Mieter (Осчастливленный квартиросъемщик)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1930. — 30. Jg. — 30.10. Do. — Nr. 259. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 214—218.
27. *Die Leiden des russischen Bauern: Vortrag des ehemaligen russischen Professors Dr. Iljin auf der Vertreterversammlung des Brandenburgischen Jung-Landbundes am 22. Januar 1930 (Страдания русского крестьянина: доклад бывшего русского профессора д-ра Ильина на собрании представителей молодежного аграрного союза провинции Бранденбург)*: в газете «Brandenburgische Landbund»: Wochenzeitung, Organ des Brandenburgischen Landbundes mit 120 000 Mitgliedern, Berlin, 1930. — 11. Jg. — 01.02. — Nr. 4, — S. 1—2. По-русски не публиковалось.
28. *Die Zermürbung der Familie im Sowjetstaate (Разрушение семьи в советском государстве)*: в газете «Darmstädter Tagblatt», Darmstadt, 1930. — 192. Jg. — 23.04. По-русски не публиковалось.

1931

29. *Wider die Gottlosigkeit: Die Christenverfolgung im Sowjetstaate. Der Sinn der Gottlosigkeit. Der Bund von Gottlosen (Против безбожия: Преследование христиан в советском государстве. Смысл безбожия. Союз безбожников)*: в сборнике «Die Notreihe. Fortlaufende Abhandlungen über Wesen und Wirken des Bolschewismus», Berlin: Eckart-Verlag, 1931. — Heft 3, 39 S. В 1931—1934 было 5 изданий, причем последнее вышло в издательстве Антикоминтерна «Nibelungen-Verlag». Французский перевод: *La Lutte du pouvoir soviétique contre la religion*, éd. Conseil Paroissial Orthodoxe Russe en Suisse, Trad. De l'allemand par le prof. G. G. <Albi>, Genève: <Travailleurs intellectuels>, 1931. — 46 S. Рус-

ский перевод с 1-го издания опубликован в Собр. соч.: Т. 7. — М., 1998. — С. 223—268.

30. *Einleitung* (S. 8—11); *Die Ziele und die Hoffnungen* (S. 15—34); *Arbeitsmethoden* (S. 35—53); *Das System des Terrors* (S. 99—118); *Kommunismus als Beamtenherrschaft* (S. 119—142); *Schicksal der russischen Bauern* (S. 183—218); *Lage der Arbeiter* (S. 371—400); *Nachwort* (S. 567—568)», in: «Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate. Nach authentischen Quellen. Ein Sammelwerk, bearbeitet und herausgegeben von Universitätsprofessor Dr. Iwan Iljin (*Введение. Цели и надежды. Методы работы. Система террора. Коммунизм как господство чиновников. Судьба русского крестьянина. Положение рабочих. Послесловие*). В кн.: Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. По аутентичным источникам. Сборник под ред. университетского профессора д-ра И. А. Ильина), Berlin: Eckart-Verlag, 1931, 576 S. Сборник опубликован в двух томах наст. Собр. соч.: М., 2001. Ч. I и II — с. 8—12, 15—62, 114—167, 213—256, 434—468 и ч. III — с. 7—152.

31. *Was ist Kulturbolschewismus* (*Что такое культурный большевизм*), «Der Tag», Berlin, 1931. — 31. Jg. — 26.06., Fr. — Nr. 152. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 218—221.

32. *Die Verbreitung der Seuche* (*Распространение заразы*): в газете «Der Tag», Berlin, 1931. — 31. Jg. — 21.07. Di. — Nr. 173. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 221—224.

33. *Die Ursache des Übels* (*Причина зла*): в газете «Der Tag», Berlin, 1931. — 31. Jg. — 16.09. Mi. — Nr. 222. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 224—228.

34. *Rezension zur Jubiläumsausgabe der «Sämtlichen Werke» von G. W. Fr. Hegel durch H. Glockner* (*Stuttgart 1927/1930*) (Рецензия на юбилейное издание «Полного собрания сочинений» Гегеля Хансом Глокнером (Штутгарт, 1927/1930)): в журнале «Deutsche Literaturzeitung». Wochenschrift für Kritik der internationalen Wissenschaft. Dritte Folge., Berlin, 1931. — 2. Jg., Heft 28, 12.07., S. 1302—1307. По-русски не публиковалось.

1932

35. *Gift. Geist und Wesen des Bolschewismus* (*Яд. Дух и сущность большевизма*) hrsg. in: Die Notreihe. Fortlaufende Abhandlungen über Wesen und Wirken des Bolschewismus, Berlin: Eckart-Verlag, 1932. — Heft 9, 45 S. В 1932—1934 гг. было 5 изданий, причем 4-е и 5-е вышли в «Nibelungen-Verlag». Шведский перевод: *Gift. Bolsjevismens anda och väsen*, Övers. av G. Nordstrand, Stockholm: Svea Rikes Förlag, 1933. — 70 S. Немецкий вариант книги «Яд большевизма» (Genève, 1931). Русский перевод с 1-го

издания опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 7. — М., 1998. — С. 141—188.

36. *Die Entstehung des Bolschewismus aus der geistigen Krise der Gegenwart*, in: *Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschlands (Возникновение большевизма из духовного кризиса современности, в: Разверзание преисподней. Поперечный разрез большевизации Германии)*, von Dr. Adolf Ehart und Dr. Julius Schweickert, Berlin-Leipzig: Eckart-Verlag, 1932. — 320 S. (S. 295—315); 2. überarb. Aufl., 1933. — 326 S. (S. 299—321). Ильин выступил здесь под псевдонимом «Юлиус Швейкерт». Русский перевод с 1-го издания опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 7. — М., 1998. — С. 116—141.

37. *Prophet der Krise: Ein Vorwort zu Schmeljows Novelle (Провозвестник кризиса: предисловие к повести Шмелева)*: в журнале: «Eckart Blätter für evangelische Geisteskultur», Berlin, 1932. — 8. Jg. — Heft 6 (Juni). — S. 303—304. Затем как «Введение» к книжному изданию перевода шмелевской повести «На пеньках» — Einleitung (S. 5—9), в: Schmeljov, Iwan, *Der Bericht eines ehemaligen Menschen* / übers. Dr. Arthur Luther, Berlin: Eckart-Verlag, 1932. По-русски не публиковалось.

38. *Richtlinien des Komintern zur Bolschewisierung Deutschlands (Директивы Коминтерна по большевизации Германии)*, хранится в: BA, Rep. 58 «RSHA», Nr. 3199, fol. 23—155 и в: PA AA, R31759 «Akten betreffend Bolschewismus, Kommunismus, usw.», Bd. 44, fol. E501226—E501358. Введение, оглавление и предметный указатель работы публикуются в наст. томе, с. 259—270.

39. *Bolschewismus als Psychose (Большевизм как психоз)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1932. — 17.01. So. — Nr. 15. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 228—232.

40. *Politik der Leidenschaft (Политика страстей)*: в газете «Der Tag», Berlin, 1932. — 29.12. Do. — Nr. 312. — S. 1—2. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 232—235.

41. *Wie lebt der Bauer in der Sowjetunion? (Как живет крестьянин в Советском Союзе?)*: в газете «Brandenburgische Landbund: Wochenzeitung», Organ des Brandenburgischen Landbundes mit 120 000 Mitgliedern, Berlin, 1932. — 13. Jg. — 04.03. Fr. — Nr. 12. — S. 1—2. По-русски не публиковалось.

42. *Das wahre Bild des Sowjetstaates (Истинная картина советского государства)*: в газете: «Berliner Börsen-Zeitung»: Tageszeitung für nationale Politik, Wirtschaft, Kultur mit Berliner Börsen-Courier, Berlin, 1932. — 78. Jg. — 06.03., So. — Nr. 111. — Literaturbeilage (Nr. 10, S. 1). По-русски не публиковалось.

43. *Kulturbolschewismus (Культурбольшевизм)*: в журнале «Das evangelische Deutschland»: Kirchliche Rundschau, Berlin-Steglitz,

1932. — 9. Jg. — 06.03. — Nr. 10. — S. 75—76. По-русски не публиковалось.

1933

44. *Krise des Sozialismus. I. (Кризис социализма. I.):* в журнале «Deutschlands Erneuerung», München, 1933. — 17. Jg. — Heft 1 (Januar). — S. 20—27.

45. *Krise des Sozialismus. II. (Кризис социализма. II.):* в журнале «Deutschlands Erneuerung», München, 1933. — Heft 2 (Februar). — S. 65—71.

46. *Krise des Sozialismus. III. (Кризис социализма. III.):* в журнале «Deutschlands Erneuerung», München, 1933. — Heft 3 (März), S. 141—147.

Русские варианты статей 44—46 были напечатаны в семи номерах газеты «Возрождение»: Париж, 1931. — № 2193, 2222, 2242, 2262, 2300, 2307, 2334. Материалы были переработаны Ильиным в цельную лекцию «Крушение социализма», опубликованную наст. Собр. соч. в доп. томе «Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906—1954)»: М., 2001. — С. 413—442.

47. *Neuer Kampf und Neues Werk (Новая борьба и новый труд):* в журнале «Liga Heft»: Organ der Liga zur Abwehr des Bolschewismus e.V., Berlin: Liga-Verlag, 1933. — 1. April. So. — Nr. — S. 14—15. По-русски не публиковалось.

48. *Erwartung und Läuterung. Zur russischen Emigration (Ожидание и очищение. К русской эмиграции):* в журнале «Eckart Blätter für evangelische Geisteskultur», Berlin, 1933. — 9. Jg. — Heft 7/8 (Juli/August). — S. 355—358. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 235—240.

49. *Prospekt eines Kollegs über «Die Irrlehre des modernen Kommunismus, ihr Ursprung und ihre Ueberwindung» (Проспект семинара «Ошибочная доктрина современного коммунизма, ее происхождение и ее преодоление»),* хранится в: GStA PK, I HA, Rep. 76Vc «Preußischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung», Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin», fol. 238-240. Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 489—492.

50. *Die Hungernot in Sowjetrußland als Folge der kommunistischen Landwirtschaftspolitik (Голод в Советской России как результат коммунистической аграрной политики),* хранится в: GStA PK, I HA, Rep. 76Vc «Preußischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung», Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin», fol. 316-362; и в PA AA, R31836 «Das Russische Wissenschaftliche Institut». Русский перевод опубликован в наст. томе, с. 276—306.

1935

51. *Bolschewistische Weltmachtpolitik. Die Pläne der 3. Internationale zur Revolutionierung der Welt* (Большевистская политика мирового господства. Планы III Интернационала по революционизированию мира), von Dr. Alfred Normann, Bern: Gotthelf-Verlag, 1935. — 287 S. Ильин выступил здесь под псевдонимом «Альфред Норманн». Русский перевод опубликован в Собр. соч.: Т. 8 — М., 1998. — С. 5—340.

52. *Was haben wir unserer Jugend zu geben?* (Что мы должны дать нашей молодежи?): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1935. — 5. Jg. — Nr. 9 (September). — S. 138—142. По-русски не публиковалось.

53. *Langweile: Tröstende Skizzen. <I>* (Скука: Утешающие эскизы. I): под псевдонимом «Karl von Brebisius» в вечерних выпусках газеты «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 08.07., Mo. — Nr. 31. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 1 «Die Langweile (Aus einem Brief)» в книгу «Ich schaue ins Leben. Ein Buch der Besinnung», Berlin, 1938. Русский перевод — «Скука (из письма)» — опубликован как главка в «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 93—94.

54. *Die Neugierde: Tröstende Skizzen <II>* (Любопытство: Утешающие эскизы. II): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 10.07. Mi. — Nr. 322. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии — с некоторыми дополнениями — вошла как гл. 17 «Die Neugierde» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Любопытство» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 122—123.

55. *Die Schlaflosigkeit <Tröstende Skizzen. III>* (Бессонница: Утешающие эскизы. III): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 05.08. Mo. — Nr. 366. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 2 «Die Schlaflosigkeit» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Бессонница» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 94—96.

56. *Der Lärm <Tröstende Skizzen. IV>* (Шум: Утешающие эскизы. IV): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 07.08. Mi. — Nr. 370. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии — с незначительными изменениями — вошла как гл. 16 «Der Lärm» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Шум» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 120—122.

57. *Der Misserfolg <Tröstende Skizzen. V>* (Неудача: Утешающие эскизы. V): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 15.08., Do. — Nr. 384. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 5 «Der Misserfolg» в «Ich schaue ins Leben». Рус-

ский перевод — «Неудача» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 100—102.

58. *Die Sorge: Tröstende Skizzen. <VI> (Забота: Утешающие эскизы. VI)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 19.08, Mo. — Nr. 390. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 3 «Die Sorge» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Забота» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 97—99.

59. *Schlechte Laune: Tröstende Skizzen. VII (Плохое настроение: Утешающие эскизы. VII)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 23.08., Fr. — Nr. 398. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 6 «Die Schlechte Laune» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Плохое настроение» — опубликован в Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 102—104.

60. *Der Alltag: Tröstende Skizzen. VIII (Будни: Утешающие эскизы. VIII)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 27.08. Di. — Nr. 404. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии — с незначительными изменениями — вошла как гл. 4 «Der Alltag» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Будни» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 99—100.

61. *Die Krankheit: Tröstende Skizzen. IX (Болезнь: Утешающие эскизы. IX)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 02.09. Mo. — Nr. 414. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 7 «Die Krankheit» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Болезнь» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 104—106.

62. *Der Sonnenstrahl: Tröstende Skizzen. X (Солнечный луч: Утешающие эскизы. X)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 04.09. Mi. — Nr. 418. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 67 «Der Sonnenstrahl» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Солнечный луч» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 211—212.

63. *Die Einsamkeit: Tröstende Skizzen. XI (Одиночество: Утешающие эскизы. XI)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 07.09. Sa. — Nr. 424. — 1. Beiblatt, <S. 2>. Впоследствии вошла как гл. 38 «Die Einsamkeit» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Одиночество» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 163—164.

64. *Die Armut: Tröstende Skizze. XII (Бедность: Утешающие эскизы. XII)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 10.09. Di. — Nr. 428. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии — с незначительными изменениями — вошла как гл. 8 «Die Armut» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Бедность» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 106—108.

65. *Der Begabte: Tröstende Skizzen. XIII* (Одаренный: Утешающие эскизы. XII): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 17.09. Di. — Nr. 440. — 1. Beiblatt, <S. 2>. Впоследствии вошла как гл. 12 «Der Begabte» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Одаренный» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 113—114.

66. *Die Träne: Tröstende Skizzen. XIV* (Слеза: Утешающие эскизы. XIV): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 23.09. Mo. — Nr. 450. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 58 «Die Träne» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Слеза» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 196—197.

67. *Der Neid: Tröstende Skizzen. XV* (Зависть: Утешающие эскизы. XV): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 01.10. Di. — Nr. 464. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 25 «Der Neid» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Зависть» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 137—138.

68. *Das Gewitter: Tröstende Skizzen. XVI* (Гроза: Утешающие эскизы. XVI): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 04.10. Fr. — Nr. 470. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 60 «Das Gewitter» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Гроза» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 199—201.

69. *Die Reise: Tröstende Skizzen. XVII* (Путешествие: Утешающие эскизы. XVII): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 11.10. Fr. — Nr. 482. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 55 «Die Reise» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Путешествие» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 190—192.

70. *Der Humor: Tröstende Skizzen. XVIII* (Юмор: Утешающие эскизы. XVIII): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 16.10. Mi. — Nr. 490, 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 48 «Der Humor» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Юмор» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 178—180.

71. *Sachlichkeit: Uneigennützige Betrachtungen. I* (Деловитость: Бескорыстные созерцания. I): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 03.12. Di. — Nr. 571. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии — с незначительными изменениями — вошла как гл. 49 «Sachlichkeit» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Деловитость» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 180—181.

72. *Der Dunkel: Uneigennützige Betrachtungen. II* (Самомнение: Бескорыстные созерцания. II): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin,

1935. — 64. Jg. — 06.12. Fr. — Nr. 577. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии — с некоторыми дополнениями — вошла как гл. 26 «Sachlichkeit» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Самоmnение» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 139—140.

73. *Über die Bestechlichkeit: Uneigennützige Betrachtungen. III (О продажности: Бескорыстные созерцания. III)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 10.12. Di. — Nr. 583. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 19 «Die Bestechlichkeit» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Продажность» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 125—126.

74. *Die Verspätung: Uneigennützige Betrachtungen. IV (Опоздание: Бескорыстные созерцания. IV)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 13.12. Fr. — Nr. 589. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 41 «Die Verspätung» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Опоздание» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 167—168.

75. *Der Bücherschrank: Uneigennützige Betrachtungen. V (Книжный шкаф: Бескорыстные созерцания. V)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 17.12. Di. — Nr. 595. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 10 «Der Bücherschrank» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Книжный шкаф» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 110—111.

76. *Das Geschenk: Uneigennützige Betrachtungen. VI (Подарок: Бескорыстные созерцания. VI)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 19.12. Do. — Nr. 599. — 1. Beiblatt, <S. 1>. Впоследствии вошла как гл. 39 «Das Geschenk» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Подарок» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 164—165.

77. *Der Schnee: Uneigennützige Betrachtungen. VII. (Снег: Бескорыстные созерцания. VII)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 23.12. Mo. — Nr. 605. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 61 «Der Schnee» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Снег» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 201—202.

78. *Die Kunst des Streites: Uneigennützige Betrachtungen. VIII. (Искусство спора: Бескорыстные созерцания. VIII)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1935. — 64. Jg. — 30.12. Mo. — Nr. 614. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 46 «Die Kunst des Streites» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Искусство спора» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 175—177.

1936

79. *Das Martyrium der Russischen Kirche und seine Bedeutung für die christlichen Kirchen anderer Länder* (Мученичество русской церкви и значение этого для христианских церквей других стран): Berlin, изд-во «Russischen Bruderhilfe» (Lemgo), Neukirchen, Kr. Mörs: Verlag Stursberg&Co, 1936. — 28 S. Часть тиража этой брошюры была отпечатана под названием «*Was hat das Martyrium der Kirche in Sowjet-Rußland den Kirchen der anderen Welt zu sagen?*» (Что должно поведать церквам остального мира мученичество церкви в Советской России?). Русский перевод опубликован в наст. Собр. соч. в доп. томе «Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906—1954)»: М., 2001. — С. 392—413.

80. *Das russisch-orthodoxe Kirchenlied* (Церковные песнопения в русском Православии): в журнале: *Liebet einander!*: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 1 (Januar). — S. 3—6. По-русски не публиковалось.

81. *Ueber das Wesen des Glaubens: 1. Wir glauben alle* (О сущности веры: 1. Все мы веруем): в журнале «*Liebet einander!*»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 2 (Februar). — S. 25—28. Впоследствии была переработана как гл. I.1 «*Wir glauben alle*» и начало гл. I.2 «*Glaube und Leben*» для книги «*Die ewigen Grundlagen des Lebens*», Zürich, 1943. Русский вариант был опубликован раньше — как глава I.1 из книги «Путь духовного обновления». — Белград, 1937 (см. в наст. Собр. соч.: Т. 1 — М., 1993. — С. 41—45).

82. *Ueber das Wesen des Glaubens: 2. Glaube und Leben* (О сущности веры: 2. Вера и жизнь): в журнале «*Liebet einander!*»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 3 (März). — S. 36—39. Впоследствии была переработана как окончание гл. I.2 «*Glaube und Leben*» и гл. I.3 «*Nicht alles ist des Glaubens wert*» для книги «*Die ewigen Grundlagen des Lebens*», Zürich, 1943. Русский вариант был опубликован раньше — как глава I.2 из книги «Путь духовного обновления». — Белград, 1937 (см. в наст. Собр. соч.: Т. 1 — М., 1993. — С. 41—51).

83. *Ueber das Wesen des Glaubens: 3. Glaube und Wissen* (О сущности веры: 3. Вера и знание): в журнале «*Liebet einander!*»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 5 (Mai). — S. 66—71. Впоследствии была почти полностью переработана как гл. I.4 «*Glaube und Wissen*» для книги «*Die ewigen Grundlagen des Lebens*», Zürich, 1943. Русский вариант был опубликован раньше — как глава I.4 из книги «Путь духовного обновления». — Белград, 1937 (см. в наст. Собр. соч.: Т. 1 — М., 1993. — С. 56—63).

84. *Ueber das Wesen des Glaubens: 4. Glaube und Liebe* (О сущности веры: 4. Вера и любовь): в журнале «*Liebet einander!*»:

Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 6 (Juni). — S. 85—88. Впоследствии была существенно переработана как гл. II.3 «Liebe und Glaube» для книги «Die ewigen Grundlagen des Lebens», Zürich, 1943. Русский вариант был опубликован раньше — как глава II.3 из книги «Путь духовного обновления». — Белград, 1937 (см. в наст. Собр. соч.: Т. 1. — М., 1993. — С. 84—88).

85. *Ueber das Wesen des Glaubens: 5. Die heilige Lohe (О сущности веры: 5. Священное горение)*: в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 7 (Juli). — S. 102—106. По-русски не публиковалось.

86. *Die Krise der Gottlosigkeit. 1 (Кризис безбожия. 1)*: в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 9 (September). — S. 130—133. По-русски не публиковалось.

87. *Die Krise der Gottlosigkeit. 2 (Кризис безбожия. 2)*: в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 10 (Oktober). — S. 146—151. По-русски не публиковалось.

88. *Die Krise der Gottlosigkeit. 3 (Кризис безбожия. 3)*: в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1936 — 6. Jg. — Nr. 12 (Dezember). — S. 184—188. По-русски не публиковалось.

89. *Das Nein und das Ja: Uneigennützige Betrachtungen. IX (Нет и Да: Бескорыстные созерцания. IX)* под псевдонимом «Karl von Brebisius»: в вечерних выпусках газеты «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 02.01. Do. — Nr. 3. — S. 8. Впоследствии вошла — с некоторыми дополнениями — как гл. 51 «Das Nein und das Ja» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Нет и Да» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 184—185.

90. *Vom Glück: Uneigennützige Betrachtungen. X (О счастье: Бескорыстные созерцания. X)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 14.01., Di. — Nr. 23. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 57 «Das Glück» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Счастье» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 194—196.

91. *Der Hass: Uneigennützige Betrachtungen. XI (Ненависть: Бескорыстные созерцания. XI)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 20.01., Mo. — Nr. 33. — S. 12. Впоследствии вошла — с некоторыми дополнениями — как гл. 18 «Der Haß» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Ненависть» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 123—125.

92. *Die Liebe: Uneigennützige Betrachtungen. XII (Любовь: Бескорыстные созерцания. XII)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin,

1936. — 65. Jg. — 28.01. Di. — Nr. 47. — S. 8. Впоследствии вошла — в существенно переработанном виде — как гл. 56 «Die wahre Liebe» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Истинная любовь» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 192—194.

93. *Über die Gottlosigkeit: eine Abrechnung (О безбожии: сведение счетов)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 07.02. Fr. — Nr. 65. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 24 «Die Gottlosigkeit» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Безбожие» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 135—137.

94. *Der Widersacher: eine Lobpreisung (Противник: похвала)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 10.02. Mo. — Nr. 69. — S. 14. Впоследствии вошла как гл. 45 «Der Widersacher» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Противник» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 174—175.

95. *Der Schweiger (Молчаливый)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 13.03. Fr. — Nr. 125. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 35 «Der Schweiger» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Молчаливый» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 157—159.

96. *Die Kunst des Lobes (Искусство похвалы)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 04.04. Sa. — Nr. 163. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 44 «Die Kunst des Lobes» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Искусство похвалы» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 172—174.

97. *Der Materialist (Материалист)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 12.05. Di. — Nr. 224. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 23 «Der Materialist» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Материалист» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 133—135.

98. *Der Kluge (Умный)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 16.06. Di. — Nr. 282. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 37 «Der Kluge» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Умный» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 161—163.

99. *Der Schlaufuchs (Хитрец)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 24.06. Mi. — Nr. 296 — S. 10. Впоследствии вошла как гл. 36 «Der Schlaufuchs» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Хитрец» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 159—161.

100. *Der Leichtsinn (Легкомыслие)*: в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 25.07. Sa. — Nr. 350. — S. 8.

Впоследствии вошла как гл. 33 «Der Leichtsinn» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Легкомыслие» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 154—155.

101. *Das Lächeln* (Улыбка): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 27.08. Do. — Nr. 406. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 32 «Das Lächeln» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Улыбка» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 152—153.

102. *Der Boden* (Почва): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 01.09. Di. — Nr. 414. — S. 8. Впоследствии вошла — в существенно переработанном виде — как гл. 31 «Die Entwurzelung» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Оторванность от корней» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 149—151.

103. *Die Verantwortung* (Ответственность): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — Abend-Ausgabe, 65. Jg. — 10.09. Do. — Nr. 430. — S. 8. Впоследствии вошла — с некоторыми дополнениями — как гл. 50 «Die Verantwortung» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Ответственность» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 184—185.

104. *Der Herbst* (Осень): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — Abend-Ausgabe, 65. Jg. — 15.09. Di. — Nr. 438. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 65 «Der Herbst» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Осень» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 207—209.

105. *Der Rucksack* (Рюкзак): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — Abend-Ausgabe, 65. Jg. — 22.09. Di. — Nr. 450. — S. 8. Впоследствии — с незначительными изменениями — вошла как гл. 49 «Der Rucksack» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Рюкзак» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 108—110.

106. *Was ist Ueberzeugung?: Aus meinem Reise-Notizbuch* (Что есть убеждение? Из моей дорожной записной книжки): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1936. — 65. Jg. — 31.12. Do. — Nr. 618. — S. 8. Впоследствии вошла как гл. 65 «Die Überzeugung» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Убеждение» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 218—220.

1937

107. *Der Angriff auf die Christliche Ostkirche*. Vortrag von Professor Dr. I. Iljin, Berlin, früher Moskau. Mit einem Vorwort von Missions-Inspektor <F.> Schneider, Neukirchen, gehalten vor den Pfarrern der Kreisgemeinde Düsseldorf am 1. November 1937

(*Наступление на восточную христианскую церковь*. Доклад профессора д-ра И. Ильина, Берлин, прежде — Москва, прочитанный перед пасторами церковной общины Дюссельдорфа 1 ноября 1937 г. Предисловие инспектора миссии Ф. Шнайдера, Нойкирхен): изд-во «Russischen Bruderhilfe» (Lemgo), Neukirchen, Kr. Mörs: Verlag Stursberg & Co, 1937. — 16 S. Русский перевод опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 7. — М., 1998. — С. 294—310.

108. *Christentum und Bolschewismus: Woher die Christenverfolgungen des XX. Jahrhunderts?* Ein sachliches Wort von Iwan Iljin, mit dem Geleitwort von Pastor K. Ewerbek (*Христианство и большевизм: Откуда преследования христиан в XX веке?* Выступление Ивана Ильина по существу дела, вступительное слово пастора К. Эвербека): изд-во «Russischen Bruderhilfe» (Lemgo), 1937. — 16 S. Русский перевод опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 7. — М., 1998. — С. 282—294.

109. *Das Martyrium der Kirche in Rußland*. Ein Vortrag von I. Iljin, Berlin, früher Moskau, an die evangelischen Brüder und Schwestern in Christo (*Мученичество церкви в России*. Доклад И. Ильина, Берлин, прежде — Москва, перед евангелическими братьями и сестрами во Христе): изд-во «Russischen Bruderhilfe» (Lemgo), Neukirchen, Kr. Mörs: Verlag Stursberg & Co, 1937. — 11 S. Русский перевод опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 7. — М., 1998. — С. 269—281.

110. *In Gott verankert* (*Укреплены в Боге*): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 4 (April). — S. 53—55. По-русски не публиковалось.

111. *Vorträge in baltischen Randstaaten* (*Доклады в государствах Балтии*): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 5 (Mai). — S. 61—62. По-русски не публиковалось.

112. *In Gott verankert (Fortsetzung)* (*Укреплены в Боге. Продолжение*): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 5 (Mai). — S. 71—74. По-русски не публиковалось.

113. *In Gott verankert (Schluß)* (*Укреплены в Боге. Заключение*): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 6 (Juni). — S. 82—84. По-русски не публиковалось.

114. *Christentum und Bolschewismus im Kampf um die Welt: Ansprache auf der 6. Jahrestagung der Russischen Bruderhilfe* (*Христианство и большевизм в борьбе за мир: Выступление на 6-м ежегодном съезде общества «Русская братская помощь»*): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen

Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 7/8 (Juli u. August). — S. 100—106. По-русски не публиковалось.

115. *Christentum und Bolschewismus* (Христианство и большевизм): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 9 (September). — S. 124—125. По-русски не публиковалось.

116. *Der Weg zur christlichen Kultur* (Путь к христианской культуре): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 10 (Oktober). — S. 138—141. По-русски не публиковалось.

117. *Der Weg zur christlichen Kultur (Schluß)* (Путь к христианской культуре. Заключение): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1937. — 7. Jg. — Nr. 11 (November). — S. 151—155. По-русски не публиковалось.

118. *Die Entehrung* (Бесчестие), под псевдонимом «Karl von Brebisius»: в вечерних выпусках газеты «Berliner Tageblatt», Berlin, 1937. — 66. Jg. — 07.01. Do. — Nr. 11. — S. 8. Впоследствии вошла — с некоторыми дополнениями — как гл. 29 «Die Entehrung» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Бесчестие» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 145—146.

119. *Der Weg zur Wahrheit* (Путь к истине): в газете «Berliner Tageblatt», Berlin, 1937. — 66. Jg. — 18.01., Mo. — Nr. 29. — S. 8. Впоследствии вошла — с некоторыми дополнениями — как гл. 73 «Die Evidenz» в «Ich schaue ins Leben». Русский перевод — «Очевидность» — опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 222—224.

1938

120. *Ich schaue ins Leben. Ein Buch der Besinnung* (Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий), Berlin: Furche Verlag, 1938. — 1. Aufl., 199 S., Berlin, 1939. — 2. Aufl. (3.-6. Tausend), 199 S. Русский перевод опубликован в наст. Собр. соч.: Т. 3. — М., 1994. — С. 89—226.

121. *Das Orthodoxe Christentum in der Geschichte Rußlands* (Православное христианство в истории России): в журнале «Liebet einander!»: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe, Lemgo, 1938. — 8. Jg. — Nr. 6 (Juni). — S. 85—90. По-русски не публиковалось.

Библиография газетных статей И. А. Ильина на немецком языке в швейцарской прессе (1939—1946)

Тетрадь 1

1. Peter Just. *Die Freiheit* (Свобода). — «Der Wehnthaler». — 13.01.1939.
2. K. P. *Ueber Welteroberung* (О покорении мира). — «Willisauer Volksblatt». — 21.01.1939.
3. Peter Just. *Ueber die Gottlosen* (О безбожниках). — «Unter-Emmenthaler». — 18.02.1939.
4. Peter Just. *Was ist Sozialismus?* (Что такое социализм?). — «Anzeiger aus dem Bezirke Affoltern am Albis». — 10.02.1939.
5. <anon.> *Die große Gefahr* (Великая опасность). — «Willisauer Volksblatt». — 02(?) .02.1939.
6. Peter Just. *Der Mittelstand* (Средний класс). — «Engadiner Post». — 26.01.1939.
7. <anon.> *Das Gewebe* (Ткань). — «Literarischer Sonntagsblatt des Unter-Emmenthaler». — 12.02.1939.
8. Peter Just. *Das werktätige Volk* (Работоспособный народ). — «Luzerner Landbote». — 03.03.1939.
9. <anon.> *Vom Hass zur Liebe* (От ненависти к любви). — «Aargauische Bauern und Bürgerzeitung». — 07.03.1939.
10. Peter Just. *Unpolitische Märchen* (Неполитические сказки). — «Oberländischer Volksblatt». — Anfang März.1939.
11. <anon.> *Die beiden Freunde* (Два друга). — «Sonntagsblatt der Volkszeitung des Bezirkes Pfäffikon». — 17.04.1939.
12. Peter Just. *Die Demokratie kämpft* (Демократия сражается). — «Oltner Tagblatt». — 24.04.1939.
13. <anon.> *Das Gewissen* (Совесть). — «Albis Bote». — 21.04.1939.
14. Peter Just. *Die Wolken* (Облака). — «Anzeiger Affoltern». — 05.05.1939.
15. <anon.> *Die Schule der Verantwortung* (Школа ответственности). — «Der Hausfreund». — 06.05.1939.
16. Peter Just. *Das Recht des Schwachen* (Право слабого). — «Bieler Tagblatt» und «Seeländer Bote». — 27.05.1939.
17. Peter Just. *Was ist Demokratie?* (Что такое демократия?). — «Volkszeitung des Bezirkes Pfäffikon». — 09.06.1939.
18. <anon.> *Unser Recht* (Наше право). — «Oberländer Anzeiger». — 09.06.1939.
19. <anon.> *Was will die Sowjetdiplomatie?* (Чего хочет советская дипломатия?). — «Anzeiger Affoltern». — 21.06.1939.
20. Peter Just. *Unsere Berge* (Наши горы). — «Anzeiger von Uster». — 24.06.1939.

21. Peter Just. *Es kommt eine neue Epoche* (Приближается новая эпоха). — «Aargauer Volksblatt». — 26.06.1939.
22. <anon.> *Polens schwere Lage* (Трудное положение Польши). — «Anzeiger Affoltern». — 30.06.1939.
23. <anon.> *Hitler und Stalin* (Гитлер и Сталин). — «Luzerner Landbote». — 11.07.1939.
24. Peter Just. *Der Kampf für die Familie* (Борьба за семью). — «Anzeiger Affoltern». — 14.07.1939.
25. Peter Just. *Mensch ohne Gott?* (Человек без Бога?). — Der «Unter-Emmenthaler». — 18.07.1939.
26. <anon.> *Feuilleton. Sonntagsgedanken. Die Gesundheit.* (Фельетон. Воскресные мысли. Здоровье). — «Luzerner Neuste Nachrichten». — 29.07.1939.
27. Peter Just. *Der freie Mensch* (Свободный человек). — «Anzeiger Affoltern». — 31.07.1939.
28. Peter Just. *Demokratie und Parteiwesen* (Демократия и сущность партийности). — «Werdenberger und Obertoggenburger». — 09.08.1939.
29. Peter Just. *Krieg und Gerechtigkeit* (Война и справедливость). — «Berner Landbote». — 23.08.1939.
30. Peter Just. *Die zwei Staaten* (Два вида государства). — «Anzeiger Affoltern». — 18.08.1939.
31. <anon.> *Zum neuen Nichtangriffspakt* (К новому договору о ненападении). — «Engadiner Post». — 26.08.1939.
32. Peter Just. *Gegen politische Verleumdung* (Против политической клеветы). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 29.08.1939.
33. Peter Just. *Pakt mit dem Teufel* (Договор с дьяволом). — «Glarner Nachrichten». — 09.09.1939.
34. R. K. *Ostliche Diplomatie in Daten* (Восточная дипломатия в датах). — «Schweizerische Bodensee Zeitung». — 07.09.1939.
35. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich I. Seine Luftflotte* (Замечания о советском государстве I. Его воздушный флот). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 11.09.1939.
36. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich II. Wer ist Leo Mechlis?* (Замечания о советском государстве II. Кто такой Лев Мехлис?). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 11.09.1939.
37. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich III. Bewertung der roten Wehrmacht* (Замечания о советском государстве III. Оценка Красной Армии). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 11.09.1939.
38. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich IV. Der Sowjetstaat von innen gesehen* (Замечания о советском государстве IV. Как смотрится советское государство изнутри). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 13.09.1939.
39. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich V. Russland als Ostraum* (Замечания о советском государстве V. Россия как

«восточное пространство»). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 14.09.1939.

40. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich VI. Die Sowjetflotte* (Замечания о советском государстве VI. Советский морской флот). — «Neue Zürcher Nachrichten» — 18.09.1939.

41 R. K. *Betrachtung über das Sovietreich VII. Aussicht auf Getreideausfuhr* (Замечания о советском государстве VII. Виды на экспорт зерновых). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 21.09.1939.

42. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich VIII. Wird Benzin geliefert?* (Замечания о советском государстве VIII. Будет ли доставляться бензин?). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 23.09.1939.

43 R. K. *Betrachtung über das Sovietreich IX. Die Eisenbahnen* (Замечания о советском государстве IX. Железные дороги). — «Neue Zürcher Nachrichten» — 29.09.1939.

44. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich X. Die rote Aufmarsch* (Замечания о советском государстве X. Развертывание красных войск). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 03.10.1939.

45. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich XI. Wirtschaftliche und technische Hilfe* (Замечания о советском государстве XI. Экономическая и техническая помощь). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 07.10.1939.

46. R. K. *Betrachtung über das Sovietreich XII. Ist der Sowjetstaat Russland?* (Замечания о советском государстве XII. Является ли советское государство Россией?). — «Neue Zürcher Zeitung». — 10.10.1939.

Тетрадь 2

47. Peter Just. *Der Wirbelwind der Geschichte* (Вихри истории). — «Anzeiger Affoltern». — 09.10.1939.

48. Walter Tannen. *Das Wort* (Слово). — «Die Tat». — 08.10.1939.

49. <anon.> *Die Durchführung der Sowjetisierung in Ostpolen* (Процесс советизации в Восточной Польше). — «Freiämter Nachrichten». — 17.10.1939.

50. <anon.> *Das Problem des Baltikums* (Проблема Прибалтики). — «Der Sihltaler». — 25.10.1939.

51. Peter Just. *Die Brüderlichkeit* (Братство). — «Der Hausfreund. Wochenbeilage zum Bülad-Dielsdorfer Volksfreund». — 28.10.1939.

52. <anon.> *Finnland* (Финляндия). — «Bischofszeller Zeitung». — 26.10.1939.

53. <anon.> *Marschiert Stalin nach Indien?* (Двинется ли Сталин на Индию?). — «Anzeiger von Uster». — 04.11.1939.

54. Peter Just. *Demokratie und Opferwille* (Демократия и воля к жертве). — «Anzeiger Affoltern». — 06.11.1939.

55. Peter Just. *Demokratie oder Klassenkampf* (Демократия и классовая борьба). — «Anzeiger Affoltern». — 10.11.1939.
56. Peter Just. *Im Propagandastrom* (В потоке пропаганды). — «Engadiner Post». — 11.11.1939.
57. Peter Just. *Was ist Nihilismus?* (Что такое нигилизм?). — «Prättigauer Zeitung und Herrschäftler». — 16.11.1939.
58. Peter Just. *Die bolschewistische Welle* (Большевистская волна). — «Anzeiger von Uster». — 18.11.1939.
59. <anon.> *Konstantinopel als strategischer Knoten* (Константинополь как стратегический узел). — «Anzeiger Affoltern» — 22.11.1939.
60. Peter Just. *Politik und Leidenschaft* (Политика и страдание). — «Anzeiger Affoltern». — 24.11.1939.
61. <anon.> *Der strategische Knoten im Kaukasus* (Стратегический узел на Кавказе). — «Amriswiler Anzeiger». — 30.11.1939.
62. Walter Tannen. *Die Tat* (Поступок). — «Die Tat». — 13.11.1939.
63. Peter Just. *Demokratie und Persönlichkeit* (Демократия и личность). — «Anzeiger Affoltern». — 08.12.1939.
64. <anon.> *Warum beschleunigt Stalin den Krieg? Zum Angriff auf Finnland* (Почему Сталин торопит войну? К нападению на Финляндию). — «Berner Wochenblatt». — 11.12.1939.
65. Peter Just. *Gibt es eine internationale Mission der Schweiz?* (Есть ли у Швейцарии международная миссия?). — «Anzeiger Affoltern». — 15.12.1939.
66. Peter Just. *Weihnacht des Herzens* (Рождество сердца). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 24.12.1939.
67. <anon.> *Das Gold der Kommunisten* (Золото коммунистов). — «Anzeiger Affoltern». — 20.12.1939.
68. Peter Just. *Rückblick und Ausblick: Ein Neujahreswort auf 1940* (Взгляд на прошлое и будущее. Слово к Новому 1940-му году). — «Aargauer Volksblatt». — 29.12.1939.
69. Peter Just. *Die Schweiz auf der Schwelle zum neuen Jahr* (Швейцария на пороге нового года). — «Zuger Volksblatt». — 02.01.1940.
70. <anon.> *Die erste Kraftprobe der roten Armee* (Первая проба сил Красной Армии). — «Anzeiger Affoltern». — 02.01.1940.
71. Walter Tannen. *Die Seifenblase* (Мыльный пузырь). — «Die Tat» — 13—14.01.1940.
72. <anon.> *Wo steht Bulgarien?* (На чьей стороне находится Болгария?). — «Anzeiger Affoltern». — 08.01.1940.
73. Peter Just. *Weltkrise der Gegenwart* (Мировой кризис настоящего времени). — «Anzeiger Affoltern». — 12.01.1940.
74. К. Р. *Der russische Soldat einst und jetzt I. Einst* (Русский солдат в прошлом и сегодня I. В прошлом). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 26.01.1940.

75. K. P. *Der russische Soldat einst und jetzt II. Jetzt* (Русский солдат в прошлом и сегодня II. Сегодня). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 27.01.1940.

76. <anon.> *Die Friedensliebe des Kommunismus* (Миролюбие коммунизма). — «Anzeiger Affoltern». — 19.01.1940.

77. Peter Just. *Das Recht der kleinen Staaten* (Право малых государств). — «Anzeiger Affoltern». — 29.01.1940.

78. <anon.> *Zur inneren Lage in Sowjetrussland* (О внутреннем положении в Советской России). — «Anzeiger Affoltern». — 31.01.1940.

79. Walter Tannen. *Der Klatsch* (Слетня). — «Die Tat». — 14.02.1940.

80. <anon.> *Innere und äussere Probleme Rumäniens* (Внутренние и внешние проблемы Румынии). — «Anzeiger Affoltern». — 07.02.1940.

81. <anon.> *Der Weltkampf um das Benzin* (Всемирная борьба за бензин). — «Anzeiger Affoltern». — 14.02.1940.

82. R. K. *Die Auswirkungen des russisch-finnischen Krieges* (Последствия русско-финской войны). — «Anzeiger Affoltern». — 28.02.1940.

83. R. K. *Das Bauernelend in der Sowjetunion I* (Страдание крестьянства в Советском Союзе I). — «Aargauische Bauer und Bürgerzeitung». — 29.02.1940.

84. R. K. *Das Bauernelend in der Sowjetunion II* (Страдание крестьянства в Советском Союзе II). — «Unter-Emmenthaler». — 29.02.1940.

85. Walter Tannen. *Zivil-Courage* (Гражданское мужество). — «Die Tat». — 16—17.03.1940.

Тетрадь 3

86. Peter Just. *Demokratie ist Loyalität des Freien* (Демократия есть верность свободных). — «Davoser Zeitung». — 27.03.1940.

87. R. K. *Stalin schließt Frieden* (Сталин заключает мир). — «Anzeiger Affoltern». — 18.03.1940.

88. R. K. *Rehabilitierung des Bolschewismus* (Реабилитация большевизма). — «Anzeiger Affoltern». — 12.04.1940.

89. Peter Just. *Die Kraft des Guten und die Gefahr des Bösen: Wer wird siegen?* (Сила добра и опасность зла. Что победит?). — «Anzeiger Affoltern». — 26.04.1940.

90. R. K. *Die Lage am Schwarzen Meer* (Положение у Черного моря). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 29.04.1940.

91. Walter Tannen. *Dämonisch und satanisch* (Демоническое и сатанистское). — «Die Tat». — 11—12.05.1940.

92. R. K. *Stalin baut Befestigungen* (Сталин строит крепости). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 20.05.1940.

93. <anon.> *Wie lernen wir schweigen?* (Как мы научаемся молчать?). — «Anzeiger Affoltern». — 7.05.1940.
94. Peter Just. *Demokratie und Treue* (Демократия и верность). — «Anzeiger Affoltern». — 31.05.1940.
95. Waltern Tannen. *Das Gerücht* (Слух). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 13.06.1940.
96. <anon.> *Die Macht der Türkei* (Сила Турции). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 15.06.1940.
97. <anon.> *Die russische Besetzung des Baltikums* (Русская оккупация Прибалтики). — «Schaffhauser Nachrichten». — 24.06.1940.
98. R. K. *Das reisende Gold* (Перемещающееся золото). — «Anzeiger Affoltern». — 21.06.1940.
99. Peter Just. *Die Welt lernt beten* (Мир научается молиться). — «Volksfreund». — 29.06.1940.
100. Peter Just. *Freiheit und Eigenart* (Свобода и своеобразие). — «Anzeiger Affoltern». — 12.07.1940.
101. R. K. *Der Kulturkampf in Russland I* (Культурная борьба в России I). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 16.07.1940.
102. R. K. *Der Kulturkampf in Russland II* (Культурная борьба в России II). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 17.07.1940.
103. P. J. *Literarisches* (Литературное). — «Anzeiger Affoltern». — 26.07.1940.
104. R. K. *Bolschewisierung des Baltikums* (Большевизация Прибалтики). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 29.07.1940.
105. Peter Just. *Für das Privateigentum* (За частную собственность). — «Anzeiger Affoltern». — 02.08.1940.
106. Peter Just. *Die Seele des Arbeitslosen* (Душа безработного). — «Anzeiger Affoltern». — 07.08.1940.
107. R. K. *Jahresbilanz des roten Imperialismus I. Die Erfolge* (Годовой итог красного империализма I. Успехи). — «Anzeiger Affoltern». — 16.08.1940.
108. R. K. *Jahresbilanz des roten Imperialismus II. Die Mißerfolge* (Годовой итог красного империализма II. Неудачи). — «Anzeiger Affoltern». — 19.08.1940.
109. K. P. *Trotzki und die Vierte Internationale* (Троцкий и Четвертый Интернационал). — «Anzeiger Affoltern». — 30.08.1940.
110. Peter Just. *Politik der Interessen und Politik der Ideen* (Политика интересов и политика идей). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 07.09.1940.
111. Peter Just. *Politik und Geduld* (Политика и терпение). — «Der Unter-Emmenthaler». — 17.09.1940.
112. K. P. *Stalin als Persönlichkeit* (Сталин как личность). — «Anzeiger Affoltern». — 07.10.1940.
113. K. P. *Stalin als Politiker* (Сталин как политик). — «Anzeiger Affoltern». — 02.10.1940.

114. Peter Just. *Die weltgeschichtliche Prüfung* (Всемирно-историческое испытание). — «Anzeiger Affoltern». — 16.10.1940.
115. R. K. *Europa ohne Gold* (Европа без золота). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 18.10.1940.
116. R. K. *Jugoslawien* (Югославия). — «Bieler Tagblatt». — 22.10.1940.
117. <anon.> *Der Emfindliche* (Чувствительный). — «Neue Zürcher Zeitung». — 27.10.1940.
118. Walter Tannen. *Die Verleumdung* (Клевета). — «Die Tat». — 9—10.11.1940.
119. Hans Grau. *Die Entbehrung* (Лишение). — «Schweizerischer Feuilletondienst». — Mitte Oktober.1940.
120. Hans Grau. *Der strenge Montag* (Строгий понедельник). — «Schweizerischer Feuilletondienst». — 22.10.1940.
121. Peter Just. *Demokratie als schöpferische Kraft* (Демократия как творческая сила). — «Der Töbthaler». — 29.10.1940.
122. R. K. *Der neue Krieg im Balkan* (Новая война на Балканах). — «Badener Tagblatt». — 06.11.1940.
123. Hans Grau. *Das Alter* (Старость). — «Schweizerische Feuilletondienst». — 19.11.1940.
124. R. K. *Die Hamsterei bei andern und bei uns* (Скупость у других и у нас самих). — «Anzeiger Affoltern». — 13.11.1940.
125. <anon.> *Kommunismus und illegale Arbeit* (Коммунизм и нелегальная работа). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 26.11.1940.
126. Hans Grau. *Die Menschen sind hart* (Люди бессердечны). — «Schweizerische Feuilletondienst». — 26.11.1940.
127. K. P. *Der Kommunismus feiert* (Коммунизм торжествует). — «Anzeiger Affoltern». — 29.11.1940.

Тетрадь 4

128. R. K. *Die Ziele der Sowjet-Diplomatie* (Цели советской дипломатии). — «Der Fürstenländer». — 02.12.1940.
129. Hans Grau. *Die Verdunkelung* (Затемнение). — «Schweizerische Feuilletondienst». — 03.12.1940.
130. Peter Just. *Pessimist* (Пессимист). — «Bülach-Dielsdorfer Volksfreund». — 14.12.1940.
131. Peter Just. *Demokratie und Disziplin* (Демократия и дисциплина). — «Neuer Winterthurer Tagblatt». — 16.12.1940.
132. Peter Just. *Geburt der Liebe* (Рождение любви). — «Anzeiger Affoltern». — 21.12.1940.
133. Peter Just. *Vorwärts in Zuversicht!* (Вперед с уверенностью!). — «Anzeiger Affoltern». — 27.12.1940.
134. Piscator. *Die Frage* (Вопрос). — «Neue Zürcher Zeitung». — 04.01.1941.
135. Piscator. *Die Antwort* (Ответ). — «Neue Zürcher Zeitung». — 05.01.1941.

136. Hans Grau. *Wir und das neue Jahr* (*Новый год и мы*). — «Schweizerische Feuilletondienst». — 31.12.1940.
137. Peter Just. *Der Optimist* (*Оптимист*). — «Bülach-Dielsdorfer Volksfreund». — 09.01.1941.
138. Peter Just. *Volk und Schicksal* (*Народ и судьба*). — «Anzeiger Affoltern». — 13.01.1941.
139. Peter Just. *Unsere Hauptfrage* (*Наш главный вопрос*). — «Anzeiger Affoltern». — 17.01.1941.
140. Peter Just. *Ueber den Defaitismus* (*О пораженчестве*). — «Anzeiger Affoltern». — 31.01.1941.
141. <anon.> *Das Tintenfaß* (*Чернильница*). — «Neue Zürcher Zeitung». — 08.02.1941.
142. Peter Just. *Der Individualismus auf der Anklagebank* (*Индивидуализм на скамье подсудимых*). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 07.02.1941.
143. Peter Just. *Der Böse und der Schwache im politischen Spiel* (*Злой и слабый в политической игре*). — «Anzeiger Affoltern». — 21.02.1941.
144. Hans Grau. *Die Flamme* (*Пламя*). — «Schweizerische Feuilletondienst». — 25.02.1941.
145. Walter Tannen. *Die Gesundheit* (*Здоровье*). — «Die Tat». — 25.02.1941.
146. Peter Just. *Sparen und Strecken!* (*Экономить!*). — «Volksfreund». — 01.03.1941.
147. Peter Just. *Kritik oder Mitarbeit?* (*Критика или сотрудничество?*). — «Der Oberthurgauer». — 17.03.1941.
148. K. P. *Mutterland und Kolonie* (*Метрополия и колония*). — «Anzeiger Affoltern». — 28.02.1941.
149. Peter Just. *Demokratie und Sachlichkeit* (*Демократия и объективность*). — «Anzeiger Affoltern». — 15.03.1941.
150. Peter Just. *Politik als Kunst des Wollens* (*Политика как искусство желаемого*). — «Berner Landbote». — 16.04.1941.
151. <anon.> *Vom Schmeicheln* (*О лести*). — «Neue Zürcher Zeitung». — 04.1941.
152. R. K. *Warum Ausschuß der Kommunisten?* (*Почему исключены коммунисты?*). — «Bündner Tagblatt». — 10.04.1941.
153. Peter Just. *Wir glauben an Recht und Freiheit* (*Мы верим в право и свободу*). — «Engadiner Post». — 20.05.1941.
154. Peter Just. *Die kleinen Leute* (*Маленькие люди*). — «Anzeiger Affoltern». — 19.05.1941.
155. Peter Just. *Die Kunst des Besitzers* (*Искусство владельца*). — «Prättigauer Zeitung». — 21.06.1941.
156. R. K. *Japan am Scheideweg* (*Япония на распутье*). — «Schweizerische Bodensee Zeitung». — 31.05.1941.

157. Peter Just. *Demokratie und Takt* (Демократия и такт). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 10.06.1941.
158. Peter Just. *Der verlorene Tag* (Потерянный день). — «Anzeiger Affoltern». — 13.06.1941.
159. Peter Just. *Über den freien Dienst* (О свободном служении). — «Anzeiger Affoltern». — 17.06.1941.
160. <anon.> *Die Ukraine* (Украина). — «Der Rheinthalen». — 28.06.1941.
161. R. K. *Vier Jahre Krieg in China* (Четыре года войны в Китае). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 02.07.1941.
162. Peter Just. *Wenn ich rede* (Когда я говорю). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 28.06.1941.
163. Peter Just. *Demokratie und soziale Frage* (Демократия и социальный вопрос). — «Anzeigerblatt für Gais, Bühler». — 04.07.1941.
164. R. K. *Das Russenproblem von innen heraus gesehen I* (Проблема России как она смотрится изнутри I). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 09.07.1941.
165. R. K. *Das Russenproblem von innen heraus gesehen II. Das Volk* (Проблема России как она смотрится изнутри II. Народ). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 18.07.1941.
166. R. K. *Das Russenproblem von innen heraus gesehen III. Die Strategie* (Проблема России как она смотрится изнутри III. Стратегия). — «Anzeiger Affoltern». — 21.07.1941.
167. R. K. *Das Russenproblem von innen heraus gesehen IV. Die inneren Schwierigkeiten* (Проблема России как она смотрится изнутри IV. Внутренние трудности). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 23.07.1941.

Тетрадь 5

168. R. K. *Das Russenproblem von innen heraus gesehen V. Rückzug und Kriegsindustrie* (Проблема России как она смотрится изнутри V. Отступление и военная промышленность). — «Anzeiger Affoltern». — 01.08.1941.
169. R. K. *Das Russenproblem von innen heraus gesehen VI. Die russische Zähigkeit* (Проблема России как она смотрится изнутри VI. Упорное русское сопротивление). — «Anzeiger Affoltern». — 20.08.1941.
170. R. K. *Das Russenproblem von innen heraus gesehen VII. Das Schicksal des Bolschewismus* (Проблема России как она смотрится изнутри VII. Судьба большевизма). — «Anzeiger Affoltern». — 05.09.1941.
171. Walter Tannen. *Am Strande* (На пляже). — «Die Tat». — 08.1941.
172. Peter Just. *Der Wille zur Gerechtigkeit* (Воля к справедливости). — «Anzeiger Affoltern». — 13.08.1941.

173. Peter Just. *Der Bergsee* (Горное озеро). — «Kleine Zeitung». — 06.09.1941.
174. K. P. *Rückblick auf Iran* (Иран в истории). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 11.09.1941.
175. R. K. *Der Grosskampf um Leningrad* (Большое сражение за Ленинград). — «Anzeiger Affoltern». — 19.09.1941.
176. R. K. *Das Schicksal der Wolgadeutschen* (Судьба приволжских немцев). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 24.09.1941.
177. Peter Just. *Mehranbau und Volksseele* (Строительство и душа народа). — «Anzeiger Affoltern». — 26.09.1941.
178. R. K. *Gesinnungswandlung bei den Sowjets?* (Перемена намерений у советсов?). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 10.10.1941.
179. R. K. *Moskau und sein Kreml* (Москва и ее Кремль). — «Anzeiger Affoltern». — 29.10.1941.
180. R. K. *Das Klima in Russland* (Климат в России). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 15.01.1942.
181. R. K. *Die Sowjet-Sphinx I. Das Sowjetsystem* (Советский сфинкс I. Советская система). — «Anzeiger Affoltern». — 27.02.1942.
182. R. K. *Die Sowjet-Sphinx II. Das Nachkriegsprogramm* (Советский сфинкс II. Послевоенные планы). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 05.03.1942.
183. P. J. Zollikon. *Klavierabend des Musik- und Literaturkreises Zollikon* (Цолликон. Вечер фортепианной музыки в музыкально-литературном кружке Цолликона). — «Zolliker Bote». — 27.03.1942.
184. R. K. *Warum der Schweizer den Kommunismus ablehnen muss* (Почему швейцарец должен отвергнуть коммунизм). — «Anzeiger Affoltern». — 24.04.1942.
185. Peter Just. *Die Schule der Entbehrung* (Школа лишения). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 27.04.1942.
186. R. K. *Rückblick und Ausblick auf den Ostkrieg I. Das Unberechenbare* (Прошлое и будущее войны на Востоке I. Непредсказуемое). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 28.04.1942.
187. R. K. *Rückblick und Ausblick auf den Ostkrieg II. Politische und volkpsychologische Kriegselemente* (Прошлое и будущее войны на Востоке II. Политические и народно-психологические аспекты войны). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 29.04.1942.
188. R. K. *Rückblick und Ausblick auf den Ostkrieg III. Was verloren ging und was bedroht ist* (Прошлое и будущее войны на Востоке III. Что было потеряно и что находится под угрозой). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 05.05.1942.
189. <anon.> *Die Gestaltungskraft der Demokratie I. Ein Brief* (Творческая сила демократии I. Письмо). — «Anzeiger-Blatt für Gais, Bühler, usw. — 08.05.1942.

190. R. K. *Die wirtschaftliche und militärische Bedeutung des Kaukasus I. Das strategische Ziel* (Экономическое и военное значение Кавказа I. Стратегическая цель). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 19.05.1942.
191. R. K. *Die Zugangswege zum Kaukasus* (Подходы к Кавказу). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 22.05.1942.
192. R. K. *Der Kampf um Murmansk* (Бой за Мурманск). — «Anzeiger Affoltern». — 05.06.1942.
193. Peter Just. *Weitsicht und Voraussicht* (Взгляд вперед: конечный итог и ближайшее будущее). — «St. Galler Kleinbote». — 13.06.1942.
194. R. K. *Wieder Kampf um Moskau?* (Снова бой за Москву?). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 15.06.1942.
195. R. K. *Sturm auf Sebastopol* (Штурм Севастополя). — «Rohrschacher Zeitung». — 25.06.1942.
196. R. K. *Der ferne Osten I. Sibirien — eine andere Welt* (Дальний Восток I. Сибирь — особый мир). — «Anzeiger Affoltern». — 15.07.1942.
197. R. K. *Der ferne Osten II. Die Festung Wladiwostok* (Дальний Восток II. Крепость Владивосток). — «Anzeiger Affoltern». — 17.07.1942.
198. R. K. *Der ferne Osten III. Die strategischen Aussichten einer Kriegsausweitung* (Дальний Восток III. Стратегические перспективы расширения войны). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 17.07.1942.
199. K. P. *Guerillakrieg auf dem Balkan* (Партизанская борьба на Балканах). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 07.08.1942.
200. <anon.> *Leo Tolstoj: Krieg und Frieden* (Лев Толстой: Война и мир). — «Die Tat». — 25.09.1942.

Тетрадь 6

201. Peter Just. *Vom besseren Leben* (О лучшей жизни). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 01.08.1942.
202. R. K. *Die «versegte Erde» in Vergangenheit und Gegenwart* («Выжженная земля» в прошлом и настоящем). — «Anzeiger am Rhein». — 17.08.1942.
203. R. K. *Die Pässe des Nordkaukasus* (Перевалы Северного Кавказа). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 24.08.1942.
204. R. K. *Die Schweizeralpen und das Kaukasusgebirge* (Швейцарские Альпы и Кавказские горы). — «Brugger Tagblatt». — 22.08.1942.
205. Peter Just. *Staatstreue und Revolution* (Верность государству и революция). — «Anzeiger Affoltern». — 28.08.1942.
206. R. K. *Licht in das russische Dunkel* <Vorwort der Mittelpresse> (Свет на российскую тему <Предисловие агентства Миттелпрессе>). — «Badner Tagblatt». — 15.09.1942.

207. R. K. *Der Kampf an der Wolga* (Бой у Волги). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 12.09.1942.
208. R. K. *Die strategische Bedeutung der Wolga* (Стратегическое значение Волги). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 15.09.1942.
209. Peter Just. *Ueber Hunger und Hungersnot* (О недоедании и голоде). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 03.10.1942.
210. Peter Just. *Der wahre politische Erfolg* (Истинный политический успех). — «Anzeiger Affoltern». — 16.10.1942.
211. R. K. *Freischaren und Völkerrecht* (Партизаны и международное право). — «Anzeiger Affoltern». — 19.10.1942.
212. R. K. *Die russischen Freischaren um 1812* (Русские партизаны 1812 года). — «Anzeiger Affoltern». — 21.10.1942.
213. R. K. *Die Freiwilligenkämpfe im 19. Jahrhundert — II* (Партизанские войны в XIX веке — II). — «Anzeiger Affoltern». — 23.10.1942.
214. R. K. *25 Jahre Sowjetregime* (25 лет советского режима). — «Anzeiger Affoltern». — 18.11.1942.
215. R. K. *Das Rätsel der roten Armeekommissäre I* (Загадка красных военных комиссаров I). — «Anzeiger Affoltern». — 06.11.1942.
216. R. K. *Das Rätsel der roten Armeekommissäre II* (Загадка красных военных комиссаров II). — «Anzeiger Affoltern». — 06.11.1942.
217. <anon.> *Er hat's besser...! Aus dem Tagebuch eines Neidlings* (Ему живется лучше...! Из дневника завистника). — «Bülach-Dielsdorger Volksfreund». — 21.11.1942.
218. R. K. *Die Ostfront in Bewegung I. Die Kaukasusoffensiv* (Восточный фронт в движении I. Кавказское наступление). — «Anzeiger Affoltern». — 30.11.1942.
219. R. K. *Die Ostfront in Bewegung II. Das strategische Loch* (Восточный фронт в движении II. Стратегическая дыра). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 02.12.1942.
220. <anon.> *Die Partisanenkämpfe im heutigen Russland* (Партизанская война в сегодняшней России). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 08.12.1942.
221. R. K. *Der russische Kosake* (Русский казак). — «Bischofszeller Zeitung». — 11.12.1942.
222. Peter Just. *Was uns die Weihnachtskerzen sagen? (Что говорят нам рождественские встречи?)*. — «Der Oberthurgauer». — 24.12.1942.
223. Peter Just. *Ernste Jahreswende* (Безрадостное новолетие). — «Anzeiger Affoltern». — 31.12.1942.
224. Peter Just. *Vom Neid und seiner Ueberwindung* (О зависти и ее преодолении). — «Grenz-Post für den Zürichsee und den Kanton Schwyz». — Januar. 1943.

225. R. K. *Russland von der Schweiz aus gesehen* (Взгляд на Россию из Швейцарии). — «Anzeiger Affoltern». — 01.02.1943.

226. R. K. *Wie gross ist Russland?* (Как велика Россия?). — «Engadiner Post». — 06.02.1943.

227. R. K. *Die russischen Reserven* (Русские запасные силы). — «Anzeiger Affoltern». — 03(?) .02.1943.

Тетрадь 7

228. R. K. *Die Riesenschlacht an der Ostfront I. Der Volkseinsatz* (Гигантское сражение на восточном фронте I. Вклад народа). — «Anzeiger Affoltern». — 08.02.1943.

229. R. K. *Die Riesenschlacht an der Ostfront II. Die Strategie* (Гигантское сражение на восточном фронте II. Стратегия). — «Anzeiger Affoltern». — 10.02.1943.

230. R. K. *Warum die Sowjets nicht nach Casablanca gingen* (Почему советцы не поехали в Касабланку). — «Anzeiger Affoltern». — 15.02.1943.

231. Peter Just. *Die Stunde der Prüfung* (Пробный час). — «Engadiner Post». — 04.03.1943.

232. K. P. *Die englische Arbeiterpartei und die Kommunisten I* (Английская рабочая партия и коммунисты I). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 22.03.1943.

233. *Die englische Arbeiterpartei und die Kommunisten II* (Английская рабочая партия и коммунисты II). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 23.03.1943.

234. R. K. *Die Tragödie der Ukraine* (Трагедия Украины). — «Anzeiger Affoltern». — 05.04.1943.

235. Peter Just. *Unser Weg* (Наш путь). — «Anzeiger Affoltern». — 07.04.1943.

236. R. K. *Nach dem Winterfeldzug im Osten* (После зимнего похода на Востоке). — «Anzeiger Affoltern». — 07.04.1943.

237. R. K. *Ausblick auf die kommende Sommerkampagne im Osten* (Перспективы предстоящей летней кампании на Востоке). — «Anzeiger Affoltern». — 22.04.1943.

238. Peter Just. *Das bekämpfte Kapital* (Капитал под атакой). — «Anzeiger Affoltern». — 22.04.1943.

239. Peter Just. *Staatskapitalismus und Demokratie I* (Государственный капитализм и демократия I). — «Anzeiger Affoltern». — 30.04.1943.

240. Peter Just. *Staatskapitalismus und Demokratie II* (Государственный капитализм и демократия II). — «Anzeiger Affoltern». — 30.04.1943.

241. R. K. *Die russische Volksseele im Krieg I* (Русская народная душа в войне I). — «Anzeiger Affoltern». — 05.05.1943.

242. R. K. *Die russische Volksseele im Krieg II* (Русская народная душа в войне II). — «Anzeiger Affoltern». — 05.05.1943.
243. Peter Just. «*Bricht der Anker, hält der Mann*» («Якорь сломан, но человек еще держит»). — «Anzeiger Affoltern». — 14.05.1943.
244. R. K. *Zwei Jahre Ostkrieg* (Два года войны на Востоке). — «Anzeiger Affoltern». — 25.06.1943.
245. Peter Just. *Was ist Kapital?* (Что такое капитал?). — «Bernener Landbote». — 21.07.1943.
246. R. K. *Wie groß ist Rußland? Zur neuen Riesenschlacht an der Ostfront* (Как велика Россия? К новой гигантской битве на восточном фронте). — «Neue Berner Zeitung». — 21.07.1943.
247. Peter Just. *Privatinitiative — das Schicksal unseres Landes* (Частная инициатива — судьба нашей страны). — «Anzeiger Affoltern». — 06.08.1943.
248. P. J. *Dynamik in der Staatsordnung* (Динамика в государственном порядке). — «Aargauische Bauern und Bürgerzeitung». — 12.08.1943.
249. R. K. *Ostpolitik aktuell* (Текущая восточная политика). — «Badener Tagblatt». — 17.08.1943.
250. P. J. *Kriegswahlen — Freiheitswahlen* (Выбор на войне и свободные выборы). — «Der Eminenthaler». — 01.09.1943.
251. Peter Just. *Die totalitäre Politik* (Тоталитарная политика). — «Anzeiger Affoltern». — 24.09.1943.
252. <anon.> *Politische und militärische Kriegführung* (Политическое и военное руководство на войне). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 23.09.1943.
253. R. K. *Das Schicksal der russischen Kirche* (Судьба русской церкви). — «Anzeiger Affoltern». — 29.09.1943.
254. Peter Just. *Politik und Kurpfuscherei* (Политика и шарлатанство). — «Der Freie Rätler». — 09.10.1943.
255. <anon.> *Ist ein russisch-deutscher Kompromiß möglich?* (Возможен ли русско-немецкий компромисс?). — «Anzeiger Affoltern». — 18.10.1943.
256. <anon.> *Die Staatsgrenzen im Osten* (Границы государств на Востоке). — «Anzeiger Affoltern». — 29.10.1943.
257. Peter Just. *Die Wahlen — unsere Pflicht* (Выборы — наш долг). — «Der Oberthurgauer». — 30.10.1943.
258. R. K. *Nachklang zur Moskauer Konferenz* (Отзвуки московской конференции). — «Brugger Tagblatt». — 11.11.1943.
259. R. K. *Das Einfallstor Balkan* (Балканы как путь вторжения). — «Anzeiger Affoltern». — 17.11.1943.
260. R. K. *Die Revolution an der Arbeit* (Революция за работой). — «Anzeiger Affoltern». — 26.11.1943.

261. R. K. *Die polnische Tragödie* (Польская трагедия). — «Anzeiger Affoltern». — 03.12.1943.
262. P. J. *Europa nach Friedensschluss* (Европа после заключения мира). — «Anzeiger Affoltern». — 10.12.1943.
263. P. J. *Europa nach Friedensschluss: Die politische-sozialen Schwierigkeiten* (Политические и социальные трудности). — «Anzeiger Affoltern». — 15.12.1943.
264. R. K. *Was bedeutet der russisch-tschechische Bündnisvertrag* (Что означает договор о русско-чешском союзе). — «Rorschacher Zeitung». — 23.12.1943.

Тетрадь 8

265. P. J. *Europa nach dem Kriege: Die Quertreibereien gegen den Wiederaufbau* (Европа после войны. Препятствия к восстановлению). — «Zuger Volksblatt». — 10.01.1944.
266. Peter Just. «Rechts» und «links» («Правое» и «левое»). — «Zuger Volksblatt». — 12.01.1944.
267. Peter Just. *Einigkeit — der wahre Staatskitt* (Согласием держится государство). — «Berner Landbote». — 22.01.1944.
268. R. K. *Den Iden des März entgegen I. Probleme der deutschen Strategie* (Навстречу мартовским мыслям I. Проблемы немецкой стратегии). — «Badener Tagblatt». — 29.02.1944.
269. R. K. *Den Iden des März entgegen II. Die taktischen Möglichkeiten* (Навстречу мартовским мыслям II. Тактические возможности). — «Badener Tagblatt». — 01.03.1944.
270. H. K. *Tragödie oder Rettung Finnlands? I* (Трагедия или спасение Финляндии? I). — «Bischofzeller Zeitung». — 22.02.1944.
271. H. K. *Tragödie oder Rettung Finnlands? II. Strategische, geschichtliche, und kulturelle Hintergründe* (Трагедия или спасение Финляндии? II. Стратегический, исторический и культурный фон). — «Schweizerische Bodensee Zeitung». — 23.02.1944.
272. R. K. *Der Schlüssel zur russischen Politik* (Ключ к русской политике). — «Anzeiger Affoltern». — 18.02.1944.
273. <anon.> *Literarische Chronik: Wie man Dostojewski lesen soll* (Литературная хроника. Как следует читать Достоевского). — «Brugger Tagblatt». — 04.03.1944.
274. Peter Just. *Politik als Kunst des Schweigens* (Политика как искусство молчания). — «Berner Landbote». — 15.03.1944.
275. H. P. *Probleme der Kriegsliquidation I. Das Postulat auf «bedingungslose Kapitulation»* (Проблемы ликвидации войны I. Постулат «безоговорочной капитуляции»). — «Anzeiger Affoltern». — 24.03.1944.
276. H. P. *Probleme der Kriegsliquidation II* (Проблемы ликвидации войны II). — «Anzeiger Affoltern». — 24.03.1944.

277. R. K. *Strategische Zwischenbilanz von der Ostfront I. Die national-russische Erhebung* (Предварительный стратегический отчет с восточного фронта I. Национально-русское восстание). — «Berner Landbote». — 18.03.1944.

278. R. K. *Strategische Zwischenbilanz von der Ostfront II. Opfer und Aussichten* (Предварительный стратегический отчет с восточного фронта II. Жертва и виды на будущее). — «Berner Landbote». — 22.03.1944.

279. <anon.> *Die neue russische Emigrationswelle* (Новая волна русской эмиграции). — «Anzeiger Affoltern». — 06.04.1944.

280. Peter Just. *Ueber die Verräter* (О предателях). — «Anzeiger Affoltern». — 11.04.1944.

281. Peter Just. *Macht oder Recht in der künftigen Weltordnung?* (Сила или правда в грядущем мировом порядке?). — «Engadiner Post». — 20.04.1944.

282. Peter Just. *Die Allmacht des Staates* (Всепилие государства). — «Sarganserländische Volkszeitung». — 05.05.1944.

283. <anon.> *Der Russe von heute* (Русский человек сегодня). — «Anzeiger Affoltern». — 08.05.1944.

284. <anon.> *Ein tragisches Schicksal* (Трагическая судьба). — «Anzeiger Affoltern». — 25.05.1944.

285. Peter Just. *Dienen oder herrschen?* (Служить или господствовать?). — «Grenz-Post für den Zürich-See und den Kanton Schwyz». — 02.06.1944.

286. R. K. *Volksseele und Boden. Ein Problem des moralischen Kriegspotentials I* (Народная душа и почва. Проблема морального военного потенциала I). — «Brugger Tagblatt». — 12.06.1944.

287. R. K. *Volksseele und Boden. Ein Problem des moralischen Kriegspotentials II* (Народная душа и почва. Проблема морального военного потенциала II). — «Brugger Tagblatt». — 13.06.1944.

288. K. P. *Warum die Invasion kommen mußte* (Почему вторжение должно было произойти). — «Badener Tagblatt». — 14.06.1944.

289. R. K. *Die Ostfront kommt in Bewegung* (Восточный фронт приходит в движение). — «St. Galler». — 17.06.1944.

290. R. K. *Finnische Tragödie?* (Финская трагедия?). — «Bündner Tagblatt». — 23.06.1944.

291. K. P. *Die Kriegsdauer* (Длительность войны). — «Anzeiger Affoltern». — 28.06.1944.

292. Peter Just. *Die Kunst der Freiheit* (Искусство свободы). — «Anzeiger Affoltern». — 30.06.1944.

293. <anon.> *Krieg und Humanität* (Война и человечность). — «Schaffhauser Bauer». — 05.07.1944.

294. P. J. *Die Pflichten des Politikers* (Долг политика). — «Schaffhauser Bauer». — 07.07.1944.

295. R. K. *Die Zivilbevölkerung im Kriege* (Гражданское население в войне). — «Aargauische Bauern- und Bürgerzeitung». — 08.07.1944.

296. Peter Just. *Demokratie und Mittelstand* (Демократия и средний класс). — «Anzeiger Affoltern». — 21.07.1944.

297. <anon.> *Volk und Krieg* (Народ и война). — «Walliser Bote». — 21.07.1944.

298. R. K. *Strategische Entwicklung im Osten: Rückblick und Ausblick I* (Стратегические сдвиги на Востоке. Взгляд на прошлое и перспективы на будущее I). — «Basellandschaftliche Zeitung». — 22.07.1944.

299. R. K. *Strategische Entwicklung im Osten: Rückblick und Ausblick II* (Стратегические сдвиги на Востоке. Взгляд на прошлое и перспективы на будущее II). — «Bischofszeller Zeitung». — 27.07.1944.

300. Peter Just. *Politik und Grausamkeit* (Политика и жестокость). — «Anzeiger Affoltern». — 26.07.1944.

301. <anon.> *Polen wird befreit* (Освобождают Польшу). — «Schaffhauser Bauer». — 31.07.1944.

302. <anon.> *Wesen und Werden politischer Verschwörungen* (Сущность и развитие политических конспираций). — «Anzeiger Affoltern». — 18.08.1944.

303. R. K. *Deutschland zwischen West und Ost. Sorgen und Entwicklungsmöglichkeiten* (Германия между Западом и Востоком. Опасения и возможные пути развития). — «Engadiner Post». — 12.08.1944.

304. R. K. *Deutschland zwischen West und Ost. Schluß* (Германия между Западом и Востоком. Окончание). — «Berner Landbote. Obergeraargauisches Volksblatt». — 16.08.1944.

305. <anon.> *Der deutsche Alltag* (Повседневная жизнь в Германии). — «Oberländer Anzeiger. St. Gallen-Graubünden». — 30.08.1944.

Тетрадь 9

306. <anon.> *Tragisches Geschick der Zwangsarbeiter aus dem Osten* (Трагическая участь «остарбайтеров»). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 01.09.1944.

307. Peter Just. *Vom gegenseitigen Vertrauen* (Об обоюдном доверии). — «Anzeiger Affoltern». — 11.09.1944.

308. R. K. *Was ist Kollaborationismus?* (Что такое коллаборационизм?). — «Zuger Volksblatt». — 22.09.1944.

309. R. K. *Die neue strategische Wendung I. Raum und Zeit* (Новый стратегический поворот I. Пространство и время). — «Anzeiger Affoltern». — 30.09.1944.

310. R. K. *Die neue strategische Wendung 2. Rohstoffe und Reserven* (Новый стратегический поворот II. Сырье и резерв). — «Anzeiger Affoltern». — 06.10.1944.

311. R. K. *Europas Schicksal und der Ferne Osten. Eine strategische Betrachtung I* (Судьба Европы и Дальний Восток. Стратегическое рассмотрение I). — «Volkszeitung des Bezirkes Pfäffikon». — 18.10.1944.

312. R. K. *Europas Schicksal und der Ferne Osten. Eine strategische Betrachtung II* (Судьба Европы и Дальний Восток. Стратегическое рассмотрение II). — «Anzeiger Affoltern». — 16.10.1944.

313. Peter Just. *Politische Vorurteile* (Политические предубеждения). — «Oberländer Anzeiger». — 13.10.1944.

314. <anon.> *Wer ist «Kriegsverbrecher»? (Кто является «военным преступником»?)*. — «Der Freisinnige (Wetzikon)». — 20.10.1944.

315. K. P. *Luftbombardement und Völkerrecht* (Бомбардировка с воздуха и международное право). — «Brugger Tagblatt». — 27.10.1944.

316. <anon.> *Der russische Fremdkörper in Deutschland* (Русские «чужеродные тела» в Германии). — «Bündner Tagblatt». — 28.10.1944.

317. <anon.> *Der Druck von Osten nach Westen I* (Напор с Востока на Запад I). — «Anzeiger Affoltern». — 03.11.1944.

318. <anon.> *Der Druck von Osten nach Westen II* (Напор с Востока на Запад II). — «Anzeiger Affoltern». — 03.11.1944.

319. <anon.> *Geiselsystem und Völkerrecht* (Взятие заложников и международное право). — «Anzeiger Affoltern». — 17.11.1944.

320. Peter Just. *Die Schweiz zwischen zwei totalitären Systemen* (Швейцария между двумя тоталитарными системами). — «Anzeiger Affoltern». — 17.11.1944.

321. K. P. *Ahndung der Kriegsverbrecher* (Наказание военных преступников). — «Anzeiger Affoltern». — 01.12.1944.

322. R. K. *Sowjetrussland im Endkampf* (Советская Россия в окончательной фазе войны). — «Anzeiger Affoltern». — 01.12.1944.

323. Peter Just. *Die Schweiz profaschistisch?* (Сочувствует ли Швейцария фашизму?). — «Anzeiger Affoltern». — 06.12.1944.

324. R. K. *Die russische Reserven von heute* (Русский резерв на сегодняшний день). — «Der Wehnhaler». — 06.12.1944.

325. <anon.> *Gedanken zur «Parei der Arbeit»*. *Schmerzliche Eindrücke eines Außenstehenden* (Мысли по поводу «Рабочей партии». Тягостное впечатление внешнего наблюдателя) — «Volkszeitung des Bezirkes Pfäffikon». — 11.12.1944.

326. K. P. — *Der loyale Partner* (Верный партнер). — «Anzeiger Affoltern». — 18.12.1944.

327. Peter Just. *Weihnachtsfeier im Weltleiden* (Рождественское торжество посреди всемирного страдания). — «Anzeiger Affoltern». — 22.12.1944.

328. Peter Just. *Wohlan denn, ins neue Jahr!* (Итак вперед, на встречу новому году!). — «Berner Landbote». — 30.12.1944.

329. <anon.> *Demokratie in den Augen der Sowjets* (Демократия, как ее видят Советы). — «Anzeiger Affoltern». — 05.01.1945.

330. K. P. *Der Bürgerkrieg in Griechenland* (Гражданская война в Греции). — «Anzeiger Affoltern». — 17.01.1945.

331. <anon.> *Diplomatie gestern und heute* (Дипломатия вчера и сегодня). — «Anzeiger von Uster». — 23.01.1945.

332. <anon.> *Die Partisanenpolitik* (Политика партизан). — «Anzeiger Affoltern». — 26.01.1945.

333. R. K. *Neue Gesichtspunkte der Oststrategie* (Новые аспекты восточной стратегии). — «Anzeiger Affoltern». — 07.02.1945.

334. K. P. *Ueberschätzung und Unterschätzung in der Strategie* (Переоценка и недооценка в стратегии). — «Berner Landbote». — 14.02.1945.

335. R. K. *Die Gewerkschaftsinternationale an der Arbeit* (Международный профсоюз за работой). — «Der Freie Rätier». — 21.02.1945.

336. R. K. *Kirchliche Wandlung im Sowjetstaat?* (Церковные изменения в советском государстве?). — «Brugger Tagblatt». — 22.02.1945.

337. Peter Just. *Der Einpartei-Staat* (Однопартийное государство). — «Anzeiger Affoltern». — 23.02.1945.

338. <anon.> *Die «Wlassow-Bewegung»* («Власовское движение»). — «Luzerner Neueste Nachrichten». — 20.03.1945.

339. Peter Just. *Das Recht auf Wahrheit* (Право на истину). — «Volkszeitung aus dem Bezirk Andelfingen». — 23.03.1945.

340. <anon.> *Das Schicksal der Mittel- und Kleinstaaten 1. Oestliche Ankündigungen* (Судьба государств средней и малой величины 1. Вести с Востока). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 04.04.1945.

341. <anon.> *Das Schicksal der Mittel- und Kleinstaaten 2. Was will man von uns?* (Судьба государств средней и малой величины 2. Чего же хотят от нас?). — «Neue Zürcher Nachrichten». — 05.04.1945.

342. K. P. *Friedensaussichten* (Виды на мир). — «Anzeiger Affoltern». — 06.04.1945.

343. R. K. *Nationalkrieg und Parteikrieg. Aktuelle Betrachtungen vom Kriegsgeschehen in Deutschland I. Rückblick* (Война националь-

ная и война партийная. Свежие наблюдения о военных событиях в Германии I. Взгляд на прошлое). — «Anzeiger Affoltern». — 11.04.1945.

344. R. K. *Nationalkrieg und Parteikrieg. Aktuelle Betrachtungen vom Kriegsgeschehen in Deutschland II. Ausblick* (Война национальная и война партийная. Свежие наблюдения о военных событиях в Германии II. Перспективы на будущее). — «Anzeiger Affoltern». — 13.04.1945.

345. R. K. *Ein neuer Hitlermythos?* (Новый миф о Гитлере?). — «Berner Landbote». — 16.04.1945.

346. R. K. *Europa unter zwei Besetzungen* (Европа под двумя оккупациями). — «Bischofszeller Zeitung». — 17.05.1945.

347. R. K. *Bedeutung und Schicksal der Parteiarmee* (Значение и судьба партийной армии). — «Brugger Tagblatt». — 23.05.1945.

348. R. K. *Hat Polen den Krieg gewonnen?* (Выиграла ли войну Польша?). — «Burgdorfer Tagblatt». — 27.05.1945.

Тетрадь 10

349. K. P. *Vollendete Tatsachen* (Совершившиеся факты). — «Anzeiger Affoltern». — 01.06.1945.

350. K. P. *Das «Rätsel» der Sowjetpolitik* (Мнимая загадка советской политики). — «Der Freie Fätier (Chur)». — 13.06.1945.

351. P. J. *Warum wir den totalen Staat ablehnen* (Почему мы отвергаем тоталитарное государство). — «Anzeiger Affoltern». — 15.06.1945.

352. <anon.> *Die Justiz der totalitären Staaten. Zum politischen Polen-Prozeß in Moskau* (Правосудие тоталитарных государств. Замечания к польскому процессу в Москве). — «Amriswiler Anzeiger». — 25.06.1945.

353. <anon.> *Warum verlor Deutschland den Krieg? I. Diplomatische und politische Gründe* (Почему Германия проиграла войну? I. Причины дипломатические и политические). — «Uerner Wochenblatt». — 30.06.1945.

354. <anon.> *Warum verlor Deutschland den Krieg? II. Wirtschaft und Strategie* (Почему Германия проиграла войну? II. Экономика и стратегия). — «Uerner Wochenblatt». — 04.07.1945.

355. R. K. *Der neue Nervenkrieg* (Новое нервное напряжение). — «Anzeiger Affoltern». — 27.07.1945.

356. R. K. *Gegensätze in der Siegerallianz* (Противоречия в союзе победителей). — «Neues Winterthurer Tagblatt». — 28.07.1945.

357. R. K. *Schwierigkeiten der Siegerallianz II. Weltpolitische Linien und Schittpunkte* (Трудности в союзе победителей II. Линии и пересечения мировой политики). — «Langenthaler Tagblatt». — 30.07.1945.

358. P. J. *Das betäubte Europa* (Оглушенная Европа). — «Engadiner Post». — 14.08.1945.
359. R. K. *Atombombe und Weltkultur. Es geht um die Existenz der Menschheit schlechthin* (Атомная бомба и мировая культура. Дело идет о существовании человечества, как такового). — «Badner Tagblatt». — 21.08.1945.
360. K. P. *Unrecht Gut gedeiht nicht* (Неправое добро не приносит плодов). — «Anzeiger Affoltern». — 24.08.1945.
361. R. K. *Sowjetunion, Japan, und China* (Советский Союз, Япония и Китай). — «Anzeiger Affoltern». — 29.08.1945.
362. K. P. *England unter der Labourregierung* (Англия под властью лейбористов). — «Bündner Tagblatt». — 24.09.1945.
363. <anon.> *Das Schicksal der kriegsgefangenen Russen in Deutschland* (Судьба русских военнопленных в Германии). — «Anzeiger des Bezirkes Horgen». — 21.09.1945.
364. K. P. *Das Recht der Kleinstaaten* (Право малых государств). — «Anzeiger Affoltern». — 21.09.1945.
365. K. P. *Die Weltpolitik der Sowjets I* (Мировая политика Советов I). — «Anzeiger Affoltern». — 28.09.1945.
366. K. P. *Die Weltpolitik der Sowjets II* (Мировая политика Советов II). — «Anzeiger Affoltern». — 01.10.1945.
367. K. P. *Westeuropäische Entwicklung nach dem Kriege* (Развитие Западной Европы после войны). — «Aargauer Volksblatt». — 22.10.1945.
368. K. P. *Die Tragödie der Kleinstaaten* (Трагедия малых государств). — «Engadiner Post». — 30.10.1945.
369. P. J. *Es wurde uns befohlen...* (Нам было приказано...). — «Anzeiger Affoltern». — 02.11.1945.
370. <anon.> *Rußland und die Kirche* (Россия и церковь). — «Anzeiger Affoltern». — 06.11.1945.
371. <anon.> *Der eiserne Vorhang* (Железный занавес). — «Anzeiger Affoltern». — 14.11.1945.
372. K. P. *Der Ostwind lässt nach* (Ветер с Востока теряет силу). — «Anzeiger Affoltern». — 23.11.1945.
373. <anon.> *Europa oder Asien?* (Европа или Азия?). — «Anzeiger Affoltern». — 30.11.1945.
374. P. J. *Europa braucht Zivilcourage* (Европа нуждается в гражданском мужестве). — «Brugger Tagblatt». — 06.12.1945.
375. K. P. *Der Wandel im Osten* (Перемены на Востоке). — «Anzeiger Affoltern». — 24.12.1945.
376. <anon.> *Geschenk und Liebe* (Подарок и любовь). — «Der Freisinnige. Wetzikon». — 20.12.1945.
377. <anon.> *Uniformiertes Europa* (Европа в военной форме). — «Engadiner Post». — 05.01.1946.

378. K. P. *Amerika und Europa* (Америка и Европа). — «Anzeiger Affoltern». — 14.01.1946.
379. K. P. *Kampf um die Demokratie* (Борьба за демократию). — «Anzeiger Affoltern». — 18.01.1946.
380. <anon.> *Die Taktik des Weltkommunismus* (Тактика мирового коммунизма). — «Anzeiger Affoltern». — 28.01.1946.
381. P. J. *Was wir ablehnen* (Что мы отвергаем). — «Anzeiger Affoltern». — 08.02.1946.
382. <anon.> *Warum es so prompt klappte. Die Wahlen in der «Sowjet-Demokratie»* (Почему это так быстро получилось. Выборы в «советской демократии»). — «Badener Tagblatt». — 19.01.1946.
383. R. K. *Hitler als Strategie* (Гитлер как стратег). — «Anzeiger Affoltern». — 20.02.1946.
384. <anon.> *Nachrichten aus dem Fernen Osten* (Сведения с Дальнего Востока). — «Engadiner Post». — 05.03.1946.
385. <anon.> *Die Strömungen der russischen Emigration* (Потоки русской эмиграции). — «Bülach Dielsdorfer Volksfreund». — 14.03.1946.
386. K. P. *Die Extreme berühren sich* (Крайности сходятся). — «Anzeiger Affoltern». — 20.03.1946.
387. <anon.> *Die Linksparteien unter sich* (Отношения белых партий друг с другом). — «Bieler Tagblatt». — 25.04.1946.
388. <anon.> *Im englischen Alltag* (Из повседневной жизни в Англии). — «Der Freie Räter». — 29.04.1946.
389. <anon.> *Der europäische Aufbau und seine Widersacher* (Восстановление Европы и его противники). — «Toggenburger Tagblatt. Flawil». — 14.05.1946.
390. <anon.> *«Legalisierung des Schwarzhandels»* («Легализация черного рынка»). — «Anzeiger Affoltern». — 24.05.1946.
391. K. P. *Der deutsche Revanche-Gedanke. Bericht aus Deutschland* (Немецкий реваншизм. Сообщение из Германии). — «Anzeiger Affoltern». — 19.06.1946.
392. K. P. *Der Nervenkrieg geht weiter* (Нервное напряжение усугубляется). — «Anzeiger Affoltern». — 21.06.1946.
393. <anon.> *Wie stark ist die russische Besatzungsarmee in Europa?* (Как сильна русская оккупационная армия в Европе?). — «Willisauer Volksblatt». — 06.1946.
394. <anon.> *Wie lebte der russische Arbeiter im Krieg?* (Как жил русский во время войны?). — «Brugger Tagblatt». — 28.06.1946.
395. P. J. *Die Gegenwart als Produkt menschlicher Rücksichtslosigkeit* (Настоящее как продукт человеческого безразличия). — «Barener Tagblatt». — 06.07.1946.
396. R. K. *Die neutralistischen Punkte der Strategie* (Нейтраллистические точки стратегии). — «Bieler Tagblatt». — 11.07.1946.

397. K. P. *Es geht um England* (Англия в опасности). — «Brugger Tagblatt». — 22.07.1946.
398. <anon.> *Die Haltung der russischen Emigration* (Поведение русской эмиграции). — «Anzeiger Affoltern». — 26.07.1946.
399. <anon.> *Demokratie oder «diktatorische Demokratie» I* (Демократия или «диктаторская демократия» I). — «Anzeiger Affoltern». — 09.08.1946.
400. <anon.> *Demokratie oder «diktatorische Demokratie» II* (Демократия или «диктаторская демократия» II). — «Anzeiger Affoltern». — 09.08.1946.
401. <anon.> *Die Zukunft der deutschen Jugend* (Будущее немецкой молодежи). — «Berner Landbote». — 13.08.1946.
402. <anon.> *Das iranische Oel* (Иранская нефть). — «Anzeiger Affoltern». — 16.08.1946.
403. <anon.> *Reiseeindrücke aus Deutschland* (Путевые впечатления из Германии). — «Bündner Post». — 23.08.1946.
404. K. P. *Wie läßt sich die Welt befrieden?* (Каким образом мир позволит себя замурить?). — «Anzeiger Affoltern». — 06.09.1946.
405. <anon.> *Die neue Rote Armee* (Новая Красная Армия). — «Anzeiger Affoltern». — 12.09.1946.
406. <anon.> *Die Schulung zur Revolution* (Тренировка для революции). — «Anzeiger Affoltern». — 27.09.1946.
407. <anon.> *Mensch und Technik: Ein brennendes Gegenwartsproblem* (Человек и техника. Жгучая проблема современности). — «Davoser Zeitung». — 05.10.1946.
408. K. P. *Das Recht der kleinen Staaten* (Право малых государств). — «Anzeiger Affoltern». — 25.10.1946.
409. <anon.> *Was geht in Rußland vor?* (Что происходит в России?). — «Anzeiger Affoltern». — 25.10.1946.
410. K. P. *Das Rätsel des totalitären Staates* (Загадка тоталитарных государств). — «Anzeiger Affoltern». — 30.10.1946.
411. <anon.> *Verstaatlichung der Schriftsteller* (Национализация писателей). — «Anzeiger Affoltern». — 08.11.1946.
412. K. P. *Europa unter Terror* (Европа под террором). — «Anzeiger Affoltern». — 22.11.1946.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий том органически продолжает предыдущий. Основу его составляет часть III («Культура») капитального труда «Мир перед пропастью. Политика, экономика и культура в коммунистическом государстве» (Берлин—Стеглиц, 1931). Составитель считал целесообразным включить сюда также ряд ильинских работ, которые тематически связаны с названным трудом, дополняют его и развивают поднятые в нем вопросы. Они сгруппированы в два раздела.

Во-первых, это подборка статей Ильина, опубликованных им на немецком языке в берлинской газете «Der Tag» («День») в 1928—1932 гг., т. е. в берлинский период его жизни. К ним примыкают статья, опубликованная в берлинском журнале «Eckart-Blätter für evangelische Geisteskultur» («Эккарт-листок для евангелической духовной культуры») 1933 г., и две его статьи, напечатанные на русском языке в парижской газете «Возрождение» в 1934 и 1935 гг.

Во-вторых, это аналитические записки философа о замыслах коммунистов и положении дел в России, подготовленные им в 1932—1933 гг. и направленные в различные министерства Германии.

Кроме названных материалов составитель включил в данный том коллективный сборник на русском языке «Вера, Родина, Семья». Сборник вышел в 1941 г. в Швейцарии и содержит статьи Ильина и его единомышленников, тематически перекликающиеся с книгой «Мир перед пропастью».

В приложении к тому публикуются в переводе с немецкого многочисленные отзывы на книгу «Мир перед пропастью», материалы информационного характера о лекциях Ильина в Германии и Швейцарии, его поездках, а также две библиографии его работ на немецком языке: публицистики берлинского периода (составитель Д. Б. Цыганков) и недавно обнаруженных 412 статей на немецком языке швейцарского периода (составитель А. Е. Климов).

Переводы с немецкого сделаны О. В. Колтыпиной. Все вошедшие в том материалы печатаются впервые.

МИР ПЕРЕД ПРОПАСТЬЮ

Часть III. КУЛЬТУРА

¹ Арсеньев Николай Сергеевич (1888—1977) — философ, богослов, культуролог. С 1920 г. в эмиграции.

² *Ярославский* Емельян Михайлович (*Губельман* Миней Израилевич) (1878—1943) — советский партийный деятель, академик АН СССР, глава воинствующих атеистов, автор многочисленных антирелигиозных статей и брошюр. Возглавлял Союз воинствующих безбожников, был ответственным редактором газеты «Безбожник», журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник».

³ *nudum jus* (лат.) — голое право, т. е. право без возможности его реализации.

⁴ *Retour comme interdit à l'entrée par l'Administration des ouvrages de presse* (фр.) — возвращается как запрещенная к ввозу Администрацией по печатной продукции.

⁵ *Смидович* Софья Николаевна (1872—1934) — деятель российского революционного движения, член компартии с 1898 года. В 1924—1930 гг. член ЦКК партии.

⁶ *Аксенов* Л. — не установлен.

⁷ *Форд* Генри (1863—1947) — американский промышленник, миллионер, создатель знаменитого конвейера, позволившего производить дешевый автомобиль — «черный форд».

⁸ *Гинденбург* Пауль фон (1847—1934) — президент Германии с 1925 года.

⁹ *Чемберлен* Невилл (1869—1940) — английский государственный деятель, консерватор, член правительства с 1922 г., премьер-министр Великобритании в 1937—1940 гг.

¹⁰ *Бриан* Аристид (1862—1932) — французский государственный деятель, неоднократно в 1909—1931 гг. был премьер-министром Франции и министром иностранных дел.

¹¹ *Никольский* Борис Александрович — соратник Ильина, сотрудник Лиги Наций, проживал в Швейцарии.

¹² *numerus clausus* (лат.) — множество закрытых мест.

¹³ *experimentum in corpore vili* (лат.) — эксперимент над живым существом.

¹⁴ Имеется в виду сфабрикованное ОГПУ в 1928 г. дело по обвинению группы инженерно-технических работников каменноугольной промышленности Донбасса во вредительстве, подрывной антигосударственной деятельности и связях с агентами иностранных разведок. Всего по делу было привлечено 53 человека. На суде, проходившем в Москве с 18 мая по 6 июля, председательствовал А. Я. Вышинский (впоследствии прокурор СССР и главный государственный обвинитель на политических процессах 30-х гг.), а главным обвинителем выступал прокурор Н. В. Крыленко (в 30-х гг. сначала нарком юстиции РСФСР, а затем СССР). Суд приговорил 5 человек к расстрелу, 40 — к различным срокам заключения, 4 — к условному наказанию и четверых оправдал. Это был один из первых в СССР громких сфальсифицированных политических процессов.

¹⁵ Неточность. А. Я. Вышинский председательствовал на этом судебном процессе.

¹⁶ *nullum crimen sine lege* (лат.) — часть следующей полной формулы-аксиомы: «Nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum

crimen sine poena legali» (лат.) — нет преступления без наказания, нет наказания без закона, нет преступления без законного наказания.

¹⁷ Кульман Николай Карлович (1971—1940) — профессор, историк литературы. Эмигрировал вместе с Добровольческой армией, проживал в Париже.

¹⁸ *sine ira et studio* (лат.) — без гнева и пристрастия (изречение Тацита).

¹⁹ Надежда Васильевна Розанова (1900—1956) — дочь В. В. Розанова.

²⁰ Цитируется по первой публикации «Последние мысли Розанова»: *Летопись Дома Литераторов*. — Петроград, 1922. — № 8—9. — С. 5.

²¹ Дан подстрочный обратный перевод.

²² Стихотворение «Русь Советская».

²³ Дан подстрочный обратный перевод.

²⁴ *temento mori*! (лат.) — помни о смерти!

²⁵ Подстрочный обратный перевод.

²⁶ *Вотан* — верховное божество древних германцев, бог стихий, чародей и волшебник, предводитель живых и павших воинов.

²⁷ *Bonum quod est supprimitur, nunquam extinguitur* (лат.) — добро хотя и можно подавить, но нельзя уничтожить.

ИЗ ПУБЛИЦИСТИКИ БЕРЛИНСКОГО ПЕРИОДА (1928—1935)

КАК РАБОТАЕТ III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Wie die dritte Internationale arbeitet*») в берлинской газете «*Der Tag*» в № 98 от 24.04.28 г.

СРЕДНЕЕ СОСЛОВИЕ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Der Mittelstand*») в берлинской газете «*Der Tag*» в № 72 от 24.03.29 г.

Статья предварялась следующим предисловием редакции: «Мы просили выдающегося русского ученого представить в ряде статей, основанных на практическом опыте двенадцати лет революции в России, главные социально-политические проблемы этой страны. Сначала профессор Ильин исследует социальные функции среднего сословия и выдвигает политические требования, сформулированные с учетом трудов философа по проблемам государства и культуры».

ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Die Sozialisierung*») в газете «*Der Tag*» в № 75 от 28.03.29 г.

Статья предварялась следующим предисловием редакции: «Мы продолжаем этой статьей известного русского ученого социально-этическое исследование, начатое статьей о среднем сословии».

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Privateigentum*») в газете «Der Tag» в № 85 от 09.04.29 г.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Enteignung*») в газете «Der Tag» в № 91 от 16.04.29 г.

ЭКОНОМИЯ СИЛ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Kraftersparnis*») в газете «Der Tag» в № 101 от 27.04.29 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Die Befreiung*») в газете «Der Tag» в № 108 от 07.05.29 г.

СОЦИАЛЬНО ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ?

Впервые опубликовано на немецком языке («*Sozial oder sozialistisch?*») в газете «Der Tag» в № 114 от 14.05.29 г.

Работа предварялась следующим предисловием редакции: «Данной статьей мы заканчиваем печатание этой серии статей, которая, ввиду своего значения, вскоре будет издана в сброшюрованном виде».

СТАЛИН В НАСТУПЛЕНИИ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Stalin im Angriff*») в газете «Der Tag» в № 33 от 07.02.30 г.

Статья предварялась следующим предисловием редакции: «Растущая коммунистическая активность в Германии происходит лишь в рамках крупной отвлекающей атаки, которая поддерживается Коминтерном во всех странах для обеспечения советскому правительству беспрепятственного завершения хозяйственной революции и одновременного создания новых баз для осуществления мировой революции. Серьезную опасность этой целенаправленной подрывной деятельности не замечают и не ведут с ней в должной мере борьбу во всех подвергшихся угрозе странах Европы и вопреки происходящему также и у нас. Мы попросили одного из известнейших ученых русской эмиграции описать в ряде статей методы борьбы большевиков и дать критическую оценку итогам пролетарской революции в России».

¹ *Гален* (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач. Имеется в виду его изречение: «То, что не лечит слово, лечит железо (нож); то, что не лечит железо, лечит огонь; то, что не лечит огонь, лечит смерть».

² *nihil* (лат.) — ничто.

³ Шторк Николас (XVI в.) — сподвижник Лютера, Меланктона и Мюнцера, лидер радикальной реформаторской группы «Цвикауские пророки» («*Zwickau propheten*»), возникшей в конце 1521 г. в городе

Цвикау (Саксония). Эта группа говорила восторженно об откровении, данном им через сны и видения, проливая свет на конец мира, который должен скоро наступить и что священников надлежало бы убить.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАРАЗЫ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Die Verbreitung der Seuche*») в газете «Der Tag» в № 173 от 21.07.31 г.

⁴ *Caveant consules!* (лат.) — это часть крылатого латинского выражения, которое полностью в переводе на русский звучит так: «консулы, будьте бдительны, чтобы республика не понесла какого-нибудь урона».

ПРИЧИНА ЗЛА

Впервые опубликовано на немецком языке («*Die Ursache des Uebels*») в газете «Der Tag» в № 222 от 16.09.31 г.

БОЛЬШЕВИЗМ КАК ПСИХОЗ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Bolschewismus als Psychose*») в газете «Der Tag» в № 15 от 17.01.32 г.

ПОЛИТИКА СТРАСТЕЙ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Politik der Leidenschaft*») в газете «Der Tag» в № 312 от 29.12.32 г.

⁵ Более точно: «... ничто великое в мире не совершалось без страсти». См.: Гегель Ф. Собрание сочинений. — Т. VIII. — М.: Л., 1935. — С. 23.

ОЖИДАНИЕ И ОЧИЩЕНИЕ

Впервые опубликовано на немецком языке («*Erwartung und Läuterung. Zur russischen Emigration*») в берлинском журнале «Eckart Blätter für evangelische Geisteskultur» в тетради № 18 в июле—августе 1933 г. — С. 355—358.

НАДЕЖДЫ И ОПАСЕНИЯ КОМИНТЕРНА

Впервые опубликовано по-русски в парижской газете «Возрождение» в 1934 в № 3243 от 20.04.34 г.

⁶ *Кнорин* (*Кнориньш*) Вильгельм Георг (1890—1938) — советский государственный и партийный деятель, публицист. В 1928—1935 гг. работал в ИККИ.

⁷ *Хекерт* Фриц (1884—1936) — глава Совета рабочих и солдатских депутатов г. Хемниц во время Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. Интернационалист, в 1928—1935 гг. кандидат в члены Президиума ИККИ, член Исполнительного бюро Профинтерна. Умер в Москве, похоронен на Красной площади.

МИРОВОЙ ЗАМЫСЕЛ «ЛЕНИНИЗМА»

Впервые опубликовано по-русски в парижской газете «Возрождение» в № 3639 от 21.05.35 г.

⁸ Псевдоним И. А. Ильина.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ (1932—1933)

Представленные в томе аналитические записки И. А. Ильина были направлены им в 1932—1933 гг. в различные министерства Германии. Эти архивные материалы собрал Даниил Цыганков в ходе работы над темой «Берлинский период в творчестве И. А. Ильина (1922—1938)» и любезно предоставил их для публикации, сопроводив, где необходимо, соответствующими примечаниями. Его примечания специально огораживаются в круглых скобках. Выражаем глубокую благодарность Д. Б. Цыганкову, а также Учебному фонду парламента Берлина (Studienstiftung des Abgeordnetenhauses von Berlin), поддержавшему его научное исследование.

При указании архивов используются следующие сокращения:

1) BA (Bundesarchiv der Bundesrepublik Deutschland) — Федеральный архив Германии (Finckensteinallee 63, D-12205 Berlin).

2) PA AA (Politisches Archiv des Auswärtiges Amtes Deutschlands) — Политический Архив МИДа Германии (Werderscher Markt 1, D-10117 Berlin).

3) GStA PK (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz) — Тайный государственный архив «Прусского культурного наследия» (Archivstrasse 12—14, D—14195 Berlin).

4) LAB (Landesarchiv Berlin) — Земельный архив Берлина (Eichbomdamm 115—121, D—13403 Berlin).

5) RSHA — «Reichssicherheitshauptamt» (Главное ведомство имперской безопасности).

6) APA — Aussenpolitisches Amt der NSDAP (Внешнеполитический департамент НСДАП).

7) fol. (folie) — нумерованная страница в архивном деле.

ДИРЕКТИВЫ КОМИНТЕРНА

ПО БОЛЬШЕВИЗАЦИИ ГЕРМАНИИ (1933 г.)

Настоящий документ («Richtlinien des Komintern zur Bolschewisierung Deutschlands») представляет собой машинописную рукопись на 132 страницах и хранится в: BA, Rep. 58 «RSHA», Nr. 3199, fol. 23—155 и в: PA AA, Nr. R31759 «Akten betreffend Bolschewismus, Kommunismus, usw. Bd. 43 (April—August 1933)», fol. E501226—E501358. Эта работа была скопирована Ильиным из советских источников (с. 1—117) в марте 1932 г. и направлена в имперское министерство внутренних дел. Для МИДа работа была дополнена не позднее конца марта 1933 г. (с. 118—132). (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

Мы публикуем здесь по копии из ВА, как сохранившейся полностью, только написанное Ильиным введение, оглавление (перечень указанных им тем) и предметный указатель, а взятые из советских источников цитаты опускаем. Ниже в переводе на русский дается переписка, проливающая свет на происхождение ильинской записки.

Текстологическую работу над письмами провел Д. Б. Цыганков.

1

Берлин, 28 марта 1933 г.

Вход. № IV Ru 1574

Многоуважаемый г-н министр!

С громадным удовольствием выполняю недавно высказанную мне Вами просьбу: позвольте переслать Вам три экземпляра «Директив Коминтерна по большевизации Германии».

Прилагаю несколько приглашений на мероприятие Русско-германского клуба, которое состоится 30 числа э<того> м<есяца> в надежде, что его посетят представители министерства иностранных дел.

С выражением моего величайшего к Вам уважения,

Преданный Вам С. фон Боткин

Документ находится в РА АА, R 31759, fol. E501216. Оригинал, машинописный текст.

Боткин Сергей Дмитриевич (1869 — 1945) — дипломат, в 1911—1914 гг. первый секретарь посольства в Берлине, в 1920—1934 гг. руководитель Организации защиты интересов русских беженцев в Германии и Русско-германского клуба. Из-за конфликта с нацистами перебрался в Париж. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

2

Берлин, 11 апреля 1933 г.

к IV Ru 1574/33

- 1) В Имперское министерство внутренних дел
 - 2) Господину имперскому комиссару
Прусского министерства внутренних дел
 - 3) В Земельное ведомство криминальную полицию
(Прусское министерство внутренних дел)
- На каждый адрес — одно приложение

В приложении почт<ительно> пересылаю папку с подборкой материалов «Директивы Коминтерна по большевизации Германии». Подборка предоставлена в распоряжение Министерства иностранных дел частным образом. Речь идет о публикациях советско-русского происхождения, систематически подобранных, снабженных оглавлением и алфавитным указателем, которые показывают взаимосвязь Советского Союза с коммунистическими организациями за границей, особенно — в Германии.

Материал, который имеет значение не только для научных исследований, но представляет собой актуальный вклад в понимание междуна-

родной коммунистической политики Советского Союза, почтительно предоставляется в распоряжение.

Подп<исано> п<о> п<оручению> <Рихарда> Майера

Документ находится в РА АА, R 31759, fol. E501217. Копия, машинописный текст.

Майер Рихард (1884 — 1956) — в августе 1931 г. — декабре 1935 г. руководил IV отделом МИДа Германии. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

3

Отдел по сбору информации

19 апреля 1933

Имперское министерство внутренних дел

Вход. № IV Ru 1574

Платц дер Републик 6

NW40 Берлин

Исх. № IAN. 2137 / 11.4.

В Министерство иностранных дел

Кас.: Коммунистическое движение

В присланных с письмом — IV Ru 1574 — от 11 апреля 1933 г. «Директивах Коминтерна по большевизации Германии» речь идет о работе проф., д-ра Ильина из берлинского Русского научного института, которую И<льин> еще в конце марта пр<ошлого> г<ода> представил г-ну министру внутренних дел (новыми являются лишь страницы 106—120). Материал хотя и аутентичен и выполнен старательно и со знанием дела, уже устарел и лишь отчасти убедителен. Профессор Ильин главным образом цитирует русскую прессу 1924, 1925, 1927 и 1928 годов, и прежде всего 1929 года, сюда добавлены лишь 12 документов 1931-го и 14 — 1932/33 гг., хотя как раз сентябрьский Пленум Исполкома Коминтерна 1932 г. (XII Пленум ИККИ) принял множество постановлений, имеющих огромное значение для оценки взаимосвязи между Советским Союзом, Коминтерном и мировой революцией. Цитаты, которые приводит профессор Ильин, хотя и говорят о тесной связи Коммунистической партии Германии с Коммунистическим Интернационалом и Красным Интернационалом профсоюзов в Москве, но не показывают средств и методов, которыми Ком<мунистический> Интернационал работает в Германии. Так, например, из подборки ничего не узнаешь о деятельности русских эмиссаров в Германии, о литературной пропаганде, пропаганде безбожия Советского Союза в Германии, об обучении германских коммунистов в советско-русских центрах обучения, в советско-русской Красной Армии, о финансовой поддержке Советским Союзом германского коммунистического движения и о всех других вопросах, которые следовало бы прояснить в подборке и которые должны доказать, что московские власти в союзе с КПГ и ее сателлитами — идеологическими, персональными и финансо-

выми акциями поддержки на германской земле — помогают готовить вооруженное восстание в Германии.

За свои труды профессор Ильин получил в апреле прошлого года значительную сумму из Фонда защиты республики.

Г-н имперский комиссар Прусского министерства внутренних дел и Земельное ведомство криминальной полиции (Прусское министерство внутренних дел) копию этого письма получили.

Подписано: Готтхайнер.
печать

Подпись удостоверяю (Подпись неразборчива.)
Секретарь канцелярии министерства

Документ хранится в РА АА, R 31759, fol. E501384-E501385. Оригинал, машинописный текст.

Копии данного письма комиссару Прусского МВД и в криминальную полицию не включали двух последних абзацев, ср. копию письма в: ВА, R58 «RSHA», № 3199, fol. 22.

Готтхайнер Георг — министериал-директор, высокопоставленный руководитель имперского министерства внутренних дел Веймарской республики. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

4

ЗАМЕТКА к IV Ru 1785/33

Г-н м<инистериал>-д<иректор> Майер добавил к письму из Имперского министерства внутренних дел:

создается впечатление, что господин фон Боткин рядится в чужие перья (проф. Ильин)!

в архив

фон Типпельскирх, 21/4

Господин ф. Боткин с самого начала сообщил г-ну имперскому министру, что работу написал проф. Ильин.

Передать для ознакомления г-ну <министериал>-д<иректору> Майеру.

Подпись (неразборчива), 24/4

В архив: Ро 19

фон Типпельскирх, 27/4

Документ хранится в РА АА, R 31759, fol. 501386. Рукописный текст.

Типпельскирх Вернер фон (1891 — 1980) — легацион-рат, сотрудник «русского реферата» германского МИДа в 1931—1935 гг. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹ Caritas (лат.) — милосердие. По-видимому, имеется в виду благотворительный орган.

**О ДИРЕКТИВАХ КОМИНТЕРНА
ПО БОЛЬШЕВИЗАЦИИ ГЕРМАНИИ**

Документ представляет собой машинописный текст (21 страница) доклада, прочитанного И. А. Ильиным 21 апреля 1933 г. в Русско-германском клубе. Хранится в РА АА, R 31759, fol. E501566-E501586. Копия, машинописный текст.

Ниже в переводе на русский даются некоторые документы, проливающие свет на обстоятельства передачи доклада в МИД Германии.

1

Берлин, 19 апреля 1933 г.

Многоуважаемый г-н министр!

Разрешите переслать Вам доклад, прочитанный д-ром Гефдингом в Русско-германском клубе.

Следующее мероприятие клуба состоится в пятницу, 21 числа э<того> м<есяца>. Профессор Ильин прочтет доклад о директивах Коминтерна по большевизации Германии. Речь идет об основанном на подлинных фактах, фундаментальном аналитико-синтетическом обзоре намерений и планов III-го Интернационала, который, вопреки происходящему, стремится к революционному завоеванию Германии. Этот доклад, несмотря на то что он озаглавлен так же, как и переданная мною Вам работа, представляет собой нечто совершенно иное и новое.

Позвольте мне приложить к письму несколько приглашений на наше мероприятие в надежде, что Вы пришлете кого-нибудь послушать доклад.

С выражением моего почтительнейшего уважения к Вашему Превосходительству,

Преданный Вам С. ф<он> Боткин

Документ хранится в РА АА, R 31759, fol. E501390. Оригинал, машинописный текст.

2

Русско-германский клуб
июля 1933 г.
NW 40, ин ден Цельтен 16
Тел.: A1 Егеръ 1326

Берлин, 24

Вход. № IV Ru 3456

Многоуважаемый г-н министр!

28 марта э<того> г<ода> я имел честь переслать Вашему превосходительству три экземпляра памятной записки о «Директивах Коминтерна по большевизации Германии». Эта памятная записка представляет собой выдержки из советской прессы.

Позвольте послать Вам в приложении к этому письму два экземпляра конфиденциального доклада профессора д-ра Ивана Ильина, который он прочел по поручению и в рамках Русско-германского клуба.

Данный доклад представляет собой попытку аналитически и синтетически переработать вышеупомянутые материалы памятной записки «Директивы Коминтерна по большевизации Германии», что в ней самой еще не было проделано. Однако это не повтор, а нечто совершенно новое.

Разрешите, г-н министр, заверить Вас в моем совершенном почтении,
Преданный Вам С. ф<он> Боткин

Документ хранится в РА АА, R31759, fol. E501564. Оригинал, машинописный текст.

3

к IV Ru 3456
27 июля 1933 г.

Многоуважаемый г-н фон Боткин!

По поручению г-на имперского министра иностранных дел барона фон Нейрата имею честь передать Вам благодарность господина имперского министра за Ваше чрезвычайно любезное послание от 24 числа с<его> м<есяца> и любезную пересылку приложений к нему.

С величайшим уважением

Преданный Вам Подпись (неразборчива.)

Документ хранится в РА АА, R31759, fol. E501587. Копия, машинописный текст.

4

ЗАМЕТКА к IV Ru 3456

Я прочел несомненно интересный доклад проф. Ильина о пропагандистской деятельности Коминтерна в Германии. Доклад представляет интерес прежде всего с полицейской точки зрения.

Дальнейшая передача внутренним департаментам представляется необязательной. Во всяком случае, можно было бы как-нибудь передать копию г-ну министриал-рату Дильсу с целью информирования. В остальном многое в докладе в силу развития событий уже устарело и представляет чисто исторический интерес. Поэтому передача г-ну имперскому министру вряд ли необходима.

Возможно, лучше всего было бы отправить в архив.

Представлено г-ну легацион-рату фон Типпельскирху.

Подпись неразборчива. 28/7

Документ хранится в РА АА, R31759, fol. E501588. Оригинал, рукописный текст.

Дильс Рудольф (1900 — 1957) — первый (де-факто) руководитель Гестапа (предшественницы Гестапо), один из самых молодых и способных чиновников отдела «IA» Берлинского полицей-президиума, специализировался на коммунистическом движении, после своего назначения в апреле 1934 г. пытался обуздать произвол СА и СС, в апреле 1934 г.

был отправлен в отставку в результате интриг Гиммлера и Рейдриха и попустительства Геринга, сначала его выдвигавшего. В своих воспоминаниях «*Lucifer anta portas*» («Сатана у ворот», 1950) Дильс дал картину нелегальной деятельности КПП, весьма близкую к Ильину. (*Примеч. Д. Б. Цыганкова.*)

² Русско-германский (иногда — Германо-русский) клуб был создан в 1922 г. и располагался по тому же адресу, что и «Организация по защите интересов русских беженцев в Германии» (Berlin NW40, In den Zelten 16). Как и организацию, клуб возглавляли Сергей Дмитриевич Боткин (председатель правления) и барон Василий Львович фон Остен-Сакен Теттенборн (исполнительный директор). Задачей клуба было — согласно его Уставу — «сближение русских и немецких кругов с целью взаимного знакомства и для будущего укрепления культурных и экономических связей между Россией и Германией». Клуб не только организовывал доклады, на которые приглашал представителей центристских и правых партий рейхстага, но и был местом встреч для монархического крыла русской эмиграции в Берлине.

После того как летом 1934 клуб был исключен из числа соучредителей Антикоминтерна (куда входил с осени 1933) и Боткин вскоре был вынужден уехать в Париж, правление возглавил Остен-Сакен. К концу 30-х годов, по мере уменьшения числа русских эмигрантов в Германии, значение клуба сошло практически на нет. (*Примеч. Д. Б. Цыганкова.*)

ГОЛОД В СОВЕТСКОЙ РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ. ДИАГНОЗ

Этот материал «*Die Hungernot in Sowjetrussland als Folge der kommunistischen Landwirtschaftspolitik*» хранится в: GStA PK, I HA, Rep. 76Vc Preussischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung, Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin», fol. 316—362; и в PA AA, Nr. R31836 «Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin». Это 45-страничная машинописная аналитическая работа, подготовленная не позднее конца июля 1933 г., была направлена временным руководителем Русского научного института (РНИ) в Берлине Армином фон Рейером в Прусское министерство по науке, искусству и народному образованию и в германский МИД. Об истории РНИ в 1932—1943 гг. см. с. 580—582 настоящего тома. (*Примеч. Д. Б. Цыганкова.*)

Ниже приводится переписка между фон Рейером и главой департамента по делам высшей школы Теодором Валеном, назначившим его в июне 1933 г. временным руководителем РНИ. В этих сведениях содержатся любопытные сведения, касающиеся ильинского материала и самого Ильина.

Русский научный институт
в Берлине
W.4 Инвалиденштрассе 42
Временный руководитель

5 августа 1933 г.
Исх. № 6/33

В Прусское министерство по науке,
искусству и народному образованию
г-ну профессору В а л е н у
Берлин W.8
Унтер ден Линден, 4

Многоуважаемый г-н профессор!

Позвольте в качестве приложения к этому письму передать Вам работу профессора, д-ра Ивана Ильина «Голод в России как последствие коммунистической аграрной политики», написанную в июле. Как хорошо видно из сносок, эта работа выполнена на абсолютно подлинных материалах. Материалы предоставлены г-ну профессору Ильину Русским научным институтом.

Еще одна работа профессора Ильина «Директивы Коминтерна по большевизации Германии», написанная также в 1933 году (120 страниц машинописного текста), уже передана в Имперскую канцелярию и Имперское министерство внутренних дел. Эта работа легла в основу публичного доклада г-на проф. Ильина в Германско-русском клубе. На этом докладе присутствовал также руководитель Гестапо, г-н оберрегаурунгсрат Дильс, который высказался о нем с большим одобрением.

Целью этих строк, г-н профессор, является просьба к Вам похотайствовать о гонорировании работ проф. Ильина из средств Германского научного фонда. Такая оплата весьма желательна и наверняка также оправдана в интересах дальнейшего сотрудничества с г-ном профессором Ильиным, так как помогла бы ему прожить до окончательно прояснения положения дел; притом, что, вероятно, предполагается предоставить г-ну проф. Ильину возможность преподавать.

Если это позволительно, я бы предложил считать уместным гонорар в сумме 400 немецких марок; с другой стороны, этой суммы, пожалуй, будет достаточно, чтобы помочь проф. Ильину пережить переходный период.

В надежде, что Вы, многоуважаемый г-н профессор, одобрите мою просьбу и передадите ее в соответствующую инстанцию, я подписываюсь

С величайшим уважением, преданный Вам
Армин ф<он> Рейер полковник в о<тставке>

Постскриптум. Так как доставка писем по адресу Русс<кого> научного института не слишком надежна и в Институт нельзя позвонить по телефону, мне хотелось бы попросить Вас ответить мне на это письмо по моему домашнему адресу: Полковнику в отставке А. ф. Рейеру, Берлин-Грюневальд, Беркаерштрассе, 30 (тел. Шмаргендорф 5605).

Документ хранится в: GStA PK, I HA, Rep. 76Vc. Preussischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung, Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin», fol. 314. Оригинал, машинописный текст.

Вален Теодор (1869 — 1945) — профессор математики, с марта 1933 г. руководитель управления по делам высшей школы в Прусском министерстве науки, культуры и народного образования, с 1934 г. работал в Имперском министерстве по делам воспитания и науки. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

Рейнер Армин фон (1876 — после 1933) — балтийский немец, полковник царской службы в отставке, с 1930 г. — член НСДРП, в начале 1933 г. назначен Т. Валеном т. н. временным руководителем РНИ, в августе 1933 г. избран «президентом» РНИ, представлял его при учреждении Антикоминтерна. Отстранен Геббельсом и заменен на Эрта в октябре 1933 г. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

2

Профессор д-р Вален

8 августа 1933 г.

Г-ну полковнику в отставке А. ф. Рейеру

Берлин-Грюневальд

Беркаерштрассе, 30

Многоуважаемый г-н полковник!

Большое спасибо за Ваше письмо от 5-го числа этого месяца с приложенной работой проф. Ильина. Профессор Ильин должен непосредственно послать эту работу в Германский научный фонд (С2, Шлосс портал 3) вместе с заявкой о поддержке. При этом он может сослаться на меня; со своей стороны, я горячо поддерживаю его заявку. Как мыслит себе профессор Ильин публикацию?

Русский научный институт должен быть перенят Имперским министерством пропаганды. О деталях я договорился с г-ном Майер-Беннекенштайном. Поручение, которое я Вам дал, на этом исчерпывается, и я благодарю Вас за исполнение. Возможно, представится еще какой-нибудь удобный случай.

Хайль Гитлер!

Документ хранится в: GStA PK, I HA, Rep. 76Vc Preussischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung, Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin», fol. 315. Копия, машинописный текст.

Майер-Беннекенштайн Пауль — сотрудник Министерства пропаганды, президент Немецкой высшей школы политики в Берлине. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

Отношение Ильина к нацистскому режиму, и в частности к Гитлеру, известно (см. наст. Собр. соч., т. 2, ч. I, с. 26—29, 76—89). Однако в

1933 г. часть русской эмиграции ждала от Гитлера большего, видела в его лице государственника и борца с коммунизмом. Об этом свидетельствует следующий адрес С. Боткина и бар. Теттенборна от имени 28 русских эмигрантских организаций рейхсканцлеру, который по-русски впервые мы публикуем ниже. Именно этот адрес Гитлеру известный эмигрант-издатель И. Гессен намеренно и злобно приписал Ильину: «Но поначалу судорожная длань национал-социализма обрушилась и на без лести преданных. Так, на полицейском автомобиле повлекли на допрос профессора И. А. Ильина, сочинителя пышного адреса Гитлеру, возлагавшего на него сокрушение не только коммунизма, но и Маммонны». (См.: Г е с с е н И. В. Годы изгнания. — Париж, 1979. — С. 242.)

Организация защиты интересов
русских беженцев в Германии
Берлин NW 40, ин ден Цельтен 16
Берлин, 21.3.1933

Ваше превосходительство,
Высокочтимый г-н рейхсканцлер!

Мы, объединенные национальные союзы русской эмиграции на германской территории, обращаемся к Вам, призванному и мужественному вождю пробудившейся национальной Германии, с тем, чтобы выразить Вам глубоко волнующие нас чувства.

Многие годы взывает к небесам мученичество нашего народа, совращенного и эксплуатируемого большевизмом. Многие годы мы видим, как красный поток затапливает Германию и, стараемся предостеречь германское общественное мнение. Мы хорошо знаем того врага, на которого Вы, господин рейхсканцлер, в беззаветной любви к своему Отечеству наступаете и от которого Вы хотите освободить народ Германии. Мы знаем, насколько тяжела эта борьба; видим мы и еще грозящие опасности.

Да увенчается же Ваш великий труд истинным и полным успехом! Да свершится с Вами исторический поворот происходящего в Европе! Пусть Германия пойдет навстречу тому духовному обновлению, к которому и мы стремимся для нашего народа! Да не сокрушатся наши народы в маммонизме и большевизме, а исцелятся, и взаимно — духовно и по-братски — найдут друг друга!

Организация защиты интересов русских беженцев в Германии с особой радостью выполняет пожелание обращающихся к Вам, названных в приложении русских национальных эмигрантских организаций и обществ, и считает для себя честью выразить Вам, высокочтимый г-н рейхсканцлер, обуревающие нас всех чувства.

С. Боткин
руководитель,
посланник императорский России в отставке
барон Остен-Сакен-Теттенборн,
управляющий делами

Список русских национальных организаций и обществ, представленных через Организацию защиты интересов русских беженцев в Германии:

1. Русский православный епископ Берлина Тихон.
2. Греко-православное благотворительное братство Берлина во имя святого равноапостольного князя Владимира.
3. Русская греко-православная община собора Воскресения Христова в Бнолине (Фербелтинерплац).
4. Вторая русская греко-православная община (Витенау).
5. Церковная община св. Владимира.
6. Русский Красный Крест (старая организация).
7. Амбулатория Русского Красного Креста (старая организация).
8. Немецко-русское школьное общество.
9. Комитет помощи русским детям.
10. 2-й отдел Русского общевоинского союза.
11. Союз взаимопомощи бывших служащих российского флота.
12. Союз взаимопомощи бывших офицеров русской армии и флота.
13. Союз взаимопомощи бывших офицеров Генштаба.
14. Союз взаимопомощи бывших офицеров русской кавалерии и конной артиллерии.
15. Союз русских инвалидов войны.
16. Русское внепартийное объединение в Германии.
17. Русский монархический союз в Германии.
18. Общество бывших служащих русского министерства внутренних дел.
19. Общество бывших служащих русского министерства иностранных дел.
20. Союз русских юристов за рубежом.
21. Русские христианские бойскауты.
22. Объединение студенческих организаций русских эмигрантов в Германии.
23. Национально-трудовой союз нового русского поколения.
24. Общество русских выпускников вузов Германии.
25. Русский научный институт.
26. Русское академическое общество.
27. Союз русских журналистов и литераторов в Германии.
28. Союз русских дипломированных инженеров в Германии.

Документ хранится в РА АА, R31666 «Innere Politik, russische Emigranten und Monarchisten im Ausland», Band 13, fol. 99-100a. Оригинал, машинописный текст.

Остен Сакен-Теттенборн Василий Львович фон (? — после 1940) — управляющий делами Организации защиты интересов русских беженцев в Германии и секретарь Русско-германского клуба. Возглавил их после отъезда С. Боткина в 1934 г. в Париж. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

На письмо Боткина реакции не последовало (оно было переправлено в «восточноевропейский» (IVa) реферат МИДа Германии, как и

другие, ему подобные, обращения — «младороссов», Российского Общенационального Народно-Державного Движения (РОНДД) и др.). Вскоре берлинская русскоязычная газета «Наш век» опубликовала его (без приложения) и не совсем аутентичные выдержки из него по-русски («Обращение эмигрантов к Райхсканцлеру», 02.04.1933, № 69, с. 1). В мае 1933 г. один из немецких членов Русско-германского клуба, майор в отставке фон Девиц, обратился в имперскую канцелярию с запросом о судьбе письма и получил ответ, что оно поступило в бесчисленном потоке поздравлений, а «поскольку не содержало конкретных предложений — было отправлено в архив» (BA, R43/II «Neue Reichskanzlei», № 1488 «Auswärtige Angelegenheiten», fol. 35-38). Обращаем внимание на то, что на основании этих документов не подтверждается свидетельство Иосифа Гессена об ильинском авторстве «пышного адреса Гитлеру, возлагавшего на него сокрушения не только коммунизма, но и Маммоны» (Гессен И. В. Годы изгнания. Париж, 1979. — С. 242). (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹ Этот короткий эпиграф из книги Гитлера «Майн кампф», который еще дважды повторяется в тексте, не может быть понят без соответствующего контекста. Мы приводим этот контекст и сами выделяем курсивом слова в эпиграфе.

«Может ли марксизм, опираясь на свою теорию массы, взять в свои руки существующее хозяйство и способен ли он был бы повести дело дальше — это не играет никакой роли. Вопрос заключается не в том, может ли он сейчас или сможет ли он в будущем управлять уже существующим хозяйством, а в том, смог ли бы он при его в корне неправильной установке сам создать подобную культуру. Пусть даже будет доказано, что марксизм смог бы взять в свои руки нынешнее хозяйство и повести его дальше не без некоторых успехов, все равно этим абсолютно не доказано, что он сам своими силами мог бы создать при сохранении своих принципов подобное хозяйство, достигающееся ему сейчас уже в готовом виде.

И марксизм на практике дал уже не одно доказательство правильности этого нашего утверждения. Ему не только нигде ни разу не удалось своими силами создать какую-либо действительно творческую культуру; он не только ни разу не был в состоянии существующую культуру направить так, как этого требуют его принципы; напротив, на практике он вынужден был неизменно делать уступки ходу идей своих противников, вынужден был признавать принцип личности даже в построении своей собственной организации» (Г и т л е р А. Моя борьба. — Каунас: «Ода», 6/г. — С. 375).

² *fiat Marxismus — pereat mundus (лат.)* — да здравствует марксизм — пусть погибнет мир.

³ В этом месте в тексте стоит сноска без текста.

ВЕРА, РОДИНА, СЕМЬЯ

Настоящая работа — это сборник статей, печатавшихся в разное время в русской эмигрантской газете «Новый путь» и вышедших на

русском языке отдельной книгой в 1941 г. в Женеве (издание Русского трудового христианского движения). Авторы сборника — А. И. Лодыженский, И. А. Ильин, А. В. Карташев. Книгу предваряют «Обращение российского Императорского дома к русским людям» вел. кн. Владимира Кирилловича и напутствие «Бог благословит!» митрополита Анастасия (Грибановского). В приложении к ней помещена работа Ю. И. Лодыженского «Современная советская доктрина». Из 20 статей сборника 11 принадлежат Ильину. Как и в случае с «Миром перед пропастью» здесь публикуются не выбранные работы И. А. Ильина, а весь коллективный сборник.

Печатается по указанному изданию.

Выражаем нашу благодарность В. С. Жилкину, предоставившего составителю копию этого редкого сборника.

¹ Срв. Быт. 3, 18.

² Ин. 4, 37.

³ Лодыженский Алексей Ильич — главный редактор выходившей в Женеве газеты «Новый путь», печатного органа Русского трудового христианского движения.

⁴ Речь идет об активности советского министра иностранных дел Литвинова в Лиге Наций.

⁵ *réprimande* (фр.) — выговор, внушение.

⁶ *Велиал* — в иудаистической и христианской мифологиях демоническое существо, дух небытия, лжи и разрушения.

⁷ *сербские четники* — в XV—XIX вв. участники вооруженной национально-освободительной борьбы сербского народа против османского ига, организованные в партизанские отряды (четы).

⁸ *Odium* (лат.) — ненависть, вражда.

⁹ Имеется в виду первая мировая война.

¹⁰ Один из возгласов священника во время литургии.

¹¹ т. е. каждый в своем чине.

¹² Рим. 13, 1.

¹³ Ср.: Мф. 5, 13.

¹⁴ Лодыженский Юрий Ильич (1888 — 1978) — врач, эмигрант, в 20-е и 30-е гг. был главой Международного Комитета «Pro Deo» («Во имя Бога») в Женеве — организации по оказанию помощи беженцам из коммунистических стран, руководителем российского Красного Креста в Женеве, членом Лиги Обера (Лиги борьбы с III Интернационалом). Брат А. И. Лодыженского.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отзывы на книгу «Мир перед пропастью»

В настоящем приложении мы помещаем отзывы на книгу «Мир перед пропастью», напечатанные на немецком языке в Германии и Швейцарии.

Все переводы с немецкого, кроме двух, сделаны О. В. Колтыпиной.

1

Опубликовано без названия в берлинской газете «День» в рубрике «Sonntagsspiegel» («Воскресное зеркало») за подписью Von D. Dr. Otto Dibelius в № 298 от 14.12. 30 г. Помещенный здесь отрывок касается только книги «Мир перед пропастью».

2

Опубликовано в берлинском еженедельнике: «Reichs-Landbund: agrarpolitische Wochenschrift; Nachrichten der Bundeszentrale und des Reichs-Junglandbundes» в № 3 от 17.01. 31 г. Перевод с немецкого сделан Д. Б. Цыганковым.

3

Опубликовано без названия в венском еженедельнике «Das Neue Reich: Wochenschrift für Kultur, Politik und Volkswirtschaft» в рубрике «Bücherbesprechungen» («Рецензии») за подписью М. в № 18 от 31.01.31 г.

4

Опубликовано под названием «Welt vor dem Abgrund» в берлинском еженедельнике «Das evangelische Deutschland» в № 5. от 01.02.31 г.

Предваряется следующим предисловием:

Журнал «Евангелистская Германия» уже по своему предназначению должен воздерживаться от обсуждения книг. И если сделано исключение для напечатания этого письма о книге «Мир перед пропастью» профессора Ильина (изд-во «Эккарт», Берлин-Стеглиц), то это объясняется тем делом, которому служит этот обширный документальный труд.

5

Опубликовано без названия в падерборнском журнале «Theologie und Glaube» в рубрике: «Aus der Theologie der Gegenwart (Allgemeines)» («Из теологии современности (Общее)») в № 3 в марте 1933 г.

6

Опубликовано под названием «Über das neue Rußland» в кёльнской газете «Kölnische Zeitung» от 19.04.31 г.

7

Опубликовано под названием «Das Gesicht des Bolschewismus II» в берлинской газете «Germania: Zeitung für das deutsche Volk» в № 61 от 1.05.31 г. Подписано инициалом Р. Имя автора воссоставлено Д. Цыганковым по более ранней работе автора «Das Gesicht des Bolschewismus I».

8

Опубликовано под названием «Lexicon und Bibel des Bolschewismus» в «Die Christliche Welt: Protestantische Halbmonatschrift für Gebildete aller Stände» в № 9 от 02.05.31 г.

9

Опубликовано без подписи и без названия в венском еженедельнике «Wirtschaftliche Nachrichten» в рубрике «Buchbesprechungen» («Книжные рецензии») в № 14 от 15.05.31 г.

10

Опубликовано под названием: «Die Wahrheit über Russland» в лейпцигском еженедельнике «Reclams Universum: Wochenschrift» в № 34 от 21.05.31 г. Предваряется следующим предисловием:

«Директор народнохозяйственного семинара, тайный советник, профессор, д-р Курт Виденфельд, один из немногих настоящих знатоков России, который богатым опытом обязан своей деятельности в качестве советника и директора Министерства внешних сношений и представителя империи в России, высказывается здесь по поводу трех значительных отображений русских проблем».

11

Опубликовано под названием «Welt vor dem Abgrund» в берлинской газете «Der Tag» в № 121 от 21.05.31 г.

¹ Русский научный институт — решение о его создании было принято 14.11.1922 на торжественном вечере Красного Креста и Германского общества по изучению Восточной Европы (DGSO). На этом узком заседании присутствовали: с русской стороны — В. Ясинский, С. Франк, И. Ильин, Н. Бердяев и А. Угрюмов, с немецкой — от DGSO: его президент Ф. Шмидт-Отт, его вице-президент О. Гёпш, его генсек Х. Йонас; от Красного Креста: представитель Ф. Нансена в Германии М. Шлезингер. Прусское министерство по науке, культуре и народному образованию предоставило РНИ помещения в здании старой строительной Академии (Alte Bauakademie, Schinkelplatz 6), а МИД Германии взял на себя львиную долю финансирования — но не напрямую, а через DGSO, чтобы не портить отношений с советским правительством, с которым был недавно заключен договор в Раппало.

До лета 1925 г. РНИ функционировал как вуз, затем в связи с резким уменьшением числа учащихся и отъездом ряда ведущих профессоров в Прагу и Париж превратился в своего рода вольную академию, профессора которой читали лекции на русском и немецком языках в аудиториях гимназий и вузов. РНИ постоянно переезжал из одного тесного помещения в другое. Во второй половине 1931 г., в разгар экономического кризиса, немецкий МИД перестал финансировать РНИ, в котором еще работало 11 человек. В ноябре 1931 г. Ясинского на посту директора сменил Франк. Несмотря на колоссальные усилия Макса Зеринга в 1931—1932 гг. (немецкие архивы хранят его многочисленные письма в МИД, райхсканцелярию, прусское министерство культуры, берлинский магистрат и т. д.) к весне 1932 г. было принято решение о ликвидации РНИ. Библиотеку института перевозят в помещение возглавляемого Зернгом сельскохозяйственного института на Инвалиденштрассе, 42.

Вскоре после назначения Гитлера райхсканцлером во все вузы Германии были направлены т. н. «временные руководители». Глава департамента по делам высшей школы Прусского министерства науки, культуры и народного образования Теодор Вален назначил в июне 1933 г. временным руководителем РНИ полковника русской службы в отставке Армина фон Рейера. Ильину, который де-факто — после увольнения из РНИ в марте 1933 г. всех профессоров-евреев (в том числе и С. Франка) — возглавил институт, удалось найти с фон Рейером общий язык. За предложением Рейера — сделать РНИ исследовательским

центром по вопросам коммунизма — явно проглядываются разработки Ильина. 8 августа был даже учрежден «Russisches Wissenschaftliches Institut e.V.», среди семи членов-учредителей — немногие оставшиеся члены РНИ: Ильин (избран вице-президентом), Боголепов, Полетика, Хёфдинг; сам Рейер был избран президентом.

Однако к этому времени уже было достигнуто согласие между Валеном и высокопоставленным сотрудником Министерством пропаганды Майер-Беннекенштайном о передаче РНИ в ведомство Геббельса. В октябре 1933 г. Геббельс отозвал Рейера, ставшего вести себя слишком самостоятельно, и назначил новым директором РНИ давнего знакомого Ильина — Адольфа Эрта; «рейеровский» РНИ был ликвидирован по суду.

16 ноября 1933 г. состоялось учреждение «Общества по поддержке Русского научного института в Берлине» (LAB, Rep. 42 «Amtsgericht Charlottenburg», Acc. 2147, Nr. 27158, Bl. 2), среди учредителей которого остались от прежнего РНИ только Ильин и Боголепов. Эрт был избран председателем общества, что по § 3 Устава автоматически делало его директором РНИ. Устав «эртовского» РНИ был составлен на основании т. н. «фиурер-принципа», так что Эрт имел возможность единолично исключать и принимать членов общества, не проводя решение через общее собрание и не регистрируя их в суде. Именно благодаря этому пункту Ильин и был уволен в июле 1934 г. из РНИ, когда после т. н. подавления «путча Рёма» во всех инстанциях проводились повальные чистки, и Эрт припомнил Ильину его отказ весной 1934 включиться в антиеврейскую пропаганду.

На собрании общества 30 октября 1935 г. было решение о его переименовании в «Институт по научному изучению Советского Союза», директором которого становится принятый вместо Ильина в члены общества нацистский доцент Немецкой высшей школы политики Герман Грейфе. После того, как осенью 1937 вследствие интриг Эрты пришлось покинуть все посты в РНИ и Антикоминтерне, институт был практически растворен в последнем, а в 1943 г. — юридически самораспустился. Все его архивы и библиотека были переданы в собственность Антикоминтерна.

Антикоминтерн — формально был учрежден 7 сентября 1933 г. рядом организаций в Берлине как общество «Объединенный союз немецких антикоммунистических организаций». Среди соучредителей были РНИ (еще под руководством фон Рейера) и Русско-германский клуб. Адольф Эрт был избран председателем Антикоминтерна. (LAB, Rep. 42 Amtsgericht Charlottenburg, Acc. 4771, Nr. 57343, Bl. 2-3).

На самом деле неформально Антикоминтерн был подчинен Эберхарду Тауберту — главе реферата II/4 «Враждебные мировоззрения» Министерства пропаганды. Цель этой юридической конструкции состояла в том, чтобы, не идя на официальный конфликт с Советской Россией, противопоставить агитации Коминтерна действенный (но формально независимый) информационно-аналитический ресурс.

Все же проведенные летом 1934 г. чистки, в т. ч. — увольнение Ильина, вскоре проявились в драматическом снижении уровня аналитической составляющей — вместо научного изучения коммунизма Антикоминтерн штамповал безвкусные агитки. После вытеснения в 1937 г. оттуда Эрта, а особенно — после 22 июня 1941, Антикоминтерн окончательно превратился в обыкновенный инструмент нацистского агитпропа. Архивы РНИ и Антикоминтерна следует в настоящий момент считать утраченными — за исключением некоторых маловажных бумаг они либо сгорели, либо были целенаправленно уничтожены в конце войны. Существует, правда, небольшая вероятность того, что часть их попала в руки СМЕРШа и до сих находится не описанной в каком-то из архивов бывшего СССР. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

12

Опубликовано под названием «Volk ohne Gott: Das Rußland-Werk I. A. Iljins» в берлинском журнале «Eckart Blätter für evangelische Geistkultur» в № 6 от 6.06.31 г.

² *sub specie aeternitatis* (лат.) — под знаком вечности.

³ *мене текел* — слова, начертанные царю Валтасару перед его смертью: «И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам. Тогда по повелению Валтасара облекли Даниила в багряницу и возложили золотую цепь на шею его, и провозгласили его третьим властелином в царстве. В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит, и Дарий Мидянин принял царство, будучи шестидесяти двух лет» (Дан. 5, 25-31).

⁴ *ex officio* (лат.) — по должности, по обязанности.

13

Опубликовано в фряйбургском журнале «Literarischer Handweiser: Kritische Monatschrift» в рубрике «Russlandsliteratur» («Русская литература») в № 9 в июне 1931 г.

Здесь приводится только выдержка, касающаяся «Мира перед пропастью».

14

Опубликовано без названия в готском ежеквартальнике «Die Eiche: Viertelzeitschrift» в рубрике «Bücherbesprechungen» («Рецензии») в № 2 в апреле-июне 1931 г.

15

Опубликовано под названием: «Ausgewählte Literatur über Russland» в кильском журнале «Weltwirtschaftliches Archiv» в № 33 в июне 1931 г.

Здесь приводится та часть, которая касается «Мира перед пропастью».

16

Опубликовано под названием: «Vom russischen Labyrinth» в берлинском еженедельнике «Deutscher Offizier-Bund: amtliche Bundeszeitschrift

des Deutschen Offizier-Bund mit Nachrichtenblatt für Regimentsvereinigungen» в № 20 от 15.07.31 г.

17

Опубликовано без названия в тюбингенском журнале «Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik» в рубрике «Literatur-Anzeiger» («Литературные ведомости») в № 66 в сентябре-декабре 1931 г.

18

Опубликовано без названия в берлинском еженедельнике «Der Vorstoss: Wochenschrift für die deutsche Zukunft» в рубрике «Neue Russlandbücher» («Новая русская книга») в № 41 от 11.10.31 г.

Здесь приводится только выдержка, касающаяся «Мира перед пропастью».

19

Опубликовано без названия в берлинском журнале «Technik und Wirtschaft» в рубрике «Länderberichte» («Сообщения о странах») в № 10 в октябре 1931 г.

20

Опубликовано без названия в венском ежеквартальнике «Zeitschrift für öffentliches Recht» в рубрике «Literatur: Rechtsphilosophie und Gesellschaftslehre» («Литература: Философия права и обществоведение») в № 11 в октябре-декабре 1931 г.

21

Опубликовано без названия в йенском еженедельнике «Allgemeines statistisches Archiv» в разделе «Literatur» («Литература») в № 21 в октябре-декабре 1931 г.

22

Опубликовано без названия в берлинском журнале «Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie» в разделе «Besprechungen» («Рецензии») в № 24 в октябре-ноябре 1931 г.

23

Опубликовано без названия и без автора (подписано звездочками) в берлинском журнале «Der Arbeitgeber» в рубрике «Bücherbesprechung» («Книжные рецензии») в № 23. от 01.12.31 г.

24

Опубликовано без подписи под названием «Welt vor dem Abgrund» в цюрихской газете «Neue Zürcher Zeitung» в № 2315 от 06.12.31 г.

Анонсированный на 9.12. доклад Ильина «Дух как проблема и потребность современности» был изложен в Neue Zürcher Zeitung. 10.12. 1931. Do. — № 2362. — Abendausgabe. — Blatt 9. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

⁵ document humain (фр.) — человеческий документ.

25

Опубликовано без названия в берлинском еженедельнике «Eckart-Ratgeber. Ein Führer durch das Schrifttum der Gegenwart» в разделе «Politik und Wirtschaft» («Политика и хозяйство») в № 1. в декабре 1931 г.

26

Опубликовано без названия в мюнстерском журнале «Der Gral» в рубрике «Politik, Geschichte, Kultur» («Политика, История, Культура») в № 4 в январе 1932 г.

27

Опубликовано под названием: «Das Neue Bücher über Sowjetrußland» в берлинской газете «Deutsche allgemeine Zeitung» в № 115 от 09.03.32 г.

Приводится только отрывок, касающийся «Мира перед пропастью».

28

Опубликовано без названия в лейпцигском журнале «Die Sonne» в рубрике «Bücherschau» («Обзор книг») в № 3 в марте 1932 г.

29

Опубликовано без названия в йенском еженедельнике «Soziale Praxis: Zentralblatt für Sozialpolitik und Wohlfahrtspflege» в рубрике «Allgemeine Sozialpolitik» («Общая социальная политика») в № 20 от 19.05.32 г.

30

Подписано инициалами «Н. Р.» Опубликовано в берлинском журнале «Osteuropa: Zeitschrift für die gesamten Fragen des europäischen Ostens» в рубрике «Kritik am Bolschewismus» («Критика большевизма») в № 8 в июне 1932 г.

Здесь публикуем только отрывок, касающийся «Мира перед пропастью».

31

Опубликовано без названия в штуттартском журнале «Schule und Evangelium» в рубрике «Neuererscheinungen zur Kulturpolitik» («Новые публикации по культурной политике») в № 3 в июне 1932 г. Перевод с немецкого Д. Б. Цыганкова.

32

Опубликовано без названия в лейпцигском журнале «Vergangenheit und Gegenwart: Zeitschrift für den Geschichtsunterricht und Staatsbürgerliche Erziehung» в рубрике «Volkswirtschaftslehre» («Политэкономия») в № 4 в апреле 1933 г.

⁶ Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин) (1878 — 1942) — прозаик, эссеист, публицист. В эмиграции с 1918 г.

33

Опубликовано под названием: «Weltbolschewismus und Weltjudentum» («Мировой большевизм и мировое еврейство») в лейпцигском журнале «Die Bücherei» в № 4 в апреле-мае 1937 г.

Лекционная деятельность И. А. Ильина

1

Проспект семинара «Ошибочная доктрина современного коммунизма, ее происхождение и преодоление»

Настоящий документ («Die Irrlehre des modernen Kommunismus, ihr Ursprung und ihre Überwindung») хранится в GStA PK, I HA, Rep. 76Vc «Preussischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung», Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134 «Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin», fol. 238–240. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной, текстологическая правка — Д. Б. Цыганковым.

Этот трехстраничный машинописный проспект был подготовлен Ильиным не позднее середины июля 1933 г. как предложение с целью наполнения деятельности РНИ новым содержанием в духе «Антикоммунистического просвещения». Проспект был переслан в Прусское министерство по науке, искусству и народному образованию А. фон Рейером. Тогда это предложение Ильина хода не получило. Интересно, что осенью 1934 г. А. Эрт возглавил т. н. «Антимарксистский семинар» в Немецкой высшей школе политики, подчиненной Министерству пропаганды. В основу семинара легла библиотека РНИ в 12 тысяч томов и, несомненно, идеи Ильина из публикуемого проспекта; ср. с письмом А. Эрта Г. Ляйбрандту от 09.11.1934 г. с приложением программы семинара: ВА, NS43 «Внешнеполитический департамент НСДАП», № 18, fol. 37–40. Можно предположить, что Ильину в марте 1934 г. предлагалась профессура (и руководство семинаром?) именно в этом вузе — в обмен на его согласие следовать нацистской пропаганде. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹ *Capitis diminutio maxima* (лат.) — полное (максимальное) ограничение правоспособности.

2

Мои выступления

(на немецком языке 1923–1931–1933–1935–1936–1939)

Настоящий документ представляет собой 8-страничную рукопись Ильина на немецком языке. Оригинал хранится в Архиве философа в Мичигане (Courtesy of Special Collections, Michigan State University Libraries, East Lansing, MI 48824–1048, Box 69, folder 1C).

⁸ На этом узком заседании и было принято решение об учреждении РНИ. Присутствовали: с русской стороны — В. Ясинский (директор РНИ в феврале 1923 — ноябре 1931 г.), С. Франк (директор РНИ в ноябре 1931 — марте 1933 г.), И. Ильин (де-факто директор РНИ в марте — августе 1933 г.), Н. Бердяев и А. Угрюмов; с немецкой — от DGSO: его президент Ф. Шмидт-Отт, его вице-президент О. Гётш, его генсек Х. Йонас; от Красного Креста: представитель Ф. Нансена в Гер-

мании М. Шлезингер. Источник: GStA PK, I HA, Rep. 76Vc «Preußischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung», Sekt. 2, Tit. XXIII, Lit. A, Nr. 134. «Russisches Wissenschaftliche Institut», fol. 3—4. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

⁹ Текст хранится в РА АА, R31759 «Akten betreffend Bolschewismus, Kommunismus, usw.» (Band 43, April-August 1933), fol. E501566—E501586, перевод опубликован в настоящем томе, с. 270—276. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹⁰ Для 10—13 декабря источник: «Liebet einander!», Lemgo, 1935. — 5. Jg. — Nr. 12 (Dezember). — S. 191—192. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹¹ «Мученичество церкви в Советской России» (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹² Доклад «Чему учат нас преследования христиан в России?» читался на 5-м годовом съезде «Русской братской помощи» в Санкт-Иоганн-Кирхе в 16.00. Источник: «Liebet einander!», Lemgo, 1936. — 6. Jg. — Nr. 4 (April). — S. 64. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹³ Христианство и большевизм в борьбе за мир: Выступление на 6-м ежегодном съезде общества «Русская братская помощь». (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹⁴ Доклад «Наступление на восточную христианскую церковь» был издан позднее как: *Der Angriff auf die Christliche Ostkirche*. Vortrag von Professor Dr. I. Ijlin, Berlin, früher Moskau. Mit einem Vorwort von Missions-Inspektor <F.> Schneider, Neukirchen, gehalten vor den Pfarrern der Kreisgemeinde Düsseldorf am 1. November 1937, hrsg. von der «Russischen Bruderhilfe» (Lemgo), Neukirchen, Kr. Mörs: Verlag Stursberg & Co, 1937. — 16 S. Русский перевод опубликован в Собр. соч.: М., 1998. — Т. 7. — С. 294—310. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹⁵ 9—12 января — одна тема: «Мученичество церкви в Советской России». Источник: «Liebet einander!», Lemgo, 1938. — 8. Jg. — Nr. 3 (März). — S. 47. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

¹⁶ Община Эппендорф. Источник для 6—8 февраля: «Liebet einander!», Lemgo, 1938. — 8. Jg. — Nr. 1 (Januar). — S. 14. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

3

Возникновение большевизма

Доклад профессора Ивана Ильина.

Впервые опубликовано в мюнхенской газете «Münchener Neueste Nachrichten» в № 342 от 11.12.26 г.

А. фон Е. — Александр фон Энгельнардт (1868 — 1954) — барон, балтийский немец, журналист и писатель, в 20-е гг. редактор по внешней политике и восточноевропейским вопросам в вышеупомянутой газете. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

4

Крах коммунизма

2-й доклад профессора Ивана Ильина.

Впервые опубликовано в мюнхенской газете «Münchener Neueste Nachrichten» в № 347 от 16.12.26 г.

Об этой и предыдущей лекциях существует переписка между Имперским комиссаром по надзору за общественным порядком при министерстве внутренних дел Германии (Берлин) и мюнхенским управлением полиции. Ниже мы приводим эту переписку. Ильин, в связи с его участием в подготовке и проведении парижского эмигрантского съезда в апреле 1926 г., попал тогда под наблюдение не только сотрудников имперского комиссариата, но и разведки французского Генштаба «Сюрте жeneralъ» (см. материалы фонда №7 из т. н. «трофейного архива», хранящегося в Российском Государственном военном архиве, Москва). В телеграмме из Мюнхена от 22.12.26 г. сообщается, что имперскому комиссару направляются две вырезки из газеты «Müchnner Neuste Nachrichten» с пересказом лекций Ильина. Обращаем внимание на расхождения оценок полиции и репортера А. фон Энгельнардта, изложившего в печати оба доклада И. А. Ильина. (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

Перевод с немецкого сделан по этим вырезкам О. В. Колтыпиной, текстологическая правка — Д. Б. Цыганкова.

1

30 ноября 1926 г., исх. № 1332/26

Управление полиции Мюнхена

Г-ну имперскому комиссару по надзору за общественным порядком

Касается: Ивана Александровича Ильина, профессора из Москвы.

Некто Иван Александрович *Ильин*, который в настоящее время должен находиться в Берлине, хочет прочесть здесь 9 и 13 декабря 1926 г. публичные антибольшевистские доклады. Прошу как можно скорее сообщить, что там известно об *Ильине* и его докладах.

п<о> п<оручению>
подпись (неразборчива)

Документ находится в ВА. Фонд 15.07. «Имперский комиссар по надзору за общественным порядком», дело № 511 «Пресса СССР. Эмигрантская пресса», fol. 5. Телеграмма на бланке управления мюнхенской полиции. Оригинал, машинописный текст.

2

Имперский комиссар по надзору
за общественным порядком
Исх. № 9634/26.IV.

Берлин, 6 декабря 1926 г.

В управление полиции Мюнхена

Касается: русского подданного Ивана Александровича *Ильина*.

На письмо от 30.11. э<того> г<ода>, VI № 1332.26.

Русский подданный профессор Иван Александрович *Ильин* в течение нескольких лет живет в Берлине и принадлежит к русскому движению монархистов. Вышеназванный присутствовал в апреле 1926 г. как делегат всей немецкой эмиграции на известном Парижском конгрессе эмигрантов. Там он присоединился к вновь образованной партийной группе «Российское центральное объединение», которая представляет левое крыло монархического движения, но все еще причисляется к сторонникам великого князя Николая Николаевича. В Берлине *Ильин* работал доцентом в русской религиозно-философской академии, связанной с американским Христианским союзом молодежи. В последнее время *Ильин* здесь публично не выступал.

Я был бы благодарен за сообщение о содержании и характере прочитанных там *Ильиным* антибольшевистских лекций.

подпись (неразборчива)

Документ находится там же, fol. 4. Письмо на бланке имперского комиссара. Копия, машинописный текст.

3

18 декабря 1926 г., исх. №
2434/26.Vld. Управление полиции Мюнхена
Г-ну имперскому комиссару по надзору
за общественным порядком

Кас.: Докладов проф. Ивана Александровича Ильина, профессора из Москвы.

на пись<мо> от 6 дек<абря> 1926 г., № 9634/26.IV.

Прочитанные 9 и 13 декабря в Мюнхене русским профессором Иваном Александровичем *Ильиным* публичные доклады под названием «Крах коммунизма в России» прошли без малейшей помехи и при слабом участии общественности. Выполняя Ваше желание, прилагаю два газетных отчета, которые дают ясное представление о содержании докладов.

п<о> п<оручению>

подпись (неразборчива)

Документ находится там же, fol. 3. Телеграмма на бланке управления мюнхенской полиции. Оригинал, машинописный текст.

17 Перевод В. А. Жуковского 1816 г.

5

Меморандум

Настоящий документ представляет собой четырехстраничный машинописный текст Ильина на немецком языке. Оригинал хранится в Архиве Ильина в Мичигане (Courtesy of Special Collections, Michigan State University Libraries, East Lansing, MI 48824-1048), Box 69, folder 1C.

На рукописи стоит следующая пометка Ильина: «Моя академическая биография дошвейцарской жизни содержится в моих записях».

¹⁸ Имеется ввиду немецкая лекция Ильина о книге В. Шубарта «Европа и душа Востока». Его русская лекция на эту тему «О национальном призвании России (Ответ на книгу Шубарта)» опубликована в Собр. соч.: М., 1998. — Т. 7. — С. 373—414.

6

Наши местонахождения и путешествия

Настоящий документ представляет собой 34-страничную карандашную рукопись Ильина на русском и немецком языках. Оригинал хранится в Архиве Ильина в Мичигане (Courtesy of Special Collections, Michigan State University Libraries, East Lansing, MI 48824-1048), Box 69, folder 1D.

Библиография

В настоящем разделе приложения даются две библиографии работ И. А. Ильина на немецком языке берлинского и швейцарского периодов его жизни. Первую составил Д. Б. Цыганков, автор второй — А. Е. Климов. Выражаем им благодарность за предоставленные материалы.

Библиография работ И. А. Ильина на немецком языке (1925—1938)

Используются следующие немецкие сокращения:

Jg. (Jahrgang) — год издания (для периодики).

o. J. (ohne Jahr) — год издания не указан.

o. O. (ohne Ort) — место издания не указано.

Mo, Di, Mi, Do, Fr, So, Sa — дни недели, соответственно — пн, вт, ср, чт, пт, сб, вс.

fol. (folie) — нумерованная страница в архивном деле.

BA (Bundesarchiv der Bundesrepublik Deutschland) — Федеральный архив ФРГ (Finckensteinallee 63, D-12205 Berlin).

PA AA (Politische Archiv des Auswärtigen Amtes) — Политический архив МИДа Германии (Werderscher Markt 1, D-10117 Berlin).

GStA PK (Geheime Staatsarchiv Preussischer Kulturbesetz) — Тайный Государственный архив фонда «Прусское культурное наследие» (Archivstrasse 12-14, D-14195 Berlin). (Примеч. Д. Б. Цыганкова.)

Библиография газетных статей И. А. Ильина на немецком языке в швейцарской прессе (1939—1946)

В мичиганском архиве И. А. Ильина (Box 49, folders 2—4; Box 50, folders 1—3) хранятся десять толстых тетрадей, обозначенных Ильиным Heft 1 — Heft 10, которые содержат более четырехсот вклеенных газетных статей на немецком, написанных Ильиным для швейцарского

пресс-агентства Schweizerische Mittelpresse в 1939—1947 гг. Согласно законам Швейцарии, иностранным гражданам запрещалась всякая политическая деятельность, и по этой причине фамилия Ильина ни в одной из статей не упомянута — каждая из них печаталась либо анонимно, либо под псевдонимом.

Чаще всего фигурируют псевдонимы «Peter Just», «К. Р.» и «R. К.», а анонимные статьи нередко предваряются редакторской фразой типа «От нашего специалиста по России» или «Нам пишет хорошо информированный сотрудник».

Агентство Mittelpresse рассылало статьи Ильина по целому ряду газет, в том числе по малотиражным провинциальным изданиям. Таким образом, один и тот же текст мог появляться в нескольких газетах. Это, однако, не отражено в приведенном ниже перечне — Ильин сохранял только по одному печатному экземпляру каждой из своих статей. Этим объясняется, почему не все статьи в серии (например, № 35—46) взяты из одной газеты. По той же причине двучастные статьи (например, № 275—276) могли появиться вместе в одном издании в тот же день, а в другой газете появлялись отдельно. Поэтому приводимый ниже список не является библиографическим сводом всех публикаций Ильина в швейцарской прессе. Здесь отражено другое: хронология откликов Ильина на события тех лет, первым делом на развитие военных действий. Оценка статей связана с большими текстологическими трудностями. По мнению первого составителя описи архива Романа Зиле, тексты Ильина сильно пострадали от редактирования их работниками Mittelpresse. На этот счет имеются косвенные подтверждения. В архиве (Box 50, folders 4—5) хранятся машинописные тексты того же типа, что и газетные статьи, относящиеся к 1945—1947 гг. Если предположить, что эти машинописи являются отпечатанными версиями оригинальных рукописей, то в тех случаях, когда газетные и машинописные версии частично совпадают, наблюдается тенденция в сторону сокращения и смягчения того, что стоит в машинописных текстах. Вопрос, однако, еще ждет исследователя. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

СОДЕРЖАНИЕ

МИР ПЕРЕД ПРОПАСТЬЮ

Часть III. КУЛЬТУРА

Н. Арсеньев. БОЛЬШЕВИЗМ И РЕЛИГИЯ.....	7
А. фон Бунге. БРАК И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.....	32
Л. Аксенов. БЕСПРИЗОРНЫЕ ДЕТИ.....	47
А. фон Бунге. МОЛОДЕЖЬ.....	65
Б. Никольский. ШКОЛА.....	79
Н. Тимашев. ВЫСШАЯ ШКОЛА.....	99
А. Мелких. СУДОПРОИЗВОДСТВО. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	115
Н. Кульман. ЛИТЕРАТУРА.....	131
И. Ильин. ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	152

ИЗ ПУБЛИЦИСТИКИ БЕРЛИНСКОГО

ПЕРИОДА (1928—1935).....	153
АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ (1932—1933).....	257
ВЕРА, РОДИНА, СЕМЬЯ.....	307
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	427
КОММЕНТАРИИ.....	561

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений

Мир перед пропастью

Часть III

**Аналитические записки и публицистика
(1928—1941)**

Редактор В. Н. Шмельков

Художественный редактор Е. В. Поляков

Технический редактор И. И. Павлова

Корректор Н. Д. Бучарова

Компьютерный набор и верстка О. В. Лисица

Лицензия на издательскую деятельность

ЛР № 010058 от 23. X. 1996 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 14.08.2001.

Формат 84×108¹/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Бумага типогр. Усл. печ. л. 31,08. Уч.-изд. л. 32,28.

Тираж 3000 экз. С – 21. Изд. инд. НА – 81. Заказ № 2740.

Издательство «Русская книга»

**Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.**

123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38

Отпечатано в Государственном

издательско-полиграфическом предприятии «Вятка».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122